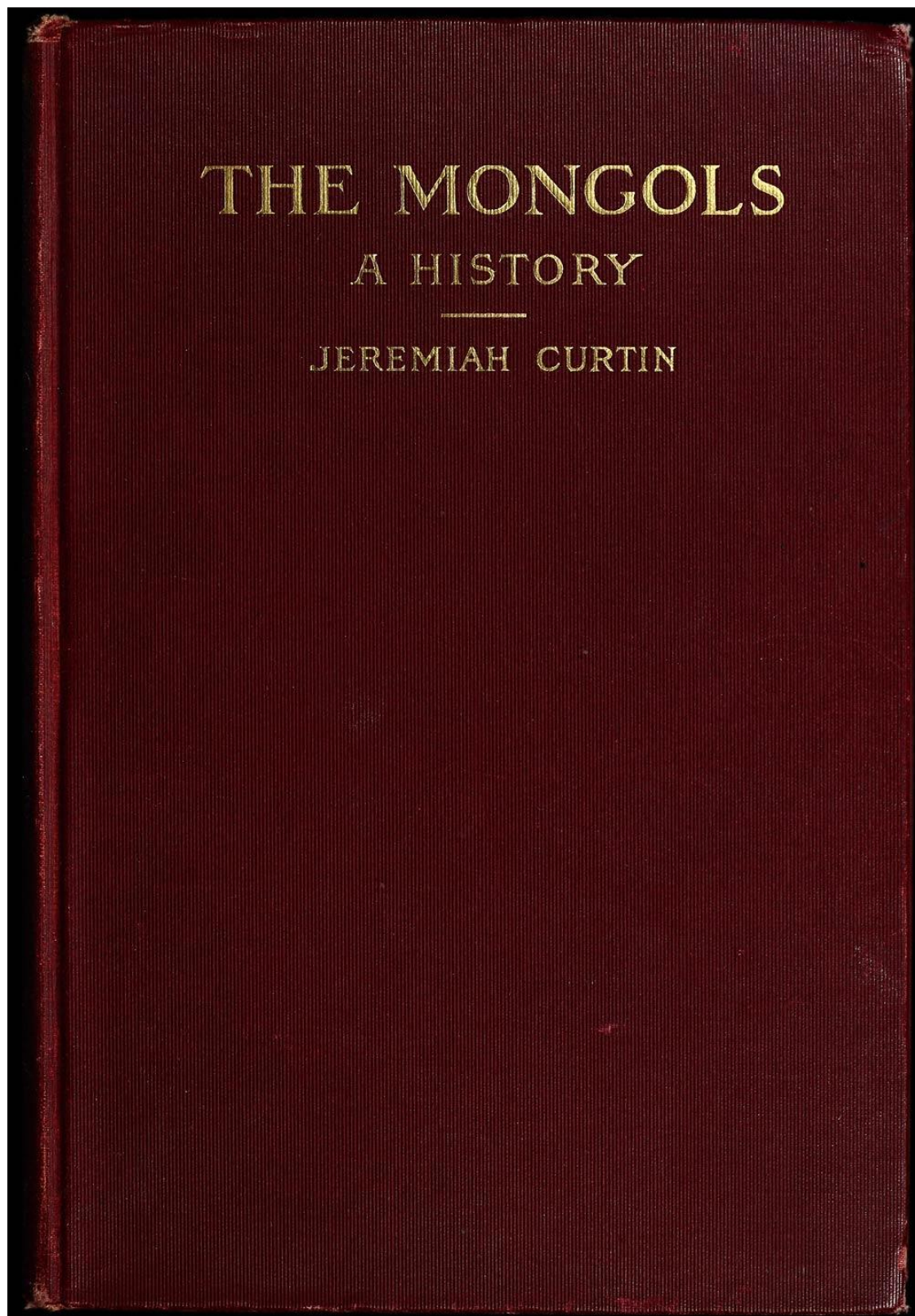

Монголы. История

Джереми Кертин

Электронная книга проекта Гутенберга о монголах

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Монголы. История

Автор: Джереми Кертин

Автор введения и др.: Теодор Рузвельт

Дата выхода: 20 ноября 2023 [Электронная книга №72183]

Язык: Английский

Оригинальная публикация: Бостон: Little Brown & Company, 1907

Кредиты: Йерун Хеллингман и команда онлайн-корректоров по адресу <https://www.pgdp.net> / для Project Gutenberg (Этот файл создан на основе изображений, щедро предоставленных интернет-архивом / Канадскими библиотеками)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "МОНГОЛЫ" ***

[\[Содержание\]](#)

[\[Содержание\]](#)

МОНГОЛЫ [4]

[\[Содержание\]](#)

[Содержание]

THE MONGOLS

A HISTORY

BY

JEREMIAH CURTIN

AUTHOR OF "MYTHS AND FOLK-LORE OF IRELAND," "HERO-TALES
OF IRELAND," "MYTH AND FOLK-TALES OF THE RUSSIANS,
WESTERN SLAVS, AND MAGYARS," "CREATION MYTHS
OF PRIMITIVE AMERICA," ETC.

With a Foreword by
THEODORE ROOSEVELT

BOSTON
LITTLE, BROWN, AND COMPANY

1908

МОНГОЛЫ

ИСТОРИЯ

ДЖЕРЕМИ КЕРТИН,
АВТОР КНИГ “МИФЫ И ФОЛЬКЛОР ИРЛАНДИИ”, “СКАЗКИ О ГЕРОЯХ ИРЛАНДИИ”, “МИФЫ И
НАРОДНЫЕ СКАЗКИ РУССКИХ, ЗАПАДНЫХ СЛАВЯН И МАДЬЯР”, “МИФЫ О СОТВОРЕНИИ МИРА
ПЕРВОБЫТНОЙ АМЕРИКИ” И ДР.

С предисловием ТЕОДОРА РУЗВЕЛЬТА

БОСТОН
ЛИТТЛ, БРАУН И КОМПАНИЯ
1908

[6]

[Содержание]

Авторское право, 1907,
А. М. Куртин.

Все права защищены

Опубликовано в декабре 1907 г.

Типографии
S. J. Parkhill & Co., Бостон, США[v]

[Содержание]

Теодор Рузвельт, президент Соединенных Штатов Америки, я посвящаю вам настоящий том, озаглавленный “Монголы, история”. Я делаю это потому, что 5 сентября 1901 года в городе Берлингтон, где вы выступали перед ветеранами штата Вермонт, я попросил разрешения сделать посвящение, и вы его дали. В то время вы были вице-президентом.

Я обратился с этой просьбой, потому что испытываю огромное уважение и восхищение вами как человеком, как лидером людей и ученым; и из-за того, как я впервые узнал вас.

В 1891 году вы, как председатель Комиссии по государственной службе, были в Вашингтоне. Я только что вернулся в этот город после двухлетней работы среди индейцев Тихоокеанского побережья. Из них два племени в Калифорнии попросили меня заступиться за них перед президентом, которым в те дни был Бенджамин Харрисон. Эти индейцы были среди по-настоящему несчастных и страждущих. Одно из них было почти истреблено в результате резни, учиненной белыми людьми. Другое превратилось в жалкий остаток в результате различных процессов убийства людей. Тем не менее, они были достойны серьезного внимания. Их мифы обладают красотой и ценностью, которые должны сохранять их до тех пор, пока не погибнет литература. Этими двумя племенами были винту и яна, чей рассказ о мире и его происхождении я опубликовал позже в “Мифах первобытной Америки о сотворении мира”.

По прибытии в Вашингтон я отправился к Фредерику Т. Гринхалджу, моему однокласснику, который тогда представлял часть Массачусетса в Конгрессе, а впоследствии стал одним из известных губернаторов этого Содружества. Гринхалдж пытался убедить одного-двух сильных людей из Сената или Палаты представителей помочь нам воздействовать на президента, но, хотя были даны обещания, никто не пришел с поддержкой, и мы отправились в Белый дом одни. Суть дела была четко изложена на двух страницах, которые я держал готовыми к передаче. Когда я изложил причину[vi]моего приезда, Президент ответил: “Я не вижу способа помочь вам. Что я могу сделать в этом вопросе? “Вы можете дать, - ответил я, - исполнительный импульс. Отправьте это заявление министру внутренних дел и прикажите ему действовать в соответствии с ним”. “Этого будет достаточно”, - добавил Гринхалдж. “Я сделаю это”, - сказал президент, немного подумав. Он взял мой листок, набросал предложенные мной указания и отправил их Секретарю.

Мы ушли очень довольные и на несколько мгновений остановились наверху лестницы. Кабинет президента находился на втором этаже. Внезапно в большой комнате под нами я увидел молодого человека, настороженного и совершенно уверенного в себе. Он смотрел на потолок и стены комнаты и был полностью занят. В квартире больше никого не было. Я попросил Гринхалджа осмотреть его. “Этот человек, ” сказал я, - выглядит в точности так, как если бы он осмотрел это здание и, найдя его подходящим, решил поселиться в нем”. “Он является живым воплощением этой цели”, - ответил Гринхалдж. “Но разве вы его не знаете? Это Теодор Рузвельт, председатель Комиссии по государственной службе, я должен вас познакомить. Но сначала послушай пророчество: тот человек, который хочет этот дом, получит его. Он будет жить здесь как президент”.

У подножия лестницы Гринхалдж встретил вас и познакомил с нами. Мы поговорили несколько минут, а затем вас позвали к Президенту. Мы с вами не встречались несколько лет после того дня в Белом доме. Вы трудились над проблемами правительства и службы, всегда смотрели вперед, обращая внимание на вещи, над которыми вы размышляете и трудитесь в данный момент. Некоторые проблемы были решены, другие все еще требуют решения.

Моя работа привела меня в разные уголки земли и вокруг нее. Но дома или за границей я наблюдал за вашей деятельностью с вниманием и глубоким интересом. Вскоре после этого пророчества я впервые прочитал это заявление, касающееся вас: “Нам нужен именно такой человек, чтобы стать президентом”. Эти слова, небрежно произнесенные в тот момент, были подобны тихому тихому голосу, их мощь заключалась в их качестве.

Когда несколько лет службы, уникальной во многих отношениях, привели вас на Военно-морской флот, вы выполнили свою задачу на этом месте и сразу же пошли дальше. К этому времени ваше имя и должность президента ассоциировались в сознании многих людей. Затем последовала опытная и победоносная война на Кубе. А потом вы[vii]были губернатором Олбани. Еще находясь на этом посту, вы были назначены вице-президентом и избраны. Позже вы стали президентом. Но только будучи избранным народом, вы могли действовать так, как вам казалось наилучшим, а не так, как предписывали прошлые времена.

Я наблюдал и изучал вашу карьеру с более глубоким интересом, чем у любого человека, когда-либо занимавшего пост президента Соединенных Штатов. В нашей истории не было случая

такого соответствия между суждениями народа и поступками человека. “Ты был верен в нескольких вещах, я сделаю тебя правителем над многими”.

Джереми Кертин.

Сент-Гиацинт, штат Пенсильвания, 6 сентября 1906 г.. [ix]

[Содержание]

ПРЕДИСЛОВИЕ

Смерть Иеремии Кертин лишила Америку одного из двух или трех ее выдающихся ученых. Мистер Кертин, по происхождению уроженец Висконсина, одно время состоял на дипломатической службе правительства; но его главной работой была литература. Необычайная легкость, с которой он изучал любой язык, его дар стиля на своем родном языке, его трудолюбие, его неугомонная активность и желание увидеть незнакомые страны и народы, стоящие в стороне, а также его огромный дар воображения, который позволял ему оценить эпический размах жизненно важных исторических событий, - все это в совокупности придавало его работе особую ценность. Его выдающихся переводов польских романов Сенкевича, особенно тех, которые посвящены средневековой Польше и ее борьбе с татарами, шведами и немцами, самих по себе было бы достаточно, чтобы создать первоклассную репутацию любому человеку. Кроме того, он проделал замечательную работу в связи с индийскими, кельтскими и другими народными сказаниями. Но ничто из того, что он делал, не было более важным, чем его исследования подъема могущественной Монгольской империи и ее упадка. В этой конкретной области ни один другой американский или английский ученый никогда не обращался к нему.

Действительно, удивительно видеть, насколько невежественны даже [x] лучшие ученые Америки и Англии относительно огромного значения в мировой истории сокрушительных монгольских нашествий. Известный английский литератор не так давно написал очаровательное эссе о Тринадцатом веке — эссе, демонстрирующее его обширную эрудицию, его понимание исторических событий и то количество времени, которое он посвятил изучению века. Однако эссеист не только никогда не упоминал, но, очевидно, и не знал о самом грандиозном факте столетия — возвышении Чингисхана и распространении монгольской державы от Желтого моря до Адриатики и Персидского залива. Подобное невежество отчасти объясняется естественной склонностью людей, чья культура является западноевропейской, думать об истории только как о европейской истории, а о европейской истории - только как об истории латинской и тевтонской Европы. Но это не совсем оправдывает незнание такого события, как монголо-татарское нашествие, которое затронуло половину Европы гораздо глубже, чем Крестовые походы. Именно это невежество, конечно, подчеркнутое среди тех, кто не является ученым, объясняет возможность таких комично абсурдных замечаний, как то, которое нередко делалось во время русско-японской войны, о том, что впервые после Саламина Азия завоевала Европу. На самом деле недавнее военное превосходство белой, или европейской, расы - это вопрос всего каких-то трех столетий. В течение четырех предыдущих столетий, то есть с начала тринадцатого по семнадцатый, монгольские и турецкие армии обычно одерживали верх в любом сражении с европейскими врагами, появляясь в Европе всегда как захватчики и часто как завоеватели; в то время как ни один правитель Европы того времени не имел в своем активе таких [XI] великих ратных подвигов, таких широких завоеваний, как Чингисхан, Тимур Хромой, Баязет, Селим и Амурат, Бабер и Акбар.

Возвышение монгольской державы при Чингисхане было неожиданным, и оно застало мир врасплох так же, как и возвышение арабской державы шестью веками ранее. В начале XIII века Чингисхан был всего лишь одним из множества других неизвестных монгольских вождей, и ни он, ни его племя не имели никакой репутации за пределами бесплодных равнин Центральной Азии, где они и их собратья-варвары жили верхом на лошадях среди своих стад. Ни в цивилизованной, ни в получивилизованной Европе, ни в цивилизованной, ни в получивилизованной Азии его знали и боялись не больше, например, чем современный цивилизованный мир не знает и не боится сенусси или любого малоизвестного черного махди в регионе к югу от Сахары. На данный момент Европа перестала опасаться агрессии со стороны Азии или Африки. В Испании власть мавров только что была сведена к ничтожеству. Дух крестоносцев, это правда, был полностью дискредитирован нечестивым Четвертым крестовым походом, когда франки и венецианцы взяли Константинополь и разрушили старый оплот Европы против неверных. Но в крестовом походе, в котором он сам погиб, император Барбаросса полностью сокрушил власть турок-сельджуков в Малой Азии, и хотя Иерусалим был потерян, его собирався вернуть этот странный и блестящий человек, император Фридрих II, “чудо света”. Славяне России были организованы в своего рода свободную конфедерацию и медленно продвигались на восток, создавая поселения, подобные Москве, среди различных финских[xii] народов. Венгрия и Польша были великими воинственными королевствами, хотя должно было пройти пару столетий, прежде чем Польша обретет полную мощь. Халифы все еще правили в Багдаде. В Индии мусульмане воевали с раджпутами, а Китайская империя, вероятно, превосходила по цивилизации и военной мощи любую нацию Европы.

В этот мир ворвался Монгол. Все свои ранние годы Чингисхан потратил на то, чтобы сначала установить контроль над своим собственным племенем, а затем установить абсолютное превосходство этого племени над всеми его соседями. В первом десятилетии тринадцатого века эта работа была завершена. Его превосходство над дикими пастухами на лошадях было абсолютным и неоспоримым. Каждый грозный соперник, каждый человек, который не склонялся с беспрекословным повиновением его воле, был безжалостно убит, и он вырастил ряд способных людей, которые были готовы стать его преданными рабами и выполнять любой его приказ с безоговорочным повиновением и устрашающей доблестью. Из монгольских конных лучников и конных фехтовальщиков он быстро создал самые грозные войска, какие только существовали в то время. На восток, запад и юг он послал свои армии, и при нем и его непосредственных преемниках область завоеваний расширялась не по дням, а по часам; в то время как прошло два поколения, прежде чем в Азии или Европе нашлись войска, которые на любом пораженном поле могли выстоять против ужасных монгольских всадников, их союзников-подданных и дальних родственников, тюрко-татар, служивших с ними и под их командованием. Немногие завоевания когда-либо были столь отвратительными и в целом столь пагубными для человечества. Монголы были дикарями, столь же жестокими, сколь храбрыми и выносливыми. Среди них, как и в большинстве частей Азии того времени, были несториане[xiii] христиане, но подавляющее большинство из них были шаманистами; то есть их вероучение и этическая культура были примерно на одном уровне с вероучениями команчей и апачей девятнадцатого века. Они отличались от команчей и апачей способностью к военной организации, которая придавала им такую ужасающую эффективность; но в остальном они были ненамного более развиты, и цивилизованные народы, попавшие под их власть, постигла участь столь же ужасная, какая постигла бы цивилизованный народ в наши дни, если бы он был внезапно завоеван огромной ордой апачей. Безжалостная жестокость монголов была

распространена в большем масштабе, чем когда-либо прежде или после. Мусульмане боялись их так же сильно, как и христиане. Они казнили халифа и разграбили Багдад точно так же, как разграбили города России и Венгрии. Они уничтожали турецкие племена, которые осмеливались сопротивляться им, с безжалостной основательностью, которую они проявляли при подавлении любого сопротивления в Европе. Они были невообразимо грозны в бою, неутомимы в кампании и на марше, совершенно равнодушны к усталости и лишениям, необычайно искусно владели луком и мечом. Европейцам, съезжившимся в ужасе перед ними, приземистые, узкоглазые, мускулистые всадники, “с лицами, похожими на собачьи морды”, казались такими же отвратительными и устрашающими, как демоны, и такими же неотразимыми для обычных смертных. Они завоевали Китай и посадили на трон монгольскую династию. Индию также покорили их потомки, и там также была воздвигнута великая монгольская империя. Персия таким же образом попала в их руки. Их армии, каждый солдат на коне, преодолевали невероятные расстояния и сокрушали все, что им противостояло. Они одним ударом повергли[xiv]русских и превратили землю в кровавое месиво под ногами своих лошадей. Они разгромили мадьяр в одном сражении и прочертили широкую красную борозду прямо по Венгрии, вынудив венгерского короля в паническом бегстве покинуть свои владения. Они захватили Польшу и уничтожили объединенное рыцарство Северной Германии в Силезии. Западная Европа не смогла бы организовать адекватную оборону; но, к счастью, к этому времени монгольская атака исчерпала себя просто потому, что расстояние от центральной точки стало таким большим. Не христианская или европейская военная держава первой силой установила границы монгольским завоеваниям; но турецкие мамлюки Египта на Западе, а на Востоке, примерно двумя десятками лет позже, армии Японии.

Через пару поколений монголы в целом стали буддистами на Востоке и мусульманами на Западе; а на Западе истинные монголы постепенно исчезли, затерявшись среди тюркских племен, которых они покорили и привели к победе. Именно эти турецкие племена, известные как татары, более двух столетий держали Россию в рабстве, таком ужасном, таком кровавом, таком униженном, что оставили глубокие неизгладимые следы в национальном характере. Русские окончательно сбросили это убогое иго только через тридцать лет после завоевания Константинополя турками-османами, когда могущество татар шло на убыль по мере того, как могущество османов приближалось к своему зениту. Польша теперь поднималась высоко. Ее огромная территория простиралась от Балтийского до Черного моря. Она была гораздо важнее Московии. В “Маршруте” этого много путешествовавшего елизаветинца Файнса Моррисона мы узнаем, что турки боялись польских армий больше, чем германских, [xv]или любой другой нации; это было после того, как венгры были завоеваны.

Бедствия монгольских завоеваний были невообразимо ужасны, так что даже там, где земля была затоплена всего на мгновение, память о них надолго сохранялась. Прошло совсем немного времени с тех пор, как в некоторых церквях Восточной Европы литания все еще содержала молитву “От ярости монголов, Господи, избавь нас”. Монгольские армии развили в себе определенную муравьиную или пчелиную силу совместных действий, которая позволяла им побеждать без особого оглядки на личность лидера; один французский писатель удачно противопоставил великие “анонимные победы” монголов с чисто личными триумфами того мрачного турецкого завоевателя, которого мы лучше всего знаем как Тимура Татарины, или Тамерлана. Гражданская администрация, которую монголы установили в завоеванной стране, была заимствована у Китая, и там, где они обосновались как завоеватели, поведение китайской бюрократии сводило с ума покоренные народы почти так же сильно, как дикая и беззаконная

жестокость самих монгольских солдат. Постепенно их империя, после распада, прошла мимо, не оставив почти никакого прямого влияния ни в одной стране; но в то время это было настолько поразительное явление, таящее в себе такие обширные и ужасные возможности, что полное знание истории монгольского народа действительно необходимо всем, кто хочет понять развитие Азии и Восточной Европы. Ни один другой английский писатель не подходил так хорошо для рассказа этой истории, как Иеремия Кертин.

Теодор Рузвельт.

Сагамор-Хилл, 1 сентября 1907 года. [xvii]

[\[Содержание\]](#)

Содержание

Страница

ГЛАВА I

Географическое распространение слова "монгольский".—Начало карьеры монгола.—Мифический рассказ о происхождении Темуджина.—Кайду, предок великих исторических монголов.—Происхождение племен урудай и манхудай.—Семья Кайду.—Происхождение тайджутов.—Бартан, дед Темуджина.—Есугай, отец Темуджина.—Визит Кабула в Китай.—Захват и побег Кабула.—Шамана убили из-за смерти пациента.—Смерть Амбагая.—Смерть Окин Барки.—Поход Кутулы на Китай.—Кайдан, Туда и Есугай держат совет.—Нападение дурбанцев.—Бартан, отец Есугая, умирает.—Триумф Есугая 1

ГЛАВА II

Соперничество между потомками Кабула и Амбагая.—Похищение Оэлун Есугаем.—Рождение и наречение Темуджина.—Есугай находит жену для Темуджина.—Смерть Есугая, 1175.—Пренебрежение Оэлун.—Таргутай уводит людей Есугая.—Темуджин начинает свою карьеру с убийства своего сводного брата.—Захват Темуджина тайджутами.—Побег Темуджина из плена.—Помощь, оказанная Сорган Широю.—Брак Темуджина с Бортаем.—Дружба Темуджина и Бурчу.—Союз Тогрула и Темуджина.—Челмай, сын Чарчиутая.—Захват Бортая меркитами.—Преследование Темуджина.—Происхождение поклонения горе Бурхам.—Помощь Тогрула в восстановлении Бортая.—Предки Джамуки.—Темуджин стал ханом.—Назначение офицеров.—Первая победа Темуджина в битве.—Жестокое наказание пленников Темуджином.—Джуриаты присоединяются к войскам Темуджина.—Женитьба сестры Темуджина на Поду.—Женитьба матери Темуджина на Мунлике.—Барыны выходят из союза.—Усилия Темуджина завоевать дружбу Джамухи 16

ГЛАВА III

Нападение Темуджина и Тогрула на татар озера Буюр.—Тогрулу присваивается титул Ван-хана.—Нападение Темуджина на чурков.—Происхождение чурков.—Смерть Бури Буги.—Приемные сыновья Оэлун, матери Темуджина.—Темуджин и Ван-хан нападают на меркитов, 1197 год.—Дезертирство Ван-хана.—Люди Ван-хана разгромлены найманами.—Спасение Ван-хана Темуджином.—[xviii] Второе поражение найманов.—Темуджин и Ван-хан становятся друг для друга как отец и сын.—Ван-хан и Темуджин выступают против тайджутов, 1200 год.—К

тайджутам присоединились несколько соседних племен.— Подношение, совершаемое тайджутами и их союзниками при принесении присяги.— Поражение тайджутов и меркитов от Темуджина.— Джамука становится ханом.— Попытка Джамуки заставить Темуджина врасплох и убить его, 1201.— Шаманы вызывают ветер и дождь, чтобы поразить Темуджина.— Поражение Джамуки.— Наказание брата Темуджина, Белгутая, за разоблачение планов.— Темуджин выступает в поход против татар.— Женитьба Темуджина на Айсуган.— Поражение Тукта Биджхи, вождя меркитов.— Темуджин просит отдать внуку Ван-хана за Джучи.— Попытки Джамуки возбудить ревность Сенгуна, сына Ван-хана.— Сенгун пытается разорвать союз между своим отцом и Темуджином.— Раскрытие заговора с целью убийства Темуджина.— Нападение Ван-хана и Сенгуна на Темуджина.— Победа Темуджина.— Смерть Хуилдара.— Послание Темуджина Ван-хану.— Послание Темуджина Сенгуну.— Послание Темуджина Джамуке.— Нападение Темуджина на Ван-хана.— Поражение Ван-хана и Сенгуна.— Темуджин награждает своих воинов.— Темуджин берет в жены дочь Джаганбо, брата Ван-хана.— Смерть Ван-хана и Сенгуна, 1203 г. 37

ГЛАВА IV

Нападение Байбуги, его тестя, на Темуджина.— Совет, проведенный Темуджином, 1204 г.— Битва с найманами, осень 1204 г.— Пленение Курбасу, жены Байбуги.— Сдача Темуджину племен, союзных Джамуке.— Подчинение меркитов.— Женитьба Темуджина на дочери Дайр Усуна.— Восстание и преследование меркитов.— Смерть Тохтоа.— Поражение и пленение Джамуки.— Смерть Джамуки.— Темуджин становится великим ханом, принимает титул Джингис.— Темуджин награждает своих офицеров.— Темуджин отдает свою жену Черчадаю.— Темуджин не доверяет своему брату Кассару.— Кассара защищает его мать Оэлун.— Смерть Оэлун.— Темуджин встревожен властью Тайбтенгери, шамана.— Убийство Тайбтенгери.— Кампания Чингисхана (Тэмуджина) против тангутов.— Положение чингисхана укрепилось в Северо-Восточной Азии.— Кара Китай, географически.— Уйгуры.— Триумфы Цзинхэ встревожили Китай.— Миссия посланников Цзинхэ к уйгурам.— Возмущение уйгуров.— Монголы вторгаются в Тангут, 1207.— Тангутский царь выдает свою дочь замуж за Чингиса.— Возвращение Чингиса.— Арслан—хан карлуков отдает дань уважения Чингису.— Женитьба Арслана на Алтун Биджхи, дочери Чингиса 62

ГЛАВА V

Китай, с 618 по 907 год н.э.— Падение династии Тан.— Китаны. Парин провозглашает себя императором, 916.— Дом Сун объединяет почти весь Китай, 960.— Дань, выплаченная императором Сун китанам, 1004.— Победа Агуты над китанами в 1114 году.— Основание Агутой нового государства Кин кве.— Смерть Агуты.— Вторжение императора Кин в Северный Китай, 1125.— Император Кин осаждает Кай фонг Фу, 1126.— Император Сун схвачен и отправлен в Маньчжурию.— Послание Чингисхана суверену Китая.— Чингисхан намеревается покорить Китайскую империю, 1211.— Сыновья Чингиса.— Армейское снаряжение.— Продвижение на 1200 миль к Великой Китайской стене.— Дружба онгутов.— Восстание китанцев.— Чон ту инвестировал.— Цзинхис посылает Субудая против меркитов.— Цзинхис [xix] возобновляет деятельность в Китае, 1213.— Нападение тангутов на Китай, 1213.— Монголы нападают на земли, граничащие с Хоанг Хо, 1214.— Защита Чонг ту.— Монголы нападают на короля Нань.— Поражение меркитов.— Подчинение Кореи Цзинхису, 1218.— Смерть Борула, 1217.— Происхождение Мукули, одного из величайших полководцев Цзинхису.— Четвертое нападение Цзинхису на тангутов, 1218.— Происхождение Кара Китаи.— Победа Елиу над Кашгаром.—

Вторжение Елиу в Кварезм.—Предательство Гутчука.—Казнь ГутчукаЧепе.—Нападение шаха Мохаммеда на Кара-Китай.—Хромой, Сотрясающий мир (Тамерлан).—Нападение монголов на Кара-китанов.Смерть гурхана Кара—Китая, 1136 г. 79

ГЛАВА VI

Присоединение Кара-Китая к монгольским владениям.—Конец правления сельджуков.—Кутб уд дин Мухаммед сделал Кваресмиана шахом.—Мухаммед захватывает Балк и Герат.—Вторжение Мухаммеда в земли гурханов, 1208 г. —Поражение и пленение шаха Мухаммеда.—Мухаммед и Османсовершают нападение на гурхан.—Успех Кваресмийского шаха.—Мухаммед выдает свою дочь замуж за Османа, правителя Самарканда.—Кваресмийцы, убитые Османом.—Штурм Самарканда Мухаммедом.—Смерть Османа.—Захват части королевства Гур.—Убийство Али Шира по приказу Мухаммеда, его брата, 1213 год.—Завоевание Газни Мухаммедом, 1216 год.—Обнаружение писем калифа, предостерегающих гурсов против Мухаммеда.—Усилия Нассира Калифа остановить рост Кваресмии.—Ограниченная власть калифа.—Посланник, отправленный Мухаммедом к калифу.—Али уль Мулук признан калифом.—Убийство Огулмуша по приказу калифа.—Аннексия Ирака Мухаммедом.—Мухаммед наступает на Багдад.—Отступление Мухаммеда.—Мухаммед встревожен передвижениями монголов.—Мухаммед принимает посланников Чингисхана, 1216-17.—Сунниты и шииты.—Решимость калифа попросить Джингиса защитить суннитов.—Приглашение Джингису, выгравированное на голове посланника.—Послание Джингиса шаху Мухаммеду.—Арест монгольских купцов.—Второе послание Чингисхана Мухаммеду.—Убийство Баджры, посланника чингисхана.—Туркан Хатун, мать шаха Мухаммеда. —Неприятности, вызванные Туркан Хатун.—Монгольская буря.—Заговор Бедр уд дина.—Расположение монгольской армии.—Взятие Отрара, ноябрь 1218 г. -Взятие Отрара, апрель 1219 г. —Резня турецкого гарнизона в Бенаките.—Побег Мелик Тимура.—Взятие Бухары, июнь 1219 г. — Сдача Бухары.—Кормление монгольских лошадей в Большой мечети.—Штурм крепости.—Поход Чингиса на Самарканд.—Сдача Самарканда.—Преследование кваресмийского правителя 93

ГЛАВА VII

Нерешительность шаха Мухаммеда.—Побег Мухаммеда в Нишапур.—Покорение Балха.—Провозглашение шаха Нишапуром.—Преследование Мухаммеда.—Уход Мухаммеда из Нишапура.—Разграбление Нишапура.—Бегство Мухаммеда на остров в Каспийском море.—Смерть шаха Мухаммеда, 10 января 1221 г. —Побег Туркан Хатун в горы.—Преемственность Джелал уд дина.—Сдача Илака и Туркан Хатун.—Осада и захват столицы Кваресмии.—Нападение Джингиса на район Талекан.—Осада Газни.—Поход Тулуя на Хорасан, 1220 год.—Нападение на Нессу.—Нападение и захват Мерва.—Месть [xx]Вдовы Тогачара.—Поход монголов на Герат.Туркмены близ Мерва спасаются бегством и образуют ядро Османской империи.—Джелал уд-дин в Газни, 1221 год.—Смерть внука Джингиса.—Месть Джингиса.—Отступление Джелала из Газни.—Преследование Джингиса Джелала.—Битва на реке Инд между Джелалом и Джингисом.—Прыжок Джелала в реку Инд.Осада Герата, 1222 г.—Монгольская армия во второй раз идет на Герат 113

ГЛАВА VIII

Чингис проводит зиму близ Инда, 1222-23 гг. — Решение Чингиса вернуться в Монголию, 1223 г. -Мифы, касающиеся этого решения.—Приказ Чингиса убивать бесполезных пленников.—

Поход Чепе нойона на Тифлис.—Приказ Чингиса Чепе нойону истребить половцев.—Марш Чепе на Тифлис.—Союз Чепе с половцами.—Предательство половцев, их бегство в Россию.—Мстислав помогает половцам в борьбе с монголами.—Поражение русских на Калке, 1224.—Террор Южной России.—Чингис в своем доме на Керулоне, 1225.—Завоевание Мукули земель, принадлежащих династии Кин, 1216.—Смерть Мукули, 1223.—Чингис вступает в Тангут, 1226.—Осада Линг чау.—Покорение Линг чау.—Смерть Чингисхана, 1227.—Погребение Чингисхана.—Распоряжение Чингисхана своей империей.—Курултай выборов, состоявшийся на Керулоне, 1229.—Вступление Уготая. Его планы экспедиций.—Подношения тени Чингиса.—Первая работа Уготая 131

ГЛАВА IX

Состояние персидского Ирака на момент смерти чингисхана.—Бегство Джелал уд дина в Дели.—Женитьба Джелала на дочери Илетмиша.—Попытка Джелала вступить во владение своим наследством.—Основание династии Кара Китан в Кермане.—Женитьба Джелала на дочери Борака.—Наступление Джелала на Фарс.—Женитьба Джелала на дочери атабега Ширази.—Попытка Джелала одолеть своего брата Гиата.—Джелал выступает против Насира, халифа ислама.—Захват Дакуки Джелалом в 1225 году.—Владение Тебризом Джелалом.—Экспедиция против Грузии, 1225 год.—Второй поход Джелала на Тифлис, 1226 год.—Завоевание Грузии.—Джелал атакует Карс.—Поражение монгольской дивизии Джелалом.—Атака монголы на Джелале в Испахане, 1227 г. — Убийство Мухаммеда, фаворита Джелала.—Гиат уд—дин задушен Бораком.—Джелал требует дань от Ширван—шаха.—Нападение Джелала на объединенные армии Грузии и Армении.—Вторая осада Хелата Джелалом.—Смерть Насира Калифа, 1225.—Наследование Захира в качестве калифа, а затем Мостансира.—Джелалу присвоен титул шах—ин—шаха.—Захват Хелата Джелалом, 1230.—Поражение Джелала при Харперте.—Поход Джелала на Хелат.—Марш Джелала в Джелал в Гандже.—Нападение и разгром Джелала монголами.—Смерть Джелала, 1231 г.—Конец Кваресмийской династии 145

ГЛАВА X

Разорение монголами Амида и Маяфаркина.—Опустошение Азербайджана.—Захват монголами Эрбиля.—Монголы в Аравийском Ираке, 1238.—Захват монголами Ганджи, 1235.—Захват монголами Тифлиса, 1239.—Продвижение монголов к Тигру.—Визит принца Авака и его сестры Тамары в Уготай, 1240.—Монголы в Сирии, 1244.—[xxi]Захват регионов к северу от озера Ван.—Шехерзур разграблен монголами.—Монголы изгнаны из Якубы войсками Багдада.—Отказ королевы Русудан покинуть Усанет.—Смерть Русудан.—Установление Куюка, 1246.—Смерть Кей Косру, 1245.—Борьба Рокн уд дина за правление в Руме.—Смерть Алай уд дина.—Мангу, Великий хан монголов, 1251.—Визит Рокн уд дина в Сарай.—Вступление Байджу в Рум.—Великие разрушения, произведенные монголами в Малой Азии.—Назначение Джучи Чин Тимура губернатором Кваресм.—Опустошение кваресмийских банд в Хорасане.—Нападение Чин Тимура на канкали.—Визит иранского принца в Уготай.—Полномочия переданы от Чин Тимура СариБахадуру.—Восстановление в должности Чин Тимура.—Выбор Чин Тимуром Кургуза в качестве канцлера.—Смерть Чин Тимура, 1235 г.—Визит Кургуза в Уготай.—Кургуз назначен собирать налоги.—Резиденция Кургуза в Тусе.—Приказ Уготая поднять Хорасан и повторно заселить Герат.—Борьба между шерифом и Кургузом.—Смерть Кургуза.—Преемственность шерифа.—Угнетение шерифом народа Тебриза.—Смерть Шерифа, 1244.—Визит Аргуна на Курултай, который избрал Куюка, 1251.—Избрание Мангу, 1251.—Прием Аргуна в Мерве.—

Правление Шемс уд дина в Герате.—Смерть Рокн уд дина.—Смерть Шемс уд дина, 1244.—Смерть Кутба уд дина, 1258.—Положение Персии в 1254 году 172

ГЛАВА XI

Исмаилиты, известные в Европе как Ассасины.—Смерть Мухаммеда, 632.—Омар сделал Калифа, 634.—Убийство Али, 661.—Избрание Муавии в Дамаске.—Завоевание Египта Муавией.—Езид, сын Муавии, назван наследником.—Смерть Муавии. Преемственность езидов, 680.—Смерть Муслима.—Лагерь Хусейна на равнине Кербела.—Смерть Хусейна, октябрь 680 г.—Бабек, 816.—Захват Бабека Мотассимом, 835.—Казнь Бабека.—Происхождение Абдаллы.—Распространение своеобразных верований Абдаллы.—Амед, сын Абдаллы.—Возвышение Кармата.—Сражения на Востоке и Западе.—Обейдаллах, первый Фатимед Калиф, 909.—Завоевание Египта и Южной Сирии потомками Обейдаллаха, 967.—Присоединение Алеппо к империи Фатимед, 991.—Основание Восточных исмаилитов, или ассасинов, Хасаном Бен Сабахом.—Омар Хайям и Низам уль Мульк.—Смерть Алп Арслана.—Захват крепости Аламут Хасаном Сабахом, 1090.—Соперничество Хасана и Низам уль Мульк.—Смерть Низам—уль-Мульк и Мелик-шах, 1092 г. - Своеобразная вера Хасана Сабаха.—Ассасины в Сирии.—Дружба Рисвана, принца Алеппо, с Орденом.—Убийство принца Мосула, 1113 год.—Смерть Рисвана.—Ахрас пытается уничтожить ассасинов.—Месть ассасинов.—Сдача крепости Шериф, 1120.—Смерть Хасана Сабаха, 1124.—Киа Бусургомид становится преемником Хасана Сабаха.—Захват Баниаса ассасинами.—Гуго Де Пейн, великий магистр тамплиеров в Иерусалиме, 1129 год.—Смерть Тогтегина.—Наследование его сыну Таджулмулуку.—Попытки убить Таджулмулука.—Казнь убийц 197

ГЛАВА XII

Убийство Аксонкора Бурши, принца Мосула, 1126 г. -Убийство Буси, принца Дамаска.—Убийство визиря Синджара ассасинами, 1127 г.—Месть ассасинов.—Смерть фатимидского калифа от кинжалов ассасинов, 1134.—Смерть КиаБусургомиды, 1138.—Назначение Мухаммеда преемником своего отца.—Убийство Мостершеда.—Смерть [xxii]Рашида, его преемника.—Доктрина ассасинов, переданная Синджару.—Преемственность Мухаммеда, 1138.—Нур эд дин в Сирии.—Нападение на Дамаск, 1154.—Дружба Нур эд дина с Аббасидами.—Триумф Нур эд дин в Хараме.—Прибытие Шауэра в Дамаск.—Просьба Шавера о помощи против крестоносцев.—Заговор Шавера с целью уничтожения Ширкуха.—Смерть Ширкуха, 1169.—Происхождение Саладина.—Саладин, первый визирь калифа.—Раскрытие секретов ассасинов Хасаном II.—Попытки Хасанаустановить свое происхождение от египетских калифов.—Смерть Хасана.—Смерть Нур эд дина, 1174.—Египтом управляет Саладин от имени Салиха.—Разгром войск Алеппо Саладином в 1175 году.—Конец Фатимидского халифата.—На Саладина напали ассасины.—Нападение Саладина на Массиат.—Компромисс Синана.—Смерть Мухаммеда II.—Преемственность Джелал уд дина Хассана, сына Мухаммеда, 1213 год.—Возвращение Джелала к истинной вере.—Смерть Джелал уд дина, 1225.—Наследование его сына Алай эд дина.—Смерть Алай эд дина.—Наследование Рокн уд дина.—Нападение Хулагу на ассасинов.—Капитуляция Рокн уд дина.—Визит Рокн уд дина ко двору Мангу, 1257 г.—Смерть Рокн уд дина 222

ГЛАВА XIII

Послание Хулагу Калифу Багдадскому, 1257 г.—Калиф упрекает Хулагу.—Посланцы Хулагу оскорблены народом.—Второе послание калифа Хулагу с предостережением от войны с Аббасидами.—Попытка государственной измены Аке, коменданта Даританга.—Захват Хулагу дороги Даританг.—Предсказание астролога.—Захват Луристана монголами.—Продвижение Фетх уд дина навстречу монгольской дивизии.—Открытие монголами каналов от Тигра.—Триумф Хулагу.—Подчинение Багдадского калифа.—Багдад разграблен монголами.—Смерть Калифа Багдадского, 1258 г.—Назначение Бен Амрана префектом.—Восшествие Альб Аргуна на трон Луристана.—Вызов Хулагу к Бедр уддину, принцу Мосула.—Подарки, преподнесенные Хулагу принцем Мосула.—Смерть Салиха, 1249 г.—Смерть Туран-шаха, преемника Салиха.—Восшествие Эйбега на трон Египта.—Попытка Нассира свергнуть Эйбега с трона.—Послание Хулагу Нассиру.—Продвижение армии Хулагу в Сирию.—Обвинение Хулагу против Камиля, эюбитского принца.—Повестка, отправленная Хулагу принцу Мардина.—Послание Нассира Могиту.—Преемственность Мансура, сына Эйбега.—Кутуз становится султаном.—Осада Эль-Бирета.—Лагерь монголов близ Алеппо.—Штурм и взятие Алеппо, 25 января 1260 г.—Дамаск остался беззащитным из-за Нассира 247

ГЛАВА XIV

Известие о смерти Мангу, 1259 г.—Желание Кутуза выступить в поход против монголов.—Заключение в тюрьму посланника Хулагу.—Встреча двух армий на равнине Айн-Джалут, 1260 год.—Поражение монголов Кутузом.—Прибытие Кутуза в Дамаск.—Преследование монголов Бейбарсом.—Смерть Кутуза, 1260.—Восшествие на престол Бейбарса.—Юность Бейбарса.—Ишмут, сын Хулагу, требует сдачи Майафаркина.—Смерть Камиля.—Нападение Ишмута на Мардин.—Наделение Халифом Бейбарса суверенитетом.—Отъезд султана и калифа из Каира, 1262 г.—Вступление Мостансира в Хитт.—Нападение Санджара на монголов, которые [xxiii]двигались на Мосул.—Смерть Санджара.—Осада Мосула.—Резня жителей Мосула.—Смерть принца Мосула.—Смерть Салиха.—Визит Салиха, мелика Мосула, к Бейбарсу в Египет.—Возведение на престол Бейбарса.—Критика Беркаем Хулагу.—Поражение Хулагу от ногаев.—Возвращение Хулагу в Тебриз.—Письмо Бейбарса Беркаю.—Задержание послов Михаилом Палеологом.—Желание Беркаи заключить союз против Хулагу.—Нападение Хайтона, царя Киликии, на территорию Египта.—Смерть Сейф уд дина Битикджи, 1263 г.—Беспорядки в Фарсе.—Прием сельджук-шаха Хулагу в Оксусе.—Смерть Абу Бекра, 1260 г.—Восшествие Мухаммеда-шаха на престол Фарса, 1262 г.—Смерть Сельджук-шаха.—Унс Хатун взошла на трон Фарса в 1264 году.—Шериф уд дин утверждает, что он Махди, обещанный шиитами.—Поход монголов против Шерифа уд дина.—Осада Эль-Бирета, 1264.—Смерть Хулагу, 1265.—Смерть жены Хулагу Докуз Хатун.—Второй поход Беркая на Кавказ, 1264.—Смерть Беркая, 1266.—Армия Ногая отступает в Ширван 267

ГЛАВА XV

Император Кин посылает подношения духу Цзинхисхана, 1229.—Монголы продолжают войну в Китае.—Осада Ли хо чина монголами, 1227.—Нападение монголов на короля Яна, 1229.—Поражение монголов при Ира буке, 1230.—Наступление Уготая и Тулуя на Китай.—Уготай стремится захватить Хонан.—Капитуляция Фон Цианга.—Прибытие Ира бука, генерала клана в Тен Чу, 1234 год.—Отчет Тулуя Уготая о ситуации в Хонане.—Осада Ю чина Тулуем.—Пленение и смерть Ыра буки.—Уготай посещает Тулуй.—Уготай просит императора Кин подчиниться.—Наступление монголов на Шан чиу.—Падение Хонана.—Осада короля Нань.—Появление

чумы.—Бегство императора из его столицы.—Атака столицы Субудаем.—Защита короля Пиан.—Капитуляция короля Пиана.—Казнь Баксана.—Появление монголов возле Цай чиу.—Нападение Татчара, сына Борула, на Цай чиу.—Нин киа су уступает трон Цзин Лину.—Смерть Нин киа су.—Смерть Цзин Линя.—Смерть Тулуя, октябрь 1232 г.—Конец владычества Династий в Китае, 1234 295 г.

ГЛАВА XVI

Курултай, созванный Оготаем в Талантепе, 1234 г.—Курултай, созванный Оготаем в Кара Куруме, 1235 г.—Бату выступает на Запад.—Армия направлена в Кашмир и Индию.—Экспедиция против Китая.—Убийство Цуй ли.—Отзыв Субудая.—Повторная оккупация Цзинту китайцами, 1239 г.—Разграбление Цзинту монголами.—Вступление в Ху Куанг из Кутчу, 1236 год.—Смерть Кутчу.—Нападение Чагана, монгольского генерала, на Лю Чиу, 1238 год.—Уход Чагана.—Три победы Мэн Конга над монголами, 1239 г.—Предложения мира от Ван цзе, монгольского посланника.—Смерть Уготая, 1241 г.—Влияние Абд ур Рахмана на вдову Уготая.—Задержка прибытия Бату на Курултай.—Избрание Куюка императором.—Смерть Туракины, вдовы Уготая.—Смерть Фатимы, фаворитки Туракины. Бату узнает о смерти Куюка, 1248.—Созванный Бату Курултай.—Мангу, сын Тулуя, провозглашен императором, 1251.—Отказ сыновей Уготая признать законность Курултая, назначившего Мангу.—Раскрытие заговора с целью убийства Мангу.—Смерть Сюркуктени, матери Мангу, 1252 г.—Желание Мангу [xxiv]убить сторонников сыновей Уготая.—Изгнание Мангу всех уйгуров, благоприятных для потомков Уготая.—Мангу отдает Хонан Хубилаю в 1252 году.—Тали - столица Нань чао под властью монголов.—Возвращение Хубилая в Монголию.—Поездка Урянга Кадая ко двору Мангу, чтобы отчитаться о работе, проделанной на Юге, за пределами Китая.—Возвращение Урианга Кадая, 1254 г.—Вызов Урианга Кадая к Чен цигуну, суверену Тун кинга (Ган нань), чтобы он признал себя данником Мангу.—Сдача Киао чи, столицы Ганьнана, Урянгу Кадаю.—Чэнь цигун уходит в отставку в пользу своего сына, 1253.—Популярность Хубилая в Китае.—Ревность к Мангу.—Отзыв Хубилая, 1257 г.—Поход Мангу на империю Сун.—Поход Мангу на Ку чу яй, крепость к западу от Пао Нина. Завоевание Мангу Западного Су-чуаня.—Смерть Мангу, 1259.—Хубилай в Джу в Хонане, 1259.—Попытка Арика Буги, мастера в Кара Куруме, узурпировать власть.—Мирный договор Киа се тао и Хубилая.—Лагерь Хубилая за стенами Пекина.—Избрание и возведение на престол Хубилая.—Битва между Хубилаем и Ариком Бугой.—Поражение Арика Буги 310

ГЛАВА XVII

Поход Арика Буги на Кара Курум.—Нападение Арика Буги на Хубилая к северо-востоку от Шанг ту.—Поражение Арика Буги.—Неудачи Арика Буги.—Обращение Арика Буги к милосердию своего брата, 1264 г.—Смерть Арика Буги, 1266 г.—Притязания Кайду, внука Уготая, на главенство монголов.—Решение Хубилая завоевать весь Китай.—Восстание Литана, одного из генералов Хубилая.—Смерть Литана.—Хубилай выступает против Южного Китая, 1267.—Приказ Хубилая Ат-Чу осадить Сян-ян, 1268.—Нападение монголов на Фанцзин, 1273.—Сообщение императора об осаде Сян-яна монголами.—Контроль Фан цзина монголами.—Капитуляция Сян яна Лю Вэнь Хваном.—Смерть императора Ту Цонга в августе 1274 г.—Сдача многих городов Баяну. Капитуляция Су Чуаня, 1278 г.—Баян советует Хубилаю продолжать операции в Китае.—Прибытие императора и императрицы ко двору Хубилая.—Поход Баяна против Лин нгана.—Избрание И вана правителем Империи.—Приказ, полученный Баяном от императора, приказывающий сунским подданным подчиниться монголам.—Дезертирство китайцев следует

за успехами монголов.—Попытка Алихайи подкупить Ма ки, чтобы тот сдал Кве линь фу, столицу Кианг се.—Поражение и пленение Ма ки.—Смерть Тоан цонга, 1278.—Куан Ван становится императором под именем Ти Пин.—Уничтожение армии сунского императора.—Блокирование китайских судов монгольскими баржами.—Захват более 800 китайских судов.—Смерть Чан Ши Ки.—Хубилай становится хозяином Китая, 31 января 1279 г. 336

ГЛАВА XVIII

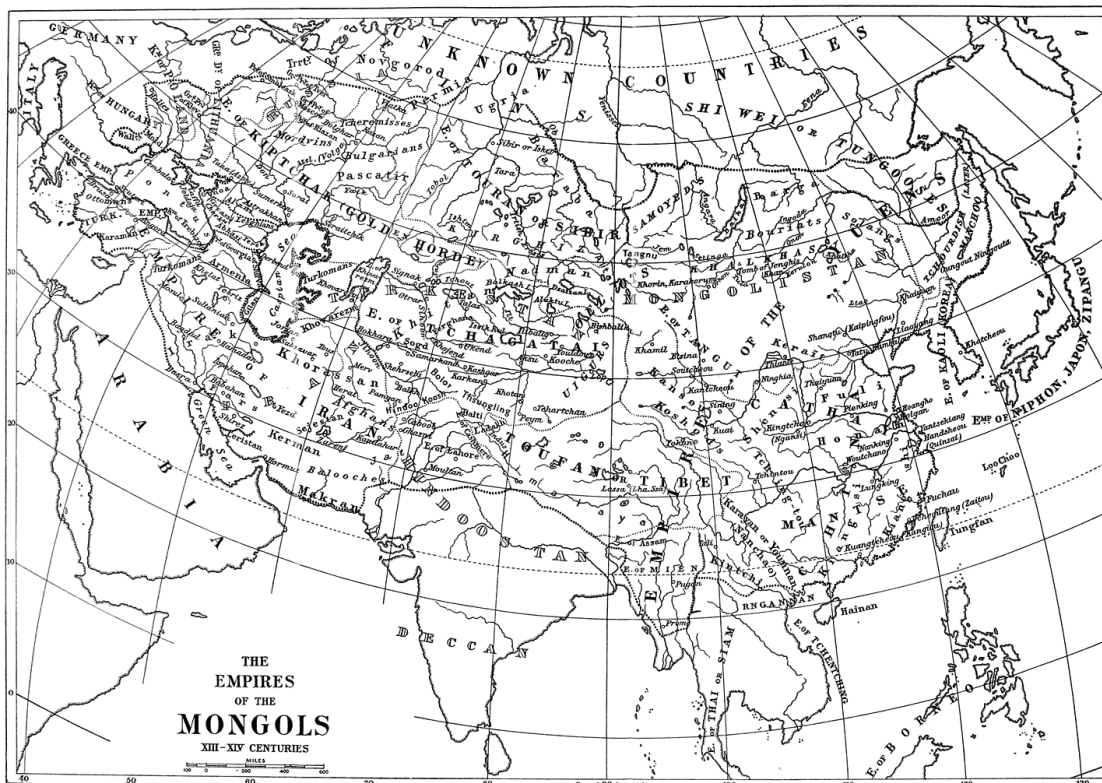
Борьба Хубилая с Кайду, продолжавшаяся со смерти Арика Буги до смерти Хубилая.—Конец династии Сун.—Отправление войск в Корею.—Монгольский флот сталкивается со штормом.—Возвращение флота.—Нападение и поражение короля Бирмы.—Смерть Суту, выдающегося монгольского генерала.—Хубилай планирует вторую японскую экспедицию.—Победа войск Хубилая над тунским королем мэном в семнадцати сражениях.—Визит Ян тин пи на острова к югу от Китая, 1285.—Прибытие кораблей десяти королевств в Цинаньцзю.—Желание Тока Тимура посадить на трон Ширеки, сына Мангу,[xxv]1277.—Ток Тимур атакован Баяном.—Бегство Тока Тимура.—Ток Тимур просит помощи у Ширеки; не получив ее, он устанавливает Сарбан.—Формирование Кайданом новой лиги против Хубилая с Наяном в качестве лидера.—Захват и смерть Наяна.—Подарок Кара Курума Баяну в качестве штаб-квартиры.—Отъезд Хубилая из Шанг ту на Запад.—Отзыв Баяна.—Хубилай посылает тысячу кораблей атаковать Яву.—Попытка Ван Чу освободить Китайскую империю.—Смерть Ахмеда, министра финансов Хубилая.—Казнь Ван чу.—Казнь Шанги.—Смерть Хубилая, февраль 1294 г.—Избрание Тимура.—Смерть Баяна в возрасте пятидесяти девяти лет.—Договор Тимура с королем Тунгов.—Распространение восстания.—Смерть Кайду, 1301 год.—Дочь Кайду.—Дань уважения оказана Чабару как преемнику Кайду.—Тимур признан повелителем.—Война между Чабаром и Дуа, 1306 год.—Смерть Дуа.—Гебек, сын Дуа, провозглашен преемником.—Нападение Чабара на Гебека.—Поражение при Чабаре 361

ГЛАВА XIX

Восшествие на престол Ананды, внука Хубилая.—Смещение Ананды.—Наследование Хайшана под именем Кулук.—Смерть Хайшана, 1311.—Батра провозглашен под именем Баянту.—Причина и начало крушения монгольской власти в Китае.—Назначение Шуди Бала преемником Баянту.—Смерть Баянту в 1320 г.—Убийство Шуди Бала. Первая смерть в результате покушения в императорской семье.—Преемственность Иссун Тимура.—Назначение Асукебы наследницей.—Смерть Иссун Тимура.—Вдова Иссун Тимура провозглашает Асукебу.—Попытка Тоб Тимура обеспечить трон своему брату Кушале.—Разгром партизан Асукебы.—Изгнание императрицы.—Внезапная смерть Кушалы во время пира, 1329 год.—Тоб Тимур становится императором.—Смерть Тоб Тимура.—Смерть младшего сына Кушалы.—Восшествие на престол Тоган Тимура, старшего сына Кушалы.—Восстание в Хонане, Су чуане и Кванг Тунге.—Вынос таблички Тоб Тимура из зала императорских предков, 1340 г.—Завершение летописи династий Ляо, Кин и Сун.—Восстание в Южном Китае, 1341 г.—Фанг Кве Чин, пират, грабит побережье Че кианга.—Заявление Хань Чан Туна о явлении Будды для освобождения Китая от монгольского ига.—Смерть Хань Чан Туна.—Уход монголов из региона Ян цзе.—Захват Хань Яна и У Чанга в Ху кван Сиу чиу Хвэем.—Возвращение Ханг чиу монгольским генералом Тун Пу.—Появление Чан се Цзина в Кианг нане.—Сиу чиу хвэй провозглашает себя императором.—Поражение монгольского генерала Ни вэнь Цзуном.—Появление Чу юань Чанга, человека, которому суждено уничтожить монгольское правление, и основавшего династию Мин.—Захват короля

Нань, Ян чиу и Чин кянга Чу.—Поражение сторонников Мин вана, псевдо-императора Сун, монгольским генералом Чаганом Тимуром.—Контроль над Ху Квангом и Кианг си Сиу чиу Хвзем.—Чин провозглашает себя императором.—Планы Чаган Тимура по захвату короля Нань.—Айючелитала назван наследником Тогана Тимура.—Приглашение Али Хвея Тоган Тимур уступить то, что осталось от монгольской власти.—Поражение Тукиена Тимура.—Убийство Чагана Тимура Ван се Цзином.—Появление Мин ю Чина в качестве императора.—Поход Чу, грядущего императора Китая, против Чин ю Ляна.—Поражение Чин ю Ляна.—Сдача городов Чу.—Попытка Поло Тимура захватить Цин ки.—Поражение Поло Тимура от Ку ку Тимура.—Наследник монгольского престола выступает против великого[xxvi]хана, своего отца.—Поло Тимур назначен главнокомандующим Тоганом Тимуром.—Новости о пленении Шан ту.—Смерть Мин ю чина, 1366 г.—Исчезновение Хань линь улха.—Усилия Чу по освобождению Китая.—Сдача всех городов генералам Чу.—Ужас Тоган Тимура, вызванный завоеваниями Чу.—Чу провозглашен императором, его династии присвоено имя Мин.—Вступление Чу в Та ту, 1368 год.—Смерть Тоган Тимура.—Захват внука Тоган Тимура войсками династии Мин.—Продвижение Су ту, генерала династии Мин, к Керулону.—Смерть монгольского наследника. Наследование его сына Тукус Тимура, 1378.—Поражение Тукус Тимура от войск Чу.—Убийство Тукус Тимура.—Гражданская война, развязанная Исударом.—Приглашение императора Китая Буин Шара объявить себя вассалом.—Вторжение китайской армии в Монголию.—Продвижение Юнг Ло к Керулону.—Поражение монголов.—Смерть Буин Шара, 1412 год.—Маньчжурская династия.—Конец монгольского могущества 384[xxviii]

[\[Содержание\]](#)

ИМПЕРИИ МОНГОЛОВ

XIII–XIV ВЕКА

МОНГОЛЫ

ГЛАВА I

КЛАССИФИКАЦИЯ, МИФ И РЕАЛЬНОСТЬ

С неясного и неопределенного начала значение слова "монгол" продолжало возрастать и географически распространяться на протяжении более десяти столетий, пока оно не заполнило своим присутствием всю землю. С тех пор, как люди впервые употребили его, и до наших дней это слово было известно, в частности, в трех смыслах. В первом смысле оно относится к некоторым небольшим группам охотников и скотоводов, живущих к северу от великой пустыни Гоби; во втором - к определенным народам Азии и Восточной Европы; в третьем, самом последнем, ему было присвоено всемирное распространение. В этом третьем и широком смысле слово "монгол" было использовано для включения в одну категорию всех желтокожих наций или народностей, включая также тех, у кого красновато-коричневый или темный оттенок желтого, у кого также прямые волосы, всегда черные, и темные глаза различной степени интенсивности. В этом смысле слово "монгол" обозначает огромное количество людей, огромные группы людей, которые похожи друг на друга в одних чертах и сильно отличаются в других. Она охватывает китайцев, корейцев, японцев, маньчжуров, исконных монголов с их ближайшими родственниками татарскими или тюркскими племенами, населяющими Центральную Азию или большую ее часть. Двигаясь на запад от Китая, этот термин охватывает тибетцев, а вместе с ними и все неарийские нации и племена, пока мы не достигнем Индии и Персии.

В Индии, самой яркой историей которой в современную эпоху является монгольская, почти все население, за исключением арийцев и семитов, причисляется к монголам. В Персии, где династия монгольская, эта раса местами преобладает и важна во всем королевстве, [2]хотя и в меньшинстве. В Малой Азии хозяином является монгол, ибо турок по-прежнему является сувереном и будет им до тех пор, пока не будет произведена великая перестройка.

Пять групп монголов прославили себя в Европе: гунны со своим могущественным вождем Атилой, булгары, мадьяры, турки или османлы и монгольские захватчики России. Все эти пятеро позже займут подобающее им место в этой истории.

В Африке были и до сих пор есть монгольский народ. Мамлюки и их силы в Каире были в свое время замечательными, и турецкое владычество существует до настоящего времени, по крайней мере теоретически, в Египте и к западу от него.

Не ограничиваясь Восточным полушарием, слово "монгол" до сих пор используется для обозначения коренных жителей Америки.

Таким образом, это огромное скопление людей встречается в каждой части обоих полушарий, и мы не можем рассматривать монголов исторически в широком смысле, если не рассмотрим все человечество.

Во-первых, это первоначальный и самый узкий смысл слова, который применим только к тем монголам, которые на протяжении двенадцати веков или дольше населяли страну к югу от озера Байкал и к северу от великой пустыни Гоби. Именно от этих собственно монголов название, наконец, распространилось на всю желтую расу в обоих полушариях.

Говорят, что слово "монгол" произошло от китайского, но это не точно. Несомненно, однако, что китайцы сделали его известным большому миру за пределами страны и таким образом открыли путь к тому огромному применению, которое сейчас ему придано. Династия Тан просуществовала с 618 по 907 год и оставила свою собственную историю. В этой истории термин "монгол" фигурирует как "Монг-ку", а в летописях династии Китаев, последовавшей за династией Тан, "Монг-ку-ли" - это форма, которая дана нам. Китанам наследовали Золотые ханы, или императоры рода, и в летописях их рода Монг-ку упоминаются очень часто.

Монголы начали свою карьеру несколько южнее озера Байкал, где шесть рек берут начало в очень примечательной горной местности. Реки Онон, Ингода и Керулон являются основными западными истоками этого огромного потока Амур, который впадает в Охотское море и, таким образом, впадает в Тихий океан. Вторые три реки: Тула, Орхон и Селинга впадают в озеро Байкал, а оттуда, через [3]Нижнюю Ангару и Енисей, впадают в арктические воды прямо перед Новой Землей.

Эти две водные системы начинаются в горах Кентей-Хан, главной высотой которых является гора Бурхан. Шесть рек, текущих к Амуру и озеру Байкал, орошают весь известный нам участок страны, где монголы начали свою деятельность. Там они передвигались со своим крупным и мелким скотом, сражались, грабили и охотились, ели, пили и убивали друг друга в течение веков без счета. В этом регионе лесов и лугов, гор и долин, больших и малых рек воздух целебен, хотя зимой пронизывающе холоден, а летом чрезвычайно жарок. В этой стране было достаточно средств к существованию для примитивной жизни, но людям приходилось жестоко за это бороться. Многочисленным стадам нужны огромные пространства для прокорма, и эти пространства вызвали бесконечную борьбу и кровопролитие. Отары также были объектами борьбы, и не только отары, но и женщины. Желанная женщина была похищена; хорошее стадо крупного рогатого скота было угнано, а затем за него велась борьба; покрытые травой горы или долины, или лес с травой или хорошими ветками, или кустарник для пощипывания были захвачены и затем удерживались мужчинами, которые были в состоянии это удержать.

Это угон скота, захват пастбищ и лесов, эти сражения, эти убийства, этот захват женщин продолжались веками без видимых результатов, за исключением тех, которые были личными, локальными и преходящими, пока в этой суровой горной стране не появился великий монгол Темуджин. Этот человек суммировал в себе и до предела усилил идеи, силу, темперамент и дух своей расы в том виде, в каком они проявлялись в действиях и жизни вплоть до его дней. Он вывел монголов на мировую арену с умением и силой, которые были просто колоссальными и всепобеждающими. Результаты, которых он добился, были немедленными и ужасающими. До сих пор ни один мужчина, рожденный женщиной, не добивался в истории столь своеобразного, столь тщательного и совершенного успеха, столь полностью признанного человечеством, как успех, достигнутый Темуджином. В его карьере есть непреодолимая последовательность,

завершение, единство характера, которые выделяют ее среди всех карьер тех могущественных личностей в истории, которые работали ради этой жизни и ни для чего другого, и не стремились ни к какой цели, кроме осязаемой, материальной и настоящей; успех такого рода и успех настолько огромный, что обычный разум мог бы стремиться к нему, но иметь не [4]больше шансов на победу, чем достичь звезд или увидеть солнце в ночные часы.

Карьера этого монгола уникальна в мире, недостижима, поскольку его цель была однозначной и непосредственной, а его успех в ее достижении был настолько велик, что кажется, можно сказать, сверхчеловеческим.

Рассказ, который нам дают о происхождении Темуджина, является мифической историей, за исключением нескольких поколений, непосредственно предшествовавших ему. Генеалогия в форме мифической сказки не является исключением ни для одного народа, и неудивительно. Это правило и неизбежность, единственный метод, используемый каждым первобытным народом для объяснения своего собственного происхождения. Все древние люди, по их собственным свидетельствам, произошли от богов, которые являются либо божественными мифическими животными, либо элементами, либо силами, либо явлениями, которые позже стали прародителями народов или их тотемами.

Первыми мифическими родителями или основателями семьи Темуджина были голубой волк и серая лань. Эти двое переплыли озеро, достигли реки Онон недалеко от ее истоков и навсегда поселились у подножия горы Бурхан, где у них родился сын по имени Батачи. Девятыми по происхождению от Батачи были Дува Сохор и Добен. У первого был только один глаз, который располагался посередине лба, но этим глазом он видел дальше трех горных хребтов. Однажды эти два брата взобрались на гору Бурхан и смотрели на мир с ее вершины, когда Дува Сохор увидел множество людей, спускающихся по реке Тунгели. “Вот жена для моего брата, если только она не замужем”, - подумал Дува. “Пойди и посмотри на нее”, - сказал он тогда Добену. Добен сразу же отправился к новым людям и узнал, что женщина была одинока и что ее звали Алан Гоа. Переезжающие были иждивенцами некоего Хорилартай.

Незадолго до этого у Баргудая, владевшего Баргуджином на озере Байкал, родилась дочь, которую он отдал Хорилартаю из Хорнтумадуна. От этого брака произошел Алан Гоа, родившийся в Алих-Усуне. Они покинули свое старое место с тех пор, как там прекратилась охота на горностая и белок. Хорилартай удалился на гору Бурхан, где было много дичи. Он присоединился к Шинчи Бояну, хозяину горы Бурхан, и основал клан Хорилар. Так Добен нашел Алана Гоа, который родил ему двух сыновей, Бугундая и Байлгун Этай.

У Дувы одноглазого было четверо сыновей. Два брата и их[5]шестеро сыновей жили в одной компании до смерти Дувы; после этого четверо сыновей Дувы бросили своего дядю и основали клан, известный как Дорбиан.

Однажды, когда Добен охотился, он нашел в лесу человека, который жарил оленину, и сразу же попросил у него мяса. Мужчина оставил себе один бок и легкие, а остальное отдал Добену, который привязал то, что добыл, к своему седлу и отправился домой. Он встретил по дороге бедняка и маленького мальчика. “Кто ты?” - спросил Добен. “Я из малиш Бояндай, - сказал бедняк, - я нуждаюсь, дай мне оленины, прошу тебя, я отдам тебе за это своего сына”. Добен дал мужчине оленью ногу, забрал мальчика домой и сделал его своим слугой.

Прошло несколько лет, мальчик вырос, и Добен умер. Мальчик, ставший мужчиной, служил вдове. Будучи вдовой, Алан Гоа родила троих сыновей; старшим был Буга Хатаги, вторым Тусальчи, третьим Бодуанчар. Двое сыновей, рожденных от Добена, сказали однажды друг другу: “У нашей матери нет мужа, ни один брат нашего отца никогда не был в этой юрте, и все же у нее трое сыновей. В доме только один мужчина, он всегда жил с нами; разве он не их отец?”

Алан Гоа узнала, что двум старшим братьям было любопытно узнать о трех других, поэтому однажды она позвала своих пятерых сыновей и, усадив их вместе, дала каждому по стреле и велела сломать их. Каждый сломал свою стрелу. Затем она крепко связала пять стрел вместе и приказала сломать их — ни один из братьев не мог сломать пять стрел, связанных в пучок.

“Ты сомневаешься, ” сказала она тогда своему старшему и второму сыну, “ кто отец моих третьего, четвертого и пятого сыновей. Вы удивляетесь, и не без оснований, ибо не знаете, что к этой юрте направляется мужчина с золотистым лицом. Он входит через дверь, через которую проникает свет, он входит через дымовое отверстие, как солнечный свет. Яркость, исходящая от него, наполняет меня, когда я смотрю на него. Уходя в лучах солнца или луны, он бежит, как быстрая желтая собака, пока не исчезнет из виду. Перестаньте празднично болтать. Три твоих младших брата - дети Неба, и никто не может сравнивать их с простыми людьми. Когда они станут ханами, ты поймешь это”.

Тогда Алан Гоа дала наставления своим сыновьям и сказала им: “Вы все мои дети, вы все мои сыновья. Если вы будете стоять отдельно, как те пять сломанных стрел, вас будет очень легко сломать, но если вы^[6]будете сохранять единый разум и единый дух, ни один человек на земле не сможет ранить вас, вы будете подобны тем пяти стрелам в связке ”.

Алан Гоа умерла вскоре после этого разговора со своими детьми. Четверо братьев забрали то, что принадлежало всем пятерым, считая младшего слабаком и простачком, они не дали ему никакой собственности вообще. Он, видя, что они не будут относиться к нему справедливо, сказал про себя: “Я уйду из этого места, я покину их”. Затем, взобравшись на жалкую чалую лошадь с истертой спиной и облезлым хвостом, он оставил своих четырех братьев и ускакал вверх по Онону, чтобы жить в каком-нибудь новом месте на свободе. Добравшись до Балджуналы, он построил небольшую юрту, или хижину, в том месте, которое показалось ему лучшим, и жил в ней. Однажды он увидел, как сокол налетел на вальдшнепа и схватил его возле его юрты; он вырвал волосы из облезлого хвоста своей лошади, сделал силок, поймал сокола и натащил его. Когда на охоте волки гнали диких зверей к юрте, он убивал их стрелами или забирал для себя и сокола то, что волки оставляли несъеденным. Так он прожил первую зиму. Когда пришла весна, сокол поймал уток и гусей в огромном количестве.

За гребнем горы Дуйлян, которая была там рядом с его юртой, текла река Тунгели, и у реки жил новый народ. Бодуанчар, который ежедневно ходил на охоту со своим соколом, обнаружил этот народ и пил в их юртах кобылье молоко, которым они его угощали. Они не знали, откуда он пришел, и он не спрашивал, кто они такие, хотя они встречались каждый день с добрыми чувствами.

Наконец старший брат Бодуанчара, Хатаги, отправился на поиски, если это возможно, и добрался до Тунгели, где увидел новых людей, с которыми Бодуанчар был в дружбе.

“Видели ли вы молодого человека с облезлой лошастью?” - спросил он. “На спине лошади белые пятна - следы застарелых желчных язв”. “Мы видели молодого человека с этим конем — у

него тоже есть сокол. Он приходит сюда каждый день пить кобылье молоко, но мы не знаем, где находится его юрта. Всякий раз, когда ветер дует с северо-запада, он приносит сюда столько утиных и гусиных перьев, сколько снежных хлопьев во время снежной бури. Он, должно быть, живет со своим соколом к северо-западу от нас. Но подожди здесь немного, и ты увидишь его”. Вскоре они увидели приближающегося молодого человека. Бодуанчар примирился и пошел домой с Хатаги.

“Человек совершенен, у кого есть голова на теле”, - сказал себе Бодуанчар [7]. И вслух он сказал, пока они путешествовали: “Пальто готово, когда к нему пришит воротник”. Брат ничего не сказал, услышав эти слова в первый раз; Бодуанчар повторил это высказывание. “Что ты имеешь в виду?” - спросил Хатаги. “У тех людей на реке, - сказал Бодуанчар, - в их компании нет главы; великие и малые - все для них одно. Мы могли бы очень легко захватить их улус¹”. “Хорошо, - ответил Хатаги, - когда мы вернемся домой, мы поговорим об этом; если мы согласимся, мы займем это место”.

Пятеро братьев обсудили план и согласились. Бодуанчар повел их обратно в деревню. Первым человеком, которого он схватил, была женщина. “Из какого ты племени?” - спросил Бодуанчар. “Я из чарчиутов”, - ответила женщина. Пятеро братьев отвели всех людей к себе; после этого у них был скот; у них также были слуги, которые прислуживали им во время еды. Бодуанчар взял в жены свою первую пленницу, и она родила ему сына, от которого произошел клан Балин. Бодуанчар взял другую жену и от нее родил Хабичи, у которого со временем родился сын Майньян Тодан, который взял в жены Моналун, от которой у него родилось семь сыновей; старшим из них был Катчи Кьюлук, а младшим - Начин.

Моналун любила командовать; она была сурова в своем доме и строга ко всем людям. С ее помощью Майньян Тодан приобрел огромное богатство всех видов и жил в Нуш-Арги. Хотя рядом с его юртой не было леса, когда стада были разогнаны по домам, у него было так много скота, что в пределах видимости нельзя было найти и пяти локтей земли, на которых не было бы ни одного зверя.

Майньян Тодан ушел из жизни, когда его седьмой сын был младенцем. В это время джелаиры, то есть некоторые потомки Добена и Алан Гоа, поселившиеся на Керулоне недалеко от границы Золотого хана, очень часто воевали с его народом. Однажды Золотой хан послал против них свои войска; джелаиры, думая, что река непроходима, насмехались над врагом и, сняв шапки, принялись насмехаться и кричать: “Разве вы не хотели бы прийти и забрать всех наших лошадей и семьи?” Воодушевленный этими насмешками и подтруниваниями, враг под прикрытием построил плоты и быстро переправился через Керулон. Они бросились вперед и разгромили джелаиров. Они убивали всех, кого встречали или могли найти, не щадя даже детей. Большинство джелаиров были убиты, за исключением некоторых, которые [8] разбили лагерь в таком месте, где враг до них не добрался. Эти выжившие нашли убежище в поселении Моналун, где они стали копать коренья, чтобы прокормиться, и испортили большое пространство, используемое для тренировки молодых лошадей.

Вдова пришла в ярость от такого посягательства. Она ехала в повозке, когда увидела это. Ворвавшись со слугами, она растоптала нескольких человек и разогнала их. Вскоре после этого те же самые джелаиры украли у сыновей вдовы большой табун лошадей. Когда они услышали об этом ограблении, те сыновья поспешили забрать животных. В большой спешке они забыли взять доспехи. Моналун отправила их жен в повозках с доспехами, и сама последовала за ними.

Ее сыновья лежали мертвыми, когда их жены принесли доспехи. Затем джелаиры убили женщин, а когда она подошла, они убили и Моналун.

Все потомки Катчи Кюлука были мертвы, за исключением младшего сына, который жил отдельно от остальных в Баргуджине на восточном берегу озера Байкал, и единственного отпрыска его старшего сына Кайду, маленького мальчика, которого спасла няня, спрятавшаяся с ребенком под хворостом.

Когда в Начин пришло известие, что его семья была вырезана, он поспешил в Нуш-Арги и нашел там нескольких несчастных старух с маленьким мальчиком Кайду и медсестру, которая спасла его. Начину не терпелось осмотреть страну Джелаиров, вернуть часть потерянного имущества своих братьев и жестоко отомстить джелаирам, но у него не было лошади, на которой он мог бы отправиться в это путешествие. Как раз в это время гнедой жеребец из табуна, украденного джелаирами, забрел обратно в Нуш-Арги. Начин взял это животное и отправился один на разведку. Первыми людьми, встретившими его, были два охотника верхом на лошадях, сын и его отец, которые ехали отдельно друг от друга. У каждого на запястье висел ястреб, и Начин увидел, что обе птицы принадлежали его братьям.

“Видел ли ты коричневого жеребца с кобылами, направляющегося на восток?” - спросил он молодого человека. “Я не видел, - сказал незнакомец, - но видел ли ты уток или гусей во время своего путешествия?” “Я видел многих”, - ответил Начин. - “Пойдем, я покажу их тебе”. Этот человек последовал за Начином, который в свое время, хорошо подобранный, напал на этого Джелаира и убил его. Он привязал лошадь, ястреба к седлу, повернулся и поскакал ко второму человеку; поравнявшись с ним, он спросил, не видел ли тот бурого жеребца и кобыл, идущих[9] на восток. “Нет, ” сказал мужчина, - но ты видел моего сына, который торгует соколиной рыбой здесь, недалеко от нас?” “Я видел его”, - сказал Начин. “У него идет кровь из носа, и это задерживает его”. Затем Начин убил второго человека и поскакал дальше, забрав с собой ястребов и лошадей. Наконец он добрался до долины, где паслось множество лошадей; несколько мальчишек пасли животных и для развлечения бросали камни. Начин с высоты осмотрел местность и, поскольку поблизости никого не было видно, отправился в долину, убил мальчиков и погнал стадо в Нуш-Арги, ведя за собой лошадей двух охотников и прихватив с собой ястребов. Тогда Начин взял своего племянника, старух с кормилицей и погнал всех лошадей в Баргуджин. Там он прожил несколько лет, воспитал и обучил своего юного племянника, который, когда достаточно подрос, стал вождем двух групп монголов; позже к этим двум группам были присоединены другие. Джелаиры были разгромлены и поработены Кайдун Начином, которые в нужное время вернулись в Нуш-Арги. В этом главном месте своей семьи он приобрел много скота и заложил фундамент монгольского владычества.

Начин, каким его изображает монгольская история, - один из немногих людей в истории, которые не были корыстолюбивы. Он спас те немногие остатки своей семьи, которые бежали от джелаиров, и некоторое время был настоящим защитником монголов. Он спас мальчика Кайдун и, не стремясь к власти для себя, направил все усилия на усиление своего племянника.

От этого племянника, Кайдун, произошли величайшие исторические личности его народа, люди, без которых имя Монгол не поднялось бы из неизвестности и не стало бы таким известным, как сейчас.

У Начина было два сына, Урудай и Манхудай, от которых произошли уруты и манхуты, два племени, которые под предводительством Куилдара и Чурчадая спасли состояние Темуджина в его самой отчаянной битве при Каланчине.

У Кайду было трое сыновей; старшим был Бошин Кордокшин, вторым - Чараха Лингу, третьим - Чао Джинортаиджи. У старшего сына Кайду был один сын по имени Тумбинай, и он умер вскоре после рождения этого единственного потомка. У второго сына Кайду был сын по имени Сенгун Бильге, у которого был сын Амбагай, и от этого сильного сына, Амбагая, произошли тайджуты.

Второй сын Кайду взял в жены вдову своего старшего брата, и от нее у него родился сын Байсутай, от которого произошли Байсуты. У [10] третьего сына Кайду было шестеро сыновей, которые были основателями шести кланов у монголов. У Тумбинаи, сына Бошина, старшего сына Кайду, было два сына, Кабул и Синсайчилай. У Кабула было семь сыновей; у второго из них, Бартана, было четыре сына; третьим из этих четырех сыновей был Есугай.

Кабул стал ханом, и хотя у него было семеро сыновей, он не хотел отдавать власть ни одному из них. Поэтому он отдал его Сенгуну Бильге, отцу Амбагая. Кабул-хан, сын Тумбинаи, был отвергнут за великую храбрость. Слава о нем дошла до китайского императора, который питал такое уважение к этому вождю, что отправил послов с приглашением ко двору в знак дружбы и со скрытой надеждой заключить договор, по которому монголы могли бы действовать с Северным Китаем. Кабул совершил путешествие. Император принял его с почестями и угостил лучшей едой и напитками в стране. Но поскольку китайцы, как считал Кабул, были очень склонны к обману и нападали на каждого противника из засады, он боялся хитрости и больше всего яда; поэтому он избегал еды и питья и под предлогом удалился с пира, но позже вернулся, когда с него сняли подозрения, и принялся за еду и питье с большим удовольствием. Китайцы были поражены, увидев его жажду и голод. "Должно быть, Высшие Небеса сделали его правителем, - восклицали они, - иначе как бы он мог так много пить и есть, при этом сохраняя аппетит и оставаясь трезвым". Но через некоторое время он, казалось, захмелел, захопал в ладоши, пошатываясь подошел к императору, схватил его за бороду и потрепал за ухо, к ужасу министров, которые тут же вскрикнули и были готовы броситься на монгола.

Затем хан повернулся к императору и очень холодно улыбнулся. "Если Золотой хан считает меня виновным, " сказал он, - пусть знает, что виновата воля моей руки, а не моя собственная воля. Моя рука сделала то, что противоречит моей собственной воле, и я осуждаю действия моей руки".

Император был спокоен и рассудителен; в то время он больше всего на свете хотел расположить к себе своего гостя, поэтому он рассудил так: "Если я накажу этого человека, его приверженцы, которых много, могут восстать и начать со мной длительную войну". Поэтому он сдержал свой гнев и приказал принести из своей сокровищницы шелковые одежды, расшитые золотом, подходящего размера для монгола. С собой они принесли корону и золотой пояс. Он надел их на Кабула,[11]и, демонстрируя знаки высокой чести, дружески отпустил его, когда пришло время расставаться.

Когда Кабул отправился домой, министры настояли на том, что поведение этого человека невозможно оставить незамеченным. Воодушевленный, наконец, этими речами, император отправил посланника с просьбой вернуться к нему в Кабул. Кабул ответил резко и продолжил свой путь. Император разозлился теперь не на шутку и во второй раз послал людей не просить,

а призывать, а с ними хороший отряд воинов, чтобы в случае необходимости привести монголов в ярость. Кабул далеко продвинулся в своем путешествии, и поскольку посланцы Золотого хана наугад выбрали новую дорогу, они разминулись с ним. Они прошли весь путь до его юрты, и поскольку он еще не вернулся, его жены сказали, услышав сообщение: “Он последует воле Золотого хана”. Гонцы вышли из юрты и через некоторое время встретили Кабула, спешащего домой; они схватили его и быстро увели, чтобы доставить своему господину. По пути они остановились в доме салджута, который был дружелюбен к пленнику.

“Эти люди ведут тебя на смерть, о Кабул, - сказал Салджут, - я должен спасти тебя. У меня есть конь, который обгоняет любой ветер и быстрее молнии. Если ты сядешь на этого зверя, ты сможешь спастись — ты сбежишь при первой возможности”. Кабул вскочил на этого коня, но его нога была примотана к стремени главного посланника. Однако ночью он отвязал его и ускорился в темноте. Они преследовали и гнались за ним изо всех сил, но догнать его смогли только в собственной юрте Кабула. Там он принял их со всем радушием и предоставил своим врагам великолепную новую палатку, принадлежавшую жене, которую он только что взял в жены; он также устроил самое лучшее угощение. Вскоре после этого он позвал своих слуг (его сыновей с ним не было). “Эти люди, - сказал он, - хотят отвести меня к Золотому хану, чтобы он убил меня ужасными пытками. Ты должен спасти меня”.

Слуги напали врасплох на посланцев Золотого хана и убили их всех до единого. В тот раз Кабулу удалось спастись, но вскоре после этого он заболел и умер — весьма вероятно, от яда, — таким образом, оставив мир своим семи сыновьям, которые были очень амбициозны. Эти сыновья были настолько велики своей доблестью и отвагой, что никакая комбинация врагов не могла успешно противостоять им. Все они были от одной матери, Кулку Гоа, женщины из Кункурата, чей младший[12] брат, Саин Тегин, был причиной вовлечения семьи в ужасную кровную месть.

Саин Тегин заболел, и они призвали шамана тайджутов, чтобы вылечить его. Он умер, несмотря на искусство этого шамана, который был убит либо по дороге домой, либо вскоре после этого родственниками умершего. Это вызвало великую битву между тайджутами и приверженцами и родственниками Саин Тегина, к которым теперь присоединились сыновья Кабула, поддерживавшие дело своего дяди. В этой битве Кайдэн встретился с тайджутом в одиночном бою, расколол его седло, сбил его с лошади и тяжело ранил. Тайджут, который выздоровел только после двенадцати месяцев страданий, начал новую борьбу, как только к нему вернулись силы. Кайдэн повалил коня и всадника на землю, каждый из которых был тяжело ранен; хотя десять всадников бросились на победителя, он так ударил их копьем и мечом, что вышел победителем. Так началась великая кровная месть, которую позже Темуджин использовал с таким смертоносным эффектом для тайджутов и татар.

Между озерами Буйур и Кулон протекает река, на этой реке в тот период жила большая группа татарских племен. Амбагай, сын Сэнгуна, отправился на поиски новой жены к озеру Буйур, но был схвачен татарами и отправлен к императору Рода, который очень жестоко лишил его жизни. Прежде чем его похитители отправились с Амбагаем, он отправил домой следующее сообщение: “Скажите Кутуле, четвертому сыну моего двоюродного брата Кабула, у которого семеро сыновей, и Кайдану, одному из моих десяти сыновей, что я, правивший людьми, пленник и должен умереть в великих страданиях. И запомните эти мои слова, все вы: даже если вам придется стереть все ногти с пальцев каждой руки и потерять по десять пальцев на обеих руках, вы должны отомстить за меня”.

Золотой хан в ответ на оскорбления, совершенные против него родственниками Амбагая, приказал прибить его гвоздями к деревянному ослу, содрать кожу заживо, а затем медленно разрубить на мелкие кусочки, начиная с пальцев рук и ног, пока не было готово все его тело.

Окин Барка, старший сын Кабула и брат Кутулы, был схвачен татарами, отправлен к Золотому хану и казнен тем же способом, что и Амбагай. Это было сделано потому, что Кабул убил посланцев Золотого хана.

Прежде чем Амбагая подвергли пыткам, он послал Булгаджи, своего раба, к Золотому хану с таким предупреждением: “Убивать меня позорно. Меня схватили самым вероломным образом, я нахожусь здесь без всякой причины. Если[13]ты убьешь меня, все вожди монголов восстанут и отомстят за несправедливость”. Золотой хан не обратил внимания на это сообщение, но после отвратительной казни он отправил Булгаджи на лошадях-курьерах в Монголию с приказом рассказать всем там, что Амбагай был пригвожден гвоздями к деревянному ослу, с него содрали кожу при жизни, а затем его тело порубили на куски, кусочек за кусочком. По пути Булгаджи проезжал через страну дурбанцев, которые не давали лошадей, и, что бы он ни говорил, они не обращали на него внимания. Когда его лошади так устали, что не могли идти дальше, он оставил их, пошел домой пешком и рассказал все Кайдану, сын которого, Туда, рассказал всю историю Катуле и Есугаю, своему племяннику. Кайдан, Туда и Есугай немедленно созвали совет и вместе со многими монголами решили отомстить за Окин Барку и Амбагая. Затем ханом для руководства экспедицией был избран Кутула. Когда выборы закончились, они устроили большой пир, и все пришли в большое возбуждение. Они энергично танцевали вокруг раскидистого дерева и вырыли канаву такой глубины, что были по колено в ней.

Кутула собрал всех воинов, которые были готовы идти, и выступил против Китая. Войска Золотого хана потерпели поражение и были обращены в бегство в результате ужасной резни. Монголы захватили добычу невообразимой ценности, забрали все, что могли унести с собой люди или что могли унести лошади. Они возвращались домой, преисполненные восторга, принося ткани всех видов, всевозможную богатую мебель, оружие и орудия труда, и гнали перед собой огромные стада лошадей, крупного и мелкого рогатого скота.

По пути домой Кутула, проезжая через страну дурбанов, отправился на охоту с небольшим отрядом приверженцев. Увидев этих людей, дурбанцы собрали многочисленный отряд и напали на них; одних они убили, других рассеяли. Оставшись один, Кутула спасся бегством и погнал своего быстрого коня через болото к противоположному краю мягкого места. Животное остановилось и застыло на месте; Кутула вскочил в седло и спрыгнул с него на твердую землю. Дурбанцы, увидев его пешим, были вполне довольны. “О, отпустите его, - сказали они, - какой прок от человека, когда у него нет лошади”. Затем, пока они стояли и смотрели, он вытащил свою лошадь из трясины, вскочил в седло и уехал в их присутствии. Болото простиралось так далеко по обе стороны, что они не побоялись последовать за ним.[14]

Оставшиеся в живых слуги Кутулы вернулись в армию, распространили весть о его смерти и объявили, что его убили дурбанцы. Его воины добрались домой несколько раньше хана, и поскольку он не появился на дороге, а его приближенные сказали, что он был убит дурбанами, Есугай устроил поминальный пир по их предводителю и отправился к жене Кутулы, чтобы объявить о смерти ее мужа и вместе с ней выпить чашу в его память. Появившись перед ней, он начал сокрушаться и горько плакать. “Зачем ты пришел?” - спросила она. “и почему ты плачешь?” Он рассказал о причине своего горя и о своем приходе. “Я не верю ни единому слову

из всего, что ты мне рассказал”, - сказала женщина. “Позволил бы Кутула Дурбансу убить себя, Кутула, чей голос подобен грому в горах, голосу, достигающему высоких небес, позволил бы Кутула простым людям убить себя? Он бы этого не сделал, у его задержки есть другая причина. Он жив. Он остановился для выполнения какой-то важной работы, он придет позже”.

Но воины и приближенные Кутулы были уверены, что хан был убит.

Когда Кутула вытащил своего коня из трясины и благополучно ускакал прочь, он был страшно зол. “Как эти мерзкие, несчастные дурбаны довели меня до такой беды, ” бушевал он, - и прогнали всех моих слуг? Я должен вернуться домой с пустыми руками? Нет, я не оставлю эти места без присмотра”. Затем он поехал, пока не нашел коричневого жеребца, а также большой табун кобыл и их жеребят с ними. Он вскочил на жеребца, выпустил свою собственную лошадь, которая побежала вперед, затем погнал кобыл, следовавших за оседланным животным. Поехав дальше по степи, он нашел гнезда диких гусей; спешившись, он снял сапоги, набил в них большие голенища гусиными яйцами, снова сел в седло и уехал домой на жеребце, придерживая сапоги и отгоняя кобыл и их жеребят в свою юрту.

Огромная толпа людей собралась, чтобы оплакать и почтить память Кутулы, и теперь, пораженные его внезапным прибытием, они радовались сверх всякой меры и превратили всю свою скорбь и стенания в праздник триумфа и радости. “Ха!” - сказала тогда жена Есугаю. “Разве я не говорила тебе, что ни дурбаны, ни другие мужчины не смогут победить Кутулу?”

После своего большого успеха против Китая Кутула двинулся на татар и беспощадно наказал их за то, что они послали Окин Барку, своего брата, Золотому хану на уничтожение.^[15]

Но теперь великая ненависть десяти сыновей Амбагаи к Кутуле и его братьям вспыхнула с новой силой. Эти десять братьев-тайджутов напали на шестерых выживших сыновей Кабула и убили пятерых из них, убили всех, кроме Бартана, который вырвался из кровавой схватки с тремя серьезными ранами в теле и сбежал с четырьмя сопровождающими. Его сын Есугай, которого сбросили с седла на землю, быстро вскочил и, хотя ему было всего тринадцать лет, пронзил копьем тело сидевшего верхом тайджута, сбил его с ног умирающим, вскочил в пустое седло, умчался прочь и догнал своего отца. Благодаря этой удивительной скорости и мастерству он смог спасти себя.

Жена Бартана, Марал Каяк, пешком сбежала из своей юрты с тремя другими сыновьями, Мангуту, Найгуном и Даритаем, и добралась до своего раненого мужа.

Триумф тайджута был идеальным для сезона. Власть Бартана покинула его, вскоре он умер и уступил место своему сыну, молодому герою. Этого сына звали Есугай, имя означает число девять, его полное имя было Есугай Бахадур, девятый герой. Он тоже был девятым по происхождению от младшего сына Алана Гоа, Бодуанчара, который в одиночку спасся от несправедливости.

В это время среди вождей монгольских кланов очень сильно усилилась тенденция делать других вождей подчиненными или помощниками. Особенно это касалось мужчин, происходивших из Кабула и Амбагаи. Если соперничающие или более мелкие вожди не соглашались с позицией, в результате возникал конфликт, нападения предпринимались небольшими партиями или более крупными, либо с помощью войны или яда; более слабые люди, отличавшиеся честолюбием, исчезали с лица земли. Постоянное вмешательство Китая с

помощью интриг или оружия, или подкупа через титулы или подарки, через награды отдельным лицам или страшные наказания там, где наказание казалось более эффективным, также способствовало укреплению слабо согласованного общества монголов и, таким образом, невольно помогало работе сильных людей, стремившихся к власти к северу от Китая.

Есугаю благодаря активности и чуткости удалось добиться сотрудничества, достаточного для того, чтобы свести на нет великий триумф тайджутов. Сыновья Кабула снова получили первенство.[16]

1 Деревня или сообщество. ↑

[Содержание]

ГЛАВА II

ТЕМУДЖИН НАЧИНАЕТ СВОЮ МОГУЧУЮ КАРЬЕРУ

Это острое соперничество между потомками Кабула и Амбагая было великим господствующим фактом среди монголов в ту эпоху. Кабул и Амбагай были троюродными братьями, оба были третьими по происхождению от Кайду, маленького мальчика, спасенного своей няней от джелаиров; кайду, потомки которого были великими правящими монголами в истории. Кабул и Амбагай примечательны сами по себе, а также как отцы людей, которые стремились к власти всеми средствами, которые только могли вообразить и применить на практике.

Есугай со своими братьями теперь торжествовал и процветал. Он был ужасно враждебен к татарам озера Буйур; он постоянно наблюдал за оппозицией тайджутов, которая, хотя и отдыхала временами, никогда не дремала. Однажды, во времена своего могущества, Есугай, промышляя соколиной торговлей вдоль Онона, увидел меркита по имени Еке Чилайду, который привел к себе домой жену из рода Олконоц. Увидев, что женщина была красавицей, Есугай поспешил обратно в свою юрту и вернулся со своими старшим и младшим братьями, чтобы помочь ему. Когда Йеке увидел приближающихся трех братьев, он испугался, ударил свою лошадь и помчался прочь, чтобы найти какое-нибудь хорошее укрытие, но ничего не нашел и поехал обратно к повозке, где была его жена. “Эти люди очень враждебны”, - сказала женщина. “Уходи скорее, или они убьют тебя. Если ты выживешь, найди себе жену, такую, как я, и, если ты помнишь меня, называй ее моим именем”. Затем она сняла свою рубашку и отдала ее Еке. Он взял ее, быстро вскочил в седло и, увидев приближающегося Есугая со своими братьями, поскакал вверх по реке.

Трое мужчин бросились вслед за Еке, но не догнали его, поэтому они поскакали обратно к женщине, которую звали Оэлун. Она плакала. Ее крики, когда они схватили ее, “подняли волны на реке и сотрясли деревья в долине”.

“Муж уже пересек много горных хребтов и много [17]вод”, - сказал Даритай, младший брат Есугая, - “Как бы ты ни кричал, он не придет к тебе, если ты будешь искать его след, ты его не найдешь. Перестань кричать!” Так они забрали Оэлун, и она стала женой Есугая.

Через несколько месяцев после взятия Оэлуна Есугай совершил нападение на татар и среди других пленников захватил вождя Темуджина Уге. Оэлун родила сына в тот период ¹ недалеко от холма Дайлиун Балдак. Мальчик родился, очень крепко сжимая в кулаке комок темной крови, и поскольку он родился, когда похитили Темуджина Уге, они назвали ребенка Темуджином. После этого у Оэлуна родились еще три сына: Кассар, Хочиун и Таймуге, и одна дочь, Таймулун.

Когда этому первому сыну исполнилось тринадцать лет, Есугай отправился с мальчиком в гости к братьям Оэлун, чтобы найти среди них жену для него. Когда между двумя горами Чихурга и Чексар он встретил некоего десайчана, человека из племени унгиров. “Куда ты идешь, о Есугай?” - спросил Десайчан. “Я еду со своим сыном к его дядям, чтобы присмотреть ему невесту среди них”. “У твоего сына чистое лицо и ясные глаза”, - сказала Десайхан. “Прошлой ночью мне приснилось, что белый сокол, держащий в когтях солнце и луну, слетел к моему запястью и уселся на него. ‘Мы знаем солнце и луну только с помощью зрения,’ сказал я некоторым своим друзьям, ‘но теперь, когда белый сокол принес мне их обоих в своих когтях, это, должно быть, предзнаменование величия’. В нужное время ты пришел сюда, Есугай, со своим сыном, и показал, что означает мой сон. Несомненно, он предвещает большую удачу. У меня дома есть дочь, она еще маленькая, но подойди и посмотри на нее”.

Затем он проводил отца и сына в свою юрту. Есугай очень обрадовался в своем сердце при виде девушки, которая действительно была красавицей. Ей было десять лет, и звали ее Бортай. На следующий день Есугай попросил Бортай из Десайчана стать невестой для юного Темуджина. “Будет ли это значить больше, если я отдам ее только после долгих просьб, - спросил отец, - или это проявит слабое уважение, если я отдам ее в ответ на несколько слов? Мы знаем, что девочка рождается не для того, чтобы оставаться в доме вечно. Я отдаю ее в жены твоему сыну, а ты оставляешь его здесь на время со мной”.

Соглашение было заключено, и Есугай ушел без ^[18]Темуджина. По дороге домой он остановился в Чекаре и встретил татар, которые устроили там для него пир. Проголодавшись и измученный жаждой после путешествия, он остановился. Его хозяева, которые хорошо знали, что он захватил в плен и убил очень многих из их людей, Темуджина Уге и других, приготовили яд и напоили им его. Есугай уехал верхом и добрался домой через три дня, но в дороге заболел, и по мере путешествия его беспокойство усиливалось. “У меня болит сердце, - сказал он, - кто рядом со мной?” В это время в юрту вошел Мунлик, сын Чарахи, и Есугай позвал его. “Мои дети молоды,” сказал он, - я отправился на поиски невесты для моего сына Темуджина и нашел ее. По дороге домой враги отравили меня. Мое сердце очень болит, поэтому походи к моим братьям и повидайся с ними, а также с их женами. Я даю тебе это как долг; расскажи им обо всем, что произошло. Но сначала очень быстро приведи ко мне Темуджина.

Есугай умер ²года спустя, так и не повидавшись с Темуджином.

Мунлик поспешил в Десайчан. “Есугай, - сказал он, - хочет видеть Темуджина, он послал меня привести мальчика”. “Если Есугай горюет, отпусти Темуджина, а потом возвращайся ко мне”. Мунлик отвез Темуджина домой, как было велено. Следующей весной, когда вдовы Амбагаи готовили подношения предкам перед переездом на летнее место, они отказались делиться жертвенным мясом с Оэлун и, таким образом, исключили ее из своего правящего круга и отношений. “Лучше оставьте эту женщину здесь с ее детьми, она не должна идти с нами”, - сказали вдовы. Таргутай Курултух, который тогда был у власти, ушел с зимовья, не повернувшись к Оэлун и не сказав ни слова. Он вместе со своим братом Тодояном Джиришей

выманил людей Есугая. Отец Мунлика, старик Чараха, пытался убедить Таргутая и его брата взять Оэлун, но они не послушали ни его, ни кого-либо другого. “Глубокая вода ушла, яркий камень разбит, - сказал Тодоян. - Мы не можем их восстановить, мы не имеем никакого отношения к этой женщине и ее детям”. И когда Таргутай со своим братом двинулись в путь, его воин вонзил копье в спину Чарахи, и старик упал смертельно раненный.

Темуджин пошел поговорить с Чарахой и посоветоваться с ним. “Таргутай и его брат, ” сказал старик, “ увели всех людей, собранных твоим отцом, и наших родственников”. [19]Тогда Темуджин заплакал и обратился за помощью к своей матери. Оэлун быстро приняла решение; она вскочила в седло и, приказав своим слугам взять копья, отправилась во главе их. Она догнала дезертировавших людей и остановила половину из них, но даже эта половина не захотела вернуться с ней. Итак, Таргутай и Тодоян разгромили Оэлун с ее детьми и увели одну половину людей Есугая; вторая половина присоединилась к другим вождям. Но Оэлун, сильная, решительная женщина, защитила свою семью и нашла средства для ее содержания. Ее дети жили в бедных, суровых условиях и росли среди вражды и ненависти. Чтобы помочь своей матери, они сделали крючки из иголок и ловили рыбу в реке Онон, которая находилась недалеко от их жилища. Однажды Темуджин и Кассар отправились на рыбалку со своими сводными братьями Байкаром и Белгутаем, детьми Есугая от другой жены. Темуджин поймал золотистую форель, и его сводные братья забрали ее у него. Затем он отправился с Кассаром в Оэлун. “Мы поймали золотистую рыбку, - сказали они, - но Байтар и Белгутай забрали ее”. “Почему вы ссоритесь?” - спросила мать. “У нас сейчас нет друзей; все покинули нас; теперь к нам не прилипает ничего, кроме наших теней. У нас пока нет власти наказывать тайджутов. Почему вы ведете себя как сыновья Алан Гоа и ссоритесь? Почему бы вам не согласиться и не набраться сил против врагов?”

Темуджин был недоволен; он хотел, чтобы Оэлун встала на его сторону и выступила против Байктара. “На днях, - сказал он, - я подстрелил птицу, и Байтар забрал и эту птицу. Сегодня он и его брат украли у меня рыбу. Если они всегда так себя ведут, как я могу с ними жить?” И он очень быстро отвернулся от своей матери. Оба брата убежали, захлопнули за собой дверь и исчезли.

Выйдя на улицу, они увидели Байктара на холме, пасущего лошадей. Темуджин подкрался сзади, а Кассар впереди; они достали стрелы и целились, когда Байтар обернулся и увидел их. “Зачем обращаться со мной, как с занозой во рту или волосом на глазу?” - спросил он. “Если ты убьешь меня, пощади моего брата, но не убивай Белгутая”. Затем он поджал под себя ноги и стал ждать.

Темуджин сзади и Кассар спереди убили Байктара стрелами. Когда они вернулись домой, Оэлун по их лицам поняла, что произошло. “Ты родился, ” сказала она Темуджину, “ с кровью в пальцах. Ты и твой брат подобны собакам, когда [20]пожирают деревню, или змеям, которые заживо проглатывают то, на что набрасываются, или волкам, отслеживающим добычу в снежную бурю. Раны, нанесенные нам тайджутами, ужасны, вы могли бы планировать стать сильнее, а затем наказывать тайджутов. Но что вы делаете?”

Вполне могла бы она спросить, ибо тогда она не знала своего замечательного сына Темуджина, для которого убрать сводного брата или даже сестру, убив его, было так же естественно, как устранить любое другое препятствие. Тот, кто всю свою жизнь до конца трудился над устранением противников, в тот день начал свою могучую карьеру, и его первой настоящей

работой стало убийство своего сводного брата Байктара, отцом которого был его собственный отец, Есугай.

Кем бы ни были враги Тэмуджина, он устранял их так же хладнокровно, как учитель в своем классе стирает фигуры с черной доски. Он расправился с тайджутами, как только почувствовал себя достаточно сильным, но прежде чем он смог это сделать, его задачей было отсеять и обучить свою собственную семью. Первой работой, стоявшей перед ним, была империя его семьи. Ни мать, ни брат, никто другой не должен стоять между Тэмуджином и его целью; в этом он продемонстрировал свою великую целеустремленность, свою непобедимую силу воли, свою мудрость в достижении успеха, который видел его разум. Мудрость Тэмуджина в создании империи была безошибочным ясным инстинктом, подобным инстинкту пчелы, строящей свои соты, или здравому смыслу и мастерству птицы в поиске подходящего материала и плетении круглого идеального гнезда для своих яиц и птенцов.

Тэмуджин начал свою карьеру в реальной практике, убив своего сводного брата в основном рукой своего родного брата Кассара, который позже прославился как безошибочно сильный лучник и который со временем безуспешно пытался соперничать с непобедимым Тэмуджином.

Теперь Тэмуджин был хозяином в очень маленьком регионе, но он был хозяином. Его мать и братья не доминировали и не вмешивались, они помогали ему. Некоторое время семья жила в уединении и не пострадала, пока, наконец, Таргутай не призвал своих последователей к действию. “Тэмуджин и его братья выросли, - сказал он, “они сильнее”. Взяв с собой нескольких товарищей, он быстро ускакал, чтобы найти Тэмуджина с его семьей. Оэлун и ее дети издали увидели приближающихся мужчин и испугались. Тэмуджин быстро схватил своего коня и раньше других помчался к горе. Бельгутай спрятал своих сводных братьев и сестру в скале, после чего валил деревья, чтобы остановить всадников. Кассар послал стрелы, чтобы помешать[21]тайджутам. “Нам нужен только Тэмуджин, нам больше никто не нужен”, - сказали они. Тэмуджин бежал на гору Таргунай и спрятался там в густых зарослях, куда они не могли проследить. Они окружили Таргунай и внимательно наблюдали.

Он провел три дня в тайных местах, а затем вывел свою лошадь, чтобы сбежать с горы. Когда он был на опушке леса, седло упало. Он увидел, что и нагрудный ремень, и подпруга были надежно закреплены. “Седло может упасть, ” подумал он, “хотя подпруга хорошо закреплена, но как оно может упасть, если его удерживает нагрудный ремень? Теперь я вижу, что Небеса защищают меня”.

Он повернул назад и провел еще три дня, прячась; затем он попытался выйти во второй раз — перед ним упал огромный камень, перегородил дорогу и остановил его продвижение. “Небесам угодно, чтобы я остался здесь еще подольше”, - сказал Тэмуджин. Он вернулся и провел в горах еще три дня, всего девять дней без еды. “Неужели я должен умереть здесь в одиночестве, никому не известный?” - в отчаянии подумал он. “Лучше идти на любой риск”. Он прорубил путь рядом со скалой и повел свою лошадь вниз по склону горы.

Тайджуты, которые очень внимательно наблюдали снаружи, схватили Тэмуджина и отвели его к Таргутаю, который приказал надеть на него кан, а также кандалы и, чтобы он жил по одному дню и ночи в каждой палатке. Так он переходил из одной семьи в другую по очереди. Во время этих перемен он приобрел тесную дружбу сорган Ширы и пожилой женщины. Старуха была добра и повязала кана тряпками в тех местах, где они натерли ему плечи.

Однажды тайджуты устроили пир недалеко от Онона и после захода солнца разошлись по домам, назначив мальчика присматривать за пленником. Темуджин смог сам разорвать свои оковы и, увидев, что все разошлись по домам, ударил мальчика кангом, к которому были привязаны его собственная голова и обе руки. Затем он побежал в лес вдоль Онона и лег там, но, боясь, что они могут найти его, он встал, поспешил к реке и погрузился в нее, оставив над водой только свое лицо.

Мальчик вскоре пришел в себя и закричал, что пленница сбежала от него. Услышав его, несколько тайджутов быстро сбежались и обыскали все вокруг. В тот вечер был лунный свет, и Сорган Шира из сулдутов, который искал вместе с другими и ушел довольно далеко вперед, нашел Темуджина, [22]но не окликнул его. “Тайджуты ненавидят тебя за то, что ты мудр, ” сказал он пленнику. - Ты умрешь, если они найдут тебя. Оставайся пока там, где ты есть, и будь осторожен, я никому тебя не выдам”.

Во время поисков преследователи отошли на некоторое расстояние. “Этот человек сбежал при свете дня”, - сказал Сорган Шира, когда догнал их. “Сейчас ночь, и его трудно найти. Лучше поищи поближе, мы можем поохотиться здесь завтра. Он не забрался так далеко — как он мог пробежать такое расстояние с кангом на плечах?”

На обратном пути Сорган Шира во второй раз зашел к Темуджину. “Мы придем сюда завтра искать тебя”, - сказал он. - А теперь поспеши к своей матери и братьям. Если встретишь кого-нибудь, не говори ему, что я видел тебя”. Когда Сорган Шира ушел, Темуджин задумался и подумал так: “Остановливаясь у каждой палатки, я провел день с Сорган Шира; его сыновья Чила и Чинбо проявили ко мне жалость. В темноте они сняли канг с моих плеч и позволили мне лечь на свободе. Он видел меня сегодня, я не могу сбежать, пока не уберут этого кана, он это сделает, я пойду к нему. Он спасет меня”.

Итак, Темуджин пошел, и когда он вошел в юрту, Сорган Шира испугался. “Зачем пришел сейчас ко мне?” - спросил он. “Я велел тебе идти к твоей матери и братьям. “Когда сокол преследует птицу, - сказал Темуджин, - она прячется в густой траве и таким образом спасается”.

“Мы были бы менее ценны, чем трава, если бы не помогли этому бедному юноше, который так умоляет нас”, - сказал себе Сорган Шира. Мальчики отобрали у пленника кан и сожгли его, затем они спрятали Темуджина в телеге, которую доверху завалили тюками с шерстью, и сказали Кадан, своей сестре, тщательно беречь шерсть и не говорить о Темуджине ни одному живому человеку.

Тайджуты появились на третий день. “Неужели никто здесь не видел этого беглеца?” - спросили они Соргана. “Ищите, где хотите”, - был ответ. Они обыскали всю юрту, затем обыскали дом во всех местах и выбрасывали шерсть, пока не добрались до ящика в телеге. Они собирались опорожнить и это, когда Сорган рассмеялся над ними, сказав: “Как может человек жить в телеге, груженной шерстью, в такую жаркую погоду?” Затем они проткнули шерсть пиками; одно из них вонзилось Темуджину в ногу, но [23]он молчал и не двигался. Тайджуты остались довольны и ушли, так и не опустошив ящик в тележке.

“Ты был очень близок к тому, чтобы убить меня”, - сказал Сорган Темуджину. “Дым из моего дома рассеялся бы, и мой огонь погас бы навсегда, если бы они нашли тебя. А теперь иди к своей матери и братьям”.

Он подарил Темуджину белоносую гнедую кобылу без седла, дал ему вареного ягненка, жирного оттого, что его растили две матери, дал ему бурдюк кобыльего молока, лук и две стрелы, но без кремня, чтобы он не разжег огонь по дороге и не выдал себя.

Темуджин направился к развалинам своего первого дома, а затем поднялся выше по Онону, пока не достиг Кимурхи. Он увидел следы возле той реки и пошел по ним к горе Байтар. Перед этой горой есть гора поменьше, Хорчукин; там он нашел всех своих братьев и Оэлун, свою мать. Теперь Темуджин двинулся с ними к горе Бурхан. Недалеко от Бурхана находится возвышенность Гулялгу, через эту землю протекает река Сангур, на берегу этой реки находится холм под названием Кара Джируге и зеленое озеро у его подножия. У этого озера Темуджин установил свою юрту, поймал сурков и полевых мышей, и так они прожили целый сезон. Наконец какие-то тайджутские воры угнали у Темуджина восемь лошадей, оставив только белоносую гнедую кобылу, которую подарил ему Сорган и на которой Белгутай ездил охотиться на сурков. В тот вечер он вернулся с целой охапкой.

“Лошадей украли”, - сказал Темуджин. “Я пойду за ними”, - сказал Белгутай. “Ты не смог найти их, - ответил Кассар, - я пойду.” “Ты не смог найти их, а если бы и нашел, то не смог бы вернуть их обратно”, - крикнул Темуджин. - “Я пойду”.

Темуджин отбросил своих братьев в сторону как бесполезных в тот момент, их авторитет и ценность были для него ничем. Авторитет Темуджина - единственный, подлинный авторитет. Он ускакал на белоносой гнедой кобыле и пошел по следу восьми украденных лошадей. Он ехал три дня, а на четвертый рано утром увидел у дороги молодого человека, который привел кобылу и доил ее. “Ты видел восемь серых лошадей?” - спросил Темуджин. “Перед восходом солнца мимо меня проехали восемь лошадей, я покажу тебе тропу, по которой их гнали”. Затем усталое животное Темуджина выпустили на пастбище; белую лошадь с черной полосой на хребте вывели, чтобы идти дальше. Юноша очень осторожно спрятал свое кожаное ведро и сумку в[24]траве. “Ты устал, ” сказал он Темуджину, “ и встревожен. Меня зовут Бурчу, я пойду с тобой за твоими лошадьми. Наху Боян - мой отец, я его единственный сын, и он любит меня”.

Итак, они отправились в путь вместе и путешествовали три дня. На третий день ближе к вечеру они пришли на место стоянки и увидели восемь лошадей. “Оставайся на этом месте, о мой товарищ, - сказал Темуджин. - Я пойду и отогоню этих лошадей”.

“Если я пришел сюда, чтобы помочь тебе, почему я должен оставаться один и ничего не делать?” - спросил Бурчу. Они пошли дальше вместе и отогнали лошадей. Воры быстро поспешили за ними, и у одного из них, который ехал верхом на белом жеребце, было лассо, и он догонял товарищей. “Дай мне свой колчан и лук, ” сказал Бурчу, “ я встречу его стрелой”. “Позволь мне воспользоваться луком, ” ответил Темуджин, “ эти враги могут ранить тебя”. Человек на белом коне натягивал лассо и был готов метнуть его, когда стрела Темуджина положила конец его действиям. В ту ночь Темуджин и Бурчу совершили путешествие, которое у любого другого человека заняло бы три дня, и на рассвете увидели вдалеке юрту Наху Бояна.

“Без твоей помощи, ” сказал Темуджин, “ я не смог бы вернуть этих лошадей. Без тебя я бы ничего не смог сделать, так что давай теперь разделим этих восьми зверей между нами”. “Я решил помочь тебе, - ответил Бурчу, - потому что я видел тебя подавленным и измученным печалью и одиночеством, почему я должен забирать у тебя то, что принадлежит тебе? Я

единственный сын своего отца, его богатства мне достаточно, большего не нужно. Если бы я взял твое, как бы ты мог назвать меня своим товарищем?”

Когда они вошли в юрту Наху Бояна, то обнаружили старика, горько оплакивающего Бурчу. Увидев их, он прослезился и резко упрекнул своего сына. “Я не знаю, ” сказал Бурчу в ответ, “ как я думал помочь этому товарищу, но когда я увидел его измученным и встревоженным, мне пришлось пойти с ним. Теперь все снова хорошо, потому что я с тобой, мой отец”. Наху Боян был доволен, когда услышал всю историю. Затем Бурчу ускакал и принес кожаное ведро для молока, зарезал ягненка, наполнил мешок кобыльим молоком и, привязав его к лошади, как вьюк, дал Темуджину все, чтобы прокормить его. “Вы молоды, ” сказал Наху Боян, “ будьте друзьями и будьте верны”. Темуджин попрощался с Бурчу[25]и его отцом. Через три дня после этого он вернулся домой со своими лошадьми. Никакими словами нельзя было описать восторг его матери и братьев, когда они увидели его.

Темуджину шел тринадцатый год, когда он расстался с Бортай. Теперь он отправился вниз по Керулону со своим сводным братом Белгутаем, чтобы забрать ее. Прошло несколько лет, и у него появилось желание жениться. Отец Бортая обрадовался, увидев Темуджина. “Я сильно опечалился, - сказал он, - и потерял надежду увидеть тебя, когда услышал о ненависти тайджутов”.

Оба родителя сопровождали свою дочь и ее мужа. Десайчан, пройдя некоторое расстояние, повернул домой, как это было принято у отцов, но мать Бортая, Сотан, направилась к юрте Темуджина.

Теперь Темуджин пожелал заполучить Бурчу, пожелал ему быть вечным товарищем и послал Белгутая привести его. Бурчу ничего не сказал ни своему отцу, ни кому-либо другому; он просто взял горбатого гнедого коня, оседлал его, привязал к седлу шубу из черного меха и быстро ускакал в юрту Темуджина; с тех пор он никогда не расставался с ним.

Темуджин переехал из Сангура к источникам Керулону и установил свою юрту у подножия склона, известного как Бурджи. Бортай привезла с собой в подарок Оэлун плащ из черного соболя. “В прежние времена, - сказал Темуджин своим братьям, - наш отец Есугай стал заклтым другом и ”анда“ Тогрулу изкераитов, поэтому Тогрул для меня вместо отца, теперь мы пойдем и окажем Тогрулу честь”.

Темуджин и двое его братьев отнесли плащ Тогрулу в Черный лес на Туле. “В прежние дни, - сказал Темуджин, стоя перед Тогрулом, - ты был андой для Есугая, следовательно, ты для меня вместо моего отца. Сегодня я принес тебе, отец мой, подарок, который моя жена принесла моей матери”. С этими словами он отдал черного соболя Тогрулу, который был очень доволен этим подношением.

“Я верну тебе твой народ, который рассеялся, - сказал в ответ Тогрул, - и снова присоединю их к тебе, я буду очень твердо помнить об этом и никогда не забуду”.

Когда Темуджин вернулся домой, старик Чарчиутай спустился с горы Бурхан с кузнечными мехами на плечах и привел с собой также Челмая, своего сына. “Когда [26]ты родился, - сказал Чарчиутай Темуджину, - я подарил тебе подбитую соболями накидку, я подарил тебе также моего сына Челмая, но так как в то время он был очень мал, я держал мальчика при себе и

обучал его, но теперь, когда он вырос и стал умелым, я привожу его. Позволь ему оседлать твоего коня и открыть тебе двери”. С этими словами он отдал своего сына Челмая Темуджину.

Вскоре после этого, как раз перед рассветом, Хоакчин, старая женщина, верная служанка Оэлун, которая спала на земле, быстро вскочила и позвала свою госпожу: “О мать, встань, я слышу, как дрожит земля! О мать, тайджуты приближаются, наши ужасные разрушители! Поторопись, о мать!” “Разбуди детей, - сказала Оэлун, “ разбуди их всех скорее!” Говоря это, Оэлун поднялась на ноги. Тэмуджин и его братья вскочили и побежали к своим лошадям. Оэлун несла на руках свою дочь Таймулун. У Темуджина было наготове только одно верховое животное. У Бортая не было лошади, и он ускакал со своими братьями. Таким образом, показывая, что самосохранение было его единственной мыслью.

Хоакчин, старуха, спрятала Бортай, уложила ее в маленькую черную кибитку, привязала к ней пеструю корову и поехала вдоль реки Тунгела. Когда ночная тьма рассеялась и забрезжил свет, несколько всадников догнали старуху. “Кто ты?” - спросили они, подъезжая к ней. “Я хожу стричь овец для богатых людей, сейчас я возвращаюсь домой”, - сказал Хокчин. “Тэмуджин в своей юрте?” - спросил всадник. “Где это?” “Его юрта недалеко, но я не знаю, где он сейчас”, - ответил Хокчин.

Когда мужчины уехали, старуха погнала корову, но как раз в этот момент сломалась ось. Хокчин хотела поспешить пешком к горе вместе с Бортай, но всадники уже повернули назад и подошли к ней. “Кто там?” - спросил мужчина, указывая на кибитку. “У меня там шерсть”, - ответила старуха. “Давайте посмотрим на эту шерсть, братья”, - сказал один из всадников. Они выволокли Бортай наружу, а затем посадили ее верхом на Хокчина. Затем они пошли по следам Темуджина к горе Бурхан, но не смогли догнать его. Желая сразу попасть в горный край, они испробовали одно и другое место, но не нашли никакой открытой дороги. В одной части - вязкая трясина, в другой - густые заросли леса и чащи. Они не нашли секретную дорогу и не смогли проникнуть ни в какой[27]точке. Эти всадники были из трех кланов меркитов. Первое было послано Туктой Биджхи из племени удотов; второе - Дайром Усуном из племени уаситов; третье - Хаатаи Дармалой из племени хаатов. Они пришли отомстить Темуджину за то, что Есугай, его отец, похитил Оэлун из Чилайду, и эта Оэлун была матерью Темуджина. Теперь они увели Бортай, жену Темуджина, которая была схвачена таким образом в отместку, как они сказали, за похищение Оэлун.

Тэмуджин, опасаясь, как бы они не попали в засаду, послал своего сводного брата Белгута и Бурчу с Челмаем разведать обстановку. Через три дня, когда эти люди убедились, что меркиты ушли с горы, Темуджин покинул свое укрытие. Он встал, ударил себя вгрудь и воскликнул, обратив взор к небу: “Благодаря ушам скунса и глазам горноста на голове старого Хокчина я избежал поимки. Кроме того, гора Бурхан спасла меня, и с этого дня я буду приносить жертвы горе и оставляю своим детям и их детям эту обязанность жертвоприношения”. Затем он повернулся лицом к солнцу, надел пояс на спину, взял в руки шапку и, ударив себя в грудь, девять раз согнул колени в знак почтения; затем он совершил возлияние тарасуна, напитка, получаемого из кобыльего молока.

После этого Темуджин с Кассаром и Белгутаем отправились к Тогрулу на Туле и умоляли его: “О отец и повелитель, - сказал Темуджин, “ три клана меркитов внезапно напали на нас и похитили мою жену Бортай. Неужели ее невозможно спасти?”

“В прошлом году, ” сказал Тогрул, “ когда мне принесли плащ из черного соболя, я пообещал вернуть твоих людей, которые дезертировали, и тех, кто был рассеян. Я хорошо помню это, и из-за моего обещания, что я искореню меркитов, я спасу и верну тебе Бортай. Сообщи Джамухе, что твоя жена похищена. Два тумена³ воинов пойдут со мной, пусть Джамуха поведет столько же”.

Джамуха, вождь джуриатов в то время, происходил от брата Кабул-хана и, следовательно, приходился Тэмуджину троюродным братом. Темуджин послал своих братьев к Джамухе с таким посланием: “Меркиты украли мою жену, мы с тобой одного происхождения; разве мы не можем отомстить за это великое оскорбление?” Он также прислал заявление Тогрула. “Я слышал, - сказал Джамуха, - что^[28]У Темуджина украли жену, я очень опечален его бедой и помогу ему”. Он рассказал, где разбили лагерь три клана, и пообещал помочь вернуть Бортая.

“ Скажи Темуджину и Тогрулу, - сказал он, - что моя армия готова. Со мной несколько человек, принадлежащих Темуджину; из них я соберу один тумен воинов и возьму с собой столько же моих соплеменников, я отправлюсь в Бутухан Борчи на Ононе, где меня встретит Тогрул”. Они забрали ответ Темуджину и отправились к Тогрулу со словами Джамухи.

Тогрул отправился с двумя отрядами воинов в сторону Керуллона и встретил Темуджина у реки Кимурха. Одним из отрядов людей Тогрула командовал Джаганбо, его брат. Джамуха три дня ждал Тогрула и Джаганбо в Бутухан-Борчи; встретив их, он был зол и полон упреков. “Когда союзники устанавливают условия, ” сказал он, “ хотя ветер и дождь могут помешать, мужчины должны встретиться в назначенное время. Время нашей встречи было оговорено, данное слово приравнивается к клятве, если слово не будет сдержано, не следует приглашать союзника”.

“Я опоздал на три дня”, - сказал Тогрул. “Обвиняй и наказывай меня, Джамуха, брат мой, пока ты не будешь удовлетворен”.

Теперь воины двинулись дальше, переправились через Килхо в Бууру, где захватили всех людей и вместе с ними жену меркита, Тукту Биджхи. Тукта Биджхи, который спал, был бы схвачен, если бы его охотники и рыбаки не поспешили ночью и не предупредили его. Он и Дайр Усун, его брат, бросились вниз по реке в Баргуджин. Когда меркиты ночью бежали вниз по Селинге, люди Тогрула яростно преследовали их и захватывали в плен. В этой несущейся толпе Темуджин крикнул: “Бортай! О Bortai!” Она была с убегающими людьми; она узнала голос Темуджина и выпрыгнула из маленькой крытой повозки вместе со старухой Хоакчин. Подбежав, она схватила лошадь Тэмуджина под уздцы. В тот же миг луна пробилась сквозь облака, и они узнали друг друга.

Темуджин, не дожидаясь, послал к Тогрулу. “Я нашел, - сказал он, - тех, кого искал; давайте сейчас разобьем лагерь и не будем идти дальше этой ночью”. Они разбили лагерь там. Когда меркиты с тремя сотнями человек напали на Темуджина, чтобы отомстить за похищение жены Чилайду Оэлун, Тукта Биджхи, брат Чилайду, с двумя другими вождями трижды объезжал^[29]гору Бурхан, но не смог найти Темуджина и захватил только Бортай. Они отдали ее в жены Чилгеру, младшему брату Чилайду, первого мужа Оэлун, матери Темуджина. (Этот Чилайду, возможно, был отцом Темуджина.) Теперь, когда Тогрул и Джамуха привели огромную армию, Чилджер был жестоко напуган. “Я был обречен, как ворона, - сказал он, - питаться жалкими кусками старой кожи, но мне бы очень хотелось отведать дикого гуся. Своими оскорблениями против Бортая я причинил ужасные страдания меркитам; зло, которое теперь

постигло их, может сокрушить и меня. Чтобы спасти свою жизнь, я должен спрятаться в каком-нибудь маленьком и темном уголке”. Сказав это, он исчез. Хаатай Дармала был единственным захваченным человеком; они надели ему на шею канг и направились прямо к горе Бурхан.

Те триста меркитов, которые трижды объехали гору Бурхан, были убиты все до единого. Их жены, которые были пригодны продолжать быть женами, были отданы новым мужьям; те, кто должен был быть только рабынями, были отданы в рабство.

“Ты, о мой отец, и ты, мой анду, - сказал Темуджин Тогрулу и Джамуке, - Небеса благодаря помощи, которую вы оказали мне, укрепили мои руки в отмищении за великое оскорбление. Меркиты, напавшие на меня, уничтожены, их жены взяты в плен, работа теперь закончена”. В том же году Бортай родила своего первого сына, Джучи, и из-за ее пленения Темуджин всегда задавался вопросом о настоящем отце Джучи.

Удуты оставили в своем лагере прекрасного маленького мальчика Куичу. У него были великолепные ясные глаза, одет он был в речного соболя, а на ногах у него были сапоги из оленьих копыт. Когда воины захватили лагерь, они схватили Куичу и отдали его Оэлун. Темуджин, Тогрул и Джамуха разрушили все жилища меркитов и захватили в плен оставшихся в них женщин. Затем Тогрул вернулся в Тулу. Темуджин и Джамуха отправились в Хорхо Начубур и разбили там лагерь. Двое мужчин вспомнили прежние времена и истоки своей дружбы; теперь каждый обещал любить другого крепче, чем прежде, если это возможно. Тэмуджину было одиннадцать лет, когда они в первый день стали “андасами”; в то время оба были гостями Тогрула. Теперь они снова поклялись в дружбе, — стали андами во второй раз. Они обсуждали дружбу друг с другом: “Старики, - сказал Темуджин, [30], “ заявляют, что когда люди становятся андами, у обоих как бы одна жизнь; ни один не бросает другого, и каждый охраняет жизнь своего анда. Теперь мы заново укрепляем нашу дружбу и освежаем ее”. При этих словах Темуджин опоясал Джамуху золотым поясом, который он отобрал у меркитов, а Джамуха подарил ему богатый пояс и великолепного белого жеребца, которого он захватил в плен. Они устроили пир под широким раскидистым деревом у утеса, известного как Хульда, а ночью спали вместе под одним одеялом.

Темуджин и Джамуха, так сказать, из любви друг к другу, прожили восемнадцать месяцев в веселой, беззаботной компании, но на самом деле каждый из двух мужчин изучал и наблюдал за своим анда и работал против него со всей возможной мощью, что было очень ясно показано в дальнейшем. Наконец, в апреле, во время переезда, двое друзей, пришпорив коней, обогнали кибитки и, как обычно, заговорили: “Если мы разобьем лагерь вон у той горы впереди, - вдруг сказал Джамука, - наши юрты достанутся конным табунам. Если мы разобьем лагерь у реки, у пастухов будет пища для их глоток. Тэмуджин ничего не ответил на слова, которые казались мрачными и роковыми, поэтому он остановился, чтобы дожидаться свою жену и мать; Джамуха поехал дальше и оставил его. Когда Оэлун подошла к нему, Темуджин пересказал ей слова Джамухи и сказал: “Я не знал, что они могут означать, поэтому я ничего не ответил ему. Я пришла спросить твоего мнения, мать. Оэлун не успела ответить, потому что Бортай оказался быстрее. “Люди говорят, ” заявил Бортай, “ что твой друг ищет нового и презирает старое; я думаю, он устал от нас. Нет ли какого-то подвоха в этих словах, которые он передал тебе? Нет ли за ними какой-нибудь опасности? Нам не следует останавливаться, давайте всю ночь идти новой дорогой и не останавливаться до рассвета. С Джамукой лучше расстаться в добром здравии”. “ Бортай говорит мудрые вещи, ” сказал Темуджин. Затем он пошел своей дорогой, в

сторону от Джамухи, и прошел мимо одного лагеря тайджутов, которые испугались, увидев его; они поднялись и поспешили той же ночью в Джамуху. Тайджуты оставили в своем лагере маленького мальчика Кокочу. Люди Темуджина нашли мальчика и подарили Оэлун.

После этого стремительного ночного путешествия, когда наступил день, к отряду Темуджина присоединились многие джелаиры. Хорчи из клана Барин пришел тогда к Темуджину после рассвета и сказал ему следующее: “Я знаю через откровение духа, что произойдет, и [31]тебе я сейчас рассказываю это: в видении я увидел пеструю корову, подходившую к Джамуке; она остановилась, посмотрела на него, копала землю возле его юрты и отломила один рог, когда копала. Тогда она очень громко взревела и закричала: “Отдай мой рог, о Джамуха.” После этого появился сильный безрогий бык, который тащил за собой штыри шатра великого правителя, стоявшего за кибиткой Темуджина. Этот огромный бык мычал во время путешествия и сказал: ‘Небеса назначают Темуджина владыкой владений, я передаю ему его силу’. Вот что дух открыл в моем видении. Какую радость доставишь ты мне за это откровение? “Когда я стану владыкой доминиона, я назначу тебя командующим десятью тысячами”, - сказал Темуджин. “Я рассказал тебе много ценного”, - сказал Хорчи. “Если ты назначишь меня всего лишь командующим десятью тысячами, какое большое удовольствие я смогу получить от этой должности?” Сделай мне это и позволь мне также выбрать в жены тридцать прекрасных дев, где бы я их ни нашел, и дай мне сверх того, что я попрошу у тебя”. Темуджин кивнул, и Хорчи остался доволен.

Затем прибыло несколько человек из четырех других кланов. Все они ушли от Джамухи к Темуджину и присоединились к нему на реке Кимурха. И тогда было завершено великое дело: Алтан, Хучар и Сачаи Байки посоветовались со всеми своими родственниками, и когда они закончили, они предстали перед Темуджином и сказали ему следующее: “Мы хотим провозгласить тебя”, - сказали они. “Когда ты станешь ханом, мы будем в первых рядах в каждой битве против всех твоих врагов. Когда мы поймем красивых женщин и возьмем великолепных жеребцов и кобыл, мы обязательно приведем все это тебе, и когда на охоте ты будешь побеждать диких зверей, мы пойдем впереди других и отдадим тебе добытую нами дичь. Если в битвах мы нарушим твои приказы или в мирное время причиним тебе какой-либо вред, заberi у нас все, заberi жен и имущество и оставь нас тогда погибать в диких, бесплодных местах”. Поклявшись таким образом, они провозгласили Темуджина и сделали его ханом над всеми ними.

Темуджин, ныне хан страны четырех верховий рек, приказал своему товарищу Бурчу, которого он называл “младшим братом”, вместе с Огелаю, Хочиуном, Чедаем и Токолку нести его луки и колчан. Вангуру и Кадан Далдур раздавали еду и питье, были хозяевами питания. Дагай стал хозяином пастухов, Гучугур стал хозяином [32]кибиток. Додай стал повелителем слуг. После этого он приказал Хубилаю, Чилгутаю и Каркайто Курауну вместе со своим братом Кассаром стать фехтовальщиками; его сводному брату Белгутаю вместе с Каралом Дайто Курауном стать мастерами верховой езды. Дайчу, Дайхут, Моричи и Муталху должны были стать мастерами конных упряжек. Затем он повелел Аркаю Кассару, Тагаю и Сукагаю Чаурхану быть подобными ближним и дальним стрелкам, то есть посланниками в ближние и дальние места. Субудай Отважный заговорил тогда и сказал: “Я буду подобен старой мыши в ловле, я буду подобен галке в скорости, я буду подобен попоне, чтобы прятать вещи, я буду отражать любого врага, как войлок защищает от ветра, вот кем я буду для тебя”.

Затем Темуджин повернулся к Бурчу и Челмаю. “Когда я был один, - сказал он, - вы двое раньше других мужчин пришли ко мне как товарищи. Я не забыл этого. Будьте первыми во всем этом собрании”. Затем он заговорил дальше и обратился к другим мужчинам: “Вам, собравшимся здесь после ухода от Джамуки и присоединившимся ко мне, я заявляю, что, если Небеса сохраняют и поддержат меня, как до сих пор, вы все будете моими счастливыми помощниками и будете в большом почете стоять передо мной”; затем он проинструктировал их, как выполнять их новые обязанности.

Темуджин послал Тагая и Сукагая объявить о своем присоединении к Тогрулу из кераитов. “Хорошо, ” сказал Тогрул, “что Темуджин стал ханом; как ты мог дожить до этого времени без командира? Не обманывай хана, которого ты избрал”.

Темуджин послал Аркаи Кассара и Белгутая с аналогичными известиями к Джамуке, который ответил: “Скажи Алтану и Хучару, дяде и двоюродному брату Темуджина, что они клеветой разлучили меня с моим анда, и спроси их, почему они не провозгласили Темуджина, когда мы с ним были одним человеком по духу? Будьте все вы активными помощниками Темуджина. Пусть его сердце будет спокойно благодаря вашей верности”.

Это был официальный ответ, настоящий ответ Джамуки был дан вскоре после этого.

Тайчар, младший брат Джамухи, жил недалеко от горы Чалма, а раб Темуджина по имени Дармала останавливался на сезон в Сари Кехере — в обычаях того времени и народа раб считался братом, следовательно, рассматривал вендетту как брата и справлялся с ней — Тайчар украл табун лошадей у Дармалы, помощники которого побоялись последовать за ними и вернуть их, Дармала в одиночку бросился в погоню и[33]нагнал свой табун ночью вовремя; наклонившись к шее своего коня, он послал стрелу в Тайчара; стрела попала ему в позвоночник и сразу убила человека. Затем Дармала отогнал своих лошадей. Джамуха, чтобы отомстить за своего брата, встал во главе своего собственного и некоторых других кланов; с ними он сразу же вступил в союз со смертельными врагами Темуджина, тайджутами. Таргутай и Джамуха собрали три тумена воинов (30 000 человек). Они планировали неожиданно напасть на своего противника и с этой целью пересекли хребет Алаут Турхау. Темуджин, находившийся в то время в Гулялгу, был проинформирован об этом движении Мулкетой и Болдаем, которые оба были икиратами. Все его воины насчитывали тринадцать тысяч человек, и с ними он выступил навстречу Таргутая и Джамуке. Он мог выбрать собственное время и нанести захватчикам удар, который ему подходил. Он сражался с этими врагами при Далан-балджуте и одержал свой первый триумф, кровавую победу, огромную по своему значению, как показали результаты.

Таргутай и Джамуха были отбиты с большими потерями. Их армия была разбита и рассеяна, и многие были взяты в плен. После этой ожесточенной схватки Темуджин отвел своих людей в лес недалеко от поля битвы, где расставил всех своих пленников по ранжиру и отобрал главных для наказания. Несомненно, среди них было много тех, кто переманил людей после отравления Есугая, отца Темуджина, людей, которые оставили сироту и действовали на стороне Таргутая, его злейшего врага. В семидесяти или, как утверждают некоторые, в восьмидесяти больших котлах он сварил заживо тех из них, кто был наиболее достоин наказания. Кипячение продолжалось каждый день, пока он не замучил до смерти самого могущественного и мстительного из своих противников. Эта казнь посеяла ужас во все стороны, и поскольку Темуджин проявлял величайшую доброту к своим друзьям не только в те дни, но и во все времена и вознаграждал их по максимуму, надежда и страх принесли ему много сторонников.

Уруты и манхуты, первые под предводительством Чурчадая, а вторые под предводительством Куюлдара, отошли от Джамухи и присоединились к Темуджину, новому победителю. Мунлик из клана Куанхотан тоже пришел, приведя с собой семерых своих могучих сыновей, которые были безмерно великими бойцами и ядовитыми. Этот Мунлик, сын того Чарахи, которого один из последователей Таргутая насмерть ранил[34]ударом копья, был тем человеком, который привел домой Тэмуджина из дома Десайчана, его тестя, когда его собственный отец Есугай умирал.

Вскоре после того, как пленники были сварены до смерти в лесу, подразделение джуриатов, то есть членов собственного клана Джамухи, пришло и присоединилось к Темуджину по следующей причине: земли джуриатов соприкасались с землями людей Темуджина, и в определенный день мужчины обеих сторон были на охоте, и вечером отряды встретились по чистой случайности. “Давайте проведем ночь здесь с Темуджином”, - сказали некоторые из джуриатов. Другие не согласились, и одна половина отряда, состоявшего в общей сложности из четырехсот человек, отправилась домой; остальные двести остались в лесу. Тэмуджин дал этим людям все необходимое мясо и котлы, в которых они могли его сварить, он относился к ним щедро и по-дружески.

Эти джуриаты остановились еще дольше и охотились вместе с отрядом Темуджина. Каждый вечер они получали немного больше дичи, чем им причиталось; расставаясь, они были довольны добротой Темуджина и искренне благодарили его. В глубине души им было грустно, так как их положение было тягостным. Они очень хотели присоединиться к Темуджину, но не желали покинуть свой собственный народ; и по дороге домой они говорили друг другу на ходу: “Тайджуты ушли, они не будут думать о нас в будущем. Темуджин заботится о своем народе и делает все, чтобы защитить его”. Вернувшись домой, они поговорили со своими старейшинами. “Давайте поселимся еще ближе к Темуджину, - сказали они, - и будем повиноваться ему, служить ему”. “Какой вред причинили вам тайджуты?” - был ответ. “Они родственники; как мы могли стать единым целым с их врагом и оставить их?” Несмотря на этот ответ, Улуг Бахадур и Тугай Талу со своими родственниками и иждивенцами все вместе отправились к Темуджину.

“Мы пришли, ” сказали они, - как женщина, лишившаяся мужа, или стадо без хозяина, или отара без пастыря. В дружбе и согласии мы жили бы с тобой, мы обнажили бы наши мечи, чтобы защищать тебя, и рубили бы твоих врагов”.

“Я был как спящий, когда ты пришел ко мне, - сказал Темуджин. - Ты потянул меня за челку и разбудил. Я сидел здесь в печали, а вы подбадривали меня: ”Теперь я сделаю все, что в моих силах, чтобы удовлетворить ваши желания”. Он устанавливал различные правила и договоренности, которые им нравились, и они были полностью удовлетворены, по крайней мере, в течение сезона. [35]

Темуджин хотел еще больше укрепить свое положение и привлечь в свой союз Поду, который был вождем курулатов, чьи земли примыкали к Аргуну. Этот вождь был известен как лучник и воин. Темуджин предложил ему в жены свою сестру. Предложение было принято с радостью. Поду был готов отдать Тэмуджину половину своих лошадей и предложил их.

“О, ” сказал Темуджин, - мы с тобой не будем упоминать ни о взятии, ни о даянии; мы двое братья и союзники, а не торговцы. Люди в старину говорили, что одно сердце и одна душа не могут быть в двух телах, но это именно то, что в нашем случае я покажу всем людям как существующее. Я ничего не желаю от тебя и твоего народа, кроме дружбы. Я хочу расширить

свои владения и прошу только верной помощи у мужа моей сестры и его соплеменников”. Свадьба состоялась, и Поду был его союзником.

Вскоре после того, как эта первая группа джуриатов присоединилась к Темуджину, еще несколько их людей обсудили на собрании следующее: “Тайджуты необоснованно мучают нас, они вообще ничего нам не дают, в то время как Темуджин снимает со спины плащ и дарит его. Он сходит с лошади, на которую сел, и отдает ту же самую лошадь нуждающимся. Он настоящий лидер, он для всех как отец. Его страна управляется наилучшим образом”. Эта фракция также присоединилась к Темуджину.

Другим браком, о котором следует упомянуть, был брак матери Темуджина с Мунликом, сыном Чарахи, и отцом семи братьев - великих бойцов. Все эти приход к власти и его победа так укрепили Темуджина и обрадовали его, что он устроил для своей матери, мачех и родственников, со всеми новыми людьми, пир у реки Онон, в лесу. На этом пиршестве женская ревность из-за прикосновения к позе и кражи уздечки вызвала спор и вспышку. Несмотря на силу и авторитетность Темуджина, на пиру произошла стычка, которая вынудила одного вождя, Сидже Биджхи из племени баринов, удалиться со своим отрядом. Он отказался не только от пира, но и от своего союза с Темуджином.

Ссора началась так: Темуджин отправил кувшин кобыльего молока в первую очередь своей матери, Кассару и Сачаи Байки. Вслед за этим Холичин и Хурчин, две его мачехи, рассердились. “Почему бы не дать нам молока перед этими людьми, почему бы не дать молока нам одновременно с матерью Темуджина?” - спросили они[36], ударив Шикиура, который был распорядителем провизии. Эта забастовка вызвала беспорядки. После этого Темуджин приказал своему сводному брату Белгутаю сесть на коня, следить за порядком и взять Бури Бугу со стороны чурков себе на помощь. Человек из клана Хаджин, связанный с Чурками, украл уздечку и был обнаружен Бельгутаем, который остановил его. Бури Буга, чувствуя себя обязанным защищать этого человека, перерезал Бельгутаю плечо, тяжело ранив его.

Бельгутай не жаловался, когда у него потекла кровь. Темуджин, который стоял под деревом и наблюдал за происходящим, заметил все. “Зачем терпеть такое обращение?” - спросил он Белгутая. “Я ранен, - сказал Бельгутай, - но рана несерьезная; двоюродные братья не должны ссориться из-за меня”. Темуджин отломил ветку от дерева, схватил молочную ложку, бросился на Чурки и избил их; затем, схватив своих мачех, он вернул их на место и вразумил.

Две партии джуриат, примкнувшие к Темуджину, охладили друг к другу вскоре после того пира у реки. Несомненно, интриги Джамухи довели их до такого состояния ума; затем они подрались друг с другом и в конце концов дезертировали.

Джамуха был человеком, обладавшим огромной властью в заговорах, и тем, кто никогда не переставал добиваться своей цели. Темуджин попытался добиться от Джамухи какого-нибудь проявления доброты. Другими словами, он приложил все усилия, чтобы подчинить его с помощью глубокой изощренной хитрости, но все усилия оказались бесплодными. Эти люди были обречены на завоевание власти. Без власти жизнь не была жизнью ни для одного из двух искусных обманщиков. Какими бы ни были его действия или видимость в любое время, Джамуха всегда был смертельным врагом Темуджина. Он хранил в своем сердце неугасимую ненависть и постоянно планировал нанести какой-нибудь удар своему сопернику. Когда джуриаты были в лучшем состоянии, он замышлял заговор, когда они были рассеяны и слабы и частично

перешли на сторону Темуджина, он, тем не менее, был не менее активен и объединялся с врагами своего противника везде, где мог их найти. Темуджин не заботился ни о мужчине, ни о женщине, ни о чем на земле, что противоречило бы его планам владычества.[37]

1 1161. ↑

2 1175. ↑

3 Туман равен десяти тысячам. ↑

[Содержание]

ГЛАВА III

ВАН - ХАН КЕРАИТОВ

Теперь у Темуджина появилась новая возможность сокрушить врага и в то же время укрепить свои силы. Император династии Кинь послал Ван Кина, своего министра, с армией против татар озера Буйур, поскольку они не желали ни делать то, что он хотел, ни платить дань. Не имея сил сопротивляться, они перебрались на новые места, выше по Ульче. Теперь Темуджин действовал двояко: с одной стороны, он как бы помогал правителю Рода и таким образом представлял свои действия министру Золотого хана. Тем временем, собрав своих приближенных, он сказал: “Эти буйуры убили моего отца и дядю; сейчас самое время напасть на них, но не для того, чтобы помочь правителю Рода, а чтобы отомстить за наш собственный народ”. Тогрулу он в большой спешке отправил следующее сообщение: “Золотой хан преследует татар озера Буйур; эти люди - твои враги и мои, так помоги же мне, отец мой”.

Тогрул быстро пришел на помощь. Темуджин послал к Сачаи Байки и Дайчу из чурков и попросил помощи и у них. Он шесть дней ждал подкрепления, но никто из чурков не появился. После этого он с Тогрулом двинулся вниз по Ульче и напал на татар. Он был на одном берегу, а Тогрул - на другом. Татары не могли отступить, так как люди Золотого хана преследовали их, поэтому они воздвигли против них сильную крепость. Темуджин и Тогрул ворвались в эту крепость; многие татары были убиты, а многие взяты в плен, в том числе их предводитель. Темуджин казнил этого человека в отместку за его отца. Темуджин и его союзник захватили огромную добычу - пленников, скот и всевозможное имущество; среди прочего была захвачена серебряная колыбель и покрытая золотом скатерть. Темуджин получил похвалу за свой поступок. Без единого удара родственник[38]министра выполнил свою миссию, и позже он приписал себе перед своим государем заслугу в том, что заставил Тогрула и Темуджина выполнять за него его работу. Он дал Темуджину титул Чао Хури, а Тогрулу был дан титул Ван хана. “Я благодарен”, - сказал министр. “Когда я вернусь, я доложу обо всем моему повелителю и добыю для тебя еще более высокого титула”. Затем он удалился.

Темуджин и Тогрул, ныне Ван-хан, и так мы будем называть его впредь, тоже отправились в свои места.

В захваченном татарском лагере был обнаружен мальчик; в носу у него было золотое кольцо, вокруг талии - пояс, отороченный соболем, с золотыми кистями. Они сразу же отвели мальчика к Оэлун, которая сделала его своим шестым сыном и дала ему имя. С тех пор он был известен как Шиги Кутуку. Темуджин оставил у озера Халил много людей; пока его не было, чурки раздели пятьдесят из этих людей, сорвали с них одежду и убили десятерых из них. Тэмуджин был в ярости от этого поступка.

“Зачем терпеть подобные деяния от чурков?” воскликнул он. “На нашем пиру в лесу они ранили Белгутаю в плечо. Когда я мстил за своего отца и дядю, они не захотели оказать нам помощь, они пошли к нашим врагам и помогли им, теперь я накажу этих людей подобающим образом”.

Поэтому он повел своих людей уничтожать Чурки. В Долон-Болдау на Керулоне он захватил в плен всех воинов чурки, кроме Сачаи Байки и Дайчу, которые убежали с пустыми руками. Тэмуджин неустанно охотился за этими двумя людьми, пока не поймал их. “Мы не сделали того, что обещали”, - сказали они в ответ на его вопросы. Говоря это, они вытянули шеи, и Темуджин отрубил им головы. После этого он вернулся в Долон Болдау и увел в рабство тех, кто остался от чурки.

Происхождение Чурки было следующим: у Кабул-хана, прадеда Темуджина, было семь сыновей. Из них старшим был Окин Барка. Кабул выбрал сильных, смелых, искусных лучников и отдал их в услужение Окину Барке. Куда бы они ни шли, эти слуги побеждали всех, кто им противостоял, и в конце концов ни один человек не осмеливался соперничать с такими чемпионами, отсюда они и получили название Чурки.

Второй сын Кабул-хана, Бартан, был отцом Есугая, предполагаемого отца Темуджина. Внуком Кабула, ребенком его третьего [39]сына Мунлэра, был Бури Буга, товарищ внуков Окина Барки. Бури-буга присоединился к хану гораздо раньше других, но он оставался независимым в своих чувствах, поэтому Темуджин не доверял ему.

Хотя ни один человек среди монголов не мог сравниться с Бури Бугой ни в силе, ни в борьбе, он не избежал жестокой смерти. Через некоторое время после низложения чурков Темуджин приказал Белгутаю и Бури Буге сразиться в его присутствии. Всякий раз, когда Белгутаю боролся с Бури Бугой, последнему удавалось одной ногой и одной рукой удерживать его неподвижно, словно безжизненного. На этот раз Бури Буга, притворившийся избитым, упал лицом на землю под Белгутаем, который, уложив его, повернулся к Темуджину за указаниями. Тэмуджин закусил нижнюю губу; Белгутаю знал, что означает этот знак, и, упершись коленом в позвоночник Бури-буги, схватил его за шею обеими руками и сломал хребет своему противнику.

“Я не мог проиграть в этой борьбе, - сказал умирающий Бури-буга, - но, боясь хана, я притворился побежденным, а затем сдался, и теперь ты отнял у меня жизнь”.

В это время Талайгуту, человек из племени джелаиров, у которого было три сына, приказал старшему по имени Гунуа и двум его сыновьям, Мукули и Буге, пойти к Темуджину и сказать ему: “Эти мои сыновья будут служить тебе вечно. Если они выйдут из твоих дверей, вырви у них из ног все сухожилия, после этого вырежь их сердца, а также печень”. Тогда Талайгуту приказал Чилауну, своему второму сыну, явиться вместе с Тунге и Хаши, двумя его собственными сыновьями, и сказать следующее: “Пусть эти мои сыновья тщательно охраняют твои золотые двери. Если они потерпят неудачу, заведи у них жизни”. После этого Талайгуту отдал своего третьего сына Чебке брату Темуджина, Кассару. Чебке нашел в лагере чурков мальчика по

имени Борул, которого он отдал Оэлун. Оэлун поместила четырех мальчиков: Куичу, Кокочу, Шиги Кутуку и Борула со своими собственными детьми, наблюдала за всеми своими глазами днем и слушала их своими ушами ночью; так она их воспитывала.

Кем был Тогрул из кераитов, более известный как Ван хан? Этот вопрос представляет глубокий интерес для истории монголов, поскольку у этого человека были крупные сделки с Темуджином, он также имел много общего с Есугаем, отцом Темуджина. Маркуз [40] Буюрук, дед Тогрула, правивший в его время, был схвачен Науром, татарским вождем, и отправлен к императору Рода, который приказал прибить его к деревянному ослу, а затем изрубить на куски. Его вдова решила отомстить Науру за эту ужасную смерть своего мужа. Некоторое время спустя она отправилась в путь, чтобы оказать Науру притворное почтение и, если возможно, выйти за него замуж, как по секрету заявили некоторые из ее слуг. Она привела в Наур сотню овец и десять кобыл, не считая сотни больших коровьих шкур, содержащих, как было сказано, дистиллированное кобылье молоко, но на самом деле в каждой шкуре находился хорошо вооруженный живой воин.

Наур немедленно устроил пир, во время которого сотню человек освободили от коровьих шкур, и с помощью слуг вдовы они убили хана и его домочадцев.

Маркуз оставил четырех сыновей, двумя наиболее выдающимися были Курджа Куз и Гурхан. Курджа Куз наследовал своему отцу. Тогрул наследовал Курдже Кузу, своему собственному отцу, убив двух дядей, не считая нескольких двоюродных братьев. Гурхан, его оставшийся дядя, бежал и нашел убежище у Инанджи, тайяна соседних найманов, которых он призвал на помощь себе. Затем Гурхан с найманскими войсками изгнал Тогрула и провозгласил себя правителем. Тогрул в сопровождении ста человек отправился к Есугаю и умолял его о помощи. Есугай восстановил в должности Тогрула и вынудил Гурхана бежать в Тангут.

Тогрул поклялся в бесконечной дружбе своему союзнику и стал для него заклтым другом или “анда”. Когда Есугай был отравлен татарами, Темуджин, его сын, в то время мальчик, потерял власть и долгие годы страдал от тайджутов. Тогрул оказал ему помощь и приютил его. После этого, как уже говорилось, когда Темуджин женился и меркиты похитили его жену, Тогрул помог вернуть ее, а вместе с ней и часть людей Темуджина. В 1194 году ему был присвоен титул Ван-хан. Позже брат изгнал его, и на этот раз он бежал к уйгурам, но тщетно искал помощи у идикута, или правителя, этого народа. Некоторое время он вел жалкую жизнь без средств к существованию или собственности и, как утверждается, питался молоком от небольшого стада коз, которое было его единственным источником пропитания. Наконец он узнал, что Темуджин набрал силу, поэтому попросил у него помощи и получил ее.

Тэмуджин подарил Ван-хану скот и осенью того же 1196 года устроил пир в честь своего старого благодетеля и [41] пообещал впредь относиться к нему как к отцу и помогать ему как к союзнику.

В 1197 году два союзника нанесли поражение баринам, захватив Сидже Биджхи и Тайджу, их лидера. В том же году они напали на меркитов, нацию из четырех племен, которой тогда правил Тукта Биджхи. Одно из этих племен было разбито близ Селинги. Темуджин позволил Ван-хану оставить себе всю захваченную добычу. Ван-хан в 1198 году, годом позже, предпринял без посторонней помощи войну против меркитов, захватил в плен Джилауна, сына Тукта Биджхи, и убил Тугуна, другого сына. Он захватил также Куту, брата Тукты. Он захватил все стада и людей Джилауна, но не отдал Темуджину ни части этой добычи.

В 1199 году два союзника выступили в поход на найманов, народ сильный и знаменитый во времена правления Буга-хана, способного правителя, но когда этот хан умер, двое его сыновей, чтобы заполучить некую наложницу, оставленную их отцом, начали кровопролитную ссору, которая привела к разделу страны. Старший мужчина, Байбуга, которого его подданные и соседи называли Тайян,¹ сохранил равнинную местность, в то время как Буйрук, его брат, занял горные районы. Каждый правил в одиночку, и каждый был врагом другого. Ван-хан и Тэмуджин, вспомнив прежние грабежи найманов и желая также добавить богатства и власти к тому, что имели сами, напали на Буйрук в Кизил-Баш, недалеко от Алтая. Они захватили много пленников и много драгоценной добычи. Затем Буйрук двинулся на запад, сопровождаемый союзниками и сражающийся с большой энергией. Один из его предводителей, Эдетуклук, возглавлявший арьергард, сражался до тех пор, пока все его люди не были перебиты или взяты в плен. Затем он боролся в одиночку, пока подпруга его седла не лопнула, и он не был схвачен.

После этого союзники вступили в контакт с Гугсу Сейраком, другим найманским командующим, у которого было гораздо больше сил и который выбрал свою позицию. Этот человек несколько раньше ограбил брата Ван-хана и часть его родственников. Союзники уже встретились с ним и надеялись теперь сокрушить его. Они бы напали на него немедленно, но, поскольку приближался вечер, они предпочли подождать с битвой до следующего утра. Джамуха, всегда готовый причинить вред Темуджину, отправился к Ван-хану и заставил его поверить, что он находится накануне предательства и будет разорен Темуджином и найманами. Той^[42] ночью Ван Хан отправился домой. Дезертировавший таким образом Темуджин был вынужден отступить, что он и сделал незаметно.

Гугсу Сейрак поспешно последовал за Ван Ханом и настиг двух своих братьев. Он захватил их семьи, а также имущество и скот. Затем он вошел в землю Ван-хана и нашел там богатую добычу всех видов. Ван-хан послал Сенгуна, своего сына, встретить Сейрака; тем временем он поспешил отправить гонцов к Темуджину и умолял его о помощи. Темуджин, учитывая тяжелое положение своего союзника, но еще большую опасность для себя, если люди Ван-хана будут разбиты и взяты в плен найманами, послал ему на помощь четырех своих самых способных вождей. Это были Бурчу, Мукули, Борул и Джилаун. Эти четверо вели своих людей быстрыми маршами и как раз достигли поля битвы, когда войско Ван-хана было разбито, его лучшие военачальники убиты, а Сенгун, его сын, верхом на хромящем раненом жеребце обратился в бегство. Все имущество хана было захвачено найманами. Бурчу со всех ног помчался к Сенгуну, отдал ему коня, на котором он сам до этого момента скакал, а затем сел на серого скакуна, которого Тэмуджин подарил ему в знак великой милости. Он не должен был бить эту лошадь ни по какой причине; ему нужно было просто провести хлыстом по ее гриве, чтобы заставить ее мчаться с молниеносной скоростью во время боя.

Бурчу послал вперед свои свежие войска, отборных воинов, а затем объединил разрозненные силы Сенгуна, чтобы помочь им в борьбе с найманами. Найманы, опьяненные победой и не думавшие о поражении, вскоре пришли в себя. Герои Темуджина вернули все, что было украдено у людей Ван-хана, - и лошадей, и имущество. Ван Хан на поле боя поблагодарил своего верного союзника и четырех замечательных лидеров в самых теплых словах, какие только были возможны. Он подарил Бурчу десять золотых кубков и почетную мантию; других он награждал очень щедро и сказал, когда они уходили от него: "Однажды я появился как беглец, нагой и голодный; Темуджин принял меня, он накормил и одел меня. Как я могу отблагодарить моего великолепного сына за его доброту? В прежние дни Есугай вернул мой народ, а теперь

Темуджин послал своих четырех героев; с помощью Небес они победили найманов и спасли меня; я буду думать об этих благах и никогда их не забуду”.

Когда старый хан вернулся в свою юрту и все стихло со всех сторон, Темуджин отправился навестить своего “отца”^[43] и “анду”. В Шварцвальде двое мужчин поделились друг с другом своими чувствами, и, наконец, Темуджин очень правдиво и осторожно, хотя и в нескольких словах, описал истинное положение вещей:

“Я не могу жить в безопасности без твоей помощи, отец мой. Найманы с одной стороны и мои лживые родственники-заговорщики с другой, огорчают меня. Мои родственники поднимают против меня тайджутов и всех врагов, но, видя твою любовь ко мне, они знают, что, пока ты жив и не изменился, и правишь, они не могут уничтожить меня. Ты тоже, о отец мой, не можешь жить в безопасности без моей крепкой дружбы. Без меня твои ложные братья и кузены, которым помогают их союзники, разделили бы твой народ и захватили бы твою власть. Они убили бы тебя, если бы ты не смог быстрым бегством спасти себя от гибели. Сенгун, твой сын, ничего не выиграет, он тоже будет лишен власти и существования, хотя в настоящее время он этого не видит. Я - его лучшая опора, так же как и твоя, о мой отец. Ты тоже моя самая большая опора и опора. Без тебя все мои враги сразу восстали бы, чтобы сокрушить меня, но если бы я ушел, и моя власть оказалась в их руках, твоя власть вскоре перешла бы к твоим злейшим врагам, твоим родственникам. Наш единственный способ сохранить власть и жить дальше в безопасности - это дружба, которую ничто не может разрушить. Эта дружба существует сейчас, и нам нужно только провозгласить ее. Будь я твоим старшим сыном, все было бы тихо и улажено для нас обоих”.

Оставшись один, Ван-хан рассуждал так сам с собой и размышлял: “Я стар, кому я оставляю руководство моим народом? Мои младшие братья лишены возвышенных качеств; мой брат Джаганбо также не способен противостоять врагам. Сенгун - единственный мужчина, оставшийся у меня в живых, но какими бы ни были заслуги Сенгуна, я сделаю Темуджина его старшим братом. С помощью этих двух сыновей я смогу жить в безопасности”.

В Шварцвальде Темуджин стал старшим сыном Ван-хана. До этого времени он называл старого вождя своим отцом по дружбе, потому что он и Есугай оба были его “андами” и союзниками. Теперь Ван-хан и Темуджин использовали слова “сын” и “отец” в разговоре с их реальным значением. Это усыновление Темуджина фактически лишило Сенгуна права наследования, и Темуджин, конечно, хорошо знал, что со стороны Сенгуна и Джамухи последует огромное сопротивление.

“Мы будем сражаться бок о бок в войне с врагами”, - сказал Ван^[44]хан своему новому старшему сыну. “Выступая против диких зверей, мы должны охотиться общими силами. Если люди попытаются поспорить нас, мы никого не послушаем и поверим только тогда, когда встретимся, тщательно все обсудим и докажем это”. Так они решили, и их дружба в тот день была совершенной.

Сокрушительное поражение найманов, сильно опустившее их, сразу же подняло Темуджина над всеми соперниками. Заговор Джамухи полностью обернулся против него самого, и если бы он планировал помочь Темуджину, то не смог бы помочь лучше. Несколько позже Джучи Кассар вырвал у найманов еще одну победу и еще больше ослабил их. Тукта Биджхи, вождь меркитов, послал Орджанка и Куту, своих братьев, снова поднять тайджутов против Темуджина. Онгу и

Хакаджу взяли за оружие и приготовились вместе с Кудодаром и Курулом прийти на помощь Таргутаю, вождю тайджутов.

Темуджин и Ван-хан выступили в поход весной 1200 года и встретились с этими противниками на краю великой пустыни Гоби, где полностью разгромили их. Таргутай и Кудодар оба были убиты. Таргутай был человеком, который так жестоко обошелся с Темуджином после того, как его отец был отравлен. Этот вождь тайджутов пал теперь от руки Джилауна, сына того самого Сорхана Ширы, который спас Темуджина из реки Онон, снял канг с его шеи и спрятал его под вешалками для шерсти. Хакаджу и Онгку, которые помогли в этой войне, позволив Тукта Биджхи поднять тайджутов, бежали теперь в Баргуджин с двумя братьями Тукта Биджхи, в то время как Курул нашел убежище у найманов. И все же это поражение не положило конец злобе тайджутов. Каткины и Салюты также разделяли эту ненависть. Темуджин, однако, стремился завоевать их на свою сторону и отправил посланника с таким посланием: “Каждый монгольский клан должен поддерживать меня, тогда я смог бы защитить всех без исключения”. Этот посланник был оскорблен; кто-то выхватил внутренности из горшка и ударил им его по лицу; они били его направо и налево и прогнали прочь под насмешки и громкий вой.

Эти люди, конечно, ясно понимали, что после оскорблений такого рода они находятся в большой опасности. Тайджуты были разгромлены, а еще раньше найманы. Удар, который, несомненно, должен был вскоре обрушиться на них, был беспощаден, поэтому они быстро объединились и встретились в Арабулаке с некоторыми джелаирами, дурбанами, кункуратами и татарами. Эти пять народов убили мечами[45]жеребца, быка, собаку, барана и козла. “О Небо и земля, услышьте наши слова и будьте свидетелями”, - восклицали они во время жертвоприношения. “Мы клянемся кровью этих жертв, которые сами являются вождями рас, что мы заслуживаем смерти таким же образом, если не сдержим обещание, данное здесь сегодня”. Тогда они поклялись верно охранять каждую тайну и нападать на союзников без предупреждения и пощады.

Даин Нойон, вождь Кункуратов, сообщил Темуджину о договоре и клятве, поэтому у него было время встретиться с этими союзниками у озера Буяр, где он рассеял их после ожесточенного, упорного сражения. Несколько позже он встретил отряд тайджутов и несколько меркитов близ Тимурхи и разгромил и их. Тем временем кункураты прекратили сопротивление и отправились на соединение с Темуджином, но Кассар, его брат, не зная их цели, напал на них и разгромил. После этого они повернулись к Джамуке и присоединились к его войскам.

В 1201 году каткины и салджуты вместе с кункуратами, джуриатами, икиратами, курулатами, дурбанами и татарами встретились в Алхуйбуле и выбрали Джамуху своим ханом. После этого они отправились в Тулу и принесли на собрании такую клятву: “Если кто-нибудь раскроет эти наши планы, пусть он падет, как падает эта земля, и будет срублен, как срубаются эти ветви”. С этими словами они обрушили часть берега реки и отрубили саблями ветви дерева. Тогда они строили планы напасть на Темуджина врасплох, когда тот останется без охраны, и убить его.

Некий человек по имени Куридай, присутствовавший при принесении присяги, ускользнул домой и рассказал всю историю своему шуруну Мергитаю, курулату, который случайно оказался в юрте. Мергитай настоял, чтобы Куридай быстро поскакал в Гулялгу и объяснил заговор Темуджину, поскольку он, Куридай, слышал это собственными ушами. “Возьми моего серого коня с короткими ушами, он понесет тебя в безопасности”, - сказал Мергитай. Куридай вскочил на коня и быстро ускакал. По дороге он был схвачен часовым, но этот часовой, тоже

курулат, втайне был предан Темуджину душой и телом, поэтому он не только освободил Куридая, когда услышал о его поручении, но и подарил ему своего собственного великолепного жеребца. “На этом коне, - сказал Курулат, - ты можешь обогнать любого человека, но ни один человек на другом животном не сможет обогнать тебя”.

Куридай поспешил прочь. По дороге он увидел воинов, несущих великолепный белый шатер для Джамуки. Несколько слуг этих людей [46]погнались за ним, но вскоре жеребец унес его из виду. В должное время он нашел Темуджина, который, услышав эту весть, быстро перешел к активным действиям. Он послал людей к Ван-хану, который быстро привел свою армию, и два союзника двинулись вниз по Керулону против своего противника.

Джамуха, который намеревался застать врасплох своего соперника, сам был пойман в месте под названием Эдекурган. Пока он собирал свои силы, Буйрук и Кудук, два его шамана, подняли ветер и вызвали дождь, чтобы ударить в лицо Темуджину и его союзникам, но ветер и дождь обратились против Джамухи. Воздух потемнел, и люди падали в овраги и на неровные места. “Небеса сегодня немилосердны, - сказал Джамуха, - вот почему это несчастье постигло нас”. Его армия была рассеяна. Затем найманы и другие оставили его, и, забрав тех, кто провозгласил его, Джамуха удалился вниз по реке.

Ван-хан преследовал Джамуху, в то время как Темуджин преследовал Аутчу из тайджутов и тех, кто пошел с ним. Аутчу сбежал, поспешил домой, собрал своих людей, переправился через Онон и начал действовать. После многих стычек в течение всего дня шел ожесточенный бой с Темуджином, затем обе стороны пообещали сохранить свои позиции этой ночью на поле боя. Темуджин был ранен в шею и потерял сознание от потери крови. Челмай, его помощник и товарищ, высасывал кровь, которая застывала и, вероятно, могла задушить его. Вождь пришел в сознание в полночь. Челмай разделся догола, чтобы легче сбежать в случае поимки, и прокрался во вражеский лагерь, чтобы найти кобылье молоко, но нашел только сливки, которые он взял с такой ловкостью, что никто не заметил его ни при входе, ни при выходе. Затем он сходил за водой, смешал с ней густые сливки и приготовил напиток. Темуджин пил с большим жадностью, сделав три очень глубоких вдоха, и остановился только после третьего. “Мои глаза прозрели, - сказал он, - моя душа теперь снова ясна”.

С этими словами он принял сидячее положение. Пока он сидел там, рассвело, и он увидел у своей кровати большое пятно застывшей крови. “Что это?” - спросил он. “Почему эта кровь так близко от меня?” “Я не думал ни о далеком, ни о близком, — ответил Челмай, - я боялся уйти от тебя, хотя при таких обстоятельствах я и сплевывал кровь, и глотал ее...”. Ни капли твоей крови не попало в мой желудок вопреки мне”. [47]

“Когда я был в таком тяжелом положении, ” спросил Темуджин, который теперь понял, что произошло, - как у тебя хватило смелости пробраться к врагу совсем голым?“ Если бы они поймали тебя, разве ты не сказал бы, что я был здесь ранен?“ “Если бы они поймали меня, я бы сказал им, что я сдался им, но тогда ты схватил меня и, узнав, что я сдался, раздел меня и был уже готов отрубить мне голову, когда я отскочил и побежал к ним за убежищем. Они поверили бы каждому слову, дали бы мне одежду и отправили на работу. Мне следовало поскорее украсть лошадь и вернуться к тебе”. “Когда меркиты искали моей жизни на горе Бурхан, - сказал Темуджин, - ты защитил ее, а теперь ты высосал застывшую кровь из моей шеи и спас меня. Когда я умирал от жажды, ты рисковал собственной жизнью, чтобы напоить и восстановить меня, я не забуду, пока жив, этих великих заслуг”.

На следующий день Темуджин увидел, что люди Джамухи разбежались ночью, в то время как его собственные люди все еще были на поле боя. Затем он преследовал врага на некотором расстоянии; внезапно на холме послышался крик женщины в красном: “Темуджин! Темуджин!” - очень громко. Он послал узнать, кто она такая и почему кричит. “Я Кадан, дочь Сорган Ширы”, - сказала женщина. “Люди пытались убить моего мужа, и я звала Темуджина, чтобы защитить его”.

Темуджин быстро послал за мужем Кадан, чтобы спасти его, но он был мертв, когда его нашли. Затем Темуджин позвал Кадан сесть рядом с ним, потому что она охраняла его под пленницей дров у своего отца. Однажды Сорган Ширы сам пришел к Темуджину. “Почему пришли так поздно?” - спросил Темуджин. “Я всегда был на твоей стороне, - ответил Сорган, - и стремился присоединиться к тебе, но если бы я пришел раньше, тайджуты убили бы всех моих родственников”.

Темуджин продолжал преследование и, убив детей и внуков Аутчу, перешел со своими воинами в Хубахай, где провел ту зиму. Весной 1202 года Темуджин двинулся против сильных татар к востоку от него. Этот народ населял регион, окружающий озеро Буйур и расположенный к востоку от него, следовательно, они были соседями тогдашних цзюйчи, известных в наше время как маньчжуры. У этих татар было семьдесят тысяч юрт, и они сформировали шесть дивизий. Их конфликты друг с другом были частыми,^[48] и каждое племя грабило друг друга. Между этими татарами-буюрами и монголами во все времена бушевала ожесточенная вражда. Темуджин пал против двух племен, называемых илчи и чаган. Перед схваткой он очень строго проинструктировал своих воинов: “Выслеживайте этих людей, когда победите, убивайте без жалости, не щадя никого. Не трогайте добычу, пока бой не закончится; после этого все будет честно поделено”. Позже он услышал, что Куджейр и Даритай, два его дяди, и Алтан, его двоюродный брат, пренебрегли этим приказом и схватили то, что им попало. Он сразу же лишил этих людей всего, что они взяли, и когда в конце борьбы был произведен раздел, им не было предоставлено никакой части. Из-за этой строгости и наказания Темуджин потерял расположение тех вождей, которые тайно противостояли ему, и позже подтвердил большой разрыв, который Джамуха устроил между ним и Ван-ханом.

Темуджин убил много татар в этом конфликте и захватил в плен большинство выживших, теперь он советовался со своими родственниками о том, что следует делать с этими пленниками. “Они заслуживают наказания, - сказал он. - Они убили нашего двоюродного дедушку и нашего отца. Давайте убьем каждого мужчину, который выше ступицы колеса телеги. Когда это будет сделано, мы должны сделать рабами остальных и разделить их между собой”. Все присутствующие приняли этот метод. Решив таким образом вопрос, Бельгутай покинул совет.

“Что ты задумал на сегодня?” - спросил Айке Черан, плененный татарин, принадлежащий Белгутая. “Убить каждого из вас мужского пола, который выше ступицы тележного колеса”, - сказал Бельгутай. Другие пленники, узнав об этом, вырвались и бежали, не останавливаясь, пока не достигли укрепленного места в горах и не захватили его.

“Иди и захвати их крепость”, - приказал Темуджин. Это было сделано с большими трудностями и кровопролитием. Татары сражались с отчаянием и были перебиты до последнего, но многие из отборных воинов Темуджина погибли в этой резне. “Белгутай выдал врагу наши секреты, - сказал Темуджин. - Из-за этого погибло много хороших людей. Белгутай исключен из совета, отныне

пусть он остается на улице и остерегается краж, драк и ссор. Белгутаи и Даритаи могут прийти к нам только после окончания совета.

Когда Тэмуджин убил всех татар мужского пола, которые были[49]ростом выше ступицы колеса телеги, он взял в жены Айсуган, дочь того самого Айке Черана, который задал этот вопрос Белгутаю. Айсуган быстро завоевала доверие Темуджина; она понравилась ему, и вскоре она сказала ему: “У меня есть старшая сестра Айсуй, красавица; она должна быть супругой хана. Хотя она только что вышла замуж, я не могу сказать, где она, но мы могли бы найти ее.

“Если она красавица, - сказал Тэмуджин, - я найду ее. Уступишь ли ты тогда свое место сестре?” “Я отдам его, как только увижу ее”, - сказала Айсуган. Темуджин послал людей на поиски Айсуй. Они нашли ее в лесу, где она пряталась со своим мужем. Муж сбежал, и Айсуй отвели к Темуджину. Айсуган уступила ее место своей сестре. Однажды Темуджин сидел у двери своей палатки с этими сестрами и пил. Заметив, что Айсуй глубоко вздохнула, в нем зародилось подозрение. Он приказал Мукули и другим присутствующим расставить присутствующих по местам, которые они занимали. Когда все были подсчитаны, выяснилось, что один молодой человек не связан ни с каким улусом или общиной. “Что ты за человек?” - спросил Тэмуджин. “Я муж Айсуй”, - ответил молодой незнакомец. “Когда они забрали ее, я сбежал, теперь все улажено и закончилось, я пришел сюда, думая, что ни один мужчина не заметит меня в огромной толпе людей”.

“Ты сын моего врага”, - сказал Темуджин. “Ты пришел разведать. Я убил твоих людей и не нахожу причин щадить тебя больше, чем других”. Темуджин приказал отрубить этому человеку голову.

Вождь меркитов Тукта Биджхи вернулся с озера Байкал и напал на Темуджина, но был сбит с толку. Затем он повернулся к Буйруку из найманов, которые присоединились к конфедерации каткинов, дурбанов, салджутов и уйратов вместе с меркитами и двинулись в 1202 году, ближе к осени, с большими силами, чтобы нанести удар по Темуджину, которого поддерживал Ван-хан, его старый союзник. Из-за сезона Темуджин удалился в горные земли недалеко от границы с Китаем (Северный Китай), его план состоял в том, чтобы заманить врага на опасные высокие перевалы, где атаки и плохая погода могли погубить его. Конфедераты быстро последовали за ними через горы и вступили в перестрелку, но прежде чем они смогли вступить в настоящее сражение, ветер и снег с густым туманом, вызванные, как говорили, магами, поразили их всех и остановили боевые действия. Конфедераты были вынуждены[50]отступить сильно ослабленными; они потеряли людей и лошадей убитыми, упав в тумане с обрывов, в то время как множество людей погибло в диких местах от морозов. Джамуха двинулся дальше, чтобы присоединиться к найманам, но когда он увидел печальное положение союзников, он начал грабить часть из них, и после того, как он забрал хорошую добычу у салджутов и каткинов, он встал лагерем рядом с Темуджином и его союзником, очень внимательно наблюдал за происходящим и ждал.

Темуджин и Ван-хан провели зиму на равнине недалеко от гор, где снег служил водой. Находясь там, он попросил руки внучки Ван хана, Чаур Биджхи, для своего собственного старшего сына Джучи, и Ван хан упомянул дочь Темуджина, Кутчин Биджхи, для сына Сенгуна Куш-Буги. Эти два брачных контракта, согласованные поначалу, позже были разорваны по разным не вполне объяснимым причинам. Джамуха, без сомнения, был главной причиной в этом вопросе и спровоцировал всю ссору. За этим разрывом последовали пререкания и охлаждение

отношений между двумя союзниками, что дало Джамуке еще один шанс. Поскольку ему так и не удалось полностью отдалить Ван-хана от Темуджина, он теперь с твердой уверенностью обратился к Сэнгуну. Он покори́л сына и наследника Ван-хана следующими заявлениями: “Темуджин стал сильным и желает быть величайшим среди людей. Он решил быть единым правителем, он не может быть им, пока не уничтожит всю твою семью, он решил уничтожить ее, и он сделает это, если ты не помешаешь ему. Темуджин заключил прочный договор с твоим врагом Байбугой, Тайяном из найманов; он должен получить помощь от Байбуги и только ждет момента, чтобы погубить твоего отца, после чего он схватит и убьет тебя, он захватит всю твою страну и сохранит ее”.

Таким образом, Джамуха наполнил сердце Сэнгуна великим страхом и острой ненавистью, чувства, чрезвычайно усиленные дядьями Темуджина, Даритаем и Куджейром, которые вместе с Алтаном, его двоюродным братом, были в ярости из-за потери своей добычи и по другим причинам. Эти люди заявили, что каждое слово, произнесенное Джамукой, было правдой. Был составлен грандиозный заговор, которым руководил Джамука, чтобы заставить Темуджина врасплох и убить его. Джамуха, который внимательно следил за событиями и работал, в конце 1202 года взял с собой Алт-ана и других и снова отправился в Сэнгун, который тогда жил к северу от Чечехера, и[51]нападая на Темуджина, сказал следующее: “Посланцы постоянно перемещаются между Темуджином и найманами; эти посланцы устанавливают условия твоего разорения. Все это время Темуджин говорит об узах между ним и твоим отцом, которого он также называет своим ‘отцом’. Твой отец сделал Темуджина своим старшим сыном. Теперь ты младший брат Темуджина и потерял свое наследство, скоро ты потеряешь и свою жизнь. Если ты не уничтожишь этого человека, он очень быстро убьет тебя. Разве ты не видишь этого?”

Когда Джамуха закончил, Сэнгун сразу же отправился к своим друзьям, чтобы все объяснить и посоветоваться. “Если мы хотим покончить с ним, я сам нападу на него с фланга. Скажи слово, я сделаю это немедленно. Ради тебя мы перебьем детей Оэлун до последнего”, - сказали Алтан и Куджейр. “Я уничтожу его по рукам и ногам”, - сказал Эбугечин. “Нет, заведи его людей”, - сказал другой. - “Что он может сделать без людей? Каким бы ни было твоё желание, Сэнгун, я поднимусь с тобой на самую высокую вершину и спущусь на самое дно, когда понадобится.

Сэнгун выслушал своих товарищей и Джамуху. Он послал Сайхана Тодая доложить об их выступлениях своему отцу. “Почему ты так думаешь о моем старшем сыне, Темуджине?” - спросил Ван-хан в ответ. “До сих пор мы доверяли ему. Если у нас будут несправедливые, злые мысли, касающиеся его, Небеса отвернутся от нас. Джамука всегда был тысячеязычным и не заслуживает доверия”. Таким образом, Ван Хан отверг все посланные ему слова. Сэнгун снова отправил сообщение: “Каждый человек, у которого есть рот с языком, говорит так же, как я, почему бы не поверить в то, что очевидно?”

Ван Хан снова ответил, что не может согласиться с ними. Тогда Сэнгун сам пошел к своему отцу: “Сегодня ты жив, - сказал он, - но этот Темуджин все еще считает тебя ничтожеством. Когда ты умрешь, позволит ли он мне править народом, собранным тобой и твоим отцом с таким трудом? Оставит ли он мне жизнь?” “Сын мой, ” сказал Ван-хан, “ как я могу отказаться от своего собственного обещания и совета? До сих пор мы доверяли Темуджину. Если мы сейчас без причины думаем о нем плохо, как Небеса могут быть благосклонны к нам? Сэнгун в гневе отвернулся от своего отца. Ван Хан позвал его обратно, чтобы возразить. “Ясно, о сын мой, ” сказал он, “ что Небеса не благоволят нам. Ты отвергнешь Темуджина, что бы я ни сказал тебе,

ты будешь действовать по-своему, я это вижу, но победа, если ты ее одержишь, должна быть твоей благодаря твоему собственному труду и удаче”.[52]

Сенгун в последний раз повернулся к своему отцу: “Подумай об этом бедствии, поднявшемся против нас”, - сказал он. “Если ты не остановишь этого Темуджина, мы пропали, ты и я, без надежды; если ты пощадишь его, мы оба очень скоро умрем. Мы должны покончить с этим человеком или погибнем. Прежде всего он убьет тебя, а потом очень быстро настанет моя очередь.

Ван Хан ничего не хотел слышать об этом убийстве; по крайней мере, он не принимал в нем участия. Но под сильным давлением сына он наконец сказал: “Если ты совершаешь такое деяние, ты должен быть в нем один. Строго держись от меня подальше”.

Смерть Темуджина теперь была главной целью для Сенгуна и Джамухи. Дяди Темуджина и один из его двоюродных братьев также участвовали в заговоре. Сенгун сам составил план и очень четко описал его в следующих словах: “Некоторое время назад, - сказал он, - Темуджин попросил нашу дочь за своего старшего сына Джучи; тогда мы не отдали ее, но теперь мы пошлем к нему сказать, что принимаем его предложение. Мы устроим большой пир в честь помолвки и пригласим его. Если он придет, мы схватим подлого предателя и убьем его.

Когда они согласовали этот план, Сенгун отправил послов к Темуджину, приняв предложения руки и сердца и пригласив его на праздник помолвки. Темуджин согласился и отправился в путь со свитой. По дороге он остановился в доме своего отчима Мунлика, мужа Оэлун. Услышав об этом приглашении, Мунлик задумался и стал серьезным. “Когда мы попросили их девушку, - сказал он, - они были надменны и отказали ей; зачем же приглашать теперь на пир в честь помолвки? Лучше не ходи к ним; извини себя, сказав, что у тебя нет животных, пригодных для путешествия, что сейчас весна и все твои лошади на пастбище”.

Темуджин согласился с Мунликом и вместо того, чтобы идти самому, отправил Бугатая с Килатаем на фестиваль, а сам очень быстро вернулся домой. Когда Сенгун увидел двух человек, присланных взамен, он сразу понял, что Темуджин разгадал его уловку. Он немедленно созвал совет. “Теперь мы должны действовать быстро”, - сказал он. “Мы двинемся со всеми силами против Темуджина завтра, но тем временем пошлем сильный отряд, чтобы схватить его к югу от горы Мао”. Айке Чаран, младший брат Алт-ана и один из избранных лидеров Ван-хана, присутствовал на совете. В тот же вечер он поспешил домой и рассказал своей жене Аликай всю хитрость Сэнгуна. “Наконец они решили [53]схватить хана, - сказал он, - и завтра они схватят его. Если бы кто-нибудь сегодня ночью предупредил Темуджина” его награда была бы огромной. “Не говори пустых слов”, - сказала женщина. - Наши слуги могут услышать тебя и счесть твои слова серьезными.

Бадай, коневод, который только что принес кобылье молоко, услышал Айке Чаран и ответ Аликай. Он сразу повернулся и сказал Кишлику. “Я тоже послушаю”, - сказал Кишлик, который был его товарищем. Затем Кишлик вошел и увидел сына Айке Чаран, Наринкеяна, который вырезал стрелы и смотрел на своих родителей. “Кто из наших слуг, - спросил он, - должен лишиться языка, чтобы не рассказать о том, что вы сказали друг другу?” Кишлик услышал эти слова, хотя Наринкеян этого не знал. “О Кишлик, - сказала Наринкеян, поворачиваясь к табуну, - Приведи мне белого коня и серого, я поеду кататься завтра”.

Кишлик быстро вышел. “Ты сказал правду”, - сказал он Бадаю. “Мы должны сейчас мчаться во весь опор, ты и я, мы должны скакать сегодня ночью к Темуджину и спасти его, рассказать ему все”. Они побежали на пастбище, поймали обеих лошадей и ускакали, так и не увидев Наринкеяна. Они доложили обо всем Темуджину, рассказали ему всю историю Айке Чаран и слова Наринкеяна.

Тэмуджин немедленно созвал своих самых верных слуг и поспешил на северный склон горы Мао. Челмаю он приказал следовать за каждым движением наступающего врага и наблюдать за ним. В полдень следующего дня Темуджин ненадолго остановился, и два всадника, Алчидай и Чидай, принесли весть о том, что враг продвигается очень быстро. От них поднималось огромное облако пыли, которое было видно к югу от горы Мао. Тэмуджин спешил дальше, пока не достиг Каланчина, места, выбранного им для битвы. Там он остановился, расположил все свои силы и собрал своих вождей.

Тем временем Сенгун с Ван-ханом, которых, наконец, долгими уговорами убедили присоединиться к этой экспедиции, продвигались со всей возможной скоростью, и вскоре люди смогли их увидеть. Они сразу остановились для битвы. “Кто лучшие люди среди воинов Темуджина?” - спросил Ван-хан Джамуху. “Уруты и манхуты самые лучшие,” сказал Джамука. “Они никогда не бывают беспорядочными; они с детства владеют мечами и копьями. Когда они нанесут удар, ты увидишь ужасную битву”. “Что ж, - сказал Ван-хан, - пусть наш герой Хадакджи нападет на них первым со своими джиркинами;[54] за ним пойдет Ачик Шилун с оманами, и тункайтами, и Шилаймуном с большим отрядом наших телохранителей. Если они не прикончат их, наши особые воины нанесут им смертельный удар”.

Пока Ван-хан таким образом распределял силы, Тэмуджин, со своей стороны, обратился к командиру урутов: “Дядя Черчадай, я бы выделил тебе авангард, чего же ты сам хочешь?” Чурчадай как раз был готов ответить, когда заговорил Хуилдар: “О хан, мой дорогой друг (он был помощником Темуджина), я сяду на своего сильного коня и сокрушу своими ударами всех, кто противостоит нам. Я водружу твой хвостовой штандарт на Губтане, на холме в тылу и на левом фланге врага. С этого холма я покажу тебе свою твердость и доблесть. Если я паду, ты накормишь моих детей, ты вырастишь их. Полагаясь на Небеса, мне все равно, когда придет моя судьба”. “Иди ты, - сказал Тэмуджин, - и возьми Губтана”.

Хуилдар установил хвостовой штандарт на Губтане. Чурчадай заговорил, когда подошла его очередь: “Я буду сражаться, - сказал он, - перед ханом, я буду в авангарде со своими урутами”. И он расставил своих сильных воинов на позиции. Едва они были готовы, как Хадакги и джиркины предприняли первый натиск и открыли битву. Они были встречены урутами, которые не только встретили их нападение со всей стойкостью, но и в беспорядке отбросили их назад. Пока уруты преследовали этот разбитый авангард, Ван-хан послал Ачика Шилуна и его оманцев нанести удар по урутам. Хуилдар атаковал из Губтана это новое подкрепление и разбил его, но, будучи сброшен с лошади брошенным копьем, оманы сплотились и были посланы вместе с тункайтами против Чурчадая. Оба отряда были отброшены урутами, значительно усиленными Темуджином. Следующим атаковал Шилаймун с собственными телохранителями Ван-хана. Они также были разбиты Черчадаем, усиленным на этот раз Темуджином. Теперь Сенгун без разрешения отца бросился в бой, взяв с собой специальных воинов Ван-хана. Битва разгорелась до предела, и у Сенгуна были некоторые шансы на победу, когда стрела из лука Чурчадая пронзила его щеку, и он упал, тяжело раненный.

Когда кераиты увидели, что их вождь повержен, и на них уже опустилась ночь, они прекратили сражение. Сенгун не реализовал свое очко, и Темуджин удержал поле, следовательно, победа была на его стороне[55], хотя и очень незначительная. Был поздний вечер и стемнело, поэтому он собрал своих людей и предпринял все возможное, чтобы найти и спасти Хуилдара. Темуджин в ту ночь отступил с поля боя, а на рассвете обнаружил, что Уготай, его сын, Борул и Бурчу - все трое пропали без вести. “Эти два верных человека, - сказал Темуджин, - жили с моим сыном, а теперь они умерли вместе с ним”. Он сильно горевал в тот день. На следующую ночь он опасался нападения и держал всех своих людей в готовности отразить его. На рассвете он увидел человека, возвращавшегося верхом с поля битвы, и узнал Бурху; он поднял лицо к небу, ударил себя в грудь и был благодарен.

“Мой конь, - сказал Бурчу, подъехав к Темуджину, “ был убит врагом; убегая пешком, я увидел вьючную лошадь, которая забрела далеко от кераитов. У него была тяжелая ноша. Я разрезал ремни, позволил рюкзаку упасть, затем сел на животное и поехал сюда.

Несколько позже появился второй всадник. Когда он подъехал поближе, стало видно, что, кроме его ног, рядом с ними свисали еще две. Уготай и Борул были на том коне. Рот Борула был весь в крови; он высасывал застывшую кровь из раны на шее Уготая; Темуджин заплакал, когда увидел это. Он сразу же прижег рану огнем и дал Уготая выпить, чтобы привести его в чувство.

“Рядом с противником поднялась большая пыль, - сказал Борул. - они движутся на юг, как кажется, к горе Мао”.

Темуджин двинулся теперь в Далан Наймургас, где Кадан Далдур принес ему весть: “Когда Сенгун был ранен, - сказал Кадан, - Ван-хан сказал своему советнику: ‘Мы напали на человека, с которым нам не следовало ссориться. Печально видеть, какой гвоздь был вбит в Сэнгуна, но он жив и может немедленно начать новое судебное разбирательство.’ Тогда заговорил Ачик Шилун: ‘Когда у тебя не было сына, - сказал он, - ты молился о том, чтобы получить его, теперь, когда у тебя есть сын, ты должен пощадить его’. Ван-хан сдался и отказался от дальнейших мыслей о битве. ”Отнесите моего сына обратно осторожно, - сказал он своим слугам, - не трясите его”. Затем отец и сын повернули домой”.

Темуджин двинулся на Восток. Перед выступлением он осмотрел остатки своей армии и обнаружил всего пять тысяч человек. По пути его люди охотились. Во время избиения[56] в игре Темуджин пытался удержать Хуилдара, рана которого еще не зажила, но тот быстро бросился на дикого кабана, его рана открылась, и вскоре он умер. Они похоронили его на Орнеу, холме недалеко от Калки. В том месте, где эта река впадает в озеро Буюр, жили унгираты; Темуджин послал Чурчадая с урутами и мангутами поговорить с этим народом. “Помните о наших кровных узах, ” сказал он им от имени Темуджина, “ и покоришься мне; если нет, то немедленно будь готов к битве”. После этого заявления они подчинились, следовательно, Темуджин не причинил им вреда. Победив таким образом Унгиратов, он отправился на восточный берег Тугели и оттуда послал Аркаи Кассара и Сивеге Чауни к Ван-хану со следующим сообщением: “Сейчас мы к востоку от Тугели, трава здесь хорошая, и наши лошади довольны. Почему ты разгневался на меня, о отец мой, почему ты навел на меня такой великий страх? Если у тебя было желание обвинить, почему ты не обвинил разумно, зачем уничтожил все мое имущество? Люди разделили нас, но ты хорошо знаешь наше соглашение, что если люди будут говорить с кем-либо из нас во вред другому, мы не поверим тому, что было сказано, пока мы, ты и я, не объясним вопросы лично. Но, отец мой, были ли у нас какие-нибудь личные объяснения? Я, хоть

и маленький, стою многих крупных мужчин, хоть и уродливый, я стою многих мужчин очень красивой внешности. Более того, ты и я - две оглобли одной кибитки, и если одна из них сломана, бык не сможет тащить кибитку. Мы подобны двум колесам этой кибитки; если одно колесо сломано, кибитка не сможет двигаться. Разве меня нельзя сравнить с оглоблей или колесом кибитки? У твоего отца было сорок сыновей; ты был старшим, поэтому тебя сделали ханом. После этого ты убил Тай Тимура и Бугу Тимура; это были два твоих дяди; ты хотел также убить Эрке Кара, своего брата, но он бежал к найманам. Третий дядя, мстя за своего брата, выступил против тебя с армией, и ты бежал с сотней человек в ущелье Хараун. В то время твоя дочь была отдана тобою меркиту Тукта Биджхи, и от него ты пришел к моему отцу с молитвой о помощи. Мой отец изгнал твоего дядю, который бежал тогда в Кашин, и мой отец вернул твоих людей. В Черном лесу под Тулой ты стал помощником моего отца. И, движимый в те дни благодарностью, твои слова к нему были такого рода: "За твои благодеяния ко мне [57]Я воздам не только тебе, но и твоим детям и внукам. Клянусь Небесами, я так и сделаю." После этого твой брат Эрке Кара набрал войска у найманов, во второй раз пошел на тебя войной и изгнал тебя в земли гурханов. Не прошло и года, как ты устал от гурхана и покинул его. Проходя через страну уйгуров, ты оказался в таком затруднительном положении, что питался молоком пяти овец, которые шли с тобой, и кровью верблюда, на котором ты ехал. Наконец ты прибыл ко мне на сером, старом, слепом, жалком коне. Из-за твоей дружбы к моему отцу я послал людей встретить тебя и с почестями доставить в мой лагерь. Я собрал, что мог, у своего народа и дал тебе провизии. Позже, когда ты победил меркитов, я позволил тебе забрать все их имущество и скот. После этого, когда мы с тобой преследовали Буйрука из найманов и сражались с Гугсу Сейраком, ты развел ночью костры, обманным путем удалился и оставил меня. Поскольку Гугсу Сейрак не заметил моих войск, он быстро последовал за тобой. Он захватил жен твоих братьев и их воинов; он захватил половину твоего народа. Ты снова попросил меня о помощи, и я дал ее. Я послал своих четырех героев, которые спасли тебя и вернули то, что забрали найманы. Ты поблагодарил меня тогда от всего сердца. Зачем нападать сейчас без причины, зачем нападать, когда я не причинил никакого зла ни тебе, ни Сэнгуну, и не причинил вреда никому из вас?

Когда эти люди передали эти слова Ван-хану, он глубоко вздохнул и ответил: "Мне не следовало ссориться с Темуджином, я должен был остаться с ним". Затем он порезал свой средний палец и, капнув из него крови в маленький рог, сказал: "Если я причиню вред Темуджину, пусть меня порежут, как порезан этот палец". Затем он отдал рог посланцу Темуджина.

Джамуке Темуджин отправил такое послание: "Из-за зависти и ненависти ты разлучил меня с моим отцом. В прежние дни, когда мы жили, ты и я, в его юрте, тот из нас двоих, кто вставал раньше, пил кобылье молоко из темной чаши для питья, которую хранил мой отец. Я всегда вставал рано, и в то время ты питал ко мне ненависть. Выпей теперь из темной чаши моего отца, большой потери от твоего питья никому не будет". Тогда Темуджин приказал сказать Алтан и Хучару: "Я не знаю, почему вы решили покинуть меня, о Хучар. Мы хотели [58]сначала сделать тебя ханом, поскольку ты сын Найгуна, но ты не захотел. Твой отец, о Алтан, когда-то правил как хан, поэтому мы хотели избрать тебя правителем над нами; ты не уступил нашим желаниям. У Сачаи Байки и Тайчу, сыновей Бартана, были еще более высокие притязания, но оба мужчины отклонили наше предложение. После этого вы и вместе с вами весь народ провозгласили меня ханом, хотя, как вы знаете, я этого не хотел. Теперь вы отошли от меня и помогаете Ван-хану. Но вы начали то, чего никогда не сможете закончить. Я советую вам встретить меня с доверием,

ибо без меня вы бессильны. Хорошо работайте со мной, чтобы удержать истоки наших рек; пусть ни один чужак не придет, чтобы отнять их у нашего народа”.

Темуджин приказал сказать рабу по имени Тогрул: “Я назвал тебя своим братом по следующей причине: когда-то у Тумбинаи и его брата Чарахи был раб по имени Окда. У этого раба был сын Субайгай, и у него был сын Кирсан Кокочо, и у него был сын Айга Хуантохар, этот последний человек родил тебя. Почему ты льстишь Ван-хану и служишь ему? Алтан и Хучар никогда бы не позволили другим мужчинам править моей паствой. Ты мой раб по наследству, поэтому я обращаюсь к тебе как к брату”.

Сенгуну Темуджин отправил такое послание: “Я сын твоего отца, рожденный в одежде; ты его сын, рожденный в наготе. Когда-то наш отец был одинаково добр к нам обоим, но на тебя напало темное подозрение, и ты, боясь, как бы я не обманул тебя каким-нибудь образом, возненавидел меня и несправедливо изгнал. Перестань огорчать своего отца, иди к нему сейчас же и изгони его печаль. Если ты не изгонишь из своего сердца эту старую зависть ко мне, станет ясно, что у тебя есть желание стать ханом до того, как твой отец умрет естественной смертью. Если ты захочешь посоветоваться со мной и придешь к соглашению, пришли сюда двух человек для этой цели”. Аркай Кассар и Суге Гайчон передали эти слова Сенгуну, и он ответил:

“Когда Темуджин называл моего отца ханом, он называл его при этом старым убийцей, а когда он называл меня своим заклтым другом, он насмеялся над тем, что я прикасаюсь к меркитам, и говорил, что я пришел в этот мир, чтобы обращаться с бараными хвостами и остатками мяса. Я знаю скрытый смысл его речей, я знаю, каковы его планы. Битва - мой первый и последний ответ Темуджину. Бильге Байки и Тодоян поднимите великий штандарт; заботливо кормите наших коней”.

Когда Аркай Кассар вернулся, он все рассказал. Темуджин^[59]отправился к озеру под названием Балджуна, где к нему пришли многие из курулатов. Джучи Кассар послушался Темуджина, своего старшего брата, фактически он был нелояльен и переметнулся на сторону врага. Не присутствовавший при великой Каланчинской битве, он либо благоволил Ван-хану, либо попал в плен вместе со своими детьми, женой и сторонниками. После этого он сбежал с двумя слугами и в лишениях и голоде искал Темуджина, пока, наконец, не нашел его у озера Тунга. Кассар теперь полностью повернулся к своему брату, и двое мужчин обдумали, как лучше всего неожиданно напасть на Ван-хана. Они разработали свою стратегию и послали Халиутара и Чаурхана, как бы направляясь к Ван-хану, с таким посланием от Кассара: “Я не видел ни тени моего брата; я прошел все дороги, не найдя его; я звал его, но он меня не услышал. Я сплчу ночью, обратив лицо к звездам, а голову положив на холм. Мои дети и жена с тобой, о хан, отец мой. Если ты пошлешь надежного человека, я пойду к тебе. Я вернусь и буду тебе верен”. “Идите, ” сказал Темуджин посланцам, “мы немедленно покинем это место, а когда вы вернетесь, приходите в Архалуги на Керулоне”. Затем Темуджин приказал Чурчадаю и Аркаю Кассару возглавить авангард.

Двое слуг Кассара предстали перед Ван-ханом и передали ему послание, как будто оно исходило от их господина. Ван-хан поставил золотой шатер и устроил в нем большой пир. Услышав эти слова, он сказал: “Если это правда, пусть Кассар придет к нам”. Он отправил с двумя гонцами Итурджяна, надежного воина. Оказавшись недалеко от Архалуги, Итургян по различным признакам определил, что неподалеку от них должен быть лагерь, поэтому повернулся и бросился прочь. Халиутар, чей конь был намного быстрее, пришпорил его, но, не

рискнув схватить мужчину, преградил дорогу своему жеребцу. Последовавший за ним Чаурхан поразил коня Итурджяна стрелой в спину, заставил его сесть на корточки и остановил. Тогда они схватили Итурджяна и отвели его к Темуджину, который отправил его к Кассару, который убил его.

Тогда два посланца сказали: “Ван-хан соорудил богатый золотой шатер; он беспечен и пирует. Настало время напасть на него.” “Очень хорошо, ” сказал Темуджин, “ давайте поспешим”. Когда они прибыли на место, они окружили Ван-хана, и последовало ожесточенное сражение. На третий день этой битвы у кераитов не было сил сражаться дольше. Ван Хан и Сэнгун[60]оба исчезли, никто не знал, какой дорогой они спаслись и когда бежали с поля боя.

“Я не мог позволить тебе убить моего повелителя, - сказал Хадак, главный военачальник Темуджину, - и я долго сражался, чтобы дать Ван-хану и Сенгуну время спастись. Если ты прикажешь, я умру, но если ты дашь мне жизнь, я буду служить тебе”. “Человек, сражающийся так, как ты, чтобы спасти своего господина, ” герой, - сказал Темуджин. - Будь одним из моих и оставайся со мной”. Поэтому он назначил Хадака командиром сотни и пожаловал его вдове Хуилдара. С тех пор как Хуилдар водрузил знамя на Губтане и сражался с такой доблестью, его потомки всегда получали награды, назначенные вдовам и сиротам. Теперь Темуджин разделил кераитов между своими товарищами и помощниками.

Убрата Ван Хана, Джаганбо, было две дочери, старшей из них была Ибаха. Сам Темуджин взял Ибаху, а Соркактани, младшего, он отдал Тулююи, своему сыну. Из-за этих дочерей наследство Джаганбо не досталось другим мужчинам. Кишлику и Бадаю, двум конным пастухам, которые предупредили его, он отдал золотой шатер Ван-хана со всеми золотыми блюдами, расставленными в нем, и людей, которые прислуживали за столами. Кишлик и Бадай со своими детьми и внуками должны были сохранить все, завоеванное ими в битвах, и всю дичь, добытую на охоте.

“Эти двое мужчин, ” сказал Темуджин, передавая им свои права, “ спасли мне жизнь от Сенгуна и его отца, и с помощью Небес я сокрушил все силы кераитов и завоевал свое господство. Пусть мои потомки помнят меру этого служения. Мои враги, не зная воли Небес, хотели убить меня. Кишлик, который принес предупреждение об их предательстве, был в тот час посланником Небес; поэтому я подарил ему золотой шатер Ван-хана с посудой и музыкой, как мог бы подарить принцу моей семьи”.

Ван-хан и Сенгун бежали почти без присмотра в страну найманов. У Дидика, брода на Найкуне, Ван-хан, которого мучила жажда, остановился, чтобы напиться из реки. Найманский дозор, охранявший проход, схватил старого хана и убил его (1203). Ван хан рассказал, кто он такой, но стража не поверила его рассказу. Он немедленно отрубил ему голову и отправил ее Байбуге. Сенгун, находясь на некотором расстоянии, не бросился спасать своего отца, а отправился с Кокоча,[61]своим слугой и женой Кокоча дальше на запад, мимо найманов. Несколько позже он остановился попить и, увидев дикую лошадь, которую мучили мухи, подкрался, чтобы убить ее. Теперь Кокоча хотел дезертировать и взять верхового коня Сэнгуна; он намеревался сказать Темуджину, где находится Сэнгун, но его жена возмутилась. “Как оставить своего господина, который давал тебе пищу и хорошую одежду, как покинуть его?” Она отказалась идти вперед и была очень разгневана. “Ты не пойдешь со мной? Может быть, ты хочешь стать женой Сэнгуна?” - спросил Кокоча. “Если ты уйдешь, о Кокоча, оставь этот золотой кубок. Дай Сенгуну хоть чего-нибудь выпить. Кокоча бросил чашу и поспешил на поиски Темуджина.

“Как получить услугу от такого человека?” - спросил Тэмуджин, услышав, как Кокоча обошелся с его хозяином. Дезертир рассказал свою историю и был немедленно казнен. Но его жена была вознаграждена за свою верность Сэнгуну.

Когда голову Ван Хана привезли в Байбугу, его мать, Гурбайсу, поставила перед ней музыку с подношением. Во время этой церемонии лицо, казалось, улыбалось оказанной чести. Байбуга, посчитавший эту улыбку насмешкой, обиделся и превратил череп в чашу для питья, отделанную серебром.

“На Востоке, ” сказал Байбуга, - есть тот человек, Темуджин, который изгнал Ван-хана и привел его к разорению. Этот человек, возможно, думает сделать себя господином над всеми нами. На небесах только одно солнце; как могут два настоящих господа быть на земле одновременно? Я отправлюсь на Восток и схвачу этого Темуджина, я заберу всех его людей”.

Сенгун, покинутый Кокочой, бежал к тибетской границе и некоторое время жил грабежом, но некоторое время спустя был схвачен и убит Килидж Арсланом, правителем этого региона, который отослал детей и жен Сенгуна обратно к Темуджину и подчинился его суверенитету.

Так погибли хан кераитов и его сын, а вместе с ними и отдельное существование их народа. [62]

1 Великий король на китайском. ↑

[Содержание]

ГЛАВА IV

ТЕМУДЖИН ПРИНИМАЕТ ТИТУЛ ДЖИНГИСА И НАГРАЖДАЕТ СТРОИТЕЛЕЙ СВОЕЙ ИМПЕРИИ

Теперь Темуджину предстояла еще одна великая битва - с Байбугой, найманом, его тестем. Байбуга, встревоженный ростом власти мужа своей собственной дочери, отправил посланника к Ала Куштегину, вождю онгутов, за помощью. “Ты знаешь, ” сказал Байбуга, “ что два меча не могут быть в одних ножнах, или две души в одном теле. Два глаза не могут быть в одной глазнице, или два властелина в одной области. Тогда поторопитесь захватить рог империи, к которому стремится этот выскочка”.

Ала Куш и онгуты жили рядом с Великой Китайской стеной и охраняли ее, по крайней мере, в перерывах, для китайского императора. Этот вождь онгутов был проницателен; он находился рядом с Темуджином и далеко от Байбуги; он рассудил, что первый поднимается, а второй приходит в упадок; поэтому, немного подумав, он пренебрег Байбугой, оставил его послание без ответа и отправил посланца, чтобы тот объяснил все дело Темуджину. Однако Байбуга нашел других союзников.

Ясно зная намерения своего тестя, Темуджин не преминул первым оказаться на поле боя. Когда начиналась весна 1204 года, он собрал большой совет своих вождей. Некоторые считали, что их лошади слишком ослабли после зимы, но другие предпочитали двигаться быстро. Действие

понравилось Темуджину, поэтому он немедленно отправился в путь, но остановился, не дойдя до границы с найманами. Была осень, когда он вступил во вражескую страну и обнаружил там выстроенных против него людей из меркитов, кераитов, уйратов, дурбанцев, каткинцев, татар и салджутов. Фактически, силы каждого враждебного народа были готовы предстать перед ним в надежде уничтожить или, по крайней мере, подорвать его первенство. Был также Джамуха, его неудержимый враг. Темуджин выстроил свою армию для боевых действий.^[63] Своему брату Джучи Кассару он доверил центр. Сам руководя всей армией, он приберег определенную часть для своего личного пользования.

Когда Джамуха увидел это расположение, он сказал своим офицерам: “Друзья мои, Темуджин знает, как расставлять людей для битвы, гораздо лучше Байбуги”. И, предвидя злой конец Байбуги в этом действии, Джамуха быстро бежал с поля битвы.

Две армии встретились и отчаянно сражались от восхода до заката. Много раз великий исход казался сомнительным, но когда все колебалось, как две равные чаши весов, Темуджин приходил с новыми силами в опасный момент и придавал больший вес своей собственной стороне. Сразу после захода солнца отряд найманов сломался и в замешательстве бежал, увлекая за собой тяжело раненого Байбугу. Тайян бежал пешком, сначала на соседнюю гору, где находилась его жена Курбасу. Позже его поспешили перевезти в более безопасное место, где он вскоре скончался от ран и потери крови. Темуджин, всегда стремительный к преследованию, выследил своего убегающего тестя; его люди захватили Курбасу, который был присоединен к его дому. Они захватили также хранителя печати Байбуки, Татунго, ученого уйгура. Представ перед Темуджином, он объяснил, что такое печать. “Оставайся со мной, - сказал победитель, - используй печать от моего имени и учи моих сыновей языку и знаниям мудрых уйгуров”.

Все союзники найманов подчинились, за исключением меркитов и татар, которые бежали с поля боя. Гучлук, сын Байбуги, искал спасения у своего дяди Буйрука.

В это время чаталанцы, каткины и все другие, следовавшие за Джамухой, сдались Темуджину. Теперь Темуджин поспешил в погоню за Тукта Биджхи, вождем меркитов. Он преследовал его до Сари Кехера и захватил в плен многих из его людей; но Тукта Биджхи бежал дальше с Чилауном, Катун и несколькими слугами.

В начале подчинения меркитов Дайр Усун, вождь меркитов уасит, выдал Кулан Хатун, свою дочь, за Темуджина. Когда он вез девушку к завоевателю, дорога была непроходима из-за беспорядка. Он встретил на пути мужчину, Ная из Барингов. “Я отдаю свою дочь Темуджину”, - сказал Дайр Усун Нае. “Пойдем со мной”, - ответила Ная. “Если ты пойдешь один, бродячие воины убьют тебя и сделают с твоей дочерью все, что им заблагорассудится. Итак, он и Дайр Усун путешествовали вместе три^[64] дня, и после этого Кулан была отдана Темуджину, который, узнав, что она провела три дня в обществе Наи, разозлился.

“Пытайте этого Найю,” сказал Темуджин, “узнайте все его секреты и убейте его”. Когда они начали пытать Найю, Кулан вмешался, чтобы спасти его. “По дороге нам встретился Ная; он сказал, что он один из людей хана, и поскольку по дороге было много буйных воинов, он предложил нам помощь. Мы с отцом провели в его компании три дня. Не знаю, что бы случилось без помощи Наи. Не пытайте его, но, если хан будет милостив, убедитесь в моей невиновности.

“Я верно служу своему господину”, - сказала Ная. “Я считаю своим долгом приводить к нему красивых женщин и лучших лошадей. Если во мне есть мысли, выходящие за рамки этого, я готов умереть в любой момент”.

“Кулан говорит мудро”, - сказал Темуджин. В тот же день девушку обследовали. Темуджин убедился, что она правдива, и еще больше полюбил ее за ее мудрость. Он отпустил Найю, сказав: “Этот человек не лжец, мы можем доверять ему важные задания”.

После подчинения меркитов Куда жена Тукта Биджхи была отдана сыну Темуджина, Уготаю. Позже половина меркитов восстала, отступила и взяла Тайкал, крепость в горах. Сын Соргана Ширы был послан напасть на них. Сам Темуджин отправился на Алтай и там провел зиму. Весной он пересек горы в поисках Тукта Биджхи. В то время Гучлук присоединился к Тукта Биджхи; они собрали свою армию у Иртыша, недалеко от его истоков, и там Темуджин нашел их и напал на них. Тукта Биджхи был убит в очень жестокой битве, его сыновья не смогли унести тело, поэтому они отсекли его голову от туловища и таким образом спасли ее. Меркиты бежали с поля боя, и более половины этих воинов утонули в Иртыше, остальные рассеялись и спасали свои жизни, как могли. Гучлук бежал в страну карлуков и еще дальше на запад, к Гурхану. Куту и Чилаун бежали через Канли и Кинчу.

Пока все это происходило, сын Соргана Ширы захватил крепость Тайкал и убил или захватил в плен всех меркитов. Те, кто не покинул свою родину, восстали так же, как[65]другие, но были схвачены людьми, посланными Темуджином для их подавления.

“Если мы позволим этим людям остаться в одной стране, - заявил Темуджин, “они наверняка восстанут снова”. И он велел небольшим группам разослать их по разным новым местам. В том же году Темуджин сделал железную кибитку для Субудая и послал его выследить и схватить всех остальных сыновей Тукта Биджхи. “Эти люди, ” сказал Темуджин, “хотя и потерпели поражение в битве, недавно убежали, как раненые дикие олени или как распутные молодые жеребцы; и теперь ты должен найти их. Если они взлетят на крыльях к небу, стань соколом и поймай их; если они зарылись в землю, как мыши, будь крепкой железной лопатой и выкопай их оттуда; если они прячутся, как рыбы в море, будь сетью и опусти их. Чтобы пересечь глубокие ущелья и высокие горы, выбери время, когда твои лошади не устанут. Пощади своих воинов в дороге и вообще не охотись, разве что когда придет необходимость. Когда тебе нужно охотиться, охотись очень осторожно. Пусть твои воины не пользуются крупами или нагрудными ремнями, иначе их лошади будут слабо мчаться. Если кто-нибудь откажется тебе повиноваться, приведи его сюда, если я его знаю, а если нет, то убей его на месте отказа. Если с помощью и покровительством Небес ты схватишь сыновей Тукта Биджхи, убей их немедленно”. Затем он добавил: “Когда я был молод, три отряда меркитов преследовали меня, и они трижды объезжали гору Бурхан. Теперь эти люди бежали с громкими дерзкими речами, но ты преследуй их до крайних пределов, если понадобится. Я сделал железную кибитку, чтобы доставить и защитить тебя. Хотя ты далеко, ты всегда будешь рядом со мной. Небеса наверняка сохранят тебя во время путешествия и окажут тебе помощь”.

Когда найманы и меркиты были захвачены Темуджином, Джамуха потерял всех своих людей и остался в стране найманов, лишенный имущества, и при нем было всего пять слуг. Затем он отправился на гору Танлу и жил там грабежом и охотой. Однажды эти пятеро слуг схватили его и отвели к его врагу. Джамуха передал эти слова Темуджину. “Рабы имели наглость схватить

своего хозяина и предать его. Не ошибись, о хан, друг мой, в этих словах, которые я посылаю тебе”.

“Возможно ли оставить безнаказанными людей, которые предают?” - спросил Темуджин. “Предайте их смерти вместе с их детьми и внуками!” Затем он приказал убить этих пятерых предателей[66]на глазах у Джамухи, которому он одновременно отправил это послание: “Однажды я сделал тебе оглоблю из моей кибитки, но ты покинул меня. Ты снова присоединился ко мне, так что теперь будь моим товарищем. Если один из нас забудет, другой напомнит ему. Если один заснет, другой разбудит его. Хотя ты и оставил меня, на самом деле ты все еще был моим помощником. Хотя ты и сопротивлялся, в конце концов, я не пострадал от этого действия. Когда у нас с тобой была битва, твое сердце, очевидно, было полно сожаления. Когда я воевал с Ван Ханом, ты прислал мне его проповеди. Это была самая ранняя услуга. Когда я сражался с найманами, твои слова заставили их сердца содрогнуться; это была еще одна хорошая услуга”.

Эти слова были переданы Джамуке, и он ответил: “Когда мы стали андами, в детстве мы ели пищу, слишком крепкую для наших желудков; мы говорили друг другу слова, которые ничто не может стереть из нашей памяти. Люди спровоцировали нас на ссору, и мы расстались. Я краснею, когда вспоминаю о своих речах, произнесенных когда-то моей анде, и теперь я не смею взглянуть на тебя. Ты хочешь, чтобы я был в будущем твоим товарищем. Я мог бы называть себя твоим товарищем, но на самом деле я не мог бы быть тебе товарищем. Ты объединил народы воедино, ты создал владычество, теперь ни один человек на земле не может быть твоим товарищем. Если ты не убьешь меня, я отныне буду для тебя как вошь на твоём воротнике снаружи или как заноза в твоём внутреннем шейном платке. Ты не был бы спокоен днем, в то время как ночью ты спал бы с тревогой на груди, если бы я был рядом с тобой. Твоя мать благоразумна, ты сам герой, твои братья одарены, твои товарищи - чемпионы, у тебя семьдесят три лидера, но с детства у меня не было ни отца, ни матери, у меня нет братьев, моя жена - болтушка, мои товарищи - предатели, поэтому, о мой анда, которого предпочли Небеса, дай мне смерть поскорее, чтобы твое сердце успокоилось. Если ты позволишь мне умереть без потери крови, я после смерти и на века буду помогать твоим потомкам и защищать их”.

Услышав этот ответ, Темуджин сказал: “Джамуха, мой отец, пошел своим путем в жизни, но на самом деле его слова никогда не причиняли мне вреда. Это человек, который может измениться даже сейчас, но у него нет желания жить дольше. Я пробовал гадать, чтобы найти веские причины убить его, но пока не обнаружил их. Что я должен сделать? Он выдающийся человек, и мы не можем[67]лишить его жизни без причины. Ах, теперь я нашел правильную причину! Скажи ему вот что: ‘Из-за кражи лошади и ссор между Тайчаром, моим рабом, и Дармалой, твоим братом, ты напал на меня и сражался при Балджуне; ты ужасно напугал меня. Теперь я хочу простить тебя и сделать своим товарищем, но ты не хочешь. Мне жаль, что твоя жизнь была отнята, но ты не позволишь мне спасти ее; следовательно, мы должны сделать то, что ты хочешь.’”

Затем Темуджин приказал лишить Джамуху жизни без потери крови и похоронить его с почестями. Алтан и Хучар также были преданы смерти в то время.

Когда Темуджин подчинил своему собственному безраздельному владычеству различные противостоящие ему народы, он в 1206 году поднял на Верхнем Ононе свой большой штандарт с девятью белыми хвостами и принял титул Чингис (Могущественный), чтобы отличать себя от

всех других ханов. После этого он наградил Мунлика, Бурчу, Мукули и других, кто помогал ему в построении Империи, а также тех, кто проявил особые заслуги. “Ты был мне товарищем, - сказал Чингис (так мы теперь будем называть Тэмуджина) своему отчиму Мунлику. - Ты очень часто помогал мне, но больше всего, когда Ван-хан и его сын заманивали меня на фальшивый пир, чтобы убить. Если бы я не остановился в тот день, я бы бросился в жаркий огонь и глубокую воду. Я помню это твое служение и не позволю моим потомкам забыть его. Отныне ты будешь сидеть первым в своем порядке. Как я вознаграждаю тебя по годам или месяцам, так и эта награда будет продолжаться для всех твоих потомков непрерывно”.

“В юности, ” сказал Чингис Бурчу, - тайджутские воры украли моих восемь лошадей; я гнался за ними три дня и ночи, когда встретил тебя; тогда ты стал моим товарищем и скакал со мной три дня и ночи, чтобы найти и вернуть этих восемь лошадей. Почему случилось так, что Наху Боян, твой богатый отец, у которого был только один сын, позволил этому сыну быть моим товарищем? Потому что в тебе были очевидны черты высшей справедливости. После этого, когда я позвал тебя на помощь, ты не отказался и быстро пришел. Когда три меркитских клана загнали меня в леса горы Бурхан, ты не покинул меня; ты разделил мои великие страдания. Когда я провел ночь перед врагом в Талане и пошел сильный ослепляющий дождь, ты дал мне отдохнуть, и расстелил надо мной свою войлочную мантию, и стоял там, и держал ее, и не позволял этому дождю коснуться меня. Ты простоял в этой болезненной позе [68]до рассвета, опираясь сначала на одну ногу, а затем на другую. Это доказывает твою безграничную преданность. Невозможно перечислить все добрые дела, которые ты совершил с тех пор, как я увидел тебя в первый день. Кроме того, ты и Мукули посоветовали мне то, что было правильным, и остановили меня от того, что следовало опустить. Поступая правильно в каждом великом испытании, я достиг своей высшей силы и владычества. Сядь сейчас с несколькими мужчинами выше всех остальных. Я освобождаю тебя от наказания за девять смертных проступков. Будь командующим десятью тысячами и правь землями на западе, пока не достигнешь Золотых гор”.¹

Затем он повернулся к Мукули и сказал ему: “Когда мы были в Хорхо Нахубуре у толстого раскидистого дерева, под которым веселился и танцевал хан Кутула, Небеса ниспослали мудрость и вести, которые стали ясны тебе. Я помню слова, сказанные тогда твоим пронизательным отцом, Гунуа, и теперь я делаю тебя принцем из-за этих слов и твоего поведения с тех пор. Сядь выше других людей в обществе, будь командующим десятью тысячами на левом фланге и правь на востоке доХараунских гор. Твои потомки унаследуют твое достоинство”.

“В юности, ” сказал Чингис Хорчи, - ты пророчествовал, касаясь меня; после этого ты делил со мной труды и был мне верным товарищем. Теперь, когда твои слова о предвидении подтверждены и доказаны, я даю тебе то, о чем ты просил в то время: я даю тебе право выбрать для себя тридцать прекрасных дев и женщин среди всех покоренных народов. Собери вместе три тысячи балийцев, адарки и других кланов, которыми правят ачик и тогаи, и когда ты соберешь десять тысяч, командуй ими и управляй этим народом. Разбей свои лагеря, как тебе заблагорассудится, среди лесных народов на Иртыше и хорошенько охраняй этот край. Пусть все дела там будут под твоим руководством, теперь у тебя есть желание твоего сердца”.

Затем Чингис повернулся к Чурчадаю: “Величайшая твоя заслуга, ” сказал он, - заключалась в той ужасной битве при Каланчине против сильного хана кераитов. Когда Хуилдар объявил, что он захватит и удержит Губтан, ты повел авангард. Успех в той отчаянной схватке был достигнут

тобой, превосходящим любого человека. Ты разбил и отбросил назад джиркинов, сильнейших из врагов, а вслед за ними пришли еще[69]другие, которые прорвали линию моих собственных избранных телохранителей, занимавших сильную центральную позицию. Ты собственноручно ранил Сэнгуна в щеку, когда он совершал последний страшный бросок. Если бы ты не ударил его тогда, неизвестно, что бы последовало. Позже, когда мы спускались с Калки, я полагался на тебя, как мог бы полагаться на высокую неподвижную гору. По прибытии в Балджуну ты снова сражался в авангарде, и с великой помощью Небес мы наконец разгромили кераитов, и из-за этой победы найманы и меркиты не смогли противостоять нам и были рассеяны. Когда они были рассеяны, Джаганбо отдал мне своих дочерей и таким образом спас свой народ, не позже он восстал; тогда ты придумал план заманить его в ловушку и захватить его народ. Это твое второе великое служение”.

С этими словами Чингис отдал Чурчадаю свою собственную жену, Ибаху, дочь Джаганбо, которой он сказал тогда следующее: “Ибаха, я делаю это не потому, что перестал любить тебя, не потому, что у тебя дурной нрав или тебе не хватает красоты. Я отдаю тебя Черчадаю, чтобы вознаградить его самым высоким из возможных способов. Я отдаю тебя Черчадаю за его неоценимую службу, и я желаю, чтобы те из моих сыновей и потомков, которые получают трон после меня, чтити достоинство и славу Ибаха. Теперь ты окажешь мне услугу: твой отец дал тебе Аши Тимура, хозяина твоей кухни, и двести человек для работы под его началом. Отправляясь, оставь со мной сотню из этих людей и покинь также Аши”. Тогда Чингис сказал Чурчадаю: “Я приказываю тебе управлять четырьмя тысячами урутов. Ты укротил дикую природу и сверг непокорных, ты и Челмаи с Чепе и Субудаем. Вы были быстры, как четыре разъяренных сторожевых пса. Если я пошлю вас в какое-либо место, вы превратите твердые огромные камни в гравий, вы перевернете утесы и остановите великий прилив глубоких вод, поэтому я приказываю вам быть на передовой. Четирем героям: Бурчу, Мукули, Борулу и Чилауну я приказываю быть позади меня. Чурчадай должен быть впереди, и таким образом освободить мое сердце, чтобы оно было бесстрашным. Хубилай будет старшим во всех военных делах и решениях”. Затем он добавил: “Из-за непослушания я не делаю Байдуна отдельным и независимым командиром; я соединяю его с твоей персоной, так будет лучше. Позволь ему действовать вместе с тобой, и ты увидишь, что из этого выйдет”.

После этого Чингис сказал Бурчу и другим: “Хунань подобен [70]бесстрашному волку ночью, днем он подобен черному ворону. Он присоединился ко мне и никогда не стал бы сотрудничать с плохими людьми. Во всех делах советуйся с Хунаном и Кокоси. Пусть Хунан будет командующим десятью тысячами под командованием моего старшего сына Джучи. Независимо от того, что слышали и видели Хунан, Кокоси, Дайгаи и Усун, они не утаили ни слова и никогда не искажали ни слова из того, что говорили мне”.

“Когда я родился у реки Онон, ” сказал Чингис Челмаю, “ твой отец пришел с горы Бурхан с кузнечными мехами на плечах и принес соболиную накидку, чтобы закутать меня. В тот день ты был в пленках, о Челмаи, и он отдал тебя служить мне всю жизнь и нераздельно. Ты вырос вместе со мной и оказал огромное служение. Ты мой счастливый товарищ. Я освобождаю тебя от девяти смертных приговоров и награждаю тебя”.

“В прежние времена, ” сказал Чингис Вангуру, мастеру питания, “ ты с тремя юртами токурутов и пятью юртами торгутов, а также с чаншикитами и байютами разбил со мной один лагерь. В темноте и тумане ты никогда не сбивался с пути, когда шел. В рассеянии и беспорядке ты

никогда не терял головы, ты всегда переносил холод и сырость со мной, и ничто не могло поколебать или обескуражить тебя. Какой награды ты желаешь мне сегодня?”

“Если ты по своей милости прикажешь мне выбирать, - сказал Вангуру, - я бы хотел собрать всех байютов, которые разбрелись”.

Чингис согласился. “Собери их, будь их командиром и управляй ими”, - был его ответ. И он продолжил: “Вангуру и Борул, распоряжаясь направо и налево как хозяева питания и справедливо раздавая пищу, вы очень понравились моему сердцу, поэтому отныне садитесь верхом, когда еда и питье раздаются большим собраниям под открытым небом. Во время пира в палатках займите свои места справа и слева от двери с южной стороны и раздайте еду и питье всем присутствующим”.

“Моя мать забрала вас, - сказал Чингис Шиги Кутуку, Борулу, Куичу и Кокочу, - из лагерей, где вас бросили мужчины, она сделала вас своими сыновьями, она вырастила и подготовила вас к тому, чтобы вы стали товарищами нам, ее собственным детям. Вы хорошо заплатили ей за это благодеяние. Борул был моим товарищем в опасностях битвы, в ночи со снегом, дождем и бурей. Когда я оказывался лицом к лицу с врагом, он никогда[71] не оставлял меня без питья или еды. В то время, когда мы уничтожили почти всех татар, один из них, Харгил Шила, спасаясь бегством, почувствовал сильный голод и обратился за едой к моей матери. ‘Если ты хочешь есть,’ сказала она татарину, ‘сядь с той стороны от входа’. Он сел к западу от двери и стал ждать. Как раз в этот момент вошел Тулуй, мой сын, которому было пять лет, и вскоре собирался выходить, когда татарин поймал его, сунул под мышку и быстро выхватил нож. ‘Он убьет ребенка!’ - закричала моя мать. Алтани, жена Борула, сидевшая к востоку от двери, бросилась на татарина, одной рукой схватила его за волосы, а другой так энергично выдернула нож, что она и нож упали вместе. Теперь Чедай и Челмай, которые только что убили корову немного севернее юрты, услышали крик Алтани. Они подбежали, один с ножом, другой с топором, и убили незнакомца. Алтани, Чедай и Челмай поспорили тогда, кто оказал наибольшую услугу. ‘Если бы мы не подбежали,’ сказали Чедай и Челмай, ‘ты бы не справилась с татаринком, о женщина, и он прикончил бы Тулуя’. ‘Если бы я не закричала,’ сказала Алтани, ‘ты бы не подбежал, и если бы я не схватила его за волосы и не вырвала у него нож, Тулуй погиб бы прежде, чем ты смог бы спасти его’. Жена Борула выиграла словесную битву. В битве с Ван-ханом при Каланчине Уготай был ранен стрелой в шею. Борул высосал кровь из раны и таким образом спас его от удушья. Он очень щедро оплатил за хлопоты по его воспитанию, спасением двух моих сыновей. В самых трудных местах он никогда не проявлял пренебрежения, поэтому я девять раз спасу его от смертной казни”.

Чингис заговорил рядом с Сорган Широю: “Когда я был молод, - сказал он, ” Таргутай Курултук со своими братьями тайджутами захватили меня в плен. Ты со своим сыном спрятали меня в своей юрте и приказали Кадан, твоей дочери, служить мне, а затем вы дали мне свободу. День и ночь я вспоминаю об этой услуге, но вы пришли ко мне поздно, и только сейчас я могу вознаградить вас. Чего бы вы хотели?” “Мы хотели бы, ” ответили они, “ разбить лагерь в земле меркитов, в Сайлианге, и какая бы другая награда ни была возможна, пусть ее даст хан”. “Пусть будет так, как вы хотите; разбейте свой лагерь в этой стране. Кроме того, пусть все ваши потомки возьмут стрелы и луки и выпьют чашу вина в лагере[72] хана, когда вы придете в него. Девять смертных проступков будут прощены вам”. Чилауну и Чинбо, сыновьям Сорган Ширы, он сказал: “Как я мог забыть слова, сказанные вами когда-то, и дела, совершенные, когда вы говорили так.

Теперь, если что-нибудь не получится, приходите сами и сообщите мне”, - и он сказал дальше: “Сорган Шира, Бадай и Кишлик, вы свободны. Храни всю добычу, которую сможешь взять во время войны в любое время, и любую дичь, которую убьешь на охоте. Сорган Шира, когда-то ты был слугой Тодаяна. Бадай и Кишлик, вы были конюхами Айке Черана; отныне живите со мной и будьте счастливы”.

“Когда ты со своим отцом схватил Таргутая, - сказал Чингис Нае, - ты сказал: ‘Как мы могли выдать нашего господина?’ Тогда вы отпустили его и пришли ко мне в качестве подданных. По этой причине я сказал: ‘Эти люди понимают высокий долг, я буду доверять им’. Бурчу теперь командующий десятью тысячами по правую руку. Мукули - командир десяти тысяч слева, будь командиром в центре”.

Затем Чингис приказал Дайгаю, своему пастуху, собрать бездомных и командовать ими. Когда все, кто трудился над созданием Империи, получили свои награды и должности, отчим Чингисхана, Мунлик, привел на собрание своих семерых сыновей и получил за них хорошее признание. Четвертым из них был шаман Кокочу, человек безграничных амбиций. Его второе имя было Тайбтенгери. Никто не мог сказать, кто из этих семи братьев был самым своевольным и ожесточенным. Однажды они напали на Джучи Кассара и избили его. Кассар пожаловался Чингису на такое обращение; Чингис рассердился. “Ты хвастался, - сказал он, - что никто не сравнится с тобой в доблести и мастерстве. Если это правда, почему ты позволил этим парням избить тебя? Кассар прослезился от досады, ушел и в течение трех дней после этого не навещал своего брата. Тем временем Тайбтенгери отправился к Чингису, чтобы настроить его против Кассара. “Дух дал мне священное повеление с Высоких Небес, ” сказал шаман. - Сначала Чингис будет править людьми, а потом придет Кассар. Если ты не свергнешь Кассара, твое правление будет недолгим”.

Когда Чингис услышал эти слова, он в ту же ночь отправился захватывать Кассара. Куичу и другие сообщили Оэлун, которая той же ночью тоже отправилась в путь в кибитке, запряженной быстроногим верблюдом. Она добралась до юрты Кассара на рассвете, как раз в тот момент, когда Чингис, завязав[73]рукава Кассара, забрал у него шапку и пояс и задавал ему вопросы. Когда Чингис увидел свою мать, он был изумлен и встревожен. Оэлун была очень разгневана. Выйдя из своей кибитки, она отвязала Кассара, вернула ему шапку и пояс, затем села, поджала под себя ноги, обнажила грудь и обратилась к двум братьям: “Видите эти мои груди, вы оба? Вы двое пили из них. Какое преступление совершил Кассар, что ты, Темуджин, уничтожаешь родственную плоть в лице этого брата? Когда ты был младенцем, ты пил из этой груди; ни ты, ни Темуджин, ни Темугу не могли полностью втянуть мою грудь; только Кассар мог опорожнить обе стороны и облегчить меня. Темуджин, у тебя есть дары, но только у Кассара есть сила и искусство стрелять из лука. Всякий раз, когда люди поднимали восстание, он повергал их своими стрелами и укрощал. Теперь все враги уничтожены, и Кассар больше не нужен”.

Чингис подождал, пока гнев Оэлун утихнет. Затем он сказал: “Я был напуган, когда действовал. В этот момент мне стыдно”. После этих слов он вышел, но позже, без ведома своей матери, увел большую часть людей Кассара, оставив только тысячу четыреста юрт. Сначала он дал ему четыре тысячи. Когда Оэлун узнала об этом поступке, она сильно горевала и вскоре после этого умерла. Затем Чебке был приставлен к Кассару, чтобы охранять его.

После этого к шаману Тайбтенгери собралось много мужчин, в том числе люди, принадлежавшие Тэмугу, младшему брату Чингиса. Тэмугу послал Сокора увести этих людей, но

Тайбтенгери избил его, надел ему на спину седло и отправил к матери. На следующий день Тэмугу сам отправился в Тайбтенгери. Семеро братьев окружили его. “Как ты посмел послать людей, чтобы забрать у нас людей?” взревели братья, и они были готовы избить его. “Мне не следовало посылать к тебе людей”, - сказал Тэмугу, сильно испугавшись. “Поскольку ты виноват, тогда прошу прощения”. И они тут же заставили его преклонить перед ними колени.

На следующий день, очень рано, когда Чингис был в постели, Тэмугу упал перед ним на колени и рассказал, как Тайбтенгери и его братья обошлись с ним. Он плакал, рассказывая подробности. Чингис еще не сказала ни слова, когда Бортай поднялась со своей постели,^[74] завернувшись в одеяло, и, обливаясь слезами, сказала следующее: “Этот человек избил Кассара, а теперь он заставил Тэмугу встать на колени, чтобы просить прощения. Что это за порядок в твоих владениях? Если при твоей жизни они погубят твоих братьев, величественных, как кедры, то после твоей смерти люди, которые подобны траве, гонимой ветром, или простой стае птиц, не будут повиноваться твоим маленьким, беспомощным детям”.

“Тайбтенгери придет сегодня,” сказал Чингис Тэмугу. - Поступай с ним, как тебе заблагорассудится. Тэмугу вышел и договорился с тремя очень сильными борцами. Позже пришел Мунлик со своей семьей сыновьями, и когда Тайбтенгери сел у двери с западной стороны, Тэмугу, проходя мимо, грубо схватил его за воротник. “Вчера, - сказал он, - ты поставил меня на колени; сегодня я испытаю силу с тобой”. Пока Тэмугу боролся с ним, шапка упала с головы шамана; Мунлик взял шапку и сунул ее под мышку. “Не борись здесь!” - крикнул Чингис. “Выйди наружу”. Когда двое мужчин вышли из юрты, Тайбтенгери был схвачен борцами, которые сломали ему позвоночник и отбросили влево, где он упал рядом с колесом кибитки. “Тайбтенгери,” сказал Тэмугу Чингису, - вчера заставил меня встать на колени, чтобы просить прощения; теперь, когда я хочу помериться с ним силой, он ложится и отказывается вставать. Совершенно очевидно, что он трус”.

Мунлик понял и горько заплакал. “О хан, - сказал он, - я был твоим помощником еще до того, как ты стал таким, даже в начале своего величия, и я продолжал служить тебе до сего дня”. Пока он говорил, его шестеро сыновей стояли в центре юрты и смотрели на дверь. Они начали закатывать рукава, словно готовясь к борьбе. Чингис поднялся. Он был напуган, но крикнул строго и властно: “В сторону, я хочу выйти!” Он вышел, и его телохранители из лучников окружили его. Увидев, что Тайбтенгери мертв, Чингис приказал разбить свою собственную палатку над телом шамана, а затем отправился в другое место. В палатке, надетой на тело, дверь и верхний проем были заперты, и сначала вокруг нее поставили охрану. На третий день на рассвете верхнее отверстие открылось, и через него было извлечено тело волшебника. Когда были наведены справки, все узнали, что тело исчезло через верхнее отверстие, или дымовое отверстие.

“Тайбтенгери оклеветал моих братьев и избил их”, - сказал ^[75]Чингис, - “поэтому Небеса воззрились на него с гневом и лишили его жизни и тела”. После этого он резко упрекнул Мунлика: “Ты не смог, - сказал он, - научить своих сыновей тому, что было очень необходимо в их случае — послушанию. Этот пытался сравняться со мной, поэтому я уничтожил его. Если бы я знал тебя раньше, я бы покончил с тобой, как покончил с Джамукой, Алтаном и Куджейром. Но если человек даст слово утром и нарушит его до наступления ночи, или даст его вечером и нарушит утром, суждение людей пристыдит его. Я обещал спасти тебя от смерти, так что давай сейчас покончим с этим делом”.

После этих слов гнев Чингисхана утих. Когда Тайбтенгери умер, тщеславие Мунлика и его сыновей сильно уменьшилось, а вскоре и вовсе исчезло.

В 1207 году была начата новая победоносная кампания против тангутов, которые не смогли заплатить дань, но теперь были полностью подавлены, по крайней мере, на время. Подчинение киргизов и эта новая победа над тангутами закрепили положение Цзинхэ в Северо-Восточной Азии. Теперь не было ни одного человека, который мог бы бросить вызов его владычеству. Группы людей или племена могли взбунтоваться, но не было силы, способной остановить его или изменить его политику. Он готовился к встрече с иностранными государствами. Первая очередь была за Китаем.

Кара Китай (Черный Китай) был в то время очень большой империей, состоящей из множества наций. Правитель каждой из этих наций признавал верховенство гурхана, или суверена. В длину Кара-Китай простирался на запад от Тангутов до Кваресмийской империи, а в ширину - от Верхнего Иртыша до Памирского нагорья. В его пределах находились озера, ныне известные как Балкаш, Исиккуль и Лоб-Нор. Из ныне существующих городов Кульджа находилась бы близко к центру, Кашгар и Яркенд - на значительном расстоянии от его западной границы, в то время как Хотан был бы значительно удален от его самой южной границы.

Почти вся Центральная Азия была включена в состав этой империи, в то время как вассальные государства простирались далеко за пределы ее западных и юго-западных границ. Уйгуры, главным городом которых был Биш-Чалык, жили в северо-восточном углу империи и соприкасались с найманами. Эти уйгуры известны, по крайней мере среди ученых, как наиболее преданные обучению из всех тюркских народов; от них[76]монголы получили алфавит и свои самые ранние наставления.

Идикут, или правитель, уйгуров признал гурхана своим повелителем, но ежегодная дань, которую он платил, и ежедневная тирания представителя при его дворе так раздражали его, что он лишил жизни этого чиновника в месте, известном как Кара Коджа. В связи с этим он решил искать защиты у Цзинчжэня, чьи триумфы и могущество угрожали даже Китаю и наполняли изумлением и ужасом всю Азию. Барджук, бдительный Идикут, назначил посольство к завоевателю, но события задержали его отправление.

Когда трое сыновей Тукта Биджхи и их дядя бежали, прихватив голову своего отца, которую они со всей поспешностью отсеки от его тела на поле боя, они заранее отправили посланника к Идикутам просить убежища для себя и защиты. Идикуты, видя опасность в своем визите, убили посланника, выступили полем против братьев и рассеяли все их силы. Но позже этот поступок сильно встревожил его, поскольку эти новые противники могли встать на сторону монголов или присоединиться к гурхану; они могли подвигнуть любую из сторон выступить против него. Поэтому радость Идикута была велика и неподдельна, когда перед ним предстали монгольские посланцы. Чингис услышал о решимости идикутов и, хорошо понимая, какая польза может из этого выйти, очень быстро принял меры и отправил в качестве послов Алп Утуга и Дурбая к правителю уйгуров.

Идикут оказал этим послам высочайший почет и отпустил их со всеми знаками вежливости и дружбы, направив двух своих посланников передать Чингисхану следующее послание: "Слава государя-завоевателя мира дошла до меня. Я до самого последнего времени соглашался с гурханом и как раз готовился объяснить через посольство перемену в моем положении и с

чистым сердцем предаться тебе, всепобеждающий и могущественный государь. Размышляя над этим, я увидел, как твои посланцы приближаются ко мне, а затем я увидел голубое небо сквозь окружающие меня облака. Я увидел яркое солнце в небе. Я увидел голубую сверкающую реку там, где только что все было скрыто льдом. Я был полон восторга до глубины души. Я отдаю тебе землю уйгуров. Я сам слуга и сын Чингисхана Непокоримого”. [77]

На первый взгляд могло показаться, что монгольский хан был бы удовлетворен заявлением такого рода, но он был далек от удовлетворения, поскольку как раз в этот момент прибыли четыре посланца от сыновей Тукта Биджхи, объявляющих о своей покорности,

Уйгурские послы были приняты со всеми почестями, но поскольку он сомневался в искренности Идикута, Чингис отправил послов во второй раз со следующим сообщением: “Если у Идикута есть честное желание подчиниться, пусть он придет к нам лично и подарит нам то, что представляет наибольшую ценность в его сокровищнице”.

Услышав это сообщение, Идикут отправился в свою сокровищницу и забрал оттуда лучшее из золота, серебра, жемчуга и других драгоценных предметов. Они были отправлены Чингисхану тем же летом, но Идикут извинился, что не может вручить их лично, и добавил различные причины, объясняющие его собственное отсутствие.

В тангуте вспыхнули новые беспорядки, которые вызвали новую кампанию. Монголы вторглись в эту страну в третий раз, разгромили ее воинов, захватили город Уирака и крепость Имен. Вторая тангутская армия была рассеяна, и Чонг синг, главный капитал, был инвестирован. Во время этой осады был заключен мир, и тангутский царь отдал свою дочь замуж за Чингиса.

В 1209 году монгольский правитель с триумфом вернулся домой и застал Арслан-хана карлуков и идикута уйгуров, ожидающих, чтобы засвидетельствовать ему свое почтение. Арслан-хан до тех пор правил совместно с агентом гурхана, своего сюзерена. Но поскольку власть гурхана в последние дни очень ощутимо ослабла, многие князья, которые до того времени признавали его, восстали. Среди них был султан Хотана, который выступил против него с армией и убедил Арслан-хана отказаться от присяги. Арслан тем более поспешил на помощь султану, что в то время лживый эмир этого государя Танигу сообщил ему о планах гурхана. Этот предатель так представлял Арслана своему сюзерену, гурхану, что последний дал ему титул “сын” и назначил вместо него агента, которого рекомендовал Танигу. Но когда победы монголов посеяли панику по всей Северной Азии, Арслан действовал быстро. Он убил агента гурхана, очень быстро присоединился к чингисхану и ждал его благосклонности.

Арслан сказал, что если он получит золотой пояс и высокое положение [78] на монгольской службе, то у него останется неудовлетворенным только одно желание: быть пятым сыном великого хана. Чингис, угадав это его желание или узнав о нем, добился его удовлетворения. Он выдал замуж за Арслана свою дочь Алтун Биги, и вместе с ней был добавлен титул пятого сына.

Таким образом, Чингисхан очень прочно укрепился в Кара-Китае. Его следующий шаг был направлен на сам Китай, великую Северо-Китайскую империю. Теперь он был хозяином могучих легионов, набранных из всех племен, вождей которых он изгнал с лица земли в той жестокой битве за господство, во время которой ни одна из сторон не проявляла милосердия, но в которой большая мудрость, проницательность и мастерство, а также, в некоторой степени, удача были на стороне Чингиса.[79]

[Содержание]

ГЛАВА V

ТРИУМФАЛЬНОЕ ПРОДВИЖЕНИЕ ЧИНГИСХАНА ЗА ВЕЛИКУЮ КИТАЙСКУЮ СТЕНУ

Многие провинции Китая находились под иностранным правлением в течение трех столетий. После падения династии Тан, правившей всей страной с 618 по 907 год, эта огромная Империя перешла к командующим провинциями и была разделена на десять сосуществующих и отдельных государств. Междоусобные войны, ставшие результатом этого разделения, способствовали возвышению новой державы в Северной Азии.

Китаны, составлявшие часть племени маньчжуров, владели этой страной от Сунгари на юг до нынешнего Шан-хай-куана и от хребта Хинган на запад до Кореи. Эти люди долгое время были вассалами татарских ханов, а затем китайских императоров. Они были разделены на восемь племен, у каждого из которых был свой вождь или управляющий. Абаки, глава племени шелию, владевшего районом, известным в настоящее время как Парин, получил верховную власть в 907 году и использовал всю силу китанов для подчинения Северной Азии. В 916 году он провозгласил себя государем, и когда десять лет спустя он умер, его владения простирались на восток до океана и на запад до Золотых гор или Алтая.

Текоан, сын этого первого правителя Китая, оказав вооруженную помощь вождю повстанцев в Китае, обеспечил ему победу и трон. В обмен на такую услугу новоиспеченный император, который основал свою резиденцию или столицу в нынешнем Кай фонг-фу на южном берегу Хоанг-Хо, или Желтой реки, уступил Текоану шестнадцать округов в Пехче-ли, Шан-си и Ляодуне, обязавшись также поставлять триста тысяч кусков шелка в качестве ежегодной дани.

Новый китайский император занял положение вассала китайянина и назвал себя его внуком и подданным. [80]Преемник этого китайского правителя стремился изменить эти условия. Текоан пошел на него войной; завоевал все провинции к северу от Хоанг-Хо, захватил Пьен (Кай фонг-фу), пленил императора и отправил его в регионы к северу от Китая.

Следуя китайскому обычаю, китаец взял новое имя для своей династии, назвав ее Ляо, то есть Железо.

После падения династии Тан на троне Кай фонг фу в течение пяти десятилетий сменяли друг друга пять мелких линий. На руинах этих династий в 960 году дом Сун объединил почти весь Китай. Этот дом пошел войной на китанов, но не смог вернуть ранее уступленные им районы, и в 1004 году из-за враждебных действий китанов император Сун, чтобы добиться мира, обязался выплачивать ежегодную дань шелком и серебром.

Китайская империя просуществовала два столетия и приняла в своих функциях китайские формы, по крайней мере внешне, но китайские методы сделали ее слабой. После сильных и

воинственных вождей пришли слабые и робкие императоры. Наконец, среди ютчи, кочевого народа, живущего на землях между Амуром, Восточным океаном и рекой Сунгари, появился великий человек по имени Агута. Они принадлежали к тому же тунгусскому роду, что и китанцы, но роскошь их еще не коснулась.

В 1114 году Агута одержал победу над китанами, а на следующий год провозгласил себя императором ютчи. Новое государство он назвал Аиджин Курун (по-китайски Кин кве), то есть Золотое царство. Он сказал, что не будет действовать подобно китанам, которые взяли название металла, который очень легко разъедается ржавчиной и разрушается.

Агута покорил всю Китайскую империю и умер в 1123 году. Два года спустя его преемник захватил Елиу йен хи, девятого и последнего императора династии Китань, просуществовавшей девять лет и два столетия.

Сунский император поощрял Агуту и даже подталкивал его к победе, надеясь таким образом вернуть себе земли, лежащие между Желтым морем и Желтой рекой. Китаны были разгромлены в ходе конфликта, но новая власть (династия Кин) была для него более опасной, чем старая, поскольку он очень быстро научился обходиться своими силами. В 1125 году император династии Кин вторгся в Северный Китай; на следующий год он достиг Хоанг-Хо, или Желтой реки, и осадил Кай-фонг-фу, лежащий к югу от нее. Сунский император, посетивший[81] лагерь захватчиков, чтобы по возможности обрести там мир, был схвачен и отправлен в Маньчжурию вместе со своей семьей. Один из его братьев, живший тогда на Юге, был провозглашен китайцами сувереном. Родственники продвинулись дальше, достигли Ян цзе и захватили Лин нган в провинции Че кианг. Они вынудили императора признать их завоевание и пообещать ежегодную выплату в размере двадцати пяти тысяч кусков шелка и двухсот пятидесяти тысяч унций серебра, а также признать себя вассалом в придачу.

Реки Хоай и Хань образовывали границу между двумя империями, и теперь империя Кин достигла линии почти на полпути между великими реками Хоанг Хо и Ян цзе. Император династии Сун несколько позже перенес свою столицу в Лин нган, известный как Хань чау. Кины взяли за оружие, чтобы расширить свою новую Империю еще дальше на юг, но потерпели неудачу. Война закончилась в 1165 году договором, который сохранил прежние границы, но уменьшил дань Сун. Более того, южный император, вместо того чтобы быть вассалом севера, приобрел отношение племянника к дяде. Но в 1206 году сунский император начал новую войну, которая принесла ему поражение. Чтобы восстановить мир, он был вынужден теперь платить первоначальную дань.

Примерно в середине 12 века родственники выбрали нынешнюю часть Пекина в качестве своей резиденции; они называли его Чонг ту, или средняя столица. Владыки трети Китая, они переняли обычаи и законы этой страны. Их владения простирались на север за пределы собственно Китая до озера Байкал и великой реки Амур. Китаны, некогда бывшие хозяевами, теперь стали подданными династии Кин, но в 1162 году они подняли восстание; после этого их силой привели к повиновению.

За несколько лет до этого у кинов была борьба с монголами, которая для кинов оказалась катастрофической. Они завершили ее уступками. Затем монгольский вождь принял титул хана, который сохранял с тех пор.

Цзинхи, начиная войну против Китая, на самом деле напал на Северную династию, или династию Кин, которая вытеснила династию китанов, поэтому, вполне естественно, он обратился за сотрудничеством к китанам. Мадаку, император династии Кинь, умер в ноябре 1209 года, а в 1210 году посланник сообщил Чингисхану, что Мадаку наследовал Чон хей, восьмой представитель династии. Посланник потребовал, чтобы вассал, как он утверждал, считал Цзинси,[82]получил объявление, стоя на коленях, в соответствии с этикетом Китая.

“Кто этот новый император?” - спросил Цзинхис посланника.

“Принц Чон хей”.

Услышав имя Цзинхис плюнул на Юг, а затем добавил: “Я думал, что Сын Неба должен быть возвышенным и необычным, но как этот идиот Чон хей может сидеть на троне, и почему я должен унижаться в его присутствии?” Затем он вскочил на своего коня и ускакал, не сказав больше ни слова и ничего не объяснив. Он немедленно созвал своих вождей и сказал им: “Как вы знаете, мои предки очень сильно пострадали от китайских монархов; и все же те же монархи не смогли завоевать эту нашу землю после столетий усилий. Небеса даровали мне победу над каждым противником и позволили мне подняться на самый высокий уровень благосостояния. Если вы будете действовать со мной верой и правдой, то те же Небеса даруют славную победу над Китаем. Благодаря этому триумфу монголы завоюют величайшее богатство и великолепие; их слава никогда не утихнет среди народов”.

Все были в восторге, все восхваляли своего правителя-победителя. Затем они договорились с ним отправить посланника к Алтын-хану (Золотому хану)¹ со следующим сообщением: “Конечно, тебе стало известно, что мы, по милости Небес, были избраны из числа всех монголов, чтобы взять бразды правления империей и руководство ею. Слава о нашем воинстве-победителе разнеслась повсюду и продолжает распространяться. Мы водружаем наши знамена по всей поверхности земли, и вскоре каждый народ и все нации без промедления или колебаний подчинятся нашему процветающему руководству и разделят его многочисленные благодеяния. Но если кто-нибудь восстанет и окажет сопротивление, их дома, товары, собственность и иждивенцы будут безжалостно уничтожены. Хвала Небесам, в наших владениях настолько хорошо налажен порядок, что мы можем посетить Китай. С нами пойдут всевозможные орудия и сокрушительное оружие. С нами выступит армия, подобная ревущему океану. Мы можем встретить вражду или дружбу с одинаковым чувством спокойствия. Если Золотой хан в мудрости изберет путь дружбы и согласия и встретится с нами в конгрессе, мы обеспечим ему управление Китаем в надлежащей форме и прочное владение. Если он не может прийти сам, пусть пришлет к нам своих почтенных сыновей в качестве заложников с сокровищами. Но если он будет сопротивляться, чего [83]не допустят Небеса, мы должны ждать войны и резни, которые будут длиться до тех пор, пока Небеса не возложат диадему победы и могущества на голову того, кого они изберут, и не наденут лохмотья нищеты на того, кто пожелает их носить”.

Получив эти слова, каких никто никогда не посылал государю в Китае, Чон хей пришел в ярость и уволил посланника с презрением и обидой. “Если Чингис замыслил войну и резню против нас, - ответил он, - кто может помешать ему испытать судьбу?”

Последнее слово было произнесено, и теперь обе стороны приготовились к войне.

Поручив Тугучару охранять родные земли от всевозможных беспорядков, Цзинхис в марте 1211 года выступил из Керулона, чтобы подчинить Китайскую империю. Но прежде чем покинуть свои родные места, он посетил высокую гору. На вершине он снял свой кафтан, накинул пояс на шею и призвал на помощь Высокое Небо: “Безграничное Небо, - сказал он, - я собираюсь отомстить за кровь Беркая и Амбагая, моих дядей, которых Алтын-ханы предали позорной смерти и пыткам. Если ты благоволишь мне, пошли помощь из возвышенных мест, но на земле пошли мне на помощь людей; пошли также духов добрых и злых”.

Его четверо сыновей, Джучи, Джагатай, Уготай и Тулуй, сопровождали монгольского государя.

Эта армия вторжения держалась вместе благодаря строжайшей дисциплине и состояла только из всадников. Подразделениями этого войска были десять, сто, тысяча и десять тысяч воинов. Приказы государя отдавались начальникам десяти тысяч, а ими - подчиненным. У каждого мужчины были прочные доспехи из сыромятной кожи и шлем; он нес копье и саблю с топором, лук и колчан; за ним следовало несколько лошадей, у которых не было никакой пищи, кроме той, что они находили по пути. Огромные стада крупного рогатого скота гнали в тыл армии. Во время форсированных маршей каждый солдат брал с собой немного молока и небольшую порцию мясной пищи.

Чтобы добраться до Великой китайской стены, монголы пересекли пространство протяженностью около тысячи двухсот миль, состоящее из части пустыни, известной по-китайски как Ша мо, а по-монгольски - как Гоби. Первому успеху захватчиков способствовал Ала Куш Тегин из племени онгутов, в чьи обязанности входила охрана Великой стены для императора,^[84] но который благоволил монголам. Вскоре Тай тун фу, называемый также Си кингом, был облечен императорским двором к северо-западу от Йен кинга или Чонг ту, нынешнего Пекина. Китайский военачальник Кин кьен послал Мингана, доверенного офицера, на разведку к монголам. Минган дезертировал и передал всю необходимую информацию о местах врагу, который атаковал Кин кьена и разгромил его войска; их конники растоптали его пехоту и изрубили ее на куски. Монголы двинулись навстречу главной китайской армии, которая не стала ждать, чтобы вступить с ними в бой.

Успех вторжения был огромен. Были предприняты экспедиции к стенам Чонту, великой северной столицы. Охваченный ужасом император приготовился бежать на юг, но был остановлен своими стражниками, которые поклялись сражаться насмерть за своего государя. В течение 1212 года монголы добивались успеха на всех этапах и громили армии родичей везде, где встречались с ними. Цзинхису все еще не удавалось захватить Тайдунфу, хотя в августе 1212 года он лично осадил его. Перед этим местом он был ранен стрелой и на некоторое время отступил на север.

Монгольскому вторжению в Китай теперь способствовало восстание китанцев. С началом военных действий Люко, принц обездоленной династии Китань, офицер, служивший в армии Кин, бежал и набирал людей за свой счет. Он был готов присоединить свои силы к Цзинхису, когда последний послал Антчин нойона заключить союз против общего врага. Двое мужчин поднялись на гору Йен, чтобы завершить соглашение. На вершине они убили белого жеребца и черного быка для жертвоприношения. Повернувшись затем на север, они оба взяли по стреле и сломали их. Люко поклялся в верности Чингису, а Антчин от имени своего господина поклялся защищать китайского принца от правителя Рода.

Требовалась срочная помощь, поскольку шестидесятитысячная армия направлялась на уничтожение Льюко. Золото и высокие почести были обещаны тому, кто доставит голову мятежника императору. Цзинхис послал три тысячи воинов. С этими силами и своими собственными войсками Льюко разгромил армию императора и захватил весь ее багаж, который он отправил в Цзинхису, а затем получил новое подкрепление. Чепе-нойон был послан оказать помощь в завоевании земли китанов, и он оказал ее успешно. Владычествуя теперь среди китанцев, которые устремились к нему большими толпами,^[85] Льюко, с согласия Цзинхи, провозгласил себя королем Ляо.

В 1213 году Цзинхис возобновил свою деятельность в Китае, и снова со всех сторон началась резня. Монгольские армии неслись вперед, пока почти не достигли ворот Чонг-ту, где разыгрывались кровавые сцены. Годом ранее Хушаку, командир Клана, был лишен своего поста и сослан. Теперь он был назначен командующим, несмотря на протесты губернатора Туктани и других. Хушаку принял командование к северу от Чонг-ту, и, хотя монголы были рядом с ним, он проводил свое время в основном на охоте. Разгневанный тем, что император возложил вину за это поведение, он предпринял месть, которую планировал с момента своего собственного восстановления в должности. Он распространил сообщение о том, что Туктани поднимает восстание, и притворился, что он, Хушаку, был вызван в город для его подавления. Опасаясь военного сопротивления, он поднял ложную тревогу, чтобы скрыть свою истинную цель. Всадники в спешке бросились к городу, объявив, что монголы пришли в пригороды. Хушаку послал за Туктани, губернатором, как бы для того, чтобы посоветоваться, а затем собственноручно убил его. Затем он заменил охрану императора своими личными приверженцами и перевел в другое здание императора, который в тот же день был убит евнухом.

Хушаку желал получить верховную власть для себя, но вскоре увидел, что его планы невыполнимы. Трон перешел к Утубу, брату покойного монарха.

Чепе-нойон вернулся от китанов и в это время шел на столицу. У Хушаку была рана в ногу, поэтому он послал Каоки навстречу монголам и пригрозил смертью, если тот вернется побежденным. Каоки был вынужден отступить на Чонг-ту после отчаянных боев. Опасаясь смерти от своего начальника, он решил действовать заранее и бросился схватить своего начальника и убить его. Хушаку попытался сбежать, но упал со стены собственного сада, когда взбирался на нее. Люди Каоки схватили этого человека, а затем отрубили ему голову. Каоки схватил голову, в спешке отнес ее во дворец и потребовал немедленного суда. Император не только помиловал, но и назначил Каоки главнокомандующим.

В то время как монголы нападали на империю Кинь на севере, тангуты атаковали на западе и в 1213 году захватили царь-чиу, пограничный город. ^[86]

Тангут и Китай прожили восемьдесят лет во взаимных добрых чувствах и дружбе, когда тангутский правитель, подвергшийся третьему нападению Чингисхана, попросил помощи у родственного правителя, но, не получив ее, заключил соглашение (1210) с монголами и разорвал отношения с Китаем. Империя была ослаблена дезертирством, столь многочисленным, что Чингисхан сформировал пятьдесят шесть бригад из офицеров и генералов, перешедших от китайцев к нему на службу. Они присоединились к его армии и теперь начали наступление на все эти земли, ограниченные на западе и юге Хоанг-Хо, или

Желтой рекой, и на востоке Хоанг-Хай, или Желтым морем, и образующие провинции Шан-си, Пе-че-ли и Шан-тунг.

Монголы разграбили девяносто процветающих городов, и во всем этом богатом и великом регионе было только девять мест, которые благодаря самообороне избежали разорения. Добыча была огромной: золото и шелковые ткани, пленники мужского и женского пола, лошади и крупный рогатый скот.

Этот великий набег произошел в первые месяцы 1214 года. Все монгольские армии были собраны со своей добычей в апреле того же года в местечке в нескольких лигах к западу от Чонту. Цзинхи не допустил бы нападения на эту столицу. Императору он отправил двух офицеров со следующим посланием: “Все места к северу от Хоанг-Хо принадлежат мне, за исключением Чонг-ту, это все, что осталось у тебя на службе. Небеса низвели тебя до такого бессилия; если бы я стал изводить тебя еще больше, я бы испугался гнева Небес. Будешь ли ты хорошо обращаться с моей армией и удовлетворишь ли ты генералов?”

Каоки хотел напасть, но советы других людей восторжествовали. К захватчику были отправлены послы, и был заключен мир. Цзинхис принял в жены дочь Чон хэя, покойного императора, с огромными подарками из золота и драгоценных предметов. Пятьсот юношей, столько же дев и три тысячи всадников отправились с его невестой к победителю.

Теперь с Цзинхисом был заключен мир, Утубу объявил полную амнистию всем, но, не чувствуя себя в безопасности, он оставил своего наследника в Чонг ту и отправился к королю Пьен, нынешнему Кай фонг фу, более известному как король Нань, на южный берег Хоанг Хо. По дороге он попытался отобрать у кара китанов, сопровождавших его, выданных им лошадей и стрелы. Они немедленно взбунтовались, выбрали вождем некоего Чоду и повернулись затем к Чонг ту. В двух лигах от столицы Чода встретил вооруженное сопротивление, и[87]несмотря на победу, он немедленно отправил послов к Чингису. Эти посланцы выразили покорность и сразу же попросили помощи.

Монгольский хан не колебался; он послал дивизию монголов под командованием Самуки и дивизию ютчей под командованием Мингана с приказом присоединиться к кара китанам и захватить столицу. Мукули, лучший монгольский вождь в Китае, был отправлен в то же время на усиление Люко, у которого армия Родственников отвоевала большую часть его царства.

Когда Утубу услышал об этом новом вторжении монголов, он немедленно вызвал своего сына к нанскому королю. Столица Чонту была плохо снабжена провизией, монголы были рядом с ней, их свирепость была известна; осажденные были в ужасе. Утубу поспешил вперед с большим обозом продовольствия под командованием Ли Ина и многочисленной армией. Монголы атаковали эту сильную армию. Ли Ин, который был пьян, когда они напали на него, был убит. Битва была проиграна, а транспорт захвачен и унесен победителями. При известии об этом ужасном бедствии войска двух других родственных генералов рассеялись, и мужчины разошлись по домам к своим семьям.

Связь с городом была прервана. Инвестиции были безжалостными; пришла нужда, а за ней голод, причем голод настолько жестокий, что пожирали мертвых, а затем убивали живых людей, чтобы их съели. Фу Синг, губернатор, предложил Чин Чонгу, коменданту, атаковать монголов всеми силами в городе и умереть с оружием в руках или же победить. У Чин Чонга не было такого представления о долге. Фу Синг, не желая быть свидетелем потери города, в котором он

был губернатором, приготовился умереть достойно. Он отдал все, что у него было, своим слугам, принял яд и закончил свое земное существование.

Тогда Чин чонг поспешил скрыться, прежде чем монголы смогли войти. Императорские принцессы умоляли его забрать их из города и спасти, но, не желая препятствовать его бегству, Чин чонг попросил немного времени, чтобы подготовиться к их путешествию. Однако, оказавшись за пределами города, он бежал и оставил этих бедных принцесс монголам. В столице произошла большая резня. Дворец был подожжен, и горел, как говорят, целый месяц, а то и дольше. Цзинхис послал трех офицеров принять имперскую добычу и воздать должное Мингану за его осадные работы.

Едва Минган захватил Чон ту, как Цзинхис послал Самуку с десятью тысячами человек напасть на короля Нань и захватить императора. Самука подошел так близко к городу, что [88]он был всего в двух лигах от него, но так как его войска были немногочисленны, он был вынужден отступить с пустыми руками. На следующий год он предпринял вторую попытку и был ближе к успеху, но не достиг его.

Тем временем династия Кин приближалась к своей гибели и дню исчезновения.

Весной 1216 года Чингис из своего дома на Керулоне снова послал Субудая против брата и трех сыновей Тукта Биджхи, последнего хана меркитов. Тугучар должен был прийти на помощь, если возникнет необходимость. Субудай встретился с меркитами у реки Джем на Алтае и разбил их. Два сына Тукта Биджхи и Куту, его брат, были убиты в бою; третий сын, Култук-хан, отличный лучник, был схвачен и доставлен к Джучи, старшему сыну Чингиса. Когда Джучи попросил продемонстрировать свое мастерство, молодой человек послал стрелу в цель, а затем расщепил эту первую стрелу второй. Джучи умолял своего отца пощадить этот Култук,² но тщетно. Этот великий лучник, последний сын Тукта Биджхи, должен был умереть, как и другие.

Пока монгольский хан находился в Китае, Байтулу, который был вождем туматов, вышел из повиновения. Под командованием Чингиса Борул выступил в поход в 1217 году против туматов и разгромил их, но сам погиб в конфликте, который был близким и очень ожесточенным.

Чингис попросил помощи у киргизов. Но они тоже восстали против него, и Джучи был послан усмирить этот непокорный народ. Он тщательно проделал эту работу, прежде чем покинуть верховья Иртыша и Енисея.

В 1214 году Мукули, как мы помним, был отправлен к китанам, чья страна была сильно наводнена армиями родичей. В течение двух последующих лет этот лучший из всех монгольских вождей отвоевал весь этот регион благодаря превосходной стратегии, изощренности и грандиозным боям. Эта работа была незаменима при завоевании Китая. В 1217 году этот великий полководец появился перед Цзинхисом, стоявшим тогда лагерем на Туле. Мукули был награжден больше всех других полководцев до того дня и после него. Цзинхис публично восхвалял его, превозносил его великие умственные способности и заслуги, называл его Квэ Вангом, или принцем Империи, и сделал этот титул наследственным. Он назначил его лейтенантом, командующим войсками в Китае, и дал ему золотую печать в знак власти. “Я покорил Север, - сказал Чингисхан, - покори мне Юг”. И [89]он отпустил его с армией монголов и китаев, с ютчи, или маньчжурами, чтобы помочь им.

В 1218 году Цзинхис в четвертый раз выступил походом на тангут и привел его к повиновению. В течение того же года он получил подчинение Кореи. Затем его деятельность развернулась в новую сторону, и вскоре мы увидим первые сцены этого могучего движения, начатого Чингисханом и продолженного его потомками, а еще позже возобновленного его родственником, грозным Тимуром, этим хромым человеком, потрясшим мир, и отцом монгольских правителей Индии.

Первым местом, куда обратился Великий хан, был Кара-Китай на западе, тогда граничивший с его собственной растущей империей. Кара-Китай имел следующее происхождение: когда правление китаев в Северном Китае было свергнуто родственниками, Елиу Таши, родственник последнего императора Китаев, а также его главный военачальник, попрощался со своим сувереном в 1123 году и с двумя сотнями человек отправился на запад. Губернаторы и вожди племен в тех китайских провинциях, через которые он проезжал, оказывали ему почтение как потомку Апаки и давали вооруженных воинов для его укрепления. Во главе этих и своих собственных людей он пошел дальше. Билик, принц уйгуров, у которого он попросил прохода, вышел встретить его на границе с большим подарком в виде овец, лошадей и верблюдов. Билик также отдал в заложники нескольких своих сыновей и внуков и признал знаменитого человека своим повелителем.

Елиу завоевал Кашгар, Яркенд, Хотан и Туркестан. Туркестан в то время находился под властью Нахмуд-хана, двадцатого принца своей династии, правителя, претендующего на происхождение от Афрасиаба, столь известного в персидской истории. Нахмуд получил во владение Мавераннахр, и, поскольку этот регион тоже несколько позже подвергся нападению кара-китанцев, он стал вассалом Елиу. Вскоре Кварезм постигла та же участь, что и Мавераннахр; войска Елиу принесли туда меч и пламя, и Ациз, второй принц династии Кваресмийских шахов, добился мира, ежегодно выплачивая за него тридцать тысяч золотых монет.

Когда Елиу подчинил своему владычеству все регионы между Яксартом и пустыней Гоби, а также между верховьями Иртыша и Памирским нагорьем, он принял титул гурхана Кара-Китая и основал свою главную резиденцию в Бела-Сагуне на^[90] следующем большом ручье к востоку от реки Яксарт. В 1136 году, готовясь к войне против монархов-родственников, чтобы вернуть Империю, которую они отняли у его семьи, он умер, оставив только одного сына, тогда несовершеннолетнего. До 1142 года этот сын находился под опекой своей матери. Умирая в 1155 году, он оставил сына Чилуку, регентом которого его тетя Пуссуэн была до 1167 года, когда он достиг совершеннолетия. Когда сын последнего найманского правителя прибыл в 1208 году в Кара-Китай в поисках убежища, Чилуку все еще правил. Он оказал беглому хану радушный прием и выдал за него замуж свою дочь.

Чилуку был занят в основном охотой на диких зверей и поиском удовольствий. Эта слабость привела к дезертирству великих вассалов: идикута уйгуров; хана Мавераннахра; Кваресмийского шаха, и теперь это привело к тому, что его вероломный новый зять сверг его с престола.

Найманский хан привлек на свою сторону некоторых командиров Чилуку, и, собрав остатки армии своего покойного отца, он увидел себя во главе значительных сил. Чтобы легко начать свой заговор, он попросил разрешения гурхана собрать разрозненные остатки найманской армии, которая затем странствовала по северо-восточным землям империи Кара-Китан. Он

сказал, что эти люди могут быть наняты на службу к Чилуку. Слабый и добрый старый правитель согласился, преподнес мужу своей дочери богатые подарки и подтвердил свой титул Гучлук, или Сильный человек. Фальшивый зять отправился выполнять свою миссию. Из Ивиля, Каялика и Бишбалика толпы людей устремились к его знамени. К нему присоединился вождь меркитов, бежавший перед монголами. Эти люди начали разбогатели, совершая набеги во всех направлениях. Дальнейшая надежда на добычу заставила другие банды быстро последовать за ними. И все же Гучлук не мог захватить Империю без союзника, а Империя, или, по крайней мере, большая ее часть, была его целью.

Он обратился к шаху Мухаммеду, который вышел из подчинения Чилуку и получил даже почтение Османа, хана, правившего тогда Мавераннахром и Самаркандом. Гучлук попросил шаха Мухаммеда напасть на Империю и захватить западную часть за эту услугу. Шах дал благоприятный ответ. Тем временем Чилуку отправил в Самарканд армию каракитаев, чтобы вернуть Османа к повиновению. Шах Мухаммед поспешил оказать помощь своему вассалу, но перед его прибытием[91] Кара китаны были отозваны для встречи с Гучлуком, который теперь начал войну со своим тестем, гурханом.

Пока армия Чилуку отсутствовала в Самарканде, Гучлук захватил в Узкенде государственные сокровища, а затем форсированными маршами поспешил застать врасплох Белу Сагуна. Чилуку, хотя и был стар, быстро выступил на поле боя лично и победил своего зятя, который в отчаянии отступил, потеряв большое количество воинов, которые были убиты или взяты в плен.

Тем временем шах Мухаммед пересек западную границу в сопровождении Османа и встретился с силами кара китаев под командованием Танигу. Он атаковал их и захватил командира в плен. Разбитые войска, возвращаясь домой, грабили своих собратьев-подданных и грабили без различия; Бела Сагун, который предпочитал Мухаммеда, не открывал им своих ворот. Осажденные войсками своего собственного государя, они сражались шестнадцать дней, ежедневно надеясь увидеть армию шаха. Город был взят штурмом, а жители перебиты. Пятьдесят семь тысяч человек погибли под острием меча.

Поскольку сокровища Кара-Китана исчезли, государственная казна опустела. Махмуд Бай, безмерно богатый генерал, опасавшийся за свое собственное богатство и состоятельность, посоветовал гурхану принудительно вернуть все, что было захвачено Гучлуком и его последователями. Военачальники, не желавшие отдавать свою добычу, пришли в ярость, услышав это предложение. Внезапно появился Гучлук и схватил своего тестя, гурхана. Оказавшись хозяином личности государя, он пользовался суверенной властью, так что Чилуку, сам лишенный власти, сохранял тщеславный титул, пока смерть не лишила его его два года спустя.

В 1218 году монгольский хан двинулся на запад, но заранее послал Чепе-нойона с двадцатипятитысячной армией против своего врага -узурпатора Кара-китаня. Гучлук бежал из Кашгара с частью своих войск. Войдя в город, Чепе провозгласил свободу религии для всех мужчин. Жители перебили воинов Гучлука, которые были расквартированы в их домах. Чепе бросился в погоню за беглецом и не натягивал уздечку, пока не выследил его на Памире и не поймал в горах Бадакшан, где отрубил ему голову.

Когда Чингис услышал об этом, он приказал Чепе не гордиться успехом, ибо гордыня погубила Ван-хана кераитов [92] и Тайян найманов, а также Гучлука и принесла разорение каждому последнему правителю.

Этот победоносный чепе несколько лет спустя доставил монгольское оружие в Армению через Грузию и большую часть России. Он был из исутов, монгольского племени, воевавшего против Чингиса, известного в то время как Тэмуджин. В один из дней Темуджин нанес сокрушительное поражение исутцам; Чепе бежал с некоторыми другими в горы и прятался там от смерти, которую он считал неминуемой в случае, если его схватят. Однажды, когда Темуджин был на охоте, его загонщики окружили его и поймали Чепе. Хан хотел убить его, но Бурчу, его первый товарищ и один из четырех избранных им вождей, умолял о поединке с Чепе. Темуджин согласился и дал ему для испытания коня с белой мордой. Бурчу пустил стрелу, которая не попала в Чепе. Чепе, более ловкий, чем его противник, метнул стрелу, которая свалила лошадь под ним, и в следующее мгновение он молниеносно бросился прочь. Доведенный до нищеты некоторое время спустя, Чепе предложил свои услуги Темуджину, сильному победителю. Темуджин знал цену этому человеку и принял его предложение. Хан сделал Чепе вождем сначала десяти человек, затем ста, позже тысячи и, наконец, десяти тысяч воинов.

Когда Чепе вернул голову Гучлука, он хотел получить вознаграждение за лошадь в белом наморднике, которую он убил, когда Бурчу напал на него, поэтому в Кашгаре он собрал тысячу лошадей в белых намордниках и привез их в подарок Чингису.[93]

1 Золотой хан, титул императора рода в монгольском языке. ↑

2 Одним из недостатков, в которых Чингис упрекал Джучи, была нежность. ↑

[Содержание]

ГЛАВА VI

РАЗРУШЕНИЕ КВАРЕСМИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Этот огромный Кара-Китай, или Черный Китай, или Черный Китай, был присоединен к монгольским владениям, которые теперь граничили с Кваресмийской империей. Эта Империя, возникшая на руинах сельджуков, вскоре расширилась за счет других земель, и в 1219 году она простиралась от Сырдарьи или Яксарта до Инда и от Курдистана до великой крыши мира, этих необъятных памирских нагорий. Правителем в начале XIII века был Алай уд дин Мухаммед, праправнук турецкого раба по имени Нуш Тегин. Хозяином этого раба был вольноотпущенник сельджукского султана Мелик-шаха, и этот вольноотпущенник передал Нуш-Тегин своему государю. Раб становился виночерпием Мелик-шаха и одновременно префектом Хорезма в силу своей должности. В мусульманской истории нередки случаи захвата власти турецкими рабами. Турецкие пленники в Персии пользовались большим уважением и появлялись там во множестве. На обширных территориях к северу и востоку от Каспия различные тюркские племена непрестанно воевали; каждое из них при каждом удобном случае захватывало детей врага и продавало их на невольничьих рынках. Эти дети, воспитанные в вере Мухаммеда, по

большей части были обучены владению оружием и стали доверенными телохранителями принцев. Они служили также домашними чиновниками или управляющими. Те из них, кто заслужил благосклонность, чаще всего получали свободу, а затем самые высокие места при дворах и в армии. Удачливый человек мог стать губернатором, и когда удача помогала ему достаточно хорошо, он становился сувереном.

Турецкие рабы становились всемогущими в мусульманских землях, пока, наконец, в эти земли не вторглись турецкие воины. Персия, сильно ослабленная арабским завоеванием, в некоторой степени восстановилась под властью Багдада, пока в одиннадцатом веке ее снова не завоевали тюркские кочевники из этих огромных степей к северу и востоку от [94]Каспия. Под предводительством потомков сельджуков эти свирепые сыновья диких пастухов пробились к Пропонтиде и Палестине; разбили лагерь в Персии и в землях, лежащих к западу от нее. Эти своекорыстные, безжалостные авантюристы в равной степени подвергали пыткам, угнетению и разбою всех людей, пока, наконец, междоусобные войны и социальный хаос не положили конец правлению сельджуков к концу двенадцатого века.

Кутб уд дин Мухаммед, сын освобожденного раба Нуша Теджина, а также его преемник, получил титул Куресмиан-шаха, титул, использовавшийся до арабского завоевания. Ациз, сын Кутбуддина, неоднократно поднимал оружие против Синджара, сына Мелик-шаха, и был вынужден платить дань гурхану. Когда Синджар умер (1157), Иль Арслан, сын Ациза, захватил Западный Хорасан; его сын Тукуш отнял персидский Ирак у Тогрула, который пал в битве. Со смертью Тогрула и Синджара обе линии персидских сельджуков вымерли.

Тукуш получил инвеституру в Багдаде от калифа, и Персия переходила от одной линии турецких тиранов к другой. Мухаммед, сменивший своего отца Тукуша в 1200 году, захватил провинции Балх и Герат и провозгласил себя правителем Хорасана. Вскоре после этого Мазандеран и Керман перешли под его власть и руководство. Теперь Мухаммед планировал свергнуть власть гурхана Кара-Китай, которому он и трое его предшественников платили ежегодную дань. Кроме того, к этому шагу его подтолкнул Осман, хан Самарканда и Мавераннахра, который, будучи также вассалом гурхана, с досадой терпел наглость агентов, бравших дань в его провинциях. Осман пообещал признать Мухаммеда своим сюзереном и выплатить ту же дань, которую он платил гурхану. Шах с радостью принял это предложение; он просто ждал предлога, который появился очень быстро: чиновник пришел получить ежегодную дань и сел рядом с шахом, на обычное в таких случаях место, хотя теперь казалось, что он поступил несколько дерзко. Гордость Мухаммеда, значительно возросшая после недавней победы над кипчаками, живущими к северу от Каспия, больше не могла этого выносить, поэтому в ярости он приказал зарубить агента и изрубить его на куски.

После этого акта Мухаммед немедленно вторгся в земли гурханов (1208), но потерпел поражение в последовавшей битве и попал в плен вместе с одним из своих офицеров. У офицера хватило ума заявить [95], что шах, личность которого была неизвестна в этих краях, был его рабом. За короткое время сумма выкупа за офицера была определена; он предложил послать своего раба за необходимой суммой. Это предложение было принято, и с рабом был отправлен эскорт для его защиты. Так Мухаммед вернулся в рабском обличье в свои владения, где ему предшествовали известия о его смерти. В Таберистане его брат Али Шир провозгласил свое собственное правление, а его дядя, губернатор Герата, получил суверенную власть в этом регионе.

В следующем году Мухаммед и Осман, правитель Самарканда, совершили второе нападение на гурхан. Переправившись через Сырдарью у Тенакита, они встретились со своими противниками под командованием Танигу и одержали победу.

Они завоевали часть страны вплоть до Узкенда и назначили правителя. Известие об этом внезапном успехе вызвало огромную радость в Кваресмийской империи. Соседние князья прислали посольства поздравить победителя. После его имени на щите было добавлено “Тень Бога на земле”. Люди хотели добавить также “Второй Александр”, но он предпочел имя Синджар, поскольку сельджукский принц Синджар успешно правил сорок один год. После его возвращения шах выдал свою дочь замуж за Османа, а наместника гурхана в Самарканде заменил кваресмийский агент. Однако вскоре Осман был настолько недоволен этим агентом, что вернул свою верность гурхану и убил кваресмийцев в его столице.

Мухаммед, разъяренный этой резней, двинулся маршем на Самарканд, взял город штурмом, и в течение трех дней и ночей его войска только и делали, что убивали людей и грабили; затем он осадил крепость и захватил ее. Осман вышел, одетый в погребальный саван; обнаженный меч свисал с его шеи вниз перед ним. Он упал перед Мухаммедом и униженно умолял сохранить ему жизнь. Шах пощадил бы его, но жена Османа, дочь шаха, ворвалась в дом и потребовала смерти своего мужа. Он предпочел прежнюю жену, дочь гурхана, и заставил ее, дочь шаха, прислуживать на пиру, который вызывал отвращение у низших женщин. Осман должен был умереть, и вместе с ним погибла вся его семья, включая дочь гурхана.

Мухаммед присоединил все земли Османа к империи и сделал Самарканд новой столицей. Он еще больше расширил свою Империю[96] за счет части царства Гур, которое простиралось от Герата до священной реки Индии Ганга.

После смерти в 1205 году Шихаб ад-дина, четвертого правителя династии Гур, его провинции перешли к офицерам, назначенным там в качестве префектов. Когда Мухаммед захватил Балх и Герат, Махмуд, племянник Шихаба, оставил за собой только Гур - особое владение семьи, и даже за это он был вынужден отдать дань уважения кваресмийскому монарху. Махмуд правил семь лет в этом ослабленном состоянии, когда был убит в своем собственном дворце. Общественное мнение в этом случае сочло шаха убийцей, и, вне всякого сомнения, с полной справедливостью.

Али Шир, брат шаха, который так поспешно провозгласил себя государем, когда Мухаммед возвращался, переодетый рабом, со своей войны против гурхана, теперь находился в столице Гура; он объявил себя преемником Махмуда и умолял шаха утвердить его в качестве вассала. Мохаммед, как казалось, послал офицера для этой церемонии, но когда Али Шир собирался надеть почетное одеяние, присланный им офицер отсек ему голову ударом меча и передал после этого приказ своего господина сделать это. После этого возмутительного поступка княжество Гур было присоединено к владычеству Мухаммеда (1213).

Три года спустя, в 1216 году, Мухаммед отвоевал Газни у турецкого генерала, некогда подданного Шихаб уд-дина. Этот турок захватил провинцию после распада доминиона Гур. В архивах Газни шах наткнулся на письма калифа Нассира из Багдада к гур-ханам, в которых он предостерегал против кваресмийских шахов и подстрекал к нападению на них, советуя для этой цели объединиться с кара-китанами.

Эти письма вызвали сильнейший гнев шаха. Халиф Нассир, взошедший на трон в 1180 году, безуспешно, хотя и непрерывно, пытался остановить рост и агрессию Кваресмии. Он не мог использовать свои собственные силы для достижения этой цели, поскольку у него их не было. Светская власть преемников Пророка сократилась до узких пределов Кузистана и Аравийского Ирака. Другие части их некогда обширных владений перешли к различным династиям, правители которых, как предполагалось, должны были получить земли в качестве феода от калифа. Если эти монархи просили об инвеституре, то это было просто по религиозным, или, возможно, правильное сказать, по политическим причинам.[97]

За пределами своего маленького государства аббасидские калифы имели только две эмблемы суверенитета: их имена упоминались в публичных молитвах по всему исламу и были выбиты на монетах всех мусульманских государств. Они не всегда были хозяевами даже в своей собственной столице.

Когда сельджукская империя, состоявшая в то время только из персидского Ирака, была разрушена беспорядками при Тогруле, ее последнем султани, Калиф, человек острого ума и авантюрных инстинктов, своими интригами многое сделал для распада пошатнувшегося государства и призвал к власти Тукуша, кваресмийского монарха. Он надеялся завоевать Персидский Ирак, но когда Тукуш завоевал эту великую провинцию, он не уступил бы ни фута из нее никому. Калиф считал себя вынужденным провести новую линию с санкции святости, линию, которая угрожала Багдаду гораздо больше, чем та, которую он так усердно помогал разрушать.

Когда Мухаммед сменил Тукуша, Нассир поднял Гиат уд дина из Гура, чтобы выступить против него. Этот принц, уже владыка Балха и Герата, возжелал весь Хорасан и начал войну, чтобы завоевать его. Вскоре последовала его смерть. Шихаб уд-дин, следующий правитель, продолжил борьбу, но потерял всю свою армию, которая была перебита и разгромлена в самом первом сражении. Когда в Газни Мухаммед обнаружил доказательства интриг калифа, он отправил к Насиру посланника; через этого посланника он потребовал присвоить себе титул султана; представителя в Багдаде в качестве губернатора; а также, чтобы его имя упоминалось в публичных молитвах по всему исламу. Нассир отклонил эти требования и выразил большое удивление по поводу того, что Мухаммед, не довольствуясь своей собственной огромной Империей, возжелал также захватить столицу халифа.

Получив этот ответ, Мухаммед решил лишить Аббасидов наследования, или калифата. Для этого он должен сначала получить санкционирующую фетву от мусульманских богословов (улемов). Поэтому он предложил этому органу следующие вопросы: “Может ли монарх, вся слава которого заключается в возвеличивании слова Божьего и уничтожении врагов истинной веры, свергнуть непокорного калифа и заменить его тем, кто этого заслуживает, если калифат принадлежит по праву потомкам Али, и если Аббасиды узурпировали его, и если, кроме того, они всегда пренебрегали одной из первых обязанностей, обязанностью защищать границы ислама и вести священные войны, чтобы привести неверующих к[98] истинной вере, или, если они не примут истинную веру, платить дань?”

Улемы заявили, что в таких случаях низложение является оправданным. Вооруженный этим решением, шах признал Али уль Мулука из Термеда, потомка Али, калифом и приказал, чтобы в публичных молитвах имя Насира не упоминалось. Шах собрал армию, чтобы привести в исполнение приговор Нассиру.

Огульмуш, турецкий генерал, покоривший Персидский Ирак, а затем присягнувший на верность Мухаммеду, был убит по указанию калифа, под чей контроль их вождь в Аламуте отдал несколько ассасинов. В персидском Ираке имя шаха было исключено из публичных молитв после убийства Огулмуша. Принцы Фарса и Азербайджана поспешили немедленно захватить Ирак по примеру Нассира. Сад, принц Фарса, был взят в плен, но обеспечил себе свободу, уступив две крепости и пообещав треть своего годового дохода в качестве дани. Эзбек из Азербайджана бежал после поражения, и шах не стал преследовать его, поскольку поимка двух правителей в течение одного года была несчастьем. Эзбек, вернувшись домой, отправил послов с подарками и провозгласил себя вассалом. Мухаммед присоединил Ирак к Империи и двинул свои войска на Багдад.

Нассир обратился со словами мира к своему врагу, но эти слова не возымели никакого действия, и марш продолжился. Нассир стремился укрепить Багдад и защитить его, в то время как Мухаммед писал грамоты, которые превращали Арабский Ирак, всю землю, столицей которой был Багдад, в военные феодалы и округа, платящие налоги.

Пятнадцатитысячный авангард шаха двинулся к Хельвану горным путем, и вскоре за ним последовала вторая дивизия такой же силы. Хотя стояла ранняя осень, снег падал двадцать дней подряд, самые большие палатки были погребены под ним; люди и лошади погибли в огромном количестве, как во время марша через эти горы, так и на привалах. Наконец, когда наступление стало невозможным, был отдан приказ об отступлении. Затем турки и курды атаковали отступающие войска с такой яростью, что армия была почти полностью разгромлена. Суннитская вера объясняла это Божественным гневом за это нечестивое нападение на личность халифа.

Сообщения о передвижениях монголов сильно встревожили шаха, и он поспешил домой, сначала в Нишапур, а позже в [99]Бухару, где принял первых послов от Чингисхана, своего нового соседа.

Уместно вернуться к тому времени, когда шах выбрал нового калифа из числа потомков Али, двоюродного брата и зятя Мухаммеда. В мусульманском мире существует семьдесят три или более секты, различающихся по размеру и степени важности, но двумя великими разделениями ислама являются суннитское и шиитское, которые различаются главным образом преемственностью. Среди суннитов преемственность шла от Аббаса, дяди Мухаммеда, Пророка ислама; это преемственность, которая имела место в истории. Среди шиитов преемственность, которая, как они думают, должна была произойти, но которой не произошло, осуществлялась через Али, мужа Фатимы, дочери Мухаммеда.

Шииты Персии думали, что день справедливости настал после шести веков унижения и ожидания, и что главенство ислама перейдет к ним через вступление Али уль-Мулука из Термеда в Халифат. В их глазах Кваресмийский шах стал посланником Аллаха, священной личностью. Его поступок произвел огромный эффект по всей Персии и, конечно, не меньший в столице ислама Багдаде, где калиф Нассир немедленно созвал совет, чтобы найти средства защиты от такого ужасного врага, как шах Мухаммед. После долгой дискуссии один мудрец из собравшихся заявил, что Чингисхан, слава которого гремела тогда по всей Западной Азии, был тем человеком, который образумит разъяренного шаха.

Калиф, очень довольный этим заявлением, решил отправить посланника, но путешествие было опасным, поскольку все дороги к монголам лежали через владения шаха Мухаммеда. Если посланник будет схвачен и его послание прочитано, шах, охваченный негодованием и гневом, не пощадит никого, замешанного в заговоре, и меньше всего Калифа Нассира и его слуг. Чтобы избежать такой возможности, они обрили голову посланника и написали на ней, или заклеили, его поручение. Затем его череп был покрыт краской или какой-то смесью. Все послание Чингису прочно запечатлелось в голове посланника, и он отправился в свое путешествие.

После четырех месяцев тяжелого путешествия он добрался до монгольской ставки, передал свое послание на словах и вскоре после этого был тайно допущен к монгольскому хану. Голова посланника была острижена во второй раз, и стали видны верительные грамоты, начертанные огнем на его [100]короне. В нем также содержалось приглашение вторгнуться в Кваресмийскую империю и уничтожить правящую династию.

Чингис задумался над этим приглашением. Мысль о завоевании новой империи не покидала его, но, поскольку незадолго до этого он дружески беседовал с ее правителем, он ждал, пока не представится повод для нападения.

В 1216-17 годах в Бухаре, как уже упоминалось, шах Мухаммед принял трех посланников от Чингиса; эти люди привезли слитки серебра, мускус, нефрит и дорогие белые одежды из верблюжьей шерсти ' все творения и изделия Центральной Азии, присланные в качестве подарков кваресмийскому правителю. "Великий хан поручил нам, - сказали послы, - передать следующее послание: 'Я приветствую тебя! Я знаю твою силу и огромные размеры твоей Империи. Твое правление распространяется на большую часть поверхности земли. У меня есть величайшее желание жить с тобой в мире; Я смотрю на тебя как на своего самого дорогого сына. Тебе известно, что я покорил Китай и привел к повиновению все турецкие народы к северу от него. Ты знаешь, что моя страна кишит воинами, что это кладезь богатств и что мне нет нужды домогаться земель других государей. Я и ты в равной степени заинтересованы в развитии торговли между нашими подданными".

Это послание фактически было требованием к Мухаммеду объявить себя вассалом, поскольку среди правителей Азии использовались различные степени родства для обозначения соответствующих степеней подчинения.

Шах вызвал одного из послов ночью. "Действительно ли Чингисхан завоевал Китай?" - спросил он. "В этом нет сомнения", - сказал посланник. "Кто этот, который называет меня своим сыном? Сколько у него войск?" Посланник, видя волнение Мухаммеда, ответил, что монгольские силы ни в коем случае нельзя сравнивать с его силами. Шах успокоился, и когда пришло время, он отпустил послов с явным добрым чувством и дружелюбием. Когда они достигли границы земель шаха, они были в безопасности, ибо где бы Чингисхан ни становился сувереном, путешественники сразу же обретали безопасность, даже в местах, где грабеж был правилом на протяжении многих веков.

С тех пор как пал Кара-Китай, владения Мухаммеда достигли сердца Центральной Азии и коснулись земель уйгуров, ныне притоков Чингиса, следовательно, торговые отношения были прямыми и представляли очень большую ценность. Вскоре после того, как послы хана совершили[101]свой визит, группа из четырехсот-пятисот купцов из монгольских мест прибыла

в Отрар на Сырдарье. Иналджук, губернатор города, соблазнившись богатыми вещами и товарами, которые привезли с собой эти чужеземцы, заключил в тюрьму весь отряд и объявил шаху, что эти люди были шпионами монгольского государя. Шах отдал приказ убить их в этом случае немедленно, и Иналджук подчинился, не дожидаясь. Когда весть об этой ужасной бойне была доведена до Цзинхиса, он заплакал от негодования, услышав это, и сразу же отправился на вершину горы, где обнажил голову, накиннул пояс на шею и пал ниц. Он лежал там, умоляя Небеса о мести, и, как утверждается, провел три дня и ночи, умоляя и падая ниц. Затем он поднялся и спустился вниз, чтобы обрушить монгольскую мощь на Кваресмскую империю.

Просьба исламского халифа теперь совпадала с желанием монголов. Но прежде чем нанести удар по Империи, Цзинхис решил уничтожить Гучлука, своего старого врага, сына Байбуги, покойного Тайяна из найманов. Тем временем он отправил трех послов к шаху со следующим посланием: “Ты заверил меня, что не будешь плохо обращаться ни с одним купцом из моей страны. Ты нарушил свое слово! Нарушение слова у суверена - это отвратительно. Если я хочу верить, что купцы не были убиты в Отраре по твоему приказу, пришли мне своего наместника для наказания; если ты не пошлешь его, будь готов к столкновению”.

Шах Мухаммед, далекий от того, чтобы доставить удовлетворение чингисхану или предложить его, убил Баджру, первого посланника, и подпалил бороды двум другим. Если бы Мухаммед хотел наказать или выдать Иналджука, он не смог бы этого сделать, поскольку губернатор был родственником Туркан Хатун, матери шаха, а также многих великих военачальников кваресмийской армии.

А теперь важно объяснить позицию Туркан Хатун, негибкой, дикой матери Мухаммеда. Эта женщина была дочерью Джинкеши, хана племени байджутов турок Канкали; она вышла замуж за Тукуша, кваресмийского шаха, и затем стала матерью шаха Мухаммеда. Большое количество вождей Канкали, которые были родственниками Туркан, последовали за ней со своими соплеменниками, чтобы служить в Кваресмийской империи.

Влияние этой неумолимой, волевой женщины и доблесть турецких воинов возвысили этих вождей до высшего ранга[102] среди военачальников; их власть была огромной, поскольку командующие войсками управляли с очень широкой свободой действий. Среди этой аристократии борцов власть государя была ненадежной; он был вынужден удовлетворять честолюбие людей, которые во всем видели только свою выгоду. Войска, контролируемые этими губернаторами, были бичом мирных людей; они разрушали каждый регион, в котором жили или который посещали.

Туркан Хатун, глава этой военной группировки, не только не уступала своему сыну по авторитету, но часто и превосходила его. Когда в какой-либо части Империи появлялись два приказа разного происхождения, дата определяла, какой из них имел силу; этот приказ всегда выполнялся в тот день, когда дата была самой последней, и порядок самой последней даты был приказом этой бдительной женщины. Когда Мухаммед завоевывал новую провинцию, он всегда отводил значительную часть уделам своей матери. У нее постоянно работало семь секретарей, мужчин, отличавшихся способностями. Надпись на ее указах гласила: “Защитница мира и веры, Туркан, королева женщин”. Ее девиз гласил: “Только Бог - мое прибежище”. “Владычица мира” - таков был ее титул. Следующий пример ясно показывает характер матери шаха: она добилась от Мухаммеда возведения Нассира уд дина, своего бывшего раба, на должность визиря, или

премьер-министра Империи; вскоре шах возненавидел этого человека по личным, а также другим причинам. Его способности были невелики, а жадность безгранична. В Нишапуре шах назначил нового судью, некоего Садр ад-дина, и запретил ему делать визирю какие-либо подарки. Друзья, однако, предупредили судью, чтобы он не пренебрегал этим главным сановником, поэтому он послал Нассиру уд дину запечатанный кошелек с четырьмя тысячами золотых монет. Шах, наблюдавший за судьей и визирем, заставил последнего отправить кошелек ему. Он был отправлен немедленно, и печать на нем была цела. Был вызван судья, и когда он явился, шах спросил при свидетелях, какой подарок он сделал визирю; тот отрицал, что делал что-либо, упорствовал в отрицании и поклялся головой своего государя, что не давал министру ни одной монеты. Шаху принесли кошелек; судья был лишен сана. Визирь был отправлен домой без должности к своей покровительнице.

Нассир уд-дин вернулся к матери шаха. По дороге он решал все дела, которые ему приносили. При приближении визиря [103] Туркан Хатун приказала людям всех рангов и сословий выйти ему навстречу. Визирь стал еще более дерзким, чем был раньше. Шах послал офицера принести ему голову непокорного министра. Когда офицер прибыл в ее столицу, Туркан Хатун отправила его к визирю, который в то время находился на диване и председательствовал. Она отдала офицеру такой приказ: “Поприветствуй визиря от имени шаха и скажи ему: ‘У меня нет визиря, кроме тебя, продолжай выполнять свои обязанности. Ни один человек в моей Империи не может уничтожить тебя или пренебречь тобой’”.

Офицер выполнил приказ женщины. Нассир уд-дин воспользовался своей властью вопреки Мухаммеду; он мог это сделать, поскольку Туркан Хатун поддержала его, а за ее спиной стоял легион ее кровожадных сородичей. У государя, беспощадно уничтожившего столько правителей, не было ни силы, ни средств, чтобы справиться с одним наглым выскочкой, бросившим ему вызов.

За убийством купцов в Отраре вскоре последовала такая буря разрушений, какой никогда не видели ни в Азии, ни где-либо еще. Шах Мухаммед собрал в Самарканде большую армию, чтобы выступить против Гутчука, которого он хотел подчинить или полностью уничтожить, но, услышав, что отряд меркитов продвигается через районы Канкали, лежащие к северу от озера Арал, он двинулся в Джэнд прямо против них и, достигнув этого города, узнал, что эти меркиты, будучи союзниками Гутчука, были преследуемы Чингисханами, а сам Гутчук был убит монголами.

Он быстро вернулся в Самарканд за дополнительными силами и, следуя по следам обеих армий, обнаружил поле, усеянное трупами, среди которых он увидел тяжело раненного меркита; от этого человека шах узнал, что Джингис одержал великую победу, и двинулся вперед.

Через день Мухаммед поравнялся с ними и сразу же сформировал свой отряд, чтобы атаковать их. Монгольский вождь (возможно, Джучи) заявил, что между двумя государствами царит мир и что у него есть приказ относиться к войскам шаха дружелюбно; он даже предложил Мухаммеду часть своей добычи и пленных. Последний отказался от этого и ответил: “Если Чингис приказал тебе не встречаться со мной в битве, Бог повелевает мне обрушиться на твои войска. Я хочу нанести верный урон неверным и таким образом заслужить Божественную милость”.[104]

Монголы, вынужденные дать сражение, были очень близки к победе. Они обратили в бегство левое крыло Мухаммеда, пронзили центр, где находился шах, и рассеяли бы его, если бы не

своевременная помощь, оказанная Джелал ад-дином, сыном шаха, который ворвался справа и возобновил сражение, которое длилось до вечера и осталось нерешенным.

Монголы разожгли огромное количество лагерных костров и отступили в темноте с такой быстротой, что к рассвету проделали двухдневный путь.

После этого столкновения шах очень ясно осознал силу монголов. Он сказал близким, что никогда не видел, чтобы люди сражались так, как они.

Чингис, покончив с Гучлуком и его королевством (1218), созвал свою семью и офицеров на совет, где они обсудили войну с Мухаммедом и уладили все, что касалось этого предприятия и его управления. Той же осенью монгольский завоеватель начал свой поход на запад, оставив заботу о родных краях своему младшему брату. Все следующее лето он провел в Верховьях Иртыша, устраивая свои огромные стада лошадей и крупного рогатого скота. Поход возобновился осенью, когда к нему присоединились принц Алмалика, идикут уйгуров, и Арслан, хан карлуков.

Шах мухаммед был встревожен приближением этого огромного войска, точнее, этой огромной группы армий, хотя его собственные силы были велики, поскольку насчитывали четыреста тысяч человек. Его войска в чем-то превосходили монголов, но им не хватало железной дисциплины и слепой уверенности в лидерах; им не хватало также того опыта лишений, той усталости, того умения отчаянно сражаться, которое делало монголов не просто наводящими ужас, но, в то время, непобедимыми. Кваресмийские армии защищали население, к которому они были равнодушны, и которое они защищали, следовательно, победа в лучшем случае давала скудные награды, в то время как монголы, нападая на богатые, процветающие страны, были взволнованы всем, что может пробудить человеческую жадность или вызвать дикую алчность. Неравенство в лидерах было еще более очевидным. На стороне монголов был вождь, несравненно гениальный во всем, что он делал; на другой стороне - колеблющийся государь с воинственными и колеблющимися советами. Шах сокрушал и убивал правителей все свое правление, и теперь он боялся встретиться с[105]человеком, которого он спровоцировал своими бесчинствами. Вместо того чтобы сосредоточить силы и встретить врага, он разбросал своих людей по всем городам Мавераннахра, а затем отступил и держался подальше от полей настоящих сражений. Некоторые приписывали это совету его генералов, другие - его вере в астрологов, которые утверждали, что звезды неблагоприятны и что нельзя рисковать ни одним сражением, пока они не изменят свои позиции. Также сообщается, что Джингис обманул шаха и заставил его подозревать своих собственных лидеров. Ниже приводится одна из историй:

Некий Бедр уд дин из Отрара, чей отец, дядя и другие родственники были убиты Мухаммедом, заявил Джингису, что желает отомстить шаху, даже если при этом потеряет собственную душу, и посоветовал великому хану воспользоваться ссорами, которые поддерживал Мухаммед со своей матерью. Ввиду этого Бедр ад-дин написал письмо, так сказать, от генералов Мухаммеда к Джингису, и составил его в таком стиле: "Мы приехали из Туркестана к Мухаммеду из-за его матери. Мы подарили ему победу над многими другими правителями, чьи государства увеличили Кваресмийскую империю. Теперь он платит своей дорогой матери неблагодарностью. Эта принцесса желает, чтобы мы отомстили за нее. Когда ты будешь здесь, мы будем в твоём распоряжении."

Чингис устроил так, что это письмо было перехвачено. Рассказывают, что шах был обманут этим и не доверял своим генералам, поэтому отделил их друг от друга и разместил по разным укрепленным городам. Безусловно, более вероятно, что он и они, испытав силу монголов, решили, что лучше сражаться за стенами, чем на открытом месте. Они также, без сомнения, думали, что монголы, разграбив страну и захватив множество пленников, уйдут со своей добычей.

Шах был легкомысленным и невежественным. Он не знал, с кем имеет дело. Он не изучал монголов и не мог этого сделать; он не имел ни малейшего представления о Чингисхане и не мог приобрести его; он не знал огромной силы своей системы и далеко идущего характера своих желаний.

Чингис прибыл в Сырдарью со своей армией и разделил все свои войска на четыре большие дивизии. Первую он расположил близ Отрара и поставил командовать ею двух своих сыновей, Уготая и Джагатая; вторая, под командованием его старшего сына Джучи, должна была действовать против других городов от Дженда до озера Арал; третью дивизию он^[106] направил против Бенакита на реке, к югу от Дженда. Пока три дивизии брали эти города на Сырдарье, сам Джингис двинулся к Бухаре, чтобы преградить шаху Мухаммеду путь в Мавераннахр и помешать ему усилить какой-либо гарнизон между двумя реками.

Отрар был взят в конце ноября 1218 года. Стены были укреплены, и город с его крепостью был очень тщательно обеспечен продовольствием. Сильный гарнизон был увеличен на десять тысяч всадников. После пятимесячной осады войска и горожане были обескуражены, и командующий счел за лучшее сдаться, но Иналджук, губернатор, не мог надеяться на свою жизнь, поскольку он был тем человеком, который убил монгольских купцов; следовательно, он и слышать не хотел о капитуляции. Он будет сражаться, как он сказал, до смерти за своего государя. Предводитель всадников думал иначе и ночью вывел свои лучшие войска, чтобы бежать, но был схвачен. Тогда он и они предложили служить осаждающим. Монголы поинтересовались условиями в городе, и, когда вождь рассказал все, что ему было известно, они сообщили ему, что он и его люди, будучи неверны своему хозяину, не могут быть верны другому. После этого они убили его и всех, кто был с ним.

Город был взят в тот день, в апреле 1219 года, и его жители были изгнаны за пределы страны, чтобы захватчики могли грабить это место на абсолютной свободе. Иналджук, губернатор, отступил с двадцатью тысячами человек в крепость и два месяца сражался в этой крепости. Когда монголы ворвались внутрь, у него осталось только два человека; с ними он удалился на террасу. Двое мужчин рядом с ним вскоре упали. Когда у него закончились стрелы, он начал швырять кирпичные обломки. У осаждающих был приказ схватить этого человека живым. Он сопротивлялся как безумный, но в конце концов его поймали, связали и отнесли в лагерь перед Самаркандом. Чингису залили расплавленное серебро в уши и глаза, чтобы отомстить за убитых торговцев. Выживших жителей Отрара пощадили, но крепость сравняли с землей.

Джучи, прежде чем выступить на Дженд, отправился в Синьяк и попросил распахнуть ворота. Едва это послание было передано, как разъяренные жители разорвали Хасана Хаджи, посланника Джучи, на куски и при этом призывали имя Бога.

Джучи немедленно отдал приказ атаковать и запретил своим людям прекращать бой, пока город не будет взят. Свежие войска сменили[107]тех, кто устал. После семи дней штурма монголы ворвались в этот город и перебили всех до последней души.

Джучи назначил сына Хасана Хаджи комендантом руин; затем он двинулся вверх по реке и разграбил все места, которые посетил.

Когда монголы приблизились к Дженду, комендант Катлук-хан бежал ночью, пересек Сырдарью и направился пустынной дорогой в Ургендж за южным берегом Окса. Джучи потребовал капитуляции через своего посланника Чин Тимура. Покинутые своим вождем, люди сомневались, что делать, и когда пришел Чин Тимур, они хотели убить его, но он рассказал им о Синьяке и пообещал воздержаться от мести монголов, если они проявят благоразумие. Затем люди освободили его, но очень скоро увидели врага под стенами, которые, по их мнению, были надежны против любого осаждающего. Монголы быстро взобрались на эти стены и ворвались внутрь со всех сторон. Тогда на них не поднялась рука. Жителей выгнали на открытую местность, и они оставались там девять дней и ночей, в то время как грабеж продолжался. За исключением тех, кто оскорблял Чин Тимура, народ был пощажен, поскольку они не оказывали сопротивления.

Тем временем отряд армии захватил Енгикенд, последний город на реке, и работа Джучи на правом берегу была выполнена со всей тщательностью.

Третья дивизия армии двинулась из Отрара влево вверх по реке и атаковала Бенакит, в котором находился гарнизон Канкалеса. По истечении трех дней офицеры пожелали капитулировать. Им были обещаны жизни, и они сдались. Жители были изгнаны из города. Турок отвели в сторону и изрубили до последнего человека мечами и другим оружием. Будучи воинами, которым монголы не доверяли, они были перебиты. Ремесленники были пощажены и распределены между монгольской армией. Для помощи в осаде были взяты неквалифицированные, молодые и сильные мужчины; все остальные люди были немедленно убиты.

Марш был продолжен до Ходженда, и вскоре захватчики оказались перед этим городом и начали его штурм. В Ходженде командовал Тимур Мелик, человек великой доблести. Он отвел тысячу отборных воинов в крепость на острове, достаточно удаленном от обоих берегов, чтобы быть в безопасности от камней и стрел. Осаждающие были усилены двадцатью тысячами монголов для ведения боевых действий и пятьюдесятью тысячами туземцев[108]из страны для ведения осадных работ. Эти туземцы были заняты прежде всего тем, что таскали камни с горы, расположенной в трех лигах от них, и строили дорогу от берега к крепости на реке. Тимур Мелик тем временем построил двенадцать крытых барж, защищенных от огня глазурованной землей, которую предварительно вымачивали в уксусе. Каждый день шесть таких лодок отправлялись к каждому берегу и через отверстия посылали стрелы в монголов. Ночные атаки были совершены внезапно и нанесли большой урон захватчикам.

Но, несмотря на все усилия, Тимур понимал, что его ждет неудача, если он останется там. Наконец-то его встретили подавляющие силы. Поэтому он поместил людей и багаж в семьдесят крепких лодок, а своих отборных воинов - в двенадцать крытых барж; и они помчались вниз по быстрой реке ночью при свете множества факелов, укрепленных на лодках его флотилии. Лодки разорвали цепь, протянутую монголами от одного берега до другого близ Бенакита, и поплыли дальше, преследуемые врагом с обеих сторон.

Теперь Тимур узнал, что Джучи разместил большой отряд людей на двух берегах, недалеко от недавно захваченного Дженда; он узнал также, что баллисты были готовы и что недалеко от того же места был сооружен мост из лодок. Поэтому он высадился выше и сел на коня, чтобы избежать пленения. Преследуемый врагом, он сражался, пока его багаж не оказался рядом с ним. Он повторял это день за днем, пока, наконец, не был вынужден бросить поклажу. В конце концов, потеряв всех своих людей, он остался один, и его преследовали трое монголов. У него осталось всего три стрелы, у одной из них не было металлического наконечника; он выстрелил и выбил глаз ближайшему преследователю. Затем он крикнул остальным мужчинам: “В моем колчане еще остались две стрелы, вам лучше вернуться к своему зрению”. Они так и сделали. Тимур Мелик направился в Ургендж и присоединился к Джелал ад-дину, за которым следовал до смерти этого правителя.

Тем временем Чингисхан двинулся со своими главными силами против Бухары и прибыл в этот город в июне 1219 года. По дороге он захватил Нур и Чарнук, которые разграбил; затем он увел из этих мест всех крепких людей, полезных для осадных работ. Бухара, великий город с двадцатитысячным гарнизоном, был окружен со всех сторон и атакован отрядами свежих воинов, которые не давали ему ни передышки, ни отдыха.

Через несколько дней защитники потеряли надежду на успех и решили [109]прорваться ночью, надеясь таким образом спастись. Они неожиданно напали на монголов и рассеяли их, но вместо того, чтобы использовать это преимущество и сражаться, эти спасающиеся бегством защитники поспешили вперед. Монгольские войска сплотились и преследовали беглецов до реки, где перерезали почти всех.

На следующее утро рано утром улемы и знатные люди вышли, чтобы засвидетельствовать почтение великому монгольскому хану и открыть ему ворота. Чингис въехал верхом и, направившись к главной мечети города, въехал в нее верхом. Спешившись возле минбара, или кафедры, он поднялся на несколько ступенек и сказал людям, которые быстро собрались там перед ним: “Поля теперь убраны; кормите наших лошадей в этом месте!”

Ящики, в которых хранились экземпляры Корана, были вынесены во двор для хранения зерна для монгольских лошадей; священные тома были брошены под копыта этих животных и растоптаны. В мечеть были принесены бурдюки с вином вместе с провизией; были созваны городские шуты и певцы, и пока дикие воины предавались всевозможным излишествам и выкрикивали песни о своей земле и народе, высшие религиозные деятели и доктора права служили им как рабы, держали их лошадей и кормили их. Работая таким образом, один великий человек прошептал своему соседу: “Почему бы не умолять Всевышнего спасти нас?” “Молчи, ” сказал другой, “ гнев Божий приближается к нам; сейчас не время для мольб. Я боюсь молиться Всемогущему, чтобы нам не стало от этого хуже. Если тебе дорога жизнь, держи теперь их животных для монголов и служи им”.

Из мечети Джингис отправился к месту общественной молитвы за городом и созвал всех людей собраться там. Он встал за кафедру и спросил: “Кто самые богатые люди в этой толпе?” Было представлено двести восемьдесят человек; девяносто из них приехали из других городов. Хан приказал всем этим богатым людям подойти поближе, а затем обратился к ним. Он описал жестокость и несправедливость шаха, которые привели к разрушению их города: “Знайте, - продолжал он, - что вы совершили ужасные поступки, и великие люди этой страны - худшие из ее преступников. Если вы спросите, почему я так говорю, я отвечу: Я - бич Небес, посланный

наказать. Если бы вы не были отчаянными преступниками, я бы не стоял здесь [110]сейчас против вас ". Затем он сказал, что ему никто не нужен для доставки богатств, которые находятся на поверхности, его люди могли бы это очень легко обнаружить, но он попросил спрятанные сокровища. Затем богатых людей заставили назвать имена своих агентов, и эти агенты должны были отдать сокровища или подвергнуться пыткам. Все сильные мужчины были брошены на засыпку рвов, окружающих город; даже экземпляры Корана и мебель мечетей были брошены туда, чтобы засыпать рвы. Крепость была взята штурмом, и ни один человек из ее защитников не обрел пощады.

Когда крепость была взята, все ее жители были изгнаны из города без ничего, кроме одежды, которая была на них. Затем началось великое разграбление. Победители убивали всех, кого находили в любом укрытии. Наконец, были посланы монгольские войска, чтобы окружить жителей равнины и разделить их на отряды. Там совершались деяния, которые не поддаются описанию. Все возможные безобразия разыгрывались перед теми, кому было страшнее всего присутствовать и кто обладал зрением. У некоторых хватило сил выбрать смерть вместо того, чтобы смотреть на эти ужасы; среди таких зрителей были главный судья города и первый имам, которые, увидев бесчестие своих женщин, бросились спасать их и погибли.

В конце концов город был сожжен; все деревянное сгорело, ничего не осталось, кроме главной мечети и нескольких кирпичных дворцов.

Чингисхан покинул дымящиеся руины Благородной Бухары и двинулся походом на Самарканд, до которого было всего пять дней пути. Он проезжал по приятной долине Согд, покрытой в то время прекрасными полями, фруктовыми садами и огородами, а также множеством домов тут и там. Все жители Бухары, привлеченные к тяжелому труду во время предстоящей осады, были загнаны в тыл армии. Тех, кто слабел в пути или слишком уставал для марша, убивали сразу же, без жалости.

Самарканд был одним из крупнейших торговых городов мира. Его гарнизон насчитывал сорок тысяч человек. И город, и цитадель были тщательно укреплены, и все люди считали, что осада этого места будет продолжаться месяцами, нет, возможно, годами.

Теперь появились три других армейских корпуса, ибо все места в низовьях реки были взяты, и Северная Мавераннахра была покорена. Эти подразделения привели с собой всех пленных, молодых, крепких и рослых, людей, которые могли пригодиться в [111]осадных работах; огромное количество этих людей было разбито на группы по десять человек, и у каждой десятки было знамя. Чингис, чтобы овладеть обреченным городом, провел перед ним парад своих легионов: кавалерии, пехоты и, наконец, тех несчастных пленников, которые казались обычными воинами.

Два дня ушло на осмотр городских укреплений и флигелей; рано утром третьего дня монгольский завоеватель протрубил начало наступления. Множество храбрых горожан совершили великую вылазку и сначала смели все перед собой, но, не будучи поддержаны собственными войсками, которые боялись осаждающих, они потерпели ужасное поражение. Монголы отступили перед наступающими людьми, которые энергично продвигались вперед, пока не попали в засаду; будучи пешими, они были очень быстро окружены и перебиты на глазах многих тысяч людей, смотревших со стен и крыш домов. Это великое поражение сокрушило надежды горожан.

Войска Канкали, будучи турками, верили, что монголы наверняка будут относиться к ним как к родственникам. На самом деле Чингис пообещал, как они и думали, взять их к себе на службу. Поэтому эта огромная толпа, настоящая сила города, выступила в тот же день со своими лидерами, их семьями и их багажом, одним словом, со всем, что им принадлежало. На четвертый день, как раз когда должна была разразиться буря, главные мужи города отправились в лагерь монголов, где получили удовлетворительные ответы относительно себя, своих семей и иждивенцев; поэтому они открыли ворота Самарканда победителю; но они были изгнаны из города, за исключением пятидесяти тысяч человек, которые отдали себя под защиту кади и муфтия. Эти пятьдесят тысяч находились под надежной охраной, все остальные были перебиты.

В ночь после капитуляции турецкий генерал Алб-хан совершил вылазку из цитадели, и ему посчастливилось прорваться сквозь ряды монголов, спасая таким образом себя и своих подчиненных. На рассвете цитадель была атакована одновременно со всех сторон. Эта борьба продолжалась до вечера, когда ворвался один штурмующий отряд, и крепость была взята. Тысяча защитников укрылись в мечети и сражались с отчаянием. Затем мечеть была обстреляна, и все находившиеся в ней сгорели заживо. Канкали, которые сдались на третий день, то есть в первый день боев, были отведены за пределы города и содержались^[112]отдельно от других. У них отобрали лошадей, оружие и обмундирование, а волосы сбрили спереди по монгольской моде, как будто они должны были стать частью армии. Это была уловка, чтобы обмануть их, пока палачи не будут готовы. За одну ночь канкали были убиты до последнего человека.

Когда огромное количество горожан было перебито, была проведена перепись оставшихся: тридцать тысяч человек различных искусств, профессий и ремесел были розданы Чингисханом своим сыновьям, женам и офицерам; еще тридцать тысяч были отведены для осадных работ; пятидесяти тысячам, после того как они заплатили двести тысяч золотых, было разрешено вернуться в город, который приняли монгольские коменданты. В более поздние периоды неоднократно производились реквизиции людей, и, поскольку лишь немногие из этих людей возвращались в свои дома, Самарканд долгое время стоял разрушенным и незанятым.

Чингисхан с самого начала так расположил свои войска, что шах Мухаммед не смог освободить ни один город между двумя реками; теперь все эти города были взяты, а войска, защищавшие их, перебиты. Следующим великим делом было схватить самого шаха Мухаммеда, а затем убить его, а вместе с ним и его семью.

Тридцать тысяч отборных воинов были наняты теперь для преследования правителя Кваресмии. Никогда еще за монархом не охотились так, как за этой жертвой монголов. Он убегал, как лиса или заяц; за ним охотились, как за ужасным диким зверем, убившим какого-нибудь высокопоставленного или святого человека, или как за каким-нибудь изгоем, совершившим поступок, который мог бы заставить содрогнуться целую нацию. Но здесь мы должны сказать несколько слов о человеке, на которого ведется охота, и объяснить его позицию.^[113]

[\[Содержание\]](#)

ГЛАВА VII

БЕГСТВО И СМЕРТЬ МУХАММЕДА

В то время как монголы разоряли Северную Трансоксиану, Мухаммед держался в стороне от любых действий и был так глубоко обескуражен, что его слабость затронула всех жителей Империи. Однажды, укрепляя Самарканд, он проходил мимо рва и сделал такое замечание: “Монголов так много, что они могли бы заполнить этот ров своими хлыстами”. Когда Джингис захватил северную линию за Оксусом, Мухаммед двинулся на юг через Накшеб, сказав всем людям заботиться о себе, поскольку его войска не могли их защитить. Разнообразие мнений среди его военачальников и министров усилило его колебания. Лучшие воины заявили, что Мавераннахр Потеряна, но что Хорасан и Ирак должны быть защищены; что необходимо сосредоточить войска, ввести всеобщий сбор и любой ценой защитить Амударью. Другие советовали отступить к Газни и там встретиться с монголами; в случае поражения шах мог бы отступить за Инд. Это был самый робкий путь, который Мухаммед одобрил и избрал сам; но, когда в Балхе к нему присоединился Амад уль мульк, визирь, он изменил этот план по просьбе Амада, который был премьер-министром Рокн ад-дина, сына шаха, владевшего персидским Ираком как уделом, и отправил Амада к его отцу, надеясь таким образом избавиться от него.

Позиция Амада была такова: он хотел быть рядом с шахом Мухаммедом, своим защитником, и его тянуло туда, где он родился, в дом своей семьи; поэтому он убедил шаха изменить планы и отправиться в Персидский Ирак, где он нашел бы людей и средства, чтобы отбросить монголов. Джелал ад-дин, лучший сын Мухаммеда, фактически единственный храбрый человек в семье, был против обоих проектов; он не хотел говорить об отступлении, он остановил бы вторжение у Оксуса. “Если ты отступишь в Ирак, - сказал он, - отдай[114] мне свои войска. Я отброшу монголов и освобожу Империю”. Однако все обсуждения были безрезультатными; шах считал все доводы своего сына безумием. “Успех, - сказал Мухаммед, - предопределен навечно, поражение предотвращается изменением положения звезд, и никак иначе”.

Прежде чем покинуть свою позицию в Балхе, Мохаммед послал людей в Пендждеэ, пункт к северу от Термеда, для сбора информации о передвижениях противника. Быстро пришли вести о том, что Бухара захвачена, что Самарканд сдался. Не откладывая больше своего путешествия, шах в горячей спешке двинулся через Хорасан. Большинство войск, отправившихся с ним, были турками, начальниками которых были сторонники и родственники его матери; они очень быстро составили заговор с целью убить его. Предупрежденный об их предательстве, Мухаммед покинул свою палатку ночью; на следующее утро было видно, что она утыкана стрелами. Его страхи сильно возросли, и он поспешил дальше, пока не достиг Нишапа, где остановился, думая, что монголы в любом случае не перейдут реку Оксус.

Из Самарканда Чингис отправил Чепе с десятью тысячами, Субудая со вторыми десятью тысячами и Тугучара с третьим корпусом такой же численности. Отданный им приказ состоял в том, чтобы со всей скоростью скакать в лагерь шаха. Если они обнаружат его во главе больших сил, ждать, пока к ним подойдет подкрепление; если его будет мало, атаковать и взять его в плен; если он бежит, преследовать и с помощью Небес захватить и удерживать его; щадить города, которые сдались; полностью разорять те, которые сопротивлялись.

Преследующие монголы неустанно проносились через Хорасан. В этой великолепной провинции было четыре знаменитых города: Балх, Герат, Мерв и Нишапур. Помимо них, были и

другие, имевшие значительное, хотя и второстепенное значение. Когда монголы были близ Балха, этот город выслал депутацию с подарками и покорностью. В нем был помещен монгольский наместник. Завех закрыл свои ворота и отказался от всех припасов; не желая терять время на осадные работы, монголы двинулись вперед, но поскольку люди взобрались на стены и стояли, били в барабаны и оскорбляли их, они повернулись и атаковали этот глупый город, который поносил их. Они взяли это место штурмом, предали мечу каждого находившегося в нем человека и сожгли то, что у них не было сил забрать с собой.

Монголы скакали все дальше и дальше. Людей, встречавшихся по пути в [115]Нишапур, хватали и подвергали пыткам, пока они не рассказывали все, что знали о бегущем Мухаммеде. Города были вынуждены сдаться; те, что сдались, были пощажены и получили новых комендантов. Если города, оказавшие сопротивление, были слабыми, их брали штурмом; если сильными, их оставляли до более позднего случая, поскольку в то время главной задачей было захватить Мухаммеда.

Когда шах узнал, что враг вступил в Хорасан, он покинул Нишапур с небольшим эскортом под предлогом охоты. Ужас наполнил это место, когда правда стала очевидной. После того, как шах покинул город, правили визирь с муфтием и кади до прибытия губернатора, который находился на пути из Ургенджа, столицы Кваресмии. Этот человек умер через три дня после окончания своего путешествия; его домашние держали его смерть в секрете, чтобы конвой не наложил арест на все его движимое имущество. Один из регентов вышел, как бы навстречу ему, и внес его сокровища. Тысячный эскорт не захотел оставаться в городе, а отправился на поиски Мухаммеда. На следующий день эти люди, находясь в девяти милях от Нишапура, были встречены новым отрядом монголов, которые очень быстро атаковали и изрубили их на куски.

Город был призван открыть свои ворота, и три регента дали следующий ответ: “Когда шах Мухаммед будет схвачен, Нишапур сдастся”. Первый отряд монголов, потребовавший провизии, получил ее и исчез. День за днем в город прибывали новые отряды, получали то, что просили, и быстро уезжали. Наконец пришел Чепе и приказал визирю, муфтию и кади явиться в штаб. Навстречу ему были посланы трое предполагаемых людей с подарками и провизией. Генерал передал этим людям прокламацию хана, написанную уйгурскими буквами, и в этом заключался ее смысл: “О коменданты, чиновники и народ! Знайте же, что Небеса дали мне Земную Империю, как на востоке, так и на западе от нее. Те, кто подчинится, будут пощажены; горе тем, кто сопротивляется, они будут убиты вместе со своими детьми, женами и иждивенцами. Обеспечьте провизией все прибывающие войска и не думайте встречать воду огнем, или полагаться на свои стены, или на численность тех, кто их защищает. Если ты попытаешься сбежать, тебя постигнет полная разруха”.

Три отряда монголов, по десять тысяч в каждом, которые теперь мчались в погоне за Мухаммедом, устремились к [116]Ираку. Субудай прошел через Дамеган и Симнан и пересек реку Кумус. Чепе Нойон, который прошел Мазандеран, присоединился к Субудая в Райи. Это место они захватили врасплох, а затем разграбили.

Из Нишапура Мухаммед поспешил в Казвин, где у его сына Рокна уд дина была армия; там он посоветовался с предводителями тридцатитысячной армии и послал за Езераспом, принцем Лура, который посоветовал отступать через горную цепь, лежащую между Фарсом и Луром. Шах хотел остаться в Ираке и усилить там свою оборону; он только что высказал это желание, когда пришло известие, что Райи взят и разграблен. Вожди и принцы, услышав это, сразу же

разбежались. Каждый пошел своей дорогой, и вся армия немедленно исчезла, настолько велик был ужас, внушенный наступающими монголами.

Шах бежал в поисках безопасности к своим сыновьям в Карун. По дороге монгольские войска были в поле зрения и почти поймали его, сам того не желая. Они послали стрелы в убегающего человека, хотя и не знали, кто он такой, и ранили лошадь, на которой он ехал, но зверь выстоял и благополучно доставил его в крепость. На следующее утро он побежал дальше по дороге, ведущей на запад, в сторону Багдада. Едва он ускакал, как монголы, которые теперь знали, чью лошадь они ранили, ворвались внутрь, думая наверняка схватить преследуемого человека. Сначала они яростно атаковали форт, но вскоре, узнав, что шах сбежал, поспешили за ним. По дороге они встретили людей, назвавшихся проводниками, отпущенными Мухаммедом; от этих людей они услышали, что он бежал в Багдад. Тогда они взяли проводников и помчались вперед, но шах в это время был на новой дороге. Монголы вскоре поняли, что потеряли его след, и были обмануты, поэтому они перерезали проводников и вернулись в Карун.

Мохаммед бежал в Серджихан, укрепленное место к северо-востоку от Казвина на горе. Семь дней он оставался там; затем бежал в Гилян, а затем в Мазандеран, где оказался лишенным имущества и почти без присмотра. Монголы опередили его, разграбив уже два города: столицу Амол и Астрабад, место оживленной торговли. “Где мне найти безопасность от монголов? Неужели на земле нет места, где я мог бы освободиться от них?” Таков был крик Мухаммеда. “Отправляйся на какой-нибудь маленький [117]остров на Каспии, это будет самое безопасное место!” - говорили некоторые из его друзей. Этот совет понравился шаху Мухаммеду, поэтому он остановился в деревне на берегу моря, намереваясь последовать ему. Он молился пять раз в день в мечети, читал ему Коран и со слезами на глазах обещал Богу, что в его империи воцарится справедливость, какой никогда не было на земле до этого дня, если власть когда-нибудь придет к нему во второй раз.

Пока Мухаммед был занят в этой деревне, внезапно появились монголы. Ими руководил Рокн уд дин, мелкий принц того региона. Дядя и двоюродный брат этого человека были убиты шахом Мухаммедом, который захватил их земли в дни своей наглости и алчных амбиций. Ненависть Рокн уд дина отправила его в качестве проводника к монголам, и таким образом он вернул себе семейное наследство. Шах едва успел вскочить в лодку и оттолкнуться от берега, когда его враги набросились на него. Разъяренные потерей своей жертвы, многие всадники бросились за лодкой, но не смогли добраться до нее и утонули в Каспийском море.

Мухаммед, серьезно страдавший от плеврита и слабости, заявил, отплывая от берега, что после царствования во многих королевствах и землях ему не хватает даже нескольких локтей земли для пристанища. Упавший человек добрался до небольшого острова и по-детски обрадовался, найдя безопасное убежище. Его дом представлял собой палатку, в которой почти ничего не было, но жители побережья приносили ему еду и все остальное, что могло понравиться монарху, как они думали. Взамен Мухаммед дал им служебные удостоверения или титулы на землю, которые они часто выписывали сами, поскольку он отправил большую часть своей небольшой свиты привезти к нему сыновей. Позже, когда Джелал ад-дин вернул себе какую-то часть своих владений, он уважал все меры такого рода.

Болезнь шаха усилилась, и он потерял надежду на выздоровление. Приехали его сыновья, и тогда он лишил Ослага наследства. “Кроме Джелал уд дина, никто из вас не сможет восстановить Империю”, - заявил Мухаммед. Слабеющий монарх взял свою собственную

саблю, которой он опоясал Джелал уд дина, и приказал младшим братьям проявить к нему повиновение. Мухаммед испустил дух несколько дней спустя, 10 января 1221 года, и был похоронен на этом острове. Не было ткани для савана, поэтому его похоронили в рубашке другого мужчины. Его похороны были скромными, а церемония захоронения - скудной. Таков был конец, который Чингис подарил великому государю, который до[118]своего нападения на халифа ислама правил огромной страной и везде добивался успеха, за исключением борьбы со своей матерью.

Прежде чем пересечь Оксус, Мухаммед приказал Туркан Хатун, которая управляла Ургендж, современной Хивой, удалиться в Мазандеран и жить там в горах, забрав с собой свой гарем. Джингис, четко осведомленный о ссорах между шахом и его матерью, послал Данишменда, своего канцлера, к этой безжалостной, суровой женщине, и вот его послание: "Твой сын неблагодарен, я это знаю. Если ты согласишься со мной, я не трону Кварезм, которым ты правишь. Более того, я отдам тебе Хорасан, когда завоюю его. Пошлите надежного человека, и он услышит это заверение непосредственно из моих собственных уст".

Туркан Хатун ничего не ответила, но покинула Кварезм, как только услышала, что ее сын бежал на запад. Однако перед отъездом она предала смерти всех принцев, которых шах ограбил и заключил в тюрьму; среди них были оба сына Тогрула, последнего сельджукского султана Ирака; балхский принц и его сын, правитель Термеда; принц Бамиана; вахшский принц, два сына правителя Сигнака и два сына Махмуда, последнего принца Гура. Она приказала бросить всех этих людей в Окс и утопить, пощадив только Омара, хана Язера, который мог быть полезен в ее путешествии, поскольку знал все дороги, ведущие в его собственную страну и место рождения. На самом деле он хорошо служил этой женщине, пока они не оказались рядом с Язером, когда по ее приказу ему отрубили голову, поскольку он ей больше не был нужен.

Когда Мухаммед бежал в Мазандеран, он, как мы видели, отправил свою мать жить в Илак, лучшую крепость во всей этой огромной горной области. Позже Субудай, который охотился на Мухаммеда, оставил группу людей, чтобы окружить эту мощную крепость. Поскольку Илак находился в дождливом, влажном климате, на засушливые периоды не было сделано водохранилищ; пока место было захвачено, случилось то, что случалось редко, сухой сезон. После нескольких месяцев блокады засуха вынудила капитулировать. Но сразу после того, как монголы вступили во владение, небо было плотно затянуто облаками, которые принесли с собой сильный ливень.

Туркан Хатун и гарем были доставлены в лагерь Чингиса, который в то время находился перед Талеканом и осаждал его. Там ее строго держали в плену. Все сыновья Мухаммеда, найденные в гареме, были немедленно преданы смерти. Две из его[119]дочерей были отданы Джагатаю, который сделал одну из них своей наложницей, а другую подарил своему управляющему; третья была отдана в жены канцлеру Данишменду. Вдова Османа, хана Самарканда, та, которая настаивала на казни своего мужа и была дочерью гурхана, была выдана замуж за красильщика, но, по другому свидетельству, ее выдали за Джучи, у которого впоследствии родилось от нее несколько детей. Туркан Хатун, сильную, жестокую женщину, увезли в Кара-Курум, столицу Монголии, где она умерла восемь лет спустя. Незадолго до того, как ее схватили, евнух уговаривал ее найти убежище у Джелал уд дина, ее собственного внука, который, по его словам, находился поблизости с многочисленной армией. Туркан ответила, что любой плен для нее слаще, чем спасение от его руки. Такова была ненависть, которую она испытывала к своему

внуку. Насир уд-дин, визирь, бросивший вызов шаху Мухаммеду, был казнен в Талекане вместе с рядом других.

Трое старших сыновей Мухаммеда направились берегом Каспия в Мангишлак, а оттуда в Ургендж, столицу Кваресмии. Со времени бегства их бабушки столица была без правления; в спешке она не оставила там губернатора. Семьдесят тысяч человек немедленно собрались вокруг трех принцев. Командиры, будучи турками-канкали, были недовольны тем, что Джелал уд-дин стал преемником своего отца; они боялись его сильной воли и замыслили убить его. Новый шах очень ясно видел, что его единственным шансом на спасение было бегство, и он быстро воспользовался этим шансом. С тремя сотнями воинов под командованием Тимура Мелика, ходжендского коменданта, спасшегося от монгольских войск, он бежал через пустыню в Нессу.

После взятия Самарканда Джингис разместил свои войска между этим местом и Накшебом, где они провели весну 1221 года, а также лето. К осени его силы были основательно реорганизованы. После отдыха они были полны сил и теперь готовы к действию. Возвращение сыновей Мухаммеда в Ургендж и скопление там сил пробудили бдительность хана, поэтому он немедленно отправил туда армию под командованием своих сыновей Джучи, Джагатая и Уготая. Чтобы отрезать отступление к Инду, он образовал кордон на южной окраине пустыни; часть этого кордона уже находилась близ Нессы, когда Джелал ад-дин и его отряд прибыли туда. Он доблестно атаковал эту линию людей, обратил ее в бегство и продвигался[120]без остановки. Это была первая победа, одержанная над монголами в Кваресмийской империи. Два младших брата, услышав о наступлении на Ургендж, выступили в путь три дня спустя, но им не повезло так, как их брату, и они погибли близ Нессы. Их головы, насаженные на копья, пронесли через Хорасан.

Когда монгольские войска прибыли к Ургенджу, Джучи, который командовал ими, послал в столицу призыв сдаться, сообщив народу, что его отец отдал ему город и что он никоим образом не желает причинять ему вред. Поскольку на этот призыв не было обращено никакого внимания, осада была начата немедленно. Монголы пытались отвести воды Оксуса выше города, но безуспешно, так как рабочие были убиты гарнизоном. Ссоры между Джучи и Джагатаем очень сильно затрудняли осадные работы. Цзинхи, разгневанный этой задержкой, назначил Уготая командующим. Джучи был взбешен тем, что его таким образом заменил младший брат, но он не мог отступить. Осада длилась семь месяцев и приобрела большую известность благодаря отчаянной обороне горожан. После общего штурма, решившего судьбу города, люди яростно продолжали сопротивление; вытесненные с одной улицы, они сражались на следующей. Женщины и даже дети принимали участие в этой борьбе, которая продолжалась семь дней и ночей без перерыва. Наконец жители попросили капитулировать. “Мы ощутили твой гнев, - заявили они монгольскому военачальнику, - теперь пришло твое время проявить благосклонность”. “Как!” - воскликнул Уготай. “Они упоминают о нашем гневе, о тех, кто убил так много людей из нашей армии? Мы очень сильно ощутили их гнев, и теперь мы покажем им, каков наш!”

Он приказал всем жителям выйти из города и ждать на равнине; ремесленники должны были собраться отдельно. Этих ремесленников пощадили, но отправили в Монголию. Некоторые из них, опасаясь такого изгнания, присоединились к народу и ждали. Кроме ремесленников, никто

не был пощажен, разве что молодые женщины, а также дети; все были безжалостно убиты Уготаем.

После этой резни монголы разграбили Ургендж, забрав все, что имело ценность. Затем они открыли шлюзы Оксуса и затопили город; те, кто был спрятан там, погибли. В других местах некоторые люди всегда спасались, но здесь те, кто спасся от монгольской ярости и спрятался, утонули от хлынувшей на них воды.^[121]

Тем летом Чингис разбил лагерь в богатых степях Накшеба, где его огромные табуны лошадей нашли отдых и хорошие пастбища. Осенью осада Термеда положила начало новой великой кампании. Этот город, расположенный на северном, или правом, берегу Окса, отказался сдаваться и был взят штурмом на десятый день боевых действий. Все жители были изгнаны за пределы пригорода и перебиты; некая пожилая женщина остановила меч над своей головой и пообещала редкую жемчужину, если они пощадят ее. Когда они спросили о сокровище, она ответила: “Я проглотила его”. Они вспороли ее тело и нашли драгоценную жемчужину у нее в животе. Подумав, что другие, возможно, подобным образом глотали драгоценности, Цзинхис приказал впредь вскрывать тела.

Следующую зиму монгольский хан провел между Балхом и границей Бадакшана, покоряя, разоряя, разрушая все известные города и каждое выдающееся или ценное место. Еще до окончания зимы вся эта область к северу от Оксуса была разорена, и на нее было страшно смотреть. Весной он перешел реку вброд и был встречен депутацией Балха с подарками и покорностью. Смирение не принесло спасения этому богатому знаменитому месту. Джингис, который знал, что Джелал ад-дин, новый правитель, находится в Газни с армией, не оставил бы за собой сильную крепость. Под предлогом проведения переписи населения он приказал жителям Балха собраться на улице недалеко от пригорода. Они вышли вперед и были жестоко перебиты; город был разграблен, затем сожжен, а все его укрепления разрушены.

Время террора наступило рядом с Нусрат-и-кух в районе Талекан. Это место, сильное позицией, своими сооружениями и своим гарнизоном, оборонялось в течение шести месяцев с огромной силой и успешно. Большое количество заключенных были вынуждены сражаться на передовых позициях окружения. Те, кто повернул назад, были безжалостно изрублены монголами позади них. Была воздвигнута огромная земляная насыпь и на ней установлены катапульты; с их помощью осаждающие обстреливали внутреннюю часть крепости. Наконец храбрый гарнизон предпринял большую вылазку пешком и на лошадях; всадники скрылись в горах, но пешие войска были подобны загнанным зверям; они сражались до тех пор, пока враг не перебил их всех до единого. Затем монголы ворвались в город; они не пощадили в нем ни одной живой души и не оставили камня на камне от другой.

В то время как армия хана уничтожала Нусрата и кухню, Тулуй ^[122]вернулся к своему отцу после опустошения Хорасана, самой богатой и красивой части империи. Когда Тулуй отправился на эту разрушительную работу, Хорассан уже был разорен Субудаем и Чепе, которые выполнили эту работу лишь частично, поскольку они бросились на охоту за Мухаммедом. Эти два вождя оставили по коменданту в каждом месте, которое сдалось. После того, как они прошли, и когда пришли вести о победах, одержанных, как говорили, Мухаммедом, люди, до сих пор напуганные, вновь обрели мужество. Например, начальник ополчения в Тусе убил монгольского коменданта и отправил его голову в Нишапур, следующий город, в качестве трофея; но вскоре этот начальник пострадал за свое легкомыслие и опрометчивость. Незнакомый капитан прибыл

с отрядом в Тас, предал мечу почти все местные войска и вынудил жителей Таса разрушить их оборону.

Когда в 1220 году Тулуй получил приказ выступить в поход на Хорасан, он послал вперед десять тысяч человек под командованием Тогачара в качестве авангарда. Этот отряд двинулся к Нессе, и при приближении к этому городу его часть встретила сопротивление. Бельгуш, его командир, пал в последовавшем за этим бою. Тогачар, чтобы отомстить за смерть Бельгуша, осадил Нессу. Шах Мухаммед, спасаясь бегством, послал чиновника посоветовать народу Нессы: “Монголы, - сказал он, - оставят Империю, когда разграбят ее, поэтому бегите в пустыню или в горные районы, если только вы не хотите восстановить старую крепость, которую сровнял с землей мой отец”. Они отстроили старую крепость заново.

Тогачар атаковал Нессу, используя двадцать катапульт, которыми управляли пленники, которые всякий раз, когда отступали, были убиты монголами позади них. На шестнадцатый день на рассвете в стене была пробита брешь; монголы ворвались внутрь и изгнали жителей. На равнине близ Нессы одних заставляли связывать других; когда руки каждого были связаны за спиной, монголы перебили всех, кто был там, числом семьдесят тысяч.

Древний город Меру, или Мерв, известный в персидских сказаниях, а еще больше в санскритских поэмах, был первым местом, на которое напал Тулуй с основной армией. Это был один из четырех правящих городов, к которому благоволили Мелик-шах и Синджар, сельджукские султаны. Он стоял на широкой плодородной равнине, по которой протекала река Мургаб, или Птичья река. Когда Мухаммед бежал из Джингиса, он приказал войскам и чиновникам Мерва отступить в Мерагу, соседнюю крепость. “Все оставшиеся люди должны принять^[123] монгольские войска с повиновением”, - таков был его приказ. Страх Мухаммеда, а не его совет, остался в этом городе. Его губернатор, Бехай уль Мульк, не считал Мерагу сильной и нашел убежище в другом месте; некоторые вожди вернулись в Мерв, другие бежали в отдаленные места. Новый губернатор, человек никчемный, заявил о подчинении, то же самое сделал муфтий, но судья и потомки Пророка потребовали сопротивления. Губернатор вскоре потерял свое место, и его сменил на этом посту бывший действующий президент по имени Моджир уль Мульк, который управлял делами Мерва до тех пор, пока не появился Тулуй с семидесятитысячным войском, частично состоявшим из пленных. На следующий день он окружил укрепления, и в течение недели вся его армия окружила этот обреченный город, февраль 1221 года.

Осажденные предприняли две вылазки с разных сторон, но каждый раз были отброшены с большой яростью. Затем нападавшие провели всю ночь возле крепостных валов, чтобы ни одна живая душа не могла спастись от них. На следующее утро Моджир уль Мульк послал почтенного имама посетить штаб. Этот святой человек привез в ответ такие мягкие слова и справедливые речи, что губернатор сам отправился посетить лагерь, неся с собой богатые подарки. Тулуй пообещал ему должность губернатора и жизни всех горожан. Он подарил ему богатое почетное одеяние и рассказал о друзьях и приверженцах губернатора: “Я хочу прикрепить их к своей особе, “ сказал он, - и даровать им феоды и высокие должности”. Губернатор послал за своими друзьями и приверженцами. Когда все эти люди оказались в руках Тулуя, он связал их. Он также связал Моджир уль Мулька и заставил его назвать самых богатых граждан Мерва. Был составлен список из двухсот крупных купцов и людей с большим состоянием, которые были отправлены к монголам с четырьмя сотнями ремесленников. После этого войска вошли в город и изгнали

оттуда жителей. Был отдан приказ, чтобы каждый мужчина отправился в путь со своей семьей и всем, что у него было самого ценного. Толпа целых четыре дня маршировала из города.

Тулуй воссел на позолоченный трон на равнине недалеко от пригорода и первым делом приказал привести к нему военачальников. Сделав это, он приказал отрубить им головы в присутствии огромного вопящего множества людей, для которых не было лучшей участи.

Мужчины, женщины и дети были оторваны друг от друга, чтобы никогда не встретиться в этой жизни после того дня. Все это место было наполнено [124]стонами, воплями и диким ужасом; людей группами передавали подразделениям армии, в обязанности которых входило уничтожать их до последнего, без жалости или исключений. Было выделено всего четыреста ремесленников, а несколько мальчиков и девочек предназначались в рабство. Богатых людей безжалостно пытали, пока они не рассказывали, где спрятаны их сокровища; когда сокровища были найдены, эти люди были убиты так же, как и остальные. Город был разграблен до предела; гробница султана Синджара была разграблена; стены древнего города и крепости сравнялись с окружающей местностью.

Прежде чем покинуть этот город резни и террора, Тулуй назначил правителя, одного из жителей, которого он по какой-то причине пощадил, а затем присоединил к этому человеку монгольского коменданта. Когда армия двинулась дальше, чтобы разрушить Нишапур, около пятисот человек выбрались из подземных укрытий, но передышка была им предоставлена недолгой. Монгольские войска, следовавшие за Тулуем, также пожелали принять участие в кровопролитии. Остановившись у мрачных руин, они попросили, чтобы эти злополучные люди принесли пшеницу на место их лагеря. Несчастные были посланы и были убиты.

Этот корпус уничтожал каждого, кого встречал на пути к Тулую.

Нишапур находился в двенадцати днях пути от Мерва, и, нападая на него, Тулуй готовился отомстить за Тогачара, мужа своей сестры, убитого при Нессе. Жители Нишапура сделали все, что могли, чтобы навредить монголам, и приготовились защищаться изо всех сил своей души и тела. Они установили на стенах три тысячи баллист и пятьсот катапульт.

Осада началась с опустошения целой провинции, столицей которой был Нишапур. Среди осадных орудий были три тысячи баллист, триста катапульт, семьсот машин для метания горшков с горящей нефтью и четыре тысячи лестниц. При виде их и огромного множества диких воинов, окружавших их город, вожди почувствовали, как мужество покидает их.

Депутация знати во главе с главным судьей Хорасана отправилась предложить Тулую покорность и ежегодную дань.

Тулуй отказывался от всех предложений и держал судью в плену. Следующим [125]утром он объехал стены и поднял свои войска на величайший подвиг. Они атаковали все стороны одновременно, сражаясь в тот день и в следующую ночь. Утром рвы были полны; в стенах было семьдесят брешей; десять тысяч монголов вошли внутрь. Новые противники врывались со всех сторон, и во многих местах происходили отчаянные столкновения. Еще до окончания того дня город был оккупирован. Нападавшие осуществили ужасную месть. Вдова Тогачара, одна из дочерей Чингисхана, сама бросилась в бой с десятью тысячами воинов, которые рубили всех перед собой. Бойня продолжалась четыре дня без перерыва. Монголы уничтожили все живое; даже кошки и собаки в городе были убиты ими (апрель 1221 г.).

Тулуй слышал, что при разрушении Мерва многие люди спасли свои жизни, лежа среди трупов, поэтому теперь он приказал отрубить всем головы; из них были построены три пирамиды: одна из мужских голов, вторая из женских и третья из детских. Разрушение города продолжалось пятнадцать дней; это место полностью исчезло, и монголы посеяли на его месте ячмень. Из жителей в живых осталось всего несколько сотен человек; это были искусные ремесленники. Чтобы кто-нибудь не нашел убежища в подземных убежищах, возле руин были оставлены войска для уничтожения всех, кто позже сможет выползти на дневной свет.

Монгольская армия двинулась теперь на Герат, последний город, оставшийся в Хорасане. Губернатор, убивший посланника, посланного Тулуем, чтобы призвать это место к сдаче, призвал всех мужчин сражаться отчаянно, сражаться не на жизнь, а на смерть. Борьба продолжалась восемь дней, и Герат сражался с огромной решимостью и яростью; в тот день пал губернатор, и возникла небольшая партия, которая заявила о подчинении. Тулуй, зная о таком настроении в городе, пообещал пощадить людей, если они немедленно подчинятся ему. Предложение было принято. Он пощадил всех граждан, за исключением двенадцати тысяч, преданных Джелал ад-дину, новому правителю, и назначил мусульманского губернатора с монгольским комендантом в помощь ему.

Восемь дней спустя Тулуй получил от Талекана приказ отправиться к своему отцу.

В то время как Тулуй разорял Хорасан, небольшая группа туркмен-ханкали, живших близ Мерва, опасаясь монголов, [126]двинулась на запад и после некоторых странствий по Малой Азии, наконец, поселилась близ Ангоры под предводительством Эртогула, вождя их племени. В те дни их насчитывалось четыреста сорок семей. Эти туркмены составили ядро Османской империи, столь известной в истории до наших дней.

После того, как он уничтожил Талекана, Чингис некоторое время разбивал свой летний лагерь в соседних горах. Его сыновья, Джагатай и Уготай, вернулись из Ургенджа и других разрушенных мест на Оксусе. Джучи отправился к северу от озера Арал и в глубоком и неутолимом гневе начал устанавливать Кыпчакскую монархию, известную позже как Золотая Орда, и больше никогда не видел своего отца. Ближе к осени 1221 года Джингис, узнав, что Джелал ад-дин располагает большими силами в Газни, направил свой марш к этому городу, чтобы сокрушить его.

Великий хан был задержан на целый месяц в Кердуане, прочной крепости, но в конце концов разрушил ее со всеми ее защитниками. После этого он пересек Гиндукуш и осадил Бамиан, где потерял одного внука, сраженного насмерть стрелой; это был Моатаган, сын Джагатая. Чтобы отомстить за эту смерть, Бамиан был быстро взят штурмом. Чингис не хотел, чтобы было по-другому. Был отдан приказ не оставлять никого в живых и не брать никакой добычи. Каждое живое существо должно было умереть, и каждая ценная вещь была сломана или сожжена. Бамиан был переименован в Мобалиг (город горя), а регион вокруг него превратился в пустыню. Сто лет спустя в нем не осталось жителей.

Сразу после этого разрушения пришло известие о победе Джелал уд-дина над монгольским подразделением под командованием Кутуку, которое защищало операции хана и Тулуя на южной стороне. Эта победа была одержана при Перуане, недалеко от границы с Бамианом. Однако это принесло победителю больше вреда, чем пользы, поскольку вызвало внезапный разрыв между его командирами, некоторые из которых дезертировали и увели с собой

множество воинов. С уменьшенными рядами он был вынужден отступить к Газни, а оттуда дальше на юг, когда услышал, что Чингис быстро продвигается вперед, чтобы отомстить за поражение Кутуку, своего генерала.

Монгольская армия достигла Газни через пятнадцать дней после того, как ее противник отступил. Чингисхан оставил в городе губернатора и помчался к Инду со всей возможной для лошадей скоростью, когда на них сидят люди и подгоняют их изо всех сил. Но на этот раз великому [127]Монголу пришлось иметь дело с человеком более отважным, чем тот, которого он до сих пор встречал в своих боевых действиях. Джелал ад-дин собрал силы со всех сторон; он отправил срочные послания покинувшему его вождям, но, хотя они и хотели вернуться, в тот день у них не было возможности сделать это. Чингис стоял между ними и их лидером.

Монголы гнали своих лошадей вперед с энергией безумцев. Великая задача состояла в том, чтобы помешать молодому шаху переправиться через Инд со своей армией и своим гаремом — все его жены и дети были с ним. Время в данном случае имело первостепенное значение. Монголы жестоко теснили Джелал уд дина, но он, как всегда, не испугался. Незадолго до того, как достичь Инда, он напал ночью на тыл авангарда своего врага и почти полностью уничтожил его.

Достигнув реки, не было времени переправляться, поэтому шах выстроил свою армию для битвы. Левое крыло было прикрыто горой, которая отвесно обрывалась в реку. Гору нельзя было ни обогнуть, ни пересечь, как думал шах; она также защищала левый фланг от атаки с фланга; Инд защищал правый от фланговых движений, и Джелал уд дина можно было встретить только прямо с фронта. Его армия насчитывала тридцать тысяч человек, в то время как у его врага было во много раз больше.

И вот началась неравная и отчаянная схватка. Правое крыло шаха, которому он неоднократно посылал подкрепления, отбило левое крыло монголов, а сам он разбил центр чингисхана. Какое-то время монгольский завоеватель находился в личной опасности, поскольку в борьбе под ним была убита лошадь. Джелал ад-дин выстоял бы и, возможно, одержал бы победу, если бы Бела Нойон не был послан с десятью тысячами отборных воинов любой ценой перевалить гору. Монголы осторожно ползли по скалам и краям пропастей, продвигаясь вперед, пока, наконец, не оказались в тылу ослабленного левого крыла и центра, которые, атакованные с тыла и фронта, были прорваны насквозь и вытеснены из соприкосновения друг с другом.

Собрав вокруг себя семь тысяч человек, Джелал ад-дин предпринял отчаянную атаку на линию своего врага, которая на некоторое расстояние расступилась, затем он быстро повернулся, вскочил на свежую лошадь, сбросил доспехи и, пришпорив Инда, прыгнул с берега, расположенного на высоте от двадцати до шестидесяти футов над водной гладью. Его щит был у него на плече, а штандарт [128]в руке. Джингис, быстро пришпоривший коня к берегу реки и посмотревший на своего убегающего противника, воскликнул: “Как мог шах Мухаммед быть отцом этого человека!”

Старшему сыну Джелал ад-дина было восемь лет. Его вместе с братьями сбросили в Инд и утопили, как ненужных щенков. Чингис распоряжался гаремом и сокровищами по своему усмотрению.

Затем Джелал уд дина на некоторое время исчез из поля зрения участников конфликта, чтобы позже появиться в различных битвах, пока слабость, предательство и смерть не положат ему

конец. Монгольские полководцы переправились через реку и преследовали противника, но после бесплодных попыток вернулись.

Весной 1222 года Чингисхан двинулся вверх по правому берегу Инда и послал своего сына Уготая взять Газни и разрушить его. Здесь, как и в большинстве других мест, жители были изгнаны из города, так сказать, для подсчета голосов, но были убиты самым жестоким образом; не пощадили никого, кроме ремесленников. Армейский корпус был также направлен для разрушения Герата, единственного города, оставшегося в Хорасане. Герат поднял восстание, услышав о победе перуанцев над монголами; жители планировали подобные действия с момента капитуляции и запаслись оружием и припасами под предлогом, что они предназначены для использования монголами, если возникнет необходимость.

Недалеко от Герата находилась крепость Кальюн, позже известная как Неррету. Чтобы добраться до этого укрепленного места, люди должны были пройти гуськом по высокому, узкому гребню горы, напоминавшему спину колоссального бора с бритвенной спиной. Это место было вне досягаемости стрел или камней, летящих из катапульт. Хотя монголы дважды атаковали Кальюн, их попытки взять его потерпели неудачу. Люди Кальюна, опасаясь, что они могут прийти в третий раз и произвести впечатление на жителей Герата, планировали привлечь этот сильный и богатый город, у которого тогда было бы одно дело с ними. Они отправили письма монгольским губернаторам, правящим в Герате, в которых говорилось: “Мы готовы сдаться, но опасаемся суровости монголов; мы просим письменную гарантию безопасности”.

Губернаторы ответили, что передадут такое письмо, и посоветовали просителям посетить город и прийти к ним. Это было все, в чем нуждались остальные люди; поэтому семьдесят сильных воинов отправились из Кальюна, переодетые простыми хакстерами; их оружие было спрятано в рюкзаках, которые они несли. Они вошли в город, каждый сам по себе, позже объединились и убили обоих [\[129\]](#)правителей. Герат немедленно восстал и перебил всех монгольских партизан.

В дополнение к своим людям монгольский командир привел теперь пятьдесят тысяч имперцев из завоеванных мест. Вскоре последовала осада и отчаянное сопротивление. Шесть месяцев и семнадцать дней продолжалось это до падения города. Тогда меч был обращен против всех, за исключением отборной молодежи обоего пола. В течение одной недели монголы убивали, грабили, жгли, разоряли. Говорили, что в ходе конфликта и последующей резни погибло один миллион шестьсот тысяч человек. Чингис получил самую богатую добычу, и вместе с ней ушло несколько тысяч молодых пленников.

Когда Герат был разрушен, командующий вернулся к основной армии; несколько позже были отправлены войска для поимки всех, кто мог уцелеть и появиться в руинах; они обнаружили около двух тысяч. Их они убили, а затем вернулись к тем, кто их послал.

Шестнадцать человек укрылись на крутом пике горы, и когда они увидели, что монголы не возвращаются, они спустились в Герат. К ним присоединились еще несколько человек. Тогда появилось новое население, числом сорок человек. Их единственным убежищем была главная мечеть города.

После своего ужасного разорения Мерв был в какой-то степени повторно заселен, но позже в этот город были посланы пять тысяч монголов, и они перебили всех, кого нашли в нем. Когда эти пять тысяч полностью выполнили свою работу, коменданту Ак Мелику был отдан приказ убивать всех, кто может появиться в руинах. Этот человек сделал все возможное, чтобы найти людей и

убить их. Он посылал муэдзинов призывать к молитве с минаретов. Всякий раз, когда мусульманин выползал из своего укрытия и входил в мечеть, его хватали и лишали жизни. Сорок один день Ак Мелик скрывался там и ждал новых людей. Выживших было немного, когда он покинул руины. Мерв оставался печальной пустыней до времен Шахрука, сына Тамерлана.

Чингис вырезал на берегах Инда всех, кто был верен Джелал ад-дину, новому шаху, а теперь он уничтожил всех, кто покинул этого правителя и проявил безрассудное вероломство. Покинув Джелал уд-дина, Аграк отправился с Азамом в Бекерхар. Побывав там, он отправился в Пешавар и с первого места привала отправил обратно следующее послание: “Пусть мой смертельный враг[130] не остается в твоей стране”. Этим врагом был Нух Джаудар, глава пяти или шести тысяч семей Коллуджей. Азам прислал в ответ такой ответ: “Никогда еще среди мусульман не было такой потребности, как сейчас, - не ссориться”. И, взяв с собой эскорт из пятидесяти человек, Азам последовал за ним, чтобы заключить мир между Аграком и Джаударом. Он не мог ни растрогать Аграка, ни убедить его; они вместе ели и пили вино; мозг Аграка пришел в возбуждение, он сел на коня, взял сотню человек и поскакал в лагерь коллухов. Джаудар, думая, что Аграк желает мира, выехал вместе со своим сыном, чтобы поприветствовать его. Увидев своего врага, Аграк выхватил саблю, словно для удара, и в следующее мгновение был зарублен людьми Джаудара. Когда приверженцы Аграка услышали, что их лидер убит, они подумали, что Джаудар и Азам замыслили его погубить, и сразу же они убили Азама. Затем они напали на лагерь Джаудара, где убили его и его детей. Вскоре после этого они столкнулись с людьми Гура и убили большое количество. В довершение к этому трагическому безумию действий отряд конных монголов обрушился на всех и перебил их без разбора; небольшие остатки разбежались в разные стороны.[131]

[Содержание]

ГЛАВА VIII

СМЕРТЬ И ПОГРЕБЕНИЕ ЗАВОЕВАТЕЛЯ

Чингисхан провел зиму 1222-1223 годов близ Инда, а весной 1223 года он решил, как это ни неожиданно казалось, подняться вверх по Инду и вернуться через Тибет в Тангут и Китай. Причины, приводимые историками для этого шага, различны. В Тангуте были смуты, и не было никаких серьезных причин оставаться в Кваресм, поскольку эта Империя была совершенно беспомощна; большая часть ее была обезлюдела и разрушена.

Некоторые люди думали, что Чингис если не пришел в ужас, то, по крайней мере, задумался о безграничных убийствах, совершенных по его указанию. У нас есть два рассказа, касающиеся этого вопроса, которые представляют интерес, хотя оба носят отпечаток мифа и представляют собой мнения других людей относительно Чингиса, а не собственные мысли великого хана, выраженные его словами или действиями. В китайской истории “Тун Киан Кан Му” приводится следующая причина его внезапного решения: когда Цзинхис находился у Железных ворот Северной Индии, его стражники увидели существо, напоминающее оленя, но голова у него была лошадиная, с одним рогом на лбу, а на теле росли зеленые волосы. Это существо обладало даром речи, ибо сказало стражникам: “Вашему хозяину пора возвращаться в свою страну”. Цзинхис, обеспокоенный этим сообщением, посоветовался с Е лю чу цаем, который

сказал: “Это существо - Котван, оно знает все языки. Это выглядит как знак того, что кровопролитие в настоящее время излишне. В течение четырех лет великая армия воюет в западных регионах. Небеса, которые ужасаются кровопролитию, предупреждают через Котвана. Пощадите Империю, ради всего Святого. Умеренность доставит безграничное удовольствие”.

Другой рассказ совершенно иной по характеру и значимости: “Я был, ” говорит кади из Гурджистана, “ в Герате на башне, которая стояла прямо перед штаб-квартирой Тулуя. Стрел посыпалось [132]в таком количестве, что я упал и затерялся в пыли среди монголов. Они схватили меня и отвезли в Тулуй. Когда он услышал о моем приключении, он удивился: "Ангел, или, может быть, демон, шутит с тобой", - сказал он. ‘Ни то, ни другое’, - ответил я. ‘Как же тогда ты здесь?’ - спросил он. ‘Я смотрел на все глазами государя”, - был мой ответ, - "поэтому мне не причинили вреда". Этот ответ так понравился Тулуе, что он оказал мне большую милость. ‘Прими этот дар, ’ добавил он, ‘ ибо ты человек редкой мудрости. Будь верен Чингису, великому хану, ибо теперь ты будешь служить ему’. Тогда он отправил меня к своему отцу, который принял меня в Талекане с большой благосклонностью. Чингис неоднократно рассказывал мне о страданиях турок. ‘Думаешь ли ты, - спросил он однажды, - что кровь, которую я пролил, запомнится человечеству против меня?’ Он держал в руке дротик, глядя мне в лицо и задавая вопросы. ‘Я отвечу, ’ ответил я, ‘ если ваше величество сохранит мне жизнь’. ‘Говорите", - сказал хан, и я ответил: ‘Если ваше величество убьет столько людей, сколько вам заблагорассудится, люди прославят вас так, как им заблагорассудится’. Его лицо покраснело при этих словах, и он кричал в ярости, пока дротик не выпал у него из пальцев. В тот момент я почувствовал, что смерть стоит рядом со мной, но он вскоре пришел в себя и сказал: ‘Я размышлял о мудрости мудрецов и вижу, что я грабил и убивал без должного знания в том районе, где лошадь Мухаммеда сбилась с пути; но какое мне дело до людей?’ и он вышел из комнаты. Я больше не мог оставаться в тех местах, таков был мой страх перед той ордой, и я бежал от нее”.

Перед отправлением домой Цзинхис отдал приказ убить всех лишних пленников, то есть всех, кто выполнял работу, из-за которой они были спасены от смерти в день их пленения; остались только ремесленники, люди, необходимые для их мастерства в Монголии. Однако этот приказ не был выполнен до тех пор, пока пленники не очистили огромный запас риса для монголов; сделав это, они были убиты за одну ночь без каких-либо исключений.

Монголы направились по дороге в Тибет, но через несколько дней они повернули обратно из этого труднодоступного региона и направились в Пешавар, где находились дороги, по которым они пришли в первую очередь. Проезжая Балх по самаркандской дороге, чингисхан отдал приказ убивать всех, кто возвращался в этот город.

После смерти шаха Мухаммеда Чепе Нойон и Субудай, двое из троих, которые преследовали его до полного исчезновения, разграбили [133]Персидский, то есть Восточный, Ирак и разорили его, а также земли между этой обширной провинцией и Каспием. На западе они продвинулись на большие расстояния вглубь страны, включая части Армении, а также Грузии вплоть до Тифлиса. В 1222 году эти военачальники получили от Чингиса подкрепление с приказом покорить половцев, народ, родственник монголам.

Эти половцы вели кочевой образ жизни в регионе, простирающемся на запад от Каспия до Днепра; они были соседями русских, которых они преследовали веками. Монголы получили от Ширван-шаха десять гвардейцев, чтобы проводить их. Командиры начали очень странно. Они

отрубили голову одному из этих десяти и объявили, что остальные девять умрут такой же смертью, если они обманут их или прибегнут к какому-либо предательству. Несмотря на этот жестокий поступок, проводники завели армию в засаду среди северных предгорий Кавказа и благополучно ускользнули.

Монголы, заблудившиеся в горах и лесах, подвергались нападениям со всех сторон различных сильных народов; среди них были половцы, которым они приносили разрушения. Теснимые со всех сторон, они послали этим половцам такое послание: “Вы и мы - один народ, зачем воевать с нами? Заключите мир. Мы дадим все золото, в котором вы нуждаетесь, и много богатых одежд. Вы и мы можем работать вместе с большой выгодой”.

Соблазненные этими словами и подарками, половцы оказали монголам помощь, сначала даровали им победу, а затем вывели их на открытую местность. Когда города в предгорьях Кавказа и рядом с ними были разрушены, монголы обратились против половцев, убили их вождей и множество других людей, вернули взятки за предательство, забрали все остальное ценное и рубили со всех сторон. Половцы бежали и сеяли ужас своими рассказами о монголах. Весь народ покинул лучшие пастбища и двинулся к своим северным и западным границам. Десять тысяч семей перешли в византийские регионы. Иоанн Дукас, император, взял этих людей к себе на службу и дал им земли в Македонии и Фракии. Многие бежали в Россию, которая в течение двух столетий страдала от их набегов и бесчинств. Среди беглецов был Котян, хан, дочь которого вышла замуж за галичского князя Мстислава Доблестного. Котян умолял его зятья^[134], чтобы помочь ему: “вдень, - сказал он, - монголы взяли нашу землю, они возьмут твое завтра. Помогите нам; в противном случае мы будем разбиты в один прекрасный день, а вы - на следующий”.

Мстислав созвал русских князей на совет, на котором они решили оказать помощь половцам. “Если мы не поможем им, - сказал Мстислав, - они пойдут с монголами и укрепят их”. Депутация отправилась на север просить помощи у суздальских князей. Были собраны войска, и русские князья уверенно двинулись против врага. По дороге они встретили монгольских посланников, которые передали следующее сообщение: “Мы слышали, что, убежденные половцами, вы выступаете против нас, но мы пришли не для того, чтобы нападать на вас. Мы выступили против наших собственных конников и рабов, подлых половцев; мы не воюем с вами. Если половцы побегут в вашу страну, изгоните их оттуда и захватите все их имущество. Они причинили вред вам, как говорят нам люди; они причинили вред и нам; вот почему мы нападаем на них”. Русские князья ответили убийством послов.

На некотором расстоянии вниз по течению великой реки Днепр новое монгольское посольство встретило русских князей такими словами: “Если из-за повиновения половцам вы убили наших послов и теперь навлекаете на нас войну, Небеса рассудят ваши действия; мы не причинили вам вреда”. На этот раз князья пощадили послов.

Когда русские и половцы собрались у Днепра, Мстислав переправился с тысячей человек. Он атаковал монгольские аванпосты и рассеял их. После некоторых колебаний монголы отступили. Двигаясь на восток, они заманили русских, которые вскоре встретили большой отряд воинов. На них они напали и разбили, загнав их далеко в степи и захватив весь их скот. Воодушевленные этим успехом, русские продвигались вперед восемь дней подряд, пока не приблизились к реке Калка. Затем последовали боевые действия с использованием аванпостов и третья победа русских. Мстислав приказал Даниилу из Галича, сыну Романа, переправиться через Калку; за

ним отправились все остальные князья и расположились лагерем в степи за рекой. Половцы были выставлены заранее, некоторые из них служили часовыми. Мстислав выехал вперед на разведку. Будучи удовлетворен тем, что ему открылось, он поспешно вернулся, отдал приказ своим людям, а также Даниилу, не отдавая никаких приказов другим князьям, которые остались в своем лагере в ожидании приказов; между[135]им и им существовало острое соперничество. Мстислав, по-видимому, думал одержать победу без них и верил, что у него есть силы таким образом одержать ее. Он не знал, что ему предстоит встреча с Чепе-нойоном, который до смерти затравил Гучлука и Мухаммеда, правителей двух империй; он ничего не знал о монголах, их численности, их силе или их методах.

Сражение открыл Даниил, который сам шел в авангарде, атаковал с большой доблестью и был ранен в самом начале упорного боя. Заметив опасность, Мстислав поддержал его, и монголы были в какой-то степени отброшены. В этот момент, по какой-то неизвестной причине, все войско половцев обратилось в паническое бегство, повернуло назад в паническом ужасе и наполнило русский лагерь беспорядком. Монголы быстро сплотились, подтянули свежие силы и сметали все перед собой. Русские, по большей части не вступавшие в бой, ждали у реки. Половцы не только покинули поле боя, но и фактически помогли врагу, поэтому победа была идеальной для монголов. “Никогда на Руси, - утверждает летописец, - не было столь катастрофического поражения, как это (1224)”.

Три русских князя, не принимавшие участия в битве, прочно удерживали свои позиции у реки, на холме, который они укрепили частоколом. Они сражались там с двумя дивизиями монголов, которые остались на Калке, остальные последовали за Мстиславом к Днепру. Три дня сражались эти храбрецы у реки, пока их не заверили, что они будут освобождены после капитуляции, если за них дадут выкуп. Они поверили данному монголами слову и сдались.

Монгольские вожди связали этих трех принцев по рукам и ногам и положили их рядом на землю на некотором расстоянии друг от друга. Затем они установили на них тяжелый помост, сели на этот помост и ели и пили, в то время как принцы лежали внизу в отчаянных попытках. Таким образом, трое русских умерли, пока монголы пировали над ними.

Шесть князей и большое количество их людей погибли при бегстве к Днепру. Мстислав и те, кто был в его отряде, включая Даниила, достигли реки и переправились через нее. Принц сжег свои лодки на западном берегу или приказал разрезать их на куски, чтобы враг не мог преследовать его дальше, но монголы повернули назад, не достигнув Днепра. Северный[136]контингент под командованием ростовского князя Василко, услышав в Чернигове о катастрофе на Калке, вернулся домой, будучи слишком слабым, как они думали, чтобы противостоять такому врагу.

На своем пути на восток монголы безжалостно применяли огонь и меч везде, где находили людей и имущество. Они наполнили ужасом южную Россию; они пронеслись по Крыму и разорили его; они захватили Булгар на Волге и разрушили этот богатый город. Насытившись кровопролитием и нагруженные добычей, они вернулись в том же году в штаб-квартиру к востоку от Каспия. Таким образом, одна дивизия великой армии Чингисхана захватила огромную часть Европы, не встретив нигде эффективного сопротивления.

При отъезде из Самарканда в Монголию Чингисхан приказал матери, вдовам и родственникам шаха Мухаммеда встать на обочине дороги и бросить прощальный взгляд на родную землю. Они сделали это и громко завывали, когда увидели это в последний раз.

В феврале 1225 года могущественный убийца вернулся на свою родину в междуречье, где мы можем на время оставить его и обратиться к Китаю:

После того, как Цзинхис покинул империю Кин в 1216 году, кинь вновь заняли захваченные у них земли, за исключением Чонг ту и северной окраины Пе че ли и Шан си. Мукули, великий монгольский полководец, вернулся в Китай в 1217 году. В течение этого года и последующих пяти лет он завоевал все земли династии Кин, за исключением одной провинции, Хонан, которая лежит к югу от Хоанг-Хо и простирается от излучины этой реки у Тунгвана до ее устья в Желтом море. Мукули умер в апреле 1223 года, оставив свой титул и командование своему единственному сыну Бору.

После смерти этого прославленного воина обе китайские династии становились все более активными и враждебными. Тангутский царь также следовал их советам и влиянию. Вне всякого сомнения, именно для того, чтобы противостоять этому новому росту вражды, Чингисхан вернулся в Монголию. Император династии Кинь отправил посольство к Цзинхисю на запад с предложением уступить все земли к северу от Хоанг-Хо и стать младшим братом. Это было отклонено. Цзинхис ответил, что император династии Кин должен довольствоваться титулом принца Хэнаня и положением вассала. В течение двух последующих лет там поднялось большое и очень активное сопротивление.^[137] Тангуты благоволили к родичам, и их монарх готовился к вооруженным действиям против монголов.

Ввиду этого Цзинхис в конце 1225 года покинул свою ставку, чтобы начать войну с тангутами. Его официальная жалоба заключалась в том, что враги монгольского хана пользовались благосклонностью и были взяты на службу королем, который также отказался отправить своего сына в качестве заложника.

Чингисхан вторгся в Тангут в 1226 году, в феврале. Между тем временем и следующей осенью он прошел с севера на юг, самым жестоким образом опустошая страну. Он осадил Линг Чау, столицу. Ли ти, король, умер в августе, оставив трон Ли хиену, своему сыну и преемнику. Новая тангутская армия была направлена на укрепление Линг чау. Цзинхис вернулся на север, обратил эту новую армию в бегство, взял штурмом Линг чау, захватил город, разграбил его и перебил его жителей. Оставив там корпус, он двинулся на юг, захватил Си нин вместе с Линь Тао и разграбил оба этих города. Основав штаб-квартиру в Западном Шэнь си, он захватывал места по всему региону, пока не наступило жаркое лето, когда он удалился в горы Лю пань и отдохнул. Состояние страны в то время, описанное китайскими летописцами, выглядит следующим образом:

“Люди тщетно пытаются спрятаться в пещерах и горах. Что касается монгольского меча, то едва ли двое из сотни избегают его. Поля покрыты костями убитых людей”.

В июле месяце 1227 года Ли хьен отправил посольство с повинной. Он попросил всего один месяц, чтобы сдать свою столицу. Услуга была оказана, и Чингис пообещал в будущем относиться к нему как к своему сыну.

Вскоре после этого монгольский убийца заболел и умер восемь дней спустя. Однако у него было время научить своих сыновей, как жить, а своих генералов - как захватить короля Нань и уничтожить династию Кин. Он также рассказал им, как поступить с тангутом и его правителем.

Они должны были очень тщательно скрыть смерть Цзинхиса, и когда Ли хьен выйдет из своей столицы в назначенное для сдачи время, они должны были убить его и предать мечу всех жителей этого города без исключения.

Цзинхис умер 18 августа 1227 года в возрасте шестидесяти шести лет. Он правил двадцать два года.^[138]

Приказ убить тангутского правителя и жителей города был неукоснительно выполнен, и Тангутское королевство было присоединено к Монгольской империи.

“С незапамятных времен, ” пишет китайский историк, - ни один варварский народ никогда не был таким могущественным, как монголы в настоящее время. Они разрушают империи, как человек вырывает травы с корнем, такова сила, которой они обладают. Почему Небеса позволяют им обладать ею?”

Останки великого хана были доставлены обратно на родину. Чтобы никто не узнал о его смерти, войска, которые их вели, убивали каждого, кого встречали на своем пути. Только когда они прибыли в дом Чингиса, о его смерти стало известно всем людям.

Поскольку жизнь Чингиса была уникальной и самобытной, такими же были обстоятельства его смерти и детали его похорон. Было приведено множество причин его смерти. Это приписывалось стреле, яду, утоплению, молнии, колдовству Курбелджин Гоа, тангутской царицы, имевшей славу великой красавицы, которую Чингис, как кажется, отнял у ее мужа и добавил к числу своих многочисленных жен. Некоторые историки утверждают, что у него было более 400 жен и наложниц. Но Бортай, мать Джучи, Джагатая, Уготая и Тулуя, всегда занимала первое место. Ссананг Сетцен, летописец, сам потомок Чингиса, описывает последние дни, смерть и похороны своего предка. Этот рассказ читается как одна из тех мифических историй, которые я нашел в Сибири. Сначала мы имеем дело с борьбой не на жизнь, а на смерть между Чингисом и царем тангутов, чье имя в хронике - Шидурго. Шидурго начинает борьбу, становясь змеем, Чингис становится царем всех птиц, а затем Шидурго превращается в тигра, Чингис сразу превращается во льва; наконец, Шидурго становится мальчиком, а Чингис появляется как вождь тенгери, или небесных божеств, и Шидурго оказывается в его власти. “Если ты убьешь меня, - сказал Шидурго, - этот поступок будет фатален для тебя; если ты пощадишь меня, это будет фатально для твоих детей”. Чингис нанес удар, но удар не причинил вреда его противнику. “В мире есть только одно оружие, которое может убить меня, - тройной кинжал, сделанный из магнита, который сейчас находится между подошвами моих первого и второго ботинка”. С этими словами тангутский царь обнажил клинок и отдал его своему врагу. “Убей меня; если из раны потечет молоко, это предвещает тебе беду, если кровь ^[139]будет вредна для твоего потомства. Прежде чем принять Курбелджин Гоа, мою жену, очень внимательно посмотри на ее предыдущую жизнь”.

Чингис ударил Шидурго ножом в шею, потекла кровь, и он умер. Затем привели королеву. Все удивились, когда увидели ее. “Раньше я была гораздо красивее”, - сказала она. “Сейчас я грязная от пыли, но когда я искупаюсь в реке, ко мне вернется моя красота”. Она подошла к Кара Мурену (Хоанг Хо) и окунулась в него. Когда она вернулась, в ней была вся ее прежняя великая красота. Следующей ночью, когда Чингис спал, она околдовала его; он ослаб и заболел и больше никогда не набирался сил. Она оставила его, спустилась к Кара-Мурену и исчезла в этой реке.

Чингис беспомощно лежал в постели, и наконец смерть была рядом с ним. Затем он обратился к Килукену, своему старому товарищу, серому герою: “Будь верным другом моей вдове Бортай Фуджин и моим сыновьям Уготаю и Тулуйюи, будь бесстрашно верен им. На драгоценном нефрите нет корки, на полированном кинжале нет грязи; человек, рожденный для жизни, не бессмертен, он должен уйти отсюда без дома, без места отдыха. Слава деяния в том, что оно завершено. Тверд и непреклонен тот, кто верно держит данное слово. Не следуй чужой воле, и ты получишь благосклонность многих. Для меня ясно, что я должен оставить все и уйти отсюда от вас. Слова мальчика Хубилая очень весомы; обратите внимание на то, что он говорит, обратите внимание на это все вы. Когда-нибудь он сядет на мой трон и, как это сделал я, обеспечит себе высокое процветание”.

Килукен и многие принцы отправились, чтобы отнести тело своего могущественного вождя обратно в область Кентей-хан, через большую часть Тангутии и широкую Гоби. За ним следовала длинная, необъятная вереница людей. Маршируя, они вопили и повышали голоса, вместе причитая, Килукен возглавлял их следующим образом:

“Во времена, которые прошли, ты парил перед нами, как сокол. Сегодня машина несет тебя вперед, с грохотом приближаясь.

О ты, мой хан!

Неужели ты действительно покинул нас, неужели ты оставил жену и детей,

О ты, мой хан?

Неужели ты покинул нас, неужели ты покинул Курултай своего народа,

О ты, мой хан?

Устремляясь вперед в гордости, как устремляется вперед орел, ты некогда вел нас, [140]

О ты, мой хан,

Но теперь ты споткнулся и упал, как необъезженный жеребенок,

О ты, мой хан.

Ты приносил мир и радость своему народу в течение шестидесяти шести лет, но теперь ты покидаешь их,

О ты, мой хан”.

Когда процессия достигла гор Мона-Хан, похоронная повозка остановилась в голубой болотистой глине, и лучшие лошади не смогли сдвинуть ее с места. Все были обескуражены и убиты горем, когда раздалось новое пение, возглавляемое Килукеном, серым героем:

“О лев Тенгери, ты, наш господь, оставишь ли ты нас? Бросишь ли ты жену и народ в этой трясине? Твое прочно построенное государство с его законами и преданными людьми; твой золотой дворец, твое государство, основанное на справедливости, многочисленные кланы твоей нации - все это ждет тебя там.

“Земля твоего рождения, реки, в которых ты купался, - все это ждет тебя там.

“Твои подданные, монголы, преданные и плодовитые, ждут тебя там.

“Твои вожди, твои командиры, твои великие родственники ждут тебя там.

“Место твоего рождения, Делигун Булак на Ононе, ждет тебя там.

“Твой штандарт из хвостов яка, твои барабаны, флейты и трубы, твой золотой дом и все, что в нем, ждут тебя там.

“Поля Керуллона, где ты впервые воссел на свой трон как Джингис, ждут тебя там.

“Бортай Фуджин, жена твоей юности, Бурчу и Мукули, твои верные друзья, твоя счастливая земля и твой большой золотой особняк, это чудесное здание, ждут тебя там.

“Оставишь ли ты нас теперь здесь, в этой трясине, потому что эта земля нравится тебе? потому что так много тангутов побеждено? потому что Курбелджин Гоа был прекрасен?

“Мы не смогли спасти твою благородную жизнь в этом королевстве, поэтому позволь нам перенести твои останки в их последний дом и место упокоения. Позволь нам нести твои останки, которые прекрасны, как нефритовый камень. Позволь нам утешить твой народ”.

После этого скандирования машина тронулась с места, поехала вперед, [141]легко перевалила через горный хребет и пересекла огромную пустыню Гоби. Он двигался дальше среди стенаний и пения и, наконец, достиг дома могущественного и безжалостного убийцы.

Тело было похоронено в лесу Кентей-хан рядом с величественным деревом, которое при жизни очень нравилось чингисхану. Рядом с этим единственным большим деревом росло много деревьев поменьше, но вскоре после погребения все деревья в лесу сравнялись по размеру и внешнему виду, так что ни один человек не знал и не мог узнать, где было спрятано тело завоевателя.

Чингисхан - один из величайших персонажей истории, возможно, величайший из тех, что появлялись в мире до наших дней. Человек, которому никогда не мешала совесть, продвигался прямо к единственной высшей цели своей жизни — власти. Его управленческие способности были замечательными, как и его полное пренебрежение к человеческой жизни. Начав с нескольких хижин на Керулоне, он захватывал племя за племенем, страну за страной, пока к моменту своей смерти не стал хозяином большей территории, чем когда-либо управлялось одним сувереном. Он также выделяется как величайший убийца, которого когда-либо знал мир. С 1211 по 1223 год только в Китае и Тангута Цзинхис и его помощники убили более восемнадцати миллионов пятисот тысяч человек. Он требовал слепого повиновения от всех людей, малейшее нарушение каралось смертью; даже его самые выдающиеся генералы подвергались бастинадо или казни.

В Кодексе законов Чингисхана человекоубийца, прелюбодей, похититель скота и человек, который в третий раз потерял пленника, вверенного его попечению, подлежали смертной казни. Для получения признания использовались пытки. Когда животное должно было быть забито, его нужно было бросить на спину, сделать надрез на груди и вырвать сердце. Этот обычай, когда убивают животных для жертвоприношения, преобладает у монголов Прибайкалья (бурят) и по сей день.

Чингисхан оставил огромные владения каждому из своих сыновей и наследников. Джучи, старшему, он оставил эту огромную область к северу от озера Арал и дальше на запад, до самого отдаленного места, на котором когда-либо монголы ступали копытом лошади. Владения Джагатай простирались от Каялика в уйгурской земле до Сырдарьи, или Яксарта.

Уготай получил страну, орошаемую рекой Имиль, в то время как Тулуй, [142]самый младший, унаследовал родные места своего отца между Кара-Курумом и регионом реки Онон.

Эти распоряжения, сделанные несколько раньше, соответствовали монгольским обычаям, по которым старшие сыновья получали доли по мере взросления; дом его отца и все, что к нему принадлежало, всегда переходило к младшему сыну.

Когда были совершены последние обряды и возданы последние почести великому завоевателю, каждый из четырех сыновей вернулся в свои владения, и только через два года семья провела Курултай по выборам. Весной 1229 года все снова собрались на Керулоне. Их встретил и принял Тулуй, исполнявший обязанности регента до тех пор, пока они не выберут нового государя.

Из регионов к северу и западу от озера Арал пришли потомки Джучи, того старшего сына, который осмелился бросить вызов своему собственному ужасному отцу. Джагатай привез своих сыновей и внуков из Или, а Уготай был родом из Имиля, недалеко от которого он жил.

После того, как три дня Курултай прошли в пиршествах и удовольствии, собрание приступило к выбору великого хана, или государя. Многие были за Тулуя, но Елючжай, великий мудрец и министр, умолял их остановиться на Уготое, выборе Цзинхи, и избегать любых разногласий. Тулуй без колебаний последовал этому совету и немедленно зачитал указ своего отца, в котором Уготай был назван сувереном.

Тогда принцы обратились к Уготая и провозгласили его правителем; Уготай ответил, что его братья и дяди гораздо лучше, чем он, подходят для правления. Особенно он упомянул Тулуя как правильного человека, который все время оставался со своим отцом или рядом с ним и был лучше всех обучен мудрости завоевателя. “Сам Чингис избрал тебя!” - закричали остальные Уготая. “Как ты можешь поступать вопреки его приказу и его воле?”

Уготай все еще сопротивлялся, и прошло сорок дней пиршества, прежде чем он сдался. На сорок первый день, который был указан магами как наиболее благоприятное время, Джагатай и Утукен, его дядя, младший брат Чингисхана, проводили его к трону. Тулуй подал ему кубок, которым пользовались в подобных случаях, и тогда все, кто был в шатре, и те, кто снаружи, обнажили головы, накинули на плечи пояса и пали ниц. Девять раз они падали ниц перед Уготаем, призывая к нему [143]процветание и приветствуя его титулом Кха-хан, или Хаан, Белый хан монголов.

Новоиспеченный монарх, сопровождаемый собранием, вышел затем и трижды поклонился солнцу в знак должного почтения. Огромные толпы присутствовавших там людей также отдали такое же почтение. Когда Уготай вернулся в шатер, сразу же был накрыт великолепный пир.

Выбирая Уготая, семья поклялась поддерживать его потомков, и они произнесли следующие странные слова: “Мы клянемся не сажать на трон другую ветвь нашей семьи до тех пор, пока от

твоих потомков останется кусочек мяса, который, брошенный на траву, может остановить поедание быка, или, брошенный в жир, может остановить поедание собаки”.

Сокровища Чингисхана были добычей из большей части Азии, и Уготай приказал доставить их к нему; после этого он раздал эти драгоценные предметы принцам, военачальникам и воинам.

Целых три дня они совершали подношения тени Чингиса, своего великого предка. Уготай выбрал из семей принцев и военачальников сорок самых красивых дев; он приказал одеть их в самые богатые одежды и украсить редкими драгоценностями. Эти сорок дев были убиты и таким образом отправлены сопровождать могущественного завоевателя в тот мир, который он оккупировал. Вместе с девственницами были закланы и отправлены также лучшие и самые дорогие жеребцы северной Азии.

Первой работой Уготая было установление кодекса Цзинхис и прощение преступлений, совершенных после смерти завоевателя. Е Лю чу цай, мудрец, который оказал на Цзин-хана такое большое влияние и чья власть все еще сохранялась, убедил тогда Уготая установить ранг каждого офицера и должностного лица и определить все различия между принцами дома Цзин-хана и другими подданными. Он хотел также ограничить безграничную власть монгольских вождей в завоеванных местах. Эти люди распоряжались человеческой жизнью по своему усмотрению; всякий раз, когда они решали осудить человека, он умирал, как и его семья.

По совету Чу цая Уготай изменил все формы действий в случаях подобного рода. Размер ежегодной дани был установлен впервые со времен монгольского завоевания. На западе это был налог с каждого мужчины совершеннолетнего возраста. В Китае была выбрана система [144]страны, и дань взималась с домов. Земли, отнятые у династии Кин, были разделены на десять провинций; в каждой из них был учрежден трибунал для оценки и сбора дани. Чу цай даже предложил Белому хану использовать в управлении своими владениями правила Конфуция. “Империя была завоевана верхом, - сказал мудрец, - но ни один человек не может править ею из седла”.

К совету прислушались с благожелательностью, и ученые были постепенно назначены на государственные должности.

Теперь, когда у монголов снова был правитель, они придали больше силы своим завоеваниям по тем обширным направлениям действий, которые Чингисхан объяснил на своем смертном одре. На Курултае по выборам были организованы три большие экспедиции: тридцатитысячная армия была отправлена уничтожить растущую власть Джелал ад-дина, который вернулся из земель к югу от Инда и вернул себе часть владений своего отца. Вторая армия такой же численности была отправлена под командованием Куюка и Субудая на завоевание кипчаков и других народов. Это сделал бы Джучи, если бы последовал совету своего отца. Во время третьей экспедиции Великий хан Уготай отправился с Тулуем и другими принцами, чтобы покончить с империей Кин. Мы будем следовать этим экспедициям в указанном порядке.[145]

[\[Содержание\]](#)

ГЛАВА IX

ПЕРСИЯ НА МОМЕНТ СМЕРТИ ЧИНГИСХАНА

Когда Чингисхан вернулся на родину, Персия осталась позади него как пустыня. Особенно это касалось всех ее восточных частей. “В тех землях, которые разорил чингисхан, - восклицает историк, - от народа не осталось ни одного из тысячи. Там, где до его вторжения проживало сто тысяч человек, теперь осталось едва ли сто. Если бы ничто не остановило прирост населения с этого часа до Судного дня, оно не достигло бы и десятой части того, что было до прихода Чингисхана”.

Разрушения, вызванные этим ужасным вторжением, сеяли ужас во все стороны. Люди, ошеломленные ужасными зверствами, совершенными в Персии, верили, что монголы были собакоголовыми и употребляли человеческое мясо в качестве своей повседневной пищи.

У Мухаммеда, персидского шаха, было три сына, которым были розданы отдельные части. Джелал ад-дин, старший из этих сыновей, искал убежища в Дели. В Сутун-Авенде Рокн уд-дин, второй сын, был убит монголами, в то время как Гиат уд-дин, третий сын, удалился в Карун, крепость Мазандерана, и спас себя.

Когда монголы ушли из страны, персидский Ирак стал причиной конфликта между двумя турецкими лидерами Эдек-ханом и атабеком Тоган-Тайси. Эти соперники в конце концов разделили провинцию между собой, и, поскольку Исфахан пал перед первым, Гиат ад-дин пожелал сделать его своим вассалом. Поэтому он пообещал Эдеку выдать замуж свою сестру, но при согласовании условий соглашения Эдек был убит своим соперником, атабеком Тоганом.

Гиат быстро выступил против Исфахана, принял почтение Тогана и отдал ему сестру, только что обещанную Эдеку. Таким образом, за короткое время он оказался хозяином Ирака, Мазандерана и Хорасана. [146]

Джелал ад-дин, потерпев поражение при реке Инд, которую он переплыл с такой отвагой, был яростно преследуем в Индии воинами Чингисхана, пока не оказался совсем рядом с Дели.

Правителем этой столицы был Шемс уд дин Илетмиш, туркмен и когда-то раб султана Гура, последнего правителя из его рода в этой стране. Когда династия Гур пала, Илетмиш захватил значительную часть северной Индии и правил безраздельно. Теперь он опасался прихода такого храброго и проникательного человека, как Джелал уд дин, поэтому послал ему богатые подарки и объявил, что климат Дели вреден для здоровья. Он был уверен, что Джелал найдет гораздо лучшее место жительства в Мултани и гораздо более благоприятный климат. Джелал отступил, но по пути собрал много ценной добычи.

Тем временем из Ирака прибыло много военачальников, разгневанных на Гиат ад-дина, его брата. Они привели с собой воинов, готовых к службе, поскольку служба означала добычу. Теперь Джелал мог встретиться с принцем скиндов, Караджей, которого он ненавидел. Он вторгся во владения Караджи, разграбил множество городов и разгромил его армию. Услышав, что Илетмиш продвигается вперед, чтобы укрепить Караджу, он немедленно отправился на встречу с султаном Дели.

Но Илетмиш предложил мир и руку своей дочери вместо военных действий; Джелал принял мир и женщину. И все же Илетмиш заключил союз с Караджей и другими, чтобы в случае необходимости изгнать кваресмийцев. Джелал, который не мог противостоять всем, последовал совету своих генералов. Те, кто покинул его брата, хотели вернуться в родные края. Они сказали ему, что было бы легко перехватить командование у его брата Гиата, слабака и глупца. Но Эузбек, один из генералов, заявил, что Джелал должен оставаться там, где он был, в полной безопасности от монголов, которых следовало бояться больше, чем всех принцев Индии. Джелал ад-дин, охваченный надеждой вернуть власть своего отца, решил отправиться в Персию. Он оставил Эузбека присматривать за своей судьбой в Индии, а Вефе Мелик передал все правительство Гура и Газни.

Во время перехода через пустыню, лежащую к северу от Инда, Джелал потерял часть своей армии из-за болезней, истощения и голода, и когда он достиг Кермана, все его силы сократились до четырех тысяч. Турецкий командир по имени Борак с фамилией Хаджиб, то есть Чемберлен, завоевал весь этот регион. Борак^[147]служил шаху Мухаммеду в качестве камергера, отсюда и фамилия Хаджиб от его службы. Позже Гиат уд-дин дал ему должность в Испахане, сделав его губернатором, но, будучи втянутым в конфликт с визирем Гиата, Борак получил разрешение отправиться в Джелал, находившийся тогда в Индии. При переправе через Керман губернатор Кевашира напал на него, подстрекаемый к этому Гиатом, который в этот момент хотел захватить весь багаж и женщин, принадлежащих помощникам Борака.

Агрессор был избит, обращен в бегство и загнан в соседнюю крепость, где Борак убил его. Борак, все еще не удовлетворенный таким исходом, напал на Кевашир, где командовал сын недавнего, но уже не действующего губернатора. Занимаясь этим, он внезапно услышал, что Джелал находится в Кермане. Борак сразу же отправил своему гостю богатые подарки и поспешил встретить его. Приветствуя султана, он предложил ему одну из своих дочерей, который без колебаний взял ее в жены. Когда Джелал предстал перед Кевасиром, это место уступило и открыло перед ним свои ворота.

Султан провел в Кермане целый месяц, когда узнал, что его тесть замышляет государственную измену. Орхан, генерал, посоветовал арестовать Борака и конфисковать все его имущество, но визирь Ходжа Джихан заявил, что, если поспешить с наказанием человека, который первым признал султана, многие умы будут потрясены, поскольку не будет возможности четко доказать существование государственной измены.

Джелал предпочел изобразить неведение и продолжил свой путь. Борак оставался хозяином Кермана. После него девять членов его семьи в течение восьмидесяти шести лет наследовали власть. Они образовали династию Кара-китан в Кермане, названную так из-за этого Борака, хаджиба, ее основателя.

Джелал продвинулся в Фарс, где в течение двадцати четырех лет правил атабек Сад, сын Зенгви, принца, который утверждал, что происходит от турецкого вождя по имени Салгар. Санкор, внук Сальгара, обосновался в Фарсе, и когда сельджуки пали, он сделал себя хозяином этого региона, и князья, происходящие от Сальгара, то есть Салгариды, таким образом получили власть.

Приблизившись к Ширезу, Джелал объявил о своем прибытии атабеку, который послал своего сына с пятью сотнями всадников приветствовать султана и извинился, сказав, что когда-то дал

обет[148]вообще ни с кем не встречаться. Джелал согласился с этим утверждением. Он знал, что атабек враждебно относился к Гиату, который незадолго до этого вторгся в его страну и даже удержал некоторые ее части. Затем Джелал вернул эти части Сада и, чтобы добиться того, чтобы этот человек полностью женился на его дочери.

Султан ненадолго задержался в Ширазе, стремясь отвоевать Ирак у своего брата, поскольку Гиат не мог восстановить мир в этих странах, охваченных беспорядками и анархией после возвращения Чингиса в Монголию. У каждого маленького округа был свой жестокий хозяин, и эти мелкие тираны в значительной степени довершили разорение, начатое монголами с таким ужасом. Имя Гиафа повторяли на молитвах в мечетях, но никто не воздал ему почестей. Не имея денег, чтобы заплатить своим турецким войскам, он был вынужден позволить им забрать у народа все, что они могли, и таким образом разграбить страну. Когда высокопоставленный офицер приходил за жалованьем к султану, этот человек должен был получить следующий, более высокий титул: эмир становился меликом, а мелик - ханом. Это была награда за его службу. Затем он был вынужден существовать за счет настоящего грабежа в той или иной форме.

После того, как Джелал добрался до Исфахана, он очень быстро отправился с отборным отрядом в Райи, недалеко от которого его брат набирал армию. Он раздал всем своим всадникам белые знамена, подобные тем, что использовались монголами. Когда Гиаф увидел эти белые знамена, он подумал, что монголы приближаются, чтобы напасть на него, и сразу же обратился в бегство, но вскоре вернулся с тридцатитысячным войском. Теперь Джелалу пришлось прибегнуть к военной хитрости. Он отправил своему брату через конюшего такое послание: "Претерпев жестокие лишения, я пришел сюда, чтобы обрести покой, но поскольку вы встречаете меня с мечами, я удаляюсь в другие места".

Гиат, поверив этому сообщению и думая, кроме того, что его брат бессилен причинить ему вред, вернулся в Райи и распустил свои большие силы.

Джелал послал агента, который дал огромные обещания генералам своего брата, а также подарил им кольца в доказательство своей благосклонности. Многие сдались, в то время как другие немедленно отправились в Гиат и показали подаренные им кольца. Он арестовал агента своего брата. Но Джелал, чувствуя, что большинство воинов на его стороне, двинулся вперед всего с тремя тысячами отборных всадников. Это наступление было успешным; Гиаф бежал в крепость, но, успокоенный мягкими посланиями, покинул свое убежище и отправился в штаб-квартиру своего брата. [149]

Верховенство Джелала было общепризнано; военачальники приходили к нему каждый с саваном на плечах и падали к его ногам, чтобы добиться прощения. Султан относился к этим людям с добротой, которая рассеяла их страхи и привязала их к его судьбе. Вскоре он увидел при своем дворе также целую орду мелких тиранов, пришедших к власти во время анархии во всех частях Персии. Эти люди, в великом страхе лишиться своих лакомых кусочков, пришли по собственной воле, чтобы воздать ему почести. Те, кто был лучшим, или, по крайней мере, те, кого он считал лучшими для своих собственных интересов, получили разрешение вернуться на свои места.

Первая кампания Джелала после прихода к власти была направлена против Нассира, халифа ислама и врага его отца. Быстро двинувшись в Кузистан, он осадил Шустер, главный город этой

провинции. Его армии не хватало всего, и она небольшими отрядами носилась по стране в поисках того, что им было нужно. Они отогнали большое количество лошадей и мулов; они нашли все необходимое для провизии, но по прошествии двух месяцев осада была снята, и султан двинулся прямо на Багдад. Он остановился в Якубе, на расстоянии семи парасангов¹ от столицы.

Калиф Нассир укрепил Багдад. Он раздал своим войскам один миллион² динара, прежде чем отправить их в бой; сделав это, он стал ждать.

Джелал в письме умолял Моаззама, принца Дамаска и племянника Саладина, помочь ему в борьбе с Нассиром, который, по его словам, привел в Персию диких людей и уничтожил шаха Мухаммеда. Моаззам ответил, что он будет солидарен с султаном во всем, кроме борьбы против верховного вождя всех мусульман.

Куш Тимур возглавил силы Багдада, насчитывавшие двадцать тысяч человек. К Мозаффару, который тогда был принцем в Эрбиле, был отправлен голубь с приказом атаковать аррьергард султана и преградить ему путь к отступлению. Поскольку силы Джелала были невелики, он отправил Кушу Тимуру послание, в котором говорилось, что он пришел не как враг; он желал доброй воли калифа, чья помощь была для него незаменима в этой великой борьбе с врагом, угрожавшим всему исламу. Если бы калиф действовал и соглашался с ним, он, султан, мог бы стать надежной защитой Персии.

Единственным ответом Куш Тимура было выстроить своих людей в боевом порядке [150]. Джелал, вынужденный сражаться со значительно превосходящим его противником, устроил часть своей маленькой армии в засаде; после этого он трижды атаковал с отрядом в пятьсот человек и как бы в беспорядке бежал. Враг последовал за ним, попал в ловушку и был атакован с обоих флангов с большой яростью. Куш-Тимур был повержен в сражении; его армия была разбита, а затем преследовалась до ворот столицы.

Джелал после одержанной этой победы захватил Дакуку (1225) и разграбил ее. Затем он двинулся против Такрита и, узнав, что Мозаффар, принц Эрбиля, приближается с армией и выступил вперед с небольшим отрядом, чтобы застать его врасплох и взять в плен, он выступил с горсткой героев и захватил Мозаффара, которого позже освободил, пообещав вернуться в свои земли и остаться в них.

Джелал отказался от всех своих планов против Багдада; Азербайджан был тем местом, которое теперь манило его. Двинувшись сначала к Мераге, он принялся за расчистку руин, но быстро оставил это занятие, услышав, что Тоган Таисси, его дядя по материнской линии, а также шурина, движется из Азербайджана, чтобы захватить Хамадан и соседние районы, инвестируя которых была дарована ему халифом. Тоган провел всю зиму в Арране и во время своего путешествия по Азербайджану во второй раз разграбил эту страну.

Джелал прибыл около полуночи к лагерю Тоган, вокруг которого было собрано огромное количество овец, мулов, лошадей, ослов и крупного рогатого скота.

Когда этот турецкий генерал, который думал, что султан в то время находился в Дакуке, увидел свои войска после рассвета и узнал по королевскому зонтику, что сам Джелал был там с ними, он был так смущен, что забыл обо всех мыслях, кроме одной - о завоевании благосклонности. Он послал свою жену, сестру Джелала, заключить мир, если это возможно. Ей это удалось, и

после этого Тоган выстроил свои войска вместе с войсками султана и под его знаменами; после этого они вернулись в Мерагу.

Эузбек, правивший Азербайджаном, отправился из Тебриза в Гянджу, столицу Аррана. Несмотря на опасности, угрожавшие его стране, он проводил время в пьянстве, оставив все государственные заботы своей супруге, дочери султана Тогрула, последнего сельджукского правителя Ирака. Она осталась в Тебризе, и Джелал, которому не терпелось завоевать этот знаменитый город, осадил его. После пяти дней боев, когда он был готов к штурму, жители [151]попросили сдаться. Султан упрекнул их в том, что годом ранее они убили нескольких воинов его отца и отправили их головы монголам. Они заверили его, что не они, а их правитель должен ответить за это; они были бессильны остановить его.

Султан принял это заявление и пощадил их. Они умоляли его гарантировать жене Эузбека владение Хой и несколькими другими местами. Джелал согласился и послал эскорт, чтобы доставить ее в Кой.

Когда Джелал взял Тебриз, он оставался в этом городе несколько дней. Тем временем его люди захватили соседние районы. Затем он отправился в поход против Грузии (1226).

Поскольку Эузбек был небрежен и ленив, грузины совершали набеги на Арран и Азербайджан; они также разорили Эрзерум, а позже и Ширван. Они жестоко бичевали мусульман этих регионов. Жаждавший мести Джелал, как только стал хозяином на Каспии, объявил войну грузинам, которые прислали в ответ такой ответ: “Мы померились силами с монголами, которые отняли все его земли у твоего отца и уничтожили его. Он был человеком большего мужества и силы, чем ты. Те монголы, которые убили его, встретились с нами и в конце концов обратились в бегство”.

Джелал начал со взятия Товина, который грузины захватили несколькими годами ранее; затем он выступил против основной грузинской армии численностью семьдесят тысяч человек, атаковал ее в долине Карни близ Товина и обратил в бегство с двадцатитысячными потерями. Многие генералы были взяты в плен, в том числе Шалове, магистр Товина. Главный военачальник, Иване, бежал в крепость Кеге, которую султан захватил, в то время как остальная часть его армии рассредоточилась по Грузии, неся огонь и меч во все места. Он начал бы настоящее завоевание, если бы не думал, что должен отправиться в Тебриз. Готовясь к походу в Грузию, султан получил известие от своего визиря о том, что в Тебризе был составлен заговор с целью вернуть страну Эузбеку. Султан держал это знание в секрете, и только когда Грузия была разгромлена, он рассказал всю историю своим генералам. Затем он передал командование своей армией своему брату Гиату, поспешил обратно в Тебриз, казнил его мэра и арестовал главарей заговора. Укрепив таким образом свою власть, он [152]женится на жене Эузбека и, находясь в Тебризе, направил вперед войска, которые взяли Гянджу, столицу Аррана, откуда Эузбек направился в Аланду.

Когда Тебриз и Гянджа были приведены к повиновению, Джелал быстро вернулся в Грузию, жители которой тем временем собрали новую армию, в которой были аланы, лезгины, кипчаки и другие. Эта армия, на которую теперь обрушился Джелал, понесла тяжелые потери и была рассеяна. После победы Джелал двинулся на Тифлис, который он захватил благодаря помощи мусульман, живших в этом городе. Все грузины были преданы мечу, кроме тех, кто признал верховенство султана. Женщины и дети пали от рук завоевателей, город был отдан на

разграбление. Джелал полностью отомстил грузинам за все, что они сделали с мусульманами. Его войска обогатились за счет имущества христиан, он убил огромное количество этих “неверных”, как он их считал, и угнал их детей и жен в рабство.

Покинув Грузию, по большей части пустыню, он повернулся лицом к Хелату на севере озера Ван в Армении. Этот город принадлежал Ашрафу, эюбитскому принцу, владыке Харрана и Рохи. Его брат, Моаззам, принц Дамаска, который защищался от Ашрафа, и Камиль, его старший брат, который был султаном Египта, послали своего главного доверенного лица, офицера, к Джелалу, находившемуся тогда в Тифлисе, и умоляли его напасть на Хелат и оказать таким образом помощь. Моаззам безмерно восхищался кваресмийским султаном и считал за честь носить одежду, доставшуюся от него, и ездить верхом на коне, которого Джелал счел нужным прислать ему. Во время ночных пиров Моаззам клялся только головой султана.

Кваресмийские воины осадили Хелат очень охотно, поскольку это место сулило изобилие добычи. Но едва они подошли к стенам города, как Джелалу сообщили, что Борак, губернатор Кермана, отказался от присяги и даже послал людей к монголам, чтобы объяснить увеличение численности и важность новой армии Джелала.

Султан снял осаду и отправился в Керман. Борак, узнавший о его приближении, удалился в крепость и прислал слова притворной верности и повиновения. Захватить крепость было бы трудно, поэтому Джелал счел за лучшее притвориться, чтобы принять в буквальном смысле слова, обращенные к [153]нему; поэтому он послал богатое почетное одеяние от Исфахана вероотступнику Бораку и утвердил его в должности.

Тем временем от визиря Шериф уль Мулька пришли известия о враждебных действиях Ашрафа против корпуса кваресмийцев, который он разбил.

Войскам султана, оставленным в Грузии, не хватало почти всего. Они совершили набег на Эрзерум, угнали стада и табуны и увели много женщин. На обратном пути с этой фуражировки они проезжали близ Хелата; комендант выбежал из своей крепости и захватил всю их добычу. Визирь в тревоге умолял султана поспешить с помощью.

Джелал быстрыми маршами двинулся к Тифлису, а оттуда дальше к Ани; он напал на этот старый город, а также на Карс с его очень сильной крепостью. Вскоре вернувшись в Тифлис, он совершил долгий поход в Абхасию в октябре 1226 года, как бы для того, чтобы подчинить ее. Это был всего лишь маневр, чтобы вызвать ложную безопасность в Хелате. Всего десять дней он пробыл в Абхасии, а затем с огромной скоростью повернул к Хелату, который он захватил бы, если бы коменданту не сообщили двумя днями ранее его приближенные, служившие в свите султана.

Джелал бросил свои войска на город в тот же день, как достиг его; на следующий день был предпринят второй штурм. Его войска заняли разграбленные предместья, но были вынуждены отступить. После нескольких дней отдыха штурм возобновился, но сопротивление было настолько решительным, что от этого плана отказались. Люди, хорошо знавшие свирепость кваресмийцев и подвиги, которые они совершали в каждом захваченном городе, сопротивлялись с отчаянной доблестью. Более того, Ашраф отправился в Дамаск и поклялся в повиновении Моаззаму, своему брату, умоляя его тем временем помешать Джелалу разрушить Хелат, но Джелал оставался до тех пор, пока холод и глубокий снег не прогнали его с этого места. Азербайджан также позвал его. Большая орда туркмен грабила людей и караваны.

Султан совершил быстрый марш и напал на них внезапно, отрезав им путь к отступлению в горы. Окружив разбойников, он изрубил их на куски. Их семьи и вся богатая добыча, которую они захватили, достались султану, который удалился в Тебриз со своими пленниками. Кваресмийцы покинули Тифлис на зиму, поэтому грузины в Ани, Карсе и других местах объединились.^[154] Они всем скопом двинулись на Тифлис и предали смерти всех мусульман, а поскольку отчаялись защитить город от Джелала, то подожгли его.

Исмаилиты, то есть персидские ассасины, только что убили генерала, которому султан подарил Ганджу и прилегающие к ней земли. Чтобы отомстить за этот поступок, Джелал огнем и мечом опустошил земли сектантов, несущих смерть. Тем временем подразделение монголов двинулось на запад, к Дамегану. Против этого войска султан выступил быстрым маршем; он отбил его, а затем преследовал много дней подряд.

В то время как Джелал на востоке был таким образом оккупирован, Хусам уд дин Али, командующий Ашрафом в Хелате, неожиданно появился на западе, приглашенный в Азербайджан теми людьми, которым не нравились странные манеры султана и которые были доведены до нужды жадностью его воинов. Бывшая жена Эузбека тоже была активной. Со своим первым мужем она поступила по-своему. Теперь, будучи привязана к Джелалу браком, она не могла вынести того, что этот союз привел к размыванию ее репутации. Она вспомнила прошлое и, присоединившись к народу Кои, начала действовать. Она предложила Хуссаму захватить весь этот регион. Он согласился и занял много мест; сделав это, он отправился обратно в Хелат, новую, но недовольную супругу Джелала, которая отправилась с ним.

Но вскоре возникла необходимость столкнуться с более серьезным противником. Монголы большими силами продвигались к Ираку и вскоре появились на его границе. Джелал послал четыре тысячи всадников к Райи и Дамегану, чтобы наблюдать за ними. Под давлением монголов эти четыре тысячи отступили к Исфахану, где султан разместил свою ставку. Преследующий враг остановился в дневном переходе от города и к востоку от него. Монгольскими войсками, состоявшими из пяти дивизий, командовали Таджики Баку, Анатоган, Таймаз и Тайнал. Астрологи посоветовали султану подождать четыре дня, прежде чем вступать в бой; он подчинился и проявил уверенность, которая вселяла мужество во всех, кто оказывался рядом с ним.

При первых же известиях о приближении монголов его генералы встревожились и всем скопом отправились во дворец. Он принял их во дворе и долго говорил о вещах, которые не касались нападения на город, чтобы показать, что он ни в коей мере не обеспокоен. Затем он усадил их и рассказал о боевом порядке. Перед увольнением он заставил всех дать клятву не переходить на сторону врага^[155] или предпочесть жизнь смерти героя. Он сам принес ту же клятву и назначил день для сражения. Затем главный судья и мэр Исфахана отдали приказ произвести смотр вооруженным гражданам.

Поскольку Джелал не двинулся из города, монголы предположили, что у него не хватит сил или даже мужества встретить их, поэтому они подготовились к осаде и послали две тысячи всадников в Лур за провизией. Султан поспешил преследовать их тремя тысячами человек. Они заняли каждое ущелье в тылу фуражиров и преградили им путь к отступлению; много монголов было убито, а четыреста взяты в плен. Джелал передал некоторых из этих людей населению, которое убило их на улицах города. Султан собственноручно отрубил головы другим людям во дворе своего дворца, а их тела были выброшены на съедение стервятникам и собакам.

26 августа 1227 года было назначено на битву — Чингис погиб в Тангуте восемью днями ранее. Пока султан готовил своих людей к конфликту, Гиат, его собственный брат, предал его, дезертировал. Джелал, казалось, не обратил внимания на дезертирство. Даже когда он увидел монголов в боевом порядке, он подумал, что его людей более чем достаточно, чтобы победить такого врага, и приказал стражникам Исфахана вернуться в город. В начале конфликта два крыла султанских войск находились слишком далеко друг от друга для оказания взаимной помощи. Во время ожесточенного наступления его правое крыло пронзило левое крыло противника и преследовало его до Кашина. Левые еще не вступили в бой. Солнце клонилось к закату, и Джелал отдыхал на краю ущелья. Как раз в этот момент Илан Буга, офицер, подошел к Джелалу и оживленно сказал: “Мы долго молили Небеса о таком дне, как этот, чтобы отомстить этим изгоям. Успех теперь на нашей стороне, и мы по-прежнему пренебрегаем им. Сегодня ночью этот подлый враг совершит долгий двухдневный переход, и мы слишком поздно раскаемся в том, что позволили им ускользнуть от нас. Разве мы не должны сделать сегодняшнюю победу совершенной?”

Пораженный этими словами, султан снова сел на коня, но едва он пересек овраг, как отборный корпус противника, скрытый высотой, бросился на левое крыло, откатил его к центру и разбил. Генералы этого крыла теперь верно сдержали свою присягу и умерли с оружием в руках, за исключением троих из них.

Султан остался в центре, который затем был окружен [156]полностью. При нем было всего четырнадцать стражников, и он собственноручно убил своего убежавшего знаменосца; затем он сам прорубил путь сквозь ряды врага. Беглецы из центра и слева бросились врассыпную. Некоторые бежали в сторону Фарса, другие - в сторону Кермана, в то время как Азербайджан стал убежищем для третьей группы. Те, кто потерял своих лошадей в битве, вернулись пешком в город. По прошествии двух дней правое крыло выступило из Кашана, полагая, что остальная часть армии одержала победу. Когда они услышали о его поражении, они сразу же распались.

Хотя монголы выиграли битву, их страдания и потери были больше, чем у мусульман. Продвигаясь к воротам города, они были отброшены и преследовались с такой скоростью, что за три дня бегства достигли Райи, откуда по Нишапурской дороге бежали дальше. При этом отступлении они потеряли много людей как убитыми, так и пленными.

Никто не знал, куда исчез султан. Одни искали его тело на поле битвы, другие думали, что враг захватил его в плен. В Исфахане люди говорили о новом правителе, в то время как толпа хотела захватить женщин и имущество кваресмийцев. Но кади уговорил всех подождать несколько дней до открытия праздника Байрам. Однако он согласился с основными гражданами, что, если султан не придет на молитву в этот праздничный день, они выберут правителем Тогана Тайси, который своими добродетелями заслужил верховную власть раньше других.

Когда люди собрались в праздничный день, Джелал пришел на молитву и вызвал великое ликование. Опасаясь, что его могут осадить в городе, он не вернулся в него после окончания битвы, а ждал на луристанской стороне, пока враг не исчезнет. Теперь султан задержался на несколько дней, поджидая беглецов и награждая вождей правого крыла, присвоив титул хана тем, кто был меликами. Он присваивал высокие звания также простым воинам, которые заслужили славу своими действиями в битве. Некоторых трусливых генералов провели по городу с вуалями на лицах, как у женщин.

Гиат уд-дин, брат Джелала, удалился в горы и стремился вернуть себе власть с помощью халифа. Ненависть между двумя братьями усилилась из-за убийства. Мухаммед, сын Кармиля, из семьи, известной в Гуре, пользовался большим расположением Джелала, который, очарованный его [157]манерами и речью, допускал этого юношу к своим близким встречам. За несколько дней до последнего сражения Мухаммед взял к себе на службу несколько человек из корпуса под командованием Гиата. Эти люди ушли от брата Джелала, поскольку им не выплачивали жалованье. Однажды вечером, когда Гиат и Мохаммед были на пиру, устроенном Джелалом, Гиат спросил Мохаммеда, не пришлет ли он обратно своих гвардейцев. “Они желают еды, ” был ответ, - и служат тому, кто ее подаст”. Гиат был взволнован этим заявлением, и султан, заметивший его гнев, попросил Мухаммеда выйти из-за стола. Молодой человек повиновался, но несколько мгновений спустя Гиат тоже вышел, вошел в жилище мужчины и ударил его ножом. Мухаммед умер несколько дней спустя. Султан сильно скорбел о своем фаворите и отправил Гиату такое послание: “Ты поклялся быть другом каждому моему другу и врагом моих врагов, но ты убил моего лучшего друга без причины. Ты нарушил свою клятву и соглашение. Я больше не связан с тобой. Я позволю закону сделать свое дело, если брат твоей жертвы придет ко мне с мольбой о справедливости”.

Султан приказал, чтобы похоронная процессия дважды прошла мимо ворот ассасина. Замученный этим публичным наказанием Гиат отомстил в день битвы, дезертировав. Из своего местопребывания в Кузистане он послал своего визиря в Багдад объявить, что он ушел от своего брата. Затем он представил доказательства того, что его правление было дружественным по отношению к калифу, в то время как Джелал действовал враждебно и предал огню и мечу пригороды Багдада. Он умолял калифа о помощи в восстановлении своих владений и обещал истинное повиновение наследнику Пророка.

Визирь был принят с отличием, и затем ему была выдана субсидия в тридцать тысяч динаров, но после отступления монголов Гиат не считал себя в безопасности от своего брата. Джелал послал отряд конных воинов следовать за монголами к Оксу, а сам поспешил на время в Тебриз. Он играл в мяч молотком на городской площади, когда услышал, что его брат возвращается в Испахан. Он сразу же отправился в этот город, но, узнав по дороге, что Гиат направляется в страну ассасинов, быстро изменил маршрут, чтобы последовать за ним и попросить вождя Аламута выдать беглеца. “Ваш брат, - сказал вождь, - находится здесь в убежище; он сам султан[158], и его отец был султаном, — мы не можем выдать его, но он не захватит ваши владения, мы гарантируем это. Если он совершит какой-либо враждебный акт, вы вольны обращаться с нами так, как вам заблагорассудится”.

Это заявление показалось Джелалу удовлетворительным, а клятва придавала ему силы. Джелал, со своей стороны, поклялся предать прошлое забвению, и вопрос был снят. Но сам Гиат уехал из Аламута искать убежища в Кермане. Через несколько дней после своего прибытия Борах изъявил желание жениться на матери Гиата, Беглу Айи, которая приехала с ним. Они оба были во власти Бораха, и сопротивление было бы бесполезным. И все же принцесса уступила только после долгого сопротивления. Едва мать и сын прибыли в Кевашир, столицу Кермана, как двое родственников Бораха предложили убить этого губернатора и установить Гиат. Гиат отклонил предложение, но Борах, услышав, что это сделали его родственники, так жестоко пытал двух мужчин, что они признались ему. Затем они были изрублены на куски в присутствии Гиата, который, будучи сразу же заключен в цитадель, был задушен тетивой лука. Его мать,

которая прибежала на его крики, встретила свою смерть точно так же. Пятьсот последователей, пришедших с ним, были перерезаны все до единого.

Борак отправил голову своей жертвы Уготай-хану, который принял ее с радостью. Этот подарок обеспечил монгольскую дружбу, и Борак утвердился в своих владениях в Кермане.

Тюрки-канкали и кипчаки были тесно связаны браками с правящей семьей Кваресмиан; из-за этого факта Чингисхан непреклонно нападал на оба этих народа, и Джелал теперь все активнее стремился к их дружбе. После неудачи с Исфаханом султан послал за людьми и помощью к канкали. Они согласились, как кажется, с большой готовностью предоставить их. Кур-хан, один из их предводителей, отправился с тремя сотнями человек на Каспий и провел следующую зиму с султаном на равнине Муган, богатой в то время пастбищами. Было решено, что Джелал должен захватить сильный форт в Дербенде с его единственным узким проходом и удержать его. Только по этому проходу большие армии могли пройти из Кипчака на юг Кавказа. Пятидесятитысячный отряд с севера должен был помочь в обеспечении безопасности этой дороги у моря, в то время как Джелал должен был передать принцу, правящему Дербендом, другие вотчины в уплату за это. Однако план провалился. Джелал закрепил за собой [159] ныне район Гуштасфи между реками Кура (Кир) и Аракс. Эта земля была частью царства Ширван-шаха, и он подарил ее своему сыну Джелал уд-дину Султан-шаху и отправил его в Грузию жениться на дочери Русудан, знаменитой и прекрасной королевы этой страны. Задержанный там волей-неволей, он был освобожден, когда Джелал взял Тифлис и опустошил страну.

Теперь Джелал требовал от Ширван-шаха дани за все свои владения. Это было сделано, поскольку дом Джалала наследовал сельджукам, которым эти ширваншахи, когда были у власти, платили дань.

Неутоленные амбиции Джелала вынудили многих жителей Кавказа заключить союз с грузинами против него. Армия, состоящая из девяти народов и насчитывающая сорок тысяч человек, собралась к северу от Аррана. Султан выступил против этой армии и разбил свой лагерь в Мендуре. Поскольку его силы значительно уступали по численности войскам противника, Шериф уль Мульк, его визирь, посоветовал на совете ограничить все действия нехваткой провизии и встретить врага с преимуществом, когда возникнет нужда. Этот совет привел Джелала в такую ярость, что он ударил своего визиря по голове письменным ящичком. “Это всего лишь овцы; разве льва беспокоит количество таких слабых зверюшек?” - воскликнул он и оштрафовал визиря на пятьдесят тысяч динаров за то, что тот осмелился дать такой совет.

На следующий день армии стояли друг против друга. Султан, чтобы подбодрить своих людей, подарил им подарки и поделился с некоторыми своими лучшими лошадьми. С вершины холма он увидел два тумена кипчаков, пришедших на помощь грузинам. Через офицера он послал хлеб-соль этим кипчакам и сказал им, что спас жизни многим их соплеменникам, взятым в плен его отцом. “Поднимешь ли ты теперь меч, чтобы отплатить мне кровопролитием?” - спросил он.

Получив это заявление, кипчаки удалились. Грузины двинулись вперед, но Джелал передал их командиру следующее сообщение: “Ваши люди, должно быть, устали от долгих переходов; если они хотят отдохнуть сегодня, лучшие воины с обеих сторон могут развлечься, померяясь силами и манерами обращения в присутствии армий”. Это предложение было принято.

Один из самых храбрых ветеранов великой Грузии выехал на расстояние между двумя войсками. Султан бросился навстречу этому [160] сильному воину и пронзил его насквозь одним

ударом копья. Трое сыновей этого человека вышли тогда, чтобы отомстить за него, и были убиты Джелалом один за другим. Следующим пришел пятый мужчина, огромного роста. Лошадь султана устала, времени на переодевание не было, и если бы не его изумительное умение уклоняться от ударов и парировать их, Джелал дожил бы до своего последнего часа в этом конфликте. Но когда грузин замахнулся на него копьем, султан спрыгнул на землю, обезоружил приближающегося гиганта и убил его. Затем он подал кнутом сигнал к наступлению, и, несмотря на перемирие, вся его армия бросилась на грузин, застала их врасплох и разгромила.

Теперь, свободный от своих врагов, Джелал двинулся в 1229 году на Хелат, чтобы осадить его во второй раз. Он оставался там всю предшествующую зиму, но из-за сильного холода и глубокого снега был вынужден разместить большую часть своих войск в деревнях этого региона. В его лагерь прибыл эрзерумский принц Рокн уд дин Джихан-шах, принадлежавший к ветви рум-сельджуков. Этот принц, перед этим поссорившийся с Джелалом, хотел теперь уладить их, выказать почтение и преподнести подарки стоимостью в десять тысяч динаров.

Султан принял его со всеми почестями и, прощаясь, попросил прислать осадные машины. Рокн уд дин прислал большую катапульту, щиты и множество ценных машин. Принцы Амида и Мардина отправили свое представление через послов. Следующим прибыло посольство из Багдада. Халиф Нассир умер в 1225 году, на сорок шестом году своего правления, самом долгом правлении человека из всей династии Аббасидов. Захир, сын и преемник Нассира, находился у власти всего девять месяцев, когда тот умер. Затем его преемником стал Мостансир, его сын. Теперь Мостансир отправил посланника с двумя требованиями к Джелалу: во-первых, чтобы султан не заявлял о правах суверена в Мосуле, Эрбиле, Абу-Эре и Джебале, чьи князья были вассалами калифа; во-вторых, чтобы он восстановил имя Калифа во всех публичных молитвах по всей Персии. Шах Мухаммед, его отец, отменил эту практику, когда шел походом на Багдад, и не восстановил ее. Султан немедленно удовлетворил обе просьбы и приказал, чтобы во всех его государствах каждый мусульманин молился за Мостансира. Когда посланник вернулся, с ним отправился камергер султана. Этот управляющий вернулся с двумя чиновниками, которые привезли от калифа облачение для посвящения Джелала и великолепные подарки ему [161] и его высшим чиновникам. Джелал искренне просил присвоить ему титул султана. Багдад отказался, не дав до сих пор, как было заявлено, этого титула ни одному правителю, но, наделяя его, калиф дал титул шах-ин-шах (шах шахов). В письмах после этого Джелал именовал себя слугой калифа, которого он называл господином и повелителем.

Во время осады Хелата султан приказал украсить Исфахан колледжем и купольным мавзолеем богатой конструкции. В этом здании должен был находиться саркофаг его отца, который тем временем должен был покоиться на горе Демавенд в Эрдехане, мощной крепости в трех днях пути от Райи к Каспию. В письме он попросил свою тетю, Шах Хатун, вдову мазандеранского принца по имени Ардшир, сопроводить останки “великого султана” в крепость. С ней должны были отправиться знатные люди ее страны и мусульманские улемы. Мухаммед из Нессы, который сопровождал письмо этой просьбой, заявляет, что отправил его неохотно, поскольку хорошо знал, что останки Мухаммеда были в гораздо большей безопасности на этом острове в Каспийском море, чем они когда-либо могли быть в крепости; ибо монголы сожгли тела всех царей, чьи могилы они нашли, считая их принадлежащими к династии Кваресмиан. Они откопали в Гуре останки Махмуда, сына Себак Тегина, хотя этот принц был мертв целых два столетия. “Это событие не оправдало моих опасений”, - добавляет Мохаммед Нессави.³ “После

того, как Джелал был убит, монголы захватили крепость Эрдехан и отправили тело Мохаммеда Уготаю, который сжег его”.

Прежде чем начать осаду Хелата, Джелал отправил посланника из Мераги к султану Рума Алай эд дину Кей Кубаду с письмом, в котором выразил свое желание установить дружеские отношения и показал необходимость тесного союза, поскольку они были один на Востоке, а другой на Западе, двумя оплотами ислама против разъяренных неверных. Кей Кубад благосклонно прочитал это письмо и, чтобы укрепить союз, предложил Джелалу выдать дочь замуж за его, Кея Кубада, сына, Кея Косру. Два посланца от Кей Кубада прибыли с дружескими выражениями в адрес Джелала, когда он находился перед Хелатом и осаждал его.

Эти посланники были вынуждены доставлять свои подарки точно так же, как это делали подданные, принося подарки своему государю. Они попросили дочь Джелала за сына Кей Кубада и получили отказ. [162]Они пожаловались на враждебность, проявленную Кей Кубаду его двоюродным братом и вассалом, эрзерумским принцем, и попросили, чтобы Джелал выдал этого принца и позволил Кей Кубаду захватить его страну. Эта просьба взволновала Джелала, который с воодушевлением ответил: “Хотя у меня есть жалобы на Джихан-шаха, он прибыл ко мне ко двору и теперь является его гостем. С моей стороны было бы неприлично передавать его врагу”. Недовольство послов чрезвычайно усилилось из-за дерзости визиря Джелала.

Однажды, когда Несави был в гостях у этого министра, он услышал грубую речь и хвастовство: “Если бы султан разрешил, я бы вошел в вашу страну и подчинил ее войскам по моему приказу”, - сказал Шериф. “Когда посланник ушел, я спросил визиря, - рассказывает Нессави, - о причине его грубости, поскольку Кей Кубад засвидетельствовал дружбу. ”Подарки, привезенные этими посланниками, - ответил визирь, - не равны двум тысячам динаров”.

Послы в сопровождении еще троих человек из Джелала отправились домой, мало довольные своей миссией. Когда они прибыли на границу Рума, то оба заранее поспешили к своему повелителю. Услышав их рассказ, Кей Кубад немедленно отправил одного из них заключить союз с Ашрафом.

После шести месяцев осадных работ Джелал взял штурмом Хелат и взял его 2 апреля 1230 года. Он хотел, чтобы его люди не грабили и не разрушали город, но его генералы заявили, что осада была долгой, что воины потеряли много лошадей, крупного рогатого скота и имущества, что, если он запретит мародерство, новая кампания будет невозможна в любое время; все могут дезертировать всем скопом. Генералы настаивали так твердо, что Джелалу пришлось уступить им.

Хелат был на время передан армии; в течение трех дней и ночей дикие люди творили над ним свою волю. Огромное количество людей умерло под пытками, применяемыми для того, чтобы заставить их рассказать, где спрятаны их сокровища. Женщин и детей спасли для плена. Грузинская жена принца Ашрафа была похищена Джелалом, который сделал ее своей наложницей.

Два младших брата, Якуб и Аббас, также попали во власть завоевателя. Теперь султан отремонтировал стены города и раздал землю в этом районе своим генералам. Джелал готовился нанести удар по Маназгерду, когда эрзерумский принц, который во время осады Хелата снабдил его провизией и тем самым заслужил ненависть Ашрафа, пришел сообщить ему, что Ашраф[163]и султан Рума заключают договор, поэтому он со всей серьезностью

посоветовал предупредить двух принцев, атаковав их силы до того, как они смогут объединить их.

После смерти Моаззама Дамасского Ашраф получил от своего брата Камиля, который был султаном Египта, Дамаск в обмен на Суруд, Харран, Роху и три других района. Услышав о падении Хелата и пленении его супруги, Ашраф бросился к своему брату Камиллю, который в то время находился в Ракке. Ашраф встретил там посланника султана Рума, которому было поручено заключить с ним договор против Джелала. Хелатский принц последовал совету Камиля, султана Египта, который одобрял этот союз, но сам Камиль сразу же поспешил обратно в Каир, узнав, что Салих, его сын, которого он оставил там, замышляет свергнуть его с престола.

Ашраф отправился с семьями всадников в Харран. Там он потребовал контингенты из Алеппо, Мосула и земель, лежащих между Евфратом и Тигром. Когда эти войска появились, он отправился во главе их, чтобы присоединиться к Кей Кубаду в Сивасе, откуда они должны были выступить с объединенными армиями на Хелат.

Джелал решил наступать на Харперт, надеясь атаковать первую из армий, которая двинулась на соединение с другой. Он созвал свои войска в Харперт и сам отправился туда впереди них, но, заболев в том месте, оказался в таком тяжелом положении, что генералы думали, что его жизнь потеряна, и были готовы, как только он испустит дух, броситься и захватить каждого человека в той провинции, которая ему понравится. Джелал выздоровел, но тем временем его враги объединили свои силы. Его армия была небольшой по сравнению с войсками, выставленными против нее. Он не вызвал людей из Аррана, Азербайджана, Ирака или Мазандерана, которые ушли в отпуск несколько раньше. Корпус его визиря находился в Маназгерде, другой корпус также атаковал Беркери, но он двинулся дальше и в Эрзенджане встретил врага.

У Кей Кубада было двадцать тысяч человек, у Ашрафа - всего пять, но все они были отборными воинами. Джелал потерпел самое жестокое поражение и потерял много воинов. Среди пленников был эрзерумский принц, который пообещал Джелалу значительную часть королевства Кей Кубада, но затем был вынужден уступить свои укрепления и сокровища своему двоюродному брату. Победители обезглавили всех кваресмийских офицеров, попавших в плен.^[164]

Джелал бежал в Маназгерд и, взяв войска, осаждавшие затем эту крепость, двинулся на Хелат, который он забрал со всего, что имело ценность и было движимым; сделав это, он сжег остальное. Затем, взяв с собой грузинскую жену принца Ашрафа и двух братьев Ашрафа, Якуба и Аббаса, он переехал в Азербайджан. Визирь со своими войсками был размещен в Секман-Абаде, чтобы следить за передвижениями врага; сам он остановился возле Хоя. Его генералы дезертировали.

Враги Джелала не преследовали его. Напротив, его визирь получил письмо от Ашрафа, который расстался с Кей Кубадом после победы и отправился в Хелат, который он нашел печальными руинами и опустевшим. "Ваш хозяин," писал он шерифу, "султан мусульман, первый оплот ислама против врагов-монголов. Мы знаем, что ослабление его означает разрушение религии, что его потери затронут каждого мусульманина. Почему вы, с вашим замечательным опытом, не даете ему миролюбивых советов? Я гарантирую султану настоящую дружбу при решительной помощи Кей Кубада и моего брата, султана Египта".

За этими предложениями последовало обсуждение, и два принца заключили мир. Султан согласился прекратить все нападения на Хелат, но, несмотря на все усилия, он не дал никаких обещаний относительно Кей Кубада. Он не мог простить ему союз с Ашрафом. Только позже он узнал, как его визирь оскорбил посланцев этого принца. Но когда он узнал, что монголы вступают в Ирак, он поклялся уважать все земли Кей Кубада.

Эта тридцатитысячная монгольская армия была отобрана из всех войск, находившихся под командованием Уготая. Его возглавлял Чормагун, которого Великий хан поручил завершить завоевание Персии и обосноваться там со своими воинами. Чормагун, который прежде всего хотел затравить Джелала до смерти, как Чингис, великий хан, затравил отца Джелала, очень быстро прошел через Хорасан по Эсферайнской дороге и миновал Райи.

Джелал, отправившийся из Хоя в Тебриз, надеялся, что монголы перезимуют в Ираке; ему нужна была задержка на такой срок, чтобы собрать силы и сконцентрироваться. Он отправил пехлевана прямо в Ирак, чтобы тот следил за всеми передвижениями монголов. Этот человек встретил авангард врага между Зенджаном и Эбером. Он бежал с четырнадцатью людьми, всем, что у него было, и был единственным^[165]выжившим, так яростно монголы бросились за ним в погоню. Он один прибыл в Тебриз со своими вестями султану.

Джелал не стал медлить; он сразу же покинул это место и направился в степи Мугани на Каспии, чтобы собрать силы. Не имея времени обеспечить надлежащую безопасность своему гарему, он остался в Тебризе. Ту зиму он провел в Мугани и Ширване. Два отличившихся офицера из Мазандерана и Хорасана были отправлены вперед, чтобы внимательно следить за противником, докладывать Джелалу и присматривать за хорошими лошадьми в Фирус-Абаде и Ардебиле.

В ожидании своих воинов, вызванных герольдами, которые вручили красные стрелы, Джелал с телохранителем всего в тысячу человек развлекался охотой при дневном свете, а вечера проводил за выпивкой со своими близкими. Однажды ночью два офицера авангарда, которым он доверил предупредить его, пропустили монгольскую дивизию без вызова и предупреждения. Они застали Джелала врасплох на холме недалеко от Ширкебута, и он едва избежал опасности, бросившись дальше к реке Аракс. Монголы подумали, что он пересек ее, и поспешили дальше к Гяндже, столице Аррана, но Джелал повернул обратно к Азербайджану и послал принца Якуба, своего пленника, объяснить Ашрафу, брату Якуба, о крайней необходимости срочно послать людей, чтобы отбросить монголов, план которых состоял в том, чтобы сокрушить весь исламский мир.

Якуба провели к шерифу уль Мульку, визирю Джелала, которому было приказано отправить с ним посланника с надлежащими инструкциями. У шерифа уль Мулька, который теперь был закоренелым предателем, был собственный визирь, которого он послал, но с приказами, полностью противоположными тем, которые отдавал султан. Гарем Джелала, оставшийся в Тебризе без защиты, был отправлен шерифом в Арран и поселен в Синд Суруке, мощной крепости, в то время как его сокровища были спрятаны в различных замках, принадлежавших вождю туркмен Аррана. Сделав это, Шериф отправился в Хизан и поднял там знамя восстания. Он был разгневан с тех пор, как султан из-за огромных расходов шерифа отнял у него управление налогами и доходами всех видов. Думая, что Джелал проиграл, когда бежал из Мугани и был почти схвачен, он написал Кей Кубаду и Ашрафу, заявив, что, если они оставят Азербайджан ему вместе с Арраном, он воздаст должное обоим и прикажет упоминать имена

двух принцев на всех публичных богослужениях. “Падший тиран” - так [166]назвал султана в этом письме. Многие послания, которые были частично похожи на это, были направлены губернаторам, чтобы подкупить их. Одно из них было отправлено султану, который теперь знал, что шериф останавливал всех кваресмийских офицеров, которые приближались к его форту, и пытками отбирал у них имущество. Он узнал также, что шериф проинструктировал туркменского вождя никому не отдавать гарем или сокровища султана, даже самому Джелалу, если тот придет за ними. В этом письме он также назвал его “Падшим тираном”. Султан, зная теперь о визире и его измене, отдал приказ пренебречь его властью.

Джелал, который оставался всю зиму (1231 г.) в Мугани, весной отправился в Арран, услышав, что монголы движутся из Оджана, чтобы найти его. Оказавшись возле замка шерифа, он послал за визирем-предателем и притворился, что ничего не знает о его измене. Шериф пришел с саваном на шее. Джелалу принесли вино, что противоречило этикету, поскольку кваресмийские султаны никогда не допускали визирей на свои банкеты. Шериф считал себя тогда на вершине благосклонности, но вскоре у него появились основания думать иначе, поскольку, хотя он и следовал султану, последний не возлагал на него никаких обязанностей.

Плохое состояние дел Джелала повлияло на население двух прикаспийских провинций, недавно подвергшихся репрессиям. В Тебризе население, разгневанное людьми, командовавшими от имени султана, было готово истребить всех кваресмийцев и таким образом завоевать благосклонность монголов. Восстания вспыхнули во многих местах Азербайджана и Арраны. Мужчины на службе султана были убиты, а их головы унесены в качестве подарков врагу.

Джелал, желавший собрать войска Аррана и неспособный доверять ни одному туркмену на своей службе, убедил Мухаммеда из Нессы согласиться на эту деликатнейшую миссию, которую тот выполнил с такой тщательностью и так искусно, что вскоре в распоряжении Джелала были значительные силы. При известии об этом подвиге монгольская дивизия, вошедшая в Арран, отступила в главный лагерь в Оджане. Посланник, отправленный к губернатору Байлекана с требованием его капитуляции, был немедленно доставлен к Джелалу. Когда его спросили об армии Чормагуна, и он пообещал свою жизнь, если тот свято скажет правду (этот человек был мусульманином), он заявил, что список армии насчитывал двадцать тысяч в день смотра возле[167]пригородов Бухары. Джелал, чтобы его войска не потеряли мужества и не разбежались, приказал немедленно убить этого человека.

Затем, опасаясь, что визирь может внезапно уехать и поднять многих людей на восстание, султан отправился в Джарапер, по-прежнему сопровождаемый предателем. Тогда он приказал коменданту крепости Джарапер, жестокому старому туркмену, арестовать визиря и заковать его в кандалы, как только он, султан, двинется дальше. Это было сделано, и вскоре после этого старый туркмен послал шестерых стражников лишить жизни Шерифа. В тот момент, когда визирь увидел приближающихся людей, он понял, что настал его последний час. Он попросил небольшую передышку, чтобы вознести мольбы Всевышнему. Он совершил омовение, затем помолился, прочитал несколько строк из Корана и сказал, что стражники могут войти. Когда он снова появился, они спросили его, что он предпочитает, веревку или саблю. “Саблю”, - ответил Шериф. “Не в обычае у великих людей умирать от сабли,” сказал стражник, “ а смерть от веревки гораздо проще”. “Это ваша задача”, - ответил Шериф. “Делай то, что тебе кажется

лучшим. Я принимаю то, что всегда приходит к тому, кто доверяет неблагодарным”. Это были последние слова Шерифа. Он был задушен.

Следующим шагом Джелала был быстрый марш на Гянджу, где население перебило всех кваресмийцев в городе. Он разбил свой лагерь у стены и пытался склонить мятежников к повиновению приятными посланиями и кротостью; но толпа становилась все более наглой и устремлялась вперед, чтобы напасть на него. Султан яростно атаковал. Население обратилось в бегство и в беспорядке вернулось через ворота. Победители жаждали добычи, но султан сдержал их. Больше всего он хотел найти лидеров восстания. Были названы имена тридцати человек, и Джелал отрубил им головы.

Султан оставался в городе пятнадцать дней, обдумывая дальнейшие действия. Наконец он решил во второй раз попросить помощи у Ашрафа. Ему очень не хотелось этого делать, но он послушался совета.

Ашраф, услышав, что из Джелала прибывают послы, отправился в Египет. Посланникам пришлось задержаться в Дамаске, где сирийский принц заставил их задержаться и позабавил письмами, в которых сообщал, что скоро вернется из Каира с войсками для их господина.

Наконец послы Джелала сообщили ему, что Ашраф останется в Египте, как они думали, до тех пор, пока весь монгольский вопрос не будет решен без него. Затем Джелал отправил своего канцлера к Мозафферу, [168]который получил хелат от своего брата Ашрафа. Он пригласил этого принца прийти со своими войсками и привести с собой также принцев Мардина и Амида с их войсками. Он сказал, что тогда он сможет победить без Ашрафа. Его посланник должен был объяснить Мозафферу со всей возможной ясностью, что если они, с Божьей милости, победят монголов, он поместит Мозаффера в страну, по сравнению с которой Хелат и его земли были ничем. Это было сказано Джелалом в присутствии своих генералов, но Мухаммеду из Нессы, оставшемуся с ним наедине, его речь была следующей: “Я не верю в людей, к которым вы направляетесь, но эти здесь, ” он имел в виду своих туркменских командиров, - довольствуются только видениями, и их высшее желание - избежать серьезных боев. Таким образом, они расстроили все мои планы. Я отправляю тебя сейчас с этой миссией, хорошо зная, что ты вернешься с ответом, отнимающим у них всякую надежду на помощь ”.

Султан избрал столицу Исфахан своей цитаделью. По его приказу шесть тысяч человек отправились грабить Рум, откуда они пригнали огромные стада крупного рогатого скота.

Когда Мухаммед Несский передал Мозафферу послание, этот принц ответил следующим образом: “Если я давал клятву Джелалу, я дал клятву и Кей Кубаду; Я также знаю, что ваш государь разорил страну Кей Кубада, и это не то, что он обещал в день принесения клятвы. Кроме того, я не сам себе хозяин; я завишу от моих братьев, султана Египта и правителя Сирии, я не смог бы помочь никому, если бы эти двое не позволили. Более того, какую помощь моя маленькая армия могла бы оказать Джелалу или другим? Что касается принцев Мардина и Амида, то они не являются моими иждивенцами. Они обсуждают с султаном вопрос о помощи. Я знаю это, я также знаю, что он испытывает их. Он скоро обнаружит, что они не правдивы, в то время как Ашраф горит желанием служить интересам султана и верен обещаниям. Его единственная цель, отправляясь в Египет, - набрать войска и повести их с собой обратно”.

По прошествии нескольких дней Мохаммед попрощался с Мозаффером, заявив, что, чем бы это ни закончилось, последний пожалеет о своем решении. “Если Джелал восторжествует, - сказал

он, - вы никогда не сможете примириться; если он будет побежден, монголы принесут вам горькое горе, если не разрушение”. Хелатский принц ответил, что он не сомневается в словах посланника, но добавил: “Я сам себе не хозяин”.[169]

В письме, доставленном голубем из Перкри, сообщалось, что монголы искали султана и проходили мимо этого города. Джелал отправился в Хани, но, найдя там только женщин и багаж, он, не дожидаясь, отправился в Джебаль Джор. Монгол, спасавшийся от наказания, пришел к кваресмийцам и объявил, что монголы наступают. Этот человек был командиром тысячи человек, который не хотел терпеть выговоров от начальства, поэтому и сбежал от них. Последовав совету этого беглеца, Джелал оставил свой багаж на обочине дороги и устроил неподалеку засаду, чтобы напасть на монголов, пока они будут его грабить. Отуз-хан, один из его генералов, с четырьмя тысячами всадников должен был двинуться на врага, вступить в бой, а затем бежать после боя, заманив их таким образом в засаду. Отуз-хан, не будучи ни проницательным, ни храбрым, вернулся и объявил, что монголы направились к Маназгерду. Услышав это ложное заявление, султан вышел из своей засады и направился в Хани, где его встретил Мухаммед из Нессы, которому он приказал доложить в присутствии всех о результатах своей миссии.

Убедившись после прослушивания этого сообщения, что помощи ни от кого не будет, все решили немедленно отступить к Исфахану, взяв с собой только тех из своих детей и жен, которые были им дороже всего.

Два дня спустя прибыл посланник от принца Массуда из Амида. Этот принц пожелал, чтобы султан стал хозяином Рума, завоевание которого, как он заявил, будет легким. Владыка Рума и сильный благодаря кипчакам, которые были крепко привязаны к нему, Джелал мог внушить монголам ужас. Масуд пообещал усилить султана четырьмя тысячами всадников и оставаться при нем до тех пор, пока Рум не будет завоеван.

Весь этот план принца Амида был вызван его гневом на Кей Кубада, который отнял у него несколько замков.

Честолюбие Джелала пробудилось к деятельности. Он отказался от поездки в Исфахан и, не дожидаясь, отправился в Амид. Разбив свой лагерь недалеко от этого города, он провел весь вечер в пьянстве. В полночь прибежал туркмен с известием, что он видел иностранные войска на том месте, где султан провел предыдущую ночь. Джелал объявил это ложью и уловкой принца Амида, чтобы как можно скорее вынудить его покинуть страну. Но на рассвете монголы были уже здесь. Они окружили[170]Павильон султана, когда он все еще отсыпался после своего кутежа. Один генерал, Орхан, прискакал со своими войсками и отбросил врага прочь. Приближенные Джелала усердно участвовали в этом испытании; у них едва хватило времени, чтобы выдать Джелалу светлую тунику и посадить его верхом. В этот момент он подумал об одной из своих жен, которая была с ним, дочери принца Фарса, и приказал двум своим главным офицерам охранять ее во время бегства.

Видя, что монголы ужасно быстро преследуют его, Джелал приказал Орхану броситься со своими силами в другом направлении и отвлечь врага. Он сам отправился по дороге в Амид с сотней всадников. Ворота этого города были закрыты для него. Уговоры были бессильны открыть их, поэтому он побежал дальше к Тигру, но вскоре свернул в сторону и бросился обратно, последовав совету Отуз-хана, который заявил, что лучший способ спастись от

монголов - это вернуться и оказаться у них за спиной. Он добрался до маленькой деревни в районе Маяфаркин и остановился на ночь в зернохранилище. Пока он спал, Отуз-хан ускользнул и дезертировал. На рассвете монголы догнали султана, который едва успел вскочить в седло и уехать, пока его охрана сражалась с врагом.

Большинство людей Джелала были убиты в то утро, защищая своего господина. Пятнадцать монголов, узнав, что бежавший был султаном, в бешенстве бросились за ним. Двое настигли быстрого всадника, но он убил их обоих. Остальные не могли догнать беглеца, чья лошадь, без сомнения, была лучше.

Теперь Джелал поспешил дальше один и пробрался в горы. Там он был схвачен курдами, в обязанности которых входило раздевать каждого путника и убивать его. Они сразу же раздели султана и собирались убить его, когда он тайно рассказал их вождю, кто он такой, попросив этого человека отвести его к эрбийскому принцу Мозафферу, который осудил бы его за это; если не отвести его в какое-нибудь место в собственном королевстве султана. Курд выбрал последнее и, взяв с собой в свое жилище султана, которого он оставил на попечение своей жены, отправился за лошадьми. Тем временем вошел другой курд и спросил женщину, кто такой кваресмиец и почему они его не убили. Она ответила, что он находится под защитой ее мужа, и добавила, что он был кваресмийским султаном. “Откуда вы знаете, что[171]он говорит вам правду?” - спросил курд. “Но если он султан, то он убил при осаде Хелата моего родного брата, гораздо лучшего человека, чем он”. С этими словами он бросился на Джелал ад-дина, пронзил его своим копьем и убил. 15 Августа 1231 года.

Вместе с Джелал уд дином погибла династия Кваресмийцев.

“Джелал ад-дин, ” говорит Мохаммед из Нессы, “ был среднего роста. У него было лицо турка, очень смуглый цвет лица, потому что его мать была родом из Индии. Он был храбр до крайности, спокоен, серьезен и молчалив, никогда не смеялся, кроме как уголками губ. Он говорил по-турецки и по-персидски”. Джелал ад-дин не был государственным деятелем, у него не было ни дальновидности, ни мудрости; подчиняясь своим прихотям, он никого не примирял. Музыка и вино доставляли ему наибольшее удовольствие. Он всегда ложился спать пьяным, даже когда монголы охотились за ним, как ищейки. Он не сохранил привязанности своих воинов, которые, не получая жалованья, были вынуждены жить за счет страны и разорять ее. Безрассудное поведение отдалило от него тех, кто мог бы поддержать его. Мудрый и сильный лидер мог бы поднять и направить сопротивление, которое остановило бы Хулагу в его завоеваниях. То, что могло произойти потом, - это, конечно, новая проблема.

Вскоре после смерти этого султана принц Мозаффер послал людей забрать его имущество. Они нашли его лошадь, седло и саблю. Их показали его генералам, и они были опознаны. Затем Мозаффер приказал принести его тело и поместить в мавзолей.

В последующие годы сообщалось, что Джелала видели в разных местах Ирана. Человек в Испидаре выдавал себя за султана. Монгольские военачальники призвали людей, которые видели Джелал ад-дина. Самозванец был обнаружен и быстро казнен. Двадцать два года спустя после смерти султана бедняк, переодетый факиром, переправляясь через Оксус, сказал лодочникам следующее: “Я Джелал уд-дин, кваресмийский шах, убитый, по слухам, курдами в горах Амид. Тогда был убит не я, а мой конюший. Я много лет скитался, не давая людям узнать

себя”. Лодочники отвезли его к монгольскому офицеру недалеко от этой реки, его пытали, но он до самой смерти настаивал, что он Джелал уд-дин, кваресмийский султан.[172]

1 Около двадцати семи миль. ↑

2 Динар равен пятидесятой части цента. ↑

3 Мухаммед Несский. Нессави означает "Насса" и особенно относится к историку. ↑

[Содержание]

ГЛАВА X

СОСТОЯНИЕ ПЕРСИИ В 1254 ГОДУ, КОГДА ХУЛАГУ ПРИШЕЛ ЗАВОЕВЫВАТЬ И УБИВАТЬ

Печальной была судьба людей в Руме из-за разобщенности, глупости и легкомыслия. После того, как Джелал ад-дин погиб в горах, его воины рассеялись и были добиты землепашцами, курдами и бедуинами. Монголы сразу же приступили к опустошению Амида, Эрзерума и Маяфаркина. После пятидневной осады они захватили Сарад, расположенный в двух днях пути от Мардина и к востоку от него, и, хотя город сдался, они вырезали его жителей числом до пятнадцати тысяч, как утверждает. Танзу постигла та же участь, что и Мардин, чей правитель укрылся в крепости. Район Нисибин был превращен в пустыню, хотя сам город не был взят монголами, которые, войдя в страну Синджар, разграбили Эль-Хабур и Арабан. Одна из их дивизий двинулась по дороге на Мосул и поспешила разграбить Эль-Мунасу, расположенную на дороге между Мосулом и Нисибин. Жители этого места и равнинной местности вокруг него укрылись в здании недалеко от центра города, где были убиты все, кроме желанных женщин. Человек из тех краев, спрятавшийся в доме, выглянул через щель и увидел, что происходит, а потом рассказал об этом Ибн аль-Асиру, историку. “Каждый раз, когда монголы убивали кого-нибудь, они кричали ‘Ла иллахи’. Эта резня закончилась, они разграбили это место и ушли, уводя выбранных женщин. Я видел их, ” сказал скрытый человек, “ радующимися верхом на лошадях. Они смеялись, пели песни на своем языке и кричали, насмехаясь над мусульманами”.

Еще одна монгольская дивизия двинулась маршем на Битлис. Часть людей бежала в горы, другие укрылись в цитадели. Монголы подожгли город и сожгли его. Они взяли штурмом Бальри, укрепленное место в районе Хелата, и вырезали[173]всех жителей. Такому же разрушению подвергся крупный город Анджиш.

Теперь третье монгольское войско осадило Мерагу. Этот город сдался при условии уважения жизней всех граждан. Монголы пообещали пощадить их, но, несмотря на это обещание, они убили большое количество людей. Они разграбили Азербайджан, вошли в Эрбиль, напали на курдов и туркмен, убивая всех, до кого могли дотянуться оружием. Они проносили огонь и меч по всем местам и совершали зверства, не имеющие аналогов.

Мозаффер, принц Эрбиля, быстро собрал свои войска и получил помощь из Мосула. Затем монголы отступили и двинулись на Дакуку. Принц счел за лучшее не преследовать их.

В течение тех двух месяцев, которые последовали за смертью Джелал ад-дина и рассеянием его армии, монголы разграбили все земли между Евфратом и Тигром; Диарбекр, Хелат и Эрбиль, не найдя ни одного вооруженного воина, который мог бы им противостоять. Князья этих мелких государств тщательно прятались, и люди были ошеломлены, настолько велик был ужас, охвативший человечество. В тот период совершались дела, в которые невозможно поверить. Например, одинокий монгольский всадник въехал в густонаселенную деревню и начал рубить людей; ни у кого не хватило мужества защитить себя.

В другой раз монгол без оружия захотел отрубить голову пленнику, которого он захватил; он приказал этому человеку лечь и ждать его. Монгол отправился за саблей, вернулся и убил несчастного, который покорно ждал. Еще один рассказ от третьего человека: “Я был в дороге с семнадцатью товарищами, когда к нам подъехал монгол верхом на лошади и приказал, чтобы каждый связал руки другому. Мои товарищи сочли за лучшее повиноваться. ‘Этот человек,’ сказал я им, ‘один, давайте убьем его’. ‘Мы слишком напуганы’, - сказали они. ‘Но он убьет нас. Давайте убьем его, и тогда Бог спасет нас’. Ни у кого из них не хватило смелости сделать это. Тогда я убил его ударом ножа, и мы бежали и таким образом спаслись от других монголов”. Таких случаев всего три из тысяч.

Через три месяца после смерти Джелал ад-дина люди в целом не знали, был ли он убит, или скрывался, или уехал в другую страну. Азербайджан теперь был захвачен монголами. Их предводитель разбил свой лагерь недалеко от Тебриза и призвал этот город сдаться. Он предлагал крупную сумму денег, много тканей, вино и [\[174\]](#) другие товары. Главный судья и мэр с главными людьми отправились к монгольскому военачальнику, который приказал прислать к нему ткачей, поскольку он хотел изготовить определенные материалы для своего государя. Они повиновались, и горожане заплатили за эти дорогие ткани. Он попросил также шатер для своего господина. Для него был сделан шатер, равного которому не было в этом городе. Он был покрыт шелком, расшитым золотом, и украшен соболями и бобрами. Тебриз согласился на ежегодную дань тканями и серебром.

Монголы разграбляли земли Эрбиля, вотчины халифа Мостансира, который призвал себе на помощь мусульманских монархов, а также арабов. Камиль, султан Египта, чьи владения за Евфратом также находились под угрозой, выступил из Каира во главе армии и прибыл в Дамаск, откуда очень быстро двинулся на восток. Его многочисленная армия пересекала пустыню разными дорогами. Поскольку воды не хватало, в этом путешествии погибло много лошадей, а также много людей. Узнав в Харране, что монголы ушли из Хелата, Камиль осадил Амид. Захват этого места, принадлежавшего внуку Ортока, был настоящей причиной его возвращения из Египта. С ним был Ашраф, его брат, который убедил его совершить экспедицию. Эюбитские принцы и султан Рума также выступили в поход вместе с Камилем.

Всего осада длилась пять дней. Принц Массуд, слабак и человек, любящий удовольствия, сдал свою столицу Камилю, который передал ее в качестве удела (1232 г.) своему неверному сыну Салиху, который ранее хотел свергнуть его с престола. Масуд получил определенные земли, лежащие в Египте; в эти земли он отправился и с позором обосновался, как ему и подобало. Хозяин Амид Камиля напал на Хосн-Кейфу, которая также сдалась. Теперь он достиг своей цели.

Монгольские войска под командованием Чормагуна, а после смерти этого генерала - под командованием Байджу, продолжали в течение целых двух десятилетий убивать, грабить, мародерствовать и опустошать земли к западу от Персии. Они разоряли целые регионы и

тысячами вырезали людей. В 1236-7 годах они совершили второе вторжение в районы близ Эрбиля и продвинулись к Тигру. Затем они взяли Эрбиль и нашли там богатую добычу. Они сожгли множество домов, но не смогли взять крепость, жители которой^[175]сплотились, и хотя погибали от жажды, сражались с изумительной доблестью. По истечении сорока дней монголы удалились, получив от народа большие суммы золотом.

После этого они опустошили северную окраину Арабского Ирака вплоть до Зенкабада и Серменрая, которые они разграбили. Калиф обеспечил оборону Багдада, и в 1237 году, желая поднять на ноги каждого мусульманина, он спросил улемов: “Что дает больше заслуг, паломничество в Мекку или война с неверными?” “Священная война”, - ответили все как один. Тогда была объявлена война. Великие личности, служители закона, простые люди - все ежедневно выходили на улицу, чтобы научиться искусству владения оружием. Сам калиф хотел выступить вместе с войсками, но благоразумные советники отговорили его. Его войска встретились с врагом в Джебель-Хамрине к северу от Такрита, на берегу Тигра, обратили их в бегство, многих перебили и освободили всех пленников, захваченных незадолго до этого в Дакуке и Эрбиле. В 1238 году пятнадцать тысяч монголов вторглись на территорию Багдада и продвинулись к Джаферию, но отступили при приближении войск халифа, состоящих из турок и арабов.

В том же году Арабский Ирак был вновь захвачен монголами численностью от десяти до пятнадцати тысяч человек. Они продвинулись к Ханекину, местечку в нескольких лигах к югу от Хельвана. Калиф послал против них семь тысяч всадников под командованием Джемаля уд дина Бейлека. Монголы, успешно применив свою старую стратегию, заманили силы Багдада и напали на них из засады. Они предали мечу почти весь отряд. Бейлек, их предводитель, исчез без вести.

В 1235 году монголы взяли Ганджу, столицу Аррана, предав город огню, а людей резне. В следующем, 1236 году, Чормагун покинул Мугань и пронесся по Армении, Албании и Грузии, разграбив все лучшие города. Грузия так недавно была разграблена Джелал ад-дином, что, будучи не в состоянии защититься от монгольских захватчиков, князья и народ искали убежища в горах. Царица Русудан, женщина, известная своей красотой и отсутствием добродетели, выбрала в качестве убежища неприступную крепость Усанет в Имеретии.

Чормагун захватил страну между Араксом и Киром. Один из его военачальников, Гадаган, захватил Кедапагу и Варсанашод. Другой, Мулар, захватил Шамкар и все крепости вокруг него. Брат Чормагуна Джела взял крепость^[176]Катчена. Джелал, хозяин этого места, бежал в замок Хок недалеко от Кандзассара. Когда его призвали сдаться, он присягнул великому хану в виде дани и военной службы. Джагатай, другой предводитель монголов, захватил Лори, принадлежавший шах-ин-Шаху, принцу Ани, разграбил город и вырезал людей. Затем, в 1239 году, монголы ворвались в Грузию и захватили Тифлис и многие другие места. Когда Джагатай объехал всю страну, испытывая ужас впереди и разорение позади, он снова пронесся по Армении, осаждая теперь старую столицу Ани. Когда древний город призвали сдаться, власти ответили, что без шах-ин-шаха они не могут сдаться, поскольку он был принцем этого региона. Посланник возвращался с этим заявлением, когда население пришло в ярость и убило его. Чормагун немедленно осадил Ани. Не имея припасов, люди вскоре узнали все значение голода. Чтобы спастись от него, многие вышли и сдались. Чормагун встретил всех этих людей с добротой и дал им провизии; это привлекало других до тех пор, пока из Ани не ушло больше

половины. После этого эти люди, захваченные таким образом своими желудками и хитростью Чормагуна, были разбиты на отряды и переданы воинам, которые вырезали их всех до последнего человека. Ани больше не мог защищаться, поэтому грабежи и пожары уничтожили старый город.

Услышав об ужасных разрушениях, обрушившихся на Ани, и резне всех, кто в нем жил, жители Карса, опасаясь гибели, которая, как они думали, ожидала их, если они не смогут ее предотвратить, отнесли ключи от своего города монгольскому военачальнику. Несмотря на это добровольное подчинение и капитуляцию, последовала ужасная резня, поскольку Чормагун отдал приказ предать мечу всех, кроме детей, желанных женщин и искусных ремесленников, в которых нуждались монголы.

Когда Карс был разрушен, захватчики вернулись на равнины Мугани, которые изобиловали богатыми зимними пастбищами.

В 1240 году принц Авак из Тифлиса и его сестра Тамара отправились засвидетельствовать почтение ко двору Уготая и были встречены там с добротой. Великий хан отдал им приказ, повелевающий Чормагуну восстановить их и других грузинских князей; также было отправлено второе приказание брать с них только ту дань, о которой уже было договорено.^[177] Когда население к северу от Евфрата и Тигра было достаточно разбавлено и просвещено резней, монголы повернулись, чтобы взять Рум и подчинить его.

Румом в течение полутора столетий правила ветвь сельджуков. Малая Азия была завоевана около 1080 года Сулейман-шахом, которого его двоюродный брат султан Мелик, персидский шах, послал на запад с восемьюдесятью тысячами туркменских семей, чтобы свергнуть неверных. Сулейман отобрал центральные провинции этого региона у Византийской империи и сделал Коню столицей своего недавно завоеванного королевства, которое на Востоке называлось Рум, но на западе с другой гласной - Рим. С этого периода полчища туркменов, следовавших под знаменами сельджуков, широко распространились по этим завоеванным землям. Большинство мест было отдано им в качестве феодальных владений, и христиане всего этого региона попали под иго беспощадных и наглых кочевников.

Султан Гиат уд дин Кей Косру, восьмой преемник Сулеймана первого завоевателя, правил Румом в течение пяти лет, когда в 1243 году монголы намеревались подчинить его. К этому времени Чормагун был мертв, и Байджу, сменивший его, пришел с армией, в состав которой входили армянские и грузинские контингенты, чтобы захватить Эрзерум, комендантом которого был Синан уд дин Якут. Этот якут был вольноотпущенником султана Кей Кубада, отца Кей Косру. По прошествии двух месяцев стены были разрушены двенадцатью катапультами; город был взят штурмом, и день спустя цитадель постигла такая же беда. Комендант, а также его воины были преданы мечу без исключения. Ремесленников, рабочих, желанных женщин и детей пощадили, чтобы угнать в рабство. Когда город был разграблен и разорен, монголы отступили в свой зимний лагерь на равнине Мугань.

Монгольские воины были посланы в Сирию. Пока они приближались к Малаттии, где весть о разграблении Кесарии вызвала тревогу в каждой деревне и на каждом углу, префект и другие чиновники султана забрали в ночные часы все серебро и золото из казны, разделили их между собой и отправились искать убежища в Алеппо. В то же время видные горожане, как мусульмане, так и христиане, пытались спастись бегством, но после однодневного путешествия

их настигли монголы, которые перебили стариков и женщин; молодежь обоего пола была пощажена и угнана в рабство.[178]

Монголы не стали откладывать осаду Малаттии, они поспешили по приказу нойона Яссаура в Алеппо, потребовали выкуп, получили его и исчезли. На обратном пути Яссаур сделал остановку в Малаттии и инсценировал нападение на нее. Префект собрал много посуды, а также золота с церковных картин, помимо других сокровищ, взятых из несторианского собора; общая стоимость достигала сорока тысяч золотых монет. Получив этот выкуп, Яссаур продолжил свой поход к границе Персии. Вероятно, Яссаур был монгольским вождем, который в 1244 году, ближе к концу лета, призвал Боэмунда V, принца Антиохийского, сравнять стены своих городов, направить туда все доходы своего княжества и, кроме того, дать три тысячи девушек. Принц отказался, монгольский военачальник воздержался от нападения, но позже антиохийский принц предоставил монголам дань.

Наместник Великого хана призвал к повиновению всех правителей Западной Азии. В 1241 году Шихаб уд-дин получил письмо от посланника монголов. Письмо, отправленное другим принцам, а также ему самому, начиналось так: “Наместник на земле Владыки Небес приказывает всем следующим принцам признать его власть и усилить свою оборону”; затем были названы имена. Принц ответил, что он слабый, мелочный правитель по сравнению с правителями Рума, Сирии и Египта. “Иди к ним первым, - сказал он, - я последую их примеру”.

Хайтон, царь Киликии, пообещал привести султану Рума целый корпус армян; однако он отложил поход и ждал развития событий. Королевство Рум теперь находилось под властью монголов, и Хейтон счел за благо, по возможности, завоевать расположение монголов. Заручившись согласием знатных людей своего королевства, весной 1244 года он отправил послов с богатыми подарками в Байджу. Послы обратились к Джалалу, армянскому князю, находившемуся в то время в Катчене, который представил их Байджу, вдове Чормагуна и монгольским военачальникам. Байджу сначала попросил Хейтона доставить жену, дочь и мать Кея Косру, которые тогда находились в Киликии. Выполнив эту просьбу, он простился с послами и отправил с ними своих людей к их государю. Условия были тяжелыми для Хейтона, но он уступил женщин чиновникам Байджу и отправил новых посланников. Монгольский военачальник был удовлетворен и, заключив союз с Хайтоном, выдал ему грамоту, которая подтверждала его положение вассала Великого хана.[179] Монголы в течение 1245 года захватили районы к северу от озера Ван, в том числе Хелат, который по приказу Уготая был передан Тамаре Грузинской. После этого они двинулись маршем в районы между Евфратом и Тигром, взяв Роху, Нисибин и другие города, которые жители покинули при приближении ужасного врага. Но сильная летняя жара свалила большую часть их лошадей, поэтому монголы были вынуждены очень быстро отступить, чтобы спастись.

Монгольское владычество постоянно расширялось. Бедр уд дин Лулу, принц Мосула, заявил в письме принцу Дамаска, что он от своего имени заключил договор, по которому жители Сирии будут выплачивать монголам фиксированную дань в соответствии с богатством и способностями. Налог для богатых составил бы десять дирхемов, для средних - пять, а для бедных - один дирхем. Это письмо было опубликовано в Дамаске, и чиновники начали собирать установленные им налоги.

В том же 1245 году голуби доставили в Багдад весть о том, что монголы вошли в Шехерзур, расположенный в восьми днях пути к северу от Багдада, и разграбили весь город, принц которого Мелик уд дин Мухаммед бежал в крепость.

Монголы, наступавшие в 1246 году на Якубу, были атакованы и отброшены войсками Багдада, и некоторые из них были взяты в плен. Байджу не чувствовал себя хозяином Грузии, пока царица Русудан оставалась в Усанете и отказывалась от всякого подчинения. Напрасно он посылал ей богатые подарки и просил о свидании, во время которого они с ней могли бы заключить, как он заявил, дружеский союз. Королева не захотела покидать свою крепость и не дала лучшего ответа на послание Бату, который после смерти Уготая в декабре 1241 года был первым среди внуков Чингисхана. Однако она отправила своего сына Давида к Бату в качестве заложника и отдала его под защиту этого сильного хана. Байджу, разгневанный упрямством Русудан, решил дать Грузии правителя, подвластного монголам. У брата Русудан, Лаши, был внебрачный сын, которого королева отправила в Рум, когда ее дочь отправилась туда замуж за Кея Косру. Этот сын Лаши, по имени Давид, был задержан на десять лет в Кесарии. Освобожденный теперь за эту особую государственную уловку, он был доставлен в лагерь монголов, где некоторые князья провозгласили его своим подданным и принесли присягу на верность. Грузинские войска и армяне [180]отправились с Давидом в Мцхете, резиденцию патриарха, который помазал его.

Давид, новый царь и орудие монголов, в 1246 году напал на Русудан в ее крепости, где, доведенная до крайности, она приняла яд и, умирая, рекомендовала своего сына Бату, хану кипчаков и хозяину в то время России.

Молодой царь Грузии намеревался присутствовать при установке Куюка (1246). Имена подвластных правителей, присутствовавших на этом великом Курултае, показывают, насколько далеко простиралась власть монголов: принц Фарса; правитель Кермана; Бедр уд дин Лулу, принц Мосула; Ярослав, великий князь России; Послы Багдадского калифа; принц Королевства Ассасинов; и многие другие известные правители. Присутствовали также два монаха, прибывшие от папы римского, один из которых, Дю Плано Карпино, оставил нам отчет о Курултае, и сын Русудан.

Соперничество царя Грузии и сына Русудан привело к разделению их страны. Давид получил собственно Грузию, а сын Русудан - Имеретию, Мингрелию и Абхасию. Обоих мужчин называли царями, но Давид был сюзереном. Киликийский царь Хайтон, который послал Семпада, своего брата, присутствовать при возведении на престол Куюка, получил от Великого хана еще несколько городов, захваченных у Киликии султанами Рума.

В 1249 году в Багдаде поднялась новая тревога, поскольку монголы продвинулись к Дакуке и убили префекта Бильбана. В 1250-1250 годах Нассир, принц Дамаска, получил охранную грамоту от Великого хана и носил ее на поясе. Великолепные подарки были доказательством его благодарности и удовольствия. Земли между Евфратом и Тигром снова посетили монголы. Районы Диарбекр и Маяфаркин, а также Рисейн и Сарудж были отданы на разграбление. Захватчики вырезали в этом набеге более десяти тысяч человек. Караван, отправившийся из Харрана в Багдад, подвергся нападению монголов, которые вырезали в нем всех до единого. Они захватили большую добычу; среди прочего, они получили из Египта шестьсот верблюдов, нагруженных сахаром и тканями, а также шестьсот тысяч динаров деньгами. После такого великолепного ограбления они вернулись в Хелат, чтобы развлечься.

Корпус под командованием Яссаура, который за восемь лет до этого нанес удар по Малаттии, теперь атаковал окрестности этого города и перебил всех[181]людей, до которых смог дотянуться с оружием. Кей Косру умер в 1245 году. Изз уд дин Кей Кавус и два его брата, Рокн уд дин Келидж Арслан и Алай уд дин Кей Кубад, наследовали своему отцу. Имена всех троих фигурировали на монетах и упоминались в мечетях на общественных службах. Некоторые знатные вельможи Рума пожелали, чтобы Рокн уд дин стал верховным правителем. Шемс уд дин из Исфахана, великий визирь, предал смерти многих из этих приверженцев. Он женился на матери Изз уд дина и, желая устранить Рокн уд дина, отправил его ко двору Куюка с данью и подарками, оговоренными в недавно заключенном договоре о подчинении.

Когда Рокн уд дин появился при дворе Великого хана, он и офицер из его свиты, Бехай уд дин Терджуман, обвинили визиря в убийстве влиятельных людей, которые поддерживали Рокн уд дина, в женитьбе на вдове покойного султана и возведении монарха на трон без согласия или приказа Великого хана. Услышав это заявление, Куюк приказал, чтобы Рокн уд дин занял место Изз уд дина, а Терджуман занял пост Шемс уд дина. Когда последний услышал об этой перемене, он отправил к Куюку, Рашид ад-дину, префекту Малаттии, много золота и драгоценных камней. Новый порядок уничтожил его, и теперь он надеялся, что Великий хан отменит его. Но когда его посланник приближался к Эрзеруму, новоиспеченный султан со своим визирем приближались к этому городу. Подавленный величию своей задачи, слабый посланник поместил свои сокровища в крепость Кемаш и со всех ног бежал в Алеппо. Терджуман очень быстро появился в Малаттии с двумя тысячами монголов и провозгласил нового султана.

Шемс уд дин хотел отвезти Изз уд дина на морское побережье из Конии, но его схватили и держали в плену прежде, чем он успел это сделать. Затем Терджуман послал монголов в Конью, чтобы попытаться этого активного визиря и таким образом узнать, где спрятаны его сокровища; в конце концов, этими людьми он был убит.

Тем временем было решено, что Рум должна достаться обоим братьям. Все, что лежало к западу от Сиваса, было отдано Изз уд-дину, а все, что находилось к востоку от этой реки, перешло к Рокн уд-дину, но чиновники последнего пожелали, чтобы он получил все, что Куюк дал ему первым. Сторонники Изз уд дина заявили, что их государь покорился воле Великого хана и примет любое уделение, которое может дать ему его брат. Рокн уд дин поверил этому заявлению [182]и отправился на место встречи. Он был схвачен вместе со своим визирем и доставлен в Конью. Однако ему не причинили никакого вреда. Изз уд дин присоединил к суверенитету Алай уд дина своего третьего брата.

Куюк умер в 1248 году; его преемник Мангу вступил в должность в июле 1251 года. В 1254 году, через три года после возвышения Мангу, Изз уд-дина призвали в Монголию, но он побоялся отлучиться, зная, что у Рокн уд-дина много сторонников, поэтому он решил послать Алай уд-дина, третьего брата, который отправился со многими подарками путешествовать вдоль Черного моря и границ Кипчака. Изз уд дин просил прощения у Мангу за то, что послал своего собственного младшего брата вместо того, чтобы явиться лично. По его словам, он очень сожалеет об этом, но был вынужден остаться и защищать свои владения от греков и армян, своих самых непримиримых врагов; однако он надеялся вскоре лично выразить почтение.

Сторонники Рокн уд дина теперь искали средства поддержать притязания своего повелителя в присутствии Великого хана. Они подделали письмо Изз уд-дина к Тарантаю и его коллеге, в

котором султан приказывал передать Алай уд-дина и подарки канцлеру Шемс уд-дину и эмиру Сейф уд-дину Джалишу, подателям писем, которые отправятся с принцем в Монголию. Тарантай и его коллега были вызваны в Конью.

Эмир и канцлер отправились с этим письмом и настигли Алай уд-дина в Сарае, столице Бату. Бату дал им аудиенцию, и они объяснили ему, как Изз уд-дин раскрыл коварный замысел Тарантая, а также его коллеги. Однажды, как они сказали, Тарантай был поражен молнией, поэтому ему не следовало находиться в присутствии Мангу. Шуджа эд-дин, его сподвижник, был пиявкой, очень искусной во всех видах магии, и у него был с собой яд, чтобы использовать его для уничтожения Великого хана; поэтому султан послал их заменить тех двух посланников, которые должны были немедленно вернуться в Конию.

Бату приказал обыскать вещи послов; среди прочего, в них были обнаружены корешки скамmoni. Они приказали Шудже проглотить наркотики, которые были в его багаже. Он проглотил части каждого из них, кроме скамmoni. Бату подумал, что последнее - яд, но его врач объявил, что это растение используется в медицине. После этого хан решил, что Алай уд-дин должен отправиться с новыми послами, в то время как двое других должны взять с собой подарки.

Каждый отряд пошел своим путем. Алай ад-дин умер в пути. [183]Когда они прибыли ко двору Мангу, противоборствующие чиновники защищали каждый свое дело. Великий хан решил, что Рум должен быть отдан обоим братьям: Изз уд-дину достанется все к западу от Сиваса, а Рокн уд-дину - все, что лежало к востоку от этой реки, вплоть до границы с Эрзерумом. Была установлена дань, которую каждый султан должен был вносить ежегодно.

После того, как Алай уд-дин отправился в Монголию, партизаны Рокн уд-дина, думая, что Изз уд-дин хочет избавиться от этого брата, заставили его ускользнуть из столицы, где за ним следили агенты. Он отправился в Кесарию, собрал там войска и повел их в Конию, где, потерпев поражение в битве, был схвачен и заключен в тюрьму.

В 1255 году, год спустя, Байджу, недовольный медлительностью Изз уд-дина с данью, вошел в Рум, выступил маршем против Конии и встретил войска султана между Ак Сераем и столицей, где рассеял их. Изз уд-дин бежал и нашел убежище в крепости Анталия.

Затем Байджу вызволил Рокн уд-дина из тюрьмы и назначил его султаном во всех провинциях Рума. Изз уд-дин бежал во второй раз и нашел убежище у византийского императора, который посещал Сарды. Этот император, Теодор Ласкарис, опасаясь приверженцев Рокн уд-дина, а также монголов, посоветовал бежавшему султану вернуться в свое королевство. Изз уд-дин последовал совету и предложил подчиниться Хулагу, который поддержал разделение Рума между двумя братьями.

Когда Мангу стал великим ханом в 1251 году, киликийский царь Хайтон умолял Бату рекомендовать его новому монгольскому правителю. Бату дал ему такой мудрый совет: "Отправляйся в Мангу и остановись по дороге, чтобы посоветоваться со мной". Армянин, встревоженный длительностью путешествия и зная, что в его отсутствие со страной может случиться беда, побоялся покидать ее. Тем временем сборщик налогов Аргун с огромной ордой помощников-мусульман появился в Армении. Эти люди причинили огромные трудности христианам. "Те, кто не мог заплатить," заявляет армянский историк, - подвергались пыткам. Владельцы земли были изгнаны со своих мест, их дети и женщины были проданы в рабство.

Любой человек, пытавшийся эмигрировать и пойманный на месте преступления, был раздет, избит и разорван на куски разъяренными собаками, которых держали специально для этой цели”.

Король, узнав об этих жестоких деяниях в Армении, решил отправиться к великому хану и заступиться за народ своей страны, [184]но смерть его королевы Изабеллы задержала его. Наконец в 1254 году он отправился в путь и, переодевшись, пересек Малую Азию. Он прошел через Дербенд ко двору Бату и к двору Сартака, сына Бату, о котором тогда говорили, что он христианин. Из Орды Бату он потратил пять месяцев, чтобы добраться до Мангу, который принял его с отличием. Королю были выданы патенты. Они должны были послужить защитой ему и его стране, а также хартией свободы церкви в Армении. Он оставался при дворе пятьдесят дней и вернулся в 1255 году в Киликию через Мавераннахр и Персию. В это время прибыл Хулагу со своей армией.

Велики были разрушения, произведенные монголами в Малой Азии между смертью Джелал ад-дина и приходом Хулагу. Велики также были разрушения, причиненные Джелалом в ходе его различных приключений. Хотя армия Чормагуна и армия под командованием Байджу значительно уступали войскам князей Западной Азии, разногласия этих князей были настолько безнадежны, а их жалкие корыстолюбивые устремления столь жалки и ничтожны, что враг обрек большинство из них на смерть или покорность, а тысячи и тысячи людей - на уничтожение или пытки.

После того, как Чингисхан вернулся с запада в Монголию, его старший сын Джучи оставил Чин Тимура в Кваресме в качестве наместника. Когда Уготай послал Чормагуна против Джелал ад-дина, Чин Тимуру было приказано выступить с войсками Кварезма и нести охрану в Хорасане, пока Чормагун уничтожал султана. Чин Тимур остался в Хорасане в качестве губернатора, имея в качестве коллег четырех офицеров, назначенных главами четырех групп в семье Чингисхана, а именно: Келилат Великим ханом; Нуссал Бату; Кул Тога Джагатаем и Тунга вдовой и сыновьями Тулуя. Эти страны к западу от Мавераннахра и к югу от него были безраздельным наследством семьи Чингисхана. Несмотря на все ужасы, творимые в Хорасане, там все еще оставалось кое-что для разграбления. Многие районы бежали из-за добровольного подчинения, и при своем первом появлении монголы не знали точно ценности сокровищ, но Чин Тимур знал цену драгоценностям и золоту и стремился заполучить их. Он пытал людей, чтобы они раскрыли спрятанные богатства, и, узнав, где они находятся, он очень быстро убивал их. Тем немногим, кого пощадили, пришлось выкупать свои дома. Кроме того, было еще одно несчастье. Кваресмийские банды активно разоряли [185]Хорасан. Они убили всех префектов, которых монгольский полководец Чормагун разослал по разным местам, а также разыскали и убили кваресмийцев, которые были верны монголам. Эти отряды были частями корпуса канкали, насчитывавшего десять тысяч человек или около того, которые занимали главным образом горы Тус и Нишапур. Командовали ими Тоган Сангур и Караджа, два лейтенанта Джелал ад-дина.

Чин Тимур трижды атаковал этих канкали, но не овладел ими и не сокрушил их. Наконец, Келилат, его наместник, добился успеха в Себзеваре после трех дней отчаянных боев. В этой битве он потерял две тысячи воинов. Караджа бежал в страну Сиджистан, чтобы спастись, в то время как Сангур искал убежища в горах Кухистана. Три тысячи канкали отправились в поисках безопасности в Герат. Келилат послал четыре тысячи всадников, чтобы покончить с ними. После трех дней тяжелой борьбы эти четыре тысячи ворвались в большую мечеть, где три

тысячи надеялись найти убежище, и там каждый человек погиб от меча. Конечно, нападавшие понесли тяжелые потери.

Саир Бахадур, командовавший в Бадгисе, получил от Великого хана приказ выступить против Караджа и предать огню и мечу всех мятежников. Он был в пути, когда услышал, что Караджа, побежденный Келилатом, заперся в Арак-Сеистане. Саир вложил деньги в это место, но только после двух лет тяжелого труда он получил его.

Этот генерал теперь сообщил Чин Тимуру, что Великий хан передал ему Хорасан для управления и что он, Чин Тимур, больше не имеет власти в этой стране.

Чин Тимур упрекнул Келилата в поисках тех районов Хорасана, которые восстанавливались после разорения и жители которых были невиновны в бесчинствах Караджи, и предупредил Саира, что он отправляет донесение Великому хану через офицера и будет ждать его приказов. Тем временем Чин Тимур и другие получили от Чормагуна приказ выступить со своими войсками и присоединиться к нему, оставив Мазандеран и Хорасан Саиру Бахадuru. Чин Тимур после этого посоветовался со своими офицерами. Наконец было решено, что Келилат отправится в Уготай и получит Мазандеран и Хорасан для Чин Тимура. Поскольку этот офицер служил непосредственно великому хану, он был выбран как лучший человек для выполнения этой миссии. Чтобы добиться хорошего слушания, он отобрал из этих двух[186] великих областей различных мелких князьков, которые выразили свое подчинение.

Теперь Кара Курум впервые увидел принцев Ирана. Когда Уготай услышал об их приезде, он был очень рад. Он сравнил методы Чин Тимура с действиями Чормагуна. Чормагун, хозяин богатых и обширных стран, никогда не посылал к своему государю даже одного из вассальных правителей. Чин Тимур был назначен губернатором, и с ним был связан Келилат; оба были свободны от Чормагуна и любого другого командующего. Уготай устраивал пиры в честь персидских принцев, своих вассалов. Он оказал им много знаков высокого расположения, и когда они уходили, он утвердил каждого из них в его собственном регионе.

Чин Тимур назначил шерифа уд дина из Кваресма своим хранителем печати, а Бехай уд дина Джувейни министром финансов. У каждого из командующих войсками, принадлежащими к трем другим ветвям семьи Чингисхана, был агент в министерстве финансов.

Чин Тимура, умершего в 1235 году, сменил Нуссал, монгольский военачальник, которому было почти сто лет, когда он вступил в должность, и вскоре он уступил место Кургузу, канцлеру и фавориту Чин Тимура. Говорят, что Кургуз честно и хорошо организовал дела Хорасана и подавил целый легион финансовых вымогателей. Это, конечно, нажило ему врагов, среди которых были шериф уд-дин, визирь, и Келилат, военачальник, которые работали при дворе Уготая, чтобы уничтожить его.

Кургуз был уйгуром и буддистом и возвысился в основном благодаря заслугам. Родившийся в деревне недалеко от Бишбалика, столицы уйгуров, он в юности стремился овладеть уйгурским письмом и чистописанием. После этого он поступил на службу к офицеру, прикрепленному к принцу Джучи. Однажды, когда принц был на охоте, ему принесли письмо от его отца. Ни один из его секретарей не присутствовал, поэтому были предприняты поиски человека, умеющего читать по-уйгурски. Привели Кургуза, и он прочитал письмо Чингисхана Джучи; он был единственным человеком в этом отряде, который мог его прочесть. Затем Джучи взял его к себе на службу. Поскольку у него был прекрасный почерк, Кургуза послали учить грамоте детей

Джучи, чем он и занимался до тех пор, пока Чин Тимур не стал губернатором Хорасана. Затем Кургуз был прикреплен к нему в качестве секретаря; вскоре он завоевал его доверие и был назначен министром. Он сохранил свой[187]пост при Нуссале, но был вызван в Монголию для объяснения дел Хорасана. Данишменд Хаджи, враг Чинкай, министра Уготая и особого друга Кургуза, в то время трудился над тем, чтобы поставить Онгу Тимура, сына Чин Тимура, на место, которое раньше занимал его отец, в то время как Чинкай прилагал все усилия, чтобы сделать Кургуза хозяином, поэтому, выбрав момент, когда он был наедине с великим ханом, Чинкай объяснил, что вожди Хорасана хотели, чтобы Кургуз управлял их страной, и он получил распоряжение от Уготая, по которому Кургуз был отправлен в отставку. собрать на время все налоги и провести перепись населения Мазандерана и Хорасана. Пока выполнялась эта работа, никто не должен был беспокоить его ни по какому поводу. Если Кургуз выполнит свою работу хорошо, он будет вознагражден.

Кургуз вернулся в Хорасан с этим патентом и энергично приступил к работе. Нуссал, отстраненный от должности этим документом, был стар и совершенно бессилён, но Келилат, его помощник, будучи человеком способным и крайне амбициозным, поднял свой голос против. Кургуз показал свой патент: “Вот приказ, чтобы никто не мешал мне работать”. В тот день Келилат не нашел ответа. Кургуз реорганизовал Мазандеран и Хорасан, уничтожив при этом целую армию вымогателей и тиранов.

Тем временем визирь Шериф уд-дин и Келилат, которые были бессильны против патента Уготая, а Кургуз с его сильной волей и целеустремленностью настойчиво убеждали Онгу просить место его отца. Визирь, притворяясь близким другом Кургуза, поднимал против него все возможные силы. Пораженный этими попытками, Онгу отправил племянника к Уготаю с ложными обвинениями, изобличающими Кургуза. Эти обвинения были активно поддержаны всеми, кто был враждебен Чинкаю. Теперь Уготай послал Аргуна с двумя другими на разведку и доложил ему. Кургуз, узнав, что Онгу отправил агента к Уготаю, отправился сам, чтобы объяснить ситуацию, оставив Бехай уд дина управлять в его отсутствие. В Тенаките он столкнулся с членами комиссии Аргуна, которые заявили, что он должен вернуться в Тас вместе с ними. Он отказался. После этого произошло насилие, и он потерял один зуб в ходе личной встречи. Он вернулся, но перед тем, как отправиться в путь, ночью послал к Уготаю верного друга с одной из своих одежд, испачканной кровью.

Когда комиссия прибыла в Хорасан, командующие [188]войсками Келилата, Онгу и Нуссала изгнали из резиденции Кургуза его секретарей и других помощников. Сам Кургуз хотел просто удержать этот пост до тех пор, пока его посланец не вернется из Монголии. Наконец этот человек пришел с приказом гражданским и военным начальникам изложить каждому свое дело перед Уготаем, которого привела в ярость окровавленная одежда.

Кургуз передал этот приказ своим врагам и сразу же отправился в путь, не дожидаясь их ответов. С ним отправилось много выдающихся людей. Келилат, Онгу и другие быстро последовали за ними, и обе группы достигли Бухары одновременно. Во время пира, который устроил для них губернатор, Келилат был убит.

Когда противники достигли столицы Уготая, великий хан пожелал отобедать в красивом шатре, который только что подарил ему Онгу. После трапезы он вышел на несколько минут, намереваясь вернуться, но как только он вышел из павильона, порыв ветра опрокинул его.

Великий хан, охваченный досадой и суеверием, приказал немедленно разорвать шатер на куски.

Несколько дней спустя была установлена палатка, которую Кургуз передал Уготай вместе со своим содержимым. Внутри были выставлены любопытные вещи многих видов и большой ценности; все это были подарки Великому хану. Среди других предметов был пояс, украшенный камнями, известными как яркан. Когда Уготай надел этот пояс, он избавился от боли в поясице, которая его несколько беспокоила. В тот день он много выпил и был в отличном настроении. Кургуз мог считать свое дело победоносным. Чинкай, его защитник, был назначен вместе с другими уйгурами для проверки всех заявлений соперников. С одной стороны, был Кургуз, которому помогали ценные люди, занимавшие высокое положение и состоятельные; сам он обладал большой проницательностью. С другой стороны, после смерти Келилата остались только сыновья этого генерала, которые были еще маленькими детьми, и Онгу, молодой человек, лишенный опыта. Но по прошествии нескольких месяцев дело все еще не было решено. Уготай, желая мира между двумя соперниками, приказал Онгу и Кургузу жить в одном шатре и пить из одного кубка. Были приняты меры к изъятию всего оружия. Этот план оказался безрезультатным, и Чинкай со своими помощниками доложили об этом государю.

Уготай собрал перед собой представителей обеих сторон. Когда он допросил каждую из них, он осудил как Онгу, так и его сторонников. [189]“Но, - сказал он Онгу, - поскольку ты под началом Бату, я передам все дело ему; именно он накажет тебя”.

Чинкай, сжалившись над Онгу, подошел к нему, что-то прошептал, а затем громко обратился к Великому хану: “Онгу Тимур сказал мне это. ‘ Великий хан выше Бату. Должен ли такой пес, как я, заставлять этих двухгосударей совещаться? Пусть Великий хан решит мою судьбу; он может решить это в одно мгновение”.

“Твои слова мудры, - ответил Уготай. - Бату не простил бы своего собственного сына, если бы тот поступил так, как ты”.

Приверженцы Онгу были наказаны. Некоторых немедленно избили, в то время как других отдали Кургузу с пожеланием, чтобы он надел кан на каждого из них, и все они должны были вернуться с победителем. “Пусть они узнают, ” сказал Великий хан, “ что, согласно Яссе и справедливости Чингисхана, клевета влечет за собой смерть ради примера, но поскольку их ожидают дети и жены, я дарую жизнь этим людям, если они не нанесут оскорбление во второй раз. Но скажи также Кургузу, что он, как и те, кто наказан, также является моим слугой, и если он питает ненависть к кому-либо, он сам будет подвергнут наказанию”. После этого он передал Кургузу власть над всеми землями к югу и западу от Окса.

Персидские лорды также просили патенты, но Кургуз убедил Чинкай, что если другие получают какие-либо патенты, они обретут независимость от губернатора. Тогда было решено, что не следует выдавать никаких патентов, кроме того, который выдан Кургузу.

Шериф уд-дин продолжал вести двойную игру; он притворялся другом Кургуза, в то время как тайно работал как враг. Заметив действия Уготая, сторонник Онгу передал Кургузу некие бумаги, написанные собственноручно Шерифом, которые доказывали, что все недавние неприятности были делом рук этого мошенника. Узнав об этом, Уготай не пожелал, чтобы визирь возвращался в Персию, чтобы тот не пострадал от Кургуза. Шериф был рад сбежать, но какой-то друг предупредил Кургуза, чтобы он не упускал из виду врага, который воспользуется первым

шансом уничтожить его. Кургуз получил разрешение взять с собой шерифа, присутствие которого, по его словам, было важно. Налоги еще не были доставлены в Хорасан, и сборщики могли бы взыскать часть из них с шерифа в его отсутствие.

Кургуз вернулся в Тус и поселился там. Он немедленно созвал главарей Хорасана и Ирака, а также монгольских военачальников и отметил свое прихождение к[190]власти празднеством, длившимся несколько дней, во время которого были изданы новые указы.

Он послал своего сына с финансовыми чиновниками отобрать у офицеров Чормагуна контроль над районами в Азербайджане и Ираке, которые они разоряли поборами. Каждый нойон, каждый офицер обладал абсолютной властью в том регионе или городе, где он действовал, и захватывал для себя основной доход казны. Эти мелкие деспоты потеряли свои места и были вынуждены восстанавливать даже крупные суммы денег.

Кургуз защищал жизни и имущество персов от монгольских офицеров, которые теперь не могли склонить головы людей при встрече с ними. Воин потерял способность досаждать мирным людям на дорогах, по которым он шел. Кургуза боялись и уважали. Он снова поднял Тус из руин. Накануне его прихода в его пределах было всего пятьдесят населенных домов. Когда он выбрал ее в качестве резиденции, персидские вельможи переехали жить в эту столицу, и в течение недели земля подорожала в сто раз.

Герат тоже возник из пепла и обломков. После разграбления этого города в 1222 году на его месте проживало очень мало людей, но в 1236 году, когда Уготай приказал возродить Хорасан, планировалось вновь заселить Герат, когда-то такой процветающий. Эмир Изз уд-дин, которого Тулуй с тысячей семей перевез в Бишбалик из Герата, теперь получил приказ вернуться с десятой частью своих сторонников. Сначала этим людям было очень трудно добывать средства к существованию из-за нехватки тяглового скота. Мужчин всех рангов приходилось тянуть плуги на манер волов. Земледельцы были вынуждены орошать землю из горшков с водой, все каналы были засорены и разрушены. Когда был собран первый урожай, были выбраны двадцать сильных мужчин, которые должны были доставить каждые двадцать мен хлопка в страну афганцев и продать его. Они так и сделали и привезли с собой орудия для обработки почвы.

В 1241 году вожди этого поселения послали к Великому хану за новыми людьми. По истечении пяти месяцев к Герату добавилось двести новых семей. Перепись населения, проведенная в следующем году, показала, что в городе проживает шесть тысяч девятьсот человек. В последующие годы рост стал быстрым.

По прибытии в Тус Кургуз наложил канг на своего врага шерифа. Впоследствии он вытянул из него признания, которые были направлены в[191]суд Монголии. Его гонец узнал по дороге, что великий хан мертв. Кургуз сам взялся объяснить всю систему, введенную им недавно в Персии. Проезжая через Мавераннахр, он поссорился с одним из приближенных Джагатая. Пригрозив подать жалобу вдове этого принца, он ответил, что ему все равно. Этот ответ, адресованный вдове, вызвал гнев и острую ненависть. Встревоженный ссорой и известием о смерти Уготая, лишившегося защиты, он решил, что лучше всего повернуть назад, и так и сделал.

Тем временем жена Шерифа немедленно отправила людей к принцам Чингисхана, умоляя защитить ее мужа. Эти посланцы были схвачены по дороге, за исключением одного из них. Этот человек сбежал и добрался до Улуг-Иффа, главной резиденции Джагатая, жены и сыновья которого послали Аргуна с приказом доставить им Кургуза по его собственной воле или, если

понадобится, вопреки ему. Услышав этот приказ, Кургуз, передавший шерифа префекту Себзевара, который должен был убить его, немедленно отдал приказ приостановить казнь. Когда Аргун был уже на подходе, Кургуз нашел убежище на складе. Поскольку губернатор не сдавался добровольно, Аргуну потребовалась помощь окружных командиров, и он ее получил. Все эти люди были врагами Кургуза с тех пор, как он боролся с их злоупотреблениями. Когда они были готовы ворваться и схватить его, он распахнул ворота, заявив, что он не враг.

Кургуза отвели к сыновьям Джагатая и обследовали. После этого его отправили ко двору Туракины, вдовы Уготая, которая была регентом в Монголии. Чинкай, его покровитель, исчез. Он бежал от ненависти регента, которую интрига несправедливо возбудила против него. В довершение своего несчастья, губернатор Персии остался без гроша в кармане, следовательно, не имел возможности доказать его невиновность. По приказу регента он был отправлен обратно к сыновьям Джагатая, чтобы они судили его. Он прямо отвечал на все вопросы, которые они ему задавали, тем не менее, Кара Хулагу приговорил губернатора к смертной казни. Тогда его рот был набит землей, и таким образом они задушили и убили его.

После смерти Кургуза у Шерифа появился шанс проявить себя, и он это сделал; он пообещал собрать четыре тысячи балишей, причитающихся, как он заявил, Мазандерану и Хорасану. Этот шериф, совсем недавно приговоренный Кургузом к смерти, был сыном привратника из Кварезма. Он стал пажом губернатора страны, [192]который выбрал его из-за его личной красоты. Когда Чин Тимуру было приказано войти в Хорасан и помочь Чормагуну в этой стране, ему понадобился секретарь. Ни один человек не пожелал занять этот пост, потому что занимающий его должен действовать против мусульман, и исход этого предприятия казался сомнительным. Губернатор Кварезма, чьи чувства остыли к шерифу, который к тому времени утратил юношескую свежесть и исполнял только обязанности секретаря, передал его Чин Тимуру. Шериф уже выучил монгольский язык, и, поскольку он был единственным человеком, способным переводить, все дела проходили через его руки, и он стал очень важным человеком.

Когда Аргун отправился в качестве губернатора в Хорасан, многие агенты регента Туракины отправились вместе с ним. Их он оставил в провинции собирать подати, а сам отправился в Азербайджан и Ирак, чтобы спасти эти страны от монгольских военачальников, которые действовали так, как будто все завоевание было совершено только ими и исключительно ради их личной выгоды. В Тебризе он принял послов из Рума и Сирии, которые умоляли его о защите. Он послал людей в эти страны собирать дань.

Все это время шериф, получивший от Аргуна полную свободу действий, с беспримерной дерзостью и жестокостью взимал налоги с людей. Каждый коллекционер был связан и проинструктирован не щадить ни одного человека. Чтобы вытянуть из жертв все, что было в человеческих силах, вооруженные воины гарнизона были расквартированы по домам; людей хватали и сажали в тюрьмы, держали без еды и даже воды, более того, их пытали. Мусульманские улемы, освобожденные от всякой дани монголам и к которым до сих пор относились с уважением, пришли просить пощады для себя и для других. Вдовы и сироты, на которых не распространялись законы Джингиса и Мухаммеда, приходили умолять о простой справедливости. К этим людям относились с величайшим презрением, и помощники шерифа пренебрегали ими. Мужчины закладывали в Тебризе своих собственных детей, а иногда продавали их, чтобы найти средства для уплаты налогов. Один коллекционер, войдя в дом, где

лежал мертвый человек для погребения, и не обнаружив другого имущества, на которое можно было бы наложить арест, снял с тела саван и забрал его.

Агенты Шерифа собрались в Райи после того, как проехали через Ирак в ходе своего грандиозного ограбления. Они приносили плоды своей безжалостной деятельности и вымогательства в главную мечеть и складывали их там грудями. Вьючных животных загнали в это здание,^[193] которое было священным для большинства людей. Затем были взяты ковры из мечети и разрезаны по размерам, которые подходили грабителям. В эти куски они завернули все собранные ими богатства и увезли их на спинах вьючных животных. К счастью для Персии и для большинства людей в ней, Шериф уд-дин встретил свою смерть несколько месяцев спустя (1244).

Аргун, как представляется, сделал все, что мог, чтобы исправить эти злоупотребления. Он перечислил налоги, не уплаченные до смерти шерифа, и освободил всех, кто сидел в тюрьме за неуплату. Аргун был вызван на Курултай, который избрал Куюка, и там стало известно о серьезных злоупотреблениях. После смерти Уготая различные принцы из семьи Чингисхана отдали некоторым распоряжениям о доходах округов в Персии, а также другим распоряжениям об освобождении от налогов. Аргун собрал эти приказы и лично доставил их великому хану. Из всех подарков, преподнесенных Куюку, этот доставил ему наибольшее удовольствие. Приказы были отданы в присутствии принцев, которые их отдавали. Куюк продолжал править Аргуном в качестве правителя Персии, и те, к кому Аргун благоволил, получали любые должности, о которых он их просил.

По возвращении в Персию Аргун был великолепно принят в Мерве. Но очень скоро он увидел, что могущественные противники при дворе плетут интриги против него, поэтому он снова отправился в Монголию. По дороге он узнал о смерти Куюка и повернул назад, чтобы построить казармы для войск, посланных этим великим ханом для сокращения населения, еще не подвластного монголам. Теперь прибыли также агенты различных князей с распоряжениями о доходах на годы вперед. Это разорительное злоупотребление продолжалось до окончания междоусобицы.

Аргун попал ко двору только после избрания Мангу в июле 1251 года. Он жаловался на эти распоряжения о доходах и осуждал огромные орды чиновников, которые отправлялись их собирать. По его словам, эти люди жили за счет страны, и они ее разрушили. В конце концов было решено, что каждый житель Персии должен платить пропорционально своему имуществу. Этот налог варьировался от одного до десяти динаров и предназначался для содержания ополчения и почтовых маршрутов, а также посланников Великого хана. От людей больше ничего не требовалось.

Аргун сохранил свой высокий пост губернатора. Персия была разделена на четыре части; в каждой был наместник Аргуна. Злодеи были наказаны, по крайней мере, на время, и вот поразительный^[194] пример такой справедливости: Хиндуджак, генерал и вождь десяти тысяч человек, который без причины отнял жизнь у мелика Рума, был казнен, хотя и монголом, за воротами Туса по указанию Мангу. Его имущество, семья и рабы были разделены между четырьмя членами семьи Чингисхана.

Установив правление в Персии, Аргун по приказу Великого хана вернулся в Монголию, чтобы объяснить свою позицию.

Восточная Персия была передана Мангу в качестве феода мелику Шемс уд дину Мухаммеду Курту, хозяину замка Хиссар в Хорасане. Осман Мергани, его дед, был назначен губернатором этой крепости своим братом Омаром Мергани, всемогущим визирем Гиат уд дина из династии принцев Гур. Когда Осман умер, ему наследовал Абу Бекр. Абу Бекр женился на дочери Гиата уд-дина; от этого союза произошел мелик Шемс уд-дин Мухаммед, который в 1245 году потерял своего отца и унаследовал королевство Гур. Он отправился на Курултай и прибыл в день выборов. Он был представлен чиновниками Мангу, которые сообщили великому хану о заслугах отца и деда стоявшего тогда перед ним человека, не забывая, конечно, о высоких качествах самого Шемс уд дина.

Мангу с отличием принял Шемс уд дина и передал ему Герат и его владения, простиравшиеся от Окса до Инда, включая Мерв, Гур, Сейстан, Кабул и Афганистан. Мангу приказал, кроме того, чтобы Аргун доставил его агентам пятьдесят туманов в подарок.

На следующий день на личной аудиенции Великий хан подарил фавориту одежду со своих плеч, три таблички и предметы стоимостью в десять тысяч динаров: саблю из Индии, дубинку с насаженной на нее головой быка, боевой топор, копье и кинжал. Затем Шемс уд дин отправился в Герат в сопровождении одного из личных офицеров Великого хана. Прибыв в Персию, он свернул в сторону, чтобы обратиться с приветствием к Аргуну, которому были представлены приказы Мангу. Губернатор отнесся к нему с большим уважением и приказал передать своим агентам пятьдесят туманов.

Шемс уд дин правил в Герате как суверен и захватил множество крепостей в Афганистане, Гермсире и других местах.

Керман в то время принадлежал сыну Борака Хаджиба. Убив Гиат уд-дина, брата Джелал уд-дина, последнего шаха Персии, Борак попросил титул султана у калифа и [\[195\]](#)получил его. Кутлуг Султан - таково было имя, которое он дал себе. Когда Саир Бахадур осадил Сеистан во главе монгольского отряда, он призвал Борака проявить покорность великому хану и также предоставить войска. Борак заявил, что он мог бы занять это место со своими людьми, и монголы могли бы избавить себя от лишних хлопот. Его преклонный возраст, добавил он, помешал ему отправиться к великому хану, но вместо него туда отправится его сын.

На самом деле он послал Рокн уд дина Ходжу. Находясь по дороге в Монголию, этот молодой принц услышал о смерти своего отца и узурпации власти Кутбуддином, его собственным двоюродным братом. Однако он продолжил путешествие и был хорошо принят Уготаем, который, чтобы вознаградить его за то, что он проделал такой долгий путь, чтобы взглянуть в лицо Великому хану, подарил ему Керман, которым он должен был владеть в качестве вассала с титулом и именем своего отца, Кутлуг султана.

Теперь Кутб уд дин получил повестку явиться ко двору в Монголии. Вскоре после прибытия он был отправлен в Китай под командованием Елваджи. После смерти Уготая Кутб уд дин отправился на тот Курултай, на котором был избран Куюк, и стремился тогда заполучить Керман, но потерпел лишь неудачу. Министр Чинкаи был верным другом своего соперника, и ему самому было приказано вернуться в Елваджи. Вскоре после этого он отправился с этим губернатором из Китая на новый Курултай, который выбрал Мангу, от которого с помощью Елваджи он получил трон Кермана. Когда Кутб уд дин приближался к Керману, Рокн уд дин отбывал с сокровищами в

Лур, где попросил убежища у халифа. Калиф, не желая злить монголов, отказался от этого, и теперь Рокн уд дин решил отправиться ко двору Мангу, чтобы добиться справедливости.

Оба соперника были вызваны в суд Великого хана. Рокн уд дин проиграл свое дело и был передан своему двоюродному брату, который собственноручно сразил его и убил. Кутб уд дин правил Керманом до своей смерти в 1258 году. Он был сыном того самого Танигу, вероломного префекта Тараза при последнем правителе Кара-Китаи. Танигу был родным братом Борака Хаджиба.

Когда Хулагу пришел со своей армией в Персию, Кутб ад-дин встретил его в Джен-де, чтобы выразить почтение.

Таково было положение в Персии в 1254 году, когда Хулагу отправился в эту страну завоевывать, убивать и регулировать. Его самой первой задачей было искоренить и уничтожить исмаилитов, которые сформировали [196] знаменитое Горное содружество ассасинов, а затем он должен был привести к повиновению или погубить преемника Мухаммеда Аббасидского калифа в Багдаде.

Чтобы можно было понять важность этой экспедиции, необходимо дать краткий очерк происхождения и истории ассасинов. [197]

[Содержание]

ГЛАВА XI

СОДРУЖЕСТВО АССАСИНОВ И ЕГО УНИЧТОЖЕНИЕ МОНГОЛАМИ

Исмаилиты, позже известные своим врагам как Молахиды (потерянные), а впоследствии всей Европе как ассасины, были ответвлением одного из двух великих разделений, на которые разделился ислам после смерти Пророка в 632 году. Эти разногласия были вызваны проблемой поиска преемника Мухаммеда —халифа.

Основатель ислама умер, так и не сказав, кого он хотел бы видеть своим преемником. Первый из калифов, Абу Бекр, тесть Мухаммеда, был избран Мединой, против высказался только один голос. Абу Бекр на смертном одре назвал Омара, который был подтвержден жителями Медины в 634 году. Вторым калифом, будучи смертельно ранен убийцей, назначил выборщиков для выбора третьего калифа. Эти выборщики выбрали Османа, и когда он был убит повстанцами, Али, зять и двоюродный брат Мухаммеда, был избран Мединой напрямую. 656 год н.э.

Различные и запутанные причины привели к гражданской войне, за которой быстро последовала глубокая ненависть; после этого в Дамаске были избраны Муавия, губернатор Сирии, в качестве калифа для свержения Али, которого многие мусульмане не хотели признавать. Отец Муавии был одним из самых злейших врагов Пророка. Эту ненависть полностью разделял сын, который не оставил ничего незавершенного, чтобы максимально поднять Сирию против Али; он даже выставил окровавленную одежду Османа в главной мечети Дамаска. Ожесточенная, но ни к чему не приведшая битва при Сиффине между этими двумя калифами оказалась бесплодной; арбитраж относительно того, кто должен быть калифом, ничего не решил и никого не успокоил.

Затем последовала победа Египта Муавией в качестве первого Оммаяда Калифа. В настоящее время в исламе де-факто правят два калифа, [198]Муавия в Дамаске и Али в Куфе. В 661 году Али пал от руки наемного убийцы. Сын Али, Хасан, стал его преемником, но после шести месяцев правления подал в отставку и удалился в Медину, где одна из его многочисленных жен отравила его, подстрекаемая, как настаивали сторонники Али, Муавией. Теперь Муавия был единственным халифом ислама.

Выборы сопровождались опасностями; существовала опасность вспышек и резни. В трех случаях шансы были невелики, а четвертый выбор привел к ожесточенной войне. Три раза выборы проводились в Медине, и их проводили жители этого города; пятый раз - выборы Хасана в Куфе. Муавия был избран в Дамаске. Поскольку Медина больше не была настоящей столицей, она не могла избирать калифа или утверждать его. Выборы должны проводиться в главном месте правления, если вообще где-либо.

Проблемы, подобные тем, которые последовали за избранием Али, могут повториться в будущем и поставить под угрозу или даже прервать существование ислама. Система выборов была небезопасной в том беспокойном обществе. Чтобы избежать этих больших опасностей, Муавия планировал выбрать преемника, пока он сам еще правил. Его собственный сын Езид был кандидатом. Если бы он смог добиться для езида присяги на верность от большинства мусульман, он обеспечил бы власть своей семье и предотвратил бы оспаривание выборов. Проработав некоторое время с большим усердием и увлеченностью, Муавия добился успеха. Депутации от всех главных городов, а также от каждой провинции прибыли в Дамаск, чтобы исполнить скрытую волю Муавии.

Все эти делегации называли Езида наследником калифа и избрали его. Затем они дали клятву верности и почитания. Арабский Ирак и Сирия также присоединились к этой клятве.

Муавия отправился в два священных города, так сказать, в паломничество, но его великой целью правления было завоевать или заставить согласиться Медину и Мекку на недавние выборы. Главными инакомыслящими в Медине были Хусейн, сын Али, Абд ар-Рахман, сын Абу Бекра, и оба Абдаллаха, сыновья Омара и Зобейра. Муавия обошелся с ними так грубо, что, чтобы избежать обиды, они немедленно отбыли в Мекку. Остальные люди приняли езида и, не дожидаясь, принесли ему присягу. Затем Муавия отправился в Мекку, где вел себя мягко по отношению ко всем людям, но ближе к концу своего визита он заговорил с горожанами о наследнике Халифата. Был дан ответ, что избрание наследника противоречит прецедентному праву, но жители Мекки предложили принять любой из трех методов:[199]во-первых, выбор Пророка, который передал выборы Медине, или Абу Бекра, который выбрал калифа из числа курайшитов, или Омара, который назначил выборщиков выбирать кандидата из своей среды; калиф опустил, как Омар, своих сыновей и сыновей своего отца.

“Что касается самого раннего метода, - сказал Муавия, - то среди нас нет человека, подобного Абу Бекру, который был бы избран народом. Что касается двух других методов, я опасаясь кровопролития и борьбы, которые последуют, если вопрос о престолонаследии не будет решен при жизни калифа”.

Поскольку все его доводы оказались бессильны, Муавия созвал своих приближенных и заставил жителей Мекки на острие меча принести клятву верности езиду.

Примеру Сирии, Ирака и двух священных городов последовали по всей Империи, и впоследствии этот новый метод в значительной степени завоевал популярность.

Теория о присущем народу избирательном праве существовала в определенной форме, но это право не было реальным. На практике клятва верности давалась мечом вопреки любому отказу.

После правления Муавии калиф, находившийся у власти, провозгласил своим наследником или преемницей наиболее подходящего из всех своих сыновей — того, конечно, кто больше всего нравился ему. Ему как наследнику была дана клятва верности. Для повышения гарантии безопасности иногда создавались два наследника, один из которых избирался преемником другого. Этот метод, начатый линией Оммайед, был продолжен Аббасидами.

Муавия умер в 680 году. Наследовавший ему престол Езид заставил прежде всего принести присягу тех, кто отказался от нее в Медине. Сыновья Омара и Аббаса сразу же дали эту клятву, но Хусейн, сын Али, и сын Зобейра отправились в Мекку, прося времени подумать. Никто не осмеливался напасть на этот священный город с тех пор, как его захватил Мухаммед, и там в полной безопасности каждый заговорщик мог осуществить свой план против калифа или других людей.

Ибн Зобейр, как заметил Муавия, стремился к власти, но пока Хусейн был жив, он притворялся, что работает только на этого внука Пророка. Из Куфы Хусейну поступили предложения поддержки с советом немедленно явиться туда. Истинные друзья Хусейна в Мекке не поверили этим предложениям и пытались отговорить его от поездки, но Ибн Зобейр, который втайне горел желанием избавиться от этого соперника, всегда уговаривал его. В конце концов Хусейн сдался и отправился в Куфу. Муслим, его двоюродный брат, был послан вперед, чтобы подготовиться к [200]его приходу. Об этом шаге стало известно в Дамаске, поэтому Езид поспешно вызвал в Куфу Обейдаллаха, который в то время правил Буссорой сбезжалостной суровостью. Прибыв на место, он разыскал Муслима, который жил у Хани, приверженки семьи Алиитов.

Сначала большинство людей встало на сторону Хусейна и быстро восстало против Обейдаллаха. Они напали на него в его замке и были очень близки к тому, чтобы убить, но их пыл быстро остыл. Обейдаллах торжествовал, Муслим был схвачен и убит вместе со своей коллегой Хани.

Ближе к концу 680 года Хусейн выехал верхом из Мекки со своей семьей и небольшой группой последователей, все родственники. Когда он пересек пустыню и наступал на Куфу, до него дошло известие, что Муслим был убит. Возможно, тогда он повернул бы обратно в Мекку, но родственники Муслима требовали мести. Кроме того, оставалась безумная надежда, что те, кто пригласил его, наконец соберутся с силами; но каждый человек, которого он встречал, сообщал более мрачные вести.

Поэт Фараздал, недавно покинувший Куфу, мог предложить только такие слова: “Сердце города на твоей стороне, но его меч против тебя”.

Бедуины, всегда готовые к войне, шли к Хусейну, но когда они увидели, что его дело слабеет, они быстро отступили, и не осталось никого, кроме первоначальной партии. Случайный вождь, проезжавший на юг, посоветовал ему повернуть к холмам Сельма и к Адже. “Через десять дней, - сказал человек, - Бени Тай и двадцать тысяч копий над ними будут с тобой”.

“Как я мог увести этих детей и женщин в пустыню?” - спросил Хусейн. - “Я должен двигаться вперед”.

И он поскакал на север, пока перед ним не предстал большой отряд всадников из Куфы под командованием араба по имени Хорр.

“Мне был дан приказ, - сказал Хорр, - привести тебя к губернатору. Если ты не придешь, тогда иди налево или направо, но не возвращайся в Мекку”.

Оставив Куфу справа от себя, Хусейн повернул налево и двинулся на запад. Вскоре Обейдаллах послал второго человека, Амра, сына Сада, с четырьмя тысячами всадников и повесткой в суд. Теперь Хусейн разбил свой лагерь на равнине Кербела у реки, в двадцати пяти милях выше Куфы. Там он отрицал всякую мысль о враждебности [201] и был готов уступить, если бы мог выбрать одно из трех решений: “Позволь мне отправиться туда, откуда я пришел, или проводи меня к халифу Дамаска. Вложи мою руку в руку езида, позволь мне поговорить с ним лицом к лицу. Если нет, позволь мне отправиться далеко на войны и сражаться с врагами ислама”.

Обейдаллах настаивал на полной капитуляции и приказал Амру прекратить все подходы к реке, забрав таким образом воду у отряда. Хусейн, боявшийся смерти меньше, чем губернатор Куфы, выполнил его условия. Он даже привел Амра, чтобы тот убедил Обейдаллаха привести его к халифу. Вместо того чтобы согласиться, Обейдаллах послал некоего Шамира призвать к действию. “Хусейн, - сказал он, - мы должны немедленно доставить мертвых или живых в Куфу; если Амр будет медлить, Шамир должен сместить его”.

Затем Амр очень плотно окружил лагерь. Хусейн был готов сражаться насмерть, и сцены, представленные ниже, запечатлены в памяти верующих по сей день с невероятной живостью.

Хусейн получил день отсрочки, чтобы отправить свою семью и родичей, но ни один человек не покинул его.

10 октября 680 года обе стороны встретились лицом к лицу и начали переговоры. Предложение Хусейна было повторено, Обейдаллах отклонил его. Хусейн соскользнул со своего верблюда, его родственники собрались вокруг него, и весь отряд стал ждать. Со стороны нападавших из Куфы, наконец, прилетела стрела, которая положила начало борьбе десятков против тысяч. Один за другим братья, сыновья, племянники и двоюродные братья Хусейна падали рядом с ним. Ни один враг не нападал на Хусейна до тех пор, пока, измученный жаждой, он не повернул к реке, и Шамир отрезал его от своего народа; затем, сраженный стрелой, он был затоптан лошадьми. Приближенные Хусейна были убиты все до единого. Двое его сыновей погибли, а когда бой закончился, шестеро сыновей Али были убиты, также двое сыновей Хасана и шестеро потомков Абу Талиба, отца Али. Лагерь был разграблен, но живым не причинили никакого вреда, в основном женщинам и детям, которые вместе с семьюдесятью головами убитых были доставлены к Обейдалле. Дрожь пробежала по толпе людей, когда окровавленная голова внука Пророка была брошена к ногам губернатора. Когда он грубо перевернул голову своим посохом, какой-то старик крикнул ему: “Осторожно, это внук Пророка. Клянусь Господом, я видел, как эти губы целовали благословенные уста [202] Мухаммеда”. К сестре Хусейна, двум его маленьким сыновьям, Али Ашгару и Амру, и двум дочерям, единственным потомкам Хусейна, губернатор отнесся с видимым уважением и отправил голову их отца халифу. Йезид отрицал всякую причастность к этой трагедии. Семья Хусейна некоторое время жила в собственной резиденции халифа в Дамаске, а затем с почестями была отправлена в Медину, где их приезд вызвал бурю

горя и причитаний. Из-за множества предметов в этом городе день Кербелы казался ужасным. Зброшенные дома, в которых жили те павшие родственники Мухаммеда, осиротевшие маленькие дети и вдовы, придавали большую реальность каждому произнесенному слову. Эту историю плачущим паломникам в этом городе Пророка рассказали женщины и дети, которые собственными глазами смотрели на мертвых и умирающих и пережили день Кербелы. Эта история, повторявшаяся во многих местах, была дополнена новыми ужасами; пересказанная паломниками в их домах и по пути из Медины, она в конце концов распространилась по всем исламским деревням.

О праве линии Али на власть мало кто думал до той резни, но сострадание к потомкам Али, которые также были правнуками Мухаммеда, очень глубоко запало в умы людей после той ужасной резни на поле Кербела. Скорбная смерть внуков Пророка сильно затронула умы арабов и очаровала миллионы людей. Эта трагическая история в значительной степени помогла разрушить династию Оммайед, и когда благодаря ей и другим причинам Аббасиды пришли к власти и преследовали до смерти или изгнали потомков и родственников Муавии, та же самая история повлияла на Аббасидов и позволила поднять против них нацию в Персии и династию в Египте. Чувства мужчин по этому вопросу в исламе были настолько сильны, и так много людей благоволили потомкам Али, что Мамун, сын Харуна аль-Рашида, приложил усилия для объединения семей Алиитов и Аббасидов. Более того, учение персидских приверженцев Али оказало такое влияние, что они захватили этого калифа интеллектуально.

Во времена Мамуна мусульманский мир был в значительной степени пропитан идеями из Персии и Индии, а также греческими теориями и знаниями. К Корану относились так, как никогда раньше до этого периода. В ислам были принесены всевозможные мнения и системы. Плодом или результатом этих[203]учений стало время огромных волнений, и все они были связаны, как в жизни, так и в политике, взглядами, затрагивающими Али.

Некто Бабек, человек огромной энергии, появился в 816 году нашей эры как лидер в религии, практической жизни и управлении людьми, проповедуя безразличие действий и общность собственности. С помощью различных мистических доктрин, самым хитроумным образом смешанных с подстрекательством к грабежу, похоти и бесчестию, он сплотил множество людей под свои знамена и в течение целых двадцати лет посещал многие части Империи с разорением и резней. Он прочно обосновался в этих укрепленных горных местах к западу и югу от Каспия и оттуда сеял ужас в различных направлениях внезапными атаками, которые всегда сопровождались ужасным кровопролитием, пока, наконец, его силы не были в значительной степени разбиты и отброшены на запад.

В 835 году халиф Мотассим послал Афшина, одного из лучших среди всех своих турецких генералов, схватить этого заклятого врага и разрушителя любой ценой. Только после двух лет самых отчаянных боев и множества обманных уловок все опорные пункты Бабека были взяты, а его самого взяли в плен. Тысячи женщин и детей были уведены с ним и возвращены своим семьям; и все сокровища, которые в течение двух десятилетий собирал этот кровожадный обманщик, теперь перешли к турецкому генералу Афшину.

Бабек победил шестерых знаменитых генералов ислама и убил, по некоторым данным, миллион человек за двадцать лет восстания. Один из десяти его палачей заявил, что он один лишил жизни двадцать тысяч человек; настолько беспощадной была борьба между сторонниками Калифата и защитниками свободы и равенства.

Пленник был доставлен своим похитителем в Самиру в цепях и заключен там. Переодетый Мотассим отправился в тюрьму, чтобы посмотреть на этого демона Хорасана, этого “Шайтана” (сатану), как они его называли. Когда калиф достаточно насмотрелся на Бабека, пленника показали по городу в качестве зрелища и, наконец, привели во дворец, где Мотассим, окруженный своими воинами, приказал личному палачу Бабека отрубить руки и ноги его господину, а затем вонзить нож в его тело. Палач подчинился, Бабек тем временем улыбался, словно желая доказать свой собственный характер и правильность своей фамилии “Хурреми” (Радостный). Отрубленная голова была выставлена в[204]городах Хорасана, а тело насажено на кол возле дворца калифа.

В девятом веке, одновременно с этими ужасами, в Южной Персии, в Ахвасе, жил некий Абдаллах, отец которого, Маймун Кадда, и дед, Дайсан Дуалист, обучили его персидской политике и религии. Этот Абдаллах задумал широкую систему и спланировал великий проект по свержению арабского правления в своей стране и восстановлению древней веры и Персидской империи. Это повлекло за собой полное изменение структуры ислама и всех его нынешних идеалов. Он не мог объявить открытую войну общепринятой религии и династии, поскольку вся военная мощь находилась в их распоряжении; поэтому он решил тайно подорвать их авторитет.

Из Ахваса он отправился в Буссору, а затем в Сирию, где поселился в Салемии, откуда его учение распространялось Ахмедом, его сыном, двумя сыновьями этого Ахмеда, а также его дайями, людьми, каждый из которых выполнял различные обязанности шпиона, секретного агента и апостола. Самым активным из тех даев был Хусейн из Ахваса, который в провинции, столицей которой была Куфа, посвятил многих агентов в секреты восстания и извращения учения ислама. Среди этих агентов наиболее известным был один, известный позже как Кармат. Этот человек не замедлил проявить свой характер и принципы “через потоки крови и разрушение городов”. Толпы людей сплотились под его боевой клич.

Карматиты заявили, что ничто не запрещено, все является предметом безразличия, оправданным фактом своего существования, следовательно, не должно получать ни наказания, ни награды. Повеления Мухаммеда были произносимыми притчами, маскирующими политические максимы и предписания. Они отличались от учеников Абдаллаха тем, что начинали действовать немедленно и, в большинстве случаев, открыто, в то время как другие готовились к тому, что новый трон в исламе займет их собственный человек, истинный и ревностный единоведец.

Вспышка карматитов была более ужасной, непрерывной и затяжной, чем та, что началась двадцатью годами ранее Бабеком, и гораздо более опасной. Карматиты вели жестокие сражения на Востоке и Западе, в Ираке и Сирии. Они грабили караваны и уничтожали то, что находили, с тигриной яростью, если только это не было ценным и они не могли унести это с собой. Они напали[205]на священный город Мекку и захватили его в результате отчаянных боев. Более тридцати тысяч истинных мусульман были убиты при защите храма. Священный колодец Земзем был осквернен трупами, брошенными в него людьми, для которых не было ничего святого. Храм был сожжен, а черный священный камень Каабы, который во времена Авраама спустился с небес в Мекку, был увезен для выкупа за пятьдесят тысяч золотых монет двадцать два года спустя.

Это карматитское безумие, бушевавшее с интервалами в течение столетия и терзавшее большую часть ислама, было подавлено кровопролитием. Карматиты доказали порочность и безрассудство их метода. Теперь настал черед системы Абдаллаха.

Учение исмаилитов распространилось по Империи Мухаммеда и достигло даже Южной Аравии. Около 892 года некий Мухаммед Аль-Хабиб, утверждавший, что он происходит от Исмаила, сына Джаффара эс-Садика, послал некоего Абу Абдаллу на северное побережье Африки. Абу Абдаллах произвел большое впечатление на берберские племена, и его успех был настолько огромен, что они изгнали правившую тогда ими династию Аглабидов. Он возбудил ожидания в высшей степени, объявив о Махди, или непогрешимом наставнике для верующих. Затем он вызвал Обейдаллу, сына того самого Мухаммеда Аль-Хабиба, который отправил его в Африку.

Обейдаллах, после многих странных поступков и приключений, и, наконец, заключения, из которого его освободил Абу Абдаллах, был возведен на трон в 909 году и стал первым фатимидским¹ халифом в Махдии, своей новой столице недалеко от Туниса. Абу Абдаллах, успешный помощник и предшественник, был убит вскоре после этого по приказу Обейдаллаха, который был обязан ему властью, но теперь не желал его присутствия. Новый калиф, поскольку этот человек, конечно, знал много секретов, вполне мог подумать, что в раю ему безопаснее. Теперь Обейдаллах провозгласил себя единственным истинным калифом, потомком Пророка через свою дочь Фатиму, и стал опасным соперником Аббасидов. К 967 году его потомки завоевали Египет и Южную Сирию. Недалеко от Нила был построен укрепленный дворец, который называли Кахира.² Вокруг этого дворца вырос город, позже известный как Каир. [206]

В 991 году Алеппо был присоединен к империи Фатимидов, которая, начинаясь у реки Оронт и сирийской пустыни, простиралась до Марокко. Ввиду этого большого успеха и его опасности для Аббасидов мир теперь был проинформирован из Багдада о том, что династия Фатимидов была фальшивой; что первый калиф, возведенный в Махдии, не был потомком Пророка, он был просто сыном того Ахмеда, который был сыном Абдаллы, сына Маймуна Кадды, сына Дайсана Дуалиста, его мать была еврейкой. Следовательно, он был сыном того Ахмеда, чей эмиссар, Хусейн из Ахваса, вырастил и обучил отвратительного Кармата, преступления которого и последователей которого мучили весь ислам в течение столетия.

Это общество, или орден, собиравшийся в знаменитом Доме науки в Каире, день и ночь мечтал о власти и всегда боролся за ее завоевание. Власти он мог достичь, вытеснив Аббасидов, но не другим способом, следовательно, этот приказ был направлен на свержение Аббасидов. Он также постоянно распространял тайные доктрины своими Дайи (политическими и религиозными миссионерами). Благодаря этой деятельности Фатимиды поднимались. Тем временем Аббасиды терпели неудачу, пока эмир Бессассири, сторонник Фатимидов, не захватил и удерживал в течение одного года два высших знака владычества в исламе, монетный двор и кафедру в Багдаде от имени Мостансира калифа в Каире, и удерживал бы их гораздо дольше, если бы его карьера не была прервана в 1058 году Тогрулом, первым сельджукским султаном, который поспешил на помощь Аббасидам. Тем временем даи из Каира и их помощники заполнили своими трудами большую часть Азии.

Один из этих даев, Хасан Бен Сабах, основал секту Восточных исмаилитов, позже известную как ассасины. Этот Хасан был сыном Али, шиита из старого города Райи, который утверждал, что его отец, Сабах Хомайри, уехал из Куфы в Кум, а затем в Райи. Люди из Туса в Хорасане и другие настаивали на том, что его предки провели всю свою жизнь в Хорасане. Али, заподозренный в

ереси, дал лживые клятвы и признания, чтобы оправдать себя; поскольку его успех был лишь частичным, он стремился увеличить его, отправив своего сына Хасана в нишапурскую школу Моваффика, мудреца, которому в то время было восемьдесят лет, и первого ученого среди верующих суннитов.

Говорили, что этот мудрец приносил счастье и удачу всем, кого он наставлял. Его школу посещало множество людей, [207]и успехи его учеников вошли в поговорку. Среди его последних учеников были трое одноклассников, впоследствии ставших очень известными: Омар Хайям, астроном и поэт; Низам уль Мульк, первый государственный деятель того периода, и Хасан Бен Сабах, основавший секту на софизмах и государство на убийствах.

Честолюбие Хасана проявлялось с самого раннего возраста; еще учась в нишапурской школе, он связал обоим своих одноклассников обещанием. Сам Низам уль Мульк рассказывает эту историю: “Люди верят, ‘однажды заметил нам Хасан, - что ученикам нашего учителя обязательно повезет; давайте пообещаем, что, если успех посетит только одного из нас, этот избранник разделит его с двумя другими’. Мы обещали”. Много лет спустя, когда Низам уль Мульк был великим визирем Алп Арслана, султана сельджуков, он оказал Омару Хайяму искреннюю честь и дружбу и предложил ему звание второго визиря, которое поэт отклонил, но по его просьбе визирь ежегодно давал ему тысячу золотых монет вместо должности. С тех пор Омар Хайям получил возможность следовать своим наклонностям и совершать великие дела как астроном и поэт.

Хасан Бен Сабах продолжал жить в безвестности до смерти Алп Арслана в 1072 году.

Низам уль Мульк сохранил свой высокий пост при новом султани Мелик-шахе. Хасан Сабах пошел теперь к своему другу и, процитировав горькие слова из Корана, упрекнул его в забвении священных обещаний и упомянул об их соглашении в школьные годы. Визирь, который был добр, привел своего одноклассника к государю и снискал его расположение.

Хасан Сабах, упрекавший своего старого друга в вероломстве, вскоре завоевал большое влияние благодаря хитрости, притворной откровенности и лицемерию. Вскоре Мелик-шах часто вызывал его к себе, советовался с ним и следовал его советам. Вскоре Низам уль Мульк оказался под угрозой потери своего поста. Хасан решил погубить своего благодетеля и одноклассника; одним словом, вытеснить его. О каждом очевидном упущении великого человека извилистыми путями докладывали государю, который был вынужден усомниться в визире и испытать его. Самый болезненный удар из всех, по собственному заявлению Низама уль Мулька, был нанесен, когда Хасан пообещал за сорок дней завершить весь бюджет Империи. Низаму уль Мульку потребовалось в десять раз больше времени для родов. [208]

Мелик-шах выделил всех людей, которых призвал Хасан, и с их помощью работа была выполнена. Но победить визиря было нелегко; Низам уль Мульк изъяс некоторые страницы, поэтому бюджет Хасана был несовершенным. Он не мог объяснить, почему не хватало страниц, и он не мог восстановить их, поэтому несколько позже он внезапно обратился к Райи и к Исфакану. В последнем городе он скрывался в доме Абу Фазла, мэра, которого он обратил в свою веру и который стал его самым близким приверженцем.

Однажды в 1078 году, жалуясь на Низам-уль-Мулька и султана, Хасан добавил: “Если бы у меня было только двое друзей, обладающих нестигаемой верностью, я бы вскоре положил конец этому правлению турка и крестьянина (султана и визиря)”. Эти слова полностью описывают

прогноз Хассана и показывают зародыш создания Ассасина, который представлял собой хладнокровное убийство, тщательно обдуманное, продуманное с медлительностью, но исполненное внезапно. Абу Фазл не мог поверить этому заявлению и считал Хасана сумасшедшим. Чтобы восстановить свое душевное равновесие, он поставил перед собой на стол мясо и питье, смешанные с шафраном, который в то время в Персии считался травой, укрепляющей разум. Хасан сразу понял, что он имеет в виду, разозлился и не захотел оставаться дольше. Абу Фазл делал все возможное, чтобы задержать апостола убийства, но все усилия с его стороны были безрезультатны; Хасан быстро покинул Исфахан и уехал в Египет.

Исмаилитским тайнам атеизма и безнравственности Хасан Бен Сабах был обучен апостолом фатимидов в Персии. Он также долго и задушевно беседовал с другими людьми. Он знал все секреты Каира, был испытан и признан достойным распространять убеждения великого Дома Науки. Слава о его учености и дарованиях, а также о высоком положении, которое он занимал при дворе Мелик-шаха, шла впереди него. Мостансир желал оказать честь слуге, который мог бы помочь ему расширить свое господство. Поэтому глава нового Дома науки был отправлен на границу с приветствиями; гостю была выделена резиденция, в то время как через министров и высокопоставленных лиц он был осыпан милостями, пока в Египте внезапно не вспыхнула крупная ссора.

Мостансир объявил своего сына Несара своим преемником и наследником Калифата; вслед за этим возникла фракция. Во главе его стоял главнокомандующий военными силами. Он настаивал на том, что Мостали, другой сын Мостансира, был единственным, кто соответствовал [209] этому достоинству. Хасан был сторонником Несара, и это привело в ярость командира, который заключил Хасана в тюрьму в Дамiette. Едва апостол оказался в тюрьме, как в городе без видимой причины рухнула огромная башня. Пораженные и перепуганные люди увидели в этом происшествии чудо, совершенное Хасаном, поэтому его враги и поклонники немедленно присоединились к нему и перенесли его на судно, как раз готовое к отплытию в Западную Африку. Вскоре после начала поднялся шторм, который привел в ужас всех людей на корабле, кроме Хасана. Когда его спросили, почему он не встревожился, он ответил: “Наш Господь обещал, что мне не причинят вреда”. Вскоре после этого море успокоилось. Тогда все на борту обратились к Хасану, приняли его учение и стали преданными учениками. По мере продолжения плавания встречный ветер гнал судно в Сирию, где апостол сошел на берег и направился в Алеппо. Оттуда он отправился дальше, в Багдад, Исфахан, Йезд, Керман и многие другие места, с величайшим усердием публикуя свои доктрины.

В Дамегане Хасан провел три года и обратил множество новообращенных. Райи он не мог посетить, поскольку Низам уль Мульк приказал губернатору схватить его. Даи, обращенные Хасаном и прикрепленные к нему лично, отправились в Кирдкх и многие другие крепости и города в этом чудесном регионе. Теперь он проехал через Сари, Демавенд, Казвин и Дилем и, наконец, остановился в Аламуте.

Хусейн Каини, один из преданных и умелых даев Хасана, был отправлен некоторое время назад в Аламут, чтобы принести клятву верности Калифу Мостансиру. Большинство жителей уже принесли обычную присягу, но комендант Али Мехди, который удерживал крепость от имени Мелик-шаха, отказался, заявив, что он не признает духовного владычества никого, кроме багдадского калифа из рода Аббас, и не подчиняется никакому правителю, кроме Мелик-шаха из рода сельджуков. Затем Хасан предложил заплатить ему три тысячи дукатов за крепость, но

Мехди отказался от этой взятки. Сочтя все уговоры бесполезными, Хасан силой завладел ею, и Мехди был изгнан. Как бы для того, чтобы показать свое огромное влияние и авторитет, Хасан затем передал Мехди письмо Рейсу Мосафферу, коменданту крепости Кирдкух, с инструкцией выплатить Мехди три тысячи дукатов. Мехди, хорошо зная о доверии, оказанном Мосафферу сельджукским султаном, был поражен, когда ему[210]выплатили три тысячи дукатов. Тогда он узнал, что Мосаффер был преданным последователем Хасана Бен Сабаха и одним из его первых приверженцев.

Аламут³ был самым большим и крепким из пятидесяти замков в этой стране. Он был построен в 860 году Хасаном Бен Сейдом Бакери, и теперь, в 1090 году, им владел Хасан Сабах, который до сих пор тщетно искал крепость. Он сразу же начал возводить стены и валы вокруг своей крепости и приказал прорыть канал, который обеспечил бы водоснабжение. В окрестностях были разбиты сады, и вскоре жители занялись сельским хозяйством. Влиятельных людей в стране сельджуков Хасан завоевал, тайно поставив к ним на службу наемных убийц; тому, кто хотел в те дни погубить кого-либо, достаточно было обвинить его в попустительстве Хасану Бен Сабаху. Число осведомителей увеличилось, подозрение стало всеобщим. Мелик-шах не доверял своим самым близким соратникам и слугам, которых недоброжелательность или зависть стремились погубить. Но теперь эмир, которому Мелик-шах отдал Рудбар в удел, то есть весь регион, в котором Аламут был главной цитаделью, перекрыл все дороги к крепости и перекрыл все поставки. Жители были готовы покинуть это место, но Хасан заверил их, что фортуна скоро проявит к ним благосклонность, что и произошло на самом деле, и замку было присвоено название “Обитель удачи”. Мелик-шах, который до сих пор относился к исмаилитянам с презрением, теперь решил сокрушить их. Он приказал Арслану Ташу, своему эмиру, уничтожить Хасана Сабаха со всеми его сторонниками.

Хотя у Хасана было всего семьдесят человек и не так много еды, чтобы снабдить их, он защищал крепость с большим мужеством, пока Абу Али, его Дайи, не поспешил ночью с тремя сотнями человек. Они вместе с семьюдесятью солдатами гарнизона напали на осаждающих и рассеяли их.

Мелик-шах, сильно встревоженный этим поражением, послал войска из Хорасана против Хусейна Каини, главного агента Хасана Сабаха, который распространял ересь в провинции Кухистан. Хусейн отступил в замок в Мумине, где вскоре оказался в осаде и в не меньшей опасности, чем совсем недавно Хасан в Аламуте.

До этого времени Хасан действовал как политический агент и религиозный нунций от имени Мостансира, но теперь он увидел возможность закрепить власть за собой и не колебался. [211]Хорошо зная, что беззаконие народа привело к разрушению трона, он установил религиозную и политическую систему, основанную на атеизме и абсолютной свободе действий, которая стала принципом ассасинов, известным, однако, немногим и скрытым под покровом религии.

Хассан решил нанести свой первый мощный удар на этом этапе и начать свою карьеру сюрпризов. Он решил беспощадно избавляться от противников и наводить ужас на тех из своих врагов, кого оставил в живых. Его первой жертвой стал Низам уль Мульк, его одноклассник, друг и благодетель, государственный деятель, известный во всей половине Азии как главный визирь при трех сельджукских султанах, первый представитель их династии, человек глубокой мудрости и проницательности, чей *Трактат о принципах правления* был написан для Мелик-

шаха и принят в качестве его кодекса. В этом кодексе мудрый визирь в самых ясных выражениях объясняет обязанности государя. Мелик-шах, самый знаменитый и лучший из сельджукских султанов, умер три недели спустя (1092). Внезапная смерть этих двух великих людей наполнила Западную Азию ужасом. Визирь был убит федави Хасана Сабаха, или преданными помощниками. Мелик-шах умер от яда. О его потере сильно сожалели, поскольку он правил справедливо и сделал свою страну процветающей. Он был одновременно государственным деятелем и воином. Чтобы расширить торговлю, он построил мосты и каналы; чтобы обеспечить безопасность торговцев и всех, кто путешествовал, он возложил ответственность на каждую деревню и поселение за преступления, совершенные на их территории. Таким образом, все население помогало пресекать грабеж, одно из величайших зол того времени. Хасан положил заметное начало — он переполошил всю Азию.

Каковы были доктрины исмаилитов, которыми пользовался Хасан Бен Сабах?

Апостолы-исмаилиты, обучавшиеся в Доме науки в Каире, который был основан и развивался в интересах Фатимидов, обучали своим тайным доктринам нескольких избранных последователей. Эти доктрины передавались медленно и со многими предосторожностями. Вожди, или апостолы, в Каире, главные мастера всей священной мудрости, инициировали учеников. Существовало девять ступеней, через которые должны были пройти верующие, чтобы получить великую тайну. Но прежде чем присвоить первую степень любому послушнику, какой бы то ни было, Учитель брал с него клятву, посвящающую претендента в величайшие бедствия этой жизни и самые острые страдания следующей, если он[212] не сохранит строгого молчания относительно того, что было ему открыто, или если он перестанет быть другом всех друзей исмаилитов и врагом всех их врагов. Когда клятва была принята, Учитель взял плату за то, что он собирался сообщить, и он никогда не продвигал новичка со ступени на ступень, пока не убедился, что человек в полной мере усвоил все, чему его учили.

Первым шагом в наставлении было то, что Бог во все времена возлагал задачу установления Своего богослужения и его сохранения на имамов, своих избранных, которые являются единственными наставниками верующих. Поскольку Бог сотворил самую прекрасную из всех вещей и благороднейшее из семи, таких как небеса и планеты, он установил число имамов равным семи, а именно: Али, Хасан, Хусейн, Али Зайн аль-Абидин, Мухаммед Бакир, Джаффар эс-Садик и Исмаил, или Мухаммед, сын Исмаила, который превосходит всех других имамов в оккультной мудрости и в знании мистического смысла видимых вещей. Он объясняет эти тайны тем посвященным, которые спрашивают, ибо он был наставлен самим Богом, и он делится своими чудесными дарами с даями, или исмаилитскими апостолами, исключая всех других сектантов Али.

Как и имамы, наделенных словом пророков, посланных для установления новых религий, было семь человек. У каждого пророка был один викарий (сивес) в качестве помощника, который поддерживал истинную религию после смерти своего настоятеля, и шесть других викариев, которые появились после него среди людей. В отличие от пророков, наделенных словом, викариев называли “немыми”, потому что они просто шли тем путем, который был прослежен для них ранее. Когда эти семь викариев уходят с земли, приходит новый пророк, который отвергает предыдущую религию, и за ним следуют семь немых викариев. Эти изменения следуют одно за другим до пришествия седьмого пророка, наделенного словом, который является господом настоящего, то есть господом эпохи, в которой он проявляется.

Первым пророком был Адам, наместником у которого служил его сын Сиф; после Адама в его религии было семь последовательных наместников. Ной был вторым пророком, и его наместником был Сем; Авраам был третьим пророком, его сын Исмаил был его наместником; у Моисея, четвертого, первым наместником был его брат Аарон, после смерти Аарона его наместником стал Иисус Навин, сын Нун. Последним из его викариев был Иоанн, сын Захарии; у Иисуса, сына Марии, пятого пророка, викарием был Симеон[213]. С шестым пророком, Мухаммедом, был связан Али. После Али было шесть немых вождей ислама. Это имамы, которых мы называли от Хасана до Исмаила. Исмаил - седьмой и самый последний пророк. Когда он появился, предыдущие религии были упразднены. Наделенный всезнающей мудростью, он один может объяснить священное учение. Все люди обязаны повиноваться ему, и только под его руководством человек может продвигаться к спасению.

Таковы были доктрины, которым обучали на первых четырех ступенях. На пятой ступени ученик узнал, что Имам, как верховный священник, должен иметь апостолов для посещения всех мест. Число их было определено Божественной мудростью в двенадцать, подобно месяцам в году, коленам Израиля, сподвижникам Мухаммеда, ибо Бог во всем, что он делает, обладает глубокой мудростью.

На шестой ступени Учитель начал с объяснения мистического значения предписаний ислама, касающихся молитвы, подаяния, паломничества и всех других практик, которые, как он показал, должны были обращать людей от порока к совершенству. Он рекомендовал изучать Аристотеля, Пифагора и Платона; он предостерегал от слепой веры в традицию, от признания простых утверждений и от принятия общепринятых доказательств, если они не рациональны.

На седьмой и восьмой ступенях Учитель учил, что основателю каждой религии требуется помощник, викарий для передачи его заповедей; последний является образом мира здесь, внизу, окруженного тем, что находится над ним; одно предшествует другому, как причина производит следствие. Первый принцип не имеет ни атрибута, ни названия; нельзя сказать, что он существует или не существует, что он невежествен или знающий. И так далее со всеми его атрибутами, ибо каждое утверждение относительно него подразумевает сравнение с сотворенными вещами, каждое отрицание стремится лишить его атрибута; оно ни вечно, ни временно, но его заповедь, его слово - это то, что существует от вечности. Ученик, то есть тот, кто следует, стремится к высоте того, кто предшествует ему, а тот, кто наделен словом на земле, стремится быть единым с тем, кто является хозяином слова на небесах.

На девятой ступени, которая является последней, учитель повторяет все, чему он учил до этого времени, и, увидев, что ученик понимает, он снимает последнюю завесу и говорит ему по существу:[214] Все, что сказано о творении и начале, описывает в виде сравнения происхождение и изменения материи. Апостол передает человечеству то, что ниспослали ему небеса. Ради справедливости и порядка он приспособливает свою религию к потребностям расы. Когда эта религия необходима для общего блага, она обязательна, но философ не обязан применять ее на практике. Философ свободен, ни к чему не привязан; знания для него достаточно, поскольку оно содержит истину, то, к чему он стремится. Он должен знать весь его смысл, все, что он обязывает людей выполнять, но ему не нужно подвергаться досаде, которая не предназначена для мудрецов. Наконец, ученику объясняется, что если наделенные словом апостолы имеют миссию поддерживать порядок среди человечества в целом, то мудрецам поручено обучать мудрости отдельных людей.

Из всего, что сохранили хронисты тех дней о королевстве Ассасинов, ясно, что в значительной степени эти учения были заимствованы из Греции, Палестины и Персии.

У фатимидских халифов Египта было много секретных агентов в Персии и Сирии. Ассасины отправились в Сирию примерно в то же время, что и крестоносцы. В первый год XIII века Дженах-эд-девлет, тогдашний принц Эмеса, погиб от их кинжалов, когда спешил к замку курдов Хосн Ак Курд, который осаждал граф Сен-Жиль. Четырьмя годами ранее на него напали в его дворце трое персидских убийц, но ему удалось спасти свою жизнь. Рисван, принц Алеппо, подозревался в организации этого нападения. Были основания подозревать его, поскольку он был злейшим врагом Дженах-эд-девлета и другом ассасинов.

Рисван был принят в Орден одним из его агентов, который был очень убедителен; астролог и врач, который обладал способностью привлекать с помощью своих собственных методов, отличных от методов Ордена. Через двадцать четыре дня после этой неудачной попытки астролог умер, но вскоре его место занял ювелир из Персии по имени Абу Тахир Эссайг, который побудил Рисвана к еще большей деятельности. Этот принц Алеппо был враждебен ко всем крестоносцам и к своему собственному брату Доке, принцу Дамаска. Он был озабочен новым притоком Наемных убийц, поскольку их действия благоприятствовали его политике.

Абуль Феттах, племянник Хасана Сабаха, был в то время[215]великим настоятелем в Сирии; его главной резиденцией был Сармин, укрепленное место в одном дне пути от Алеппо.

Несколько лет спустя, когда жители Апамеи обратились за помощью к Абу Тахиру Эссайгу, ювелиру, ныне коменданту Сармина, против Халафа, их наместника из Египта, он приказал убить Халафа наемными убийцами под командованием Абуль Феттаха и взял Апамею для Рисвана, но он не смог удержать ее против Танкреда, который захватил это место и увез Абу Тахира в Антиохию, где держал его до получения выкупа. Абу Феттах скончался под пытками. Другие пленники были переданы сыновьям Халафа. Танкред отобрал у ассасинов укрепленный замок Кефрлана.

Абу Тахир, вернувшись к принцу Алеппо, использовал все свое влияние, чтобы убить Абу Харб Иссу, крупного ходжендского купца, который прибыл в Алеппо с пятью сотнями верблюдов, нагруженных большим количеством товаров. Этот человек сделал все, что мог, чтобы причинить вред Ордену. Человек по имени Ахмед, который тайно был Наемным Убийцей, присутствовал в караване, шедшем от границы Хорасана, и наблюдал, чтобы отомстить за своего брата, убитого людьми этого купца. Добравшись до Алеппо, он отправился к Абу Тахиру и Рисвану, которых завоевал рассказами об огромном богатстве Абу Харба и его ненависти к ассасинам. Однажды, когда купец пересчитывал своих верблюдов, убийцы напали на него, но его рабы, находившиеся поблизости, проявили свое мужество и убили нападавших прежде, чем они смогли ранить Абу Харба. Торговец пожаловался сирийским принцам, и они горько упрекнули Рисвана, но он отрицал всякую причастность к этому поступку. Однако ему никто не поверил. Абу Тахир, чтобы спастись от наказания, бежал в Северную Персию и оставался там в течение сезона.

Политика Хасана прокатилась по стране, выбирая своими жертвами власть имущих и богатых. В 1113 году Мевдуд, тогдашний принц Мосула, пал, зарезанный, когда шел с Тотегинном из Дамаска по переднему двору великой мечети в столице этого принца. Убийца, убивший его, был тут же обезглавлен. В том же году умер Рисван, принц Алеппо, который долгое время самым

тщательным образом защищал Орден убийц и эффективно использовал его для расширения своих владений.

Ему наследовал сын Рисвана, Ахрас. Этому шестнадцатилетнему юноше помогал в управлении евнух Лулу. Он начал правление с того, что[216]приговорил к смерти всех людей, принадлежащих к Ордену Ассасинов. По этому приговору более трехсот мужчин, женщин и детей были убиты, а двести брошены в тюрьму. Абуль Феттах, сын ювелира Абу Тахира и его преемник на посту главы Ордена ассасинов в Сирии, умер не менее ужасной смертью, чем его тезка, племянник Хасана Бен Сабаха. Туловище его тела было разрублено на куски у ворот, обращенных на восток, в сторону Ирака, его ноги и руки были обожжены, а его голову пронесли через Сирию в качестве зрелища. Исмаил, брат того астролога, который подружил Орден с Рисваном, погиб вместе с остальными. Многие убийцы были сброшены в ров с вершины крепости. Хоссам ад-дин, сын Димлатша, даи, только что приехавший из Персии, бежал от ярости народа в Ракку, где его быстро нашла смерть. Многие спаслись бегством и были рассеяны по городам по всей Сирии; другие, чтобы избежать всяких подозрений в принадлежности к Ордену, доносили на своих братьев и убивали их. Сокровища Ордена были разысканы и изъяты. Так Ахрас, принц Алеппо, отомстил ассасинам за их дурное влияние на его отца.

Позже Орден отомстил за это “преследование” различными способами и самым жестоким образом. Во время аудиенции, данной калифом Багдада Тогтегину, атабегу Дамаска, трое убийц напали и убили эмира Ахмеда Бала, тогдашнего губернатора Хорасана, которого они, по-видимому, приняли за атабега. Эмир был их врагом, но не тем врагом, которого они пришли уничтожить своими кинжалами, хотя и не знали об этом.

В 1120 году Ильгази получил приказ от Абу Мухаммеда, главы ассасинов в Алеппо, сдать замок Шериф. Ильгази, который боялся Приказа, притворился, что сдает замок, но прежде чем посланник смог вернуться с этим ответом, люди снесли стены, засыпали рвы и присоединили замок к Алеппо. Хашаб, который придумал этот подвиг и спас крепость от ассасинов, заплатил своей жизнью за службу. Их жертвой стал губернатор Алеппо Беду, а также один из его сыновей. Другие его сыновья зарубили убийц, но третий убийца прыгнул вперед и нанес одному из них, уже раненому, смертельный удар. Когда его схватили и доставили в Тогтегин, выживший[217]Убийца был наказан простым тюремным заключением, поскольку Тогтегин не осмелился вершить правосудие.

Несколько лет спустя Нур эд дин, знаменитый принц Дамаска, получил от ассасинов приказ сдать замок Бейтлала. Он явно уступил, а затем тайно поднял народ, чтобы помешать Ордену захватить крепость. Они сделали это, поспешно разрушив ее. Князья так сильно боялись ассасинов, что не осмеливались отказаться повиноваться ихприказам; они обещали повиновение, а затем призывали народ разрушить их собственные крепости.

Губернаторы провинций как в Персии, так и в Сирии были главными агентами по поддержанию мира и правопорядка, поэтому выступали против ассасинов и подвергались их ударам кинжалов чаще, чем все остальные люди.

В Персии, как и в Сирии, ассасины убили многих самых выдающихся людей, людей, которых Орден боялся или которых они устранили, чтобы завоевать расположение или деньги. Синджар, султан сельджуков, послал войска, чтобы вернуть замки Кухистана, захваченные

исмаилитами. Хасан Сабах не раз добивался мира с этим султаном через посланников. Когда все усилия оказались тщетными, он привлек на свою сторону приближенных Синджара, которые высказались в его пользу, и даже убедил слугу этого принца воткнуть кинжал в пол перед его кроватью, пока он спал. Когда Синджар проснулся и увидел страшное оружие, он решил ничего не говорить, но вскоре получил от Хасана Сабаха записку следующего содержания: “Если бы я не был благосклонен к Синджару, человек, который воткнул этот кинжал в пол, воткнул бы его султану за пазуху. Пусть он знает, что я с этой скалы направляю руки людей, которые его окружают”.

Это письмо произвело такое впечатление на Синджара, что он перестал беспокоить исмаилитов. Его последующее правление было периодом их наибольшего процветания.

Хассан Бен Сабах умер через тридцать четыре года после своего въезда в Аламут, и за это время он ни разу не выходил из замка, более того, он никогда не покидал, за исключением двух раз, своего собственного жилища. Он провел свою жизнь, изучая догмы своей системы и сочиняя их, управляя тем смертоносным Государством, которое зародилось в его мозгу и было его собственным изобретением.

Он доказал истинность своего учения краткими, придирчивыми аргументами. [218]“Что касается познания Бога, “ сказал он, - то необходимо следовать одному из двух путей: заявлять, что знаешь Бога единственным светом разума, или признать, что разумом его познать невозможно, но что людям нужны наставники. Теперь тот, кто отвергает первое утверждение, не может отвергать разум другого человека, не признав тем самым необходимость руководства”. Таким образом, Хасан боролся с утверждениями греческих мудрецов. “Принимая во внимание необходимость в проводнике, мы должны знать, хорош ли каждый учитель, или же мы должны иметь безошибочные инструкции. Теперь тот, кто утверждает, что каждый учитель хорош, не может отвергать наставника своего противника, не признав необходимости в учителе, заслуживающем послушания и доверия всех людей. Это показывает, ” добавил он, “ что человечество нуждается в истинном и непогрешимом учителе. Этого учителя нужно знать, чтобы люди могли безопасно принимать его наставления. Он должен быть назначен и избран; он должен быть установлен; его правдивость должна быть доказана. Было бы безумием отправляться в путешествие без опытного гида и руководителя. С этим руководством необходимо ознакомиться перед началом путешествия.

“Разнообразие мнений - реальное доказательство ошибки, согласие во мнениях свидетельствует об истине, а единство - об этом. Разнообразие - явный признак ошибки; единство проистекает из обучения послушанию, разнообразие - из свободы мысли; единство указывает на подчинение имаму, свобода мысли сопутствует расколу и многим лидерам”.

Очевидно, строгий в своей морали и уважающий Коран, Хасан Сабах заставлял всех своих подданных жить так же, как он. О суровости его методов можно судить по этим примерам. Одного его сына забили дубинками до смерти просто за подозрение в причастности к убийству губернатора Кухистана без приказа; другого - за распитие вина и распутное поведение. Казнив своего старшего сына, он показал своим подданным пример наказания, понесенного за вмешательство в прерогативы великого приора. Казнь младшего показала им результат неповиновения принципам — принципам, правящим в Аламуте.

Незадолго до своей смерти в 1124 году Хасан Сабах назначил своим преемником своего старого товарища Киа Бусургонида. При этом вторым руководителем число убийств увеличилось очень сильно; теперь не только враги секты пали от кинжала, но и любой принц или человек, у которого был враг, мог нанять одного из членов Ордена, чтобы тот убил его. Вместо того, чтобы подвергать себя смерти, монархи и облеченные властью люди жили в[219]очевидном согласии с ассасинами и получили от вождя в качестве платы за добрую волю ряд его приверженцев в качестве помощников в осуществлении своих собственных злонамеренных планов по возвышению. Эти люди убивали всех, на кого им указывали, однако часто целые народы подвергались наказанию за эти преступления своих единоверцев. Киа Бусургонид был человеком большой активности, который следовал методам Хасана, уничтожая самых выдающихся лидеров врага.

Махмуд, преемник Синджара, сначала встретил ассасинов их собственной тактикой убийств и обмана; но по неизвестной причине, после того, как некоторое время находился в открытой войне с Киа Бусургонидом, он попросил прислать посланника для обсуждения условий мира. Посланник ассасинов был вежливо принят султаном, но, покинув присутствие Махмуда, он был схвачен и убит разъяренным населением. Султан немедленно отправил посланника в Аламут, чтобы заверить Киа Бусургонида, что этот прискорбный инцидент произошел исключительно из-за враждебности горожан и что он сам ни в чем не виноват.

Киа Бусургонид ответил, что он поверил в гарантии безопасности, которые дал султан. Если бы султан передал убийц этого человека ассасинам, не было бы никаких трудностей, в противном случае он отомстил бы за смерть своего посланника. Махмуд, опасаясь гнева народа, ничего не ответил, и вскоре после этого на него напало большое количество наемных убийц, которые убили четыреста человек и увели много лошадей и верблюдов.

В 1129 году султан получил во владение крепость Аламут, но вскоре был вынужден отказаться от нее. Вскоре после этого Махмуд умер, вероятно, от яда, введенного членом Ордена.

Во времена Рисвана, как уже говорилось, ассасины пользовались огромным влиянием в Алеппо, но при его сыне их выследили и перебили. Несколько похожая судьба постигла их в Дамаске, где во времена Буси Бехрам, Ассасин из Астрабада, перетянул на свою сторону визиря, который подарил ему в 1128 году замок Баниас, который сразу же стал центром влияния в Сирии и оставался таковым до двенадцати лет спустя, когда ассасины сделали Массиат своей столицей. Укрепившись в Сирии, овладев Баниасом, ассасины стекались в свою новую столицу со всех сторон. Теперь ни у одного принца не хватало смелости дать кому-либо защиту от них. Но карьера Бехрама, проницательного Убийцы, была недолгой.[220]

Дохак, главный человек в Таиме, входящем в округ Баальбек, решил отомстить за смерть своего брата, который был убит по приказу Бехрама, поэтому он призвал воинов Таима с помощью Дамаска и окрестностей. Бехрам планировал застать врасплох Дохака и его армию и сокрушить их, но он неосмотрительно попал в их власть, и они убили его. Его голову и руки отвезли в Египет, где калиф велел с триумфом доставить их в Каир и подарил человеку, который их привез, богатую, расшитую золотом мантию. Те ассасины, которым удалось спастись, бежали из Таима в Баниас, где перед экспедицией Бехрам передал главное командование Исмаилу, наемному убийце из Персии.

Визирь Тахир был так же готов вести переговоры с Исмаилом, как и с Бехрамом. Исмаилу помогал Абул Вефа, человек без веры и принципов, но ловкий и успешный. Крестоносцы, чья власть в Сирии в то время возрастала, казались Абуль Вефе лучшими союзниками ассасинов. Враги мусульманства, они были друзьями для его противников. Атакованный извне крестоносцами и развращенный изнутри исмаилитским учением, аббасидский магометанизм, казалось, был близок к своему падению. Теперь Абуль Вефа заключил договор с королем Иерусалима, по которому он обязался отдать ему Дамаск в определенную пятницу. Пока Буси, эмир, и его вельможи собирались в мечети на богослужение, королю и его войскам должны были быть открыты все подходы. В обмен на эту услугу царь должен был подарить Абул-Вефе город Тир на берегу моря. Утверждается, что самый ранний великий магистр тамплиеров, Гуго Де Пейн, выступает в качестве главного агента, побуждавшего короля к этому соглашению.

В течение десяти лет после своей организации орден тамплиеров оставался в неизвестности, соблюдая обеты бедности, целомудрия и послушания и выполняя работу по защите всех паломников. Однако в то время это было всего лишь частное общество без особых обычаев или уставов. Правила, данные святым Бернаром и подтвержденные Папой римским, сделали его великим Орденом, созданным для защиты Гроба Господня и паломников.

В этом 1129 году Гуго прибыл в Иерусалим с многочисленным эскортом паломников и рыцарей, которые под его влиянием приняли крест и подняли оружие в защиту гроба Христова.

Теперь победа над Дамаском была предрешена, но тем временем произошли удивительные [221]события, которые помешали осуществлению этого плана. Тахир Бен Саад, визирь, который, как мы видели, осуществлял верховную власть по указанию Таджула Мулука Буси, принца Дамаска, тайно договорился с Абул Вефой о сдаче Дамаска. Таджул Мулук Буси, узнав о предательстве своего визиря и заговоре ассасинов с целью овладения Дамаском, приказал немедленно казнить Тахира Бен Саада, а затем приказал перебить всех ассасинов в городе. Утверждается, что “шесть тысяч пали от меча, который таким образом отомстил за многие жертвы кинжала”.

Пока это происходило, сильная христианская армия быстро приближалась к Дамаску, чтобы овладеть городом. Большая часть этой армии во время марша отправилась с рыцарями грабить деревни и добывать провизию, позволив, как это было принято, сопровождать их значительному отряду паломников. Они наступали без всякого порядка и были в значительной степени перебиты отборным отрядом воинов из Дамаска. Услышав об этом бедствии, остальная христианская армия поспешила вперед, чтобы атаковать этих людей из Дамаска. Пока они так спешили, внезапно наступила ужасная тьма, нарушаемая только вспышками молний; затем налетела буря с раскатами грома и проливным дождем, который залил все вокруг. Когда все дороги были затоплены, а вся страна покрыта водой, быстро наступили сильные холода; мороз поразительной силы превратил наводнение и дождь в лед и снежинки. Когда снова забрезжил свет, открылся зимний пейзаж. Катастрофа, буря, перемены и мороз рассматривались христианами как проявления ужасного гнева Небес из-за их великого греха, заключившего договор с убийцами.

Единственным преимуществом, полученным от этого союза с преступниками, было восстановление замка Баниас. Исмаил, помня о судьбе дамасских ассасинов, восстановил Баниас, но три года спустя, в 1132 году, он отвоевал его, и христиане в итоге вообще ничего не добились.[222]

1 Названный Фатимидами, потому что они утверждали, что ведут свое происхождение от Фатимы, дочери Пророка (Мухаммеда). ↑

2 Победоносный. ↑

3 Орлиное гнездо. ↑

[Содержание]

ГЛАВА XII

ХУЛАГУ УНИЧТОЖАЕТ СОДРУЖЕСТВО АССАСИНОВ

Доблестный и могущественный принц Мосула Аксонкор Бурши был одной из первых жертв второго великого приора. Он был справедливым и отважным человеком, которого очень боялись не только ассасины, но и крестоносцы, с которыми он недавно сражался. Вскоре после его возвращения с этой встречи на него напали восемь убийц, которые, переодевшись дервишами, напали на него в главной мечети Мосула, когда он занимал свое место на троне. Защищенный доспехами, он защищался с огромным мужеством. Он убил троих ассасинов, но прежде чем его помощники смогли прийти ему на помощь, он получил рану, которая вскоре оказалась смертельной. Все остальные Ассасины были убиты, за исключением одного, который бежал, спасаясь от гнева народа. Когда мать этого человека узнала о смерти Аксонкора, она немедленно украсила себя гордостью за успех наступления, за которое, как она предполагала, ее сын отдал свою жизнь. Но когда он вернулся домой невредимым, она остригла волосы и почернела лицом в глубокой скорби, поскольку он не погиб со своими товарищами с честью — таково было ее представление о чести.

Буси, принц Дамаска, был обречен на уничтожение. Тахир, друг ассасинов, был казнен, и шесть тысяч членов Ордена были вырезаны в 1129 году по приказу этого принца; поэтому у Буси не было спасения. Через два года после той резни на него напала банда убийц, и он с трудом сбежал; однако следующий год принес ему смерть от ран, полученных в той стычке.

Месть ассасинов продолжалась годами; она ждала своего времени, возможности и места, более того, она переходила от одного поколения к другому. Они никогда не забывали и не прощали. Шемс уль Мулук, сын Буси, а также многие другие известные люди пали от кинжалов Ордена. Муфтий Касвина [223] и мэры Исфахана и Тебриза были среди погибших. Помимо правителей и великих людей, множество купцов и простых людей были убиты орудиями Хасана Бен Сабаха и его преемников, так называемых апостолов ислама.

Но, несмотря на ожесточенную вражду между Аббасидами и Фатимидами и тот факт, что ассасины, ответвление Фатимидов, долго и усердно работали над свержением своих противников, трон Багдадского калифа до сих пор не был запятнан кровью его обладателей. Но теперь пришло время, когда Орден осмелился убить даже преемника Пророка. Однако в результате странного возмездия халиф Абу Али Мансур, десятый из династии Фатимидов, был первым, кто погиб от руки Наемного убийцы, но была ли эта смерть вызвана

политикой Ордена или личной мстью, неизвестно. Многие считали, что убийца был нанят семьей Эфдаля, великого визиря.

Эфдхал был так же опасен для калифа в Каире из-за огромной власти, которой он обладал в Египте, как и для крестоносцев из-за своей ненависти к ним и огромной энергии, с которой он воевал против них. Он был убит двумя мужчинами, принадлежавшими к Ордену. Никто не знал, кто нанял этих двух человек, были ли убийцы орудиями крестоносцев или калифа. Сначала подозрение пало на Калифа. Сын Эфдаля, Абу Али, который был заключен в тюрьму сразу после смерти своего отца, был освобожден после убийства калифа и получил должность и титулы визиря. Но вскоре наемные убийцы напали на Абу Али и убили его. Возможно, все три убийства были вызваны происками неизвестных врагов.

С этого времени Египет представляет собой сцены смятения и беспорядков, вызванных великой борьбой между сторонниками халифов Багдада и Каира, или, другими словами, между Аббасидами и Фатимидами.

Переломный момент двадцать девятый Аббасидский калиф находился у власти с 1118 по 1135 год, но его власть была ограниченной, а трон - крайне ненадежным. Когда сельджукские султаны назначили себя стражами калифов в Багдаде, они отняли у них все знаки мирской власти, за исключением пятничных молитв с кафедры и чеканки денег. Когда Масуд стал султаном, он немедленно принял[224]это последнее свидетельство власти от калифа и назначил пятничные молитвы от своего имени. Мостершед терпел это вторжение, но он не смирился с ним. Некоторое время спустя несколько офицеров с подчиненными им людьми покинули Масуд и присоединились к армии Калифа. Эти офицеры заверили калифа, что покорить Массуд будет нетрудно. Обманутый их заявлениями Мостершед выступил против султана, но, покинутый своими воинами при первом наступлении, он был схвачен Массудом и доставлен в Мерагу. Однако он был освобожден после обещания оставаться в Багдаде и ежегодно выплачивать дань султану.

Исмаилиты надеялись, что эта война положит конец Аббасидам; поэтому они были горько разочарованы и полны решимости взять дело в свои руки немедленно и любой ценой. Когда Масуд покинул Мостершид в своем лагере близ Мераги, ассасины зарубили калифа и его приближенных. Затем, не удовлетворившись убийством, они изуродовали трупы, отрезав им уши и носы.

Люди едва успели оправиться от ужаса, вызванного этой резней в Мостершеде, когда узнали, что его преемник Рашид был убит. Ассасины думали, что убийством Мостершида они приведут к гибели Калифат. Но надежда обманула их. Вступив на трон, Рашид спланировал свою собственную политику и решил начать свое правление с отмщения за смерть своего отца. Однако сначала он отправился в путешествие в Исфахан, намереваясь по возвращении разобраться с ассасинами. Всегда бдительный Орден разгадал его замысел. Четверо активных сторонников последовали за Рашидом, и, наконец, когда представилась возможность, они прокрались в его палатку и нанесли ему удар ножом. Он был похоронен в Исфахане, и воины, которых он собрал для похода против Ордена, сразу же рассеялись.

Когда известие о смерти калифа дошло до великого приора, в Аламуте царила великая радость. Семь дней и ночей звучали литавры, возвещая всему горному региону о счастливом событии. Это убийство вызвало тревогу и ужас в мире Аббасидов. Говорят, что после смерти Рашида

Аббасида Калифы очень редко, если вообще когда-либо, показывались на публике. Агенты Ордена теперь толпами разъезжали по Азии. Крепости, уже удерживаемые ими, были укреплены, в то время как новые были построены или же приобретены. В Сирии они получили Кадмос в 1134 году, Хахаф четырем [225]годами позже и Массиат в 1140 году. Первое и второе они купили, третье они захватили сильной рукой, с применением насилия, и сделали его центром своей деятельности в Сирии.

Кей Бусургомид правил королевством Ассасинов четырнадцать лет, когда, осознав, что его последний час близок, назначил своего старшего сына Киа Мухаммеда великим приором. Правитель Аламута, увеличивая мощь Ордена и распространяя его влияние во всех направлениях, не называл себя сувереном и не претендовал на суверенную власть. Он правил от имени невидимого имама, апостолом которого он называл себя, Имама, который должен был появиться в будущем и установить свою власть над человечеством. Истинные принципы Ордена были известны только великому приору и его избранным и испытанным сподвижникам, которые были связаны самыми страшными клятвами хранить тайну. Подавляющее большинство людей, находившихся под контролем вождя Аламута, считали себя набожными последователями пророка Мухаммеда, учение которого они соблюдали с предельной верностью. Они смотрели на великого приора как на апостола, мудрость которого не подлежала сомнению, и повиновались его приказам с готовностью и самым безоговорочным доверием. Те из его учеников, которых он использовал в качестве инструментов для осуществления политических планов или личной мести, требующих устранения людей с помощью кинжала, думали, что они работают на святое дело и устраняют врагов своей веры и своей страны. Поскольку книги и рукописи Хасана Бен Сабаха и тех вождей Аламута, которые сменили его, были уничтожены при приходе монголов, в настоящее время трудно получить много информации о внутреннем управлении королевством Ассасинов. Их истинное учение тщательно скрывалось, и его сторонники выступали только как приверженцы ислама. Об этом свидетельствуют ответы султана Синджара, который отправил посланника в Аламут, чтобы получить информацию о доктрине Ордена.

“Доктрина исмаилитов заключается в следующем”, - ответил настоятель. “Мы верим в единого Бога и признаем истинной мудростью только то, что согласуется с Его святым словом и заповедями Его Пророка Мухаммеда. Мы повинемся им, как указано в священном Коране; мы верим во все, чему учил Пророк, касающийся сотворения мира и последнего дня, наград, наказаний, суда и воскресения. Такая вера необходима для спасения, и ни один человек не может высказывать свое мнение о Божьих заповедях или изменять одну букву в [226]них. Таковы правила, на которых зиждется наша религия, и если они не нравятся султану, пусть он пришлет богослова поговорить с нами”.

В 1138 году началось правление Киа Мухаммеда, человека, не только лишенного остроумия и способностей, но и совершенно не обученного искусству управления. Могущество Ордена теперь достигло своего апогея. Его авторитет и влияние были очевидны во многих странах Азии. В Аламуте был нужен сильный человек. Прошло почти пятьдесят лет с тех пор, как Хасан Бен Сабах начал свою карьеру убийцы; годы, в течение которых все учения ислама соблюдались с величайшей строгостью простыми людьми, которые верили в своих правителей и с готовностью подчинялись. Но Кай Мохаммед не завоевывал доверия своих подданных; они его очень не любили. Хасан, его сын, был человеком безграничных амбиций и рано завоевывал любовь народа и репутацию человека с острой проницательностью и большой ученостью, репутацию, которую

он использовал для достижения своих собственных целей, а не для продвижения Ордена. Он знал и не опровергал слух, который очень тщательно распространяли его сторонники, о том, что он был имамом, которого обещал Хасан Бен Сабах, и не опровергал его. Но настоятель Аламута услышал о поступке своего сына, о мнениях людей и о том, что Хасан был долгожданным имамом, и сразу же выразил свое неудовольствие. “Хасан - мой сын”, - сказал он. “Я не имам, а один из его предшественников; тот, кто думает иначе, неверный!” - и он приказал немедленно казнить двести пятьдесят сподвижников и сторонников Хасана; остальные были изгнаны. Хасан, опасаясь за собственную безопасность, писал против своих приверженцев и поддерживал своего отца. Таким образом, он избежал наказания, сняв подозрения. Однако, поскольку он тайно пил вино и практиковал многие запрещенные вещи, его приверженцы, несомненно, считали его обещанным имамом, чей приход должен был положить конец всевозможным запретам.

Но теперь появляются люди, которым суждено уничтожить египетскую династию Фатимидов, — Нур эд дин Махмуд Бен Амед Эс Зенки, сын Зенки, сына Ак Сункура, и Саладин, сын Эюба, друга Зенки. Ак Санкур, раб, которого Мелик-шах сделал своим придворным камергером, а позже губернатором провинции Алеппо, умер в 1094 году, оставив десятилетнего сына Зенки. Вскоре после смерти своего[227]отца Зенки был вызван ко двору Кур-Буги, тогдашнего принца Мосула. Вскоре он стал любимцем и спутником принца и сопровождал его в походах. В 1122 году принц подарил ему Васит и Басру в качестве феода. Когда в марте следующего года арабы во главе с Дубегом, известным эмиром племени Асад, выступили против Багдада, Мостершид Калиф перешел реку со своей армией и был принят на берегу своими вассалами принцем Мосула, Зенки Басры и другими. Затем объединенные армии атаковали Хиллу, оплот врага, и хотя армия Дубега была намного больше армии калифа, арабы потерпели поражение главным образом благодаря умелым движениям Зенки. Несколько позже Зенки отправился в Хамадан ко двору сельджукского султана Махмуда и вскоре женился на вдове Кундугли, самого богатого дворянина при дворе. В 1124 году он вернулся в Басру и Васит, где правил с большой суровостью. В битве между султаном и калифом Зенки встал на сторону султана и послал ему подкрепление, тем самым вынудив калифа заключить мир. Когда после этой победы султан поселился в Багдаде, Зенки получил высокий пост. В 1127 году он был назначен губернатором Мосула и Джезиры и взял на себя задачу защиты страны от крестоносцев. Вскоре после этого он стал хозяином Алеппо. В 1131 году умер сельджукский султан, и возник ожесточенный конфликт за престолонаследие. Теперь Зенки решил завладеть Дамаском, но его попытка, предпринятая через четыре года после смерти султана, не принесла ему успеха. В 1144 году он осадил и захватил Эдессу, удерживаемую в то время крестоносцами. Через два года после этой великой победы он погиб от руки одного из своих приближенных, оставив сына Нур эд дина, который завершил его дело, став хозяином Дамаска.

В 1132 году, спасаясь от Караджи, от которого он потерпел поражение в битве, Зенки был спасен Эюбом, комендантом замка Тенкрит на берегу Тигра. Эта услуга никогда не была забыта. В 1138 году, в ночь, когда Эюб, изгнанный из замка Тенкрит, искал убежища у Зенки в Мосуле, у него родился сын. Этого сына он называл Йесуф Салал эд дин (Саладин). Год спустя Зенки овладел Баальбеком, и Эюб был назначен там губернатором. Саладину было девять лет, когда Зенки был убит. Владения Зенки разделили двое его [228]сыновей, Сейф уд-дин, получивший Мосул, и Нур эд-дин, правивший сирийской провинцией.

Нур эд дин был мудрым и справедливым правителем, а также храбрым и бесстрашным воином и решительным защитником ислама. Будучи хозяином Мосула и Алеппо, он также был хозяином Северной Сирии, но на юге ему не хватало власти из-за отсутствия Дамаска. Меджр эд дин Абак, последний из сельджуков Дамаска, правил там, или, точнее, его визирь правил по его поручению. После смерти Зенки Дамаск направил войска для отвоевания Баальбека. Эюб выдвинул условия и сдал город, получив взамен десять деревень в этом регионе. Несколько лет спустя он стал главнокомандующим дамаскской армией, и эту должность он занимал, когда Нур эд дин выступил в поход на Дамаск в 1154 году. Ширкух, брат Эюба, тем временем поступил на службу к Нур эд дину. Когда сирийская армия появилась перед городом, Ширкух начал переговоры со своим братом, и Эюб уступил это место сыну своего старого друга. Таким образом, Дамаск отказался от своего наследственного правителя, и Меджр ад-дин покинул город. Взамен он получил Эмесу, затем Балис и, наконец, отправился в Багдад.

Землетрясение почти разрушило Дамаск, но Нур эд дин восстановил город и сделал его своей столицей. За двадцать восемь лет своего правления он захватил не менее пятидесяти замков и основал мечети и школы в каждом городе своих владений. Политика, а также религия заставили Нур эд дина отдать предпочтение линии Аббасидов, а не каирским Фатимидам. Тогда ему показалось, что настало время покончить с беспомощностью Каира, подлинной беспомощностью с тех пор, как там бушевала гражданская война между Даргамом командующим и Шавером визиром, которые при калифе боролись за господство.

В начале 1163 года, на следующий год после того, как Нур эд дин завоевал Харам и овладел многими сирийскими крепостями, Шавер, изгнанный из Каира, прибыл в Дамаск и пообещал не только оплатить стоимость вторжения, но и впоследствии уступить треть доходов Египта, если Нур эд дин окажет ему определенную помощь против Даргама. Нур эд дин был не против закрепиться в стране, тем не менее, он отказывал в помощи до апреля следующего года, когда отправил своего способного и амбициозного губернатора Эмеса Эсседа эд дина Ширкуха с армией в Египет. Даргам был убит, а Шавер восстановлен в своем прежнем положении. Освобожденный от своего врага и в безопасности, как он[229]думал, он отказался выполнить выдвинутые им условия. Ширкух, разгневанный его предательством, захватил восточную провинцию Шеркия и главный город Бельбейс.

Шавер, который был хитрым беспринципным человеком, лживым по отношению к своим друзьям, своим воинам и своим собственным интересам, затем призвал Амальрика, графа Аскалона и короля Иерусалима, действовать вместе с крестоносцами против Ширкуха. Друг египетского визиря теперь стал его врагом, а крестоносцы стали союзниками своего бывшего врага. Между Амальриком и Нур ад-дином существовало острое соперничество, поскольку ни один из них не позволил бы другому стать хозяином Египта.

Ширкух укрепил Бельбейс и в течение трех месяцев отражал все атаки своего противника. Теперь Нур эд дин предпринял экспедицию в Палестину, и Амальрику нужно было спешить домой, чтобы защитить свое королевство. Было заключено перемирие, и обе армии покинули Египет.

Но в 1167 году Амальрик снова выступил в поход во главе большой армии. Слухи об этом наступлении достигли Нур ад-дина, и он немедленно отправил Ширкуха в Египет с отрядом в две тысячивсадников. Едва он пересек Нил, как на противоположном берегу появился Амальрик. Ширкух остановился в Гизе, а Амальрик занял свою позицию в Фустате. Шавер вступил в союз с

Амальриком, который диктовал свои условия и настаивал на том, чтобы калиф ратифицировал договор.

Ширкух, встревоженный мощью объединенных армий, отступил в Верхний Египет. Преследуемый своим противником, он повернул и дал сражение 18 апреля 1167 года в местечке в нескольких милях к югу от Миньи. Египтяне потерпели поражение, но Ширкух, не имея войск, достаточных для похода на Каир, отступил в Александрию, где оставил Саладина командовать половиной армии, а сам двинулся на Юг собирать контрибуцию. Вскоре Александрия была осаждена и блокирована. В городе не хватало провизии, и поговаривали о капитуляции, когда пришло известие, что Ширкух быстро продвигается к ним на помощь. Он остановился перед Каиром и окружил этот город. Затем Амальрик снял осаду Александрии, и был заключен мир, по которому Ширкух и король пообещали вывести свои войска из Египта. Утверждается, что Ширкух получил пятьдесят тысяч дукатов, а король вдвое больше из доходов Египта. Кроме того, в Каире оставался генерал крестоносцев с большим количеством людей в качестве охраны против Нур эд дина.[230]

Но мир был недолгим; преимущество, которое давали королю Иерусалима условия договора, побудило его нарушить свое обещание в надежде в конечном итоге получить контроль над страной. Подстрекаемый госпитальерами, глава которых хотел сохранить свой Порядок в Бельбейсе, которому он задолжал более ста тысяч дукатов, Амальрик двинулся вперед в начале зимы 1168 года, но на этот раз он вступил в Египет как враг.

Он прибыл в Бельбейс в ноябре, захватил этот город и вырезал его жителей. Затем он осадил Каир. Вокруг города была возведена стена, на которой женщины и дети трудились как днем, так и ночью. 12 ноября Фустат, самая древняя часть, называемая обычно Старым Каиром, была по приказу Шауэра подожжена, чтобы помешать врагу, и она продолжала гореть пятьдесят четыре дня и ночи. Халиф Адхад отправлял курьера за курьером с письмами в Сирию, умоляя Нур ад-дина помочь ему, и, чтобы представить величие своей нужды, он прикрепил пряди волос с голов своих жен, как бы говоря: “Враг таскает наших женщин за волосы. Приди и спаси!”

Нур эд дин был в Алеппо, а Ширкух - в Эмесе. Однако Нур эд дин, никогда не остававшийся равнодушным к важности обретения влияния и власти, дал Ширкуху двести тысяч золотых дукатов и немедленно отправил его в Египет (декабрь 1168 г.). С ним отправились шесть тысяч отборных сирийцев и две тысячи отборных воинов-туркмен из Дамаска. Саладин, по настоянию своего дяди, сопровождал экспедицию.

Тем временем Шавер и Амальрик вели переговоры — первый об освобождении, второй - о завоевании Каира. Шавер пообещал миллион дукатов от имени калифа, и король Иерусалима был рад получить пятьдесят тысяч наличными. Крестоносцы отступили, когда сирийцы под командованием Ширкуха появились перед Каиром в январе 1169 года. Калиф немедленно отправился в лагерь с визитом и очень горько пожаловался на Шавера, который привел крестоносцев в Египет, сжег Фустат и разорил страну. Он умолял Ширкуха добыть для него голову визиря, но сам не смог ее добыть.

Шавер почувствовал теперь собственную опасность и, изображая дружбу к сирийцам, решил уничтожить под прикрытием банкета и Ширкуха, и Саладина, своего племянника, вместе с принцами из их [231]свиты. Однако о заговоре стало известно вовремя, и когда Шавер направлялся с визитом к Ширкуху, он был схвачен и убит, а его голова отправлена халифу.

Ширкух занял место Шавера в качестве визиря, и калиф дал ему титул Аль Мелик Аль Мансур (Победоносный король).

Ширкух умер два месяца спустя, 26 марта, и его племянник Юсуф Салах ад-дин, которому сейчас тридцать один год, был облечен теми же полномочиями и получил тот же титул.

Теперь Саладин был визирем калифа и командующим Нур эд дина, поэтому его положение было необычным; он был визирем шиитского калифа и командующим суннитского короля. Поэтому он распорядился, чтобы имя Нур эд дина упоминалось в публичных молитвах каждую пятницу после имени калифа,

Нур ад-дин думал, что пришло время упразднить Фатимидский халифат, но Саладин медлил, поскольку народ цеплялся за Адхада, последнего представителя династии. Однако Адхад заболел и умер своевременно. 10 сентября 1171 года Саладин передал прерогативу молитвы от Фатимидов к Аббасидам. Таким образом, Саладин нанес удар, уничтоживший основную ветвь западных исмаилитов. Халиф Аббасидов в настоящее время одержал верх над семьей Али, в пользу которой исмаилиты учили и устраивали заговоры и от имени которой они обманывали народ на протяжении почти трех столетий.

Это было событие огромной важности в истории Востока, а также в истории Ордена Ассасинов, перед которым Саладин, ныне знаменитый воин и ярый защитник Аббасидов, предстал могущественным и опасным врагом.

За восемь лет до падения династии Фатимидов умер Великий приор Ассасинов Мухаммед, и к власти пришел Хасан II. Как мы видели, Хасан начал свою карьеру еще при жизни своего отца, побеждая партизан и распространяя веру в то, что он был обещанным имамом. В юности он потратил много лет на приобретение основательных знаний в области философии и истории, а также на получение наставлений относительно тайн Ордена. Беспринципный и расточительный, он теперь решил не только безгранично потакать всем порокам, но и поощрять подобное потворство другим. Отбросить всякое сокрытие и поведать миру секреты исмаилитов. Объявить такую же вольность лидерам Ордена и способствовать безнаказанности порока не просто примером, но [232]проповедуя с кафедры, что преступление допустимо и невиновно. В Рамадан 559—го года Хиджры — 1163 год - жители Радбара были собраны в Аламуте по его приказу. У подножия замка была установлена кафедра, обращенная в сторону Мекки, к которой все исповедующие ислам обращаются во время молитвы.

Хасан взошел на кафедру и ознакомил своих слушателей с принципами обновленной и укрепленной религии. Он объявил им, что они освобождены от всех обязательств закона, ибо они вступили в эпоху, в которую им предстояло познать Бога интуитивно; они были освобождены от бремени каждого повеления и приведены ко дню Воскресения, то есть к проявлению Имама, перед которым они сейчас стояли. Они больше не должны были молиться пять раз в день или соблюдать другие религиозные обряды. Затем, после того как он объяснил, что догматам о Воскресении, Аде и Рае следует придать аллегорический смысл, он спустился с кафедры, и люди устроили грандиозный банкет, предаваясь всевозможным удовольствиям, танцам, музыке, вину и спорту в ознаменование дня Воскресения, дня, когда был явлен Имам.

С того часа, когда все стало законно согласно Хасану, название Молахиды, или Потерянные, которое ранее давалось карматитам и другим великим преступникам-нарушителям спокойствия, было дано не только ученикам Хасана, но и всем исмаилитам. Через своего

Великого приора Орден, годами скрывавший свою истинную доктрину от человечества, внезапно раскрыл ее и явил миру общество, основанное на атеизме, убийствах и безнравственности. Отныне Орден был обречен на быстрое внутреннее разрушение.

Исмаилиты придерживались мнения, что вселенная никогда не начиналась и никогда не закончится. Конец в их глазах означал всего лишь фазу, завершение эпохи в существовании, за которой последует другая, продолжительность которой будет зависеть от движения и положения небесных тел. Под Воскресением подразумевалось присутствие людей перед Богом в конце эпохи, и когда появился этот термин, была включена каждая религиозная практика, поскольку единственной заботой человека является оценка его действий.

17-й Рамадан отмечался банкетами и играми не только как праздник богоявления, но и как истинная дата публикации их учения. Как последователи ислама отсчитывают свое [233] время от бегства Пророка, так и молахиды отсчитывали от явления Имама, 17-го числа Рамадана 559-го года Хиджры. Поскольку имя Мухаммеда никогда не упоминалось без добавления “Благословенный”, то после того дня к имени Хасана были добавлены слова “Да будет благословенна его память”. Великие приоры называли себя просто миссионерами или предшественниками Имама, но Хасан настаивал на том, что он был Имамом; в его руках была вся власть снимать ограничения закона. Этим заявлением он предстал перед народом как законодатель. В таком духе он писал разным князьям. Его письмо, касающееся Рейса Моссафера, великого приора Кухистана, тезка которого был великим приором в Ираке при Хасане Бен Сабахе, было следующим:

“Я, Хасан, заявляю тебе, что на земле я наместник Бога. Рейс Моссафер - мой наместник в Кухистане. Люди этой провинции будут повиноваться ему; они должны прислушиваться к его словам так же, как к моим”.

Рейс приказал установить кафедру в замке Мумин-Абад, своей резиденции. С кафедры он зачитал это послание людям, большинство из которых слушали его с удовольствием. Был большой праздник с музыкой и спортом; они принялись танцевать, пили вино у подножия кафедры и всеми возможными способами давали понять о своей радости по поводу освобождения от уз закона. Несколько человек, оставшихся верными исламу, вышли из Ордена; другие, которые не верили, но не могли решиться на этот шаг, остались и разделили репутацию “Заблудших”.

Распутство, атеизм, неверность и свобода от любых ограничений теперь царили безраздельно, и имя Хасана звучало с каждой кафедры Ордена как имя настоящего преемника Пророка, долгожданного имама.

Но Хасану было гораздо легче стать учителем атеизма и безнравственности, чем принять на себя роль имама.

Чтобы убедить людей в том, что он имам, Хасан был вынужден доказать, что он потомок Фатимидских халифов. Он был объявлен сыном Несара и внуком калифа Мостансира, во время правления которого Хасан Бен Сабах находился в Каире и в политических спорах того времени принимал сторону старшего сына Мостансира Несара. Для этого Бедр Джимали, главнокомандующий, приказал ему покинуть Египет. Некий Абул Хасан Сеид, любимец калифа, приехал в Аламут через год [234] после смерти Мостансира и привел с собой сына Несара, которого он доверил Хасану Бен Сабаху. Хасан отнесся к посланнику с большим уважением и

предоставил молодому человеку, которого также звали Несар, деревню недалеко от замка в качестве резиденции. Несар женился, и у него родился сын, которому было дано имя “Да будет благословенна его память”. Когда жена Несара родила ребенка, жена Мухаммеда, великого приора Аламута, тоже родила ребенка. Медсестра отнесла “Да будет благословенна его память” в замок и заменила им сына Мухаммеда.

Эта история вместо того, чтобы удовлетворить народ, была встречена насмешками и объявлена неправдой. Затем, поскольку, согласно учению новых исмаилитов, все было безразлично и ничто не запрещалось, составители генеалогии Хасана сочли за лучшее утверждать, что Несар тайно встречался с женой Мухаммеда, в результате чего Хасан стал великим приором, имамом и калифом, “Да будет благословенна его Память”.

Исмаилиты, которые таким образом пытались доказать, что Хасан был потомком Несара, были названы своими оппонентами “несари”, титул, который был сопряжен с крайними искажениями.

Преступность и безнравственность теперь царили везде, где Орден обладал властью или влиянием. Люди, которые до сих пор были убийцами из-за повиновения власти имущим и веры в то, что они выполняют религиозный долг, устраняя людей, наносящих вред исламу, теперь убивали людей бессмысленно.

Хасан II умер на четвертом году своего правления от кинжала своего шурина в замке Ламсир.

Беспорядки, вызванные откровением Хасана, не были остановлены его убийством.

Преступления любого рода значительно возросли во время правления его сына и преемника Мухаммеда II, первым поступком которого было отомстить за убийство своего отца. Нанвер, шурин покойного приора и наемный убийца, погиб от топора палача, и вместе с ним погибли все его родственники, мужчины и женщины.

Мохаммед II с еще большей настойчивостью, чем Хасан, его отец, проповедовал доктрину вседозволенности, преступности и порока и, подобно ему, называл себя имамом. Глубоко сведущий в философии, он считал себя непревзойденным в этой и других формах знания. Он был человеком, преданным злу, и хотя он правил сорок шесть лет, об Ордене за этот период можно получить очень мало информации.^[235]

В глазах ортодоксов ассасины были бандой мерзких еретиков, сборищем отверженных; но этот Орден все еще оставался непокорным и могущественным. Фахр уль Ислам из Руяна был первым доктором права, объявившим это нечестивым. Это он сделал в Казвине с помощью фетвы. Возвращаясь из Казвина в Руян, он пал от руки Наемного Убийцы. К доктору с более высокой репутацией относились более трепетно: Фахр уд дин Раси, профессор богословия в Райи, никогда не упускал случая в своих лекциях опровергнуть все их доктрины, добавляя при этом: “Пусть Бог проклянет и уничтожит их”. Исмаилитский настоятель послал агента в Райи. Этот человек появился как студент, слушал лекции и выжидал своего часа. Наконец, обнаружив, что Фахр уд дин один в своем кабинете, он вошел, закрыл дверь, приставил острие кинжала к груди своего господина и стал ждать. “Что это?” - в ужасе воскликнул тот. “Почему ты непрестанно проклинаешь исмаилитов и их доктрины?” - спросил Убийца. “Я больше не буду говорить о них,” сказал учитель, “я клянусь тебе в этом самым торжественным образом”. “Ты сдержишь эту клятву?” После убедительных заверений агент остался доволен, вытащил свой кинжал и продолжил: “У меня не было приказа убивать вас; если бы я его имел, ничто не смогло бы

отвратить меня от исполнения долга. Мой учитель приветствует вас и говорит, что его не интересуют слова обычных людей, но он уважает ваши выступления, поскольку они будут жить в памяти людей. Он приглашает вас навестить его в Аламуте, поскольку хочет лично доказать вам свое высокое уважение.

Фахр ад-дин не захотел идти, но пообещал молчать. Затем агент положил на стол кошелек с тремя сотнями мискалей и сказал: “Вы будете получать каждый год такой кошелек, как этот. Кроме того, я принес тебе две йеманские туники; они сейчас у меня дома”. Сказав это, мужчина исчез. Через некоторое время после этого ученик учителя спросил, почему он не проклял исмаилитов. “Как я могу проклинать их?” - ответил Фахр ад-дин. “Их аргументы настолько убедительны”.

В Арслан-Кушаде исмаилиты ночью напали врасплох на замок в двух лигах от Казвина, расположенный на вершине высокой горы. Жители того места были в отчаянии от наличия таких соседей и умоляли различных князей освободить их, но тщетно, пока некий шейх Али не убедил кваресмийского султана Тагаша помочь ему. Султан осадил замок, взял его, позволил исмаилитам отступить и разместил на горе небольшой гарнизон. [236]Едва вступившие в бой войска ушли, как исмаилиты вновь вошли в крепость ночью через подземный ход, известный только им, и перебили весь гарнизон. Шейх Али снова стал умолять Тагаша, и теперь он пришел лично. Жители Казвина присоединились к его войскам, и после двухмесячной осады исмаилиты сдали замок при условии, что им будет позволено беспрепятственно уйти. Они пообещали уйти двумя подразделениями. Если первый пройдет в безопасности, за ним последует второй, в противном случае он продолжит борьбу. Первая группа спустилась, поклонилась султану и исчезла. Осаждающие ждали вторую дивизию, ждали долго и, наконец, обнаружили, что гарнизон ушел одним отрядом. Затем замок был разрушен по приказу султана. Но исмаилиты отомстили шейху Али. Возвращаясь из паломничества в Мекку, он был убит одним из их наемных убийц в мечети Дамаска.

Сирия и Египет в это время требуют внимания, поскольку именно там действовали враги Саладина.

В Каире находился большой дворец султана, где в течение двухсот лет Фатимиды собирали богатства не только Египта, но и Сирии и Аравии. Когда после смерти султана Саладин вступил во владение этим дворцом, он нашел там драгоценности неопишуемой ценности. Там были великолепные жемчужины, изумруд “в пядь длиной и толщиной с палец”, мебель из черного дерева и слоновой кости, сундуки, инкрустированные золотом и украшенные драгоценными камнями. Там было богатство всех видов. Существовала также великолепная библиотека, насчитывавшая, как утверждают некоторые историки, 2 600 000 томов, другие упоминают гораздо меньшее количество, но в любом случае в то время это была самая большая библиотека в Европе.

Часть этих сокровищ Саладин раздал офицерам своей армии, часть отправил Нур эд дину, а другими распорядился для получения сумм, необходимых для кампаний против крестоносцев и для возведения укреплений, мечетей и школ.

Хотя в Каире существовала сильная партия, враждебная Саладину, партия, состоящая из офицеров египетской армии, дворцовых иждивенцев и даже некоторых сирийских офицеров, озлобленных быстрым продвижением столь молодого человека, все же его сторонников

становилось все больше. Нур эд дин с тревогой наблюдал за влиянием и властью своего наместника, но он хорошо знал, что, будучи втянут в борьбу крестоносцами [237] и султаном Рума, он не мог вспомнить хозяина Каира. Поэтому, несмотря на бдительность, он сохранял видимую дружбу, и Саладин был достаточно благоразумен, чтобы оказывать ему почтение как правителю Сирии и Египта. Тем временем, чтобы укрепить свое положение, он собрал вокруг себя свою семью, назначил своих братьев, племянников и родственников командующими армией и укрепил укрепления Каира.

В июне 1173 года по приказу атабека он осадил Карак, но едва его войска заняли позиции, как пришло известие, что Нур эд дин приближается со своей сирийской армией. Саладин поспешно отступил и вернулся в Каир, сославшись на болезнь своего отца как на причину ухода. В 1174 году он послал своего старшего брата Туран-шаха с армией против Йемена, места, которое, по его мнению, было бы удобным для обороны на случай нападения сирийского атабека.

Абденнеби, последователь нечестивого Кармата, был хозяином этого региона и много сделал для угнетения и деморализации своего народа. Вскоре Туран-шах завоевал Йемен, и более пятидесяти лет провинция оставалась во владении Аббасидов.

Нур эд дин умер 6 мая 1174 года, и ему наследовал его сын Салих, мальчик одиннадцати лет. Молодой принц, неспособный управлять страной, находился под контролем опекунов, среди которых был евнух Гумуштегин, человек, которого сирийцы Алеппо очень не любили. Владыка Египта с большой армией под своим командованием Саладин мог бы захватить власть, если бы пожелал, но он остался верен интересам Салиха и сразу же приказал, чтобы имя “эс-Салих, сын Нур ад-дина” упоминалось в пятничных молитвах и было выгравировано на деньгах.

Но неприятности начались немедленно. Принц Мосула, воспользовавшись случаем, отказался от присяги и аннексировал Эдессу. Крестоносцы, всегда стремившиеся овладеть Дамаском, угрожали городу и отступили только после того, как губернатор Ибн аль-Мокадден дал им крупную сумму денег. В августе Гумуштегин отвез Салиха в Алеппо, где командующий армией взял на себя опеку над юным принцем. Жители Дамаска, встревоженные близостью крестоносцев и опасаясь нападения из Алеппо, теперь молили о помощи принца Мосула. Когда он отказался, они обратились к Саладину, который быстрым маршем перешел [238] через пустыню и вошел в город 27 ноября. Назначив своего брата губернатором Дамаска, он отправился в Алеппо.

По прибытии в это место он послал заверить принца, что находится в Сирии для защиты городов, которым угрожают крестоносцы и Сейф эд дин из Мосула. Когда губернатор и Гумуштегин закрыли ворота и отказали ему во въезде, Саладин осадил город, заявив, что он сделал это, чтобы спасти своего государя.

Теперь евнуху пришлось прибегнуть к помощи Ассасинов. Рашид ад-дин Синан, великий приор Сирии, жил в те дни в Массиате, сильнейшей из крепостей, принадлежавших исмаилитам этой страны.

Он был самым политичным и образованным, а также одним из худших правителей Королевства Ассасинов и в этот момент был всемогущим в горах Северной Сирии. Саладин как сильный защитник аббасидских калифов и человек, который, казалось, мог стать сувереном, был естественным врагом Ордена, поэтому Синан был готов помочь Гумуштегину, тем более что его

просьба о том, чтобы Саладин умер как можно скорее, сопровождалась крупной суммой денег. Сразу же были посланы трое убийц, которые, хотя и достигли палатки Саладина и даже его присутствия, не достигли своей цели и были зарублены его слугами.

В этот критический момент христиане предприняли атаку на Эмесу, где находилась часть египетских войск. Саладин был вынужден снять осаду Алеппо и двинуться на Эмесу, где вскоре овладел и городом, и цитаделью. Через несколько дней он занял Баальбек.

Принц Мосула и его брат, встревоженные успехом Саладина, теперь объединили свои силы с силами Алеппо и двинулись против него. Армии встретились 13 апреля 1175 года близ Хамата. Войска Алеппо и Монсула были разбиты самым тщательным образом и преследовались даже до ворот Алеппо.

Саладин, ныне обладающий величайшей властью в Египте и Сирии, больше не ждал; он сразу же провозгласил себя королем и назвал династию, которую основал, “династией Эйюбитов” в честь своего отца. Двенадцать месяцев спустя принц Мосула, собравший многочисленную армию, встретился с Саладином близ Алеппо, где 22 апреля 1176 года произошла ожесточенная битва. Сейф эд дин потерпел поражение и потерял свой лагерь и свою армию.

Очень скоро после этой победы Саладин взял три важные крепости: [239]Босаа, Манбидж и Азас, последнюю только после осады, длившейся почти месяц. Во время этой осады король снова подвергся нападению наемных убийц; первый нанес ему удар ножом по голове, но Саладин схватил его за руку, а слуга бросился вперед и убил его. Второй и даже третий убийца выскочил вперед, но добился не большего успеха.

Саладин, сильно встревоженный этими повторяющимися нападениями, решил уничтожить ассасинов или, по крайней мере, изгнать их из Сирии. В 1177 году, после установления мира с Мосулом и Алеппо, он двинулся вперед с большими силами и блокировал Массиат, который был построен на почти неприступной вершине, возвышающейся над глубоким ущельем.

Мусульманские историки уверяют нас, что он захватил бы эту важнейшую крепость и, таким образом, положил конец Порядку в Сирии, если бы его дядя, Шихаб ад-дин, правитель Хамата, не умолял его заключить мир под гарантии Синана, что после этого король будет защищен от наемных убийц. Другие историки утверждают, что он был напуган угрозами Синана, и рассказывают, как однажды ночью Саладин проснулся и обнаружил у своей кровати несколько горячих лепешек такого размера и формы, которые были характерны для ассасинов. Рядом с ними, приколотая кинжалом, лежала бумага, содержащая угрозу и предупреждение. Какой бы ни была причина, Саладин отступил в Дамаск, не захватив цитадель Ассасинов. Затем, оставив Туран-шаха командовать Сирией, он вернулся в Каир после двухлетнего отсутствия.

После этого Саладин провел кампанию как в Египте, так и в Сирии, овладел главными городами, удерживаемыми крестоносцами, и отвоевал Святую Землю для мусульман, но больше никогда не подвергался нападениям ассасинов.

Мохаммед II умер в Аламуте в 1213 году, как утверждается, от яда, оставив сына Джелал уд дин Хассана, которому в то время было двадцать пять лет. С детства он был противником действий ассасинов. С годами это противостояние стало настолько сильным, что отец и сын боялись друг друга, и когда Мухаммед внезапно умер, подозрение пало на Джелала. Как только новый

великий приор принял командование, он объявил о своем возвращении к истинным догматам ислама и уведомил калифа Багдада, Кваресмийского шаха и губернатора Ирака об этом изменении в учении в Аламуте, обязавшись в то же время призвать всех[240] исмаилитов последовать его примеру. Похоже, этим заверениям поверили, поскольку, когда его жена и мать отправились в паломничество в Мекку, они были с отличием приняты в Багдаде, и группа паломников, шедших под знаменем правителя Аламута, опередила всех остальных. Он прожил всего двенадцать лет после восшествия на престол, но за эти годы он построил мечети, основал школы и призвал ученых людей учить свой народ истинной вере. Некоторые историки считают Джелал уд дина скорее проницательным политиком, чем реформатором, и утверждают, что он оставался апостолом атеизма. Как бы то ни было, ему удалось на короткое время подавить покушение, но оно быстро возобновилось, когда яд устранил его и его сын, Алай эд дин Мухаммед, девятилетний мальчик, взошел на трон. Во время правления Алай эд дина в Аламуте правили женщины из гарема. Все законы, установленные Джелал уд дином, его отцом, были отменены, и атеизм и кинжал господствовали, как во времена Хасана Бен Сабаха. Когда Алай эд Дин достиг совершеннолетия, у него проявились симптомы психического расстройства, но ни у одного мужчины не хватило смелости сказать, что вождь нуждается в помощи. Если бы врач осмелился сказать правду по этому поводу, толпа в Аламуте разорвала бы его на части. По мере того как его болезнь усиливалась, его поведение становилось почти невыносимым, хотя его окружение заявляло, что все, что он говорил и делал, имело божественное происхождение. Когда Алай эд дину было восемнадцать лет, у него родился сын. Этого сына он назвал Рокн уд дин Куршах и сделал его своим преемником.

С детства исмаилиты смотрели на Рокн уд дина как на своего будущего великого приора и оказывали ему почести, равные тем, которые оказывались его отцу. Это вызвало гнев Алай эд дина, и он решил сместить своего сына и назначить другого преемника. Когда его советники объявили, что назначение является окончательным, он пришел в ярость и с тех пор раздражал и мучил своего сына, пока, наконец, Рокн уд дин не раскрыл все свои мысли тем придворным, которые были так же сильно недовольны его отцом, как и он сам. Он заявил, что Алай эд дин разрушает Содружество и что монгольское оружие уничтожит его из-за его поведения. “Я уйду от своего отца, - сказал он, - пошлю послов к великому хану и заключу с ним соглашение”.

Большинство вождей согласились с Рокн уд дином и пообещали защищать его изо всех сил, но в случае нападения[241] со стороны его отца личность вождя, как они сказали, должна быть священна. Вскоре после этого договора, Алай эд дин, будучи пьяным, заснул в деревянном здании с соломенной крышей рядом с одним из своих загонов для овец, местом, которое он посещал всякий раз, когда предавался своему любимому развлечению - исполнять обязанности пастуха. Он был найден мертвым в этом доме около полуночи, его голова была отделена от тела. Туркмен и уроженец Индии были найдены ранеными рядом с ним.

По прошествии восьми дней, после того как многие были подвергнуты пыткам по подозрению, они обнаружили убийцу. Это был некий Хасан из Масандерана, ближайший друг покойного вождя, его неразлучный спутник, человек, которого он любил до самой смерти, хотя и мучил его всеми возможными способами.

Рокн ад-дин вместо того, чтобы предать этого Хасана суду, приказал быстро убить его, что подтвердило подозрения, которые возлагались на молодого вождя, который показал дополнительный пример жестокости, сожгв вместе с телом Хасана двух сыновей и одну дочь

Убийцы. Конечно, они были невиновны, хотя не только возможно, но и вероятно, что они обладали знаниями, которые Рокн уд дин скрыл бы любым способом. Таким образом, Алай эд дин был убит Наемным Убийцей, нанятым его собственным сыном.

Первым действием этого нового правителя было приказать своим подданным соблюдать все обряды ислама, а затем он принял меры по пресечению грабежей и убийств. Но прошел всего год, когда разразилась монгольская буря. Хотя Рокн ад-дин и исмаилиты не могли этого предвидеть, судьба Аламута и всех, кто принадлежал к нему, была решена. Великий хан приказал Хулагу уничтожить их, и повелитель Персии готовился к казни.

Рокн уд дин послал офицера к Яссауру в Хамадан, чтобы заверить его в своей покорности Монгольской империи. Этот генерал посоветовал ему навестить принца Хулагу, который только что прибыл в Персию. Рокн уд дин, встревоженный за свою собственную безопасность, ответил, что пошлет своего брата шахиншаха заранее. Ясаур согласился на это и поручил своему собственному сыну отправиться с шахиншахом. Но тем временем он вошел в район Аламута с армейским корпусом, состоящим из персов и турок, и атаковал эту великую крепость в июне 1256 года. После ожесточенной борьбы его люди были вынуждены отступить, и из мести он уничтожил весь урожай и разорил страну.

Хулагу поручил Гуга Илге и Кита Буге завершить [\[242\]](#) завоевание Кухистана, которое последний начал двумя годами ранее. В одиночку он продвигался довольно медленно, но с помощью Гуга Илги захватил Тун и перебил всех его жителей, за исключением молодых женщин и детей. Сделав это, оба командира присоединились к Хулагу.

После того, как Хулагу принял Шахиншаха в ставку, он отправил Рокн уд дину следующее послание: “Поскольку ты отправил своего брата с выражением покорности, мы простим преступления, совершенные твоим отцом. Разрушай свои замки и приходи в наш лагерь. Стране не будет причинено никакого вреда”.

Когда Рокн уд-дин разрушил несколько замков и демонтировал ворота Аламута вместе с воротами Меймундиза и Лемшера, Яссаур покинул территорию Исмаилитов. Но Рокн уд дин, дав заверения в повинности и приняв монгольского наместника, попросил годичный срок, в течение которого можно выразить почтение Хулагу.

Хулагу во второй раз отправил послов, чтобы обещаниями и угрозами побудить правителя Аламута посетить его. Когда эти послы возвращались, Рокн уд дин отправил с ними двоюродного брата своего отца и своего собственного визиря Шемс уд дина Килеки, которые должны были извиниться и добиться отсрочки, о которой он просил. Он умолял также сохранить три замка, Аламут, Лемшер и Лал, обязавшись в этом случае сдать все остальные. Он надеялся, уступив, получить необходимую ему отсрочку. Он просто ждал зимы, которая остановила бы все действия во всем этом горном регионе.

Единственным ответом Хулагу, только что захватившего замок Шахдиз, был вызов в его лагерь, разбитый в то время недалеко от Демавенда. Он добавил, что если Рокн уд дину понадобится несколько дней, чтобы привести свои дела в порядок, он может получить их, но он должен немедленно отправить своего сына.

Рокн уд дин, в великом страхе получив это сообщение, ответил, что посылает своего сына, а также отряд из трехсот воинов. Он заявил, что разрушит замки, если эти земли не будут

захвачены. Но вместо своего сына он послал своего сводного брата, мальчика семилет, сына своего отца и женщины из Курдистана. Хулагу понял подвох, но смирился, был добр к мальчику и отослал его обратно, сказав, что ребенок слишком мал. Теперь он требовал от Рокн уд дина своего второго брата, шахиншаха. Вождь Аламута послал этого брата, надеясь, что его собственное присутствие не потребуется [243]. Позже, как он думал, наступит зима и запрет его в своем замке; это также защитит от всех врагов.

В этот момент Хулагу послал Шаниншаха к Рокн ад-дину со следующим сообщением: “Ты должен уничтожить Меймундиза, и приходи быстро. Если ты придешь, то найдешь здесь хорошее обращение, если нет, Бог знает, и только Он один, что произойдет”.

Рокн уд дин повторил свои избитые оправдания. Хулагу не захотел их слушать и приказал своим войскам выступить в Радбар из разных точек одновременно. Правое крыло двинулось из Мазандерана, левое - по маршруту Хар и через Лемнан, в то время как центр двинулся по шоссе Талекан. По приказу Хулагу, который наступал с центром, триста человек, посланных Рокн уд дином, были вырезаны близ Казвина, убиты тайно. Достигнув Меймундиза, он совершил экскурсию по крепости и созвал совет. Рокн уд дину было дано пять дней на капитуляцию. Если бы он сдался за это время, ни ему, ни его подданным не было бы причинено никакого вреда, но по истечении этого срока был бы отдан приказ о нападении.

Был дан ответ, что Рокн ад-дин в то время отсутствовал, что без его приказа ни один человек не может сдаться. Монголы приготовились к немедленным действиям. Деревья были срублены и сформованы в балки нужного размера, которые люди перенесли на соседние вершины и превратили в катапульты. Хулагу установил свою палатку на самом высоком месте. На следующий день конфликт уже начался, когда Рокн уд дин прислал сообщение, в котором говорилось, что, поскольку теперь он знает, где находится принц, он просит приостановить все действия и в этот день или послезавтра он посетит штаб-квартиру. На следующий день он пожелал сдаться в письменной форме. Визирю Ата уль Мульк Джувейни было поручено оформить капитуляцию. Бумага была отправлена Рокн уд Дину, и он пообещал сдать крепость, но когда его брат покидал крепость, поднялся такой переполох, что его остановили, и каждому, кто заявлял о сдаче, угрожали смертью.

Рокн уд дин сообщил Хулагу об этой беде и об опасности, в которой он тогда оказался. В ответ Хулагу умолял его не подвергать свою жизнь напрасному риску. Тем временем установили катапульты, и на следующее утро началась атака со всех точек. Бой продолжался до вечера и был напряженным с обеих сторон. В то время, когда бури и снегопады до этого года делали все горные места непроходимыми, погода была благоприятной для осадных работ и новой атаки. Начинаясь четвертый день [244], когда Рокн уд дин счел за лучшее покинуть крепость. Он послал своих вождей вместе с сыном в лагерь монголов, а сам отправился на следующее утро, чтобы пасть ниц перед Хулагу. С ним поехали его министр, знаменитый астроном Нассир ад-дин, и два великих врача, которые всегда советовали сдаться.

На следующий день монголы вошли в Меймундиз. Хулагу доброжелательно относился к Рокн уд дину, но монгольские офицеры наблюдали за ним, и он был вынужден приказывать исмаилитским комендантам сдать свои крепости. Ему самому приходилось сопровождать агентов Хулагу, чтобы осуществить каждую передачу. Сдалось более сорока укрепленных замков; все они были разрушены, когда их гарнизоны были выведены. Аламут и Лемшер были последними

уцелевшими оплотами, и их коменданты заявили, что сдадутся только тогда, когда Хулагу явится лично, и Рокн уд-дин отдал приказ о передаче.

Хулагу отправился в Аламут и остановился на девять дней в Шехереке, древней резиденции правителей Дилема, где отпраздновал счастливое завершение своего предприятия. После этого он появился перед Аламутом и послал Рокн уд-дина призвать своих людей сдаться. Комендант отказался. Хулагу послал большой отряд людей для осады крепости. На это гарнизон предложил уступить и неоднократно посылал делегации в Рокн уд-дин, чтобы заступиться за них и спасти их.

Было дано три дня на то, чтобы вывезти то, что принадлежало лично гарнизону. На четвертый день монголы и персы ворвались внутрь, захватили то, что осталось, и подожгли здания. Говорят, Хулагу сам посетил крепость и был поражен высотой окружающих ее гор.

Библиотека Аламута была известна в этих регионах, но визирь и историк Ата уль Мелик Джувеини, который попросил разрешения Хулагу и получил его, уничтожил все рукописи, относящиеся к взглядам и учению исмаилитов.

Фундамент этой знаменитой крепости был заложен в 860 году, и замок, чрезвычайно сильный благодаря своим сооружениям и расположению, был богато снабжен провизией. Это была настоящая голова и столица королевства убийств. К замку примыкали большие помещения, вырубленные в скале, для хранения провизии, как твердой, так и жидкой; из последней имелись вино, мед и уксус. Говорили, что эти склады были размещены там сто семьдесят[245]лет назад, во времена Хассана Бен Сабаха, и прекрасно сохранились благодаря чистоте места и чистому горному воздуху того региона. Воды реки Бахир, протекавшей у подножия крепости, заполнили ров, окружавший половину крепости.

Монгольский офицер персидского и монгольского ополчения теперь получил команду сравнять Аламут с землей. Для этого потребовалось много времени и огромного труда.

Затем Хулагу отправился в Лемшер, но поскольку эта крепость не сдавалась, он оставил Таир Бугу с сильным корпусом, чтобы взять ее, и вернулся в штаб, где устроил большой пир продолжительностью восемь дней.

Рокн уд-дин последовал за Хулагу в Хамадан, откуда он послал офицеров вместе с офицерами Хулагу в Сирию, чтобы приказать комендантам исмаилитских замков в этой стране сдаться монголам. Находясь в Хамадане, покойный мастер Аламута влюбился в монгольскую девушку низкого происхождения. Хулагу отдал ему девушку, и он женился на ней. До сих пор павший вождь был полезен монголу, который относился к нему с добротой, приказывая сдать крепости, которые могли бы выдерживать осаду годами, если бы исмаилиты сопротивлялись. Когда этот человек больше не был ему нужен, он захотел избавиться от него, но тот дал такое обещание безопасности, что ему не хотелось открыто нарушать свое слово. Рокн уд-дин спас его от смущения, выразив желание посетить двор Мангу, Великого хана. Хулагу, без сомнения, очень ловко передал эту идею другим. Он отправил павшего вождя с девятью слугами из своего народа под конвоем монголов (1257).

Когда Рокн уд-дин прибыл ко двору монголов, Мангу не захотел его видеть и сказал, что властям Персии не следовало разрешать это путешествие, которое напрасно утомило почтовых лошадей. Рокн уд-дин повернул домой, но когда приблизился к горе Тунгат, эскорт зарубил его

вместе с сопровождающими. По словам Рашида, Мангу приказал убить его по дороге в Монголию, а не при возвращении.

Поскольку Великий хан отдал приказ уничтожить исмаилитов, подданных Рокн уд дина распределили по монгольским легионам. Когда вождь ассасинов отправился в это путешествие, которое было позорным и печальным, монгольским офицерам был дан приказ убить ассасинов и не щадить ни мужчин, ни женщин [246] или детей; поэтому все были убиты. Грудных младенцев щадили не больше, чем их матерей. В живых не осталось ни одного ребенка или родственника Рокн уд дина.

Этот последний правитель Ассасинов был одним из самых отвратительных персонажей в истории — безжалостный трус, ставший причиной смерти собственного отца, убивший убийцу этого отца без суда, чтобы он не рассказал все, что знал о злодеяниях своего господина, и сожгший детей убийцы вместе с трупом их отца, чтобы они тоже не могли разоблачить его. Он отдал власть, не приложив усилий для ее сохранения, и с позором расстался с собственной жизнью. [247]

[Содержание]

ГЛАВА XIII

РАЗРУШЕНИЕ КАЛИФАТА

Хулагу уничтожил ассасинов: теперь ему предстояло уничтожить род Аббасидов. В августе 1257 года этот монгольский повелитель Персии отправил своих посланников в Багдад с письмом Мостассиму, занимавшему тогда пост калифа, который был внуком Нассира, преемника Пророка, пригласившего Чингисхана уничтожить шаха Мухаммеда.

После некоторых вступлений и жалоб в письме Хулагу предостерег от сопротивления следующим образом: “Не ударяй кулаком по острию шила, не принимай солнце за тлеющий фитиль непламеняющейся свечи. Немедленно сравняй стены Багдада, засыпь его рвы; оставь управление на время своему сыну и приезжай к нам или, если ты не приедешь, отправь своего визиря с Сулейман-шахом и канцлером. Они в точности передадут тебе наши советы; таким образом, ты будешь использовать их правильно, и тогда нам не придется гневаться. Если мы выступим против Багдада, ты не убежишь от нас, даже если спрячешься в самой глубокой земле или вознесешься на высочайшие небеса.

“Если ты любишь свою собственную жизнь и безопасность своего дома, прислушайся к этим советам; если нет, мир, не дожидаясь, увидит гнев Небес”.

В ответе на это письмо не было никаких признаков страха или смирения. “Юноша, ” ответил Калиф, “ соблазненный десятью днями благоприятствования судьбы, ты в своих собственных глазах Верховный Владыка вселенной и считаешь, что твои приказы вершат судьбу. Ты требуешь от меня того, что никогда не будет дано.

“Разве ты не знаешь, что от Запада до Востока все, кто поклоняется Богу и придерживается истинной веры, являются моими слугами? Если бы я захотел, я мог бы стать хозяином Ирана. С тем, что осталось от его народа, я мог бы выйти за пределы Ирана и поставить каждого человека

в его реальное положение. Но[248]У меня нет желания разжигать войну, это бедствие всех народов. Я не желаю, чтобы войска по моему приказу срывали проклятия с моих подданных, тем более что я друг Великого хана, а также Хулагу. Если тысеешь семена дружбы, какое тебе дело до рвов и крепостных валов Багдада? Иди путями мира и возвращайся в Хорасан”.

Этот ответ принесли три офицера; они отправились с посланцами Хулагу, которых встретила за пределами Багдада огромная масса людей, которые осыпали их оскорблениями, рвали на них одежду, плевали им в лица и убили бы их всех, если бы не выбежавшие стражники и быстро не спасли людей.

“Калиф изогнут, как лук, - сказал Хулагу, получив резкий ответ Мостассима, “ но я сделаю его прямым, как стрела. Небеса отдали Земную империю Чингисхану и его потомкам. Поскольку ваш господин отказывается подчиняться этой власти, - добавил он посланцам на прощание, - война - это все, что ему остается”.

Мостассим, сомневаясь, что делать, обратился к своему визирю, который посоветовал ему послать монголам драгоценные подарки. “Нет лучшего применения богатству, - сказал он, - чем потратить его на защиту Калифата”.

Канцлер обвинил визиря в государственной измене и добавил: “Мы удерживаем все дороги, ведущие в Багдад; если врагу будут отправлены подарки, мы захватим их”. Калиф сказал визирю, что его опасения необоснованны, что монголы будут просто угрожать; что, если они осмелятся двинуться на Аббасидов, они бросятся навстречу собственной неминуемой гибели.

Сулейман-шах, главный военачальник, и другие поспешили к визирю и обрушились на калифа, говоря: “Отданный на растерзание шутам и танцовщицам, у него не осталось разума ни для воинов, ни для серьезности. Если немедленно не будут приняты меры, мы увидим врага у наших ворот, и Багдад постигнет участь всех городов, взятых монголами; ни высокопоставленные, ни низшие, ни богатые, ни бедные не избежат смерти от резни. Мы можем собрать большую армию; мы удерживаем все подступы; мы можем обрушиться на врага и одержать победу, или, если удача отвернется от нас, мы, по крайней мере, сможем умереть с честью”.

Эти слова были доведены до калифа и привели его в чувство. Он поручил визирю набрать войска, усилить Сулеймана и всеми силами охранять безопасность Багдада. Визирь ввел рекрутские сборы, [249]но вводил их очень медленно. Войска были готовы только по истечении пяти месяцев. Даже тогда нерадивый Мостассим не дал необходимой монеты. Монгольские шпионы знали, что происходит во всех точках. В тот день не было ни малейшего шанса остановить армии Хулагу или застать их врасплох.

Калиф во второй раз отправил послов предостеречь Хулагу от войны с Аббасидами, чей дом, как он сказал, будет существовать до скончания веков. Приводились случаи, когда те, кто прикоснулся к этому священному дому, приводили его к собственному ужасному разрушению, последним был шах Мухаммед, умерший в страшных страданиях на одном из островов Каспийского моря. “Помни об их судьбе, если тебе известны их планы в твоём совете”. Таково было резкое предупреждение калифа.

Хулагу не обращал особого внимания на предупреждения такого рода. Он готовил войска для осады большого города, у которого могло быть много защитников. Его главный лагерь находился в Хамадане, и Багдад должен был быть взят, поэтому его первым пунктом было

захватить все дороги между этими двумя городами. Одна дорога, та, по которой должно было двигаться левое крыло его армии, пролегла среди гор и через высокие перевалы, почти всегда покрытые снегом. В этих труднодоступных районах находилась крепость Даританг, которая господствовала над ущельем и охраняла Арабский Ирак на его границе. В Даританге комендант Аке был человеком, у которого были свои горести, вызванные калифом. Хулагу послал за этим человеком, соблазнил его милостями, заставил сдать свою собственную крепость и, если возможно, привлечь на свою сторону других комендантов.

Оказавшись дома, Акэ почувствовал, что его сердце изменилось; он раскаялся. Через друга он сообщил в Багдаде о планах врага и заявил, что, если калиф пришлет ему корпус обученных всадников, он предоставит сто тысяч хороших воинов, туркмен и курдов; с ними он остановит любое наступление монголов на Багдад. Это предложение было представлено визирю, но калиф отклонил его. Вскоре Хулагу узнал все эти подробности и послал сильный конный отряд, чтобы договориться с комендантом Даританга. Монгол, приблизившись к крепости, позвал коменданта, чтобы посоветоваться с ним, как он сказал. Появился Акэ и был схвачен в тот же момент. “Если ты хочешь спасти себе жизнь, а также сохранить свою должность, созови всех своих людей; мы проводим перепись”. Аке проявил покорность и созвал людей. “Если ты будешь верен, ты разрушишь крепость”. Комендант увидел, что его обнаружили, но все же спокойно подчинился[250] и приказал разрушить крепость. Затем он был убит вместе со всеми подчиненными ему людьми, а также со своими домочадцами. Эмир Саид, сын Аке, быстро бежал и скитался по горам, но в конце концов он нашел убежище в Багдаде, где его убили.

Когда Даритангская дорога была обеспечена, Хулагу призвал астролога, которого дал ему Великий хан, его брат, чтобы выбрать дни, благоприятные для всевозможных действий. Этот человек, религиозный приверженец халифа и, возможно, также подкупленный, предсказал шесть великих бедствий, если монголы осадят столицу ислама. Был вызван Нассир ад-дин, астролог из Аламута, шиит. Хулагу спросил его: “Сбудутся ли эти шесть предсказанных вещей?” “Конечно, ни один из них”. “Что тогда произойдет?” “Город калифа будет взят Хулагу”, - ответил сторонник Али. Затем Нассир встретил другого астролога и победил его, назвав имена калифов, которые были убиты, не причинив вреда человечеству.

Теперь монголам был дан приказ наступать на Багдад. Те, кто находился в Руме и на Западе, должны были пройти маршем через Мосул, остановиться несколько западнее столицы и расположиться там лагерем. Эти люди должны были составить правое крыло армии Хулагу. Левое крыло должно было выступить по дороге через Даританг в лагерь к северо-востоку от столицы. Сам Хулагу должен был находиться в центре, поэтому он выбрал дорогу через Хельван, по которой продвигался Мохаммед-шах, когда его постигла беда. Из Эссед-Абада к халифу были отправлены новые посланники с приглашением посетить его ставку. Мостассим отказался от этого, но пообещал ежегодную дань, если Хулагу уведет всех своих воинов. Принц ответил, что, находясь так близко, он не может вернуться, не повидавшись с калифом. Но прежде чем отправиться дальше, Хулагу отправил третье посольство с просьбой прислать визиря с канцлером.

Тем временем Луристан в большей части был захвачен монголами. Когда правое крыло приблизилось к южному берегу Тигра, настоящая паника охватила всех людей, живших в этом регионе, и огромные толпы искали убежища в Багдаде. Паника была такой, что мужчины и женщины бросались в воду в сильном беспокойстве поскорее пересечь реку. Богатые браслеты

или все золотые монеты, какие только могла достать рука, с радостью раздавались лодочникам за проезд до города.

Теперь канцлер, у которого вместе с генералом Фетх уд дином была армия, расположенная на Хельванской дороге, двинулся навстречу этому [251]сильному монгольскому подразделению. Он атаковал авангард, который был разбит, а затем преследовал его, пока он не достиг основной армии. Там монголы столкнулись с преследователями, и началась вторая битва, которая продолжалась до наступления ночи. Две армии стояли лагерем лицом к лицу до рассвета. Ночью монголы открыли каналы от Тигра и затопили огромную равнину в тылу своих противников, тем самым сделав отступление очень трудным, а местами и невозможным. На рассвете последовало новое сражение, в котором погибло большинство багдадцев. Канцлер бежал в город с очень небольшим отрядом. Только после этого советники калифа приступили к укреплению стен и защите столицы. Несколько дней спустя правое монгольское крыло достигло пригородов на западном берегу Тигра. Хулагу сам атаковал восточную часть города. Сразу после того, как канцлер бежал с поля боя к городским укреплениям, калиф отправил своего визиря в ставку; с ним отправился несторианский патриарх. Визирь принял это сообщение: “Я уступил желаниям Хулагу и надеюсь, что принц вспомнит о своем обещании”. Хулагу дал такой ответ: “Я выдвинул свое требование, когда был в Хамадане. Тогда я пожелал увидеть визиря и канцлера. Сейчас я у ворот столицы, и мое желание может быть иным”.

На следующий день визирь, министр внутренних дел и многие знатные горожане всем скопом отправились к Хулагу. Он не захотел их принять. Атака возобновилась и продолжалась шесть дней подряд. К концу этого периода вся восточная стена была захвачена монголами. Инвестиции были абсолютными, спастись по реке было невозможно ни вниз по течению, ни вверх против него. Канцлер попытался сбежать, но был встречен градом камней, горячей нефти и стрел. Его отбросили назад после того, как были захвачены три его лодки и люди в них перебиты.

Теперь калиф понял, что должен склониться перед монголами, и он согнулся по-своему глупо: он послал двух чиновников с подарками, не слишком богатыми и не слишком много, чтобы монголы не сочли его чересчур робким и не стали слишком требовательными. Хулагу отказал этим посланникам в аудиенции. Затем младший сын калифа и сахиб Диван отправились в лагерь врага, на этот раз с богатыми подарками, но великого монгола они так и не увидели. Старший сын калифа взял визиря и вместе с ним предпринял новое испытание,[252]но эти двое имели не больше успеха, чем остальные. На следующий день Хулагу отправил двух гонцов в город с таким приказом: “Приведите ко мне Сулейман-шаха с канцлером. Калиф может прийти или не прийти, как ему заблагорассудится”. Этих двух мужчин привезли, а затем отправили обратно в город, чтобы сказать всем людям, с которыми они общались, что их доставят в Сирию, и они должны беспрепятственно пройти через ворота. В надежде найти безопасное место многие люди покинули Багдад. Все эти люди были распределены по монгольским подразделениям, и каждый из них погиб от меча. Сначала казнили канцлера, затем Сулеймана со связанными руками привели к Хулагу. “Раз уж ты разбираешься в звездах, почему бы тебе не увидеть приближение рокового дня и не уведомить своего повелителя должным образом?” - спросил монгол. “Калиф был связан своей судьбой и не захотел слушать верных слуг”, - ответил военачальник. Сулейман был казнен, и вместе с ним погибли все его домочадцы, всего семьсот человек. Сын канцлера погиб вместе с остальными.

Затем настала очередь калифа; он выступил из Багдада со своими тремя сыновьями, с ним отправились три тысячи человек, высшие сановники и чиновники. Когда он предстал перед Хулагу, принц очень приветливо поинтересовался его здоровьем, а затем сказал, что он должен объявить городу, что все мужчины должны сложить оружие и выйти на пересчет. Мостассим вернулся и объявил жителям Багдада, что тот, кто желает сохранить себе жизнь, должен сложить оружие и вернуться в лагерь монголов. Затем все люди, как воины, так и мирные жители, толпами устремились к воротам города. Когда снаружи их перебили, убили всех до одного, за исключением калифа и его сыновей, которых забрали в армию на левом фланге и там строго охраняли. С этого момента первосвященник ислама очень ясно увидел свою собственную судьбу.

Три дня спустя началось разграбление Багдада. Монголы ворвались со всех сторон одновременно; они пощадили только дома христиан и нескольких иностранцев. На второй день разрушения города Хулагу отправился во дворец в Багдаде и устроил большой пир для своих военачальников; ближе к концу этого пира привели калифа, чтобы он предстал перед Хулагу. “Ты хозяин этого дома, - сказал победитель, - я[253]в нем гость. Давай посмотрим, что у тебя есть такого, что могло бы стать хорошим и подобающим подарком мне”.

Калифу привезли две тысячи богатых одежд и десять тысяч золотых динаров, а также множество драгоценных камней. Хулагу даже не взглянул на них. “Наши люди, ” заметил он, - найдут все богатства такого рода, которые предназначены для моих слуг. Покажите спрятанные сокровища”. Затем калиф описал место во дворе. Люди сразу же принялись за работу и копали до тех пор, пока не наткнулись на два резервуара, наполненных золотыми монетами, каждая из которых стоила сто мискалей. В разных частях дворца монголы находили золотые и серебряные сосуды; они придавали им значения не больше, чем если бы они были оловянными или медными.

Тогда Хулагу пожелал, чтобы все находившиеся в гареме были пересчитаны. Там было найдено семьсот женщин и рабынь и тысяча евнухов. Калиф умолял отдать ему тех женщин, которые никогда не были непосредственно под солнечным или лунным светом. Победитель дал ему сотню. Мостассим выбрал родственниц, и их вывели из дворца. Все лучшие сокровища калифа были доставлены в лагерь Хулагу. Вокруг огромного шатра внука Чингисхана были сложены огромные богатства, составлявшие часть того, что Аббасиды отняли у людей за полвека тысячелетия.

Разграбление города продолжалось семь дней и ночей кряду; за это время было сожжено большинство мечетей. Затем прибыла депутация, чтобы молить о пощаде завоевателя. Видя, что это место, если он пощадит его, может принести ему некоторую прибыль, он смягчился после того, как было убито восемьсот тысяч человек. Те, кто прятался от смерти, теперь вышли на дневной свет в безопасности; их было немного, и смотреть на них было жалко. Многие христиане собрались в церкви, которая тщательно охранялась, и были спасены монголами от смерти и всякого зла. Несторианский патриарх имел власть осуществить это. Несколько богатых мусульман доверили Патриарху лучшие из своих сокровищ на хранение; они надеялись выжить, но все погибли.

Хулагу удалился в деревню Вакаф, расположенную на некотором расстоянии от Багдада, потому что воздух в городе стал чумным и отвратительным. Он вызвал Мостассима. Дрожащий калиф спросил Ибн Алкамию, нет ли пути к спасению. “У меня борода длинная”, - ответил визирь, имея

в виду насмешку канцлера.¹ [254]Калифа и его старшего сына посадили каждого в войлочный мешок и насмерть затоптали конскими копытами. Слуги Мостассима были изрублены и убиты различными методами. На следующий день умер младший сын калифа, и все Аббасиды, чьи имена были в списке этой правящей семьи, были преданы смерти.

Калиф, мать которого была эфиопской рабыней, был тридцать седьмым в своем роду. Ему было сорок шесть лет, когда он умер 21 февраля 1258 года, после пятнадцатилетнего правления. Хулагу назначил новых сановников для Багдада. Старый визирь Ибн Алкамия продолжал оставаться на своем посту. Среди новых людей был один, вполне заслуживающий внимания; это был Бен Амран, префект местечка восточнее от Багдада и прикасавшийся к нему. Этот человек был слугой губернатора Якубы. Однажды, поглаживая подошвы ног этого губернатора, чтобы усыпить его, Бен Амран сам задремал. Разбуженный своим учителем, он сказал, что ему только что было чудесное видение. “На что это было похоже?” - спросил губернатор. “Я думал, что Мостассим и Калифат ушли, а я стал губернатором Багдада”. В ответ хозяин пнул его ногой такой силы, что он опрокинулся навзничь. Находясь в Багдаде в дни осады, Бен Амран слышал, что в лагере монголов не хватает провизии. Он привязал письмо к стреле и пустил его через стену со следующим сообщением: “Если Хулагу хочет узнать что-то ценное, пусть пошлет за Бен-Амраном”. Письмо было доставлено монголу, и он послал за Бен-Амраном. Калиф, который был глуп во всем, позволил этому человеку уехать из города. Когда его привели к вождю монголов, он заявил, что может раздобыть большой запас провизии. Хулагу, хотя и не очень верил его словам, отослал его с офицером; Бен Амран отвел этого человека в большие подземные зернохранилища недалеко от Якубы, где было достаточно пшеницы, чтобы прокормить всех монголов в течение двух недель, и таким образом он позволил Хулагу без проблем продолжать осаду. Бен Амран получил награду за свое предательство и теперь был назначен префектом.

Ибн Алкамия, визирь, был обвинен в государственной измене как до падения города, так и после. Долгое время в школьных книгах читалась фраза: “Проклят Богом тот, кто не проклянет Ибн Алкамию”. В пятницу, следующую после смерти калифа, эти слова произносились вместо обычного воззвания:^[255]“Хвала Аллаху, который уничтожил высшее существование и обрек на ничтожество обитателей этой обители (человечества). О Аллах, помоги нам в бедах, каких ислам никогда не испытывал: но мы принадлежим Богу и возвращаемся к Нему”.

Хулагу теперь был хозяином Багдада, и он задал улемам такой вопрос: “Какой человек лучше в качестве правителя, неверующий, который справедлив, или мусульманин, несправедливый в своих поступках?” Собравшиеся улемы ничего не ответили, пока Рази уд дин Али, мудрец, пользующийся большим уважением, не написал следующее: “Неверующего, который справедлив, следует предпочесть несправедливо верующему”. Все улемы согласились с этим ответом.

Этому подверглось каждое место от Персидского залива до Багдада. И очень интересно отметить поведение некоторых из них и постигшую их судьбу. История Бен-Амрана, префекта, резко контрастирует с историей Тегеле, сына Езераспа, который в свое время дал хороший совет шаху Мухаммеду. Тегеле присоединился к монгольским войскам, но выразил сожаление по поводу разорения Багдада и смерти калифа. Хулагу услышал об этом и разозлился, Тегеле, узнав об опасности, нависшей над ним, без разрешения покинул лагерь и удалился в свои горы. В Луристан были отправлены войска, чтобы вернуть беглеца, брат которого, Шемс уд дин Алб

Аргун, намеревался умиротворить Хулагу и добиться помилования. Аргун был встречен на границе с Луристаном монголами, которые заковали его в цепи и перебили весь его эскорт. Затем монголы двинулись дальше и призвали Тегеле сдаться. Сначала он отказался, не доверяя их обещаниям, но активного сопротивления не оказал. Когда, наконец, они отдали ему кольцо Хулагу в знак благосклонности, он поверил, и они отвезли его в Тебриз, где Хулагу судил его и казнил на рыночной площади.

Затем трон Луристана был передан Альбу Аргуну, брату покойного. Примерно в это же время в штаб-квартире появились соперничающие султаны Рума, Рокн уд дин Келидж Арслан и Изз уд дин Кей Кавус; последний пришел с некоторым страхом, так как он разбудил Хулагу сопротивлением. Когда его допустили к аудиенции, он подарил монголу пару великолепных сапог с его собственным портретом, нарисованным внутри на подошвах. “Я надеюсь, - добавил он, - что монарх соизволит оказать честь своей августейшей ногой голове своего слуги”. Эти слова и заступничество Докуз Хатун, жены Хулагу, принесли ему милость[256], в которой он нуждался и которую искал. Братья помирились, и Рум был разделен между ними.

Теперь Хулагу вызвал к себе Бедр уд дина Лулу из Мосула. Этому принцу было тогда более восьмидесяти лет, и он был очень хитер. Он был рабом Нур уд дина Арслама, шаха Диарбекра, который после смерти оставил его опекуном своему сыну Массуду. Лулу управляла Мосулом от имени этого Масуда, который умер в 1218 году, оставив двух сыновей нежных лет. Эти мальчики последовали за своим отцом в то другое существование, прежде чем прошло два года, и бывший раб стал сувереном. Он правил в Мосуле сорок лет, не имея такового, прежде чем явился к Хулагу с великолепными дарами и, по-видимому, безграничным повиновением. Покидая Мосул, друзья Лулу опасались за его безопасность, но он успокоил их и заверил: “Я сделаю хана мягким и даже буду дергать его за уши, пока буду говорить с ним”.

Хулагу принял Лулу очень любезно, и когда все официальные подарки были доставлены, он добавил: “У меня есть кое-что специально для хана”, - и достал пару золотых сережек, в которые были вставлены две жемчужины редкой красоты. Когда Хулагу восхитился ими, Лулу продолжила: “Если бы хан только оказал мне честь поставить эти два драгоценности на свои места, я немедленно возвысилась бы в глазах всех правителей и моих подданных”. Разрешение было получено, поэтому он взял уши хана и очень осторожно вставил в них два кольца. Затем он взглянул на свою свиту, говоря им таким образом, что выполнил свое странное обещание.

Судьба как христиан, так и евреев была болезненной и горькой под властью Аббасидов. Теперь благосклонность и утешение исходили от монголов. Захватчики в то время заботились о христианах не больше, чем о последователях Мухаммеда, но, нападая на новые земли, в их интересах было завоевать население, враждебное господствующей нации. Защита завоевателей и пошатнувшееся состояние ислама, ослабленного таким ужасным опустошением, пробудили у христиан надежду на господство над теми, кто веками попирали их. От выбора, который победитель сделает между религиями, зависела их судьба, и исход этой борьбы за победу над монголами был некоторое время неопределенным, но, несомненно, важным. Христиане Востока, так же как и крестоносцы, были рады видеть Хулагу[257]готовящимся к походу на Сирию, и им казалось уверенным, что они заранее предвидели уничтожение ислама в регионах, где так обильно проливалась христианская кровь.

Накануне монгольского нашествия Сирией правил Салих, потомок Саладина, но незадолго до этого внучатые племянники Саладина потеряли Египет. Пока армия Людовика Святого

находилась в Дамiette, султан Салих умер (1249). Его смерть держалась в секрете до тех пор, пока его сын Моаззам Туран-шах не прибудет из своего удела между двумя реками, то есть Евфратом и Тигром. Французская армия была разгромлена, а Людовик Святой попал в плен. Три недели спустя Туран-шах пал от кинжалов людей, которые были вождями мамлюков в правление его отца. Он хотел заменить их своими друзьями, поэтому они убили его. После этого поступка вожди присягнули на верность Шеджер уд дур, рабыне и наложнице покойного султана. Она пользовалась его полным доверием и управляла страной до тех пор, пока Туран-шах не добрался до Каира.

Эйбег, вождь мамелюков, был избран командующим. Шеджер уд дур теперь вышла замуж за Эйбега, и по прошествии трех месяцев она подала в отставку в его пользу. Взойдя на трон, новый султан принял титул Моизз и выбрал в качестве помощника Эль Ашрафа, шестилетнего эюбитского принца, правнука Камиля султана. Эта революция, в результате которой на трон эюбитов взошел вождь мамелюков, показывает, насколько могущественными эти воины стали тогда в Египте. Саладин, придя к власти в 1169 году, распустил войска Фатимидских калифов. Эти войска состояли из негритянских рабов, египтян и арабов, и он поставил курдов и турок на их место. Это новое войско состояло из двенадцати тысяч всадников. Саладин и последовавшие за ним султаны любили покупать молодых турок, которых они очень тщательно готовили к военной службе, но Салих, правивший шестым по счету после Саладина, предпочитал мамелюков остальным. Прежде чем прийти к власти, этот принц испытывал мамелюков и уважал их; став султаном, он значительно увеличил их число путем покупки. Эти новые люди были привезены из регионов к северу от Кавказа и Каспия, из племен, известных на Востоке как кипчаки, а русские - как половцы. Сначала их было трудно достать, но после монгольского нашествия на Россию молодых пленников в больших количествах продавали в Египет и Сирию. У Салиха была тысяча человек, которых он поселил в крепости Рандхат, на острове перед Каиром; он назвал их[258]Бахрийе, или люди реки. Эти молодые рабы были воспитаны во владении оружием и в религии ислам. Гвардия султана полностью состояла из мамелюков. Салих выбрал из их вождей лучших военачальников своего двора и своих самых доверенных советников. Они занимали высшие военные посты, пользовались богатейшими поместьями и получали самые высокие доходы; они спасли Египет при Мансуре и больше всего сделали для уничтожения французской армии; их сила заключалась в боевом духе и честолюбии. Их вожди достигли господства в Египте, а затем обуздали монголов.

Сирия теперь принадлежала Нассиру Салах ад-дину Юсейфу, который от своего отца Азиза, внука Саладина, унаследовал княжество Алеппо в 1236 году и получил в 1250 году, после убийства Туран-шаха, княжество Дамаск, принадлежавшее султану Египта. Хозяин теперь лучшей части Сирии, Нассир Салих предпринял попытку свергнуть с трона Египта турецкого вольноотпущенника, который недавно узурпировал его, но был разбит Эйбегом, и посланник калифа предложил посредничество; был заключен мир, и Нассир в 1251 году уступил султану Иерусалим, Газу и побережье до Наблуса. Фарис уд дин Актай, великий вождь мамелюков, был убит по приказу Эйбега, которого он оскорбил. Семьсот солдат этого вождя и несколько бахрийских офицеров бежали, среди прочих Бейбарс и Келавун, которые позже заняли египетский трон. Они покинули Каир ночью, отправились в Сирию и добились от принца Насира разрешения появиться при его дворе. Они получили деньги, почетные одежды, а затем посоветовали ему выступить на Каир. Нассир не доверял этим людям, против которых Эйбег возбудил его подозрения письмом, но он воспользовался инцидентом, чтобы потребовать

обратно земли, которые он уступил Египту, потому что мамелюки, получившие их в качестве феодальных владений, теперь были у него на службе.

Эйбег вернул земли, и Нассир разрешил мамелюкам пользоваться ими. Но эти речные мамелюки не остались верны Нассиру, поскольку считали его слишком слабым для своих проектов. Они отправились к другому эюбиту, Могиту Омару, принцу Карака, и попросили его помочь в нападении на Эйбег, ложно утверждая, что их призвали к этой акции генералы в Каире.

Могит, сын султана Адиля, был заключен Туран-шахом в замке Шубек, когда Туран был [259]убит, Могит был освобожден комендантом замка. В 1251 году тот же Могит стал правителем Карака, а также Шубека. Обстоятельства, казалось, благоприятствовали нападению на Египет. Принц Карака выступил в поход на Египет, но был разбит Кутузом, полководцем Эйбека, который захватил в плен многих бахрийских вождей и немедленно отрубил им головы.

За несколько лет до своего поражения от Эйбега принц Нассир послал к Хулагу своего визиря Зейн уд дина эль Хафиззи, который привез с собой безопасные письма своему хозяину. Огромный прогресс войск Хулагу и его угрожающие планы встревожили Нассира, который теперь сожалел о том, что раньше не выразил почтения монголу-завоевателю. В 1258 году он отправил своего сына Азиза, еще мальчика, со своим визирем, генералом и несколькими офицерами, передав также письмо Бедр уд дину Лулу, пожилому и хитрому принцу Мосула, который, как мы знаем, дергал Хулагу за уши на аудиенции.

Когда посланцы Нассира были приняты Хулагу, он спросил, почему их господин не пришел с ними. “Принц Сирии опасается,” сказали они, “ что в случае его отсутствия его соседи, франки, которые также являются его врагами, вторгнутся в его владения, поэтому он послал своего собственного сына представлять его интересы”. Хулагу притворился, что принял этот ложный ответ. Говорят, что послы просили монгольской помощи спасти Египет от мамелюков. Хулагу задержал Азиза на несколько месяцев, и когда, наконец, он разрешил мальчику уйти и вернуться к своему отцу, визирь получил послание для Нассира, суть которого заключалась в следующем: “Знай ты, принц Нассир, и знай все командиры и воины в Сирии, что мы - Божья армия на земле. Он забрал из наших сердец всякую жалость. Горе тем, кто противостоит нам, они должны бежать, мы должны преследовать их. Каким путем они могут спастись, какая земля защитит их? Наши кони несутся, как молнии, наши мечи разят, как молнии, наши воины многочисленны, как песок на морском берегу. Тот, кто сопротивляется нам, встречает ужас; тот, кто умоляет нас, обретает безопасность. Примите наш закон, тогда ваш и наш будут общими. Если вы будете сопротивляться, вините себя за то, что последует. Выберите безопасный путь. Отвечайте быстро, или ваша страна превратится в пустыню. Вы сами не найдете убежища. Тогда ангел смерти может сказать о вас: “Есть ли среди них кто-нибудь, кто проявляет наименьшие признаки жизни, или чей[260]голос издает слабый шепот?” Мы честны, поэтому предупреждаем вас об этом ”.

Поскольку у Нассира не было надежды на помощь в борьбе с Хулагу, он решил объединиться с каждым мусульманином и прислал смелый ответ. Вот некоторые из его слов: “Вы говорите, что Бог удалил из ваших сердец всякую жалость. Это состояние дьяволов, а не властителей. Но разве не странно угрожать львам синяками, тиграм - гиенами, а героям - кузнечиками? Сопротивление вам - это подчинение Высшему. Если мы убьем вас, наши молитвы будут услышаны; если вы убьете нас, мы попадем в рай. Мы не убежим от смерти, чтобы существовать

в позоре. Если мы выживем, мы счастливы; если умрем, мы мученики. Вы требуйте того послушания, которое мы оказываем наместнику Пророка, вы его не получите; мы предпочли бы отправиться туда, где он находится. Скажите человеку², который написал ваше сообщение, что мы заботимся о его словах не больше, чем о жужжании мухи или скрипе персидской скрипки ”.

Хулагу отдал приказ своей армии выступить в Сирию. Он вызвал Бедр уд дина Лулу, который по причине преклонного возраста был вынужден отправить своего сына, мелика Салиха Исмаила, с войсками в Мосул. Когда этот молодой человек прибыл в лагерь монголов, Хулагу заставил его жениться на дочери Джелал уд дина, последнего шаха Кварезма. Кита Буга шел с авангардом, Синкур, потомок Кассара, и Байджу возглавлял правое крыло, левым командовал Санджак. Хулагу выступил с центром 12 сентября 1259 года. Он миновал Хаккар, где все курды, которых они встретили, были зарублены мечом, ни один человек не был пощажен. Войдя в Диарбекр, Хулагу взял Джезирет на Тигре и послал своего сына Ишмута с Монтай-нойоном взять Маяфаркин, старый и знаменитый город к северо-востоку от Диарбекра, эйюбитского принца которого, Камиля Насир уд-дина Мухаммеда, он хотел наказать за враждебность к монголам. Он был тем более разгневан, что за много лет до этого этот человек был принят великим ханом Мангу и получил письма, которые передавали его земли под защиту этого государя. Хулагу обвинил Камиля теперь в распятии сирийского священника, который прибыл к его двору с охранной грамотой Великого хана; в изгнании монгольских префектов и в отправке корпуса войск на помощь Багдаду по требованию калифа -[261] эти войска, пройдя половину расстояния, повернули назад, узнав, что столица пала. В довершение всего Камиль был в Дамаске и просил принца Нассира выступить в поход на монголов. Именно в это время Хулагу послал своего сына наказать принца Камиля, который едва вернулся с напрасными обещаниями, как обнаружил, что надежно заперт в Майафаркине.

Следующим Хулагу призвал к повиновению Саида Неджмуда дина эль Гази, принца Мардина. Этот принц послал своего сына Мозаффера Кар Арслана, своего главного судью и эмира с подарками и письмом, в котором он ссылался на тяжелую болезнь в качестве оправдания того, что не выразил личного почтения. Хулагу отправил следующий ответ, заставив судью пойти с ним к своему хозяину наедине: “Принц говорит, что он болен, он говорит это, потому что боится Нассира Сирийского и думает, что если я одержу победу, он должен быть дружелюбен со мной, поэтому он симулирует эту болезнь, и если я потерплю неудачу, он будет в хороших отношениях с Нассиром”.

Сын Бедр уд дина Лулу был послан против Амида. Сам Хулагу захватил Нисибин. Он разбил лагерь недалеко от Харрана и добился покорности его жителей, которые были пощажены, как и жители Кохи, следовавшие примеру Харрана; но жители Саруджа, которые не послали депутации просить о пощаде, были убиты мечом до единого.

Поход Хулагу посеял смятение по всей Сирии. Принц Нассир до сих пор проводил время в беседах с Могитом. Годом ранее в Сирию прибыл корпус из трех тысяч всадников; это были дезертиры из армии Хулагу, так называемые шехерзурианцы, несомненно, курды Шехерзура. Нассир взял этих людей к себе на службу и хорошо с ними обращался; услышав, что они хотят покинуть его ради Могита, он удвоил свою награду, но они все равно перешли к Могиту. С этими людьми и мамелюками принц Могит решил, что сможет овладеть Дамаском. Нассир вышел ему навстречу и разбил лагерь у озера Зиза. Он пробыл там шесть месяцев, обсуждая условия с

Могитом через посланников. В конце концов было решено, что последний выдаст своих мамелюков Нассиру и распустит бахрийцев.

Этот договор был заключен, и Нассир вернулся в Дамаск. Узнав, что Хулагу находится в Харране, он посоветовался со своими генералами и решил оказать сопротивление. Нассир разбил свой лагерь в Берзе, недалеко к северу от Дамаска, но он не мог довериться своей армии; добровольцы, турки и арабы, он знал, что его генералы [262] и солдаты очень боялись победителей Хулагу. Сам он был человеком со слабым характером, который не вызывал уважения в своей армии.

Видя тревогу Нассира, визирь Зейн уд-дин эль Хафиззи превозносил величие Хулагу и советовал подчиниться. Возмущенный этим эмир Бейбарс Бундукдар однажды вскочил, бросился на визиря, ударил его, проклял и сказал, что он предатель, стремящийся уничтожить ислам. Зейн ад-дин пожаловался Нассиру на эти оскорбления. На самого Нассира той же ночью в саду напали мамелюки, которые решили немедленно покончить с ним и выбрать нового султана; ему едва удалось бежать в цитадель, но позже вернулся в лагерь по молитве своих офицеров. Бейбарс отправился в Газу, откуда послал офицера по имени Тайбарс к Мансуру, новому правителю Египта, с присягой на верность.

На совете, созванном для обсуждения грядущих опасностей, без каких-либо разногласий было решено, что принц, его офицеры и воины должны отправить свои семьи в Египет. Нассир послал туда свою жену, дочь Кей Кобада, сельджукского султана, он послал также своего сына и свои сокровища. Далее следовали жены, сыновья и дочери офицеров и огромная толпа людей. Опасения отдельных людей были доведены до сведения армии, офицеры отправились туда, как бы попрощаться со своими семьями, но многие из этих офицеров так и не вернулись на свои места. Таким образом, армия Нассира была распущена.

Теперь Нассир попросил помощи у Могита и, кроме того, послал сахиба Кемаля уд-дина Омара в Каир за помощью к султану. Эйбек только что был убит руками Шеджер уд дур, своей жены, которая, убедившись, что он готов убить ее, оказалась слишком быстрой для него. Последовало незамедлительное наказание: Шеджер был передан вдове султана Азиза, которая с помощью евнухов и женщин забила ее до смерти, разделаи ее тело и перебросила через стену в крепостной ров, где оно пролежало несколько дней без одежды и погребения.

Сын Эйбека, Мансур, пятнадцатилетний мальчик, был возведен на трон, а опекуном, или атабегом, стал Актай, бывший товарищ его отца, за которым вскоре последовал Кутуз, который когда-то был его рабом. Когда прибыл посланник Нассира, египетский генерал держал совет в присутствии султана. На совете этот вопрос был задан главному судье и старейшинам: “Возможно ли обложить нацию законным военным налогом?” Ответ заключался в том, что после того, как ненужные[263]ценные предметы были изъяты у людей и проданы, мог взиматься налог. Это было принято советом. Султан был мальчиком, избалованным своей матерью, следовательно, не годился для правления в тот ужасный период. Кутуз желал верховной власти и был готов захватить ее, как только генералы отправятся в Верхний Египет. Когда они ушли, он заключил султана вместе с его братом и матерью в тюрьму, а затем был провозглашен сувереном.

Захваченный монголами в детстве, Кутуз был продан в Дамаске, а позже в Каире. Он объявил себя племянником правителя Кваресмии шаха Мухаммеда. Освобожденный Моизз уд-дином

Эйбегом, он добавил Эль-Моиззи к своему имени, следуя таким образом мамелюкскому обычаю.

Когда генералы осуждали Кутуза за то, что он отнял достоинство у Мансура, он ссылался на Хулагу и страх, вызванный принцем Сирии Нассиром. “Все, чего я хочу, это изгнать монголов. Можем ли мы сделать это без лидера? Когда мы изгоним этого врага, выбери султаном того, кого пожелаешь”. Таким образом, он усмирил своих соперников и, чувствуя уверенность в своей силе, перевез Мансура с матерью и братом в Дамиемту. В следующее царствование они были отправлены в Стамбул, столицу Турции, и остались там.

Новый султан заключил в тюрьму восемь генералов, затем, приняв присягу армии, подготовил свой поход против монголов. Сначала он послал заверяющее послание Нассиру, клянясь, что не будет претендовать на владения этого принца; что он считает себя наместником Нассира в Египте, что он посадит его на трон, если тот приедет в этот момент в Каир. Если принцу понадобятся его услуги, он отправится ему на выручку, но если его присутствие вызовет беспокойство, армия отправится с вождем, которого может указать принц Нассир.

Это письмо, доставленное принцу офицером из Египта, который сопровождал посланника, которого принц отправил в Египет с просьбой о помощи, рассеяло подозрения Нассира. Опасность была неминуемой, Хулагу только что вступил в Сирию. Владыка всех земель между Евфратом и Тигром, Хулагу осадил Эль-Бирет на первой из этих рек и взял его. В этой цитадели Саид, принц эюбитов, просидевший девять лет в тюрьме, был освобожден Хулагу и передан во владение Себайбету и Баниасу. Затем монгол пересек Евфрат по лодочным мостам в Малаттии, Келат-ур-Руме, Эль-Бирете и Киркиссии; он разграбил город Махудж и [\[264\]](#) оставил гарнизоны в Эль-Бирете, Неджраме, Джоабере, Калломкесе и Лаше, предав мечу их жителей. После этого он двинулся со всеми своими вооруженными силами на Алеппо.

Террор, предшествовавший монголам, вынудил множество людей покинуть город в поисках убежища в Дамаске, в то время как еще большее число бежало из Дамаска в Египет. Время года было зимнее, многие погибли от холода в пути, у большинства было отнято их имущество, и в довершение к их бедствиям и великой нищете чума свирепствовала тогда по всей Сирии и хуже всего в Дамаске.

Теперь прибыла одна монгольская дивизия и расположилась лагерем близ Алеппо, часть ее двинулась маршем на город, из которого гарнизон совершил вылазку, сопровождаемый добровольцами из числа самых низших слоев населения. Они, обнаружив численное превосходство противника и его решительность, очень быстро вернулись через ворота. На следующий день основная часть монгольской дивизии вплотную подошла к стенам. Начальники гарнизона вышли на площадь, где совещались. Хотя принц Моаззам Туран-шах, губернатор, запретил нападать на врага, столь явно превосходящего их по численности, часть войск, а с ними и толпа простых людей, двинулись маршем к горе Банкусса, которую они заняли. Увидев наступающих монголов, некоторые из тех, кто был на горе, поспешили вниз, чтобы напасть на них. Монголы обратились в бегство, остальные преследовали их в течение часа и попали в засаду. Те, кто вырвался из ловушки, бежали обратно в Алеппо, преследуемые врагом. Поравнявшись с Банкуссой, люди, оставшиеся на горе, бросились вниз, к воротам города, и многие погибли. В тот же день монголы появились в Азее, городке несколько севернее Алеппо, и взяли его.

Через несколько дней пришел Хулагу и призвал принца Моаззама, его губернатора, сдаться: “Ты не сможешь сопротивляться нам”, - сказал Хулагу. “Прими от нас коменданта в городе и еще одного в цитадели. Сейчас мы выступаем навстречу Нассиру; если он потерпит поражение, страна будет нашей, и ты пощадишь кровь мусульман. Если мы потерпим поражение, ты можешь изгнать наших комендантов или убить их”. Принц Эрзен-ур-Рума принес этот вызов, на который Моаззам ответил: “Между тобой и мной нет ничего, кроме сабли”.

Стены Алеппо были крепкими, а внутри находился хороший запас оружия. Осаждающие за одну ночь возвели прочную контрстену; [265]двадцать катапульт были нацелены на город, который был взят штурмом на седьмой день осады 25 января 1260 года. Когда Алеппо был разграблен в течение пяти дней и ночей, а большинство жителей было вырезано, Хулагу объявил о прекращении резни. Улицы были завалены трупами. Спаслись только те мужчины, которые нашли убежище в четырех домах высокопоставленных лиц, в мусульманской школе и синагоге, все это находилось под надежной охраной. Сто тысяч женщин и детей были проданы в рабство. Стены Алеппо были сровнены с землей, мечети разрушены, сады выкорчеваны и разорены. Месяц спустя цитадель сдалась. Победители нашли в крепости огромную добычу, а также множество ремесленников, которых они пощадили для плена.

Принц Нассир находился в своем лагере в Берзе близ Дамаска, когда получил известие о разграблении Алеппо. Его генерал посоветовал отступить к Газе и просить помощи у султана Кутуза. Нассир оставил Дамаск беззащитным и отправился в Газу вместе с принцем Хамата Мансуром и несколькими другими, кто поддерживал его. По приказу Нассира все, кто мог отправиться в Египет, должны были отправиться немедленно. В Дамаске царил террор; имущество продавалось за бесценок, а верблюды стоили баснословно.

Нассир ненадолго остановился в Наблусе, и по пути из этого города в Газу два офицера, которых он оставил там с войсками, были схвачены монголами и убиты. Это быстрое приближение врага заставило его отступить в Эль-Ариш, откуда он отправил посланника к султану Кутузу, умоляя его быстро прислать помощь.

После ухода Нассира визирь Зейн ад-дин эль-Хафиззи закрыл ворота Дамаска и решил вместе со знатью сдаться посланникам, которые были отправлены Хулагу на встречу с Нассиром в Берзе. Поэтому депутация из самых знатных людей отправилась с богатыми подарками и ключами от города в лагерь Хулагу близ Алеппо. Хулагу надел на вождя этих людей почетную мантию и назначил его верховным судьей Сирии. Этот кади немедленно вернулся в Дамаск и созвал собрание. Явившись в мантии, он зачитал свой диплом и эдикт, гарантирующий безопасность всем людям. Но, несмотря на столь величественные слова, ужас охватил всех.

Теперь прибыли два коменданта, один монгол, другой перс, которые приказали следовать воле Зейн уд дина эль Хафиззи, [266]и обращаться с жителями справедливо. Вскоре после этого Кита-буга прибыл с отрядом монголов, при его появлении было объявлено о безопасности и уважении к жизни и имуществу. Цитадель отказалась сдаваться, но была взята после шестнадцати дней осады. Комендант и его помощники были обезглавлены по указанию Хулагу. Ашраф, эюбитский принц и внук Ширкуха, который после отъезда Нассира в Египет отправился отдать дань уважения Хулагу близ Алеппо, был восстановлен под суверенитетом Химса, который Нассир отнял у него двенадцать лет назад, подарив взамен Тельбашир. Теперь Хулагу сделал Ашрафа своим старшим лейтенантом в Сирии. Ашраф прибыл в Мердж-Баргут, и Кита-Буга приказал Зейн уд-дину эль-Хафиззи и другим властям Дамаска уступить ему свою власть.

После взятия Алеппо Хулагу двинулся против Гарема, крепости, расположенной в двух днях пути к Антиохии. Гарнизон был вынужден сдаться, пообещав под присягой, что ни один человек не пострадает. Защитники ответили, что религия, которой придерживался Хулагу, была им неизвестна, поэтому они не знали, как относиться к его обещанию, но если мусульманин поклянется на Коране, что их жизни будут сохранены, они сдадут замок. Хулагу спросил, кого они хотели бы видеть в качестве человека, который принес бы им присягу; они ответили Фахр уд дин Саки, последний комендант цитадели Алеппо. Хулагу послал этого человека с указанием поклясться во всем, что от него потребуют. В соответствии с его клятвой место было освобождено. Затем всем было приказано покинуть Гарем. Хулагу, разгневанный тем, что его слово было поставлено под сомнение, немедленно казнил Фахр уд дина и вырезал все население, не пожалев даже младенцев. Он пощадил только одного человека, армянина, искусного ювелира, в котором он нуждался.[267]

1 Арабская пословица “Длинная борода, короткий ум”. ↑

2 Этим человеком был Нассир ад-дин, астроном, который был в Аламуте и поставил в тупик астролога, благосклонного к Калифу. ↑

[Содержание]

ГЛАВА XIV

ПОБЕДА КУТУЗА, СУЛТАНА ЕГИПТА

Теперь Хулагу получил известие о смерти Мангу, Великого хана, и, решив немедленно вернуться в Монголию, назначил Кита Бугу командующим армиями в Сирии, а при отъезде приказал ему сравнять стены Алеппо и его цитадели. В это время в Кита-Бугу прибыла депутация крестоносцев.

Историки утверждают, что Хулагу решил отобрать Палестину у мусульман и отдать ее христианам, и что он уже собирался это сделать, когда пришло известие о кончине Мангу в Монголии. Он немедленно повернул домой, намереваясь бороться за собственное возвышение, но в Тебризе узнал, что избран его брат Хубилай, и это остановило его путешествие.

Из Эль-Ариша Нассир поспешил в Катю, но Кутуз, находившийся сейчас в Салахiette, не желая видеть эюбитского принца правителем Египта, пожелал обезвредить его. Он написал вождям, находившимся под командованием Нассира, в том числе лжешехерцурцам, и попросил их поступить к нему на службу, предложив при этом высокие должности и деньги. Соблазненные этими предложениями, турки и курды покинули Нассир. Принц остался с ним, кроме его брата и очень немногих других мужчин. Добравшись до Катии, он не осмелился идти дальше в Египет, поэтому, изменив дорогу, направился пустыней в сторону Шубека; когда он прибыл туда, у него и сопровождавших его людей не было ничего, кроме их лошадей и двух или трех слуг. Он держался дальше, к Караку; правитель этого места прислал лошадей, палатки и все необходимые вещи Нассиру с заявлением, что он может остаться у него или отправиться в Шубек. Нассир не сделал ни того, ни другого; он продолжил свой путь в Балку, но, преданный

двумя слугами-курдами, которые сообщили Кита Буге о его местонахождении, он был схвачен монголами возле озера Зиза и доставлен к их генералу, который в то время осаждал Аджалон. Генерал вынудил Нассира[268]приказать коменданту сдать эту крепость монголам. Комендант подчинился после определенного сопротивления, и Аджалон, эта крепость, построенная Изидуд дином, одним из эмиров Саладина, была сровнена с землей. Незадолго до этого монголы овладели Баальбеком и разрушили этот город и его цитадель. Теперь Кита-Буга отправил Нассира в Тебриз вместе с его братом и Салихом, сыном принца Химса. Могит, принц Карака, послал с собой своего сына Азиза, мальчика шести лет от роду. Когда они проезжали через Дамаск, Нассир был сильно потрясен, и когда он увидел руины Алеппо, он заплакал, не в силах сдержать свое горе.

Хулагу хорошо принял Нассира и пообещал восстановить его в Сирии, когда тот покорит Египет.

Египет, до того времени служивший убежищем для тех, кто бежал от монголов, теперь испытывал ужас перед угрозой вторжения. Монголы завоевали все земли, на которые они до сих пор вторгались, поэтому большинство людей были уверены, что они захватят Египет. Африканцы, живущие в Каире, вернулись в свои отдаленные дома из-за этого убеждения. Вскоре после отъезда Хулагу в Персию послы объявились в Каире и призвали султана к повиновению; в случае отказа султану угрожали войной. Кутуз немедленно созвал большой совет, чтобы принять решение об окончательных действиях. Нассируддин Каймери, кваресмийский генерал, только что покинувший службу у Нассира, выступал за войну и провозгласил ее. “Никто, - сказал он, - не поверит Хулагу, который нарушил верность вождю Аламута, калифу, Аке, коменданту Даританга, и принцу Эрбиля”. Бейбарс, эмир Дамаска, также призвал к войне. После некоторых дебатов каждый присутствующий вождь согласился с султаном. “Это хорошо”, - сказал Кутуз. “Мы выступаем в бой. Победителями или побежденными мы выполним свой долг до конца, и мусульмане отныне никогда не назовут нас трусами”.

Тогда было решено, что посланцы Хулагу должны умереть, поэтому их бросили в тюрьму в ожидании казни. Султан приложил огромные усилия; он взимал дань, незаконную в исламе; он облагал налогом доходы, он облагал налогом головы, но этого все еще было недостаточно; затем он конфисковал имущество всех, кто покинул Нассира ради него. Жене Нассира пришлось расстаться с частью своих драгоценностей; другие женщины были вынуждены пойти на аналогичные жертвы. С теми, кто не расставался со своими драгоценностями добровольно, жестоко обращались. Когда все было готово к выступлению, Кутуз принял клятву верности от своих генералов и выступил из[269]своего замка, называемого Горным замком, 26 июля 1260 года. Его двадцатитысячные силы состояли из египетской армии, сирийцев, перешедших к нему на службу, арабов, а также туркмен. В день отъезда он приказал обезглавить главного монгольского посланника и трех следующих по рангу, по одному в каждом квартале Каира. Четыре головы были выставлены у ворот Завилы; из двадцати шести оставшихся послов он пощадил только одного, молодого человека, которого отправил в отряд мамелюков. По всему Египту был разослан призыв к каждому воину выступить в поход в этой борьбе за ислам. Все должно было исчезнуть, и если кто-нибудь пытался спрятаться, бастинадо применялся к нему безжалостно.

Кутуз отправил посланника просить помощи Ашрафу из Химса, главному губернатору Сирии по приказу Хулагу, и Саиду, который был освобожден из тюрьмы в Эль-Бирете и получил Себайбет

и Баниас в качестве своей доли. Саид оскорбил посланника, но Ашраф принял его и наедине пал ниц в его присутствии из уважения к Кутузу, который послал его, и добавил в ответ на послание: “Я целую землю перед султаном и говорю ему, что я его слуга и подчиняюсь его приказам. Я благодарен за то, что Бог воздвиг Кутуза для помощи исламу. Если он сразится с монголами, наш триумф неизбежен”.

В Салахiette Кутуз держал совет; большая часть вождей отказалась идти дальше; они пожелали подождать в Салахiette. “О вожди ислама, - сказал султан, “ я отправляюсь на эту священную войну, человек, который желает сражаться в ней, последует за мной; тот, кто не желает, может вернуться, но Бог не отведет своего взора от этого изменника. На его голову падет бесчестие наших женщин и гибель нашей страны ”. Тогда он взял клятву у каждого лидера, который ему нравился, следовать за ним, а на следующее утро протрубил сигнал к походу против монголов. Вожди, которые не хотели идти, были теперь увлечены примером других; вся армия двинулась вперед и вошла в пустыню. Бейбарс, командовавший авангардом, вместе с другими бахрийскими вождями покинул Нассир и присоединился к Кутузу, который отдал ему округ Калиуб в качестве дохода. Бейбарс нашел монголов в Газе, но они сразу же покинули это место, и он вошел в него без сопротивления. Султан сделал лишь короткую остановку в Газе и двинулся вдоль береговой линии. Кита Буга, услышавший в Баальбеке об этом наступлении противника, [270]отправил свою семью и багаж в Дамаск, собрал свои войска и отправился навстречу силам Египта.

Впервые две армии увидели друг друга на равнине Айн-Джалут (Фонтан Голиафа), между Байсаном и Наблусом. Перед битвой Кутузов с большим чувством поговорил со своими генералами и укрепил их на случай конфликта. Он упомянул народы, разоренные монголами, и пригрозил своим слушателям такой же участью, если они не одержат победу. Он призвал их освободить Сирию и отстоять ислам; в противном случае они навлекут на себя гнев Небес и страшное наказание. Тронутые его словами, они пролили слезы и поклялись сделать все, что в их силах, чтобы отбросить врага.

Две армии встретились 3 сентября 1260 года. Египтяне вступили в битву неуверенно. Сначала они были робки, и на левом фланге возникло замешательство, которое обратилось в бегство; в этот момент султан воскликнул: “О Аллах, даруй Ты победу твоему слуге Кутузу”. Затем он бросился в атаку лично, врубился в самую гущу врага и проявил чудеса доблести. Он атаковал снова и снова, побуждая других встретить смерть и ничего не бояться.

Тем временем левое крыло сплотилось, переформировалось и снова появилось на поле боя. Теперь эти воины сражались с непобедимой яростью и не останавливались до тех пор, пока не прорвали ряды монголов, которые бежали, потеряв большую часть своих офицеров. Кита-Буга был убит в бою. Монгольская дивизия, окопавшаяся на соседней высоте, была атакована и разбита вдребезги. Эмир Бейбарс окружил беглецов, из которых спаслось лишь очень небольшое число. Некоторые спрятались в камышах недалеко от места сражения; Кутуз поджег камыши, и все эти люди погибли. Когда великая битва закончилась, султан сошел с коня и возблагодарил Бога в молитве, состоящей из двух стихов. Принц Саид, сражавшийся на стороне монголов, теперь пришел сдаваться. Спешившись, он подошел к султану, чтобы поцеловать ему руку, но Кутуз ударил его ногой по губам и приказал конюшему немедленно отрубить ему голову.

В пылу той ужасной битвы молодой монгол, посланный Кутузом к мамелюкам, нашел возможность, как он думал, отомстить за своего отца; но один из тех, кто был рядом с ним, вовремя схватил его за руку, чтобы отклонить метательный снаряд, который, промахнувшись мимо Кутуза, убил лошадь, на которой он ехал.

Лагерь монголов, их женщины и дети, а также[271]багаж попали в руки завоевателей. Коменданты Хулагу были убиты везде, где мусульмане могли их схватить. Те, кто был в Дамаске, смогли спастись. Новости о поражении монголов поступили туда 8 сентября в ночь с субботы на воскресенье. Коменданты немедленно отправились в путь. Через семь месяцев и десять дней они заняли Дамаск. 9 сентября султан отправил из Тверии рескрипт в Дамаск, объявляя о победе, которую Бог даровал исламу. Это известие вызвало тем большую радость, что мусульмане отчаялись избавиться от монголов, считавшихся до того дня непобедимыми. Их восторгу не было предела, поэтому они сразу же бросились к домам христиан, где беспрепятственно грабили и убивали всех. Церкви Святого Иакова и Святой Марии были сожжены. Еврейские лавки были разграблены самым тщательным образом, и дома этого народа с их синагогами были спасены только вооруженными силами. Затем очередь дошла до мусульман, которые были партизанами и агентами монголов; они тоже были убиты без жалости.

Кутуз прибыл в Дамаск со своей армией и вступил в город два дня спустя. Он повесил несколько мусульман, которые поддерживали монголов, среди прочих курда, предавшего Нассира; он повесил также тридцать христиан и заставил остальных внести сто пятьдесят тысяч драхм.

Бейбарс, посланный преследовать убегающих монголов, поспешил в Хамат. Беглецы, когда их почти настигли, бросили свой багаж, отпустили своих пленников на свободу и бросились к морскому побережью, где были схвачены или убиты мусульманскими жителями. Нойон, который был бессилен противостоять египтянам, отступил в Рум с остатками своих воинов.

Кутуз, спасший Египет и ставший хозяином Сирии до Евфрата, был единственным человеком того периода, который мог повернуть вспять волну монгольских завоеваний. Теперь он раздавал поместья и награды всем, кого выбирала его добрая воля. Он передал управление Дамаском Синджару; и Алеппо Мозафферу, сыну Бедр уд дина Лулу; принц Мансур был утвержден во владении Хаматом; Ашраф, принц Химса, главный наместник Хулагу в Сирии, попросил милости султана и получил ее. Назвав имена всех своих помощников в Сирии, Кутуз отбыл из Дамаска в Египет 5 октября. Бейбарс, проявивший огромную доблесть в битве, попросил[272]правительство Алеппо, и, не получив его, возмущен настолько, что вместе с шестью другими недовольными организовал заговор с целью убийства султана.

Между Койсем и Салахием султан свернул с дороги, чтобы ненадолго поохотиться; заговорщики следовали за ним до тех пор, пока не обнаружили его без присмотра. Затем Бейбарс подошел к Кутузу и попросил об одолжении, которое было оказано; он взял руку султана, чтобы поцеловать ее; в этот момент один из шестерых ударил Кутуза саблей по затылку, второй человек сбросил его с лошади, третий пронзил его тело стрелой, и Бейбарс последним ударом лишил султана жизни. 25 октября 1260 года убийцы оставили тело Кутуза там, где он умер, и поспешили в свой лагерь в Салахите. Они вошли в шатер султана и немедленно приступили к возведению на престол Бильбана, эмира, самого значительного человека среди них. Фари уд дин Актай, атабек, вбежал и спросил, что они делают. “Принимают этого человека за султана”, - сказали они, указывая на Билбана. “Как поступают турки в подобных случаях?” - спросил Актай. “Убийца добивается успеха”, - был ответ. “Кто убил султана?” “Этот человек”, - сказали они, указывая на

Бейбарса. Атабек взял Бейбарса за руку и подвел его к трону султана. “Я сию здесь во имя Всевышнего, ” сказал Бейбарс, “ а теперь дай мне свою клятву”. “Сначала ты должен поклясться, “ сказал атабек, - относиться к ним лояльно и дать им продвижение”. Новый султан дал обещания в этом смысле и поклялся им, затем остальные принесли свою клятву верности.

После этого неожиданного восшествия на престол Бейбарс отправился в Каир, куда прибыл ровно в полночь. Город был украшен со всех сторон в честь Кутуза, освободителя ислама. Народ ждал и предвкушал увидеть своего прославленного правителя и порадоваться победе верующих. Каково же было их изумление, когда глашатаи на рассвете пронеслись по всему Каиру и прокричали: “О люди, молитесь всевышнего о милости к душе Эль-Мозаффера Кутуза и молитесь за Эз-Захира Бейбарса, вашего нового султана”.

Все были в великом смятении, потому что боялись бахрийцев и их тирании. Бейбарс, человек из племени кипчаков, или турок-половцев, был продан в Дамаске за восемьсот драхм, но покупатель обнаружил у него белое пятнышко на глазу и разорвал сделку. Затем его купил эмир Эйдикин Бундукдар;^[273] следуя обычаю мамелюков, он называл себя Бейбарс эль Бундукдари. В 1246 году султан эюбитов Салих опозорил эйдикина, забрал его мамелюка и продвигал Бейбарса, пока тот не стал одним из самых знатных бахрийцев.

Теперь Бейбарс произвел своего старого владельца в генералы и передал ему управление Дамаском. Хулагу отдал Дамаск и его провинцию принцу Нассиру и отправил его из Хамадана с эскортом из трехсот сирийцев накануне того дня, когда пришло известие, что монголы разбиты при Айн-Джалуте. Тогда сириец предположил Хулагу, что Нассир, получив Дамаск, наверняка присоединится к Кутузу. Вслед за этим Хулагу послал триста монголов верхом преследовать Нассира. Они настигли принца в горах Салмаса, где убили его и не пощадили никого из его свиты, кроме астролога, который передал историку Бар Гебреусу подробности этой бойни. Хулагу не терпелось отомстить за поражение при Айн-Джалуте, но, сильно озабоченный смертью Мангу, он не мог начать экспедицию в то время.

Как мы уже говорили, Маяфаркин был вынужден сдаться, а затем осажден Ишмутом, в то время как его отец Хулагу наступал на Алеппо. Принц Камиль из Маяфаркина дал такой ответ на вызов: “Я научился на примере судеб других государей ни в коей мере не доверять монголам и буду сражаться изо всех сил”. Воспламеняя мужество своего народа, он открыл все свои запасы и все сокровища, не желая, по его словам, действовать подобно багдадскому калифу, который потерял жизнь и Империю из-за жадности. Он начал с вылазки, в ходе которой убил множество осаждающих. У него на службе был человек, обладавший редким мастерством метать большие камни из катапульт. Этот человек причинил огромный вред нападавшим; у них тоже был человек большого искусства в этом деле, которого они наняли у Бедр уд дина Лулу, покойного принца Мосула. Рассказывают, что однажды двое мужчин разрядили свои двигатели в одно и то же мгновение, и два камня из их катапульт встретились в воздухе и разнесли друг друга на куски. Два богатыря удивительной силы каждый раз выходили из Майафаркина с вылазкой и не отступали до тех пор, пока не оставили на равнине много монголов. Осада со временем превратилась в блокаду, а с блокадой начался голод. Осажденных заставляли есть собак, кошек, обувь, и, наконец, они ели людей. После того, как блокада продолжалась целый год и сопротивление^[274] было исчерпано, жители были отправлены в Ишмут, заявив, что в Маяфаркине больше нет защитников. Он послал Орокту нойона, который нашел только семьдесят полуголодных людей. Монголы бросились грабить. Два воина поднялись на крышу

дома, откуда убивали людей, проходивших мимо них; наконец, окруженные, они отказались сдаваться и погибли, отчаянно сражаясь. Весной 1260 года знаменитый старый город Маяфаркин оказался во владении монголов. Принц Камиль и девять мамелюков были схвачены, доставлены в Тельбашир и приведены в присутствие Хулагу, который ужасным образом казнил Камилля: из его тела вырывали куски плоти и засовывали ему в горло до тех пор, пока жизнь не покинула его. Его голову, отрубленную и насаженную на копье, пронесли из Алеппо в Хамат и, наконец, доставили в Дамаск. Там ее пронесли по улицам, а перед ней играли в тамбурины и пели певцы. Наконец его привязали к стене рядом с воротами Эль-Ферадис (Рай), где он висел до тех пор, пока Кутуз не вошел в город после победы при Айн-Джалуте. Султан приказал поместить эту голову в мавзолей Хусейна, сына Али.

Из девяти мамелюков в Маяфаркине восемь были казнены. Последнего человека пощадили, потому что он был главным охотником принца Майафаркина, и Хулагу взял его к себе на службу.

Ишмут теперь напал на Мардин по приказу своего отца. Хулагу пригласил Саида из Мардина приехать к нему, но Саид проявил недоверие и послал своего сына Мозаффера выразить почтение в Алеппо; Хулагу отослал его обратно в Мардин и сказал: “Скажи своему отцу, чтобы он приехал; предотвратил его восстание и таким образом спас его”. Отец не послушал и заключил Мозаффера в тюрьму; затем Хулагу послал войска против Мардина. Это место находилось на высоте, недоступной для снарядов, и нападавшие были вынуждены блокировать его. По прошествии восьми месяцев эпидемия и голод произвели ужасные разрушения; принц Саид умер от болезни или, как утверждают некоторые историки, от яда, введенного его сыном. Тогда Мозаффер был освобожден и сдался; Хулагу отдал ему Мардин, который тот хранил до своей смерти в 1296 году.

После взятия Багдада и уничтожения калифата Абул Кассин Ахмед, дядя калифа Мостассима, сумел бежать и нашел убежище среди бедуинов в Ираке до 1261 года, когда он отправился в Дамаск в сопровождении арабов. Бейбарс немедленно отдал приказ обращаться с этим потомком Аббаса с[275] с уважением и проводить его в Египет. Когда 19 июня 1261 года Кассин Ахмед приблизился к Каиру, султан вышел ему навстречу с большой свитой военачальников, а также кади, улемов и огромной толпой людей, за которыми следовали еврейские раввины со своими Священными Писаниями и христианские священники с Евангелиями.

Четыре дня спустя главные чиновники и улемы собрались во дворце, и генеалогия Ахмеда была установлена. Верховный судья Тадж уд дин принес ему клятву верности, затем султан поклялся в своем почтении и вере в то, что новый калиф всегда будет действовать в соответствии с Божественным законом ислама и всеми традициями Пророка, повелевать тем, что предписывает закон, запрещать то, что запрещает закон, и идти путями Всевышнего. Также то, что он законно получал от имени Бога пожертвования верующих и раздавал их тем, кто имел право их получать. Затем калиф наделил Бейбарса суверенитетом стран, принявших ислам, и тех, которые Бог мог позволить ему освободить от неверующих. Этот акт посвящения был зафиксирован в грамоте, которая была вручена султану. Затем каждый присутствующий поклялся в верности калифу, которого теперь зовут Аль Мостансир Биллахи, и выразил ему почтение. Султан разослал приказ всем префектам провинций признать нового калифа, упомянуть его имя в публичных молитвах и выбить его на новых монетах. Калиф подарил султану мантию Дома Аббас. Несколько дней спустя этот преемник Мухаммеда выехал на публику на белом коне с черной попоной. На нем был черный тюбан, фиолетовая мантия, золотой

воротник и бедуинская сабля. В день вступления на престол калиф надел на султана служебные одежды и надел золотую цепь ему на шею. После этого визирь зачитал грамоту, наделяющую Бейбарса суверенной властью. Султан сел на коня и проехал по городу с большой pompой и величайшей торжественностью, предшествуемый визирем и главным маршалом, которые поочередно несли над головами грамоту, врученную калифом. Все дома были украшены, и лошадь султана ступала по самым богатым тканям, которые были разложены на улицах по пути его следования.

В следующую пятницу калиф проповедовал в мечети цитадели; султан, не уверенный в том, какой эффект он может произвести, и чтобы быть уверенным в результатах в каждом конкретном случае, устроил так, что сверху на него посыпались[276]золотые и серебряные монеты и таким образом прервал речь, которую он произносил.

Теперь Бейбарс создал для калифа дом со всеми необходимыми офицерами, всадниками и слугами. Он добавил сотню мамелюков, у каждого из которых было по три дромадера и три лошади; он также дал две тысячи конных воинов и отряд бедуинов.

Султан и калиф выехали из Каира в Дамаск 4 сентября 1262 года. 10 октября калиф выступил в Багдад в сопровождении генералов Сеифа ад-дина Билбана и Сонкора из Рума, которым было поручено отправиться с ним к Евфрату и быть готовыми выступить в Ирак по первому сигналу калифа.

Трое сыновей Бедр уд дина Лулу, в то время принцы Мосула, Джебзирета и Синджара, отправились в путь вместе с калифом, но остановились в Рабахе, несмотря на его мольбы, оставив с ним, однако, шестьдесят мамелюков. В этом месте к Мостансиру присоединились Езид, эмир, который был вождем Аль Фазла, и с ним было четыреста бедуинов, и Эйдикин, эмир, который привел с собой тридцать всадников из Хамата.

Продвигаясь по западному берегу Евфрата, они встретили в Ане имана Аббасидов Аль Хакима в сопровождении семисот туркмен; Аль Бурунли, вождь мамелюков, захвативший Алеппо вопреки султану, заставил Аль Хакима выступить с этими всадниками. Калиф настиг Хакима и его отряд у реки, где дезертировали семьсот туркмен.

После этого Хаким присоединился к Мостансиру и был готов помочь ему обосноваться в Багдаде. Жители Аны отказались принять Хакима. Они сказали, что султан Египта узнал приближающегося халифа; только ему они откроют ворота своего города.

Когда Мостансир появился, его встретили с должным почтением. Хадице вел себя как Ана, но Хитт категорически отказался открыть свои ворота и был взят силой. Халиф вошел в город 24 ноября со своими воинами, которые безжалостно грабили как христиан, так и евреев.

Кара Буга, командующий монголами, охранявшими Арабский Ирак, услышав о приближении Мостансира, выступил против Анбара с пятью тысячами всадников. Анбар был дружелюбен к[277]Калифу и мог оказать ему помощь. Кара-буга внезапно вошел в город и вырезал людей со всех сторон. Бахадур Али, губернатор Багдада, также отправился сюда со своим гарнизоном. Эти два командира, объединив свои силы близ Анбара, столкнулись с новым калифом, который, расположив туркмен справа от себя, арабов слева, атаковал сам в центре. Войска Бахадура обратились в бегство и большей частью бросились в реку. Кара-Буга устроил часть своих войск в засаде и ждал. Когда туркмены и арабы встретились с монголами, они почти не сражались и в

панике бросились врассыпную. Центр, оставшийся теперь без поддержки, был окружен и подавлен, разгромлен в беспорядке и разрезан на куски. Калиф потерялся в этом хаосе, и его больше никто не видел. По словам одних, он был убит, другие говорили, что он сбежал к арабам и умер от ран, находясь среди них.

Мостансир был, как говорят, человеком огромной силы и отваги, с возвышенностью осанки, действительно сильно отличавшейся от Мостассима, последнего калифа Калифата, который был насмерть затоптан конскими копытами на территории лагеря Хулагу. Но каковы бы ни были его достоинства, это приключение достигло апогея безумия. Трудно объяснить, как султан Египта со всем его искусным управлением мог потратить столько сокровищ на путешествие, несомненно, обреченное на катастрофу, если только у него не было зловещих мотивов в этом предприятии и он не желал, чтобы оно закончилось уничтожением того калифа, которого он, возможно, назначил с помощью дипломатии и для собственного возвеличивания. Один историк утверждает, что Бейбарс послал десять тысяч воинов, чтобы установить халифа в Багдаде, и дал ему в помощь принца Мосула и его братьев, когда один из них предупредил султана, что калиф, если поселится в Багдаде, может отобрать у него Египет. Мы вполне можем предположить, что Бейбарс хотел просто твердо установить свою собственную власть и дать себе свободу в исламе, и что он хотел избавиться от нового калифа, чтобы поставить на его место человека, который не мог быть сильным, но который был бы послушным. Хаким, встретивший покойного Калифа в Анбаре, утверждал, что был четвертым по происхождению от Мостершида, убитого ассасинами в 1135 году. Этот Хаким теперь бежал в Египет, где Бейбарс принял его с почестями и предоставил ему резиденцию во дворце под названием Мунасир аль-Кебеш. В его обязанности входило просто узаконить святостью ислама султана Египта,^[278] и отразить все притязания фатимидов. Его власть за пределами этого была ничем. Его называли “Тенью Бога на Земле, Правителем по повелению Бога”. Он прожил этой жизнью сорок лет и был первым в ряду египетских калифов, которые были марионетками мамелюкских государей. Конец этой линии был положен только тогда, когда Египет был завоеван Селимом I. и турецкие султаны присвоили себе халифат и стали преемниками Мухаммеда.

Салиха, старшего сына Бедр ад-дина из Мосула, постигла участь гораздо худшая, чем халифа. Вскоре после восшествия на престол Бейбарса брат Салиха, Саид, который был изгнан из Алеппо мамлюками, отправился в Египет, откуда написал своему брату, советуя посетить Бейбарса, который после победы над монголами мог бы сделать Салиха правителем не какого-нибудь маленького местечка на Западе, а обширных восточных регионов. Это письмо очень бережно хранилось Салихом, который взял его с собой в постель. Ибн Юнус, чиновник, который был важной персоной во времена Бедр ад-дина, украл его из-под одеяла, пока Салих спал. Он немедленно отправился в Баашику, на родину в провинцию Ниневия.

Обнаружив пропажу письма, Салих отправил двух рабынь в Баашику. Ибн Юнус, опасаясь страшного наказания в случае поимки, повернул в Эрбиль и по дороге в Бактели посоветовал некоему Абад Улле бежать со всеми своими людьми, не дожидаясь, пока Салих уничтожит всех христиан и сразу же сбежит в Египет. Затем он бежал в Эрбиль.

Тем временем Салих, опасаясь, что Ибн Юнус может передать письмо монголам, удалился со своим сыном Алай уль Мульком в Сирию. Туркан Хатун, его жена, не поехала с ним. Она осталась в Мосуле с Ясаном, монгольским префектом. Они с Ясаном закрыли ворота и подготовили оборону города. Один из офицеров Салиха, Алам уд дин Санджар, оставил его во

время путешествия и вернулся, чтобы занять Мосул. Он обнаружил, что ворота закрыты, и начал их атаковать. Это нападение безуспешно продолжалось несколько дней. Наконец несколько горожан распахнули ворота, и он вошел. Префект и жена Салиха бежали в цитадель.

Санджар убил всех христиан, которые не хотели принимать ислам, поэтому многие отказались от своей религии, чтобы спасти себя.

Тем временем курды напали на близлежащие районы и убили большое количество христиан. Они взяли штурмом монастырь Кудида и казнили многих его обитателей.^[279] Монастырь Мар Матфея они осаждали в течение четырех месяцев пешими воинами и тысячей конных. Они попытались штурмовать его, но монахи отразили все попытки и сожгли все штурмовые лестницы бензином. Теперь курды сбросили два огромных камня с вершины соседней горы. Один из них прочно вделан в стену и был закреплен там, как камень в оправе; другой прошел насквозь и оставил за собой широкую брешь. Когда курды попытались прорваться через отверстие, монахи встретили их с отчаянной отвагой, используя камни, дротики и все оружие, имевшееся в монастыре. Они не допустили курдов и заделали большую брешь. Аббат Абунсер сражался впереди всех и потерял один глаз в этой жестокой схватке. Но со временем защитники потерпели неудачу и были бы вынуждены сдаться, если бы атаки продолжались. Но у курдов тоже были свои слабости. Они очень боялись нападения монголов, хотя очень умело это скрывали и даже вымогали выкуп. Монахи отдали серебро и золото церквей и все сокровища, которые смогли раздобыть у людей, после чего курды покинули их.

В Эрбиле монгольский эмир Кутлег бег безжалостно убивал мужчин и женщин. Офицер Салиха, Санджар, услышав, что монголы движутся на Мосул, выступил и вступил с ними в бой; он был убит, а его войска разгромлены. Салих, мелик Мосула, и его сын тем временем отправились к Бейбарсу, который в то время находился в Дамаске с новым калифом. Султан принял его с большой помпой, как и его братьев. Им были вручены лошади, знамена и почетные одежды, а также дипломы, подтверждающие их титулы. Эти дипломы были еще более усилены халифом. Затем трое братьев сопроводили калифа в Раббу, как уже было сказано, где они оставили его, вернувшись каждый к себе.

Салих вернулся в Мосул, который в то время был захвачен монголами. Командир Самдагу, узнав от шпиона, что Салих приближается, отступил в пункт, расположенный недалеко от города, где он ждал. Когда Салих миновал ворота, Самдагу вновь снабдил их двумя отрядами воинов и двадцатью пятью катапультами. Затем он начал осадные работы, которые продолжались с декабря по лето.

Салих сделал хорошие подарки своему гарнизону и пообещал, что султан ^[280]пришлет подкрепление. Защита была смелой и эффективной. Однажды восьмидесяти монголам удалось взобраться на бастион, но все они были убиты, и их головы были прострелены из катапульта их товарищам.

Самдагу почувствовал потребность в подкреплении, которое незамедлительно прибыло к нему от Хулагу. Наконец султан приказал Аккушу, который управлял Алеппо, выступить на Мосул и освободить его. Он отправился в путь и отправил голубя с известием о своем прибытии. Эта птица по чудесной случайности села на катапульту в армии Самдагу, была поймана и в приложенном к ней письме уведомила об этом не принца Мосула, а Самдагу.

Самдагу немедленно отправил сильный отряд воинов, чтобы отбить Аккуша и уничтожить его, если возможно. Монголы устроили три засады, где они ждали. Египтяне частично пострадали от этих засад, а частично от свирепого ветра, который дул им в лицо и швырял в них тучи песка. Армия султана была перебита, за исключением жалких остатков. Затем монголы напали на жителей Синджара, убили почти всех мужчин и захватили в плен женщин и детей. Затем они надели одежду погибших воинов Аккуша и двинулись в сторону Мосула. Когда они приближались к этому городу, люди увидели их со сторожевых башен, которые приняли их за войска, посланные султаном, и в большом количестве вышли им навстречу. Эти граждане были немедленно окружены монголами и перебиты до последнего человека.

Когда осада продолжалась шесть месяцев, стояла невыносимая летняя жара, и каждая сторона прекратила свои действия. Монгольский военачальник пообещал пощадить всех и отправить Салиха к Хулагу с просьбой о полном помиловании. После этого Салих сдался и отправил Самдагу письмо, содержащее условия капитуляции.

Он отправился в монгольский лагерь из города 25 июня 1262 года с подарками и лакомствами, сопровождаемый танцорами, музыкантами и арлекинами. Монгольский военачальник, забыв обо всех обещаниях, не принял Салиха и не взглянул на него, более того, он немедленно приставил к принцу сильную охрану.

Но Самдагу успокоил людей; он объявил, что они должны быть в хорошем настроении и ничего не бояться. Тем временем они должны снести стены и убрать их. Они выполнили эту работу незамедлительно, и когда все было расчищено, и все место было открыто, [281] в этом скорбном городе началась резня. Девять дней продолжалась эта ужасная резня, пока меч не прикончил всех до единого. Мосул опустел, там не осталось ни души. Только когда монголы отошли далеко, восемьсот или десять сотен человек, прятавшихся на холмах и в пещерах, выползли наружу и вернулись, чтобы заселить город.

Первым губернатором этого призрачного и пораженного смертью Мосула был Ибн Юнус, который украл письмо у Салиха и предал его.

Салиха отправили к Хулагу для вынесения приговора. Приговор был отвратительным. Покойный принц Мосула был лишен одежды и завернут в овчину, только что снятую с животного. Эта кожа была плотно обмотана вокруг Салиха, который, находясь под воздействием июльского солнца в том климате, ужасно страдал. Вскоре кожа была покрыта самой отвратительной формой жизни, и всепобеждающий червь теперь жил с Салихом. Принц провел целый месяц в этой ужасной овчине, когда к нему пришла смерть.

Его сын Алай уд-дин, трехлетний мальчик, был отправлен обратно в Мосул и там казнен. Они напоили ребенка, очень туго обвязали веревками его живот таким образом, чтобы внутренности вырвались наружу; затем они разрезали его тело поперек на две части и повесили по одной на каждом берегу Тигра на виселице. Мохай, сын Зеблака, который вместе с другими открыл ворота Салиху, был обезглавлен.

Самдагу после своего триумфа при Мосуле двинулся маршем на Джезирет, который он осаждал всю следующую зиму и весну и часть лета 1263 года. Это место было спасено от разрушения епископом Хананом Йешуа (Благодатью Иисуса), несторианином, который благодаря своим знаниям алхимии был любимцем Хулагу, к которому он сразу же отправился и получил ярлык, или указ, гарантирующий их жизнь людям. Ворота были распахнуты перед Самдагу, который

сразу же сравнивал стены с землей. Гулбег, офицер джезиретского принца, был назначен губернатором, но вскоре Самдагу, узнав, что Гулбег передал посланцу покойного принца золото, которое тот сам припрятал, немедленно казнил Гулбега.

Примерно в это же время Салар Багдадский, эмир-дезертир, отправился из Ирака в Египет. Этот человек был уроженцем Кипчака и когда-то был мамелюком Дахира, калифа, и от него получил власть [282]над Васситом, Куфатом и Хиллетом; это он сохранил при Мостассиме и Мостансире. После разорения Багдада Хулагу Салар объединил свои силы с другими в сопротивлении монголам, но, обнаружив, что у них нет сил предпринять что-либо эффективное, он отправился в пустыню Хиджаз и пробыл там шесть месяцев, когда послание от Хулагу даровало ему прежнее правление. Он пошел и забрал его. Когда Бейбарс стал султаном, он неоднократно писал Салару, приглашая его в Каир. Салар был склонен к этому визиту, но отложил его; он хотел сохранить все свои сокровища.

Между тем султан сказал однажды Килиджу Багдадскому: “Салар, твой друг, приезжает повидаться со мной”. “Я не думаю, что он приедет, - сказал другой. - Он правит в Ираке, зачем оставлять то, что у него есть, и в чем можно быть уверенным, в Египте?” “Очень хорошо, - сказал султан, - если он не придет сам, я заставлю его”. Затем Бейбарс отправил гонца в Салар с письмами, как бы в ответ некоторым другим; он послал также второго человека, чтобы убить первого, как только тот пересечет границу Салара, и оставить человека там, где он упал, с письмами при нем. Все это было сделано по приказу Бейбарса. Монгольские заставы обнаружили тело и обыскали его. Письма были отправлены ко двору для ознакомления. На службе у Хулагу были сыновья бывших мамелюков халифа. Эти люди прямо рассказали Салару о случившемся, и он сразу понял, что Бейбарс обманул его. Вскоре он получил приказ явиться к монгольскому двору, но, опасаясь смерти там от Хулагу, бежал к султану Египта, оставив и свою семью, и имущество.

Бейбарс принял его с почестями и даровал беглецу военное командование с ценным поместьем.

Теперь Хулагу был очень серьезно остановлен в своих планах против Сирии и Египта ханом Золотой Орды Беркаем, его двоюродным братом, сыном Джучи. За смертью Бату в 1255 году быстро последовала смерть Сартака, его сына и преемника. Следующим после Сартака был малолетний сын Сартака, Улакчи, находившийся на попечении своей матери. Ребенок умер несколько месяцев спустя, и Беркай, третий сын Джучи, был возведен на трон в 1256 году. Беркай был обращен в ислам и эффективно распространял его доктрины. Сильный благодаря поддержке Мангу, Великого хана, которому он помогал Империи, Беркай теперь упрекал Хулагу в ненужной жестокости, в убийстве как друзей, так и врагов; в [283]разрушении многих городов; в смерти калифа, совершенной без санкции семьи Чингисхана. Были и другие причины для недовольства. Трое потомков Джучи отправились в Персию вместе с Хулагу: Балакан и Тумар, внук и правнук Джучи. Эти двое возглавляли отряд Бату, и Кули, также внук Джучи. Кули возглавлял отряд Урды, своего отца. Тумар был обвинен перед Хулагу в попытке причинить ему вред с помощью колдовства. Он признал вину при допросе под пытками. Хулагу из уважения к Беркаю послал к нему Тумара в сопровождении Сугунджака, военачальника. Беркай, решив, что преступление Тумара доказано, отправил его обратно к Хулагу, который, не дожидаясь, казнил принца. Балакан вскоре умер, как и Кули. Беркай предположил, что эти смерти были вызваны ядом, и пришел в ярость. Семьи этих принцев бежали тогда из Персии. Политика,

возможно, сыграла большую роль в этих убийствах, поскольку Беркай и потомки Джучи желали избрания Арика Буги, в то время как Хулагу отдавал предпочтение Хубилаю в борьбе за пост Великого хана. Хулагу, уставший от чрезмерных упреков Беркай, был готов к войне. Услышав это, Беркай заявил о своем намерении отомстить за кровь своих родственников и многих тысяч других людей. Он послал на юг тридцатитысячную армию под командованием Ногай, двоюродного брата Тумара, который двинулся дальше и разбил лагерь близ Ширвана за Кавказом. Когда войска князей, происходивших от Джучи, увидели, что между их собственным государем и Хулагу разгорается война, они быстро покинули Персию. Одна часть отправилась домой через Дербенд, другая, преследуемая воинами Хулагу, прошла через Хорасан, чтобы захватить Газни и земли, прилегающие к Индии.

Хулагу покинул Алатаг, место своего летнего лагеря, и выступил в поход во главе армии, собранной со всей Персии. 11 ноября 1262 года его авангард под командованием Ширамуна потерпел сокрушительное поражение под Шемаки, но несколько дней спустя Абатай исправил это поражение победой под Ширваном.

Хулагу двинулся вперед, чтобы продолжить эту победу, и встретил врага к северу от Дербенда, недалеко от Каспия. Ногай был обращен в бегство и преследовался большим отрядом воинов, которые захватили оставленный им лагерь к северу от Терека, в котором находилось огромное количество скота, женщин и детей. Армия Хулагу осталась в том лагере^[284] и в течение трех дней продолжала пить и предаваться всем доступным удовольствиям.

Внезапно Ногай появился снова со своей армией. Люди Хулагу были застигнуты врасплох у реки и полностью разбиты (13 января 1263 г.). Единственным спасением для выживших было пересечь замерзшую реку. Они попытались это сделать, лед треснул, и огромное количество людей утонуло в Тереке. Хулагу вернулся в Тебриз сильно опечаленный и подавленный свержением, но он сразу же созвал новую армию и отомстил за свой гнев тем кипчакским купцам, которых он застал в Тебризе при своем приезде. Он казнил их, а затем конфисковал их имущество. Беркай немедленно ответил, убив всех торговцев в пределах своей досягаемости, которые были подданными Хулагу и жили в Кипчаке. Следующим Хулагу убил бухарцев. Население этого города выросло, хотя и не сильно, с момента его разорения. Согласно переписи, оно достигло семнадцати тысяч человек. Из этих пяти тысяч были подданными Кипчака, три тысячи принадлежали Сюркуктени, матери Хулагу, а остальные - великому хану. Хулагу приказал согнать эти пять тысяч подданных Беркай на равнины близ города; там мужчины были перебиты мечами; женщины и дети были обращены в плен.

В 1264 году, годом позже, появилось сообщение о том, что Ногай должен возглавить наступление на земли к югу от Кавказа. Пока Хулагу готовился к встрече с этим, Джелал уд дин, сын второго канцлера покойного калифа, сказал Хулагу, что в то время в Персии жили тысячи кипчаков, которые с готовностью пойдут на службу в авангарде. Они знали северные методы ведения войны и, как он сказал, были бы полезнее других в кампании против Беркай. Хулагу послал этого человека созвать этих воинов и приказал, чтобы ему были предоставлены припасы, оружие и деньги в достаточном количестве и чтобы никто не препятствовал ему.

Когда Джелал собрал этих людей из Кипчака, он объявил, что Хулагу поставит их в авангарде, чтобы они были убиты там. "Я не желаю этого", - сказал он. "Следуйте за мной, и мы освободимся от монголов". Он раздал людям деньги и оружие из казны и арсеналов Багдада; затем он сказал коменданту города, что для сбора провизии он совершает набег на арабов

Кафадже, воюющих с Хулагу; после этого он отправится в Ширван. Он переправился через Евфрат, все его люди последовали за ним, забрав с собой свои семьи и багаж. Затем он [285]объявил им, что отправляется в Сирию и Египет. Хулагу был вне себя от гнева, когда узнал о предательстве Джелала.

Бейбарс, проницательный султан Египта, заметив настороженность Хулагу и передвижения Беркая, которые, по его мнению, могли означать вторжение в Сирию, послал конных к границе Персии на разведку. Позже он приказал жителям Дамаска перебраться в Египет со своими семьями в целях безопасности и, таким образом, оставить больше еды для своих воинов. Он приказал губернатору Алеппо сжечь всю траву в районах, прилегающих к Амиду. Это было сделано на протяжении десяти дней пути. Затем султану поступила информация, что на его территории появился отряд кипчаков. Люди говорили ему, что эти люди были подданными Беркая и входили в контингент, предоставленный Хулагу при его прибытии в Персию. Беркаи отозвал их, и в случае остановки они должны были укрыться в Египте.

Султан приказал своим чиновникам хорошо обращаться с этими людьми, снабдить их провизией и одеждой. В Каир прибыло около двухсот человек под командованием четырех капитанов. Каждый военачальник получил землю, переданную командирам сотни. Бейбарс также подарил одежду, лошадей и деньги. Все стали мусульманами. Такое щедрое обращение побудило других людей искать убежища в Египте.

Поговорив с этими чужеземцами об их государе и стране, султан решил отправить послов в Беркай. Он выбрал на эту должность Сеифа уд дина Кешрика, человека, который когда-то служил Джелал уд дину, кваресмийскому султану; он знал страну, в которую его послали, и ее язык. Маджд уд дин, юрисконсульт, отправился с ним. К отряду были присоединены двое кипчаков, получивших гостеприимство от Бейбарса. Послы привезли письмо от Бейбарса, в котором Беркай заверял султана в добрых чувствах и призывал его действовать против Хулагу.

Восхвалялись войска султана, состоящие из представителей многих наций; упоминались его вассалы, мусульмане и христиане; письмо заканчивалось сообщением, что группа воинов посетила Каир и, объявив себя подданными Беркай, была с радостью принята благодаря ему. К этому письму была добавлена родословная нового калифа Хакима.

Посланник и его сподвижники направились к Волге, но были остановлены в греческих регионах императором Михаилом¹, у которого были жалобы [286]на Беркай, чьи войска совершали набеги на его владения. Некоторое время назад Майкл отправил греческий документ, в котором он клялся султану в мире и дружелюбии.

Бейбарс немедленно вызвал патриарха и епископа, чтобы узнать их решение о нарушении клятвы. Они заявили, что, нарушая клятву, суверен отрекается от своей религии. Бейбарс отправил императору этот документ, подписанный патриархом и епископами; он также отправил письмо Беркаю, в котором умолял его прекратить все нападения на Империю.

Теперь Михаил освободил послов, которые переплыли Черное море и высадились в Судак, откуда пересекли Крым и направились в Сарай, расположенный несколько восточнее Волги. На это у них ушло двадцать дней. Визирь Беркай, Аль Фурусси, вышел им навстречу. После инструктажа по церемониалу Сарая их отвели к Беркаю, который находился в шатре, достаточно большом для пятисот человек. Они оставили все оружие и были осторожны, чтобы не коснуться порога при входе. Представленные слева от трона, они были отведены вместе со

свитой справа от него, после того как письмо Бейбарса было зачитано перед Беркаем. Справа от хана сидела его главная жена. Пятьдесят или шестьдесят высших офицеров заняли табуреты рядом с ним.

Хан обратился к послам с несколькими вопросами. Он не стал задерживать их в Сарае без необходимости и отправил с ними послов к султану в Каир, куда Сеиф ад-дин прибыл после двухлетнего отсутствия.

Примерно через шесть месяцев после того, как люди султана выступили из Каира, в этот город прибыли два посланника из Беркай; оба мужчины были мусульманами и проезжали через византийскую столицу. Одним из них был офицер Джелал уд дин эль Кади, другим - шейх Нур уд дин Али. Бейбарс, только что вернувшийся из Сирии после взятия Карака, дал им аудиенцию в Горном замке в присутствии своих военачальников и многочисленного собрания.

Беркай объявил в письме, что он со своими четырьмя братьями принял ислам. Он предложил союз против Хулагу, попросив направить корпус египтян к Евфрату. Он также проявил интерес к одному из султанов Рума, Изз уд дину, и попросил Бейбарса помочь ему.

Султан дал этим посланцам из Беркай много доказательств щедрости, и когда они собирались уходить, он присоединил своих посланников к [287]компании. Эти посланцы привезли с собой ответ на семидесяти страницах с половиной поля. Богатые подарки были также переданы Беркай: копия Корана, изготовленная, как было заявлено, Османом Калифом, с кафедрой Османа и молитвенным ковром; туники, канделябры и факелы из Берберии; все виды полотна из Египта; хлопчатобумажные ткани, сафьян, гобелены, сабли, луки, доспехи, шлемы, нагрудники, седла, уздечки, шкатулки с наконечниками стрел, вазы с сушеным виноградом, позолоченные светильники, черные евнухи, женщины, умевшие готовить изысканные блюда, арабские лошади, дромадеры, белые верблюды, дикие ослы, жираф и немного бальзама. Был добавлен также тюрбан, который был в Мекке, поскольку Бейбарс отправил офицера от имени Беркай в паломничество в священный город, а также гонцов в Медину и Мекку, чтобы поставить имя хана рядом со своим именем в публичной молитве каждой пятницы; это было сделано также в Иерусалиме и Каире. Он отправил в Беркай первую пятничную проповедь нового калифа.

Бейбарс отправил обратно с беркайскими посланцами двести воинов из Кипчака.

Через три месяца после отъезда послов тысяча триста кипчаков отправились в Каир. Бейбарс приказал хорошо обращаться с ними по дороге и сам вышел им навстречу. Увидев его, они спешили и поклонились до земли. Вскоре подошли вторая и третья группы. Среди них было десять отличившихся офицеров с титулом Ага. Со всеми обращались очень либерально. Бейбарс попросил их принять ислам. Они так и сделали, приняв веру в его присутствии.

Султан также принял в Каире ряд высших офицеров из Фарса, вождей арабского племени кафадже и эмира Арабского Ирака. Они приехали просить убежища в Египте, и он дал им феоды. В следующем году он послал Шуджу уд-дина, одного из своих приближенных, в Беркай, умоляя его остановить его людей от набегов на земли византийского императора, который просил у него добрых услуг. Одновременно он отправил Беркаю три тюрбана, которые носил во время паломничества в Мекку, две мраморные вазы и другие подарки.

Пока Хулагу защищал свою северную границу от армий Беркая, Хайтон, царь Киликии, напал на египетские регионы. Хайтон, возвращаясь от двора Хулагу, увидел в Геракле Рокн уд дина,

султана Рума, с которым у него сложилась тесная дружба. Вернувшись домой, он созвал войска и выступил маршем против Айнтаба.[288]

Бейбарс, всегда точно информированный о том, что происходит у его границ, уже отдал приказ войскам в Хамате и Химсе выступить на Алеппо. Египетские войска быстро последовали за ним. Армяне были застигнуты врасплох и обратились в бегство с некоторыми потерями. Хейтон призвал семьсот монголов, которые в тот момент находились в Руме, и двинулся вперед, к нему присоединились сто пятьдесят человек из Антиохии. Эта маленькая армия разбила лагерь в степях Гарема, где страдала от дождя, снега и скудной еды и в конце концов была вынуждена отступить, потеряв при этом много воинов.

УХейтона была тысяча монгольских плащей и шапок, которые он надевал на своих людей, чтобы казалось, что к нему пришли монгольские войска. Этот трюк просто настроил против него еще больше египтян. Они силой атаковали Хейтона и рассеяли его небольшую армию; после этого люди султана ворвались в земли Антиохии и учинили большой хаос.

Секретные службы Ирака сообщили Бейбарсу, что Хулагу послал двух агентов подкупить ведущих офицеров Египта, и что эти люди посетят Сисса по пути. Эта новость была подтверждена его агентами в столице Армении. Позже султан узнал из Акко, что эти два агента отправились в Дамаск; он приказал немедленно арестовать их. Доставленные в Каир, они не смогли опровергнуть обвинение, поэтому Бейбарс тут же их повесил.

В том же году египтяне перехватили письмо Хулагу Могиту, принцу Карака; это, по-видимому, было ответом на какое-то сообщение, из которого можно было сделать вывод, что принц просил монголов захватить Египет, а также Сирию и Газу. Бейбарс сразу же отправился в Газу и, изображая большую дружбу с Могитом, пригласил его в Газу. Могит нанес визит, но в тот момент, когда он вошел в лагерь, его схватили.

Затем Бейбарс вызвал верховного судью Дамаска, принцев, феодалов, военачальников и знатных особ, а также европейских послов, и приказал зачитать письма Хулагу Могиту в их присутствии. Вслед за этим он заявил, что это письмо стало причиной задержания принца. После этого он схватил Карака и вернулся в Каир, где, не дожидаясь, лишил жизни Могита.

В последний год своего правления Хулагу был очень заинтересован в строительстве дворца в Алатаге и в завершении строительства обсерватории в Мераге. Хотя сам он не был ученым, ему нравилось беседовать с учеными людьми, особенно с астрономами и алхимиками,[289]но больше всех с последними, которые знали, как пленить его воображение, и на которых он тратил большие суммы денег.

Теперь (1264 г.) административное управление приобрело огромное значение. Правление Хулагу простиралось от Оксуса до Сирии и Византийской империи. Он отдал своему старшему сыну Абаке Мазандеран, Ирак и Хорасан; Ишмуту, своему третьему сыну, Азербайджан и Аррана; Тудану, одному из своих военачальников, Диарбекра и Диаррабиата до Евфрата; Рум он отдал Мойин уд дину Перване; мелику Садр уд дину - провинцию Тебриз, а Фарс - эмиру Икиату. По словам Рашида, он отдал Керман Туркан Хатун, но некоторые историки ставят это под сомнение. В 1263 году он казнил своего визиря Сеиф уд-дина Битикджи во время похода из Шемяки в Дербенд и поставил на его место Шемс уд-дина Джувейни, чей брат, Алай уд-дин Ата уль Мульк, был назначен губернатором Багдада. В том же году Хулагу приговорил к смертной казни Зейна уд дина Муйеда Сулеймана, сына эмира Эль-Акарбани, более известного как Эль-

Хафиззи, имя, которое он взял у своего бывшего хозяина, принца Хафиззи. Его обвинили в том, что он использовал в своих целях часть доходов провинции Дамаск. Хулагу упрекнул его в вероломстве. “Ты предал меня, - сказал он, - ты предал также принца Насира, а до него принца Хафиззи и раньше всех принцев Баальбека”.

Смертный приговор, вынесенный Эль-Хафицци, касался его семьи, его братьев, родственников и клиентов, всего пятидесяти человек. Спаслись только двое: один был его сыном, а другой - племянником.

Волнения в Фарсе в это время очень сильно привлекли внимание Хулагу. Князя этого региона с самого начала находились под властью монголов. После смерти в 1231 году атабека Фарса, Саид Абу Бекр, его сын и преемник, послал своего брата Техемтена с выражением почтения Уготаю, а также с богатыми подарками. Великий хан выдал патент на инвеституру с титулом Кутлуг-хана. Быстрое подчинение спасло Фарс от всех враждебных монголов. Его правитель ежегодно выплачивал Великому хану тридцать тысяч золотых динаров - небольшую сумму, если принять во внимание богатство этого региона; также были преподнесены подарки.

Когда Хулагу прибыл в Мавераннахр, племянник Абу Бекра, сельджук-шах, прибыл с богатыми подарками, чтобы поприветствовать его. Сельджукский шах [290] был подобающим образом принят Хулагу в Оксусе; но впоследствии был заключен в тюрьму.

Абу Бекр умер в 1260 году, после тридцатилетнего правления. Ему наследовал его сын Саид, но умер через двенадцать дней после восшествия на престол, оставив сына нежных лет на попечение его матери, Туркан Хатун. Этот ребенок, по имени Мохаммед, умер в 1262 году, и трон Фарса перешел к Мохаммеду шаху, одному из его дядей, сыну Салгар-шаха и внуку Саида, сына Зенгви. Этот принц командовал отрядом фарса в великой кампании Хулагу против Багдада. Храбрый, но беспощадный и распутный, его тирания вызывала большие жалобы со всех сторон. Вызванный в лагерь Хулагу, который притворился, что хочет посоветоваться с ним по вопросам Fars, принц задерживал его под различными предлогами до тех пор, пока Туркан Хатун, ныне его жена, которая была недовольна его поведением, но особенно его обращением с ней, не приказала схватить мужчину, когда он проходил мимо гарема, и доставить к Хулагу, которому она сообщила, что Мохаммед-шах непригоден для правления. Это решение принцессы понравилось Хулагу, поэтому она добилась освобождения из тюрьмы брата своего мужа, сельджук-шаха, и, хотя его нрав был неукротимым и вспыльчивым, вскоре после этого она вышла за него замуж.

Однажды вечером, когда сельджук-шах, разгоряченный вином на пиру, подвергся насмешкам за то, что возвысился благодаря благосклонности своей жены, а не по какой-либо другой причине, и когда помимо этого было описано ее поведение, мужчиной овладел приступ ярости. Он приказал евнуху немедленно отрубить ей голову и принести ему. Когда черный человек принес голову принцессы, сельджук-шах сорвал с ушей две великолепные жемчужины и бросил их музыкантам, игравшим на пиру.

Когда этот разъяренный человек услышал, что префекты Хулагу в Ширазе, Огулбек и Кутлук Битикджи, не одобрили это ужасное действие, вместо того, чтобы попытаться успокоить их, он убил одного собственноручно, а другого зарубил через своих слуг; он убил также людей, привязанных к ним. Узнав об этих ужасах, Хулагу приказал казнить Мухаммеда-шаха, которому он только что разрешил вернуться в свою страну, и приказал своим генералам Алтаджу и Тимуру

выступить против сельджук-шаха. Их две дивизии должны были быть усилены войсками из Исфахана, Йезда, Ича и Кермана.

Алтаджу отправил Сельджуку послание от Исфахана, в котором говорилось, что если[291]он раскается, то еще может получить прощение и что он будет действовать в его пользу. Разъяренный принц жестоко обошелся с гонцом. После этого Алтаджу двинулся в Фарс с войсками правителя Кермана, атабека Йезда, шурина сельджука, и другими войсками. Сельджукский шах удалился к границе с Персидским заливом. Магистраты и знатные люди с флагами, едой и экземплярами Корана вышли навстречу Алтаджу. Он успокоил их и приказал своим войскам, жаждавшим грабежа, никоим образом не причинять им вреда. Он быстро двинулся вслед за сельджуками, которые встретили его в Казеруне и проявили удивительную доблесть, но в конце концов уступил необходимости и бежал к гробнице святого шейха Моршеда, которую окружили монголы.

Оказавшись в страхе в своем последнем убежище, сельджук бросился к гробнице святого и одним ударом своей дубины сломал плоское каменное покрытие, покрывавшее тело. “О шейх, помоги мне!” - закричал беглец. В тех краях было известно, что святой провозгласил: “Когда надвигается опасность, предупредите на моей могиле, и я спасу вас”.

Монголы ворвались в дверь и убили многих людей сельджука, которые также искали там убежища. Затем они схватили убегающего сельджука, которого убили у гробницы. Не осталось ни одного Сальгарида, кроме двух дочерей атабега Саида, сына Абу Бекра. Одна из них, Унс Хатун, мать которой сельджукский шах обезглавил, была посажена Хулагу на трон Фарса (1264).

Когда жизнь сельджук-шаха оборвалась, Тимур хотел предать смерти всех ширазцев и таким образом дать предупреждение таким людям, как Сельджук и его сторонники, но Алтаджу настаивал на том, что граждане невиновны, и что подобное наказание может быть назначено только по приказу Хулагу. Армия была распущена, и Алтаджу, взяв с собой самых знатных людей Фарса, отправился ко двору Хулагу.

В 1265 году в Фарсе разразилась еще одна буря: Шериф ад-дин, великий кади, главный человек среди потомков Пророка, который много лет прожил в Хорасане и снискал широкую известность своим благочестием, теперь пытался использовать эту репутацию для продвижения своих амбиций. Он заставлял людей выказывать ему почтение, и многие присоединялись к нему в каждом городе и деревне, которые он посещал. Многие верили, что он и есть тот Мадхи, которого шииты ожидали в свое время, и думали, что он обладает силой творить чудеса. Приняв знаки отличия королевской власти, он двинулся из Шебанкиаре[292]в сторону Ширази со своими сторонниками, которые уже сформировали небольшую армию.

Монгольский командующий в Ширазе и главный министр Унс Кахтуна приняли надлежащие меры и выступили против этого потомка Мухаммеда. Они встретились близ Гувара. Многие думали, что “Мадхи” помогали духи, и что тот, кто нападет на него, будет парализован. В течение некоторого времени ни один человек в армии Ширази не поднимал руку на шерифа. Наконец два воина отважились выпустить в него стрелы, другие последовали этому примеру. Затем монголы атаковали повстанцев, которые бежали; Шериф был убит в схватке с большинством своих последователей.

При первых известиях об этом восстании Хулагу приказал бастинадо Алтаджу пощадить жителей Ширази и приказал отряду воинов наказывать их. Однако, когда он узнал, что Шериф ад-

дин был убит и что жители Шираза по большей части невиновны, он вспомнил о своем первом приказе.

Когда Унс Хатун правила один год, ее отправили в Орду замуж за Мангу Тимура, сына Хулагу, которому она принесла богатое приданое. С тех пор Фарсом управлял Диван, хотя и от имени Унса, который умер в 1287 году в Тебризе. Вместе с ней умерла династия Сальгаридов.

В конце 1264 года монголы осадили Эль-Бирет. Это место считалось главной цитаделью Сирии. Аккуш командовал султаном Египта. Монголы завалили ров крепости дровами. Осажденные проложили туннель к этому рву и сожгли все дрова, которые затем заполнили его. Монголы использовали семнадцать катапульти, но встретили упорное и активное сопротивление, причем женщины проявили в этой борьбе больше мужества, чем мужчины.

Ранее Бейбарсу стало известно, что франки в письме советовали монголам выступить в Сирию весной, когда войска будут дома, а их лошади будут пастись. Как только султан услышал, что монголы атакуют Эль-Бирет, он послал им навстречу четырехтысячный корпус. Четыре дня спустя он отправил еще четыре тысячи человек, которые должны были форсированным маршем достичь Эль-Бирета. Сам султан выступил в путь 27 января 1265 года и к 3 февраля был в Газе, где узнал, что враг снял осаду и отступил.

Монголы при приближении своих противников убрали все [293]свои катапульти, потопили лодки и быстро бежали. Бейбарс отдал приказ доставить оружие и припасы для осады, которая могла продлиться целое десятилетие. Триста почетных мантий и сто тысяч драхм деньгами были разосланы им в награду тем, кто сражался в Эль-Бирете.

Хулагу скоропостижно скончался 8 февраля 1265 года в возрасте сорока восьми лет. Он был похоронен на вершине гористого острова под названием Тала в озере Урумия, где была построена крепость для хранения его главных сокровищ. По обычаю монголов, вместе с ним в могилу было положено много золота и драгоценных камней. Юные девушки редкой красоты, богато одетые и украшенные до предела, были похоронены заживо, чтобы отправиться с ним. Четыре месяца и одиннадцать дней спустя умерла Докуз Хатун, его главная жена, которая была христианкой. Она была внучкой Ван-хана и настолько мудрой женщиной, что Мангу в 1253 году приказал Хулагу не предпринимать ни шагу, не посоветовавшись с ней. Рашид ад-дин утверждает, что благодаря ее влиянию Хулагу благоволил христианам и разрешал им строить церкви во многих частях империи.

Смерть Хулагу и его супруги была оплакана христианами, к которым оба относились с большим уважением. Недалеко от входа во дворец Докуз Хатун находилась церковь с колоколом, который звонил в любое время года. У Хулагу было пять жен; от них, не считая других женщин, у него родилось тринадцать сыновей и семь дочерей.

До нас дошли рассказы об интересных суждениях, связанных с Хулагу. Однажды определенные люди пришли к нему за правосудием; картотекист убил их близкого родственника, и они попросили, чтобы преступник был передан им для наказания. “Много ли в стране картотекистов?” - спросил Хулагу. “Их немного”, - был ответ. Хулагу на мгновение задумался и ответил: “Я дам тебе мастера по изготовлению вьючных седел; поскольку их много, нам легче обойтись одним, чем пилочником”. Друзья убитого заявили, что им нужен убийца. Хулагу не уступил и дал им корову в качестве эквивалента.

Человек потерял глаз в ссоре с ткачихой и пришел добиться справедливости: принц в знак удовлетворения выколол глаз изготовителю стрел. Кто-то спросил, зачем он это сделал. “Ткачу, - сказал он, - нужны оба глаза, в то время как стрелку достаточно одного;[294]он всегда закрывает другой, когда проверяет прямоту стрелы”.

Письмо без подписи и даты было отправлено Хулагу от папы римского, предположительно Александра IV, хотя датировано 1261 годом. В этом письме папа выразил свою радость, услышав, что Хулагу желает стать католиком. “Подумайте, ” продолжал он, - насколько возрастет ваша способность покорять сарацин, если христианские воины будут помогать вам открыто и силой, как это было бы с Божьей милостью, поддерживаемые Божественной силой под щитом христианства. Формируя свои действия в соответствии с католическим учением, вы увеличите свою силу и приобретете бесконечную славу”. Хулагу приписывают благосклонность не только к христианам, но и к ученым людям всех вероисповеданий.

Весной 1266 года Беркай начал вторую кампанию в землях к югу от Кавказа. Абака, который был старшим сыном и преемником Хулагу, удерживал со своими войсками правый берег Куры. Абака послал вперед Ишмута, своего брата, который встретил первую армию Беркай под командованием Ногая. Близ Аксу произошло упорное сражение. Армия Ногая была вынуждена в беспорядке отступить на Ширван, сам Ногай был ранен. Абака теперь переправился через Куру, но, услышав о наступлении Беркай с многочисленной армией, он переправился обратно и разрушил все мосты.

Беркай подошел со своими войсками, и две армии расположились лагерем на противоположных берегах реки. Они оставались на своих местах пятнадцать дней, осыпая друг друга стрелами и посылая слова вызова и насмешек. Ни один из них не мог переправиться, следовательно, битва была невозможна. Наконец Беркай двинулся вверх по реке, намереваясь переправиться через нее в каком-то месте к востоку от Тифлиса, но он умер по дороге, и это положило конец военным действиям. Его тело было доставлено в Сарай и там похоронено в 1266 году. Его армия распалась.

Теперь мы должны вернуться в Империю Кин. [295]

1 Михаил Палеолог. ↑

[Содержание]

ГЛАВА XV

РАЗРУШЕНИЕ ИМПЕРИИ КИН

Нин Киа Су, император династии Кинь (его китайское имя было Шу сиу), отправил к Уготаю в 1229 году своего посла Аджуту с подношениями духу Чингисхана, но новый государь ничего не принял от правителя, который отказался признать Чингисхана своим сюзереном.

Монголы, не обращая внимания на смерть Цзинхиса, продолжили свою войну в Китае и продвинулись через Шэнь си к границе империи Сун. В конце 1227 года они осадили Си хо чин,

город к юго-востоку от Конг Чанга, в тридцати лигах от него. Комендант защищал это место с большой доблестью, но, видя, что монголы в конце концов победят, а затем схватят его, он пригласил Ли ши, свою жену, подумать о ее судьбе. “Мы пользовались благосклонностью нашего государя, “ сказала женщина, - мы должны умереть за династию”; после этого она приняла яд. Двое его сыновей и их жены последовали ее примеру. Когда он сжег пять тел, комендант зарезал себя. Двадцать восемь его подчиненных погибли вместе с ним.

В 1228 году монголы продвинулись еще дальше на юг, и Ваниен Кхада, родовой генерал, послал им навстречу конный отряд под командованием Ченг хошана, который разгромил восьмидесятысячный отряд. Это был первый триумф, одержанный китайцами за три десятилетия, и он очень сильно пробудил желание сопротивления.

В 1228 году монгольский генерал Тукулку назначил королем Ян фу, когда в Монголию был отправлен второй посланник Рода с подарками, которые не были приняты. Теперь Уготай передал командование всеми китайскими войсками, находившимися у него на службе, трем генералам этой расы и сделал двух из них губернаторами.

В 1230 году монголы были разбиты во второй раз Ира букой, родственником генералом, который победой остановил осаду короля яна. [296]Воодушевленный успехом, Ира бука освободил из заключения посланника, которого во время своего регентства Тулуй отправил с мирными посланиями. Отпуская его, генерал Племени неразумно похвастался следующими фразами: “У нас было время подготовиться. Если вы хотите сражаться сейчас, вам нужно только прийти к нам”. Этот вызов был брошен Уготаю, который немедленно отреагировал и вместе со своим братом Тулум отправился в Китай. Они переправились через Хоанг-Хо и двинулись к южной части Шен-си, где взяли шестьдесят фортов и осадили Фонг-цианг, большой город.

Теперь правительство Кина осознало ошибку в своем обращении с посланником и направило монголам новые условия мира. Великий хан пытался убедить этого посланника посетить Фонцзян и добиться его сдачи, но, несмотря на угрозу смерти, этот человек был непреклонен. Уготай приказал отрезать посланнику бороду, а затем заключил его в тюрьму. Осада Фонцзяна энергично продолжалась.

Император династии Кинь, видя, что его генералы медлят с отправкой помощи, поспешил призвать Бай куа, своего помощника. Они ответили, что их войск слишком мало, чтобы бросить вызов великой монгольской армии. Император приказал отвести людей из Тунг Квана, мощной крепости, немедленно дать бой врагу и силой освободить Фонг-цианг, который подвергся жестокой осаде.

Вскоре была предпринята атака, но битва была нерешительной. Однако следующей ночью силы клана отступили и предоставили это место его собственным силам и удаче. Антчар, командовавший монголами, блокировал этот город, захватил населенные пункты вокруг него, лишил всех припасов, и когда продовольствие и припасы были исчерпаны, у Фон-цзяна не было другого выбора, кроме как сдаться.

Мастер Шен-си, Уготай теперь рвался в Хонан, последнюю землю императора Рода, но захватить этот регион было трудно. С севера он был ограничен Хоанг-Хо, с запада его охраняли высокие скалистые горы и мощная крепость Тунг-кван. Монгольские офицеры искали средства преодолеть эти огромные препятствия или ускользнуть от них, когда Ли-чан-го, офицер племена Кин, который поступил на службу к Уготаю только после капитуляции Фон-цзяна, предложил

войти в Хэнань с юга и наметил маршрут завоевания. Тулуй увидел, что план тот же, что был составлен Чингисом на смертном одре, и немедленно поделился им со своим братом Уготаем. Уготай посоветовался со своими[297]генералами, принял план и поручил Тулую следовать ему.

Было решено, что армии севера и юга должны встретиться у Нан кинга в феврале следующего года. Уготай послал Чубугана к сунскому императору за разрешением проехать через часть его страны, но посланник был убит после пересечения границы. Этот поступок поразил монголов, поскольку сунский двор обратился к ним с просьбой о союзе несколько раньше. Однако позже это убийство послужило хорошим предлогом для нападения на Империю.

Тулуй сразу же двинулся на Пао ки, где собрал тридцать тысяч конных воинов. Сначала он захватил крепость Та сан куан, разрушил город Фонг чин и открыл путь через горы Хва, хотя и с огромным трудом. Эта горная цепь отделяет водную систему Хоай от Ханьской и на некотором расстоянии образует границу между двумя империями в Китае. Тулуй пересек эту цепь и, таким образом, вошел в Родственные регионы. Когда он захватил сто сорок городов и укрепленных мест, перебил огромное количество людей и загнал других в бесплодные районы, где они погибли, он разбил свой лагерь недалеко от Хань и там отдохнул.

Увидев врага на южной границе, империя Кин пришла в ужас. На совете, созванном императором для поиска средств обороны, большинство высказалось за размещение армии в городах близ Нань кинга, где необходимо было быстро собрать большие запасы. Монголы, измотанные долгим маршем, не могли атаковать в открытую и были бы вынуждены отступить из-за неминуемого голода. Этот план не понравился императору Кин. Он заявил, что его подданные принесли все жертвы ради армии, и он не оставит их в такой опасности. Он должен защищать Хонан с севера и юга на его границах; это было его окончательное решение.

В соответствии с пожеланиями императора один армейский корпус был сформирован к северу от Хоанг-Хо, а другой - в Тен-чу на южной границе. Эта вторая армия состояла из войск Ваниен Кхады и Ира буки, которые прибыли в Тен чу в январе 1232 года, и к ним присоединились Ян ву янь, Ченг хо шан и Ву шань, три генерала Рода. Пока эти генералы обсуждали, должны ли они напасть на Тулуя при переправе через реку Хань или после того, как он ее переправит, они узнали, что он уже на их стороне. Они немедленно выступили в поход и обнаружили врага [298]у подножия горы Юи на выбранной позиции. Силы племени кинь атаковали, и последовало ожесточенное сражение. Монголы уступали в численности и отступили, но отступили невредимыми.

Через несколько дней родственным генералам сообщили, что враг отступил в лес. Они решили вернуться в Тен Чу, питаться городской провизией и экономить свои собственные пайки. Они совершенно случайно прошли мимо леса; монголы сделали вылазку и атаковали, но только притворились серьезными. Тем временем кавалерия кина захватила монгольский обоз.

Добравшись до Тен чу, родственные генералы доложили, что одержали великую победу. Ликование при дворе было искренним, но очень непродолжительным.

Пока Тулуй наступал, Уготай осаждал Хо чунг, или Пу чиу, сильный город на реке Хоанг Хо, в Шанси, недалеко от ее юго-западного угла. Пирамидальная башня высотой в двести футов, огромные земляные насыпи и туннели были среди сооружений, использованных при нападении. Вскоре башни и деревянные конструкции на стенах города были разрушены.

Осажденные и осаждающие сражались врукопашную пятнадцать дней, когда город был взят. Тридцать пять дней город находился в осаде. Губернатор Цао хо был схвачен с оружием в руках и казнен по указанию Уготая. Бау цзе, комендант, бежал по реке с тремя тысячами человек и отправился к королю Нань, где император Рода убил его.

Уготай получил через курьера отчет от Тулуя о ситуации в Хонане и, не дожидаясь, пересек Хоанг-Хо. Он приказал Тулуу встретить его. Услышав об этом движении Уготая, император династии отдал приказ прорубить дамбы возле столицы, затопить местность вокруг нее и таким образом остановить врага. Тридцать тысяч человек были посланы охранять великую реку, но когда Киа ку сахо, военачальник, узнал, что Уготай уже на южном берегу, он отступил. Продвигаясь вперед, монголы наткнулись на людей, прокладывавших дамбы, атаковали их, остановили работу и убили много тысяч человек.

Тулуй разделил свою армию на многочисленные отряды. С ними он прошел большой участок страны и наблюдал, как армия кино в медленном продвижении на север. Измотанные во время марша, задержанные ветром, дождем и снегом, измученные маршем и голодом, войска Рода Кин были, наконец, встречены императорским евнухом с приказом быстро прибыть в столицу и оказать ей помощь. Они[299]почти не прикасались к пище в течение трех дней и смертельно устали. Когда они готовились разбить лагерь, их внезапно окружили Уготай и Тулуй, которые только что собрали свои силы вместе.

Генералы племени Кинь атаковали монголов и пытались прорваться сквозь них. Многие вожди пали, ведя за собой своих воинов. Ваниен Кхада пробился к Ю чиу. Тулуй немедленно осадил этот город; вырыл ров вокруг стен, занял это место и нашел Ваниен Кхаду. Попав в плен, Ваниен попросил привести его к Субудай. “Тебе осталось жить всего мгновение, ” заметил Субудай, “зачем желать видеть меня?” “Небеса, а не случай, дают нам героев. Теперь, когда я увидел тебя, я закрываю глаза без печали”, - ответил Генерал Рода.

Когда ярость Субудая несколько утихла, Ченг хошан, который тоже был в городе, вышел из своего укрытия и попросил отвести его к вождю монголов. “Если бы я погиб в пылу поражения, ” сказал он Тулуу, “ некоторые люди могли бы объявить меня предателем; теперь все увидят, как я умираю, и должны знать, что я честен”. Он не желал подчиняться, хотя монголы долго пытались склонить его к этому. Чтобы заставить человека встать на колени, они отрубили ему обе ноги и разорвали рот до ушей, чтобы заставить замолчать; но он не переставал повторять в своих острых, ужасных муках, что не запятнает себя изменой. Пораженные его силой духа и воодушевленные кумысом (их напитком, получаемым из кобыльего молока), монголы крикнули ему: “Если ты когда-нибудь вернешься к этой жизни, великолепный воин, родись в нашей компании!”

Ира бука был схвачен по дороге в столицу во время бегства. Они отвели его к Уготая: “Подчинись и будешь спасен”, - сказал император. На каждое предложение был дан ответ: “Я лорд империи Кин, я должен быть верен своему государю”. Ира бука погиб, как и другие. Так погибли генералы Рода, благородно, но без какой-либо выгоды. Лучшие части армии уже погибли.

Через несколько дней после пленения Ю чиу Уготай посетил Тулуу в его лагере и с восторгом выслушал его рассказ о походе из Фонцзяна, во время которого были преодолены огромные

трудности, особенно нехватка продовольствия, которая была такова, что его люди были вынуждены питаться травой и человеческим мясом.

Великий хан похвалил своего брата за мастерство в этом опасном предприятии. Тулуй ответил, что успех был достигнут главным образом благодаря [300]доблести и выносливости его воинов, а также удаче, сопутствующей повелителю монголов.

Услышав о подвиге Тулуя, император династии Кин созвал в свою столицу все войска, которым было поручено защищать Хэнань на его западной границе; поэтому два генерала, командовавшие на той стороне, и губернаторы Тунгвана, великой крепости, объединили свои силы, насчитывавшие сто десять тысяч пеших при пяти тысячах всадников, и двинулись к Шан чиу, городу к югу от Хоанг-Хо. Двести барж должны были доставить припасы на восток, но монголы захватили эти припасы до того, как они были загружены, и когда их войска появились в Тунгване, человек, оставленный там командовать, передал им мощную защиту Хонана и сообщил обо всех передвижениях, которые собиралась предпринять армия его Императора.

Монголы беспрепятственно продвигались к Шан чиу. Родственники удалились в горы Тие линг, сопровождаемые огромными толпами людей всех возрастов и обоих полов, которые надеялись найти убежище в горах. По мере продвижения тающий снег делал дороги очень трудными, а иногда и непроходимыми. Преследуемые победителями, оставшие старики и дети были безжалостно убиты. Один генерал племени Кин сдался, но все же захватчики обезглавили его; остальные были настигнуты и убиты, как и главный губернатор Тун квана.

Оборона на западе Хэнаня полностью рухнула. Пало четырнадцать городов; только два выстояли храбро. Один из них, Хо Ян, или Хо наньфу, стал знаменитым. Это место защищали три тысячи человек, оставшихся от западной армии. После яростной бомбардировки, продолжавшейся несколько дней, монголы пробили брешь в стенах Хо яна. Губернатор счел это место потерянным и, поскольку он не хотел пережить позора капитуляции, прыгнул в ров и таким образом утопился. Затем защитники выбрали Кианг Чина, настоящего героя, своим предводителем. Под его началом было организовано самое отчаянное сопротивление. Крепость держалась три месяца, пока монголы, все еще численностью в тридцать тысяч человек, которым надоело нападать, не оставили этот храбрый город после того, как на него было совершено сто пятьдесят нападений.

Уготай, теперь хозяин почти всех мест вокруг столицы Рода, разбил свой лагерь в четырнадцати лигах к западу от нее и послал Субудая закончить сражение.[301]

Нан кинг (Южная столица) в то время имел двенадцать лиг в окружности. Внутри стен для его защиты было собрано сто тысяч человек. Желая максимально возбудить общественные чувства, император обратился к народу с волнующим обращением, написанным великим ученым Чао Вунь Пином. Осада началась, когда Уготай отправил посланника, чтобы убедить императора Рода подчиниться. Уготай попросил, чтобы в первую очередь к нему в качестве заложников были присланы следующие люди: Чао вунь пин, выдающийся мудрец; Кун юань цзе, потомок Конфуция, с некоторыми другими великими учеными и двадцать семь семей из числа наиболее известных; все семьи мужчин, покоровшихся монголам; жена и дети Ира бука, героического генерала Рода; молодые женщины, искусные в вышивании, а также мужчины, хорошо обученные сокольничеству. Император Кинь принял все условия и, кроме того,

предложил Уко, своего племянника, в качестве заложника, пока Эгуде, его прокуратор, обсуждал окончательный мир с монгольским ханом.

Несмотря на эти знаки покорности, Субудай продолжал осаду с большой энергией. По его словам, ему был дан приказ захватить столицу, и он подчинился ему. Он установил длинные ряды катапульт; пленные женщины, молодые девушки, старики и дети несли фашины и связки соломы, чтобы засыпать рвы. Опасаясь прекратить переговоры, родовое главнокомандование запретило отвечать на атаки монголов. Этот приказ вызвал возмущение. Император Кинь явился в город перед народом в сопровождении всего нескольких всадников. Группа офицеров пришла к нему с жалобой на то, что им не разрешили защищаться, хотя ров был уже наполовину заполнен врагом: “Я готов быть простым данником и вассалом, чтобы защитить своих подданных”, - сказал император. “Сегодня я отправляю своего единственного сына в качестве заложника, так что наберитесь терпения, пока он не уйдет от меня. Если враг не отступит, тогда будет время для борьбы не на жизнь, а на смерть”.

Молодой принц отправился в путь в тот же день вместе с государственным министром Ли цзы, но поскольку атака продолжалась, правитель Кина, возмущенный двуличием монголов, дал сигнал к действию.

Субудай установил огромную линию катапульт и со страшной силой метал большие зазубренные жернова. В конце нескольких дней непрерывного обстрела камни были навалены почти до верха крепостных валов; башни, хотя и были построены из [302]прочной древесины из старых дворцов, были сломаны. Чтобы ослабить действие этих жерновов, башни были подперты огромными мешками, наполненными пшеничной соломой и конским навозом, покрытыми войлоком и очень крепко перевязанными веревками, а также досками, обшитыми необработанными шкурами буйволов. Монголы обрушили огонь из баллист, чтобы сжечь укрепления. Однако ни один снаряд не мог повредить эти странные массивные стены крепости, сделанные в основном из глины, ставшей твердой, как железо.

Осажденные использовали легковоспламеняющиеся снаряды, то есть железные горшки, наполненные каким-либо порохом. Эти горшки, выбрасываемые баллистами или опускаемые на прочных цепях, взрывались с большим шумом, калеча людей или уничтожая их в сотне футов от места взрыва. Атака и защита были оригинальными и энергичными. Несколько монголов, хорошо защищенных сырыми шкурами бизонов, приблизились, вырыли ямы в стенах и остались там за работой, защищенные от всех снарядов. Осажденные метали копья с фейерверками, которые, взрываясь, сжигали все в радиусе тридцати футов от них. Монголы очень боялись этих двух видов снарядов.

После штурмов, которые продолжались шестнадцать дней почти без перерыва, и за это время поговаривали, хотя, конечно, неверно, что пал миллион человек, Субудай отправил сообщение, в котором объявил, что, поскольку ведутся переговоры о мире, военные действия полностью прекратятся, и он готов отступить на некоторое расстояние.

Император в ответ прислал монгольскому генералу и его офицерам богатые прощальные подарки. Через месяц после этого перемирия в столице разразилась чума, и в течение пятидесяти дней из города были вывезены гробы числом девятьсот тысяч, как следует из отчета; кроме того, были трупы неимущих людей, которые были закопаны в землю без гробов или ящиков.

Во время переговоров о мире монгольский посланник Тан цин со свитой из тридцати человек был убит населением в Пьен-кинге. Этот поступок остался безнаказанным и незамеченным китайцами, поэтому Субудай получил приказ атаковать столицу Кин во второй раз. У Уготая была и другая жалоба на правителя Рода: Нин киа су принял к себе на службу и даже наградил монгольского генерала, который, не выдержав своего вождя, перешел на сторону Рода и сдал города, находившиеся под его контролем.

Когда его столица была вложена во второй раз, император династии Кин [303]вызвал У шаня, командира, который после поражения удалился на Наньян, где сформировал новую армию. Император также вызвал двух губернаторов, одного с юга, другого с запада. У Шань продвинулся к месту в двадцати лигах от столицы. В этот момент он увидел монгольские войска и послал к губернатору, который был ближе всех, чтобы присоединиться к нему, но губернатор не пришел и шел один, пока тоже не встретил монголов. Затем его войска разбились и бежали без боя. Получив известие об этом бегстве, У Шань со своими войсками очень быстро отступил к Нань яну. Чига Катрика был послан с отрядом на помощь У шаню, но когда он узнал, что произошло, он бросил весь свой багаж и ночью бежал в Нань кинг.

Эти поражения уничтожили в императоре всякую надежду на сопротивление. Нужда росла с каждым днем, коммуникации были по большей части перерезаны, и, наконец, Нин киа су решил покинуть свою столицу, оставив двух императриц и всю царствующую семью. Перед отъездом он доверил командование Сан я пу и раздал драгоценные подарки как офицерам, так и солдатам, чтобы взбодрить их до предела.

В тот день комендант Конг Чанг вошел в столицу со своим армейским корпусом и объявил, что страна разорена на тридцать лиг к западу, поэтому император отправился на восток — он не мог отправиться куда-либо еще. Находясь в двадцати лигах от Нань кинга, он переправился через Хоанг-Хо близ Цао хиена в надежде побудить Шань дуна помочь ему в спасении столицы.

Едва император оказался на северном берегу с частью своей армии, как поднялся такой ветер, что войска на юге не смогли последовать за ним. На южном берегу реки появилась монгольская дивизия, посланная Субудаем, и последовал ожесточенный конфликт, в ходе которого родичи потеряли двух генералов; один был взят в плен, другой сдался. Погибла тысяча человек, большая часть утонула.

Услышав о победе своего лейтенанта, Субудай обрушился на столицу со всей возможной суровостью. Теперь император отправил Баксана, принца крови и потомка Хо ли пу, охранять город Вэйцзю. Баксан позволил своим людям грабить все, на чем они наткнулись во время похода. Это привело в ярость жителей, которые вместо того, чтобы помогать императору, бежали в Вэйцзю и закрыли ворота для его воинов. Через несколько дней Баксан услышал о наступлении противника и отступил, но за ним последовал Шэ тянь цзе, [304]монгольский военачальник. Он сам сообщил весть о своей неудаче императору, которого убедил переправиться через Хоанг-Хо, отступить в Кве-те-фу и быть там в безопасности. Император переправился ночью с семьей офицерами и нашел убежище в указанном ему месте. На следующий день войска услышали о бегстве своего императора и немедленно рассеялись.

Жители Пьен кинга сильно пали духом, но все же оказали сопротивление. Монголы окружили их; вскоре продовольствие подорожало до баснословных цен, люди умирали от голода, чиновники Империи просили милостыню на улицах; были даже мужчины, которые съедали

собственных жен и детей. Дома сносились ради топлива. Император послал чиновника тайно проводить свою супругу и вдовствующую императрицу, но ему это не удалось. Эта попытка взбудоражила население: “Он бросил нас на произвол судьбы”, - говорили они в отчаянии.

В этот злополучный момент Цуй ли, командовавший восточной частью столицы, провозгласил себя хозяином города во всех частях. В его присутствии были убиты управляющий дворцом, государственный министр и десять других высокопоставленных лиц. Сразу после этого он объявил их достойными смерти за невыполнение служебных обязанностей. Он вошел во дворец с оружием в руках, собрал совет и провозгласил принца Ва ниен цунг ко регентом. Он послал людей от имени матери императора привести этого принца в город. Он прибыл без промедления и теперь был регентом. Цуй ли назначил себя первым министром, главнокомандующим и главой Императорского совета. Один из его братьев был назначен губернатором города, а другой - префектом дворца. Все его подчиненные получили места. Теперь он решил, что ему нужны монголы для защиты на своем посту, и отправил свое прошение Субудая. Этот военачальник приблизился к главным воротам города. Цуй ли, одетый по-королевски, вышел, блистательно ухаживая за монголом, как за отцом. По возвращении Цуй ли, чтобы доказать свою покорность Субудая, сжег обзорные площадки и деревянные башни на стенах города. Немного позже он приказал регенту, императрицам и всем членам царствующей семьи собраться во дворце, который охраняли его приближенные. Затем он сам отправился жить во дворец императора. Он посылал Субудая драгоценности и другие ценные предметы из сокровищницы; он послал даже государственные одежды императора и императрицы в качестве подарков монгольскому военачальнику.

Цуй ли призвал теперь к себе во дворец дочерей и жен [305] всех тех великих вельмож, которые отправились с императором, и задержал тех из них, которые понравились ему. Затем последовал указ, обязывающий народ приносить свое серебро и золото во дворец. После этого начались визиты по месту жительства, и многие мужчины погибли под пытками, пытаясь спасти хотя бы часть своего богатства от бесконечной алчности Цуй ли. Во время визита этого человека и его жены к императрицам, которые вознаградили его за предполагаемые, но так и не оказанные услуги, две беспомощные женщины отдали Цуй ли самые ценные вещи, которые были у них в распоряжении. Он заставил вдовствующую королеву написать ее сыну, императору, убеждая его подчиниться монголам. Это письмо отнесла Нин киа су его кормилица, пожилая женщина. Цуй ли схватил двух императриц, регентшу, всех членов царствующей семьи, мужчин и женщин, в количестве пятисот, и отправил их на колесницах в лагерь Субудая; он послал Кун юань цзе, очень мудрого человека, потомка Конфуция; он послал людей, сведущих в юриспруденции, философии и даосской религии; он послал также врачей, художников, актеров и вышивальщиц.

Все мужчины царствующей семьи были немедленно преданы смерти Субудаем. Две императрицы и принцессы были отправлены в Монголию; во время путешествия в Кара-Курум они терпели нужду и лишения всякого рода.

Предвидя падение столицы, Субудай обратился к Уготаю, великому хану, с заявлением, по существу следующего содержания: “Город оказал такое сопротивление, так много воинов и военачальников монголов погибло, что, по закону Цзинси, мы должны разграбить его”. Е Лю чунг поспешил к хану и объяснил, что эти люди будут его подданными, что среди них много людей большого мастерства и ценности, что, убив их, он лишит прибыли от своего завоевания.

Уготай внял мудрому совету Е Лю и приказал, чтобы никто не пострадал от смерти, кроме членов семьи Кин. Таким образом, добрый министр спас многих людей. Он также отменил закон, который предписывал смертную казнь жителям городов, взятых штурмом или в результате осадных операций.

А теперь давайте найдем повелителя Рода. Вскоре после своего прибытия в Кве те фу бежавший император, чтобы удовлетворить свои войска, которые заявили, что Баксан стал причиной поражений в Шаньдуне, приказал судить этого человека военным советом, а затем казнить.

Фуча куан ну, некий генерал, захватил контроль над Кве те фу [306] после убийства Ли цзы тремя сотнями мандаринов, а также губернатора. Мать Куан ну попала в плен после поражения Баксана. Темутай, монгольский военачальник, осаждал город в двадцати лигах к югу от Кве те фу; император поручил Куан ну намекнуть Темутаю, что, если его (Куан ну) мать восстановится, он заставит императора принять условия мира. Тэмутай отослал женщину обратно и начал переговоры. Кван ну и Тэмутай провели много встреч. Тем временем Кван ну подготовил тайную атаку и застал монгольский лагерь врасплох в ночные часы; стрелы с фейерверками усилили замешательство. Войска Тэмутая обратились в бегство, и он потерял более трех тысяч человек при форсировании реки. Кван ну, ставший главнокомандующим благодаря этой победе, теперь получил полный контроль и не оставил императору ни следа власти.

На этом этапе Уку лунь хао, губернатор округов Южного Хэнаня, предложил императору сделать Цайцзю своей столицей. Нин киа су был вполне согласен, но Куан ну и слышать не хотел об изменениях, которые стоили бы ему контроля над личностью императора. Теперь императору ничего не оставалось, как избавиться от министра, поэтому однажды Куан ну был убит, когда входил в покои своего государя. У падшего монарха оставалась еще одна надежда в связи с Цай чу: У шань, генерал на юге Хэнаня, располагал семитысячным войском. Уготай годом ранее заключил договор с Ли цзуном, императором династии Сун, и последний, решив, что пришло время уничтожить древнего врага своей династии, согласился послать войска в Хэнань при условии, что после падения Династии Кинь весь этот регион будет возвращен его Империи. Мэн Конг, возглавлявший сунскую армию, теперь атаковал и разгромил У шаня в горной группе Ма тэн. Более того, он захватил девять фортов, которые этот генерал удерживал там, получив, помимо сдачи, все, что осталось от его армии.

Император династии Кин отправился в Цайцзю до этой катастрофы. Его эскорт составлял почти триста человек; из них только пятьдесят были верховыми. Прибыв на место, он поставил во главе дел Ху ша ху, члена своей семьи, искусного генерала и государственного деятеля. Этот министр приложил все возможные усилия для формирования новой армии; вскоре у него было десять тысяч всадников, составлявших ядро его войск. В его планы входило доставить императора в Кун Чанг, безопасное место в Шэнь си, и действовать там энергично, но приближенные государя [307] были против этого путешествия и убедили его остаться в Цайцзю, чтобы погубить себя и свою династию.

Очевидная удаленность монголов на мгновение придала уверенности, но вскоре монголы появились. Небольшие отряды прибыли из армии Татчара, который только и ждал захвата Ло яна, чтобы окружить последнее убежище правителя Рода. Ло ян выдержал долгую осаду и вынудил монголов снять ее. Цзы ян Шэнь, который оказал большую услугу в районах к северу от реки, все еще командовал. Его силы, однако, были невелики, и длительное сопротивление на этот раз было невозможно; поэтому он поставил себя теперь во главе отборного отряда и

попытался прорваться сквозь ряды врага, но был схвачен с оружием в руках, доблестно сражаясь. Татчар пытался расположить к себе такого великолепного воина и самым искренним образом умолял его оказать почтение Уготаю, пасть ниц лицом, обращенным на север, но он поклонился на юг, приветствуя таким образом Нин киа су, своего собственного императора, и за свой поступок понес смерть.

Татчар был сыном Борула, одного из четырех великих героев Чингисхана, и теперь, оказавшись на свободе, он двинулся на Цайцзю, чтобы положить конец династии Кин. Его армия была усилена двадцатью тысячами хороших воинов под командованием Мэн Конга и Кианг хая, которых сунский император послал из-за своего союза с Уготаем. Два командира привезли с собой триста тысяч мешков риса для монголов. После двухмесячной блокады в городе стало так мало провизии, что в пищу использовалось человеческое мясо, а болезни свирепствовали ужасными темпами. Защитники вооружили каждого мужчину, который мог работать. Все молодые женщины, у которых хватило сил, переоделись в мужскую одежду и несли хворост и камни, чтобы защищать последнее убежище императора. После многочисленных атак сунские войска и монголы предприняли ожесточенный штурм и захватили небольшую часть бастионов. К своему удивлению, они обнаружили новую стену позади первой и широкий ров между ними.

Нин киа су, когда он увидел вражеские флаги на внешней стене, потерял мужество и сказал, повернувшись к друзьям, которые были рядом с ним: “Я правил десять лет и не проявил никаких великих преступлений или провалов, и все же судьба злых принцев готова обрушиться на меня. Смерть меня не страшит, но быть последним государем рода, процветавшего более века, и думать, что история может поставить меня в один ряд с правителями, которые разрушили свои[308]династии из—за нечестия, - это единственное, что меня мучает. Монархов, переживших потерю власти, держат в заключении или вообще презирают люди; я бы не выжил, если бы со мной обращались так или иначе. Небеса знают мое решение.”

Нин киа су, однако, предпринял еще одну попытку спастись. Он раздал все свое добро солдатам гарнизона, взял с собой нескольких приверженцев и, переодевшись, совершил ночную вылазку, но не смог ускользнуть от зоркого наблюдения врага и был вынужден вернуться в город. Тогда он покорился судьбе и приказал убить всех своих лошадей, чтобы прокормить гарнизон. В день нового года осажденные услышали песни и музыку; монголы праздновали свой праздник. В бедственном положении и крайней нужде осажденные сварили и съели все шкуры в городе, а также старые барабаны, сапоги и седла, и они оставили им еду из травы и сорняков с растертыми костями мертвых людей и животных — они уже съели старых и дряхлых жителей, пленников и раненых, и теперь они будут есть раздробленные кости этих людей, когда с них будет содрана вся плоть.

Сунский генерал Мэн Конг, которому дезертиры сообщили об этом ужасном голоде, решил застать врасплох умирающий город. Его люди с заткнутыми ртами двинулись навстречу штурму в безопасной тишине. С лестницами они проникли через бреши, сделанные в западных стенах города, и отчаянно сражались до захода солнца, когда их решительно вытеснили, но осажденные потеряли своих первых вождей и лучших воинов. Ночью Нин киа су уступила трон Чинг Лину, брату Баксана, который был казнен за катастрофу в Шаньдуне. Этому принцу, происходившему непосредственно от императора Хо ли пу, было поручено защищать восточную часть города. Цзин Линь не пожелал принять этот печальный дар и с плачем пал ниц. “Я отдаю тебе трон во время ужасной нужды и бедствия”, - сказал император. “Размеры моего

тела не позволяют мне бежать верхом, но ты можешь спастись сам, ты отважен и быстр; ты можешь спасти династию и вернуть власть; таково истинное положение”.

Чин Линь взял печать и на следующий день был возведен на трон. Но даже во время этой церемонии западные ворота были сломаны, и Мэн Конг ворвался в город. Кианг Хай и Татчар ворвались вместе с ним. Ху ша ху сражался на улицах во главе тысячи отборных воинов.^[309] Нин киа су, не видя возможности спасения ни с какой стороны, объявил своим близким, что готов умереть, и приказал им сжечь его мертвое тело. После этого он повесился.

Теперь Ху ша ху сказал своим офицерам, что дальнейшее сопротивление бесполезно, и, опасаясь, как бы какая-нибудь подлая рука не лишила его жизни, он прыгнул в реку и утонул. Пять офицеров и пятьсот человек последовали его примеру и погибли в этой реке. Дворцовые чиновники немедленно сожгли тело императора. Чин Линь, узнав о случившемся, поспешил отдать последнюю дань уважения телу; он едва успел совершить все необходимые возлияния, когда город был взят.

Мэн Конг поделился с Татчар всем, что принадлежало императору, помимо всех драгоценностей, которые они смогли найти во дворце. Цзин Линь был убит в тот же день своими собственными воинами. Таким образом, кины были лишены власти в Китае в мае 1234 года. Их династия из девяти монархов правила столетие и восемнадцать лет. За исключением Кун Чан Фу, все места, принадлежавшие этой династии, сдались. Император Сун очень радовался и устроил множество фестивалей, радуясь таким образом падению врага. Он принес прах и кости последнего из своих Родственников в жертву своим предкам. Глупый человек, он оказал помощь гораздо большему и ужасному врагу, чем тот, который исчез, и обеспечил близкое уничтожение своего собственного дома и династии.

Великий хан Уготай и его брат Тулуй вернулись в Кара-Курум за два года до падения Рода. После того, как Уготай пересек Хоанг-Хо, а Тулуй проехал через Хонан, завершение работ было возложено на компетентного Субудая. Тулуй умер в октябре 1232 года, вскоре после своего возвращения в Монголию. Ему было сорок лет. Джувейни утверждает, что его жизнь сократилась из-за чрезмерного употребления алкоголя. Он был любимым сыном Чингиса, под руководством которого он изучал войну во всех ее фазах и деталях. Его кампанией в Хэнане восхищались не без оснований. Когда он был еще мальчиком, отец женил его на Сиур Куктени, племяннице Ван хана и дочери его брата Джагамбу, женщине, известной мудростью. От этого у принцессы Тулуй было четверо сыновей: Мангу, Хубилай, Хулагу и Арик Буга. ^[310]

[\[Содержание\]](#)

ГЛАВА XVI

ЭКСПЕДИЦИЯ ПРОТИВ КИТАЯ И СМЕРТЬ УГОТАЯ

В 1234 году Уготай созвал великий Курултай в Талантепе, а годом позже - в Кара-Куруме, его новой столице. На втором Курултае было решено совершить три большие экспедиции: одну против империи Сун; другую, чтобы свергнуть Корею, которая сбросила монгольское владычество; третью - в страны к северу от Каспия, Кавказа и Черного моря и на неопределенный срок на запад. Великий хан хотел сам отправиться в этот последний поход, но

по просьбе принцев своей семьи уступил и назначил Бату, второго сына Джучи, главным командующим в этих регионах.

Армия под командованием Хукату была направлена к границам Кашмира и Индии. Персия была отвоевана Чормагуном. Джелал уд дин погиб в 1231 году, у Кваресмийского шаха не было потомка мужского пола, и Ираном управляли монгольские чиновники.

Нападение на Корею было легко осуществить, но экспедиция против Китая была трудной, и к ней мы обратимся раньше других.

После уничтожения династии Кин монголы пренебрегли своим соглашением с сунским правителем и уступили лишь небольшую часть Хонана, юго-восточной части этой провинции, присоединив все остальное к своей собственной огромной империи. Чао фань и Чао кве, два императорских принца, были возмущены этим вероломством и объяснили своему императору, что Хоанг-Хо - истинная северная граница Империи, к которой следует добавить южный Шэнь-си; они настаивали на необходимости применения силы, чтобы завоевать то, в чем им было отказано, то, что принадлежало им по праву и соглашению. Они должны вернуть себе свои древние столицы: Пьен кинг, Ло янг и Си нган фу. Члены совета заявили, что такая политика вернет монголов, что [311] было бы катастрофой посылать воинов издалека для удержания разрушенных городов, которые им пришлось бы обеспечивать, более того, Империи не хватало денег, обученных войск и хороших генералов. Император Ли цзун был глух к этим доводам и немедленно отдал приказ выступить на Пьен кинга с десяти тысячным корпусом.

Тем временем Цуй ли, отдавший монголам короля Пьена, стал хозяином этой столицы. Три вождя, служившие под его началом, были так разгневаны его высокомерием, что поклялись уничтожить подлого предателя. В тот момент, когда эти люди услышали, что сунский генерал продвигается с армией, они заявили ему о своем подчинении письмом, притворяясь тем временем, что действуют в согласии с обманщиком и тираном Цуй ли. Чтобы лучше осуществить свой замысел, Ли по Юань, один из троих, приказал поджечь городские ворота, Цуй ли поспешил на место, и когда он прибыл туда, Ли по Юань, который поехал с ним, вонзил лезвие кинжала в его тело так ловко, что Цуй ли упал с лошади и умер у ног животного. Солдаты, специально выставленные у ворот, напали на сопровождавших мертвеца и быстро прикончили их.

Тело Цуй ли привязали к хвосту лошади и отволокли во дворец, где Ли по Юань обратился к народу с такими словами: "Цуй ли был убийцей, грабителем, тираном, развратником и гнусным предателем. Такого злого человека, как он, не было ни в старые времена, ни в наши дни. Заслужил ли он смерть? "Разрубить такого человека на куски при жизни было бы очень незначительным наказанием!" - кричали тысячи. Его голова была выставлена на всеобщее обозрение, а тело было принесено во всеожоженое жертву духу Нин киа су, покойного императора. Цуан цзе цай, сунский генерал, занял Пьен кинг, и вскоре его силы были усилены еще на пятьдесят тысяч человек. Из этих двух армий подкрепление было отправлено в Ло Ян без промедления.

Услышав, что Ли цзун вторгся в Хонан, Уготай немедленно начал действовать. Его войска застали врасплох близ Ло яна второй пятнадцатитысячный корпус Суна, который, двигаясь из Пьен кинга в Ло Ян, разбил свой лагерь в Хо на берегу этой реки. Монголы рассеяли этот отряд и расположились лагерем у стен города. Китайцы выступили вперед и вступили с ними в бой. Ни

одна из сторон не победила, но сунские войска были вынуждены оставить Ло Ян из-за нехватки провизии. Из-за нехватки продовольствия [312]также сунские генералы покинули Пин кинга и повернули на юг. Города Северного Хонана были почти безлюдны, и все они страдали от голода.

Уготай отозвал Субудая, которого он предназначал для поездки в Европу, и отправил ко двору Сун посланника, чтобы упрекнуть его в нарушении клятвы. Ли цзун отправил своего посланника в Кара-Курум, чтобы утихомирить надвигающуюся бурю, но путешествие оказалось бесполезным, на Курултае была назначена война. Теперь трем армейским корпусам предстояло атаковать империю Сун: одному под командованием принца Кутана, второго сына Уготая, которому помогал Тагай, генерал, который должен был вторгнуться в Су Чуань, эту великую западную провинцию; второму под командованием принца Кутчу, третьего сына Уготая, в то время как генералы Тэмутай и Чауджу должны были выступить на Ху куан и подчинить его. В Киангнани должна была действовать третья армия под командованием Чагана и принца Хон Буга.

Кутан прошел маршем через Шэнь си и, проезжая Чжун чангань, получил от губернатора согласие на сдачу этого города, единственного во всей империи Кин, который не сдался монголам. Кутан оставил губернатора на своем посту, но приказал ему выступить со своими воинами, которые были поставлены в авангарде. Кутан прошел через Хань чонг на юго-запад, взял Миан чиу, чей комендант Гао киа был убит во время сражения. Чао янь на, губернатор Хань-чжуна, поспешил занять Цин-ян, ключ Су-чуаня, и был осажден там монголами, но Цао Юань, комендант Лу-чиу, поспешил ему на помощь и прогнал монгольского вождя на север. Затем Цао бросился на Таань, осажденный Ван ши хиеном, спас этот город, по крайней мере, на сезон, и отступил, разгромив крупные силы монголов по соседству.

Эти успехи были достигнуты над авангардом Кутана. Когда появились его основные силы, китайцы, значительно уступавшие ему численностью, встретили их между Су чуанем и Шэнь си, в диких горных ущельях, но были вынуждены бежать близ Ян Пина и прекратить сопротивление. После этой победы монголы вошли в Су-Чуань без серьезных усилий. За один месяц они взяли много городов, захватили лучшие районы провинции и вырезали множество людей. Губернатор Вэнь чау, не сумев защитить это место, отравил свою семью, кремировал их тела, сжег то, что принадлежало казне, сжег свое собственное имущество, свой служебный диплом, а затем заколол себя, когда монголы врывались в город. Его [313]лейтенант был изрублен на куски победителями, которые предали мечу каждую оставшуюся душу, как солдат, так и жителей.

Разгромив Су чуань на западе, принц Кутан вернулся в Шэнь си, а китайцы вернулись в свои руины. В 1237 году Цзинту был вновь оккупирован китайцами, но в 1239 году Тагай, помощник Кутана, вернулся в Су чуань, захватил много мест, захватил Цзинту и разграбил его во второй раз. Теперь он хотел войти в Ху куан, соседнюю провинцию, через Квай чу, город на северном берегу реки Ян цзе, но сунский генерал Мэн Конг привел западный Ху куан в такое хорошее состояние обороны, что этот план провалился; он даже отобрал Квай чу у монголов.

Тем временем принц Кутчу, чей главный лагерь находился в Тен чу в Хонане, в 1236 году вступил в Ху куан. Ему коменданты Сян ян фу сдали город вместе с огромными запасами в нем. Кутчу забрал Цао Яна, он забрал также Ли нгана, но вскоре после этого умер.

Уготай очень любил принца Кутчу, и ему он предназначил Империю.

Темутай осадил короля чиу, но Мэн Конг, посланный губернатором провинции, разбил его у стен города и освободил двадцать тысяч китайцев, находившихся в плену.

В конце 1237 года монгольский принц Хон Буга захватил три города, оставленные их комендантами, и продвинулся к Хоанг-чиу на реке Ян-цзе и осадил это место, но позже был вынужден отступить из него. В следующем году он осадил еще один крупный город, но взять его не смог.

В 1238 году монгольский генерал Чаган захватил Лю чиу, город Кианг нань; внезапная и энергичная вылазка вынудила его отступить, и при отступлении он потерял часть своих сил. В 1239 году Мэн Конг одержал три победы над монголами и захватил четыре города. В феврале 1240 года Ван цзе, монгольский посланник, в пятый раз появился при сунском дворе с предложениями мира, которые были отклонены. Ван цзы умер до завершения своей миссии, и сунский губернатор передал его тело монголам. В начале 1240 года также несколько корпусов монгольской армии двинулись различными дорогами в Китай. Однако больше никаких упоминаний о боевых действиях не делается вплоть до смерти Уготая в следующем году.

В то время как монгольские армии нападали на Корею, опустошая Китай, [314]опустошая Россию, Венгрию и Польшу и сея смятение по всей Западной Европе, Уготай проводил время в удовольствиях, наслаждаясь охотой и собственным пристрастием к выпивке. В Кара-Куруме, где он построил великолепный дворец под названием Орду-Балик и тридцатью семью столбами соединил город с Китаем, он провел только один весенний месяц, остальную часть этого сезона он прожил в дне пути от столицы, во дворце под названием Керчаган, построенном персами, которые стремились превзойти или соперничать с теми архитекторами из Китая, которые в Кара-Куруме показали свое мастерство. Из Керчагана он на несколько дней вернулся в Кара-Курум, а затем провел лето в Ормектуа, где принимал придворных в белом китайском шатре, обитом шелком, очень искусно расшитым золотом. В этом шатре, известном как Сарай Орду, или Золотая Орда, было достаточно места для тысячи человек. Великий хан провел сорок дней на озере Коса. Оттуда он отправился в Онгки, недалеко от Великой пустыни Гоби, где прожил всю зиму; это было время большой охоты и полевых видов спорта. В этом регионе у Уготай был огромный загон, или огораживание из земли и кольев, называемое чех. Оно имело шесть миль в окружности и множество дверей. Войска, размещенные на больших расстояниях со всех сторон, получили приказ наступать на эту центральную ограду и подгонять зверей, загоняя их через двери в эту огромную тюрьму без крыши. Дичь была убита сначала великим ханом, а затем его семьей, разрешение постепенно уменьшалось, пока, наконец, у простых людей не появился свой шанс.

Уготай пил до изнеможения, за что Чингис часто делал ему выговор. Джагатай, которому он оказывал заметное уважение, поручил чиновнику следить за тем, чтобы он выпивал только определенное количество чашек каждый вечер. Уготай не посмел послушаться старшего брата, но тот уклонился от приказа, используя чашки побольше, и офицер промолчал.

Однажды Е лю чу цай принес железное кольцо, сильно заржавевшее от вина. “Если вино действует на железо таким образом, то как оно должно повреждать желудок?” - спросил Чу Цай. Этот пример сильно поразил Уготая, но он не мог избавиться от привычки. Однажды в марте 1241 года он заболел после охоты. Туракина, его жена, встревоженная очень серьезно, обратилась к Чу цаю, надеясь, что он, возможно, призовет Небеса, чтобы вернуть ей Великого хана. Чу Цай советовал совершать справедливые поступки и проявлять великодушие. “Власть

была дана ханом, “сказал он,” людям, которые продают места и торгуют правосудием. Невинные [315]люди стонут в тюрьмах, потому что они восстали против причиненного им зла. Пусть будет объявлена амнистия”. Туракина хотела, чтобы амнистия была опубликована немедленно, но министр сказал ей, что это может быть сделано только по приказу Уготая.

Когда хан пришел в себя, все заключенные или сосланные были помилованы. К тому времени он восстановил свое здоровье, но несколько месяцев спустя случился новый приступ. Вопреки совету Чу цая, он охотился пять дней подряд. По дороге с поля он пил до полуночи. На шестое утро его тело было безжизненным. Этот Великий хан правил почти тринадцать лет, и в свой смертный час, 11 декабря 1241 года, ему было пятьдесят шесть лет. Он был мягким для монгола того времени, любил роскошь и щедр на подарки. Он был терпим к различным религиям и в целом очень дружелюбен, учитывая его положение. Он увлекался охотой и борьбой, часто посылая в Персию за известными борцами. Он был государственным деятелем и завоевателем и разработал законы, которые долгое время удерживали Монгольскую империю единой.

После смерти Уготая все дороги, ведущие к его резиденции, были немедленно перекрыты, чтобы никто не мог покинуть это место, и во все стороны были разосланы гонцы, чтобы останавливать путешественников, где бы они их ни встретили, до тех пор, пока члены семьи Великого хана официально не получили известие о его смерти.

Уготай назначил своим преемником Кутчу, своего третьего сына, но этот молодой принц умер в Ху куане пятью годами ранее, в 1236 году. Ширамун, сын Кутчу, был при дворе, и Уготай предназначил ему также стать имперцем. Но Туракина, своевольная и решительная женщина, хотела, чтобы Куюк, ее собственный старший сын, стал вождем всех монголов. Куюк, родившийся в 1206 году, служил против империи Кинь; позже он отправился на запад вместе с Бату. Уготай совсем недавно приказал ему вернуться, и он был на пути домой, когда услышал о смерти своего отца.

Принцы крови и военачальники получили приглашения от вдовы Уготая собраться на Курултай; тем временем по просьбе Джагатая и других регентство было передано Туракине. Регентство началось с изгнания великого канцлера Чинг кая, уйгура. Мусульманин Абд ур Рахман, который некоторое время назад прибыл в Монголию с товарами, полностью завоевал расположение Туракины; незадолго до смерти Уготая он предложил обрабатывать все доходы Китая. Чу Цай[316]установил доход частей, лежащих к северу от Хоанг-Хо, на уровне пятисот тысяч унций серебра. После того, как Хонан был завоеван, поступления выросли до миллиона ста тысяч. Абд ур Рахман предложил два миллиона двести тысяч; Чу цай ответил, что можно собрать пять миллионов, но эта сумма, по его словам, была бы тяжелой для налогоплательщиков. Туракина, пренебрегая советами Чу цая, теперь передала Абд ур Рахману контроль над финансами Империи. Утверждается, что Чу цай, предвидя разрушение всего, над чем он трудился, впал в уныние и умер от горя. В любом случае, этот замечательный человек умер в июне 1244 года в возрасте пятидесяти пяти лет. Своим влиянием на Уготая он спас множество жизней. Он также основал два колледжа, один в Янь Кинге, другой в Пин Янь в Шаньси, и опубликовал работу по астрономии.

Вскоре после смерти Уготая Тэмугу, его дядя, который был младшим братом Чингисхана, приблизился к резиденции хана со своей армией и сделал слабое движение к захвату Империи. Туракина послала спросить, зачем он пришел к “своей дочери”, которую так часто посещали, и послала к нему своего сына, который жил в резиденции Уготая. Услышав, что Куюк прибыл

запада и достиг Имиля, где была установлена его юрта, Темугу отказался от своего плана и ответил, что хотел бы выразить соболезнования своей дочери в связи с потерей ее мужа; после этого он удалился к себе.

Собрание для избрания нового правителя должно было состояться в Талантепе, но собралось только в 1246 году из-за бесконечных слоняний Бату. Бату не любил ни Куюка, ни регентшу, свою мать, и притворился, что у него болит нога, которая мешает ему путешествовать. Поскольку он был старшим принцем в семье, другие члены не хотели избирать нового монарха в его отсутствие.

По молитве регента Бату наконец дал слово присутствовать на Курултае, но не пришел, поэтому Курултай собрали без него, и Куюк был избран.

Туракина умерла через два месяца после того, как Куюк стал великим ханом, после чего многочисленные враги Фатимы, персиянки, советницы и близкой подруги Туракиной, составили заговор с целью ее уничтожения. Мусульманка из Самарканда по имени Шира обвинила ее в том, что она навлекла на принца Кутана, брата Куюка, болезнь, от которой он страдал в то время. Кутан послал офицера в Куюк, чтобы [317] пожаловаться на Фатиму и потребовать, чтобы она была наказана, если его болезнь окажется смертельной. Кутан умер, поэтому Куюк назначил суд над Фатимой. Ее избивали и пытали, пока она не признала себя виновной. Все отверстия ее тела, кроме носа, были зашиты и наглухо закрыты; после того, как она некоторое время испытывала ужасные муки, ее крепко завернули в войлочные одеяла и бросили в реку; ее друзья тоже были преданы смерти. Вскоре очередь дошла и до самого Ширы, который, обвиненный в околдовывании сына Куюка, был казнен вместе со своей женой и всей семьей.

Куюк, страдавший подагрой, вызванной пьянством и беспутством, весной 1248 года отправился в свои владения в поисках более благоприятного климата. Сиур Куктени, вдова Тулуя, опасаясь, как бы Куюк не отнесся враждебно к ее племяннику Бату, который не приехал засвидетельствовать свое почтение, предупредила последнего, чтобы он всегда был настороже. Однако для такой осторожности не было причин, поскольку Куюк умер в дороге, находясь в семи днях пути от Биш-Балика, столицы уйгуров.

После смерти Куюка, которая произошла на сорок третьем году его жизни, были приняты обычные меры предосторожности, чтобы сохранить эту новость в тайне до тех пор, пока о ней не будут проинформированы главные главы семьи. Все пути были перекрыты, и информация была отправлена Сиуру Куктени и Бату.

Бату, наконец, отправился с берегов Волги, чтобы воздать должное новому государю, и прибыл в Алактак, когда до него дошла весть о внезапной смерти Куюка. Он сразу же остановился под предлогом отдыха лошадей и, соблюдая национальный обычай, дал свое согласие на регентство Огул Гаймиш, которая занимала первое место среди супругов Куюка. Она была дочерью Кутука, вождя уйратов. Тем временем Бату созвал курултай в Алактаке. Потомки Уготая отказались присутствовать, поскольку Курултай должен был состояться, как они сказали, на земле монголов. Однако они послали Тимур-нойона, наместника Кара-Курума, со всеми полномочиями действовать от их имени и подтверждать решения Бату и большинства князей.

На этом курултае, состоящем в основном из потомков Джучи и Тулуя, то есть потомков младшего и старшего сыновей Чингисхана, Илчи Кидай из рода джелаиров заявил, что они обязались не выбирать в качестве правителя никого, кроме потомка Уготая, пока эта ветвь жива. “Да, ”

ответил Хубилай, сын Тулуя, “ но ты был первым, кто нарушил законы Чингисхана и пренебрег волей Уготая. Вы приговорили Алталун,[318]дочь Чингисхана, к смерти, не ссылаясь на закон Чингисхана о том, что ни один его потомок не может понести смерти, пока его или ее не осудит собрание равных ему или ей. Вы посадили Куюка на трон вопреки Уготая, который назначил Ширамуна своим преемником”.

Эти две жалобы были выдвинуты теми, кто твердо решил отнять трон у потомков Уготая. Бату, который также был их врагом, договорился с Сиур Куктени избрать ее старшего сына Мангу. Эта вдова Тулуя имела всемогущую поддержку в армии. Меры, с помощью которых Чингисхан передал большую часть своих войск Тулуя, обеспечили перевес этому подразделению. Когда на троне сидел император, объединенная армия подчинялась суверену, но во время междоусобицы каждая ее часть признавала власть того принца, которому она принадлежала и который был ее единственным командующим. После смерти Тулуя его армия в сто одну тысячу человек из общего числа в сто тридцать перешла к его четырем сыновьям от его главной жены Сиур Куктени: Мангу, Кубилаю, Арику Буге и Хулагу. Пока эти принцы были несовершеннолетними, их мать, уверенная в военачальнике, которого она привязала к себе, с редкой рассудительностью управляла многочисленными племенами, подчинявшимися ее детям. Почитаемая Бату и многими другими князьями, она без труда посадила на трон одного из своих сыновей, поскольку кандидаты из потомков Уготая были еще слишком молоды по годам, чтобы их можно было рассматривать лично.

Генерал Мангусар первым в собрании выдвинул кандидатуру принца Мангу, чье мужество и остроумие он превозносил, приводя в пример его блестящую карьеру при Куюке в Китае и в западных землях при Бату.

Но князья предлагали трон в первую очередь Бату, как старшему в его семье. Когда он отказался, они умоляли его указать кандидата и пообещали в письменной форме выбрать его. Бату отказался это сделать, но, передумав ночью, он отложил следующий день по их желанию и сказал на собрании, что для управления Империей нужен способный принц, который знал яссу Чингисхана во всех деталях. В связи с этим он предложил им Мангу в качестве своей кандидатуры.

Этот принц отказался от великой чести и много дней подряд сопротивлялся мольбам Курултая, пока его брат не поднялся и не сказал: “Мы все обещали следовать решению принца Бату.[319]Если Мангу будет позволено нарушить свое слово сейчас, другие князья могут последовать его примеру в будущем”. Бату приветствовал эти слова аплодисментами, и Мангу прекратил сопротивление. В тот момент, когда он согласился, все собрание приветствовало его. На следующую весну был назначен новый курултай, который должен был состояться на родине Чингисхана, недалеко от истоков Онона и Керуллона, когда Мангу должны были признать все принцы и военачальники армии.

Тем временем регентом должна была стать Огуль Гаймиш, вдова Куюка, которой помогали двое ее сыновей: Ходжа и Нагу. Единственной или, по крайней мере, главной заботой этого регентства было распоряжаться данью, заранее отдавая распоряжения по провинциям. Огуль Гаймиш была сильно увлечена колдовством и проводила большую часть своего времени с магами. Таким образом, Монгольская империя оказалась во власти многих злых влияний.

Ходжа и Нагу отrekliсь от агентов, которые от их имени голосовали за Мангу. Они сообщили Бату, что не могут придерживаться решений Курултая, собранного вдали от земли Чингисхан, и к тому же несовершенно. Бату повелел им посетить предстоящий Курултай и добавил, что князья выбрали человека, который, по их мнению, лучше всего подходит для управления Империей, и что теперь их выбор сделан и бесповоротен.

Остаток года прошел в бесплодных дискуссиях между сторонниками Мангу, которые стремились склонить недовольных к своему образу мышления, и конкурентами Мангу, которые протестовали против выборов. Бату послал двух своих братьев, Беркай и Тога Тимура, с сильным отрядом войск сопроводить нового великого хана на Курултай и посадить его на трон Чингисхана. Потомки Уготая, а также сын и преемник Джагатай отказались явиться туда, заявив, что избрание Мангу было незаконным и что трон по праву принадлежит потомку Уготая. Агенты, раз за разом присылаемые Бату и Сиур Куктени, умоляли их не раскалывать Империю из-за фальши. Бату сообщил им, что дети неспособны управлять огромными владениями чингисхана.

Однако принцы упорно отказывались. Беркай, прождав год, запросил приказов у Бату, который приказал установить Мангу без дальнейших обсуждений, заявив, что те, кто создаст проблемы, заплатят за это своими жизнями. Принцы, происходящие от Джучи и Тулуя, вместе с племянниками Чингиса встретились в Койтун-Оле, указанном месте, и предприняли последнюю попытку привлечь[320] глав домов Уготай и Джагатай принять участие во встрече. Офицер, посланный к Огулу Гаймишу, а другой - к Йиссу, сыну Джагатай, объявил, что остальные принцы собрались и ждут. Ходжа и Нагу, видя, что сопротивление бесполезно, пообещали приехать и назначили дату прибытия. Срок истек, но они не пришли. Астрологам было отдано распоряжение назначить день и час для установки. Установка состоялась в июле 1251 года с обычными и надлежащими церемониями. Когда принцы внутри императорского шатра накинули пояса на плечи и девять раз простерлись ниц перед Мангу, их примеру последовали десять тысяч воинов, выстроившихся вокруг шатра снаружи.

Великий хан повелел, чтобы в этот день никто не работал, чтобы все забыли все ссоры и предались ликованию. Он хотел, чтобы Природа участвовала в празднике, и запретил ни одному человеку садиться на лошадь или обременять что-либо живое. Никто не должен был убивать животное, охотиться, ловить рыбу, наносить раны земле копанием или иным способом, или нарушать спокойствие вод или их чистоту.

На следующий день Мангу устроил богатый пир в шатре, убранном из редких тканей и отличавшемся великолепием. Справа от него сидели принцы, происходящие от Чингиса, слева - принцессы. Подобный пир устраивался каждый день в течение семи дней подряд. Каждый день каждый гость надевал платье нового цвета; каждый день съедалось триста лошадей и быков с пятью тысячами овец, а две тысячи повозок вина и кумыса были выпиты, чтобы утолить жажду и утешить большую компанию.

В разгар этого пира и веселья человек, известный как Кишк, пробрался в шатер Великого хана с заявлением, что он раскрыл заговор против Мангу и собравшихся принцев. Он заявил, что, разыскивая отбившегося от него мула, он столкнулся с группой людей, шедших вперед с повозками, которые, как он сначала подумал, были заполнены припасами для Курултая. Он наткнулся на парня и некоторое время шел с ним. Парень принял Кишка за одного из группы и попросил владельца мула помочь ему починить повозку, которая была повреждена. Кишк повернулся, чтобы помочь, и, увидев тележку, полную оружия, спросил парня, зачем он его

берет. “У меня то же самое, что и у других”, - ответил он. Кишк был поражен этим и после некоторых осторожных[321]расспросов выяснил, что принцы Ширамун, Нагу и Ходжа собирались на Курултай, чтобы воспользоваться моментом, когда все будут пьяны, чтобы прикончитьМангу и его сторонников. Кишк заявил, что из-за стремления рассказать все, что ему было известно, он проделал за один день трехдневный путь.

Сначала эта история была воспринята с удивлением и показалась совершенно нереальной. Кишка попросили повторить это, и он снова рассказал все подробности, на этот раз в такой манере, что все сомнения исчезли. Каждый принц пожелал отправиться туда сам и разобраться в этом вопросе. Было решено послать Мангусара, главного военачальника и первого человека, который на Курултае предложил возвести Мангу на трон; с ним отправились две или три тысячи человек. Принцы были не более чем в двух днях пути от Орду.

Мангусар добрался до их лагеря очень рано утром и, окружив его, приблизился к шатру принцев с сотней всадников. Он крикнул им, что Мангу доложили, что они идут со злыми намерениями. Если бы это было ложью, они могли бы быстро оправдаться, немедленно отправившись в Орду. Если они не захотят идти, у него был приказ забрать их. Принцы вышли из своего шатра и, увидев, что их лагерь окружен, сказали, что они направлялись засвидетельствовать почтение Мангу и собираются продолжить свой путь. Однако они были вынуждены следовать за Мангусаром, и им разрешили взять с собой в качестве эскорта только двадцать человек.

Прибыв в Орду, они по монгольскому обычаю раздали свои подарки девятками. Первые два дня они принимали участие в празднестве без лишних вопросов, но на третий день трое принцев были арестованы, когда собирались войти в шатер Великого хана. На следующий день Мангу сам допросил их. Он начал с того, что, хотя обвинения могут показаться невероятными, он обязан убедить себя и таким образом развеять все подозрения против них и наказать их обвинителей.

Принцы решительно отрицали всю эту историю. Мангу допросил губернатора Ширамуна, которого бастинадо вынудил признаться в заговоре, но это было сделано, как он заявил, им и его офицерами без ведома принцев; после этих слов он выхватил свою саблю и покончил с собой. Была сформирована комиссия генералов под командованием Мангусара для составления отчета о признаниях[322]офицеров трех принцев, от которых в конце концов было вынуждено признаться в заговоре.

Мангу хотел помиловать этих офицеров, но его генералы и родственники заявили, что он не должен упускать этот шанс избавиться от своих врагов. Уступая этому совету, он приказал заковать офицеров в кандалы; тем не менее он колебался и снова спрашивал совета у своих начальников. Они советовали ему один за другим, но даже тогда он продолжал колебаться. Наконец, увидев Махмуда Елвадже, единственного человека, который до тех пор хранил молчание, он вызвал его и спросил, почему тот ничего не сказал. Елвадже процитировал Александра, который послал доверенное лицо спросить Аристотеля, как относиться к обнаруженному заговору. Аристотель отвел мужчину в сад; пока они гуляли, он приказал вырвать несколько деревьев с сильными корнями и посадить вместо них слабые саженцы. Другого ответа дано не было. Этот человек вернулся и рассказал Александру, который понял; он приказал убить всех заговорщиков и послал их юных сыновей заменить их.

Мангу, пораженный этой историей, казнил семьдесят офицеров. Среди них были два сына Илчи Кидая, находившегося тогда в Персии. Этим сыновьям, которые были задушены таким образом, были засунуты камни в рот; отец был арестован в Хорасане и передан Бату, который лишил его жизни. Три принца были помилованы благодаря заступничеству матери Мангу.

В феврале 1252 года Мангу потерял свою мать, Сиур Куктени. Она была племянницей Ван-хана и христианкой; они похоронили ее рядом с мужем Тулуем. В августе 1252 года Мангу отправился в Кара-Курум судить враждебных принцев и принцесс. На Огуль Гаймиш он был особенно зол, поскольку она, когда ее вызвали, чтобы выразить ему почтение, ответила, что Мангу и другие принцы поклялись не выбирать Великого хана, кроме как из числа потомков Уготая. Обе руки Огуль Гаймиш были зашиты в кожаный мешок, и ее вместе с матерью Ширамун доставили в резиденцию Сиура Куктени. Мангусар снял с нее всю одежду, а затем приступил к допросу. Она с негодованием упрекнула его в том, что он обнажил ее тело, которое никогда не видел ни один мужчина, кроме суверена. Обе женщины были признаны виновными в попытке убить Мангу с помощью магии. Их завернули в войлочные коврики и немедленно утопили. Сыновья этих двух женщин признались, что их матери подстрекали их не узнавать Мангу. Кадак и Чинкай, главные советники[323]Огула Гаймиша, также были казнены. Бури, внук Джагатая, был доставлен к Бату, который приказал убить его в отместку за слова, употребленные в пьяном виде.

Мангу пощадил трех принцев ввиду их родства: Ходжу отправили в Сулигай, к востоку от Кара-Курума; Нагу и Ширамун были призваны в армию. Некоторое время спустя, когда Хубилай собирался в Китай, Мангу в качестве одолжения позволил ему взять Ширамуна с собой в это путешествие, но когда сам Мангу отправился в Китай, он утопил Ширамуна из-за недоверия к этому молодому человеку, которому его дед предназначил трон. Большая часть потомков Уготая была разослана по разным местам и лишена войск, которые принадлежали им по наследству. Мангу передал эти войска другим князьям, преданным его особе. Он пощадил только Кадан Мелика и сыновей принца Кутана, которые с благосклонностью пришли засвидетельствовать свое почтение. Он не только оставил им их войска, но и дал каждому мужчине по одному ордусу Уготая и по одной из его вдов.

Не довольствуясь наказанием высших, Мангу пожелал уничтожить по всей империи всех, кто проявлял привязанность к Уготая. У него была власть действовать таким образом, ибо его армии образовывали одну огромную цепь от Восточной Монголии до Отрара. Белу, судья, был отправлен выявлять преступников и карать их смертью в страны Джагатая, в то время как второй инквизитор был отправлен в армию в Китае. Два корпуса были отправлены одновременно к киргизам и кемджутам.

Укрепившись теперь на своем троне благодаря уничтожению врагов, Мангу отправил в отставку всех принцев и генералов, приехавших на Курултай. Беркай и Тога Тимур получили великолепные подарки для себя и для Бату, своего брата. Кара Хулагу получил наследство Джагатая, своего деда, и ему было поручено казнить Ису, своего дядю, возведенного на трон Куюком, покойным государем. Кара Хулагу умер по дороге в свои владения, но Органа, его вдова, привела в исполнение приговор Йиссу и забрала наследство.

Мангу, чтобы вознаградить погонщика мулов Кишка, сделал ему терхан и дал много сокровищ.

Судьба уйгурского государя показывает, как монгольские ханы обращались со своими вассалами. Мы очень хорошо помним Барджука, идикута, в связи с Чингисом, которому он

следовал самым преданным образом. В качестве компенсации Чингис выдал Идикуту замуж свою дочь Алтун Бигхи [324]. Этот брак был отложен из-за смерти завоевателя. Уготай хотел исполнить желание своего отца, но прежде чем он успел это сделать, умерла сама Алтун Бигхи, а вскоре после этого умер и Барджук. Сын Барджука Кишмайн отправился ко двору Уготая и получил титул своего отца Идикут, или суверен среди уйгуров. Вскоре после этого он тоже умер, и Туракина, регентша, назначила своего брата Саленди главой уйгурской династии.

Этот новый Идикут, который был буддистом, поспешил выразить почтение Мангу во время его восшествия на престол, но сразу после того, как он начал, раб обвинил его в планировании убийства всех мусульман не только в столице, но и во всем королевстве уйгуров, когда они соберутся в своих мечетях в пятницу. Один из чиновников Мангу получил это обвинение и немедленно послал гонца за идикутом. Саленди без промедления вернулся в Биш-Балик и предстал перед рабом, который подробно изложил весь план. Саленди с большой твердостью отрицал каждый пункт. Раб потребовал передать дело Мангу, чтобы тот рассудил его. Сейф удин, чиновник, отправил его к великому хану, и вскоре после этого Идикут был вызван на суд. Допрошенный и подвергнутый пыткам, он в конце концов признался в своей вине. Великий хан отправил его обратно в Биш-Балик для казни. В пятницу ему отрубил голову его собственный брат Окенджи. Двое из его высокопоставленных чиновников, осужденных как сообщники, встретили смерть, когда их тела были разрезаны крест-накрест на четыре части. Третий человек, по имени Бела, также был приговорен к смерти, но Мангу, желая добиться от Небес исцеления своей матери, помиловал всех, кто был приговорен к смерти в тот день. Бела уже был на месте казни и разделся, когда пришла благодать, но его детей, жен и имущество забрали, и он был отправлен с миссией в Сирию и Египет.

Когда монгольские князья даровали преступнику жизнь, его либо отправляли в армию, где он мог умереть с некоторой выгодой для своего государя, либо его нанимали на опасную миссию, либо отправляли в какую-нибудь страну со смертоносным климатом.

Раб, обвинивший Саленди, получил вознаграждение и стал мусульманином. Когда он вернулся в Биш-Балик после смерти идикута, он вызвал такой ужас у уйгуров, которым грозила опасность из-за его недоброжелательства, что они поспешили оказать ему любезность и предложить богатые подарки.[325]

После того, как Мангу избавился от всех уйгуров, которые могли оказать поддержку потомкам Уготая, он отдал королевство Окенджи, который был палачом его собственного брата.

После смерти Уготая монгольские войска, расположенные на южной границе того, что когда-то было империей Кин, время от времени совершали нападения на Су чуань, Кианг нань и Ху куанг; они просто разоряли, брали города и затем отступали с добычей. Можно сказать, что в правление Мангу единственным благоприятным для монголов событием была смерть Мэн Конга, величайшего полководца Китая, человека, который часто останавливал их и часто побеждал их войска.

В 1252 году Мангу подарил Хэнань своему брату Хубилаю в качестве удела, а вместе с ним и часть Шэнь си. В том же году, предварительно посоветовавшись с китайскими мудрецами относительно всех необходимых деталей, он совершил великое жертвоприношение Небесам с вершины горы. В следующем году он распорядился провести перепись населения в России. В то время Юньнань состоял из нескольких небольших королевств, по большей части

независимых. Ближе к концу 1252 года Ван те Чен, монгольский военачальник, продвинулся вперед в Су-чуане. Он разграбил Чингту и захватил Киа-тинфу, в тридцати лигах к югу от него, открыв таким образом Хубилаю путь к нему. Хубилай в октябре 1253 года выступил из Линь таоу, где он собрал армию. Под его началом был Урянг Кадай, чей отец, Субудай, больше всего способствовал возвышению Мангу. Урянгу Кадаю Великий хан поручил реальное командование этой экспедицией.

Хубилай пересек весь Су-чуань и после марша, полного великих испытаний, через горы, которые казались совершенно непроходимыми для армии, он переправился на плотках через Кин-ша (Золотой Песок), большую реку. Царь народа муссу, первого народа после Кин ша, подчинился. Правитель следующего народа, Пе ман, не оказал сопротивления, но его племянник защитил столицу. Хубилай взял город и предал смерти племянника, но пощадил жителей.

Тали, столица Нань чао, приняла монгольское правление без боя. Яо Шу, его советник, рассказал Хубилаю, как Цао Пин, посланный сунским императором захватить Нань-шань, выполнил свою работу, не убив ни одного человека и даже не остановив никакого движения в городе. Хубилай заявил, что он продемонстрирует подобное чудо. Вскоре после этого он сел на своего жеребца и, подъехав к стенам Тали, развернул шелковые знамена, на которых крупными буквами было написано[326], что убивать мужчину или женщину запрещено под страхом смертной казни. В силу этого заявления на флагах, а возможно, и по какой-то другой причине, Тали открыл свои ворота, и это завоевание стоило всего пяти жизней двум городским комендантам, которые убили трех офицеров, посланных просить о капитуляции.

Хубилай не пошел дальше Тали; он вернулся в Монголию и оставил Урянг Кадаю осваивать эти южные регионы. После Нань чао монгольский вождь атаковал и подчинил себе тупо, или тибетцев, воинственный народ численностью от одного до двух миллионов человек. Многие из них вступили в его армию, которая, таким образом, была значительно усилена. Некоторые даже служили в авангарде и действовали в качестве разведчиков в атаке.

Ближе к концу 1254 года Урянхай оставил свои армии на поле боя и вернулся в Монголию, чтобы доложить Мангу о работе, проделанной на юге за пределами Китая. Отправленный обратно на следующий год, он проник через Нижний Тибет и продолжил свои завоевания. Королевство Ава, как и два других, было либо подчинено, либо напугано до такой степени, что уступило. Два года спустя, в 1257 году, монгольский полководец появился на окраине Дун кинга (Ган нань) и призвал его суверена, Чэнь цигуна, вассала Сунского императора, признать себя данником Мангу. Поскольку его посланники не вернулись к нему, генерал вошел в Ган нань и направился к реке Тха, которая протекает через все королевство вдоль. На противоположном берегу он увидел армию противника с огромным количеством слонов в боевом порядке. Монголы, расположившись тремя частями, переправились и разгромили врага. Король поспешил сесть в лодку, поплыл по течению и бежал на остров; часть его армии тоже спаслась на лодках.

Урианг Кадай приказал Че ше ту повести дивизию на другой берег реки, но не давать сражения до тех пор, пока остальная армия не переправится. Че ше ту должен был захватить все лодки или занять позицию между ними и врагом. Вместо того, чтобы подчиниться, он обратил врага в бегство до того, как другие дивизии смогли переправиться, и тем самым предотвратил захват армии. Урянг Кадай в ярости сделал резкий выговор и пригрозил судом, после чего Че шэ ту немедленно принял яд и умер.

Киао чи, столица Ганьнана, сдалась, и теперь Урянхай обнаружил своих посланников в тюрьме. Они были связаны бамбуковыми веревками так крепко, что путы вошли в их плоть, и [327]один из мужчин умер в тот же час, в который был освобожден. Урианг Кадай был так взбешен этим зрелищем, что отдал город на разграбление своим воинам.

После того, как его войска отдохнули девять дней, он на некоторое время повернул на север, чтобы спастись от сильной жары, стоявшей в этом регионе. В 1258 году король Ганьнана Чэнь цигун подал в отставку в пользу своего старшего сына, Чэнь куан Пина. Последний теперь отправил своего зятя и многих знатных вельмож с посольством к Мангу, который в то время выступал против империи Сун.

В 1256 году Мангу созвал Курултай в местечке под названием Орболгету. В течение двух месяцев он великолепно угощал принцев своего дома. Всех других приглашенных туда гостей он встретил таким же образом и преподнес им богатые подарки. В это время пришла к покорности Корея, которая с 1247 года перестала платить дань. Успех монгольского оружия в этой стране вынудил короля лично выразить почтение.

Доброта и справедливость Хубилая сделали его очень популярным в Китае. Из-за этого, а также из-за клеветы, Мангу стал ревновать, думая, что его брат желает империи. Поэтому в 1257 году Хубилай был отозван, и его сразу же заменил Алемдар. Алемдар арестовал несколько финансовых агентов Хубилая и казнил их, спасая двоих, прикосновения к которым он ждал решения Великого хана. Хубилай остро страдал, его жизнь была в опасности, и он серьезно колебался в действиях. Мудрец Яо шу, его советник, заявил, что, поскольку он первый подданный своего государя, он должен подавать пример послушания. Этот китайский мудрец посоветовал вернуться в Монголию со своей семьей как лучший способ смягчить подозрения своего брата и устранить любую опасность. Этот совет был принят во внимание и ему последовали. При встрече два брата не смогли сдержать слез. О китайских делах не упоминалось. Алемдара отозвали, и его полномочия были прекращены.

Монгольские завоевания на юге опоясали империю Сун; теперь единственным вопросом было полное подчинение этой страны. Существовал старый предлог для нападения на империю: в 1241 году регент Туракина отправил посланника Юлия массу с мирными предложениями и обсудил их. Этот посланник был арестован, как только он коснулся территории Сун, и заключен в крепость вместе со своей свитой из семидесяти человек. Посланник вскоре умер, но члены его свиты содержались в крепости до 1254 года. В том году монголы [328]осадили Хошиу, перед чем потерпели поражение от Ван Киана, губернатора города. Китайцы, чтобы показать, как сильно они хотели мира, освободили свиту покойного посланника или, по крайней мере, тех, кто еще был жив.

В октябре 1257 года Мангу отправился в империю Сун, оставив правление дома своему брату Арику Буге с Алемдаром в качестве помощника. В мае следующего года он выступил в поход на Шэнь си и разбил свой лагерь близ гор Лю пань, прославившихся смертью его деда. В августе, три месяца спустя, он выдвинулся к Су чуаню, своему первому полю боевых действий.

Мангу разработал тщательно продуманный план, согласно которому Су чуань, Ху куанг и Кианг нань подвергнутся нападению одновременно. Он выступит против Су Чуаня с армией в три дивизии; вторая армия под командованием Хубилая осадит У Чанг, где к нему должен был присоединиться Урианг Кадай после похода прямо из Ган наня (король Дун) через провинции

Куанг си и Квэй чиу. Тогачар, сын Утчугена, должен был нанести удар королю шану в провинции Кианг-нань с третьей армией.

Нюли с большим войском, предшествовавшим императору, двинулся на Цзинту, где монгольский военачальник Адаку был осажден Лю Цзином, сунским генералом, которого Нюли победил, освободив таким образом город. После этого он двинулся вперед, но не успел он уйти, как на это место напал Пу ко чи, губернатор Су чуаня. Адаку был убит в последовавшей за этим битве, и город был взят губернатором. Тогда Ниули повернул назад и вклинил свои войска между Чинг ту и сунской армией снаружи. Из-за нехватки провизии город сдался во второй раз, но теперь монголам, и сунская армия затем отступила. Ниули получил в подчинение многие места в этом регионе, и в качестве награды ему было присвоено звание главнокомандующего.

Тем временем Великий хан прибыл в Хань чжун и очень хотел захватить Ку чу яй, крепость в двадцати лигах к западу от Пао нина, господствующую над дорогой через горы. Ниули оставил в Чингту сильный гарнизон и двинулся маршем, чтобы взять эту горную крепость. Чан Ши, сунский генерал, недавно взятый в плен, был послан заранее, чтобы убедить коменданта Ку чу яя сдаться. Чан ши вошел в город, но вместо того, чтобы убедить коменданта сдаться или попытаться убедить его, а затем вернуться в Ниули, он остался в крепости.[329]

Теперь сам Мангу выступил против этого места и, преодолевая все препятствия, подвел к нему свое войско. После десяти дней осадных работ одни ворота города были сданы Чао Чжуном, офицером-предателем гарнизона. Монголы проникли тайно, но вскоре на улицах завязалась ожесточенная борьба, в ходе которой Ян ли, комендант, был убит, а гарнизон рассеян. Дом Чао чжуна, предателя, был пощажен во время последовавших за этим грабежей и разрушений; сам он был вознагражден богатым почетным одеянием и командованием городом. Чан Ши, сунский генерал, который не убедил или не захотел убедить город сдаться, был схвачен во второй раз, и на следующий день Великий хан четвертовал его, то есть его тело было разрезано вдоль и поперек. После этого большая часть Западного Су-чуаня была покорена. В некоторых частях борьба была упорной и отчаянной; в других было только безразличие или измена. 18 февраля 1259 года, в монгольский Новый год, Мангу устроил грандиозный пир недалеко от горы Чунг кве. На этом пиру Тоган, вождь джелаиров, заявил, что Южный Китай опасен из-за своего климата и что Великому хану следует отправиться на север в поисках безопасности. Баричи из племени эрлатов назвал этот совет трусостью и посоветовал великому хану остаться со своей армией. Эти слова понравились Мангу, который остался, очень желая захватить Хошиу. Цинь ко пао был отправлен в город с повесткой в суд, но Ван киан немедленно приказал убить его как предателя.

Теперь началась осада хошиу, очень известного упрямством с обеих сторон. Ян та Юань, первый командующий монголами, начал боевые действия, но вскоре прибыл сам Мангу с основной частью своих сил и занял позицию перед этим городом, который стоял между реками Киа линг и Фиу. В марте и апреле было совершено несколько нападений. В мае разразилась ужасная буря, и три недели не переставая лил дождь. Каждая сторона пыталась отрезать поставки от другой и преследовать ее. После отчаянной борьбы подразделение сунских войск разрушило лодочный мост, построенный на Фиу императором. По этому мосту осаждающие везли провизию. Сунский корпус, поднимавшийся по Киа лин на тысяче барж, был атакован монголами с обоих берегов, сотня барж была потоплена, а остальные отброшены обратно в Чунг кинг, откуда они и отправились.

В июне нападения были очень частыми, но безрезультатными ни для одной из [330]сторон. Однажды июльской ночью монгольский полководец взобрался на крепостной вал с отборными воинами и удерживал свою позицию до рассвета. Затем, увидев Ван Киана, сунского командира, который собирался снова начать боевые действия, он крикнул: “Ван киан, жизнь дарована как воинам, так и гражданам; лучше сдаться вовремя”. Едва он произнес эти слова, как камень из катапульты убил его. Его люди на крепостных валах остались без поддержки и обратились в бегство. Это было последнее нападение монголов на Хошиу в то время. Их атаки были многочисленными и решительными, и они потеряли в них тысячи человек; свирепствовала дизентерия, сам Мангу заболел ею, и теперь он решил отложить все атаки и блокировать позицию. Оставив три тысячи отборных людей, он повел остальные свои войска на Чжун кинг, который намеревался захватить, но двенадцать дней спустя он умер (август 1259 г.) в Тяо ю, горе в одной лиге от Хошиу и к востоку от нее. Военачальники решили снять осаду и отступить на север, забрав с собой тело своего государя. Сын Мангу Ассутай отвез тело в Монголию, где оно было похоронено рядом с могилами Чингиса и Тулуя.

Мангу был щедрым, но суровым по натуре. Он часто щедро раздавал подарки своим войскам, но настаивал на том, чтобы они всегда соблюдали суровую дисциплину. Во время кампании в Су-чуане он строго запретил своим людям заниматься грабежом. Узнав, что Ассутай во время охоты уничтожил пшеничное поле, он сурово отчитал его и наказал нескольких его товарищей. Он довел дисциплину до того, что однажды, когда солдат ослушался приказа и силой отобрал лук у крестьянина, его немедленно казнили. Хотя он терпимо относился ко всем религиям, он был суеверен и находился под влиянием шаманов, влияние, по-видимому, пагубное. Рассказывают историю об одной из жен Мангу, которая, родив сына, вызвала шамана, чтобы тот прочитал гороскоп мальчика. Мужчина предсказал долгую жизнь, но ребенок умер через несколько дней. Подвергнутый суровому порицанию матерью, шаман в целях самозащиты обвинил медсестру, недавно казненную за то, что она с помощью колдовства вызвала смерть принцессы. Мать, чтобы отомстить за смерть своего ребенка, приказала убить сына и дочь этой кормилицы, первого - мужчиной, вторую - женщиной. Это так разгневало Мангу, что он заточил свою жену в тюрьму на семь дней и на месяц изгнал ее из своего присутствия. Он приказал, чтобы мужчина, убивший мальчика кормилицы, был [331]обезглавлен, а его голову повесили на шею женщине, убившей девочку, затем ее избили горящими головнями и предали смерти.

Когда Мангу так неожиданно умер, его братья были далеко друг от друга. Хулагу находился в Сирии, Арик Буга - в Кара-Куруме, столице монголов, а Хубилай, преемник по монгольской системе, находился в Китае.

У-чангфу, построенный на южном берегу Ян-цзе прямо перед Хань, должен быть взят Хубилаем, таков был приказ, который дал ему Мангу. В 1258 году Хубилай отправился на эту работу из Шанг ту, города, который он недавно основал и который позже прославился как его летняя столица. Он продвигался медленно и только в августе 1259 года остановился у реки Цзю в Хэнане. Оттуда он двинулся к У Чангфу и захватил укрепленные пункты недалеко от линии своего похода. Именно во время этого похода он услышал о смерти своего брата. Однако он не стал медлить по этой причине и пересек Янцзы перед лицом многочисленной и активной флотилии.

Он сразу же осадил У чан фу и послал подразделение войск в Кианг си, где они захватили два города. Эти блестящие действия вызвали страх в Лин нгане (Ханг чау), резиденции Сунов. Император до этого времени не знал о монгольском нашествии, поскольку его министр

систематически обманывал его, и теперь он получал огромное количество петиций со всех сторон, объявлявших министра предателем и требовавших смертной казни за его измену. Император быстро сместил этого человека и заменил его Киа се тао. Киа се тао получил приказ наступать на У Чанга во главе армии и оказать помощь этому городу. Были объявлены огромные сборы, и император раздал серебро и шелк тем, кто принимал участие в их изготовлении. Новый министр, человек, увлеченный только литературой, ничего не знал ни о войне, ни о проблемах управления. Более того, он был отчаянно безрассуден, лишен совести и удивительно хитер. Его единственной целью было удержать власть всеми средствами, какие только мог изобрести его разум. Время было ему очень благоприятно, поскольку император был слаб, а двор не пользовался почетом. Армия не уважала Киа се тао, но у него и в мыслях не было спасти Империю Сун сражением, поэтому он пренебрег армией. Он тайно делал предложения Хубилаю, который нападал на У Чанга с большой[332]энергией. Киа се тао пообещал, что сунский император признает себя вассалом Великого хана, повелителя монголов. Хубилай получил официальное сообщение о смерти Мангу, но тем не менее отклонил предложение министра. Но когда пришли письма от его сторонников, которые убеждали его поторопиться и предотвратить попытки Арика Буги, он посоветовался со своими генералами, и Хао кинг, один из них, очень ясно объяснил, что Арик Буга, хозяин Кара Курума, столицы метрополии, и Дуреджи, губернатор Йен кинга (ныне Пекин), столицы Китая, будут действовать как один человек, чтобы исключить его, который как первый принц крови должен быть регентом и председательствовать на Курултае; отсюда настоятельная необходимость, чтобы он немедленно отправился в Монголию. Арик Буга желал верховной власти, и Хубилай знал, что Алемдар и Дуреджи помогут ему добиться ее всеми возможными способами. Из-за всего этого Кубилай решил принять условия, только что предложенные Киа се тао, которые, к тому же, были выгодными. Тогда было решено, что сунский император должен признать себя вассалом Великого хана и ежегодно выплачивать двести тысяч унций серебра и двести тысяч рулонов шелка в качестве дани. Ян-цзе должен был стать границей его земель.

Выполнив эти условия, Хубилай двинулся на север с лучшей кавалерией, оставив своим генералам приказ ждать Урянга Кадая. Мангу приказал Урянгу Кадаю присоединиться к армии Хубилая в У-чанге, приведя с собой тринадцать тысяч человек, предоставленных подвластными народами на юге, за пределами Китая. После того, как он разгромил на границе армии, намного превосходящие его собственную, он осадил Квэй тиу, столицу Кианг си, разгромил вторую китайскую армию и достиг Южного Ху куана, где осадил Чан ши. Договор, заключенный теперь Хубилаем, вынудил его воздержаться и переправиться через Ян-цзе со своими войсками.

Два генерала-южанина, командовавшие вспомогательными войсками, численность которых сократилась с тринадцати до пяти тысяч человек, возглавили арьергард армии и переправлялись через реку по мосту, построенному из лодок, когда Киа се тао разрушил этот мост, направив против него баржи на всех парусах. Сто семьдесят человек, оставшихся на южном берегу, были убиты министром.

Киа се тао держал сунского императора в неведении о договоре и приписывал отступление монголов своей собственной великолепной доблести и [333]управлению. Массовое убийство тылового отряда Урянга Кадая было представлено как триумф, и Киа се тао был вызван ко двору, чтобы удостоиться блестящего приема.

Хубилай разбил лагерь у стен Йен кинга и пожаловался Арику Буге на поборы людей, скота и денег, которые тот зарабатывал. Арик Буга давал успокаивающие ответы; он хотел привлечь Хубилая и его сторонников на созванный Курултай. Вне всякого сомнения, он либо принял меры, чтобы заручиться поддержкой большинства на своей стороне, либо хотел заманить Хубилая в свои лапы и убить его.

Дуреджи, находившийся тогда в Пекине, настаивал, чтобы Хубилай и принцы из его армии отправились на Курултай. Был дан ответ, что Хубилай должен сначала разместить свои войска по местам расквартирования. Дуреджи отправил этот ответ Арику Буге и остался с Хубилаем, который отправился в Шанг ту, место, назначенное его сторонниками для проведения специальных выборов.

Отряд Хубилая встретился, и поскольку положение было настолько серьезным, что не терпело отлагательств, для них было невозможно ждать потомков Джучи и Джагатая или Хулагу, который в то время находился в Персии. Хубилай был избран немедленно и без сопротивления и возведен на трон с обычными формальностями в 1260 году. — Эти выборы стали началом борьбы, которая в дальнейшем разрушила Монгольскую империю. — Теперь была отправлена депутация из ста человек, чтобы сообщить Арику Буге об избрании и восшествии на престол Хубилая. Дуреджи попытался бежать, но был арестован и вынужден раскрыть интриги Арика Буги; затем его посадили в тюрьму. Хубилай назначил Апишгу, сына Бури, преемником Джагатая и отправил его домой со своим братом, но оба этих принца были схвачены в Шен си и доставлены к Арику Буге, который держал их в тюрьме.

Тем временем в Кара-Куруме Арик Буга не сидел сложа руки. Он послал Алемдара набрать войска среди племен на севере и распределить между ними шелк и серебро; он послал двух других людей в Шен си, и эти двое смогли убедить некоторых губернаторов и генералов в Китае выступить в поддержку Арика Буги, который, поддержанный таким образом, без колебаний принял титул суверена. Во главе его отряда стояла Кутуктай, некогда главная жена Мангу. С ней были связаны сыновья Мангу: Ассутай, Юрункташ и Ширеки, а также несколько внуков Джагатая.

Оба претендента продолжали посылать друг другу послов весь [334] тот сезон, так и не придя к соглашению. Осенью Арик Буга отправил армию под командованием Караджара и Чумукура, сына Хулагу. Эти силы были разбиты авангардом Хубилая. Обескураженные этой проверкой, войска Арика Буги рассеялись, и он сам искал защиты в киргизских регионах после того, как казнил Апишгу и его брата — двух джагатайских принцев, дружественных Хубилаю, — и депутацию из ста человек, отправленную с известием об избрании этого императора.

В Шен си Арик Буга добился не большего прогресса: сразу после своего избрания Хубилай отправил в эту провинцию и в Су чуань губернатором Лиен хи хьена, уйгура по происхождению, одного из лучших своих генералов. Этот новый губернатор поспешил в Си нган фу и очень быстро привел власть Хубилая к триумфу. Агенты Арика Буги прибыли двумя днями ранее и стремились завоевать весь этот регион для своего хозяина. Новый губернатор схватил этих двух мужчин и бросил их в тюрьму. Узнав тем временем, что Хубилай объявил амнистию, которая наступит очень скоро, он приказал казнить этих двоих, находясь в тюрьме, и опубликовал указ после его получения. Теперь губернатор направил три корпуса войск во главе с принцем Каданом против Кундукая, командира Арика Буги, который, не сумев взять Си нган фу и нуждаясь в подкреплении, отступил на север, чтобы встретить Алемдара, который приводил

свежие войска из Монголии. После того, как эти два генерала объединили свои силы, они повернули на юг и были встречены армией Хубилая в Среднем Шеньси, несколько восточнее Кин чау. Последовавшее за этим сражение было упорным до предела, и некоторое время исход был под вопросом, но, наконец, Арик-Буга был окружен и потерпел столь кровавое и сокрушительное поражение, что кампания была закончена. Кундукай и Алемдар оба были убиты в этой битве, и Китай перешел к Хубилаю, который теперь двинулся на север и, войдя в Монголию, разбил свой лагерь на реке Унгки на ту зиму. В Кара-Куруме не хватало припасов, и, поскольку он получал их из Китая, Хубилай решил прекратить все передвижения в Монголию и располагал средствами для приведения в исполнение этого решения. Вскоре в столице появилась Нужда. Арик Буга нуждался в оружии и провизии; тем не менее он упорствовал и, передав Алгу, который был с ним, наследство Джагатая, приказал новому хану присылать оружие и припасы и строго охранять запад, чтобы никакая помощь не могла прийти Хубилаю от Хулагу или от Беркая. Арик Буга все еще находился в регионе Кем-Кемджут,[335]и, опасаясь по своей слабости предпринять нападение, он отправил Хубилаю послание, в котором говорилось, что он раскаивается и признает его сувереном, что он предстанет перед ним сразу же, как только его лошади будут в состоянии двигаться, хотя он предпочел бы дожидаться прибытия Беркая и Хулагу, которых он попросил вместе с другими принцами уладить дела Империи.

Хубилай ответил, что был бы рад увидеть Арика Бугу даже раньше, чем других принцев. Затем, оставив своего двоюродного брата Есугку командовать столицей, чтобы дожидаться прибытия Арика Буги и сопроводить его в главный лагерь, Хубилай отправился в Кай пинфу и отправил свою армию на места расквартирования.[336]

[Содержание]

ГЛАВА XVII

ХУБИЛАЙ - ХАН УНИЧТОЖАЕТ ДИНАСТИЮ СУН

Лето и осень 1261 года прошли очень спокойно. Лошади Арика Буги оправились; он собрал большие силы и отправился в Кара-Курум, главную столицу Монголии. Чтобы усыпить бдительность Есугки и усыпить все подозрения, он отправил сообщение о своем визите и вместе с ним о подчинении. После этого он появился внезапно и напал на людей Есугки, которых раздавил. Сразу же поспешив на юг, чтобы нанести удар Хубилаю, он встретил его на некотором расстоянии к северо-востоку от Шанг ту, на восточном краю великой пустыни Гоби. Арик Буга был разбит и бежал на север.

Хубилай, решив, что его брат потерпел сокрушительное поражение, запретил преследовать его и, повернувшись, двинулся на юг. Услышав об этом, Арик Буга изменил курс, быстро последовал за ним и предпринял вторую, более отчаянную попытку. Битва была ожесточенной и продолжалась до тех пор, пока ночь не положила ей конец. Обе стороны покинули поле боя, и в том году Арик Буга больше не сражался, поскольку сразу после этой битвы он узнал о безлюдности Алгу.

Алгу, которого Арик Буга сделал ханом орды Джагатая, забрал власть у Органа, вдовы Кара Хулагу. Затем его власть распространилась от Алмалика до Сырдарьи, и вскоре у него была

армия в сто пятьдесят тысяч человек. Арик Буга, бедный и ослабевший после столь многочисленных неудач, послал трех агентов в Алгу, чтобы собрать контрибуцию скотом, оружием и деньгами. Обильные поступления от этого сбора соблазнили Алгу. Он схватил людей Арика Буги, поскольку, по его словам, они высказывались в его адрес оскорбительно. После этого Алгу встретился со своими советниками, которые намекнули, что было бы лучше посоветоваться, прежде чем так активно выступать против Арика Буги, но поскольку исправлять ошибку было поздно, он должен признать Хубилая сувереном и открыто встать на его сторону.

Алгу казнил трех агентов, захватил все богатство, которое [337]они собрали, и отдал большую его часть своей армии. Пораженный этим поступком, Арик Буга решил как можно скорее выступить против Алгу. Он вернулся в Кара Курум, дал разрешение главам различных религий принять Хубилая, если возникнет необходимость, а затем очень быстро двинулся на запад.

Хубилай появился вскоре после отъезда своих братьев, получил покорность людей и собирался преследовать Арика Бугу, когда курьеры принесли весть о неприятностях в Китае, поэтому он повернулся и двинулся обратно в эту Империю. Кара Буга, командовавший наступлением Арика Буги, встретил Алгу близ города Пулад и погиб в последовавшем за этим сражении. Алгу считал себя в безопасности благодаря этой победе. Он вернулся в свой дом на реке Или и очень глупо распустил свои войска. Но Ассутай во главе второй дивизии миновал Железные ворота, переправился через Или, захватил Альмалик и даже частные земли Алгу, который отступил к Ходженду и Кашгару со своим правым крылом, которое до сих пор бездействовало. В это время появился Арик Буга и занял зимние квартиры на реке Или близ Алмалика, в то время как Алгу отступал к Самарканду. Арик Буга безжалостно грабил всю зиму и убил каждого воина Алгу, которого взял в плен. Когда пришла весна, огромное количество людей погибло от голода. Собственные офицеры Арика Буги были в ярости от его обращения с пленными, и большинство из них присоединились к Юрункташу. Юрункташ, сын Мангу, покойного императора, в то время возглавлял войска Хубилая на Алтае. Осталась лишь горстка людей Арика Буги, которые, зная, что Алгу готов напасть на него, попытались заключить соглашение с этим врагом.

Когда годом ранее прибыл Арик Буга, вдова Кара Хулагу Органа пришла в его лагерь и заявила, что ее лишили собственности по его приказу, и теперь она ждет возмездия. После этого Арик Буга отправил Органу с Массуд-беем заключить соглашение с Алгу. Когда Органа предстала перед Алгу и рассказала ему о причине своего приезда, он женился на ней; Массуд-бей он поставил во главе своих финансов. Этот министр взимал крупные взносы с Бухары и Самарканда. В тот момент Алгу очень нуждался в деньгах, поскольку Кайду, внук Уготая, при поддержке Беркая, преемника Бату, продвигался вперед, чтобы захватить его владения. Теперь у него хватило сил дать ему отпор.

Арик Буга, оставшийся без друзей, войск и ресурсов, решил в 1264 году воззвать к милосердию своего брата и отправился к нему. При [338]появлении у палатки Хубилая люди накиннули на него завесу входа; прикрытый таким образом, он простерся ниц. Таков был обычай в делах подобного рода. Допущенный во внутренние помещения, он встал на место, обычно отведенное секретарям. Хубилай долго смотрел на него и, увидев, что он плачет, не смог сдержать своих слез и волнения. “Ах, брат мой,” сказал он наконец, “кто был прав, ты или я?” “Сначала я, но сегодня право на твоей стороне”, - ответил Арик Буга.

В этот момент Атчидай, брат Апишги, подошел к Ассутаю и спросил: “Это ты убил моего брата?” “Я убил его по приказу Арика Буги, в то время моего повелителя. Он не хотел, чтобы принц

нашего дома погиб от руки какого-то простого человека. Хубилай теперь мой повелитель; если бы он приказал, я убил бы даже тебя таким же образом”.

Хубилай заставил себя замолчать и добавил: “Сейчас не время для подобных речей”.

Тогачар, племянник Чингиса, поднялся тогда и сказал: “Хан не желает сегодня упоминать о прошлом. Он хочет, чтобы ты не испытывал ничего, кроме удовольствия”. Затем, повернувшись к Хубилаю, он добавил: “Арик Буга стоит; какое место ты ему отводишь?” Он сидел с сыновьями Хубилая, и они провели тот день в компании. Однако на следующий день все офицеры Арика Буги были закованы в кандалы, и Хубилай назначил комиссию из четырех принцев и трех генералов для допроса Арика Буги и его сторонников. Арик Буга заявил, что ответственность несет только он, что его офицеры ни в чем не виноваты. “Как не виновны?” - спросил Хубилай. “Военачальники, выступившие против Мангу, не подняли против него лука; и все же тебе известно, как они были наказаны просто за намерения. Вы, кто начал гражданскую войну и убил так много принцев и воинов, каковы ваши заслуги? Офицеры ничего не ответили. “Друзья мои, - сказал Туман-нойон, самый пожилой из них, - разве вы не помните, что, возводя Арика Бугу на трон, мы поклялись умереть за его дело, если возникнет необходимость? Настал момент выполнить это обещание”.

Хубилай похвалил эту преданность и снова спросил Арика Бугу, кто вдохновил его на это предприятие. Наконец он объявил, что Алемдар и Болга сказали ему: “Хулагу и Хубилай находятся в дальних походах, и наш покойный государь оставил тебя во главе главного улуса монголов. К чему колебаться? Немедленно объяви себя[339]Великим ханом”. Он проконсультировался с другими офицерами; все они придерживались этого мнения. Присутствующие офицеры подтвердили слова Арика Буги, и десять из них были приговорены к смертной казни. Но для того, чтобы судить самого Арика Бугу, Хубилай пожелал присутствия Хулагу, Беркая и Алгу. После долгого ожидания принцы крови и генералы, находившиеся в то время в Монголии, встретились, чтобы решить судьбу Ассутая и Арика Буги. Из уважения к Хубилаю они единодушно решили даровать жизнь обоим принцам. Это решение было передано Хулагу, Беркаю и Алгу на утверждение. Алгу ответил, что, поскольку он пришел к власти с согласия Хубилая, он не будет высказывать своего мнения; двое других подтвердили это решение.

Арику Буге и Ассутая была предоставлена свобода оказывать почтение хану и свободно передвигаться. Месяц спустя Арик Буга умер от болезни и был похоронен близ Чингиса и Тулуя (1266).

Смерть Арика Буги, его брата, не спасла великого императора от гражданской войны и долгого и ужасного соперничества: Кайду, внук Уготая, претендовал на главенство над монголами. Он выдвинул это требование и продвигал его с такой силой, умением и ресурсом, что у Хубилая не хватило сил подавить его.

Эта борьба между потомками Уготая и Тулуя была величайшим и, безусловно, самым ярким событием в истории семьи Чингисхана. Хотя Хубилай смог завоевать весь Китай и Бирму, он не смог покорить Кайду. Он встретился с ним и держал его в узде — у него была власть сделать это и в то же время основать династию в Китае, но он не мог сокрушить его.

Сначала мы рассмотрим подчинение Китая, а затем обратимся к Кайду и его подвигам.

Хубилай, ныне великий хан, решил завоевать весь Китай и со всей серьезностью приступил к этому великому делу. В 1260 году он отправил посланника по имени король Хао, чтобы сообщить сунскому императору о своем избрании. Кроме того, этот посланник должен был следить за соблюдением договора, заключенного в У чангфу с Киа се тао. Как только посланник ступил на территорию Сун, он был брошен в тюрьму вместе со всеми своими приближенными. Это было сделано по указанию Киа се тао, настоящего автора договора, по которому сунский император стал вассалом Хубилая. Киа се тао удалил из этого мира всех, кто знал об этом договоре и его различных положениях. Он был [340]единственным человеком, жившим в то время в Китае, который знал об этом. Важным моментом для Киа се тао было то, что император династии Сун должен продолжать пребывать в неведении о своем рабстве. Этот человек, чьим священным долгом было объяснить свою позицию, использовал все свои силы, чтобы скрыть ее, и любой ценой придерживался своей собственной ужасной политики. Никто не знал о великой трагедии положения Китая, кроме Киа се Тао, первого министра Империи.

Арест его посланника вызвал заявление Хубилая в 1261 году: “С момента моего восшествия на престол, - заявил он, - я стремился обеспечить мир моим подданным, поэтому я отправил посланника ко двору императора Сун, чтобы заключить твердое соглашение о дружбе. Этот двор, мало заботящийся о будущем, стал более агрессивным и наглым. Не проходит и дня, чтобы кто-нибудь из его воинов не нарушал наши границы. Прошлой весной я приказал своим генералам быть наготове, но, помня о печальных плодах войны и веря, что Хао кинг, мой новый посланник, вернется с результатами, на которые я надеялся, я ждал. Я обнаружил, что меня жестоко обманули. Мой посланник был арестован вопреки всем правилам, которые существуют между суверенами, и в течение шести месяцев я тщетно ожидал его приезда. Военные действия продолжаются, и поэтому ясно, что сунское правительство больше не желает мира с нами. Должна ли нация, которая столько лет хвасталась своей мудростью и соблюдением правил хорошего правления, относиться к нам подобным образом? Его поведение мало согласуется с законами, которыми он хвастается, и напоминает тот оттенок на картине, который, создавая контраст, придает свету большую яркость и заставляет тень казаться темнее. Таким образом, красота законов Китая контрастирует с его правительством; следовательно, мы более ясно видим недобросовестность последнего”. Затем он приказал всем готовить лошадей и оружие к бою и добавил: “Истинность моих намерений и справедливость моего дела гарантируют победу”.

Но война, которую Великому хану пришлось вести со своим братом, вынудила его бездействовать в бою против сунского государя. Едва он прибыл в Йен кинг после двух упорных сражений с Ариком Бугой на восточном краю пустыни, как услышал, что один из его командиров, Ли тан, поднял восстание. Этот генерал в Шаньдуне, захватив Се тянь чэ и Иту, перебил монгольские гарнизоны в этих и других городах и провозгласил Сунского императора. Хубилай послал принца Апиче и генерала Се тянь Чэ против Ли тана. Они пристально следили за ним в Ци нань, где оборона стала наиболее [341]упрямой. Когда провизия была исчерпана, осажденные съели мясо горожан. После четырех месяцев ожесточенной борьбы Ли Тан убил свою жену и наложниц, а затем прыгнул в Та нин, мелководное озеро, из которого его спасли, и Се тянь Чэ немедленно отрубил ему голову. Как было известно, сунцы поддерживали это восстание, хотя и робко. Несмотря на действия Сунов, Хубилай на некоторое время отложил серьезную войну.

Когда он правил сорок лет и прожил шестьдесят два, Ли цзун, император династии Сун, умер в ноябре 1264 года. Не имея сына, он оставил трон своему племяннику Чао Ки, который, став императором, взял имя Ту цзун.

Только в 1267 году Хубилай выступил против Южного Китая. При планировании кампании он использовал знания Лю Цзина, одного из лучших офицеров Китая, который оставил дело Сун и перешел на сторону монголов. Некоторое время назад Лю Цзин был губернатором Лу чиу в Су-чуане, и губернатор Су-чуаня оклеветал его перед Киа се тао, главным министром. Опасаясь за свою жизнь, он поступил на службу к монголам. В 1261 году он предстал перед Хубилаем, который назначил его губернатором Квай-чиу, города на границе Ху-куана и Су-чуаня. Поскольку война была предрешена, по его совету планировалось начать с осады Сянъяна на северном берегу реки Хань; овладение этим городом облегчило бы завоевание великого региона Ян-цзе.

Киа се тао, то ли желая вернуть Лю цзина, то ли дискредитировать этого сановника в глазах монголов, сделал его принцем Иена и послал ему золотую печать с дипломом и знаками отличия этой должности. Лю Цзин арестовал чиновника, принесшего эмблемы, и отправился с ним в резиденцию Хубилая, перед которым вновь выразил свою верность. Император отнесся к нему с почетом и отрубил китайскому чиновнику голову.

По приказу Хубилая Лю Цзин и Ат чу, сын Урянга Кадая, отправились с семьюдесятью тысячами хороших воинов осаждать Сян ян в октябре 1268 года. Шэ тянь-цзе был назначен главнокомандующим всеми силами, направленными против империи Сун, и многие выдающиеся люди из различных земель великой Монгольской империи, такие как уйгуры, персы, арабы, кипчаки и другие, предложили свои услуги этому известному полководцу.

Было решено, что город выдержит длительную осаду и что они должны уничтожить его голодом. Все коммуникации по суше были ^[342]перерезаны, но китайцы располагали многочисленной флотилией и могли получать оружие и подкрепления по реке. Осаждающие построили пятьдесят больших барж, на которых воины ежедневно упражнялись в ведении боевых действий на воде; и все же они не смогли помешать хорошо укомплектованной флотилии, груженной оружием и провизией, достичь города следующей осенью (1269 г.) во время очень высокого половодья. Ат чу наказал китайцев, когда они приближались к Сян яну, а на обратном пути захватил у них пятьсот лодок.

После годичной блокады монголы осознали необходимость укрепления Фаньцзина на противоположном берегу реки. Города были соединены лодочными мостами; оба берега реки были усеяны постами и укреплениями, в то время как река была перегорожена прочными цепями и вооруженными баржами. Сян ян, казалось, был брошен на произвол судьбы, ибо Киа се тао ничего не сделал, чтобы помочь ему, но все это время он прилагал огромные усилия, чтобы скрыть от своего государя то, что происходило в Империи. Несмотря на все свои предосторожности, император услышал в 1271 году, что монголы осаждают Сян-ян, и это был третий год осады. Он потребовал информации; главный министр объявил, что осада снята и враг отступает. Министр сначала не смог узнать, кто просветил императора, но позже он обнаружил этого человека и приказал казнить его по какой-то другой причине. Тем не менее вопросы императора вывели министра из оцепенения, и он послал армию под командованием Фань Вэнь ху освободить два города.

Со своей стороны, Хубилай собрал войска для усиления осаждающих. Он открыл тюрьмы Северного Китая и таким образом получил двадцать тысяч новых воинов. Эти люди хорошо служили, и некоторые из них достигли высоких постов. Они двинулись тремя корпусами разными маршрутами и встретились на берегу реки Хань ниже того места, где стояла флотилия Сунов. Эти новые войска соединили оба берега по лодочному мосту и захватили почти всю флотилию. В чу наткнулись на сотысячную армию, возглавляемую Фань вэнь ху и посланную министром. Два авангарда встретились, и китайский был разбит на куски или рассеян.

Эта проверка посеяла такой ужас среди воинов династии Сун, что вся армия бежала, оставив штандарты и обоз. Тем не менее осажденные, чьи вожди не были повержены поражениями, выстояли, и по прошествии четырех лет город все еще хорошо снабжался провизией, хотя[343]требовались соль и несколько других предметов. Комендант Нган-ло, городка в двадцати лигах ниже по реке, взялся снабдить их тем, чего не хватало. Он приказал построить лодки в боковом течении Хань и назначил высокую награду всем, кто будет управлять ими. Три тысячи человек вышли вперед, чтобы войти в город Сян Ян или погибнуть при попытке. Лодки ходили по три; одна лодка была груженной, а вторая и третья крепко привязаны с каждой стороны груженной. Эти два были заполнены вооруженными воинами, которые пускали пылающие стрелы и с помощью небольших машин швыряли камни и горящие угли. Таким образом, они миновали обе дивизии, с боем преодолев все препятствия, и вошли в Сян ян под бесконечные крики восторга народа.

Этой новой флотилией командовали Чан Шунь и Чан кве, два очень храбрых воина. Чан Шунь был убит до того, как добрался до города. Чан кве, возвращавшийся в Нган ло, был встречен монголами, и в результате завязался отчаянный рукопашный бой; все люди рядом с Чан кве были убиты, а сам он схвачен. Весь израненный и окровавленный, он не признал монголов. Они немедленно убили его и отправили четырех пленников обратно в Сян Ян с его телом. Инженеры, обладающие большим мастерством в изготовлении баллист, теперь были приведены в действие. Эти люди были вызваны из Персии Хубилаем, и в 1273 году они создали машины, которые быстро пробивали стены. Монголы захватили пригороды после ужасной резни, а затем сожгли мост, соединявший города; сделав это, они повернули к Фань Цзину и взяли его штурмом. Фань тянь Чунь, командир, покончил с собой, сказав, что умрет как воспетый подданный. Его коллега, Ниу Фу, собрал отряд отчаявшихся сторонников и сражался на улицах с ужасными силами противника, поджигая дома, в то время как его постепенно оттесняли назад; пришло время, когда, покрытый ранами, он бросился в пламя, которое разожгли его собственные руки. Люди, которые сражались вместе с ним, умерли так же, как умер он.

Монголы овладевают Федан цзином в феврале 1273 года. Киа се тао теперь предложил сам возглавить людей и оказать помощь городам, но устами императора он приказал себе остаться, заявив, что его присутствие при дворе необходимо. Као та, заклятый враг Лю Вэнь хоаня, был назначен руководителем вместо удивительно ловкого министра.

Катапульти были направлены на Сян Ян, но атака началась [344]только в ноябре. Машины производили ужасный шум; огромные каменные снаряды крушили все, на что попадали. Осажденные в ужасе бросились прочь из открытых мест. Страх распространился по городу. Лю Цзин, который знал коменданта Лю Вэнь хоаня, попросил о переговорах и получил их, но едва двое мужчин начали беседовать, как китайские воины послали стрелы из крепости, и Лю Цзин был спасен только добротностью своих доспехов.

Монголы, возмущенные этим поступком, хотели сразу же взять город штурмом, но были остановлены генералами, которые сообщили осажденным, что к ним только что поступило сообщение от Хубилая. Оно было зачитано громким голосом, и смысл его сводился к следующему: “Великолепная защита, длившаяся пять лет, покрывает вас великой славой. Каждый верный подданный должен служить своему государю ценой своей жизни, но приносить в жертву тысячи людей из-за упрямства, только подумайте, разумно ли это и подобает ли это, особенно вам, измученным, без помощи или даже надежды на нее? Подчинитесь, и никому не причинят вреда. Мы обещаем предоставить каждому из вас почетную работу. Вы будете довольны. Мы даем наше истинное слово Императора, что вы будете довольны”.

Лю вэнь хоань принял эти обещания и сдал город. Затем он отправился с Алихайей к Хубилаю, который выказал ему явные знаки уважения и назначил его комендантом войск в Сян яне. Офицеры под его началом получили хорошие места в армиях Хубилая.

Дезертирство Лю Вэнь хоаня произвело колоссальную сенсацию. Его семья была одной из лучших в Империи, и многие из его родственников подали в отставку, поскольку им выпала злая судьба быть связанными кровными узами с этим предателем. Киа се Тао, который был другом семьи, не подал императору ни одного прошения об отставке.

Хубилай, измотанный войной в своей собственной семье, был склонен на время прекратить боевые действия на Ян-цзе, но его генералы объяснили огромное значение захвата Сян-яна для продолжения борьбы и призвали его нанести удар по врагам, пока преимущество на его стороне. Император Ту цзун только что умер, в августе 1274 года, и оставил все дела Киа се тао и другим людям, столь же безразличным, как этот министр, к интересам Китая. Вожди хотели посадить на трон Чао Шэ, старшего сына Ту цзуна,^[345] но Киа се тао посчитал, что сам он удержит власть более полно и дольше, выбрав второго сына, Чао хьена, четырехлетнего ребенка. Этот мальчик был выбран. Новый император получил имя Конг цонг, а императрица Сией ши, вдова отца Ту цонга, была возведена в ранг регента.

Готовясь наиболее эффективно продолжить завоевание Китая, Хубилай, чтобы объяснить и оправдать свои действия, издал рескрипт, в котором говорилось, что Цзинхи, Уготай и Мангу стремились установить прочный мир с империей Сун, и что он сам, когда был всего лишь принцем и командующим армиями, заключил договор с сунским двором, но двор нарушил все обещания, как только вывел свои войска. Взойдя на трон, он отправил посланника для укрепления мира и добрых чувств, но посланник был схвачен и заключен в тюрьму вместе со всеми своими приближенными и содержался в заключении до того дня.

После того, как это заявление было сделано, Хубилай назначил Шэ тянь цзе и Баяна командовать всеми армиями, вторгшимися в Ху кван, и назначил их лейтенантами В чу, Алихайе и Лю вэнь хоане. Другая армия должна была действовать в Киангнани под командованием Поло Хвана и четырех других командиров. Эти две большие группы воинов достигали, возможно, двухсот тысяч человек. Шэ тянь-цзе умер вскоре после своего назначения, и все командование этой первой группой было передано Баяну, лучшему вождю среди всех монголов.

Баян был из племени барин. Он провел свою юность в персидских краях и прибыл с посольством от Абаки ильхана. Хубилай был так доволен речью и осанкой Баяна, что в 1265 году взял этого человека к себе на службу и очень быстро сделал его государственным министром.

Из Сян-яна Баян поплыл вниз по реке Хань к Нган-ло с многочисленной флотилией, но река была прочно перегорожена цепями, скрепленными сваями и баржами, на которых находились большие силы воинов, хорошо вооруженных и пользующихся баллистами. Более того, сам Нган-ло был защищен крепкими и массивными каменными стенами. Баян рассудил, что он не сможет занять такое место, не потеряв много времени и много воинов, поэтому он тщательно обдумал проблему. Пленный китаец показал выход из положения, и Баян захватил город. Монголы проложили путь из прочных балок от реки к озеру Тэн, в которое они[346]затащили все свои суда и баржи. Из этого озера они отплыли к реке Хань по протоке, миновав таким образом Нган-ло без боя. Взяв Син хин чау и Ша ян, два города на правом берегу Хань, они отплыли к ее устью, где под командованием Хиа кве была выставлена сильная флотилия для охраны великой реки. Баян атаковал эту линию лодок и сделал вид, что пытается любой ценой прорваться через нее на левом фланге, но пока на той стороне бушевало сражение, он захватил Ша фу кве на другом фланге, захватил сотню боевых барж и достиг Ян-цзе на его северном берегу, взяв с собой почти все свои лодки. Он немедленно отправил сильный флот через Янцзы под чу. Китайский генерал Хиа кве, опасаясь, что его могут отрезать, отплыл со всей своей флотилией, тем самым предоставив Баяну полную свободу действий.

Ян Ло на северном берегу был взят в плен. Хань Ян сдался. Баян переправился через великую реку со своей армией и готовился к осаде У чангфу, когда Чанг йен кьен и Чинг понг, коменданты этого города, сдались и перешли со своими людьми на службу к Хубилаю. Баян оставил сильный гарнизон под командованием Алихайи и двинулся на восток с остальными своими силами.

Баян поручил Чинг понгу добиться подчинения Чин и, коменданта Хоанг-чиу. Чин и потребовал хорошую должность. Баян пообещал назначить его главным инспектором земель вдоль реки Ян-цзы. Затем Чин и открыл монголам ворота Хоанг-чиу; он убедил губернатора Ки-чиу тоже присоединиться и сдать свой город. Многие коменданты вдоль реки Ян-цзе служили под началом Лю Вэнь хоаня или членов его семьи, и они сдались, не дожидаясь повестки. Чин йен, комендант Киангнана и сын Чин и, последовал примеру своего отца. Губернатор Киу кианга открыл свои ворота Баяну, который принял в этом городе капитуляцию Нань кинга, Те нган фу и Лу нган. Любезный прием, оказанный Баяном всем китайцам, чрезвычайно способствовал его завоеваниям.

Киа се тао, ныне повелитель сунского императора, тем временем собрал большую армию и привел в У-ху или в пункт поблизости от него большой речной флот, к которому присоединилась большая флотилия Хиа кве. Первый министр отправил в Баян пленного монгола в качестве посланника с подарками в виде прекрасных фруктов и предложениями мира на[347]основе его первого договора с Хубилаем в У-Чанге в 1260 году. Баян ответил письмом, что Киа се тао должен был заговорить до того, как он (Баян) пересек Янцзы, что, если он искренне желает мира, он должен искать его лично. Это письмо осталось без ответа.

Чи чиу на Ян-цзе также сдался монголам, и Киа се тао поручил Сунь ху чину занять большими силами остров ниже этого города и дать две тысячи пятьсот лодок Хиа кве, чтобы преградить Ян-цзе монголам. Он выбрал для себя и основной части своей армии позицию еще ближе к морю.

Баян двинулся вниз по обоим берегам реки с пехотой и кавалерией, но когда он оказался напротив острова Сунь ху чина, он открыл огонь по китайцам из баллист и приказал нескольким своим воинам атаковать. Китайцы в большой спешке бежали к своим судам, но ураганный огонь

снарядов с обоих берегов потопил множество их барж и убил такое большое количество людей, что река покраснела от их крови.

Этот триумф принес монголам огромную добычу. Киа се тао, проинформированный об этом Хиа кве, поплыл вниз по реке со всей своей флотилией. Он остановился на острове Кин ша, где посоветовался с Сунь ху чином и Хай кве. Они заявили, что ничего нельзя сделать с воинами, которые трепещут при виде монголов. Киа се тао отошел еще дальше вниз по реке, чтобы собрать новые силы, но тщетно; все потеряли мужество, и ни один человек не захотел служить мерзкому министру. В результате этого последнего поражения многие города Киангнана, правители которых бежали от них, были захвачены монголами; другие были сданы комендантами. При приближении Баяна Ван ли син, который в то время был наместником короля Нань, отчаялся в своей стране и, желая умереть, оставаясь подданным Сун, пригласил своих родственников и друзей на пир, на котором принял яд; затем город пал под натиском монголов.

Поскольку приближалось время сильной жары, Хубилай пожелал пощадить монгольские силы и приказал Баяну воздержаться от действий до осени. Но Баян выразил свое убеждение, что, когда держишь врага за горло, сейчас не время давать ему передышку. Хао кинг, посланник Хубилая, все еще находился в заключении, и брат этого человека был послан за его освобождением от Киа се тао. Миссия увенчалась успехом; король Хао и его свита были освобождены, но он[348]заболел по дороге и умер после прибытия в Йен кинг (Пекин), столицу империи.

Вскоре после этого Хубилай направил посольство с новыми мирными предложениями. Лин хи кьен, глава этого посольства, остановился в Нан кинге, штаб-квартире Баяна, и получил пятьсот человек в качестве эскорта. Баян запретил враждебные действия со стороны своей армии и таким образом избежал любых предлогов для применения насилия в отношении посольства. Несмотря на это, Лин хи Кьен по дороге подвергся нападению китайских войск, которые ранили его и убили его коллегу. Они доставили его в Лин нган, где он скончался от полученных травм. Сунский двор со всей поспешностью отправил офицера к Нань кингу с письмом, в котором говорилось, что нападение было совершено без его ведома; что виновники насилия будут обнаружены и наказаны; что император готов объявить себя вассалом Хубилая.

Баян был настроен недоверчиво и воспринял все эти заявления очень прохладно. Он послал в Линь нган с подателем этого письма Чан Юя, своего собственного офицера, формально просить о мире, но на самом деле посмотреть на состояние столицы. Чан Юй был убит по дороге. Баян, возмущенный таким предательством, потребовал разрешения Хубилая на продолжение боевых действий. Великий хан в ответ немедленно отозвал его на Север, чтобы принять командование против Кайду, который в то время оказывал на него сильное давление.

Као ши ки, губернатор Ю чау в провинции Ху кван, планировал нападение на У чан фу. Он командовал несколькими тысячами больших лодок и захватил пролив короля кианга. Алихайя, комендант У-чанга, выступил с флотом против Као ши ки, который, опасаясь риска сражения, поднял якорь и удалился к большому озеру Тун-тин, где подготовил свои лодки к бою. Алихайя сформировал свой флот из нескольких эскадрилий, которые быстро обратили китайцев в бегство. Они захватили лодку Као ши ки, взяли его в плен, а затем отрубили ему голову. Голова была насажена на острие копья и изображена под стенами Ю чау, которые сдались по первому зову.

Теперь Алихайя напал на Кианг линг. Губернатор этого города Као та был одним из лучших офицеров Китая. Недовольный судом, который незаконно поставил других людей выше него, он сдал свой город. Через несколько дней он написал комендантам, находящимся в его юрисдикции, советуя сдаться, и вскоре пятнадцать из них сдались. Алихайя оставил всех, кто сдался, командовать[349]их городами. Алихайя был любимцем Хубилая, который теперь отправил этому генералу благодарственное письмо за его действия и дал Као та ту же должность, в которой ему отказало сунское правительство.

Южный Су-чуань все еще оставался непокоренным, но теперь Ван лян чин, монгольский наместник, победил Цан ван чиу, сунского военачальника, и осадил его в Киа-тине, его столице. Цан ван чиу сдался, предоставив также отчет о каждом месте в своей провинции. Затем он был оставлен на своем посту. Тем не менее, Су чуань не покорился полностью до 1278 года. Главным вопросом для правительства теперь было избавиться от Киа се Тао, который стал ненавистен всем людям, и в 1274 году регент лишил его должности. Однако это не утолило общественную ненависть. Против этого мерзкого министра было выдвинуто десять обвинений, но созданная им регентша не смогла решиться уничтожить этого человека, поэтому конфисковала его имущество и назначила ему пожизненное изгнание в Фу кьене. Чиновнику, отца которого министр изгнал, было поручено вести осужденного. Этот чиновник доставлял себе удовольствие мучить павшего министра во время его путешествия и закончил тем, что убил его ближе к концу путешествия. За этот поступок он был немедленно приговорен к смерти.

Ат чу решил теперь атаковать Чан ши ки, у которого на реке была огромная флотилия лодок. Перед своим собственным флотом он расположил свои самые большие лодки и разместил на них тысячу арбалетчиков, которые выпускали пылающие стрелы, обстреливая флотилию противника. Он шел по пятам, чтобы поддержать их.

Монгольский флот со всей силой обрушился на китайцев. Тысячи лучников посылали горящие стрелы во все стороны, и вскоре великая река покрылась пылающими баржами и лодками. Чтобы не быть сожженными или взятыми в плен монголами, многие китайцы бросились в реку и погибли. Чан шэ ки бежал, оставив в руках монголов более семисот лодок.

Баян увидел Grand Elan в Шанг ту и убедил его, что остановка операций в Китае даже на короткое время может принести только вред. Баяна отправили обратно в его офис, и план кампании был быстро разработан. Баян должен был выступить немедленно (1275 г.) и взять столицу Сун. Его помощники должны были оперировать справа и слева в провинциях Хоай нань и Киангси. Его собственная армия была разделена на три части, и ее[350]действия в некотором смысле повторяли передвижения объединенных монгольских сил. Часть этой армии, в которой присутствовал Баян, великий вождь, прошла через Чанг-чан; Лю вэньхоань возглавлял ее авангард.

Сунский двор посылал корпус за корпусом на помощь городу. Баян сокрушал всех, кого встречал на поле боя, а затем призвал Чан чау сдаться. Когда и угрозы, и обещания оказались бесполезными, он разрушил предместья и, возведя вал на высоту стен, затем захватил город. Из четырех военачальников, которые командовали, трое пали, а четвертый бежал и спас себя. Жители были преданы мечу без всякой жалости. Генералы Баяна, Арган и Тун вэнь Пин, сметали все на своем пути; люди тысячами бежали в Лин нган; паника царила во всех частях, а в столице царил ужас. Чин и чонг, первый министр, призывал в свои ряды каждого мужчину старше пятнадцати лет. Императрица отправила посланника в Баян, чтобы объяснить, что совершенное

зло было совершено Киа се тао, которого она наказала, что государь все еще находится в нежном возрасте и что все будет исправлено.

Баян ответил, что Киа се тао не убивал Лин хи хьен, и попросил ее помнить, что, когда династия Сун завоевала свое господство, последний из рода Чеу, у которого Суны отняли Империю, тоже был младенцем. “Не сочтите странным, если с вашим младенцем обращаются так, как вы обращались с тем ребенком”.

Баян продвинулся дальше. Тот же посланец явился от Чин и чонга и императрицы, чтобы объявить, что молодой император согласен называть себя племянником Хубилая и платить дань уважения. Это тоже было отвергнуто. Теперь императрица прислала сказать, что император признает себя подданным Хубилая и будет платить ежегодную дань. Это предложение было сделано без ведома Чин и чонга, который пожелал, чтобы двор перебрался в южные регионы и доблестно сражался там до конца. Императрица и слышать не хотела об этом проекте. Баян неудержимо приближался к столице; ничто не могло его остановить. Сунские князья посоветовали теперь отправить Ки вана и Син вана, сводных братьев императора, в более отдаленные регионы и сохранить таким образом династию. Императрица согласилась и, изменив титул Ки вана на И вана, а Син вана - на Кван вана, отправила их обоих в Фу киен, но в разные места провинции. [351]

Баян был встречен близ Линь нганя двумя другими частями своей армии. В знак того, что она подчинилась, императрица прислала ему большую печать Империи, которую он немедленно передал Хубилаю. Затем он вызвал Чин и чжуна, чтобы обсудить условия соглашения, но этот министр, настроенный против императрицы, поспешил уехать на юг. Чан ши ки также удалился со своими войсками в Тинхай, и когда Баян послал отличившегося офицера предложить ему сдаться, Чан ши ки отрезал этому человеку язык и изрубил его на куски. Теперь императрица назначила Вэнь тянь сяна своим первым министром, дала ему в соратники У кьена и отправила обоих мужчин в Баян с миссией.

Министр сказал великому полководцу, что если Северная империя желает, чтобы Китай встал на ноги другим королевствам, покоренным монголами, он попросит его удалиться, по крайней мере, в Киа хин, где они договорились бы о ежегодной дани серебром и шелком и о местах, которые будут заняты. “Но если ваши планы, ” добавил он, - простираются дальше, и вы думаете уничтожить династию Сун, будьте уверены, что путь к вашей цели долог, и вам предстоит принять участие во многих битвах, прежде чем вы достигнете ее. Юг пока не в вашей власти. Мы будем защищаться; проблема оружия постоянно меняется. Кто знает, что вся позиция не изменится полностью?”

Баян уволил У кьена и задержал Вэнь тянь сяна под предлогом заключения с ним мира; министр запротестовал против этого. Увидев китайских офицеров, перешедших на сторону монголов, он очень резко упрекнул их в подлости, не пощадив даже Лю вэнь хоаня среди прочих. Баян отправил его к Хубилаю, но по дороге министр сбежал от своей охраны.

Для управления Линь нган Баян теперь назначил совет монголов и китайцев под председательством Ман ху тая и Фань вэнь ху; он также поручил Чин понгу получить от императрицы приказ всем губернаторам провинций подчиняться монголам, и, чтобы придать этому больше значения, крупные чиновники подписали его по его просьбе. Все подчинились, кроме одного, Кая хиуэн хонга, которого не могли запугать никакие угрозы.

Четыре монгольских офицера под командованием Баяна сняли печати департаментов и изъяли все регистрационные книги, исторические мемуары и карты в каждом архиве; все это было тщательно опечатано. Войска были размещены во всех частях столицы, и сохранялся точный[352]порядок. Баян, которого император и императрица потребовали встречи, извинился под предлогом того, что не знает надлежащего церемониала по такому случаю, и на следующий день покинул город. Двум китайским сановникам было поручено наблюдать за дворцом, чтобы они ни при каких обстоятельствах не теряли императрицу из виду. Это было сделано под предлогом проявления безграничного уважения к ней.

Очень скоро после этого во дворце появился Атахай, генерал, с большой свитой офицеров. Его первым действием было отменить весь этикет, соблюдаемый с императором и императрицей. Тем временем он пригласил императора и его мать, не дожидаясь, отправиться ко двору Хубилая в Шанг ту. После того, как это уведомление было сделано, императрица с заплаканными глазами обняла своего маленького мальчика, недавнего наследника Империи: “Сын Неба сохраняет тебе жизнь”, - сказала она. “Подобает поблагодарить его”. Этот семилетний наследник, создание покойного Киа се тао, упал на колени рядом со своей матерью; их лица были обращены на север, к Шан ту; девять раз они коснулись лбами пола, приветствуя Хубилая, Великого монгола.

Затем сына и мать посадили в экипаж и они навсегда покинули Линь нган и их Империю. С ними отправилась большая компания, в которую вошли все принцы и принцессы семьи Сун, находившиеся в то время в столице, а также министры, высокопоставленные чиновники, людис большой известностью и заметным влиянием. Все они направились по дороге на север, и, несомненно, за императором следовала скорбная процессия.

Регентша, бабушка императора, заболела и была оставлена в Линь нгане для выздоровления. Несколько китайцев, отчаявшихся увидеть, как их императора ведут в плен вместе с главами правительства и некоторыми из лучших умов Китая, предприняли попытки спасти их. Дважды они бросались на эскорт монголов, который возглавляли Атахай и Ли тин, но эскорт был слишком силен, чтобы его можно было сломить; монголы отбросили китайцев после отчаянной схватки в каждом случае.

Когда молодой император достиг Шанг ту, Хубилай послал своего первого министра встретить его. Был отдан приказ обращаться со всеми пленными должным образом. Император был низведен до уровня конга, или принца третьего ранга; Хяо Конг был присвоенным ему титулом. Императрица-мать и регент были лишены своих титулов.[353]Джамбуи Хатун, главная жена Великого хана, пыталась смягчить участь матери деликатным вниманием.

Говорят, что Линь нган, столица императора, был очень большим и великолепным. Он был построен среди лагун и имел тысячу двести мостов, некоторые из которых имели пирсы такой большой высоты, что под мостом могли проплывать суда водоизмещением в двести тонн. В городе было красивое озеро, окруженное дворцами и особняками. На островах этого озера были дома удовольствий, где устраивались брачные пиры и давались большие банкеты. В Линь нгане было три тысячи бань, каждая из которых была достаточно большой, чтобы вместить сто человек одновременно. Марко Поло утверждает, что императорский дворец был самым большим в мире. Он состоял из двадцати залов, самый просторный из которых использовался как государственный банкетный зал; помимо них, здесь была тысяча покоев, богато украшенных золотом и красками. В городе было десять больших рынков, 1 600 000 домов и семьсот храмов.

Жители одевались богато, все, за исключением низшего класса чернорабочих и кули, носили шелк.

Великий хан получил из дворца золото, серебро и другие драгоценные предметы, вывезенные в Лин нгане. Принцы и принцессы двора Хубилая с восторгом смотрели на эти трофеи могущественной династии, но Джамбуи Хатун не смогла сдержать слез, повернувшись к великому хану и сказав ему: “В этот момент мне пришло в голову, что Империя монголов тоже погибнет таким образом”.

Южный Китай все еще оставался непокоренным. В то время как Баян непобедимо продвигался на Лин нган, Алихайя продвигался через Ху куанг и осадил Чанг ча. Он атаковал с такой энергией, что через несколько дней город сильно пострадал. Монголы предприняли генеральную атаку, захватили вал, и судьба этого места была решена; часть его была охвачена огнем, и падение всего было вопросом максимум нескольких часов. В этот момент чиновник из важного города, случайно оказавшийся там с двумя сыновьями, которые только что достигли совершеннолетия, заставил этих сыновей надеть шляпы на головы (шляпа была символом мужественности). Сделав это, он бросился в огонь вместе с ними и своей семьей; Ли фу, губернатор Чанг-ча, очень чтит память этого гостя и, чувствуя уверенность, что каждый чиновник будет верен династии, он вызвал некоего Чин цзуна и сказал ему: “Я не опозорю свою кровь капитуляцией; я прошу вас отправить^[354] всю мою семью, а затем оказать мне такую же услугу”. Напрасно Чин цон бил лбом о землю, напрасно он умолял правителя освободить его от такой ужасной службы. Ли фу был непреклонен, и, поскольку он настаивал, Чин цун, горько плача, согласился повиноваться ему. Вино давали всем, кто был готов умереть, и, находясь под его воздействием, смерть легко касалась их. Когда Ли Фу подставил свою голову, ее снесли с него одним ударом сабли. Чин цон немедленно поджег дворец; затем он побежал в свой дом, где убил свою собственную жену и детей; сделав это, он покончил с собой. Все чиновники, за исключением двух, и большое количество офицеров и народа последовали за губернатором; одни прыгали в колодцы, другие вешались или принимали яд. Войдя в Чанг-ча, монголы были поражены, обнаружив, что это место почти безлюдно.

Затем Алихайя создал другие города Южного Ху куанга; почти все они сдались, не подняв оружия для самозащиты. В то же время в Кианг си Сон ту Кай добился больших успехов. Одиннадцать городов этой провинции покорились, и Фу чау также был взят. Баяна вызвали, чтобы он немедленно явился в Шанг ту. Сун ту Кай сказал ему на прощание, что сунские принцы собрали много войск в Фу кьене и Куанг тунге и что они намереваются войти в Кианг си. Баян приказал Аргану и Тун вэнь пиню, которых он оставил командовать близ Линь нганя, не оставлять этим принцам времени на усиление своих армий.

Когда сунские принцы, братья императора, прибыли в Вэнь чау из Линь нганя, офицеры, которые последовали за ними или присоединились к ним, сделали И вана-старшего главным правителем Империи и связали с ним его брата Кван вана. Эти братья вошли в Фу кьен, где два ведущих города были готовы подчиниться Хоанг ван тау, которого Бэй ан совсем недавно назначил губернатором этой провинции. Новый губернатор гарантировал сокращение всей провинции. Сунские партизаны немедленно схватились за оружие. Монгольский наместник потерпел поражение и был изгнан из провинции; его войска дезертировали и присоединились к сунским войскам.

Оба принца прибыли в Фу чау, столицу, и И ван, которому было девять лет, был провозглашен императором со всеми необходимыми церемониями. У государя была многочисленная армия, разделенная на четыре корпуса, которые должны были действовать на юге и вдоль Ян-цзе, по обе стороны этой реки. В этот момент появился Вэнь[355]тянь сян, который сбежал от монголов во время второго нападения на людей, которые везли молодого императора в Шан ту. Теперь ему было поручено вести борьбу, и он стремился сплотить китайцев и пробудить в них любовь к родине. Провозглашение молодого императора взбудоражило нацию, и были произведены большие сборы, что встревожило монголов.

Когда Баян получил приказ от императрицы, матери императора, требующий от каждого сунского подданного подчиниться монголам, Ат чу отправил копию Ли тин ши, который пытался спасти императора и который защищал Ян чиу с большим упрямством. Ли тин ши ответил с крепостного вала, что он не знает никакого приказа, кроме приказа защищать место, назначенное ему императрицей по документу, составленному ее собственной рукой. Ат чу получил новую команду на еще более сильном языке и обратился непосредственно к Ли тин ши. Ли тин ши выпустил стрелы в человека, принесшего этот документ.

Ат чу удвоил свои усилия, чтобы отрезать противнику пути снабжения. В отчаянии оттого, что он не смог завоевать один город, в то время как Баян так быстро подчинил себе целую провинцию, а вместе с ней и столицу Империи, он попробовал другие методы. Он отправил Ли тин Ши письмо, в котором Хубилай обещал исполнить любое его желание. Ли Тин ши сжег это письмо и отрубил голову человеку, который его принес. Все другие города, осажденные в этих регионах, пали от голода, если не были завоеваны иным способом; голод добрался до Ян чиу, но насколько близко, монголы в то время не знали.

По просьбе Ат чу Хубилай написал Ли тин ши следующее: “Если вы будете повиноваться даже в этот час, я готов выполнить прежние обещания и простить убийство моего посланника”. Ли тин ши не получил этого нового письма и, узнав, что И ван стал императором династии Сун, оставил защиту Ян чиу Чу хвану и отправился со своим коллегой Киан цаем и семьей тысячами человек, чтобы присоединиться к своему новому правителю. Едва он покинул город, как Чу Хван сдался.

Ат чу послал сильный кавалерийский корпус выследить двух беглых командиров. В этой битве была убита тысяча китайцев, а Ли тин ши был вынужден уйти в тайцзицюань, где его немедленно окружили. Два ведущих офицера в этом городе предали его монголам. Ли тин ши, видя, что его последний час близок, прыгнул в пруд, который оказался очень мелким. Его[356]быстро вытащили из этого, и они с Кианг цаем поспешили обратно к Ян чиу. Ат чу не оставил ничего незаконченным, чтобы привлечь этих двух мужчин к Хубилаю, но поскольку оба были непреклонны, он убил их.

Тун вэнь пин и Арган добились прогресса в Че кианге. Они одержали победу над сунской армией в Чу-чиу, а в Фу-киене взяли крепость под названием Ша-у. За этими монгольскими успехами последовало дезертирство китайцев и сдача городов. Это заставило сунский двор подумать о своей безопасности. Чин и Чонг и Чан ши ки собрали очень большой флот и значительную армию. Император сел на корабль со своим двором и армией и отплыл на юг, в Цуэн чиу (Зайтун Марко Поло). Этот порт был центром большой торговли; гавань всегда была переполнена судами. Теперь командиры захватили несколько кораблей, в которых они нуждались. Они, как оказалось, принадлежали в основном губернатору, очень богатому купцу.

Губернатор был так сильно разгневан этим поступком, что нападал на всех, кто высаживался на берег, и даже заставил флот выйти из гавани; сделав это, он сдал свой город монголам.

Алихайя в течение трех месяцев с большой энергией осаждал Кве линь фу, столицу Куанг си, но, не сумев сломить отчаянное сопротивление губернатора Ма ки, он применил более мягкие методы. Он получил от Хубилая грамоту о назначении Ма ки главнокомандующим Куан си и отправил ему документ через офицера. Ма Ки сжег грамоту и зарубил офицера. Кве линь фу, построенный на слиянии двух рек, был открыт только с одной стороны, где весь гарнизон мог противостоять любому врагу. Монгольский полководец выкопал новые русла для рек и повернул их вспять; теперь город был неприступен со всех сторон, и он взял его штурмом. Его армия хлынула через стены подобно бурному потоку, но Ма ки достойно встретил врага. Он сражался от улицы к улице, от одной площади к другой, пока, наконец, покрытый ранами и истекающий кровью, этот храбрый человек не был взят в плен, но вскоре после этого умер. Все жители были преданы мечу без жалости.

Взяв столицу, Алихайя разделил свою армию на различные отряды, которые послал для захвата главных городов этой провинции.

Ки ван, или И ван, молодой император, приплыл в Хвейцзю, недалеко от нынешнего Гонконга, и послал одного из своих офицеров к Суту, монгольскому командующему, с письмом для Хубилая, в[357]котором предлагал подчинение. Суту отправил своего сына в Шан ту с этим письмом. Тем временем боевые действия продолжались, и вскоре вся провинция Куанг-тунг, подвергшаяся нападению годом ранее, подчинилась.

На этом этапе Хубилай вызвал Баяна из Южного Китая, приказав ему оставить там только тех, кто был необходим для охраны завоеванных мест. Ли Хэн будет командовать войсками такого рода. Все остальные должны были нанести удар на Севере по его врагу Кайду. После ухода Баяна отряд Сун атаковал и отвоевал многие города в четырех южных провинциях. Чан ши ки собрал большие войска в Фу кьене, снарядил большой флот и осадил Цуен чиу, но Суту позже вынудил его поднять его. Суту заявил, что китайцам нельзя доверять, и вернулся к старому монгольскому методу истребления. Город за городом предавался мечу без пощады. Поскольку многие южные города были отбиты сунскими войсками, Хубилай в 1278 году отправил свежие войска в эту часть империи и приказал Та Чу, Ли хенгу и Лю се кве пересечь горы Та иньлин, в то время как флот под командованием Суту и других должен был атаковать сунскую эскадру.

Теперь Суту сметал все перед собой, пока не добрался до Чаочжу, где встретил упорное сопротивление. Не желая медлить, чтобы не опоздать на юг, он поплыл дальше и присоединился к сухопутным войскам близ Кантона, которые капитулировали. После этого успеха он вернулся в Чаочжу и регулярно осаждал его. Это место было прочно построено, и Ма фа, комендант, был настолько активен и решителен, что после двадцатидневного штурма Суту смог добиться лишь небольшого прогресса. Затем комендант предпринял вылазку, в ходе которой он сжег разрушительные машины монголов, но, наконец, окруженный более крупными силами, он погиб в кровопролитной схватке. Его люди сломались и бежали в город; враг бежал вместе с ними, толпами ворвался в ворота, прорвался через них вслед за китайцами, занял место и предал мечу всех без исключения.

У молодого императора не было порта, в котором он мог бы безопасно бросить якорь своим судам. Поэтому он скитался по морю без пристанища, пока в мае 1278 года в возрасте

одиннадцати лет не умер на необитаемом острове Кан чуэн. Большинство чиновников и высокопоставленных особ, последовавших за ним, испытывали отвращение к этому бродячему существованию и были готовы подчиниться Хубилаю, но Лю син Фу^[358] противостоял им с величайшей энергией. “У нас еще есть сын Ту цонга, - сказал он, - и мы должны сделать его императором. Воинов и офицеров у нас будет предостаточно. Если Небеса не предрекли гибель династии Сун, неужели вы сомневаетесь, что они смогут вернуть их трону былое величие?”

Эти слова воодушевили вождей; они поместили Куан вана на земляной холм, преклонили колени и выразили почтение. Ти Пин - таково было имя, данное новому императору. Лю син фу и Чан ши ки были его министрами. Штаб-квартира Китая находилась в основном на воде, их флот был очень велик и перевозил большие силы. Этот флот отошел к проливам в заливе Кантон, который лежал между горой Киче и островом Яи. Позиция, как представляется, была удачной. В любом случае это было последнее убежище и оплот династии Сун. Чан ши ки построил на вершине острова современный дворец для императора и казармы для воинов. Он работал с большим рвением, чтобы восстановить суда и снабдить каждого всем необходимым. Провизию доставляли из Кантона и других мест, из городов, которые были подвластны монголам, а также китайцам. Вэнь тянь сян, несмотря на свои потери, отбил Кантон и удерживал его, по крайней мере, в течение сезона.

В это время Чан Хун фан объяснил Хубилаю в письме, что для успешного завершения великой борьбы необходимо овладеть Куан ваном. Хубилай прислал ему меч, украшенный драгоценными камнями, и назначил его главнокомандующим армиями, назначенными для подчинения нового императора. Первым действием генерала было разгромить сухопутные войска; поскольку это были в основном новобранцы, а монголы были ветеранами, они бежали при первом же наступлении, а их офицеры были взяты в плен. Среди них были Вэнь тянь сян, главный командир, с Лю цзе цзуном и Цю фонгом. Последний из них покончил с собой, а второй был сожжен заживо на медленном огне. Вэнь тянь сян искренне молил о смерти, но Чан хун фан не даровал ее. Тщетно попросив его засвидетельствовать свое почтение поклоном на север, Чан хун фан отправил его к Хубилаю и освободил всех его друзей и родственников, которые были в плену.

Армии императора Сун были уничтожены. Оставался последний удар - по морским силам. Чан хун фан посадил свою армию на корабли и проплыл мимо острова под названием Яи. Китайские сухопутные войска очень прочно укрепились на острове, и китайский флот казался защищенным от нападения с северной стороны, поскольку ^[359]вода в этой части была слишком мелкой, как они думали, для больших монгольских судов.

Чан хун фан провел разведку своих противников и увидел, что их суда громоздки, поэтому он взял несколько своих легких лодок, наполнил их смоченной в масле соломой и поджег. Пользуясь сильным южным ветром, он послал эти горящие лодки вперед, чтобы нанести удар по китайцам. Но Чан ши ки покрыл грязью все свои передние барки и их оснастку, поэтому по ним не стреляли, и атака оказалась безрезультатной.

Кантон был взят монголами во второй раз и оккупирован. Теперь Чан Хун фан получил оттуда подкрепление в виде людей, а также судов. Этим последним он разместил к северу от Яи и приготовился атаковать флот Сун, который находился к западу от острова, между ним и горой. Атаки были произведены одновременно с севера и юга. Бой продолжался весь день. Вечером китайцы не были сломлены, но на флоте возникло нечто, близкое к панике; командиры большей

частью потеряли контроль. Чан ши ки и его коллега решили выйти в открытое море под прикрытием тумана, который присутствовал повсюду. Китайцы вышли из пролива с шестнадцатью громоздкими судами и образовали фронт эскадры. Лю син фу поднялся на борт императорского корабля, чтобы спасти его; этот корабль был больше других и более сложным в управлении. Однако они плыли дальше, пока не достигли устья канала, которое было перегорожено монгольскими баржами, надежно привязанными одна к другой. Не было никакого шанса продвинуться вперед, а вернуться назад было невозможно.

Лю син фу, увидев это, приказал сбросить своих детей и жену в воду. Затем, сказав Ти Пиню, что сунский государь должен предпочесть смерть плену, он посадил мальчика-императора себе на плечи и прыгнул с ним в море. Большинство высокопоставленных лиц последовали этому примеру и утопились.

Более восьмисот кораблей попали во власть монголов. Позже по этим водам тысячами плавали трупы китайцев. Среди них был герб Ти Пина, и на нем была найдена печать Империи. Когда Чан шик ки услышал, что его государь мертв, он отправился на корабль императрицы и попытался убедить ее помочь ему выбрать какого-нибудь родственника из семьи Сун и сделать его императором. Но когда она узнала о смерти своего маленького сына, она прыгнула в море без дальнейших[360]рассуждений, и за ней последовали ее служанки. Чан ши ки нашел ее тело и похоронил его на материке. Затем он отплыл к королю Тунгу, где у него были верные союзники, с которыми он намеревался вернуться и, если возможно, установить нового императора. Но, пересекая залив Тунг кинг, Чан ши ки попал в страшную бурю и погиб.

Тем временем Су лю и, его коллега, пал, сраженный своими же людьми. Когда он был мертв, все люди в Китае покорились, и Хубилай-хан оказался хозяином Империи, за которую монголы сражались более пяти десятилетий. Таким образом, семья Сун исчезла, правя Китаем три с половиной столетия.[361]

[\[Содержание\]](#)

ГЛАВА XVIII

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ХУБИЛАЯ В КИТАЕ И ВОЙНА С КАЙДУ

Борьба Хубилай-хана против Арика Буги, его брата, уже была описана довольно подробно, так же как и падение и смерть последнего. Следующим был Кайду, более опасный противник, который претендовал на монгольский суверенитет, происходя от своего деда Уготая. Чингисхан назначил Уготая ханом монголов, и когда этот выбор был подтвержден на первом курултае выборов, достоинство было закреплено за потомками Уготая. С избранием Мангу, сына Тулуя, этот договор был отвергнут и разорван. Это изменение привело монголов к долгой и упорной борьбе и разорению.

Война с Кайду продолжалась со смерти Арика Буги до конца жизни Хубилая и несколько позже. Прежде чем коснуться этого кровавого конфликта, возможно, будет лучше показать, что сделал Хубилай-хан после завоевания Китая (31 января 1279 г.).

Как только Великий хан положил конец династии Сун, он обратился к Японии, которая ранее платила дань Китаю. В 1270 году он пригласил японского монарха через посланника признать своим сюзереном повелителя земли, который также был сыном Неба, но посланник не получил аудиенции. Другие послы, отправленные позже, были немедленно казнены японцами. Теперь Хубилай решил завоевать эти восточные острова, хотя его лучшие советники пытались отговорить его. Они видели опасность этого предприятия и не верили, что успех в любом случае окупит затраченные средства, но Хубилай был непреклонен, и был отдан приказ послать сотысячную армию для завоевания островов. Войска высадились в Лин нгане и Цуен чиуфу ближе к концу 1280 года; флот с ними отплыл в Корею, где к нему присоединился контингент этой страны, состоящий из девяти сот кораблей, на борту которых находилось десять тысяч воинов. Этот огромный[362] флот с его силами был поражен штормом недалеко от японского побережья; большая часть кораблей вышла на берег, а люди были взяты в плен. Шестидесят тысяч китайцев были схвачены, а из монголов тридцать тысяч были убиты японцами. Осенью 1281 года жалкие остатки этой великой армии вернулись в Китай.

Когда семья Сун пала, король Кочинхины, Китай, оказал почтение Хубилаю и послал ему дань уважения. Не довольствуясь принесенной ему таким образом данью, Хубилай послал в эту страну правящий совет, состоящий из его собственных офицеров. Через два года наследник китайской провинции Кочин, возмущенный видом иностранцев, правящих его страной, приказал своему отцу арестовать их. Чтобы наказать это восстание, как он его назвал, Хубилай послал флот из Южного Китая с армией под командованием генерала Суту, который высадился в 1281 году в столице, которую он захватил. Сын короля удалился в горы и занял Суту фразами покорности. Тем временем он готовился победить его, если это будет возможно. Вскоре Суту узнал, что люди наступают со всех сторон, чтобы отрезать его от судов. По этой причине он счел за благо вернуться в Кантон.

Западный Юньнань был образован из двух княжеств, Лай лю и Юнг чанг, которые должны были быть приведены к повиновению, таков был приказ императора. Король Мьен-тьена, современной Бирмы, которому, по-видимому, платили дань оба княжества, отправился в 1277 году, чтобы отбросить монголов. Он двинулся вперед с шестидесятитысячным войском, состоящим из всадников и пехоты. Его первая линия состояла из слонов, несущих башни, в которых стояли лучники.

При приближении этой бирманской армии монголы, фланг которых был защищен лесом, выехали из-за своих укреплений, чтобы атаковать наступавшего врага, но их лошади в ужасе бежали от слонов, и в течение нескольких минут ни один человек не мог остановить животное под собой. Когда паника улеглась, Нассир ад-дин приказал своим людям спешиться, загнать своих животных в лес и, наступая пешком, атаковать первую линию слонов стрелами. Слоны, не защищенные никакими доспехами, очень быстро покрылись ранами. Обезумев от боли, они развернулись и бросились сквозь ряды сразу за ними. Многие бежали в лес, где они сломали башни у себя за спиной и сбросили вниз находившихся в них людей. [363]

Освободившись от слонов, монголы снова вскочили на коней и атаковали бирманцев стрелами, а затем и мечами в ближнем бою. Небронированные бирманцы были быстро обращены в бегство. Монголы захватили двести слонов, которые преследовали врага, пока сильная жара не отбросила их назад. После этой короткой и поразительной кампании Хубилай сохранил в своей армии слонов. В 1283 году Хубилай послал большую армию под командованием Сиан кура,

чтобы принудить короля Мьен-тяня к подчинению, то есть стать данником и разрешить монгольским чиновникам проживать в стране. После короткой осады столица Тайгун была взята, и все королевство согласилось платить дань Хубилаю. Кин ши, народ юньнана, который до того времени удерживался царем от подчинения монголам, объявил о повиновении.

Великий император планировал теперь второе нападение на японские острова, чтобы исправить катастрофу, которая произошла с первым. Атагай был назначен начальником экспедиции. Король Кореи должен был выделить ему пятьсот кораблей. В Кианг-нане, Че-кианге и Фу-киене были построены корабли и введены новые сборы, что нанесло огромный ущерб торговле в этих местах. Рабочие в доках, а также моряки, которых принудительно облагали налогами, дезертировали толпами, грабили на дорогах или становились пиратами в прибрежных районах. Армия была недовольна, и большинство членов личного совета императора выступили против экспедиции, но вскоре внимание Хубилая было привлечено к чему-то другому. Король китайской провинции Кочин после ухода Суту в 1281 году отправил послов, чтобы умиротворить Хубилая, но император отказал им в аудиенции и приказал Тогану, своему сыну, в то время правившему Юн нанем на Востоке, пройти через Тунг кинг и напасть на китайскую провинцию Кочин; Суту должен был помочь в планировании этой акции. Король Дун подчинился Хубилаю, когда тот пришел к власти, и Чинг коан пин, его правитель, обязался выплачивать раз в три года определенное количество золота, серебра, драгоценных камней и лекарств, полезных в медицине, а также рогов носорога и слоновой кости. В то же время агент из Хубилая прибыл на жительство в столицу. Преемником Чинг коан пина в 1277 году был его сын Чин гэ суан, который ненавидел монголов и ждал, чтобы напасть на них. Когда Тоган по пути в Китай потребовал провизии, Чин гэ суан выдвинул ложные возражения, и Тоган, видя его активную враждебность, понял, что прежде всего он должен привести к повиновению короля Дун. Он прибыл в страну [364] в 1285 году в январе и на плотях пересек реку Фу Лян. На другом берегу враги выстроились в боевой порядок, но они обратились в бегство, и их враждебный король исчез. Тоган думал, что война закончилась, но враг сплотился и продолжил свои походы. Сильная летняя жара и дожди принесли болезни его северным воинам. Армия была вынуждена отступить к Юнь Наню и постоянно подвергалась преследованиям во время отступления. Ли Хэн, командовавший под руководством Тогана, был ранен стрелой и очень скоро скончался, так как стрела была отравлена.

Суту, находившийся в двадцати лигах от этой армии и не имевший представления о ее бедственном положении, был отрезан людьми короля Тунга и погиб в битве у реки Кьенмоан. Хубилай сильно скорбел о потере столь одаренного полководца. К этой потере добавилась смерть Чингина, сына, которого он объявил своим преемником, человека великой мудрости, сведущего во всех китайских науках, уважаемого за свою честность и любовь к справедливости. Чингкину было сорок три года, когда он умер. Он оставил троих сыновей: Камалу, Дхарма Балу и Тимура, о которых мы еще много услышим.

В 1286 году японская экспедиция все еще ожидалась. Однако все силы были готовы, и корабли должны были встретиться в сентябре в Хупу, на великом randevu. Тем временем председатель трибунала мандаринов отговорил императора от столь рискованного проекта. Он с миром покинул Японию, но в китайскую провинцию Кочин была отправлена новая экспедиция. Алихайя должен был взять войска из южнокитайских гарнизонов и обрушиться на короля Дун с самой решительной силой. Принц Тоган, командовавший этой армией, вступил на службу к королю Дун в феврале 1287 года; под его началом были генералы Чинг понг фэй и Фань цзе. Тем

временем флот из Куанг-тунга доставил вторую хорошую армию под командованием Ситура, великого вождя кипчаков, который привел с собой офицеров и воинов своего народа.

Войска Хубилая разбили людей короля Дун в семнадцати сражениях, опустошили часть страны, разграбили столицу, захватили огромные богатства и с ликованием отступили на Юньнань. Король, Чин гэ суан, уплыл, никто не знал куда, но теперь, когда монголы ушли, он появился с большими силами во второй раз.

Тоган вернулся в страну в 1288 году и обнаружил, что жители вооружены и готовы к действию. Кампания продолжалась до лета, которое принесло много болезней и вынудило Тогана на некоторое время отступить [365]на Куанг си. Теперь Чин гэ суан атаковал его и попытался полностью остановить его отступление. Тоган потерял много людей в различных сражениях, в том числе генералов Фан цзе и Апачи, и был спасен только благодаря доблести Ситура, который встал во главе авангарда и открыл путь армии.

Несмотря на свою победу, царь счел разумным сейчас предложить подчинение; он умолял Хубилая забыть прошлые события и с его молитвами прислал золотую статую. Хубилай, в наказание за поражение, отобрал правление Юнь нанем у принца Тогана, запретил ему посещать дворец и назначил резиденцией Ян чиу.

В 1285 году Хубилай поручил Ян тин пе посетить острова к югу от Китая и тайно разузнать о находящихся на них силах и богатствах. Миссия увенчалась успехом, поскольку в октябре 1286 года корабли десяти королевств прибыли в Цуен-чиу, порт провинции Фу-киен, с данью, как и было заявлено. Однако вполне вероятно, что эти корабли привезли просто подарки.

Главной и, возможно, единственной причиной, по которой Хубилай отказался от своей кампании против японских островов, были угрожающие действия Кайду, который два десятилетия боролся за главенство в Империи. Кайду, внук Уготая, претендовал на монгольский трон как на право, которое ни один человек не мог подвергнуть сомнению или осмелиться отнять у него, поскольку оно исходило из воли Чингиса, а также из торжественного решения первого Монгольского курултая. В течение многих лет под разными предлогами Кайду избегал появляться при дворе Хубилая, а теперь открыто заявил о своей враждебности. Император рассчитывал на поддержку Борака, которого он сделал ханом Джагатай и чьи владения граничили с владениями Кайду на западной границе.

Эти два правителя действительно начали войну битвой на Сырдарье или Яксарте. Борак одержал победу, устроив засаду. Он взял много пленных и захватил богатую добычу. Позже Кайду получил помощь от Мангу Тимура из Золотой Орды, потомка Джучи, который послал армию под командованием Бергачара, своего дяди. Со своими собственными и этими силами Кайду встретился с Бораком и победил его в кровопролитной битве. Затем побежденный отступил в Мавераннахр и набрал свою армию, которую он снова сколотил за счет сокровищ, добытых в Бухаре и Самарканде, этих знаменитых старинных городах между двумя реками. Он готовился ко второй битве, когда мирные предложения были [366]доставлены ему из Кайду кипчаком Огулом, внуком Уготая, дружественным обоим этим противникам. Эти предложения понравились Бораку, который немедленно их принял. Затем он заключил союз с Кайду, и каждый мужчина стал для другого заклтым другом или “анда”.

Этот союз передал Кайду контроль над страной Джагатай, состоящей из Туркестана и Трансоксианы. Борак умер в 1270 году, а его преемник Никбей, сын Сарбана и внук Джагатай,

подняв оружие против Кайду, подвергся нападению в 1272 году и был убит в битве. Следующим пришел Тога Тимур; после его смерти Кайду посадил на трон Дуа, сына Борака, своего собственного “анда”. В 1275 году Кайду и Дуа вторглись в страну уйгуров со стотысячной армией и осадили столицу. Эти союзники хотели заставить идикутов вступить в войну против Хубилая, но в этот момент идикуты получили помощь от войск императора, которые появились в этом регионе.

В том же году Хубилай отправил на запад многочисленную армию под командованием своего сына Нумугана, под началом которого находился генерал Хантум, государственный министр и потомок Мукули, самого любимого и, возможно, самого одаренного командира Чингисхана. Гекджи, брат Нумугана, и Ширеки, сын Мангу, тоже отправились со своим войском, а также Ток Тимур и другие принцы со своими воинами. Нумуган был назначен главным губернатором Альмалика с самого начала.

В 1277 году Ток Тимур, недовольный Хубилаем, предложил посадить Ширеки, сына Мангу, на трон монголов. Ширеки принял предложение; двое сыновей Хубилая и генерал Хантум были схвачены ночью. Оба принца были переданы Мангу Тимуру, правителю Кипчака; Хантум был отдан Кайду. Сарбан, сын Джагатая, был привлечен к этому делу несколько позже, как и другие принцы этой ветви, а также ветви Уготая. На этом этапе Хубилай вызвал Баяна из Южного Китая и поставил его во главе армии, чтобы сокрушить вышеупомянутую комбинацию. Баян обнаружил, что его враги хорошо укрепились на Оргуне. Он лишил их припасов, и они, опасаясь голода, приняли пари о битве. Конфликт, от которого зависели такие большие интересы, был чрезвычайно упорным. В течение нескольких часов борьба шла с равными шансами, пока мастерство Баяна окончательно не перевернуло чашу весов. Ширеки потерпел поражение и отступил к Иртышу. Ток Тимур бежал в страну киргизов, где войска Хубилая застали его врасплох и захватили все его ^[367]лагерное имущество. Он послал в Ширеки за помощью, но Ширеки не смог ее оказать. Ток Тимур отомстил за это, предложив Сарбану трон монголов. Ширеки попытался примирить его, но Ток Тимур дал следующий ответ: “У тебя недостаточно мужества для этого сана, Сарбан более достоин”. Ширеки был вынужден уступить и даже был вынужден отправить своих собственных послов вместе с посланцами других князей к Мангу Тимуру и Кайду, чтобы объявить, что Сарбан был избран.

Ток Тимур теперь хотел заставить Юбукур признать только что созданного правителя. Юбукур собрал свои силы для сопротивления, но прежде чем у него появился шанс начать битву, воины Тока Тимура перешли на сторону его врага. Брошенный таким образом Ток Тимур обратился в бегство, но был схвачен и передан Ширеки, который приказал убить его по приказу Юбукура. Ток Тимур был известен великолепной храбростью и мастерством стрелка из лука; во время битвы он всегда ездил на белом коне и говорил, что мужчины выбирают темных лошадей, чтобы кровь из ран не была видна на их телах, но, по его мнению, кровь лошади и всадника украшала последнего, как румяна украшают щеки женщины.

Сарбан, оставшийся теперь без действенной помощи, отправился в Ширеки и попросил прощения за то, что позволил Ток Тимуру обхаживать его. Ширеки взял войска Сарбана и вскоре после этого отправил этого человека в сопровождении пятидесяти воинов к Котчи Огулу, внуку Джучи, но, проезжая районы Джэнд и Озкэнд, он был спасен своими людьми, которые как раз тогда были расквартированы в этих местах. Встав во главе их, он двинулся на Ширеки. Когда два отряда встретились, люди Ширеки перешли к Сарбану, который захватил его в плен. Юбукур,

пришедший на помощь Ширеки, также был оставлен своими войсками и взят в плен Сарбаном, который, выделив каждому из этих принцев охрану в пятьсот человек, отправился с визитом к Хубилаю. Юбукур, проходя мимо земель Утчугена, послал дары из серебра и драгоценных камней правившему в то время принцу и молил об избавлении. Сарбан был внезапно атакован потомками Утчугена, и его отряд был взят в плен. Сам он сбежал без присмотра и пробрался к императору, который дал ему и земли, и воинов в достаточном количестве, но Ширеки, когда его доставили в Хубилай, отправили на остров, где климат был чумным, и он умер в положенный срок. Юбукур, отсидев некоторое время у Кайду, заключил мир с императором, и позже[368]сын Хубилая, Нумуган, захваченный Ширеки, был освобожден.

Через десять лет после этих сражений Кайду сформировал новую лигу против императора. На этот раз он привлек на свою сторону людей, происходивших от братьев Чингисхана, а именно: Наяна, пятого по происхождению от Утчугена, младшего брата Чингисхана; Сингура, происходившего от Джучи Кассара; и Кадана, который был четвертым по происхождению от Каджуна, также брата Чингисхана. Все эти принцы находились в нынешней Маньчжурии. У Наяна под началом было сорок тысяч человек, и он ждал Кайду, который обещал привести сто тысяч отборных воинов. Чтобы предотвратить встречу этих сил, император отправил Баяна на запад, где тот должен был сдерживать Кайду, пока сам Хубилай сокрушал Наяна и остальных.

Хубилай, который морем отправил провизию в устье реки Ляо, форсированным маршем двинулся на Наяна и нашел его у той же реки, на некотором расстоянии к югу от Мукдена в Маньчжурии. Император послал разведчиков далеко впереди своих войск, чтобы информация о его передвижениях не дошла до человека, против которого он выступал. Хубилай разделил свою армию на две части: одна состояла из китайцев под командованием Ли тина, маньчжура, другая - из монголов под командованием Ису Тимура, внука Бурчу, одного из четырех великих героев Чингисхана.

Посоветовавшись со своими астрологами, которые обещали победу, император дал сигнал к действию. У него было тридцать кавалерийских полков в трех дивизиях. Перед каждым полком стояло по пятьсот пехотинцев с пиками и саблями. Эти пехотинцы были обучены садиться позади всадников и таким образом быстро продвигаться вперед; оказавшись рядом с врагом, они соскальзывали вниз, пускали в ход пики, а затем сабли. Если кавалерия отступала или переходила на другую часть, эти пехотинцы подсакивали к ним сзади. Жилище Хубилая находилось в деревянной башне, которую несли четыре слона; эти животные были покрыты золотой тканью, надетой поверх прочных кожаных доспехов. Императорский штандарт с изображенными на нем солнцем и луной развевался над этой башней, которая была окружена арбалетчиками и лучниками.

Когда обе армии выстроились в боевом порядке, все пространство, которое они занимали, и широкий пояс вокруг него наполнились громким ревом труб и музыкой множества духовых инструментов. За этим последовали песни воинов с обеих[369]сторон, а затем большие литавры возвестили о начале боя. Воздух наполнился тучами стрел; когда противники приблизились, в ход пошли копья, и в конце концов они сошлись на саблях и оружии рукопашной. Армия Наяна проявила большую решительность, сражаясь с рассвета до полудня, но, наконец, численный перевес одержал победу. Наян, будучи почти окружен, попытался бежать, но был схвачен. Хубилай убил его на поле боя, не дожидаясь; его завернули в пару войлочных одеял и забили до

смерти без кровопролития. Говорят, что он был христианином и носил на своем штандарте крест в отличие от солнца и луны на штандартах Хубилая.

Император вернулся в Шан ту после этой великой встречи и триумфа. Принцы Сингтур и Кадан все еще были при оружии, поэтому Хубилай послал своего внука Тимура против обоих вместе с генералами Поло Хваном, Тутукой, Иссу Тимуром и Ли тин ши. После трудной кампании, которая состоялась следующим летом, Тимур разгромил Сингтура и Кадана и получил в подчинение Южную Маньчжурию.

Главный враг, спровоцировавший весь конфликт, оставался на Западе, и теперь император обратил свои усилия против него. Чтобы надежнее охранять западные границы, Хубилай передал Кара Курум Баяну в качестве штаб-квартиры. Этот великий полководец получил неограниченную власть, поскольку он должен был наблюдать за всеми родными регионами и надежно их удерживать. Прежде чем Баян прибыл в армию, Камала, сын Чингкина, повел отряд вперед и попытался помешать Кайду перейти горы Кан кай. Камала, любимый внук Хубилая, потерпел поражение и был окружен у реки Селинга. Его едва спасли Тутука и его кипчакские воины.

Дела теперь казались настолько серьезными, что император, несмотря на преклонный возраст, счел за лучшее выступить вперед лично. Он послал за Тутукой, чтобы тот действовал вместе с ним, и похвалил недавний подвиг этого генерала. Хубилай покинул Шанг ту и отправился на Запад в июле 1289 года, но вернулся, не встретив Кайду и не приблизившись к нему.

В течение четырех лет Баян держал Кайду в узде, пока, наконец, Хубилай, обвиненный в бездействии и даже в попустительстве сопернику императора, не отозвал великого полководца и не передал командование Тимуру, своему собственному внуку. Но прежде чем Тимур вступил в должность, Баян выступил навстречу Кайду и разбил его армию. Вернувшись в ставку, он сдал командование и [\[370\]](#)устроил Тимуру банкет, на котором преподнес ему богатые подарки. Затем Баян отправился в Тайдунфу, уже назначив его резиденцией. По прибытии он обнаружил там приказ предстать перед Хубилаем. Император, который тем временем избавился от всех своих предрассудков, принял знаменитого лидера со всеми почестями, публично похвалил его, превознес его рвение и заслуги, назначил его первым министром и командующим гвардией и другими войсками в обеих столицах (Шан ту и Та ту).

Хубилай любил посылать послов в различные страны к югу от Китая, откуда в большом количестве прибывали корабли с редкими предметами в качестве подарков. Однажды он послал китайского министра навестить правителя страны под названием Куава (Ява). Этот правитель по какой-то неизвестной причине поставил министру клеймо на лице и отправил его домой с большим оскорблением. Хубилай почувствовал возмущение, и все его офицеры потребовали суровой мести. В 1293 году тысяча кораблей с тридцатью тысячами человек на борту и провизией на год отплыли в Куаву. Чепи, китаец, знавший язык Ява, командовал этой эскадрилей. Король Куавы сделал вид, что покорился, и убедил Чепи завоевать Коланг, соседнее королевство, находившееся в то время в состоянии войны с Куавой. Чепи одержал великую победу над королем Коланга, которого он схватил и тут же убил. Теперь король Куавы пытался избавиться от китайцев и стремился отрезать их от их судов. Чепи с трудом добрался до флота, находившегося в тридцати лигах от него, после нескольких серьезных столкновений, в которых он потерял три тысячи воинов, хотя и увез много золота и драгоценностей. Прибыв ко

двору, он отдал их императору, но Хубилай, разгневанный тем, что Чепи не завоевал королевство Куава, приговорил его к семидесяти ударам палкой и отобрал треть его имущества.

Взойдя на трон, Хубилай доверил свои финансы Сейиду Эджеллу, бухариоту и приверженцу ислама, человеку, имевшему отличную репутацию честного человека. Этот министр умер в 1270 году. Следующим был Ахмед, уроженец Фенакета, города на Сырдарье. Удача Ахмеда заключалась в его близости с Джамбуи Хатун, первой и любимой женой императора; эта близость началась, когда Джамбуи еще жила в доме своего отца, Илчи Нойона, вождя кункуратов. Ахмед был привязан ко двору императрицы, и ловкий, вкрадчивый, богатый на уловки, он имел шанс завоевать расположение Хубилая, который после [371]смерти Сейида Эджелла передал ему богатство Империи.

Хубилай постоянно нуждался в деньгах, он нуждался в них в большом количестве, и Ахмед находил способы раздобыть деньги. Непобедимый благодаря благосклонности императора, он пользовался неограниченной властью; по своей воле он распоряжался высшими должностями в Империи. Он обрек на смерть любого, кого считал врагом, и ни у одного человека, независимо от его ранга или положения, не хватило мужества противостоять ненависти Ахмеда. Он накопил несметное богатство всевозможными злоупотреблениями; ни один человек не получал никакого поста, не преподнося этому министру больших подарков. У него было двадцать пять сыновей, и все они занимали высокие посты. Ни одна красивая женщина не была застрахована от его страсти; он не оставлял неиспользованными ни одного средства для удовлетворения своей жадности, честолюбия и похоти.

В течение двенадцати лет этот человек доказывал свою непобедимость, хотя его тайными врагами была многочисленная армия, и народ ненавидел его за бесконечные злоупотребления. Ученые китайцы, близко знавшие императора, тщетно пытались открыть ему глаза на истинный характер Ахмеда. Наконец они смогли хорошо и ясно разоблачить его перед Чингином, и Чингин стал самым решительным врагом Ахмеда. Однажды этот сын Хубилая так разозлился на министра, что ударил его своим луком по лицу и рассек ему щеку. Хубилай, увидев, что министр ранен, заинтересовался, в чем причина. “Меня лягнула лошадь”, - ответил Ахмед. “Тебе не стыдно признаться, кто тебя ударил?” - спросил присутствовавший при этом Чингин. В другой раз Чингин избил его кулаками на глазах у императора.

Наконец, в 1282 году появился Ван Чу, китаец, занимавший высокий пост в министерстве. Ван чу решил избавить Империю от этого величайшего из негодяев. Для осуществления своего плана он выбрал время, когда Хубилай и Чингин находились в Шанг ту, своей летней резиденции. Поскольку Ахмед остался в столице по делам своего министерства, Ван Чу однажды принес ложную весть о приезде Чингина. Все крупные чиновники поспешили во дворец, чтобы поприветствовать его. Ахмед шел во главе мандаринов; как раз когда он проходил мимо ворот, Ван чу ударил его дубинкой и таким образом убил. Узнав об этом поступке, Хубилай пришел в страшную ярость. Он приказал схватить Ван Чу и его сообщников, судить и казнить. На пышные похороны была выделена крупная сумма денег, и Хубилай приказал[372]всем своим самым выдающимся офицерам присутствовать. Но скорбь по поводу трагической гибели его любимой вскоре сменилась яростным гневом. Пытаясь найти крупный бриллиант для собственного использования в качестве украшения, он обнаружил, что некоторое время назад два торговца принесли ему камень редкого размера и качества, который они оставили для передачи Ахмеду. Этот же камень теперь был найден у главной жены

покойного министра. Гнев императора был настолько возбужден этим и другими разоблачениями и усилен резкими речами Чингкина, что он приказал немедленно выкопать тело Ахмеда, отрезать от него голову и выставить на всеобщее обозрение. Когда все это было сделано, тело было брошено собакам на съедение. Что одна из вдов Ахмеда, носившая бриллиант, была казнена вместе с двумя своими сыновьями; сорок других его жен и четыреста наложниц были розданы в качестве подарков разным людям. Имущество Ахмеда было конфисковано, а его клиенты в количестве семисот человек пострадали по-разному, поскольку они участвовали в его злоупотреблениях и помогали ему обманывать императора.

Министерство финансов теперь было передано уйгуру по имени Шанга, брат которого был главным ламой. Шанга занимал свой пост восемь лет, внимательно следуя примеру Ахмеда, когда один из офицеров Хубилая взялся разоблачать злодеяния министра. Во время охоты он заговорил с императором о Шанге. Хубилай счел его клеветником и приказал избить этого человека. Позже император попытался добиться от этого офицера признания в том, что он служил ненависти людей, которые завидовали Шанге. Офицер заявил, что он никоим образом не выступает против министра и всего лишь пытается оказать услугу своему государю и принести пользу стране. В ходе расследования Хубилай выяснил, что офицер сказал правду, и если никто до него не сообщал о злодеяниях Шанги, то это потому, что люди боялись безжалостной мести этого министра. В конце концов Шанга была уничтожена в сознании Императора.

Однажды Хубилай попросил у министра жемчуга; тот заявил, что у него его нет. Перс, к которому благоволил Хубилай и который ненавидел министра, поспешил заявить, что он видел большое количество жемчуга и драгоценных камней у Шанги, и если император соизволит занять Шангу на несколько минут, он принесет те же жемчужины из [373]особняка этого министра. Император согласился, и через короткое время перс вернулся, принес с собой две шкатулки, наполненные драгоценным жемчугом. “Как это?” - воскликнул император Шанге. “У тебя есть все эти жемчужины, и ты не желаешь отдать мне даже несколько из них? Где ты нашел такие великие богатства?” Министр ответил, что он получил их от различных мусульман, которые были губернаторами провинций в Китае. “Почему эти люди ничего не принесли мне?” - спросил Хубилай. “Ты приносишь мне мелочи, а для себя берешь все самое ценное”. “Они были даны мне”, - сказал священник. - Если таково твое желание, я верну их дарителям.

Хубилай в ярости набил рот Шанги экскрементами и приговорил его к смерти, не дожидаясь дальнейшего расследования. Его огромное состояние было конфисковано, и император, разгневанный на тех чиновников, в чьи обязанности входило разоблачать бесчинства министра, потребовал от имперских цензоров, какого наказания они заслужили. По решению цензоров они были отстранены от должности. Два губернатора-мусульманина погибли, как и многие другие, причастные к недавним злоупотреблениям.

Таким образом, после смерти Сейида Эджелла в течение примерно пятой части столетия финансовыми руководителями Китая были люди из других стран, как и большинство их агентов. Эти люди удерживали себя у власти с помощью отвратительных поборов. Хубилай, всегда жадный до денег, поскольку нуждался в бесконечных суммах, выбрал в качестве финансовых агентов людей, готовых увеличить доходы государства, если это было физически возможно, и передал власть людям, которые не останавливались ни перед чем. Вымогательство,

лжесвидетельство, конфискация и даже убийство были средствами, которые они часто использовали. Олджай последовал за Шангой на посту министра.

Хубилай умер в феврале 1294 года в Та ту, современном Пекине. На момент смерти ему было восемьдесят лет, и он был правителем самого большого владения, когда-либо управляемого одним человеком.

Помимо строительства своего прекрасного города, Хубилай многое сделал для улучшения общего состояния Китая. Среди других крупных общественных работ, которые он провел, было строительство Большого канала, который соединил его столицу с более плодородными районами страны. Он также расширил превосходную почтовую систему. Согласно Марко Поло, все основные дороги сходились в Та ту. Вдоль этих дорог с интервалом в двадцать пять-тридцать миль стояли хорошо оборудованные почтовые станции, в некоторых из которых содержалось по четыреста лошадей, двести для [374]непосредственного использования и двести на пастбище. В этой службе было задействовано триста тысяч лошадей, и существовало десять тысяч почтовых станций.

Правительство поддерживало две системы носильщиков. Пешие посыльные носили пояса с прикрепленными к ним колокольчиками и располагались с интервалом в три мили друг от друга. Когда колокола возвещали о приближении гонца, новый участник немедленно готовился занять его место. Каждый участник бежал с максимальной скоростью. Конные курьеры с помощью подобной системы помощи могли преодолевать четыреста миль за двадцать четыре часа, причем расстояние, покрываемое ночью, было намного меньше, чем днем, поскольку ночью конного курьера сопровождали лакеи с факелами.

Хубилай построил свою столицу недалеко от древней столицы императоров династии Кин. Марко Поло утверждает, что ее окружность составляла двадцать четыре мили. Его крепостные стены были пятидесяти футов в ширину и пятидесяти футов в высоту; на каждом углу возвышался огромный бастион, а с каждой стороны было по три ворот, у каждого ворот стоял гарнизон в тысячу человек. Сам дворец был окружен двумя стенами, внешняя из которых имела площадь в милю и украшена батальными сценами, раскрашенными в яркие цвета. Между двумя стенами располагались парки и увеселительные площадки, через которые проходили мощные дороги, приподнятые на два локтя над уровнем земли. В центре огады возвышался великолепный дворец.

Его летний дворец находился в Шан ту и был похож на тот, что в Та ту. В роще недалеко от дворца стояло красивое бамбуковое жилище, поддерживаемое позолоченными и лакированными колоннами, - пристанище императора в теплые дни. Этот бамбуковый дворец поддерживался двумя сотнями шелковых веревок, и его можно было очень легко поднимать и сносить.

Хубилай любил охоту. В марте каждого года устраивалась большая охота. Марко Поло говорит, что было два мастера охоты, у каждого из которых под началом было по десять тысяч человек, пятьтысяч одетых в красное и пять тысяч в синее. Эти люди окружили огромное пространство и пригнали животных. Когда все было готово, хан выступил в путь со своими десятью тысячами сокольничьих. Он путешествовал в паланкине, который несли четыре слона. Этот паланкин был отделан золотом и покрыт львиными шкурами. Десять тысяч палаток были установлены рядом с охотничьими угодьями. Большой шатер императора, где проводились приемы, вмещал тысячу[375]человек. Рядом находилась его личная палатка и шатер, в котором он спал. Каждая

из этих императорских палаток была покрыта львиными шкурами и подбита горностаем и соболем. К этим палаткам было привязано много веревок, и все они были шелковыми.

Великолепие и роскошь монгольского двора были бы замечательны даже в наше время. В день своих именин Хубилай устроил прием и получил множество подарков. В День Нового года также проводился праздник, когда Великому хану преподносили подарки. По возможности для количества подаренных предметов выбиралось число, кратное девяти, священное число. В один из таких великих праздничных дней Хубилаю подарили сто тысяч лошадей в богатых пополах. В течение дня были выставлены его пять тысяч слонов в пополах из яркой ткани, на которых были изображены птицы и звери. Эти слоны несли ларцы с императорской посудой и мебелью, а за ними следовали верблюды, нагруженные всем необходимым для пиршества.

В зале собрались только принцы и высшие офицеры, остальные люди остались снаружи. Когда все расселись, чиновник встал и крикнул: “Поклонитесь и отдайте дань уважения!” Затем все коснулись лбами земли. Это повторилось четыре раза. Аналогичный поклон был сделан и перед алтарем, на котором стояла табличка с именем великого хана.

На пиру стол хана был приподнят над остальными и поставлен так, что он сидел лицом к югу. По левую руку от него сидела его главная жена, а по правую - принцы императорской семьи, но пониже, чтобы их головы не были выше уровня ног императора. Еще ниже сидели старшие офицеры. Обычные гости и воины рассаживались на ковре. Двое крупных мужчин стояли у входа в зал, чтобы наказать тех, кому не повезло переступить порог, таких нарушителей немедленно раздевали и жестоко избивали розгами. Различные домашние чиновники ходили вокруг, чтобы убедиться, что гостей должным образом обслужили. Рядом с ханским столом стояла великолепная резная подставка, в которую был вставлен золотой сосуд с огромным количеством вина, приправленного специями. Кроме того, здесь было множество золотых сосудов, в каждом из которых было вино на десять персон. На столах стояли большие чаши для вина с ручками, из которых можно было пить. Одна из этих чаш стояла между каждыми двумя персонами. У людей, прислуживавших хану, рты и носы были прикрыты тонкими салфетками[376] из шелка и золота, чтобы их дыхание не могло оскорбить его. Всякий раз, когда он подносил кубок с вином к губам, музыканты начинали играть, а принцы и чиновники опускались на одно колено.

У Хубилая было пять главных жен, главной из которых была Джамбуи Хатун. У каждой жены был свой двор, и ее сопровождали не менее трехсот девиц, а также множество пажей и евнухов. Кункураты славилась красотой своих женщин и поставляли большинство жен и наложниц хану. Чиновников часто посылали отобрать несколько сотен девушек и заплатить за них их родителям, оценивая их ценность в соответствии с их красотой. Девушек отправляли ко двору и осматривали несколько матрон. Поло утверждает: “Эти женщины заставляют девочек спать с ними по очереди, чтобы убедиться, что у них сладкое дыхание и крепкие конечности”. Те немногие, кто сдавал этот экзамен, посещали хана, отвергнутые женатые офицеры или становились дворцовыми служащими.

Хроники того времени утверждают, что Хубилай стал ламаистом под влиянием Джамбуи Хатун. Тем не менее, чтобы обрести удачу, он молился Христу, Мухаммеду, Моисею и Будде, которых почитал как четырех великих пророков мира.

Хубилай был человеком среднего роста. У него было светлое лицо, пронизательные черные глаза и добрый нрав. Он назначил наследником своего четвертого сына Нумугана, но пока этот принц был пленником на войне с Кайду, он выбрал Чингкина, своего второго сына, в качестве преемника. Некоторое время спустя Нумуган был освобожден, и поскольку он критиковал назначение своего брата, он навлек на себя гнев Хубилая и был изгнан. Вскоре после этого он умер. Чингкин умер тоже раньше своего отца.

В 1293 году, через восемь лет после смерти Чингкина, его вдова Гекджин убедила великого полководца Баяна сообщить императору, что он не назвал преемника. Вслед за этим Хубилай назначил своего внука Тимура, которого он отправил в Кара-Курум, его наместником и поручил Баяну объявить этому принцу о своем назначении и провозгласить его наследником с надлежащими празднествами и церемониями.

После смерти Хубилая, в феврале 1294 года, в Шангу, летней столице, состоялся Курултай по выборам. Тимур отправился в этот город со своей армией, и, хотя формально он был наследником, его старший брат, Камала, стремился к Империи. Принцы семьи^[377] некоторое время колебались, но генералы и китайские чиновники заявили Тимуру о своей приверженности. Наконец Баян, который по своему характеру и должности имел наибольшее влияние на ту встречу, взял свою саблю и заявил, что не потерпит на троне никого, кроме того, кого изберет Хубилай. На этом спор закончился, и Камала преклонил колени перед своим братом; другие принцы последовали его примеру, и Тимур был провозглашен великим ханом монголов.

Первой работой Тимура было присвоение императорского звания своим родителям, а рядом воздвигли памятник Хубилаю, Джамбуи, покойной императрице, и Чингкину, его собственному отцу. Камала был назначен главным губернатором Монголии, а Кара-Курум стал его резиденцией. Гекджу и Кургез, шурины Тимура, получили командование войсками, противостоящими Кайду и Дуа на северо-западной границе. Двоюродный брат Тимура, принц Ананда, был назначен губернатором Тангута, региона к западу от Желтой реки. Баян Фэнтчан сохранил министерство.

Баян, верховный главнокомандующий и величайший полководец времен правления Хубилая, умер в начале 1295 года в возрасте пятидесяти девяти лет. Он и Е лю чу цай, верный советник Уготая, были известны своим благородством и справедливостью выше всех людей в истории монголов. Оба старались щадить человеческую кровь, и оба были наделены редкой скромностью.

Во времена Тимура произошли только два примечательных события: война в регионах, лежащих между Китаем и Индией, и война на западе против Кайду.

Оказавшись на троне, Тимур заключил мир с королем Нган-нана и открыл сообщение с Индией, которое было прервано войной и операциями против Явы. В течение нескольких лет Тития, король Мьен-тьена (Бирма), не присылал дань, и Тимур готовил против него большие силы, когда сын Титии, Сингобати, прибыл с почестью и данью от имени своего отца. Затем Тимур с помощью патента провозгласил Титию королем, а преемником - его сына Синхобати, и вручил принцу квадратную печать с изображением тигра. Монгольские генералы на границах Бирмы получили приказ уважать это вассальное государство и защищать торговлю между ним и Империей.

Три года спустя Тития был свергнут с престола, а затем убит своим братом Асанкой. Его сын отправился просить помощи у Китая. Тимур послал Сейчауру, в то время правившему империей в Юньнани, такой приказ: “Маршируй в Мьен-тянь; захвати и[378]приведи ко мне Асанкое”. Сейчаур выдержал множество проверок и вернулся в Юньнань, распространяя тем временем заявление о том, что он подавил все восстания, но ряд его офицеров были приговорены к смертной казни, потому что они были подкуплены повстанцами; это было доказано. Император низвел Сейчаура и конфисковал все его имущество.

Пока шла война в Мьентьене, Тимур узнал, что Папе сифу, расположенный к западу от Юньнани, отказался от китайского календаря и не будет подчиняться этой великой империи. Он последовал совету Ли юй Чина, которого послал с тридцатитысячным войском, чтобы привести всех к повиновению. Из-за трудных маршей и тропического климата численность этой армии очень скоро сократилась до трети. Требования в Юньнани провизии и лошадей вызвали восстание среди горных племен, которых китайцы называли варварскими. Сун лун цзы, вождь среди этих людей, встал во главе их войск, окружил Ли юй чина, императорского военачальника, и разбил бы всю его армию на куски, если бы вице-король Хугачи, дядя Тимура, очень быстро не выступил из Юньнани и не спас его.

Император на этом этапе приказал своим генералам Лю кве ки и Ян сай юй пва собрать все имеющиеся войска в Су чуане, Юнь нань и Ху куане и выступить на поддержку Ли юй чина, который, подвергаясь самым беспощадным давлению со стороны Сун лун ци, отступал или, скорее, бежал в безопасное место. Он бросил свой багаж и потерял много воинов.

Восстание распространилось теперь во все стороны, и к нему присоединилось множество новых племен. Отдельные банды грабили города и разоряли лояльные им места. Лю кве ки держался до тех пор, пока быстрыми маршами не подошли свежие люди, чтобы поддержать его; с этими новыми силами и со своими собственными он вторгся в страну мятежников и разбил их. Большое количество людей было взято в плен, и среди них Че ци ве, женщина, которая с самого начала вела горцев в той борьбе. Ее убили без колебаний и жалости.

На Севере продолжалась затяжная война. Императорские войска во главе с Чохаугуром, который в 1297 году сменил своего отца Тутуку, получили преимущество над Кайду и Дуа, которые, в свою очередь, одержали победу благодаря пренебрежению с другой стороны. Подразделение армии Дуа атаковало кордон, который противостоял ему и его союзнику. Этот кордон состоял из кавалерии, размещенной на линии, протянувшейся с юго-запада[379]на северо-восток; связь между группами поддерживалась курьерами. Когда был замечен враг, всадники бросились прочь, чтобы известить следующую группу. Однажды ночью командиры трех постов встретились за выпивкой. В полночь пришло известие о приближении врага, но они были слишком пьяны, чтобы вскочить в седла, умчаться прочь и подать сигнал тревоги. Кургез, командующий войсками, не знал об этом и выстроил своих воинов численностью в шесть тысяч человек. Атака была ожесточенной, Кургез сражался, как мог, но напрасно ждал помощи; в конце концов он бежал, был преследуем и взят в плен. “Я шурин императора”, - сказал он. Этими словами он спас себе жизнь, ибо они пощадили его. Тимур приказал заковать в кандалы троих мужчин, потерпевших неудачу из-за пьянства, но потери, причиненные их пиршествами, вскоре были восполнены. Желая, как они сказали, служить императору, два принца, Юбукур и Улус Буга, с одним генералом Дурдукой, взяв с собой тысячу двести человек, покинули Дуа. Эти

же трое покинули Империю во времена Хубилая, поэтому Тимур, не доверяя таким людям, послал войска, которые арестовали их.

Улус Буга из Кара-Курума послал своих людей грабить и был схвачен за это действие. Друзья, однако, спасли его от наказания, но Тимур не дал ему работу. К Юбукуру, напротив, император относился с добротой. Дурдука, который до этого дважды дезертировал, на этот раз получил смертный приговор. Он плакал, защищая свой поступок, и заявил в ответ на это предложение, что страх заставил его уйти со службы у Хубилая, что он никогда не поднимал оружия против этого государя, что, увидев Тимура на троне, он убедил двух других, которые были с ним, присоединиться к императору, что он вернул больше войск, чем взял, и повел их в поход против противников Тимура.

Тимур простил Дурдуку и послал его с войском против Дуа. Юбукуру разрешили пойти с ним. Эти двое мужчин, которые хорошо знали силу Дуа, хотели добиться отличия, сокрушив ее. После своего недавнего триумфа Дуа медленно возвращался домой. Он намеревался обрушиться на войска Ананды, Ачики и Чобая, когда придет к ним, расположенные вдоль тангутской границы до Кара-Коджи и уйгурских областей. Но пока войска Дуа готовились перейти определенную реку, [380]Дердука, внезапно появившись, нанес им поражение и многих убил или утопил.

В 1301 году Кайду возглавлял самую большую армию, которую он когда-либо собирал. С ним отправились Дуа и сорок принцев, происходивших от его деда и от его двоюродного деда Джагатая. Хайшан, племянник Тимура, незадолго до этого приехавший учиться военному делу под командованием Юетчара и Чохаугура, быстро собрал пять армейских корпусов, дислоцированных в этом регионе, и дал сражение между Кара-Курумом и рекой Тамир. Историк Вассаф описывает битву как завершившуюся победой Кайду, который погиб, когда его войска возвращались домой, но этот марш на запад, кажется, доказывает, что победа, если таковая и была, не могла быть решительно на его стороне.

Кайду принял титул Великого хана, таким образом претендуя на главенство над монголами, которое принадлежало ему по воле Чингиса и торжественной клятве на самом раннем курултае. Если бы он прожил на несколько лет дольше, он мог бы добиться великого первенства, поскольку после Тимура монгольские правители Китая пришли в упадок и стали не просто ничтожными, но жалкими и убогими, в то время как Кайду был гением, а также героем. Его очень любили на Западе, а его ветераны были известны даже среди монголов. Кайду был прославлен своим народом за великодушие и доброту. Его безграничная храбрость и сила тела вызывали восхищение и удивление. У него было сорок сыновей и одна дочь по имени Айярук (Сияющая Луна), которая, по словам Марко Поло, славилась красотой и еще больше силой своего тела; она превосходила любого воина того времени не только среди монголов, но и всех окружающих народов. Эта юная принцесса заявила, что не выйдет замуж ни за кого, кроме того, кто сможет победить ее в борьбе. Когда пришло время, всем было объявлено, что единственная дочь Кайду выйдет замуж за человека, который сможет победить ее в борьбе, но если принцесса бросит его, он потеряет сотню лошадей. Мужчины за мужчиной приходили, пока принцесса не перебрала сотню претендентов и не выиграла десять тысяч лошадей. После этой сотни шел лучший человек из всех, молодой герой из богатого отдаленного королевства, человек, который никогда не встречал равного себе ни в одной стране. Он был уверен в победе и привез с собой не сто, а тысячу лошадей. Кайду и мать молодой леди были очарованы [381]этим поклонником, когда увидели его, и, будучи сыном великого и прославленного государя, умоляли свою дочь

уступить в случае, если она победит в борьбе, но она ответила: “Я не уступлю, пока он не сможет сбросить меня с ног. Если он бросит меня, я выйду за него замуж”. Для встречи был назначен день, и огромная аудитория пришла посмотреть на судебный процесс. Когда вся большая компания была готова, сильная служанка и молодой человек вышли во двор и сцепились в борьбе. Они боролись с большим мастерством и энергией, и долгое время казалось, что ни один из них не может победить другого, но в конце концов девица сбросила юного героя. Безмерно было замешательство жениха, когда он лежал во дворе, но он поднялся и поспешил прочь со всеми своими слугами, оставив позади себя тысячу лошадей в качестве неустойки.

Воины Кайду оплакивали смерть своего правителя громкими, пронзительными воплями. Дуа, которой он сообщил о своей последней воле, предложила принцам, стоявшим вокруг гроба государя, выбрать в качестве преемника старшего из сорока сыновей покойного, а именно Чабара, который в то время отсутствовал. Дуа, со своей стороны, был многим обязан Чабару. Когда после смерти Борака члены его семьи отправились ко двору Кайду, как того требовал обычай, Дуа, хотя и не был старшим из потомков Джагатая, получил его престолонаследие благодаря влиянию Чабара. Все присутствующие согласились с Дуа, и каждый из принцев послал офицеров сопроводить тело Кайду к месту его упокоения.

Чабар прибыл очень скоро, и принцы во главе с Дуа оказали ему почести как преемнику Кайду. Когда Чабар был установлен во владениях Уготая, Дуа предложила признать верховенство Тимура, внука Хубилая, и таким образом положить конец раздорам, которые бушевали в семье Чингисхана в течение трех десятилетий. Этот совет был принят Хабаром и всеми другими князьями, и они немедленно отправили послов с предложением подчинения. Это обещание мира было воспринято Тимуром с большой радостью, который теперь видел, что его власть признана каждым членом его семьи.

Но это соглашение просуществовало недолго. В следующем году между Чабаром и Дуа вспыхнули споры, в которых участвовали две стороны семьи Чингисхана. В 1306 году, по настоянию Дуа, Тимур, который, конечно, был настороже и подозрителен, напал на Хабара, сына Кайду, своего недавнего противника. Чабар был^[382] немедленно покинут большинством его приверженцев. Тогда он в отчаянии обратился к Дуа, чтобы тот поддержал его. Дуа отнесся к своему гостю с уважением, но отобрал у него штаты этого гостя и присоединил Туркестан к Трансоксиане. Таким образом, он почти полностью восстановил владения Джагатая, которые Кайду расчленил.

Итак, Чабар, преемник Кайду из Куюка и Уготая, был последним настоящим правителем, происходящим от Уготая, сына Чингиса; того Уготая, которому великий завоеватель передал верховную власть в мире монголов; Уготая, чьи потомки, разоренные Бату, сыном Джучи, завоевали для себя огромные территории благодаря плодотворной деятельности и гению Кайду.

Дуа, сын Борака, умер в 1306 году; его сын Ганджук, сменивший его, продержался у власти всего полтора года. После смерти Ганджука верховная власть в следующий раз перешла к Талику, который через Моатагана происходил от Джагатая. Талику состарился в боях; мусульманин по вероисповеданию, он стремился распространить свою веру среди монголов.

Тем временем два принца, потомки Джагатая, с оружием в руках настаивали на том, что трон по праву принадлежит сыну Дуа; эти двое были побеждены. Многие другие готовились отомстить

за поражение, которое потерпели эти люди, когда Талику был убит на банкете офицерами, желавшими возвысить сына своего бывшего государя, Дуа, до доминиона. Затем заговорщики провозгласили младшего сына Дуа, Гебека (1308). Этот принц едва утвердился на престоле, когда Чабар, объединившись с другими принцами, происходящими из Кайду, напал на него. Чабар, потерпевший поражение в этой борьбе, переправился через Или. С ним отправилось всего несколько последователей, и он и они нашли убежище в землях императора. После этой победы над Хабаром, которая разрушила всякую надежду среди потомков Уготая, ветвь Джагатайцев провела Курултай, на котором они выбрали своим правителем Иссена Бугу, брата Гебека. Этот принц, находившийся тогда на территории Великого хана, пришел за суверенитетом, который Гебек с готовностью отдал ему. После смерти Иссен Буги — мы не знаем, когда это произошло, — Гебек получил власть и использовал ее.

Кровавые распри такого рода принесли разорение регионам Туркестана и Трансоксиане. Процветание не могло долго существовать при таких властителях. Когда плоды какого-либо труда становились очевидными, на них сразу же набрасывались[383]. Вся жизнь этой земли проходила в смятении, кровопролитии и анархии.

Тимуру, великому хану Та ту, было сорок два года, когда он умер в 1307 году, после тринадцатилетнего правления. Во время его последней болезни был издан указ, запрещающий убивать любых животных в течение сорока двух дней; тем не менее он умер. Он был монархом, которого очень любили китайцы, которые восхваляли его человечность и благоразумие. Гуманным он, кажется, был в какой-то степени. Принцы и принцессы из рода Чингисхана обладали безграничной властью над вассалами и людьми, которые им служили, пока Тимур не объявил, что ни один принц не должен никого казнить без его согласия. Он основал Императорский колледж в Та ту и построил великолепный дворец в честь Конфуция.

До того, как взойти на трон, Тимур, как и многие мужчины его семьи и расы, был безудержным пьяницей; его дед Хубилай часто делал ему выговор и трижды бил палкой за его поведение. Наконец были посланы врачи проследить, чтобы он ел и пил в разумных пределах, но алхимик, в обязанности которого входило ухаживать за ним в купальне, наполнил его ванну вином или другим ликером вместо воды. Хубилай услышал об этой уловке, и когда Тимур уцепился за своего любимца, Хубилай приказал сослать этого человека, а затем убить по дороге. Но Тимур, став императором, отказался от своей невозддержанности и стал таким же воздержанным, каким был прежде. [384]

[Содержание]

ГЛАВА XIX

ИЗГНАНИЕ МОНГОЛОВ ИЗ КИТАЯ

Покойный император был бездетен. Его вдова Булаган, которая к концу правления своего мужа пользовалась большим влиянием, хотела посадить на трон Ананду, сына Мангкалы и внука Хубилая. В то время он жил в Тангуте в качестве его наместника. В те дни Тангутвключал Шэнь си, а также Тибет и Су чуань в некоторой части. Пока Тимур лежал на смертном одре, Булаган тайно предупредил Ананду, чтобы тот поспешил в столицу. Она хотела удержать трон от

Хайшана и Аюрбали Батры, двух сыновей Тармабалы, сына Чингкина; мать этих двух принцев была отправлена ею в изгнание в Корею. Кайшань в то время находился на северо-западной границе, командуя наблюдательной армией, и снискал высокую репутацию благодаря осмотрительности и храбрости в борьбе с Кайду. Батра был со своей матерью в изгнании.

Булаган, ныне регент, поддерживал Ананду со стороны Агута, первого министра, и других. Она расположила войска вдоль дорог Монголии, чтобы помешать Хайшаню достичь Та ту. Однако была партия, которая поддерживала сыновей Тармабалы. Карахасс, который был начальником этого отряда, тайно послал поторопить Хайшана в его путешествии и упомянул маршрут, по которому ему следует двигаться, чтобы избежать встречи с врагами. Он убедил Батру тоже быть в Та ту, и Батра не преминул незамедлительно приехать вместе со своей матерью. Тем временем приверженцы Ананды назначили день, когда установят его.

Партия Хайшана поняла, что времени на бездельничанье нет. Они не могли дожидаться своего кандидата: он был слишком далеко от столицы. Итак, принц Тулу ввел большой армейский корпус, которым он командовал, и начал действовать. Мелик Тимур, сын Арика Буги, был одним из главных сторонников Ананды. Он служил в армии Чабара, поднял восстание, а затем бежал в Китай; этот мелик Тимур^[385] был закован в цепи, доставлен в Шан ту и надежно замурован там. Агута и другие сторонники Ананды были арестованы и приговорены к смертной казни за попытку произвольно распорядиться тронem, но казнь была отложена до прибытия Хайшана. Булаган и Ананда находились под охраной во дворце. Принцы крови попросили Батру провозгласить себя императором, но он отказался, сказав, что трон принадлежит его старшему брату. Теперь Батра отправил этому брату печать Империи и принял титул регента до прибытия Хайшана, тем временем сдерживая сторонников императрицы.

Хайшан поспешил в Кара-Курум, где посоветовался с принцами и генералами. Армия, в которой он был большим любимцем, желала провозгласить его на родине. Кайшань отказался и двинулся на Шанг ту с отборным отрядом численностью в тридцать тысяч человек. Он отправил сообщение своей матери и брату, приглашая их помочь в его установке. Батра немедленно отправился в Шанг ту, где принцы и генералы, собравшиеся на Курултай, приветствовали Хайшана как суверена. Он взял имя Кулук-хан, вырастил свою мать императрицей и дал своему покойному отцу титул императора. В то же время он признал заслуги своего брата, сделав его наследником, хотя у него были наследники в лице его собственных сыновей.

Первым делом Хайшан отдал дань уважения своим предкам в храме, посвященном их служению. Затем он привел в исполнение приговор, вынесенный Батрой против приверженцев Ананды. Сам Ананда, его ближайший друг Мелик Тимур и императрица Булаган должны были умереть в соответствии с приговором. Они нарушили законы яссы, пытаясь избавиться от трона, не получив согласия семьи Чингисхана.

Действия Кайшаня как правителя были не просто ничтожными, они были вредными, за исключением того, что он перевел на монгольский язык один труд Конфуция, а также многие священные тексты буддистов. Он разозлил китайцев тем, что безмерно благоволил к ламам. Был принят закон, по которому всякий, кто ударит ламу, должен быть отрублен, а тому, кто выступит против ламы, следует отрезать язык. Отдавшись женщинам и вину, Хайшан умер в возрасте тридцати одного года, в 1311 году. Затем его брат Батра был провозглашен императором, но с условием, что его наследником должен стать сын Хайшана. Праздник установки продолжался неделю. В ^[386]час, назначенный астрологами, он взошел на трон и был

встречен под именем Баянту. Первым актом этого государя было наказание тех министров, которые, воспользовавшись некомпетентностью Хайшана, нажили себе богатство несправедливым путем; некоторых из них он казнил, а других отправил в изгнание.

Несмотря на постановление Хубилая, экзамены для ученых так и не были восстановлены. Баянту ввел их в обиход, завоевав таким образом расположение ученых. Он запретил нанимать евнухов на все должности, хотя в следующем году (1315) нарушил свой собственный закон, сделав евнуха великим мандарином. Баянту сам был ученым и поощрял ученых людей. Среди многих, кто упоминается как гости при его дворе, Чахан, один из самых знаменитых ученых своего времени.

Теперь начинается великое дело и разорение правящей династии монголов в Китае: борьба между представителями этой династии за господство. Хотя Баянту был назначен наследником при условии, что он назначит на это звание одного из своих племянников, он сместил своего племянника Кушалу, старшего сына покойного императора Кулук-хана (Кайшана), и отправил его жить в Юньнань в качестве губернатора. Офицеры из дома Кушалы рассматривали это как изгнание, и, пересекая Шэнь си, они убедили многих монгольских командиров в тех краях взяться за оружие в пользу Кушалы. Но когда Кушала вскоре увидел, что его бросили те самые офицеры, он бежал на Алтай в поисках убежища у ханов Джагатай. После этого император назначил наследником своего собственного сына Шуди Балу.

Баянту умер в феврале 1320 года, ему было чуть больше тридцати лет.

Его первым министром был монгол по имени Темудар, который прославил себя бесчисленными несправедливостями. Обвиненный имперской цензурой, он был отстранен от должности и приговорен к смертной казни, но императрица отложила приведение приговора в исполнение. Пока дело все еще рассматривалось, Баянту умер, и императрица восстановила своего фаворита во всех прежних достоинствах. Шуди Бала, или Геген-хан, новый император, искренне оплакивал своего отца, долго постился и жертвовал большие суммы на благотворительность. Из уважения к своей матери он не выступал против Темудара, но оказал свое доверие Байджу, потомку Мукули, великого полководца Чингисхана. Темудар[387]отомстил многим своим врагам, но после его смерти, которая произошла в 1322 году, множество обвинителей напали на этого угнетателя. Страх больше не сдерживал их, поэтому они громко взывали к справедливости и добились ее, насколько это было возможно в то время. Император унизил умершего министра, отменив его титулы, разрушив его гробницу и наложив арест на его имущество. Те, кто участвовал в преступлениях Темудара, среди прочих его приемный сын Текчи, разработали план убийства Шуди Бала и Байджу, его первого министра, и затем передали трон Иссун Тимуру, сыну Камалы, брату Кулук-хана.

Текчи, будучи военным инспектором, обладал огромной властью в армии, и он тайно отправил к Ессун Тимуру, который тогда находился в Туле, офицера по имени Валус. У этого человека было письмо с шестнадцатью именами, прикрепленными к нему. В этом письме объяснялся план, и Йиссуна приглашали стать императором. Принц арестовал Валуса и немедленно отправил императору отчет о заговоре против него лично. Курьеры прибыли с опозданием. Заговорщики, опасаясь, как бы заговор не был раскрыт, решили покончить со всем, не дожидаясь ответа. Шуди Бала отправился из Шанг ту, своей летней резиденции, в Та ту, главную столицу, и пока он проводил ночь в Нанпо, заговорщики для начала убили Байджу в его палатке, а затем разбили охрану императорского павильона. Текчи собственноручно убил своего государя. Шуди Бале

был всего двадцать один год, когда он умер. Это была первая смерть в результате покушения, которая когда-либо имела место в Императорской семье монголов. Два принца, Антай Буга и Есиен Тимур, захватили большую печать с другими знаками отличия власти и передали их Иссун Тимуру, сыну Камалы, который провозгласил себя императором на реке Керулун и даровал прощение всем людям.

Сначала он намеревался поставить во главе дел тех, кто своими убийствами принес ему власть; но когда опытные советники ясно объяснили новому государю, что, если это будет сделано, весь народ может заподозрить его в соучастии, он приказал арестовать Есиена Тимура и двух других заговорщиков и казнить их в том месте, где были убиты император и его министр. Затем он послал двух офицеров с приказом казнить Текчи и его сообщников, а также их семьи, а затем конфисковать их имущество.

Сонан, сын Темудара, был приговорен просто к изгнанию, [388]но когда министры заметили, что он отсек плечо Байджу ударом сабли, Сонан умер вместе с остальными. Те принцы крови, которые присоединились к заговору, были отправлены в различные места ссылки.

Иссун Тимур вступил в Та ту в декабре 1323 года, а в начале следующего года назначил наследником своего сына Асукебу. Этот ничтожный монарх не сделал ничего примечательного, находясь у власти, и умер в возрасте тридцати шести лет. Хотя Асукеба, который был старшим из четырех сыновей императора, был назначенным наследником, его право на Империю было оспорено. Следует помнить, что когда Баянту наследовал Кулук-хану, он сделал это при условии, что сделает сына последнего своим наследником. Вместо этого он сохранил это место для своего собственного сына и удалил сыновей Кулука, Тоб Тимура и Кушалу, на некоторое расстояние. Когда заговор против Шуди Бала, или Гэгэн-хана, увенчался успехом, второй из сыновей Кулука находился в Южном Китае, а первый - на западе, далеко за Алтаем.

Иссун Тимуру было легко захватить власть в их отсутствие, и он это сделал. Пять лет спустя он умер в Шанг-ту, куда поехал провести лето.

Теперь императрица послала государственного министра Упеталу в Та ту, чтобы он изъясил печати каждого ведомства. Ее сын Асукеба, которому в то время было девять лет, был объявлен наследником, когда ему шел пятый год, но Ян Тимур, губернатор столицы, был главой партии, которая хотела, чтобы сын Кулук-хана стал императором. Ян Тимур, сын Чоахугура, был выдающимся воином, в то время как его положение укреплялось славой его отца и деда. Возведенный в высокие чины благодаря Кулук-хану, который пользовался его благосклонностью, этот правитель чувствовал себя связанным с сыновьями этого императора благодарностью, а также личными интересами. Несколькими месяцами ранее, отправляясь в Шанг-ту, Иссун Тимур передал ему власть в столице. Теперь Ян Тимур вызвал высокопоставленных чиновников во дворец и предложил возвести на трон одного из сыновей Кулука, угрожая смертью всем, кто проявит сопротивление. После этого заявления он арестовал Упеталу и других высокопоставленных чиновников; этих людей он заменил другими, которым доверял. Войскам, которые еще не знали о его намерениях, было приказано преклонить колени, глядя на юг, и коснуться земли лбами. Это должно было указывать на то, что через них Ян[389]Тимур провозгласил Тоб Тимура императором. Этот принц был тогда в Нанкине. Министр убеждал его поторопиться, а теперь объявил о его раннем прибытии.

Трое потомков Цзинхиса и четырнадцать высокопоставленных чиновников сговорились убить первого министра за его беспримерную смелость. Ян Тимур, узнав об их заговоре, схватил семнадцать человек и предал смерти каждого из них.

Тем временем императрица провозгласила Асукебу в Шанг ту и избрала принца Ван цзиня, внука Камалы, первым министром. Она выбрала командующим армией Таче Тимура, сына министра Тото, канкали, и дала ему слово атаковать Ян Тимура, который пытался отрезать Шанг ту, захватив другие важные места.

Теперь Тоб Тимур появился в Та-ту, взял на себя власть и назначил на должность. Он казнил министра Упеталу и отправил Тото в изгнание вместе с другими людьми, которых Ян Тимур заключил в тюрьму. Губернатор убеждал принца провозгласить себя императором, но тот настаивал на том, что власть по праву принадлежит его старшему брату Кушале, который, кроме того, имел больше заслуг благодаря своим заслугам. В конце концов, однако, он согласился на это и пообещал действовать до прихода Кушалы, но заявил, что откажется от трона по прибытии.

После основания империи Ян Тимур двинулся к Ляодуну, чтобы встретить армию, двигавшуюся в интересах Асукеба, но, узнав, что Ван цзинь захватил крепость по пути из Шан ту в столицу, он быстро развернулся, напал на Ван цзиня и вынудил его отступить в сторону Монголии. Другие генералы внутренних войск высказались за Асукебу. Тэмуку со значительными силами двинулся с юга на Хонан, в то время как принц Кокохоа, возглавив войска из Шен си, овладел Тунг Кваном, великой крепостью. Есен Тимур провозгласил Асукебу в той же провинции и двинулся на столицу. Ян Тимур столкнулся лицом к лицу со всеми этими врагами и победил. Он встретился с Есен Тимуром в четырех лигах от Та ту и полностью разгромил его армию.

Бука Тимур, дядя Ян Тимура и главнокомандующий всеми войсками на границе с Ляодуном, услышав о восшествии на престол Тоб Тимура, пригласил принца Юэлу Тимура объединить силы и выступить вместе с ним на Шан ту. Тао ла чу, командовавший летним дворцом, неоднократно совершал вылазки с партизанами Асукэбы, чтобы сразиться[390]с осаждающими, но в конце концов, ослабленный, он сдался. Он отдал печать Империи, а также богатые драгоценности, принадлежавшие Асукебе. Вскоре после этого молодой император умер, никто не знает, каким образом. Тэмуку, губернатор Ляодуна, был убит во время битвы с оружием в руках. Юэлу Тимур, ныне мастер Шанг ту и обладатель печати владычества, проводил императрицу-мать в столицу. Министр Тао ла чу путешествовал вместе с ней. Туда же отправились Есен Тимур и многие другие титулованные заключенные. Императрица была сослана в местечко Пе че ли, а Тао ла чу, Ван цзинь, Есен Тимур и другие правители их партии были убиты в столице.

Весть об этой трагедии в Шанг ту вскоре распространилась по всему Китаю и заставила партизан Асукэбы прекратить всякое сопротивление.

Тоб Тимур послал теперь офицеров в Кушалу, за пустыню Гоби, чтобы сообщить о случившемся и призвать его поторопиться. Кушала, словно не доверяя своему брату и чувствуя, что перед ним нависла опасность, продвигался очень медленно, но, приблизившись к монгольской столице, провозгласил себя государем. Тоб Тимур отправил своего первого министра в Кара Курум в Кушалу с большой государственной печатью, а также мантиями и регалиями Империи. Кушала был вежлив и радушен при встрече с первым министром своего брата и на прощание поручил

ему передать Тоб Тимуру, что он подтвердит свои назначения. В то же время новый император назначил своих министров и послал одного из них сообщить Тоб Тимуру, что трон переходит к нему по наследству.

Тоб Тимур и его первый министр, не мешкая, отправились в Шан ту и встретились с новым правителем немного севернее города. В тот же вечер, во время пира, Кушала внезапно заболел и умер несколько дней спустя (1329 г.). За границу распространился слух, что он был отравлен; подозрение коснулось Ян Тимура, первого министра. Кушале было тридцать лет, когда он умер, и по-китайски его звали Мин цонг.

Через восемь дней после смерти Кушалы Тоб Тимур стал императором во второй раз.

Правление Тоб Тимура, однако, было кратким, и за его время не произошло ничего важного, за исключением личного заговора и измены Тукиена, принца крови и губернатора провинции Юньнань, который в 1330 году принял титул короля Юньнаня и поднял восстание. Он был свергнут силой через год после этого[391]действия, в 1331 году. Подобно Иссун Тимуру и Кулуку, которые предшествовали ему, Тоб Тимур очень любил буддизм. Он выделил большие суммы на строительство храмов и привез из уйгурских регионов известного ламу Ниен чин киласа, которого он называл “Наставником императора”. Тоб Тимур приказал высшим сановникам выступить навстречу этому великому Ламе. Все, к кому он обращался, по приказу преклоняли перед ним колени и подавали вино ламе, который принимал его без какой-либо ответной вежливости. Потрясенный его надменностью, глава великого китайского колледжа, преподносивший вино, обратился к нему так: “Ты последователь Будды и глава всех Хо Чанов. Я последователь Конфуция и глава всех ученых. Конфуций не менее знаменит, чем Будда, и между нами нет необходимости в этой церемонии”. Лама улыбнулся, встал и принял чашу, которую вождь держал перед ним. Несмотря на эти знаки благосклонности императора, ламы и уйгуры вступили в сговор с могущественными монголами, чтобы посадить на трон Юэлу Тимура, сына Ананды. Заговор был раскрыт, и заговорщики были казнены за свою измену. Юэлу Тимур погиб вместе с остальными.

Император стремился угодить ученым людям и таким образом завоевать расположение китайцев; поэтому он объявил о новых почестях отцу и матери Конфуция, а также некоторым его ученикам. Приказав колледжу Хань линь, в котором были собраны лучшие ученые Империи, описать монгольскую историю и нравы, он однажды посетил это учреждение и долго беседовал по истории; затем он приказал принести воспоминания о своем собственном правлении. Офицеры из его свиты отправились за ними. Возражений не последовало, пока Лю се цзин, младший офицер коллегии, не упал к ногам Тоб Тимура и не объяснил, что этот трибунал был свято обязан в точности записывать хорошие и дурные поступки императоров, принцев и великих людей, и записывать их без всякой приязни, что эти записи не должны были быть видны никому, кроме высокопоставленных чиновников Коллегии историков, до смерти императора. С незапамятных времен ни один государь не нарушал летописи своей династии, не говоря уже о его собственном правлении, и он надеялся, что император не будет первым, кто посягнет на этот священный и издавна почитаемый обычай. Тоб Тимур уступил и даже похвалил чиновника за его мужество и честность.

Занятый главным образом собственными удовольствиями и предоставивший государственные заботы [392]своему министру, Тоб Тимур стал ничтожеством. Он умер в 1332 году в Шанг ту, когда его жизнь оборвалась, ему было двадцать девять лет.

Хотя трон был назначен сыну Кушалы, Ян Тимур предложил императрице Путачели провести инаугурацию сына покойного императора. Тоб Тимур так любил первогоминистра, что отдал ему на воспитание своего единственного сына, дав юноше новое имя Ян Текус, и взял Таргая, сына министра, на воспитание во дворец. Императрица пожелала возвести на престол семилетнего мальчика Илечебе, второго сына Кушалы, которого покойный государь назвал наследником. Она провозгласила этого мальчика, а затем стала регентом, но здоровье Илечебе было слабым, и он умер несколько месяцев спустя. Ему было даровано китайское имя Нин цзун.

Ян Тимур теперь предпринял новые усилия в пользу Ян Текуса, но императрица возразила, что этот принц слишком молод; Тоб Тимур, по ее словам, пообещал Кушале оставить трон своему сыну, и она сообщила бывшему министру, что послала офицера навестить Куан си и как можно скорее привезти Тоган Тимура, старшего сына Кушалы, в Та ту.

Принцу в то время было тринадцать лет. В начале правления Тоб Тимура Путачели казнил императрицу Папучу, жену Кушалы, и отправил ее сына, Тоган Тимура, на остров у берегов Кореи с приказом никому не позволять приближаться к нему. По прошествии года появилось сообщение, что Тоган Тимур был сослан, потому что он был истинным и законным наследником империи. Тоб Тимур заявил в ответ, что у Кушалы не было детей в Монголии, следовательно, Тоган Тимур не был его сыном. Но он вернул мальчика обратно и отправил его жить в Куанг си на Юге Китая

Когда Тоган Тимур был в нескольких лигах от столицы, Ян Тимур с принцами и знатными людьми отправился ему навстречу. Но, мало удовлетворенный приемом, оказанным ему Тоганом и сопровождавшими его лицами, Ян Тимур отложил восшествие на престол. Будущий император увидел свою ошибку и попытался исправить ее, женившись на Пэю, дочери Ян Тимура. Во время обсуждения этого вопроса и улаживания его деталей, министра поразила смерть. С момента прихода Тоб Тимура к власти этот министр был всемогущим; каким бы[393]могущественным ни был человек или комбинация людей, они не смогли успешно противостоять ему; он во всех случаях делал то, что хотел; он заставил вдову Иссун Тимура, императрицу, выйти за него замуж и осмелился взять сорок принцесс, происходящих от Чингиса, великого завоевателя, и сделать их своими наложницами; некоторых из них он удерживал у себя всего три дня. Его смерть, ускоренная невоздержанностью и пьянством, обеспечила трон сыну Кушалы. Императрица опубликовала последнюю волю покойного императора, и Тоган Тимур немедленно стал сувереном, пообещав потребовать от императрицы, чтобы Ян Текус, ее сын, стал его преемником.

Новый император стремился к роскоши и удовольствиям, и он никому не оказал никакой услуги. Пейен стал министром, а Сатун - главнокомандующим армией. Сатун, старший брат Ян Тимура, умер вскоре после того, как вступил в должность, и ему наследовал Тан Кичи, старший сын этого известного министра и, следовательно, брат Пэя, молодой императрицы. Тоган Тимур, желая теперь завоевать могущественную семью Ян Тимура, возвел Пэю в самый высокий ранг, возможный для женщины. Тан Кичи, вспыльчивый и завистливый по натуре, пришел в ярость, увидев, что Пейен самостоятельно решает высшие вопросы, поэтому он организовал заговор с целью возвести на трон Хоан хо Тимура, внука императора Мангу и сына Ширеки.

Заговорщики, среди которых вместе с Тан Кичи были Таргай, его брат, и Талиентали, дядя Тан Кичи, планировали выделить войска и захватить летний дворец Шан ту. Пейен, проинформированный об этом заговоре принцем крови, отдал приказ арестовать Тан Кичи и

Таргая во дворце. Тан Кичи, пытавшийся защититься, был зарублен там, где его нашли. Таргай бежал в апартаменты своей сестры, императрицы, которая пыталась скрыть его своими одеждами; но ей это не удалось, потому что люди, охотившиеся на Таргая, не заботились о ее скромности, поэтому он был обнаружен и забит саблей до смерти в ее присутствии. Самой Пэю пришлось не лучше, поскольку Пейен получил от императора приказ убить ее и назначил себя палачом.

Когда Пэю увидела, как он входит в ее покои, она догадалась, чего он хочет, и, бросившись в покои императора, стала умолять его сохранить ей жизнь. Мало тронутый слезами своей супруги, Тоган Тимур очень холодно ответил, что ее дядя и братья составили заговор против него, и он ничего не сделает, чтобы спасти ее. Ее увезли[394]из дворца в какой-то дом, где Пейен собственноручно убил ее. Талиентали защищал свою жизнь с оружием в руках, пока не бежал в особняк Хоан хо Тимура, где охотники за кровью убили его. Хоан Хо был вынужден наложить на себя руки и стать собственным палачом. Таким образом, великая семья Ян Тимура, покойного министра, была уничтожена.

Однодневные императоры, дворцовые трагедии, убийства, гражданская война и слабость наконец взбудрили китайцев, и они начали сбрасывать монгольское иго. Восстания вспыхнули в Хэнане, Су чуане и Куанг дуне одновременно; они были подавлены в самом начале. Монгольский двор стал относиться к китайцам с большим подозрением. В 1336 году он запретил им иметь лошадей и оружие и запретил им пользоваться языком монголов, их хозяев.

Пейен, всемогущий министр, достиг теперь вершины своего влияния и приближался к своей гибели. У этого человека хватило смелости предать смерти без ведома императора принца крови Цзинхисов и сослать двух других. Амбициозный и безжалостный, жадный и наглый до предела, он навлек на свою персону ненависть всех, кроме императора и его собственных инструментов и созданий. Тоган Тимур вообще ничего не знал о деятельности Пейена, поскольку его строжайше охраняли слуги этого министра, которые всем, что у них было, были обязаны своему хозяину. Удар был нанесен в 1340 году собственным племянником Пейена, Токтагой. Этот человек, простой офицер гвардии, взялся объяснить императору истинное положение дел в стране и преуспел. Принятые тайно меры обеспечили падение Пейена. Был выбран момент, когда министр отсутствовал на охоте; когда он вернулся, ему не разрешили вернуться в столицу. Его отправили в ссылку в Южный Китай, и он умер, как обычно умирают изгнанники, в пути. Его брат, Мачартай, занял его место в качестве первого министра.

В том же 1340 году император убрал из зала императорских предков табличку Тоб Тимура и исключил из своего двора вдову императрицу. Он также сослал в Корею Янг Текуса, к которому до того времени относились как к наследнику. Это действие объяснялось указом, который по существу был сформулирован следующим образом: “После смерти Кулук-хана императрица, поддавшись интригам, отстранила от двора Кушала-хана, моего родного отца, и сделала его принцем Юньнана, чтобы избавиться от него. Когда Шуди Бала (Геген-хан) был убит, трон был передан Кушале, который для безопасности [395]удалился за пределы пустыни Гоби. Пока мой отец возвращался, правление было предложено Тоб Тимуру, который согласился при условии уступить Кушале по прибытии последнего. Тем временем он отправил печать Империи будущему императору, который направлялся в свою столицу. Мой отец, чтобы вознаградить очевидное рвение своего брата, назначил его преемником. В уплату за это Тоб Тимур и его сторонники отправились навстречу императору и стали причиной его смерти, оказывая ему при

этом знаки большой доброты. Затем мой дядя взошел на трон во второй раз. Нарушив слово, данное моему отцу, он назначил преемником своего собственного сына. Он казнил императрицу Папучу, а меня отправил в изгнание в отдаленные края. Он даже пытался доказать, что я не сын Кушалы. Небеса хорошо наказали этого человека за столькие проступки, отняв у него жизнь. Путатели, злоупотребив властью, возвел на трон в ущерб мне семилетнего ребенка, моего родного брата. Когда он умер, великие люди и принцы передали мне власть, которая причиталась мне как старшему сыну императора Кушалы. Моей первой заботой было очистить двор от интриганов, которые дышат только убийствами и раздорами. Исполненный благодарности за милость Небес, я не могу поддержать тех, от кого отвернулось их правосудие. Пусть правый трибунал отправится в зал императорских предков и заберет оттуда табличку Тоб Тимура; пусть Путатели будет лишена титула и императорского удела и передана Тонг нган чиу; пусть Ян Текус отправится в Корею в изгнание; пусть все остальные, кто разделил эту тайну преступления и все еще жив, понесут наказание, соответствующее их преступлениям”.

Ян Текус был отправлен в Корею под командованием Юэ Кусара, мандарина, который покончил с собой в путешествии. Путатели был отправлен в назначенную ссылку и вскоре после этого умер там. Опасаясь, что люди могут приписать эти жестокие действия его советам, министр Мачартай, который не одобрял их, подал в отставку, и его место заняли Токтага, его сын, и Тимур Буга.

В это время были завершены летописи династий Ляо, Кин и Сун. Хубилай в начале своего правления повелел написать мемуары о первой и второй из этих династий, которые были официально учреждены, а после ее падения - также мемуары о династии Сун. Он также хотел бы, чтобы данные, на которых они были основаны, стали частью этих летописей. Эти работы, которыми пренебрегали, несмотря на его приказы и приказы его ближайших[396]преемников, лишь немного продвинулись вперед, когда Тоган Тимур стал императором. Чтобы завершить их, он учредил под руководством Токтаги комиссию из самых выдающихся ученых Империи. Эти люди составили летописи этих трех династий. Кроме того, в этих работах были календари; методы астрономических исследований; списки великих людей и их биографии; списки книг, опубликованных учеными; а в "Истории Сун" - библиотека книг по всем предметам. Там также были статистические данные, касающиеся нескольких зарубежных стран, и подробное описание государств, платящих дань уважения династиям.

По прошествии трех лет Токтага, испытывая отвращение к придворной жизни, ушел в отставку. Когда его спросили о преемнике, он порекомендовал Алуту, потомка в четвертом поколении от Бурчу, первого человека из соратников Чингисхана и одного из четырех его самых храбрых воинов. Алуту при вступлении в должность сослал Мачартаи и Токтагу. В 1347 году его место занял Пирки Буга, сын министра Агутая, который был казнен по приказу Кулук-хана. Этот последний человек занимал это место всего несколько месяцев. Турчи, его преемник, потребовал в качестве коллеги Тай пина отозвать Токтагу, чей отец, Мачартай, умер в изгнании. Токтага не замедлил вернуть расположение императора, которым он воспользовался, чтобы отправить Тай Пина, которому он завидовал, в изгнание.

Все это время восстание быстро распространялось по Южному Китаю. В 1341 году два частных лица собрали войска в Ху куане и захватили много городов. Недовольство в Шаньдуне усилилось, в то время как банды разбойников опустошали другие регионы. Вождь пиратов Фанг кве чин совершал набеги на побережья Че кианг и Кианг нана. Этот человек плавал вверх по

южным рекам, грабил города и разорял торговлю, специально обращаясь к сосудам, наполненным зерном, рисом и различной провизией, предназначавшимися для столицы. Монголы, казалось, не обратили внимания на эти самые ранние нападения, и беспорядки разрастались очень быстро. Те, кто их поднял, воспользовались масштабными общественными работами, проведенными правительством в 1351 году.

Ущерб, нанесенный наводнениями Хоанг Хо, вызвал план открытия нового русла для части реки. Была предпринята насыпь длиной в восемьдесят лиг. На этих работах было занято более семидесяти тысяч человек, либо воинов, либо людей, живших на обоих берегах реки или поблизости от них. Повстанцы завербовали нескольких впечатленных рабочих, а также мужчин, чьи земли[397]были отведены для нового русла реки, и которые должны были найти землю в других местах. Новые налоги, введенные для выполнения этих работ, усилили недовольство.

Хань чан тун, малоизвестный частный человек, видя брожение умов, распространил сообщение о том, что Фохи (Будда) теперь явился, чтобы освободить китайцев от монгольского гнета. Он поднял восстание в Хонане, Киангнани и Шан тунге, но главные лидеры, зная, что эта история не будет принята, если ее не подкрепить, объявили миру, что Хань чан тунг был из династии Сун и восьмым по происхождению от Хвэй цзуна. Они принесли ему клятву, принесли в жертву черного быка и белого жеребца. Затем они выбрали красную шапочку в качестве знамени. Однако этому претенденту на Санг блад очень не повезло. Подвергшись нападению монголов, он был схвачен и убит ими, но его жена и сын, Хан линь улх, бежали и продолжили борьбу.

Первое поражение не повергло этих повстанцев. Их главный вождь, Ляу фу тонг, захватил города в Кианг-нань и перешел затем в Хэнань с многочисленной армией. Другие вожди зачислили недовольных в Кианг нань и Ху куанг и дали им красную фуражку в качестве знамени. Один из вождей повстанцев, Сиу чиу Хвэй, был провозглашен императором в Ки чиу, городе в провинции Ху куан, и он дал титул Тянь ван династии, которую стремился основать.

После слабого сопротивления монголы оставили весь регион Янцзы. Теперь появилась комета, и повстанцы широко распространили слух, что это предвещает скорое падение Тогана Тимура. Монгольское правительство, чтобы примирить людей, имевших наибольшее влияние на людей, допустило на всевозможные должности тех китайских ученых на юге, которые до тех пор могли действовать только в вопросах, касающихся литературы и торговли, и были совершенно непригодны для военного командования.

Правительство направило в Хонан армию под командованием Есена Тимура, брата Токтаги, премьер-министра, и сослало на далекий север Юнга кве, истинного потомка семьи Сун, с приказом не позволять ему общаться ни с кем. Это было сделано с тех пор, как большинство вождей повстанцев скрыли свои честолюбивые планы под предлогом возведения принца на трон его отцов.

Сю чиу хвэй продолжал свои триумфы и, чтобы надежнее привязать людей к своему богатству, позволял им грабить все захваченные им города. Он захватил Хань яна и Ву Чанга в Ху куанге, а также[398]Киу кианг на севере Кианг си. Он победил короля Фань чи и овладел Ханг чау, который династия Сун когда-то сделала своей столицей, но монгольский генерал Тун Пу Сяо переправился через Ян цзе и, осадив Ханг чау, вернул его после отчаянной резни. Есен Тимур, который был послан для подавления восстания в Хэнане, потерпел поражение от Ли фу туна, удалился в Кай фонг фу и, таким образом, оставил поле боя повстанцам. Этот некомпетентный

генерал получил выговор, и вскоре после усиления восстания император заменил его своим братом Токтагой. Токтага, возглавляя силы Хонана, разгромил повстанцев близ Пэ суй чиу, но Синг ки, командовавший всеми имперскими войсками в регионах Ян цзе, потерпел поражение и расстался с жизнью в битве с новой повстанческой армией.

Фан кве чин, предводитель пиратов, был очень активен. Он продолжал захватывать корабли, плывущие на север, и таким образом лишил Та ту припасов из Южного Китая, а также дани. Кроме того, он самым вероломным образом убил Тай Бугу, генерала. Поэтому правительство, очень желая заполучить смелого, деятельного пирата, поручило Тай ли Тимуру посоветоваться с ним. Пират заверил, что подчинится и распустит свои войска, если он вместе со своими братьями, числом в два человека, будет произведен в мандарины пятого класса. Тие ли Тимур, обрадованный этим предложением, подарил трем братьям Хиу чин, Куанг те и Сиу чиу в провинции Че кианг. Пират, однако, по причинам, известным только ему одному, отказался от этих мест, когда пришло время их занимать, поднял паруса и исчез со своим кораблем и головорезами.

В 1354 году Чан се цзин, новый мятежник, появился в Кианг-нань, и хотя все его войска были новобранцами, он разгромил Тачи Тимура, который был послан, чтобы сокрушить его. В этот момент первый министр Токтага напал на Чан сэ Цзина, основательно избил его и отвоевал захваченные им города. Но пока Токтага возмещал потери своего государя, его собственный коллега в столице разорял его. Хама и Сью Сью, два брата, печально известные своим распутным поведением, стали влиятельными лицами в советах императора. Это были турки-канкали, авантюристы в худшем смысле этого слова, закоренелые распутники и насквозь вероломные. Придя к власти, Токтага оккупировал Хаму, а затем назначил его министром. Очень скоро этот новый министр стал независимым от Токтаги и с каждым днем приобретал все большее влияние. В свое время он нашел поддержку в Ки, императрице, корейской принцессе^[399] по происхождению. Она была любимой женой Тогана Тимура и матерью предполагаемого наследника. Хама также быстро стал служить наихудшим наклонностям своего государя и населил дворец своими приспешниками, юными развратниками, склонными ко всяческому беспорядкам, и тибетскими ламами, которые практиковали все виды магии и придерживались чрезвычайно гротескных суеверий. По наущению этого человека цензоры Империи обвинили Токтагу в том, что он брал для собственного использования или раздавал своим фаворитам средства, предназначенные для войны и государственной службы. Токтага, победитель, столь необходимый в этот кризис, был лишен своего сана и отправлен в изгнание в Хоайнан, а перед уходом был вынужден передать свое командование генералам Юэ юэ и Юэ Кутчару.

Тем временем Сю чиу хвэй, называвший себя императором, был хозяином У-чанга, главного города великой провинции Ху-кван. Желая также захватить Мьен яна, он поручил эту услугу Ни вэнь цзюню, одному из своих лучших лидеров. Принц Вэй чунь, командовавший этим регионом, послал своего сына Поан ну выступить против этого вождя повстанцев, но барки Поан ну, будучи тяжелыми, застряли на мелководье Хань чуэня, где повстанцы сожгли флотилию огненосными стрелами. Поан ну погиб вместе со многими своими воинами, а Мьен ян был потерян для монголов.

В следующем году (1356) Ни вэнь цзун взял Сян ян и завоевал область Чон лин, после того как он победил Тур чи пана, монгольского генерала.

Из-за большого расстояния эти неудачи на Юге поначалу привлекли незначительное внимание в Та ту или любом другом месте, но когда повстанцы Хонана совершили набег на районы к северу от Хоанг-Хо, в столице воцарился настоящий ужас. Войска были отправлены в Хонань, Шэнь си и Шань дун как можно скорее. Ляу фу тун, вождь хонаньских красных шапок, думал, что усиливает своих сторонников, провозгласив Хань линь уля, сына Хань чан туна, первого претендента, законным сунским императором. Этот принц принял титул Мин ван и основал свой двор в По чиу в Хонане.

Монгольский двор, опасаясь, как бы имя Сун, столь дорогое китайцам, не встревожило их, поспешил направить против претендента армию под командованием Тахе Бахадура. Этот генерал встретился с Ляу фу тонг и потерпел поражение. Лю хала Буга, которого послали со вторым корпусом на поддержку побежденного, напал на лидера повстанцев и победил его. Теперь он получил главное командование из-за [400]своей победы и, двинувшись прямо к По чиу, он настиг и снова разбил Ляу фу тонга, который бежал за помощью к Нган фонгу и забрал с собой своего Императора.

После опалы Токтаги Хама был назначен первым министром, а Сью Сью, его брат, главным цензором Империи. Теперь вся власть принадлежала этим двум братьям. Поскольку Хаме, как он думал, нечего было бояться, кроме возвращения Токтаги, он приказал убить покойного министра на месте его ссылки. Но вскоре, заметив, что Империя очень быстро приходит в упадок, а государь развращен до такой степени, что не может раскаяться, в результате чего сам Хама внес огромный вклад, он подумал о средствах излечения от окружающего его зла и решил возвести на трон предполагаемого наследника, человека остроумного и эгоистичного. Этот замысел был раскрыт, и Хама был приговорен к изгнанию, а в 1356 году его враги задушили его.

В 1355 году появился человек, которому было суждено уничтожить монгольское владычество в Китае и основать династию Мин.—Чу юань чанг, буддист, а также священник, который сбросил свою рясу в Кианг-нань, чтобы стать простым воином под командованием Ко цзе лина, вождя повстанцев. Этот Чу не замедлил создать партию. Постоянный успех в умеренных количествах принес ему много сторонников, и его известность росла с каждым днем. Подойдя к реке Ян-цзе, он был встречен жителями Тайпина как свой спаситель. После того, как он захватил Нань кинга, Ян Чиу и Чин кианга, он осадил Чан чиу недалеко от устья реки. Этот город удерживали войска Чан се Цзина, который сам не присутствовал. Этот лидер повстанцев, хотя и потерпел поражение от Токтаги, восстановился благодаря небрежности монголов и стал хозяином многих городов. Чан сэ цзин послал своего брата Чан сэ те на помощь Чан чиу, но этот брат потерпел поражение и попал в плен.

Чан сэ цзин написал письмо будущему императору Китая и умолял его прекратить осаду и освободить Чан сэ дэ, обещая взамен стать его вассалом и выплачивать большую ежегодную дань зерном, золотом и серебром. Чу, убежденный в совершенном вероломстве Чан сэ Цзина, крепко держался за своего пленника и захватил город.

На Севере приверженцы Мин вана, псевдоимператора династии Сун, опустошившего Шен си и Хонань, были разбиты в Шен си монгольским генералом Чаганом Тимуром. Ляу фу тун, первый министр Мин вана, овладел большей частью Хэнаня и теперь хотел захватить Кай фонфу, столицу Хэнаня, и [401]основать в этом месте двор своего государя. Два армейских корпуса, которые он послал в Шаньдун, учинили большие разрушения. Пэ пу син, командир одного из отрядов этих воинов, вошел в Шэнь си несколько позже, захватил Цинь лун вместе с Конг чаном

и осадил Фонг циан. Чаган Тимур, который поспешил спасти этот город, застал врасплох Пе пу сина и захватил его багаж. Пе пу син бежал в Су чуань и таким образом спас себя. Силы повстанцев, ворвавшиеся в Шаньдун и захватившие множество городов, разгромили Талиму чели и осадили Ци нань, главный город Шаньдуна и его столицу.

Когда Тун тоан сяо прибыл из Хэнаня с монгольской дивизией, он разбил повстанцев у стен Цин наня, а затем покинул это место; но едва он успел уйти, как Мао квэ, командовавший псевдосунскими войсками, напал на этот центральный город Шаньдун и захватил его. Затем он погнался за Тонг тоан сяо, соединился со своими войсками и убил его в бою. После этой победы в 1357 году Мао кве захватил город Хо киен и совершал набеги на самую окраину Та ту, столицы Монгольской империи. Некоторые члены совета считали, что императору следует немедленно уйти из Та ту, но министр Тай Пин воспротивился этому и вызвал Лю кара Буга, хорошего генерала, который победил Маок ве и заставил его вернуться в Цин нань, который он захватил. В то время как один из его отрядов угрожал столице таким образом, Ляу фу тун захватил Кай фонг фу, из которого губернатор внезапно ушел. Затем Ляу фу Лун установил своего императора в этом городе, который был резиденцией династии Кин незадолго до ее падения. Затем он отправил к северу от Хоанг-Хо две дивизии воинов под командованием Кван сиен сенга и По те у пана, которые разорили Шан-си на большей части территории. Первый из этих вождей предпринял долгий путь на север, к Ляо туну, столицу которого, Ляо ян, он разграбил и даже коснулся границы Кореи во время опустошения. Повернув назад, он совершил долгий поход к большой летней резиденции императора Шанг ту, которую захватил и разграбил; его воины сожгли великолепный дворец Хубилай-хана в этом городе.

На Юге Сиу чиу хвэй стал хозяином большей части Ху кванга и части Кианг си. Чу юань Чан, грядущий император, укрепил свои позиции в Кианг-нань и приступил к завоеванию Че-кианга в его восточной части. Он получил подчинение пирата Фанг кве чина, которому на Западе угрожал[402]Чан се чин, а на юге - Чин ю тин, мастер в Фу киене, и который предпочел быть вассалом человека, которому доверял. Пират согласился выдать Вэнь чау, Тай чу и короля юэня в южном Че кианге, когда они придут к нему; он также послал своего сына Фан квана в качестве заложника. Чу, поверив слову этого пирата, отправил своего сына обратно к нему, и, получив вышеупомянутые округа, вернулся к Нань кингу, где сформировал сильный совет для управления этими недавно завоеванными местами.

В то время как Чу юань Чан, таким образом, увеличивал и укреплял свою власть, раскол быстро ослаблял две другие партии. Жизнь Мао Квэ, сунского генерала, отнял его коллега Чао гюн ен. Чтобы отомстить за Мао квэ, Сю ки цзы немедленно отправился из Ляо яна и настиг Чао киун юна в Юйту, где сразу же нанес ему удар и убил его. Разногласия были еще более распространены среди сторонников Сиу чиу хвея. Чин ю лян, генерал этого основателя будущей династии Тянь-ван, только что захватил Син чиу (Kuang sin) на восточной границе Киангси после осады, которая прославилась отчаянным сопротивлением (1358). Защитниками руководили Та чин ну, потомок Чингиса, и Бейен Буга, потомок идикута уйгуров. Оба эти человека погибли в смертельной схватке. Провизии в гарнизоне стало настолько мало, что воины питались мясом тех своих товарищей, которые погибли. Наконец, они убили всех жителей, которые из-за возраста или слабости не могли помочь в обороне, и использовали их в пищу. В конце концов, это место было захвачено с помощью подземного хода. На этом этапе Сю чиу Хвэй пожелал перенести свою столицу из Хань яна в Нань чан фу, недавно завоеванный, хотя генерал, который был с ним, воспротивился этому, опасаясь ослабления его влияния.

Претендент отправился через Киу кианг. Чин ю лян вышел ему навстречу под предлогом оказания большой чести, но когда Сю чиу хвэй вошел в Киу кианг, ворота за ним быстро закрылись, и войска, молча ожидавшие в засаде, перерезали его слуг. Чин, теперь хозяин особы императора, пощадил его жизнь и титул, но заключил в тюрьму и назвал себя принцем Хань. Несколько позже он двинулся на Тайпин со своим пленником и, захватив этот город, забил Син чиу ломом до смерти на его барже.

Теперь Чин провозгласил себя императором, назвал свою династию [403]Хань и вернулся в Киу кианг, откуда он приступил к своему предприятию.

Чаган Тимур, монгольский военачальник, видя, что отряд Сун разделился, планировал теперь захватить короля Нань вместе с Ляу фу тонг и его императором. Он так организовал марш трех своих армейских дивизий, что они прибыли по разным дорогам одновременно. Таким образом, Нань Кинг внезапно оказался в затруднительном положении. Он отрезал все запасы провизии, намереваясь ослабить город или, возможно, захватить его голодом. Когда он увидел, что провизия в Нан-кинге иссякла, он предпринял генеральную атаку ночью, взобрался на стены и захватил это место. Ляу фу тонг бежал в Нган фонг вместе со своим императором.

В 1353 году Тоган Тимур объявил Айючелиталу своим наследником и объявил всеобщую амнистию. Семь лет спустя наследник по согласию Ки, императрица, его мать, пожелала, чтобы Тай Пин, первый министр, убедил Тогана уйти в отставку и оставить ему власть. Министр не стал бы проводить этот эксперимент, поэтому они стремились уничтожить его. Наследник отравил нескольких сторонников министра, чтобы ослабить его. Тай Пин, подвергавшийся тогда каждому удару дерзкого заговорщика, ушел из своего кабинета. После этого власть перешла к евнуху Па пу хва и Чо се киену, двум печально известным людям, которые не думали ни о чем, кроме увеличения собственного богатства и авторитета, и которые держали слабого и распущенного императора в полном неведении обо всем, что его окружало.

Представляет интерес ссора между двумя монгольскими военачальниками в этот критический момент: Чаган Тимур, действуя в Шан си, отбил Цин ки у повстанцев. Поло Тимур, губернатор тайдунфу, заявил, что этот район принадлежит его провинции и не должен быть отделен от нее. Поэтому он двинулся с войсками, чтобы занять это место. Чаган запротестовал. Император установил границы, и генералы удалились, каждый в назначенный ему регион. Едва они подчинились, как император приказал Чагану уступить Ки нина своему сопернику, но Чаган ответил, что Ки нин нужен для защиты Кай фонг фу, и, собрав своих воинов, двинулся теперь против Поло. Снова поступил приказ от императора; движение было остановлено, и губернаторы сложили оружие, хотя и неохотно.

В том же 1360 году на Севере поднялась буря, которая поначалу казалась гораздо более опасной, чем восстание в Китае. Не раз император приказывал принцам своей семьи помогать[404]ему войсками для защиты его владений; но теперь один из этих принцев, Али хвей Тимур, седьмой по происхождению от Уготая, попытался захватить трон для собственного использования, вместо того чтобы помогать его обладателю. Этот принц продвигался с подмогой, но, находясь в нескольких днях пути от Великой Китайской стены, он заявил, что император Тоган Тимур бессилен сохранить то, что он получил от своих предков; что он уже потерял больше половины этого. Затем Али Хвей предложил императору уступить то, что осталось от наследства. Тукиен Тимур, которого император послал сокрушить этого смелого мятежника, был разбит и отступил на Шанг ту в поисках убежища. Монгольский двор был в

ужасе и спешил собрать войска, но в этот момент мятежный принц был предан своими же людьми и передан императорскому генералу, который приказал немедленно предать его смерти.

Чаган Тимур, отвоевав Хэнань, разместил гарнизоны в главных городах, а затем перешел к Шаньдуну, чтобы вернуть его монголам. Достигнув этой провинции, он получил подчинение Тянь фонга и Ван се Цзина, двух вождей повстанцев. Он разделил свою армию на несколько корпусов и отправил их в бой со всех сторон. Он сам отправился в Цин нань, главный город, или столицу, чтобы осадить его, и занял это место после трехмесячных вложений. После этого он напал на У-ту, единственное место, где на тот момент, в 1362 году, оставались повстанцы. Тянь фонг и Ван се Цзин теперь раскаивались в том, что помогали этому проницательному вождю монголов, поэтому они замыслили его казнь. Тянь фонг пригласил генерала на смотр своей армии, и Чаган Тимур, который считал Тянь фонга лучшим среди всех своих приближенных, взял с собой всего дюжину слуг. Едва он вошел в палатку своего хозяина, как Ван се Цзин нанес ему смертельный удар. Затем двое друзей поспешили со своими войсками и вошли в Юйту, как было условлено с губернатором. Куку Тимур, усыновленный сын убитого, унаследовал его достоинства и титул и продолжил осаду Юйту, повинаясь императору. Он яростно атаковал это место и, встретив сопротивление столь же храброе, как и наступление, принялся рыть туннели, и рыл до тех пор, пока сам не проник в этот город и не взял его. Главари мятежников он отправил к императору, но Тянь фонга и Ван се чина он поберег для своей личной и изысканной мести. Он привел их связанными и живыми к гробу Чагана Тимура и там вырвал их сердца, которые затем предложил духу своего отца. Все[405] войска этих людей, которые последовали за ними в город, были преданы мечу без исключения.

Теперь в Су чуане появился новый император, офицер по имени Мин ю чин, которого Сиу чиу Хвэй послал завоевывать эту провинцию незадолго до того, как его забили до смерти ломом. Мин юй Чин, узнав об убийстве своего господина, совершил самостоятельные завоевания и закончил захватом столицы Су чуань, где провозгласил себя императором и назвал свою династию Хиа.

Теперь началась война между Чу юань чаном, грядущим императором Китая, и Чин юй ляном, тем искателем Империи, который, будучи генералом, забил до смерти ломом своего собственного будущего императора, Сиу чиу Хвэя. Чин захватил Тай Пин и продвинулся к землям короля Нань. Чу Юань выступил против него, и когда он захватил короля Нань, он нашел Чина недалеко от Киу кианга и разбил его армию вдребезги. Чин бежал в У Чанг. Чу Юань захватил Киу кианг, а затем Нань чанфу. Овладев этой столицей, он получил подчинение от главных городов Киангси. Чин, желая вернуть Нань Чан фу любой ценой, снарядил огромное количество кораблей и осадил город, на который он жестоко давил, надеясь занять это место до того, как Чу юань Чан сможет появиться с подмогой; но те, кто командовал, доблестно оборонялись и смогли уведомить Чу Юаня об опасности. Чу Юань отплыл от короля Нань, чтобы помочь им со своей флотилией, неся на себе многочисленную армию. Чтобы отрезать врагу путь к отступлению, он расположил все свои корабли близ Ху киу, где озеро Поян впадает в Кианг си через канал. Чин, осаждавший Наньчан восемьдесят пять дней подряд, сразу снял осаду и вошел в озеро, где встретился с флотилией Чу. Битва бушевала три дня, когда Чин, потерявший большую часть своих кораблей, был убит стрелой. Чин чан ул, его старший сын, названный им преемником, был взят в плен, а его главные офицеры сдались победителю. Чин ли, второй сын, бежал к У Чаню и провозгласил себя императором; но, оказавшись в осаде и видя, что его дело

в полном хаосе, он сдался, не спрашивая условий. За сдачей этой столицы Ху куана последовала сдача провинции. Завоевание теперь стало легким благодаря репутации Чу Юаня как человека снисходительного и дисциплинированного в своей армии.

Перед этой кампанией, уничтожившей будущую новую династию [406]Хань, Чу Юань, узнав, что Чан сэ Цзин и Лю чин захватили Нган фонг, где жил император Сун, и что они убили Ляу фу туна, его командира в этом городе, двинулся к нему и победил Лю чина. Передав затем командование своей армией своему генералу Су та, Чу в 1366 году поручилему инвестировать Хиу-чиу. Монголы отбили Нган фонг после ухода Чу юань чанга.

Теперь среди монголов вспыхнули новые смуты, и первая казалась самой серьезной: после убийства Чагана Тимура, единственного человека, который мог восстановить власть монголов в Китае, Поло Тимур, его противник, попытался захватить Цин ки и, несмотря на неоднократные приказы императора, послал войска занять это место. Эти войска были разбиты Куку Тимуром, сыном Чагана. Затем Поло Тимур отказался, но вскоре другое событие вооружило его даже против императора. Слабость государя благоприятствовала группировкам, и наследник, беспринципный и амбициозный, принимал активное участие в борьбе соперников. Чо се кьен, первый министр, убедил наследника в том, что многие великие люди, которых он назвал, готовы восстать; затем он убедил его уничтожить их. Принц обвинил этих людей перед своим отцом и благодаря своей настойчивости навлек смерть на двух ведущих персон.

Чо се кин и евнух Па пу хва, связанные друг с другом преступным заговором, теперь опасались, что Тукиен Тимур, друг двух мужчин, только что убитых без причины, может отомстить за них, поэтому они решили уничтожить и Тукиена. Против него возбудили уголовное дело. Поло Тимур призвал защитника действовать в его пользу. Наследник, разгневанный такой дерзостью, обвинил самого Поло в соучастии с Тукьеном и лишил его должности. Поло отказался сложить командование, и его враг Куку Тимур был послан, чтобы сдержать его. Поло знал, что этот приказ был отдан без ведома императора, и побудил Тукиена совершить ложный выпад в сторону столицы, поэтому он захватил крепость Киу ен кван. Они хотели заставить императора изгнать человека, который завладел им. Е су, командовавший местечком рядом с этой крепостью, напал на Тукиен Тимура, но его силы были полностью разбиты. После этого наследник, не чувствуя себя в безопасности в столице, бежал на север в поисках безопасности. Теперь Тукиен продвинулся к реке Цинхоэ, где остановился, чтобы дождаться[407]. Он заявил, что Поло Тимур, по приказу которого он действовал, и не помышлял о невыполнении долга перед императором, он просто хотел избавить своего государя от Чо се кьена и Па пу хва, двух предателей; он уйдет в отставку в тот момент, когда эти злейшие враги императора будут переданы ему. При дворе долго размышляли над этим предложением, были выдвинуты встречные предложения, но Тукиен остался непреклонен и ушел в отставку только после того, как ему передали двух министров и Поло Тимур был восстановлен в должности.

Монгольское владычество в Китае пало, и вокруг Шан ту бушевала гражданская война. Наследнику, тоже мятежнику, император приказал вернуться в Та ту. Он подчинился, но если бы он это сделал, то просто собрал бы армию и послал ее под командованием Куку Тимура напасть на Поло в Тай тунфу, его штаб-квартиру. Поло, оставив людей защищать это место, поспешил к Та ту с основной частью своей армии. Наследник продвинулся к реке Цинхоэ, но при виде многочисленной армии Поло его войска бежали в Та ту, и, не чувствуя себя в безопасности даже в этом месте, вышли через западные ворота, чтобы присоединиться к Куку Тимур,

находившемся тогда недалеко от Тай юэньфу, столицы Шан си. Наследник последовал за ними. Когда они ушли, Поло вошел в Та ту и, направляясь с группой своих генералов во дворец, пал к ногам императора и получил прощение за те поступки, к которым, по его словам, был принужден.

Тоган Тимур назначил его главнокомандующим и первым министром. Поло ныне, в 1364 году, казнил Толо Тимура, любимца императора и товарища по разврату; он изгнал из дворца легион паразитов, среди прочих настоящую когорту евнухов и целую толпу лам. По его просьбе император посылал наследнику курьера за курьером, требуя его возвращения водворец. Наследник, далекий от того, чтобы подчиниться, решил испробовать оружие против Поло, своего теперь уже всесильного противника. Недавний пример Тукиена Тимура был в данном случае наиболее уместен.

Когда Поло узнал, что наследник приближается, он арестовал императрицу Ки и заставил ее собственноручно отправить приказ, согласно которому она отзывала своего сына в столицу. Сделав это, он послал Тукиена в сторону Шан ту, чтобы противостоять монгольским партизанам наследника с той стороны. Он послал Е су, генерала, напасть на Куку Тимура и наследника, который был с ним. Е су не прошел и семи лиг к югу от Та ту, когда увидел, что офицеры в его[408]армии были недовольны Поло, поэтому он собрал главных, и на совете было решено больше не подчиняться этому первому министру. Поэтому они повернули обратно к Енпину на небольшое расстояние, после чего Е су сообщил Куку Тимуру и монгольским князьям о принятом ими решении.

Поло Тимур в отчаянии от этого отступничества послал против Е су Яо пэ ен Буга, своего лучшего полководца. Е су застал этого человека врасплох, разбил его армию на куски, взял его в плен и убил. Теперь Поло Тимур сам вышел на поле боя, но ливень, продолжавшийся три дня и ночи, помешал немедленным действиям, и он вернулся в столицу. Противодействие, с которым он столкнулся, сделало его настолько недоверчивым, что он казнил нескольких офицеров по подозрению. Стремясь утопить в вине свое печальное настроение и охватившее его горе, он стал одновременно свирепым и безжалостным. Не раз, находясь в таком настроении, он собственноручно убивал людей и вскоре стал всем ненавистен.

Хо Чанг, сын принца Вэйчуня, получил секретный приказ императора покончить с Поло и его сторонниками, и вскоре ему представился случай это сделать.

Поло, получив известие о захвате Шанг ту, победе над монгольскими приверженцами наследника, поспешил сообщить об этом императору, но как только он вошел во дворец, его остановили люди Хо Чанга, которые раскроили ему череп ударом сабли. Когда весть об этой смерти достигла армии Тукиена, офицеры дезертировали от своего генерала. Тукиен был арестован и немедленно казнен. Император отправил голову Поло наследнику в Ки нин с приказом явиться во дворец. Принц вернулся с Куку Тимуром, который стал главнокомандующим и первым министром. Наследник пытался заставить Куку Тимура убедить императора уйти в отставку в его пользу, и, не найдя министра сговорчивым, пришел в ярость. Император не желал отрекаться от престола, но он дал своему сыну власть, почти равную той, которой обладал он сам, сделав его наместником Империи. Куку Тимур пытался предотвратить это, но потерпел неудачу и был лишен своего сана. После этого он удалился в Шан си, где жил в крепости.

В то время как монгольский двор был раздираем раздорами, Чу юань Чан постоянно расширял свою империю. Он жил в Нань кинге, постоянно работая над установлением правительства, основанного на справедливости и порядке, как рекомендовали древние философы Китая. Тем временем[409]его генералы Су та и Чан юй чунь атаковали Чан си цзина, который еще был хозяином части Че кианга и Кианг нана. В 1366 году эти два выдающихся вождя одержали великую победу над Чан си цзином, взяли Хиу чиу, один из богатейших городов Че кианга, а также Ханг чау, столицу этой провинции. В следующем году они захватили Чан си Цзина в Пинляне и доставили его непосредственно к Нань кингу. Чу Юань дал этому человеку свободу в обмен на его слово, что он ни в коем случае не уедет из города. Чанг дал слово оставаться в нем, а затем повесился.

Мин юй Чин, провозгласивший себя императором династии Хиа, умер в 1366 году. Мин Цзин, его сын, которому было десять лет, унаследовал престол вместе со своей матерью в качестве регента. В том же году исчез Хань Линь ул, который утверждал, что принадлежит к династии Сун, и вместе с ним ушли его приверженцы.

Наконец Фанг кве чин подчинился. Этот вероломный пират отказался не только предстать перед Чу юань чаном и выслать дань, но и действовал против него на Севере в союзе с Куку Тимуром, а на Юге - с Чин ю тингом, который владел частью провинции Фу киен. Затем Чу послал своего генерала Тан Хо взять города Вэнь чау, Тай чу и кинг юэнь. При приближении его войск пират удалился на остров в море. Когда вскоре после этого все эти города открыли свои ворота перед Тан Хо, пират отправил своего сына с повинной, а также передал себя в распоряжение генерала, который отправил его к наньскому королю под конвоем.

Чу юань Чан предпринял теперь освобождение всего Китая. Су та, его великий полководец, и Чан юй чунь двинулись на север с армией, насчитывавшей четверть миллиона человек. В то время как Ху тин Шуй, третий генерал, победил Фу кьена и Куанг дуна, Ян кинг взял Кван си и удерживал его. Эти южные провинции, устав от притеснений со стороны чужаков, не оказывали никакого сопротивления. Прежде всего Су та и его коллега захватили страну между Хоай и Хоангхо, затем они пересекли последнюю реку и вошли в Шаньдун, провозгласив, что варвары, подобные монголам, не годятся для управления благородным народом, от которого они сами должны получить закон и порядок; что монголы завоевали Империю не своими заслугами, а с помощью Небес, данной намеренно, чтобы наказать китайцев. Небеса, разбуженные теперь преступлениями монголов, отняли у них власть, чтобы передать ее воину, исполненному добродетели и величия, воину, любимому и уважаемому всеми людьми, которые его знали. [410]

Генералы нигде не встречали сопротивления. Когда все шаньдуны подчинились, они перешли в Хэнань, где добились такого же успеха — ворота каждого города были открыты по их стандартам.

Тоган Тимур, напуганный стремительностью этих завоеваний, посылал курьера за курьером к Куку Тимуру, но этот полководец ничего не предпринял для спасения столицы; он держался в стороне и ушел в сторону Тай юэня.

Повелитель Китая Чу юань Чан провозгласил себя императором в Нань-кинге в первый день китайского года, в феврале 1368 года. Он дал своей династии имя Мин, что означает свет, и годам своего правления Хун у (удачливая война) - термин, применяемый также к самому этому

императору, который после своей смерти получил титул Тай-цзы, основатель или великий предок, который в Китае обычно присваивают основателю династии.

Чу юань Чан, новый император, оставил Нань кинга в августе 1368 года, переправился через Хоанг-Хо у Пиньиня и двинулся на столицу; все города добровольно подчинились ему. В то же время два его генерала вошли в Пэ чэ ли из Шаньдуна. В этот момент Че ли нянь, один из министров Тоган-Тимура, забрал из храма предков все таблички с именами монгольских императоров и бежал на север, наследник бежал вместе с ним. Тоган Тимур решил немедленно последовать за ним и, назначив Тимура Бугу своим наместником, назначил короля тонга защитником столицы. Затем, собрав принцев, принцесс и высокопоставленных чиновников, он объявил о своем решении удалиться в Монголию. В ту же ночь он отправился в Шан ту со своей семьей. Новый император Китая вскоре оказался у ворот Та ту, в которые он вошел после очень небольшой борьбы. Монгольскому владычеству в Китае пришел конец.

Теперь почти весь Китай принял императора династии Мин, и он приступил к завоеванию того, что все еще находилось под контролем монголов. Сделав это, он намеревался последовать за ними на родину и завладеть ею. Бежавший монгольский император Тоган Тимур не считал себя в безопасности в Шанг ту, поэтому он поспешил на север, в Инг Чанг на берегу озера Тал, где в 1370 году его жизнь подошла к концу. Он правил тридцать пять лет, и ему был пятьдесят один год.

Войска династии Мин захватили Инг Чанг и взяли в плен Майтилипалу, внука Тогана Тимура, а также многих принцев и принцесс и выдающихся личностей, которые все были увезены обратно в[411]Китай. Наследник благополучно бежал в Кара-Курум, который теперь стал единственной столицей монголов. Узнав, что этот принц собрал войска на своей родине и собирается вторгнуться в Китай, император династии Мин в 1372 году послал сильный отряд под командованием Су та, чтобы остановить его. Су та двинулся к реке Керулон и Туле, но не добился решающего преимущества. Куку Тимур, великий монгольский полководец, умер в 1375 году.

Монгольский наследник, умерший в 1378 году, принял титул Кха кана, Белого хана, то есть Великого хана. За ним последовал его сын Тукус Тимур, которому императоры династии Мин сделали комплимент по поводу его присоединения к суверенитету монголов, ныне изгнанных обратно на свою исконную родину. В последующие годы войска этого хана часто продвигались вперед, нарушая границы Китая, но в 1388 году новый император послал армию против Тукус-Тимура, который нанес ему сокрушительное поражение у озера Буюр. Его жены, второй сын и более трех тысяч офицеров были взяты в плен. Тукус Тимур был убит недалеко от Тулы, когда спасался бегством. Исудар, совершивший это дело, был принцем императорской семьи и захватил оставленный им трон. Амбиции других вызвали гражданскую войну, которая казалась постоянной. После долгих ссор и короткого правления верховную власть в 1403 году получил князь по имени Гольци. Его правление также было недолгим, поскольку он пал от руки наемного убийцы, и Буин Шара стал его преемником.

Когда в 1408 году император Китая предложил Буин Шара объявить себя вассалом, он отказался. Китайская армия вторглась в Монголию, но потерпела поражение под Тулой. Юнг Ло, третий император династии Мин, в 1410 году продвинулся с большой армией к реке Керулон. Принц Олотай, наместник Буин Шара, покинул его из-за честолюбия, удалившись на восток, к

реке Хайлар. Юнг Ло победил и принца, и его наместника, первого на реке Онон, второго на восточной границе Монголии.

Буин Шара был убит в 1412 году Махмудом, принцем уриатов, который посадил Далбека на трон монголов.

В течение двух столетий монгольские князья неустанно стремились вернуть утраченное господство; уступая Китаю, когда против них направлялись достаточные силы, или нападая на пограничные провинции Империи, когда эти провинции оставались без охраны.

Ближе к середине семнадцатого века, когда династия Мин была близка к своему падению, монголы были разделены на [412] группы под руководством различных мелких вождей, каждый из которых носил титул хан.

Калки находились на Севере, на родине монголов. К западу от них земли бывших найманов и уйгуров были заняты элеутами; чакары и ордосы жили в стране между Великой китайской стеной и пустыней Гоби. Династия Маньчжуров, которая в 1644 году завоевала господство в Китае, взяла под свою защиту сначала самых восточных монголов и калкасов. Укрепленная ими, она покорила чакаров, а позже ордос. Калкисохраняли до сих пор независимость, но после нападения элеутов они оказались вынуждены обратиться за помощью к маньчжурскому правителю Китая. В 1691 году император Кан Хи получил дань уважения от трех ханов Калки в сорока лигах к северу от Великой китайской стены. Наконец, к 1760 году сами элеуты были сокращены, так что большая часть собственно монголов сегодня подчиняется Китаю, в то время как остальные находятся под контролем России.

Какой бы замечательной ни была роль, сыгранная монголами в истории, роль, которую им еще предстоит сыграть, может быть гораздо большей. Насколько велика и разнообразна она может быть и какого характера - это секрет будущего.

КОНЕЦ.

[413]

[Содержание]

Колофон

Доступность

Эта электронная книга предназначена для использования кем угодно и где угодно, бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org.

Эта электронная книга подготовлена командой онлайн-корректоров по адресу www.pgdp.net.

Метаданные

Название:	Монголы: История	
Редактор:	Джереми Кертин (1835-1906)	Информация https://viaf.org/viaf/37277243/
Автор:	Теодор Рузвельт (1858-1919)	Информация https://viaf.org/viaf/44346731/
Дата создания файла:	2023-11-19 11:13:31 UTC	
Язык:	английский	
Дата оригинальной публикации:	1908	

История изменений

- Начался 2023-11-12.

Исправления

В текст были внесены следующие исправления:

Страница	источника	коррекция	редактирование расстояние
XI	сегодня	в день	1
Си	малоазиатскую	Малоазийская	1
XIII	thoropness	тщательность	3
XV	прошлое	прошло	3
XIX, XX, XX, XX	Чепе	Cheré	1 / 0
XIX, XXIII, 241, 241, 269, 316, 419	[нет в источнике]	,	1
XX	нерв	Мерва	1
XX	Чепе по	Cheré x	1 / 0
XXI	- багатур	Бахадур	1
XXI	Busugomid	Busurgomid	1
XXI	Mostereshed	Mostershed	1
XXII	создана	установить	2
XXII	Менсур	Мансур	1
XXIII	Palaelogus	Palæologus	2
5	оленины	оленина	2
22	Termudjin	Temudjin	1
22	Timudjin	Temudjin	1
23	[Нет в источнике]	”	1

25	Keraïts	Keraits	1 / 0
29	Kuichi	Kuichu	1
31, 67	[нет в источнике]	,	1
33	Далан-daljut	Далан-baljut	1
42, 42, 42, 42, 55, 55, 55	бурчу	Boörchu	1 / 0
45	козел	козел	1
46, 122, 189, 189, 207, 221	[нет в источнике]	.	1
48	штук дядя	двоюродного деда	1
51	тыс. язык	тыс. язык	1
63	Jemuka	Jamuka	1
68	Haraün	Haraun	1 / 0
81	Ноаї	Хоай	1 / 0
85	[нет в источнике]	Кин	4
93	Картей	Катай	1
99	Термид	называется	1
103	с	[удалено]	4
109	;	:	1
116	ООН	уд	1
140	Kurbeldjin	Kurbeljin	1
144	[нет в источнике]	;	1
179	Ogatai по	Ogotai по	1
181	Behaї	Behai	1 / 0
189	суверенными	государями	1
194, 194	Афганистан	Афганистан	1
205	Fatimides	Фатимидов	1
209	Isaphan	Исфахан	2
241, 379	,	.	1
245	ignominous	бесславной	1
250, 269, 274, 274, 274, 278, 289, 290, 290, 421	Säid	- Саиде	2 / 0
263, 269, 270	сказал	Саиду	1 / 0
271	покорителям	завоеватели	1
273	Halagu	Хулагу	1

276	мамлюки	мамлюки	1
276	Marmaluk	мамлюкских	2
283	Halagu по	Хулагу	1
285	Palælogus	Palæologus	1
289, 309	Juveïni	Juveini	1 / 0
289	Alaï	Алай	1 / 0
293	внучка	внучка	1
295, 296	Ogotai	Ogotai	1
311	offereng	предложение	1
339	Haoking	Хао король	1
346	Alihaya	Alihaiya	1
350	чины	чин	1
360, 376, 384	инстал	установить	1
399	Вей	Вей	1 / 0
413	Obedallah	Obeidallah	1
414	[нет в источнике]	39	3
414	43	32	2
418, 418, 418, 418, 419, 425	.	,	1
418, 420, 425	:	;	1
421, 426, 426	,	;	1
423	Саин	Saïn	1 / 0
423	Gumushteghin	Gumushtegin	1
424	[нет в источнике]	411	4
424	;	.	1